РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

На правах рукописи

Азаматова Гульназ Булатовна

Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Уфа – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ 24

§ 1. Историография темы 24

§ 2. Источниковая база исследования 66

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ 106

§ 1. Реализация земской реформы: ход, проблемы и их решение 106

§ 2. Земство как звено местного государственного управления 122

§ 3. Формирование земского представительства: закон и практика 151

ГЛАВА III. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УФИМСКИХ ЗЕМСТВ 189

§ 1. Земские собрания и управы как субъекты местного самоуправления 189

§ 2. Развитие практической земской деятельности 224

§ 3. Либеральные и революционно-демократические течения в земствах 265

ГЛАВА IV. ЗЕМСКИЕ ФИНАНСЫ 302

§ 1. Проблема модернизации земских сборов 302

§ 2. Формирование уфимскими земствами системы налогообложения 326

§ 3. Ход и результаты реформы муниципального налогообложения по Правилам 1893 г. в Уфимской губернии 351

ГЛАВА V. МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЗЕМСКОЙ СИСТЕМЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ 371

§ 1. Земство и этноконфессиональная среда: проблемы взаимодействия 371

§ 2. Земская модель школьного просвещения башкир и татар 395

ГЛАВА VI. ЗЕМСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТАКЛИЗМОВ (1914–1917 гг.) 427

§ 1. Деятельность уфимских земств в условиях Первой мировой войны 427

§ 2. Органы земского самоуправления в системе продовольственного обеспечения армии и тыла 445

§ 3. Земства в Революции 1917 г. 476

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 502

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 509

ПРИЛОЖЕНИЯ 578

Приложение А. Карта-схема Уфимской губернии (1865–1917 гг.) 578

Приложение Б. Список председателей земских управ Уфимской губернии (1875–1917 гг.) 579

Приложение В. Штат должностей Уфимского губернского земства в 1894 г. 581

Приложение Г. Список сельских кооперативов в Уфимской губернии на 19 ноября 1913 г. 584

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется в первую очередь недостаточной степенью ее разработанности. Центральной проблемой диссертации является осуществление земского самоуправления в многонациональном регионе России. Организация местного самоуправления в стране, отличительной особенностью которой была и остается большая территория, имеет ключевое значение для эффективной стратегии ее развития.

Модели устройства местного самоуправления имеют страновые различия. Но главное его предназначение универсально – участие населения в решении вопросов местного значения на основе принципов демократии.

В «Европейской хартии местного самоуправления» 1985 г. понятие местного самоуправления трактуется как «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» (ст. 3, п. 1) [1]. Это право осуществляется выборными органами, избранными путем всеобщего свободного, тайного, равного, прямого голосования (ст. 3, п. 2)[2]. В современной России право на участие населения в решении вопросов местного значения непосредственно или через органы местного самоуправления закреплено в законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. Он базируется на Конституции государства, гарантирующей его гражданам право на местное самоуправление.

Отличия организационных форм местного самоуправления в России связаны с разнообразием типов административно-территориального деления страны, которое сложилось исторически. Наряду с территориальной спецификой, это указывает на традиционную связь отечественных муниципальных институтов с органами государственного управления.

---

[1] Европейская хартия местного самоуправления : официальный перевод на рус. яз. : [ратифицирована Федеральным Собранием (Федер. закон от 11 апр. 1998 г. № 55-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 15. Ст. 1695) : вступ. в силу для Российской Федерации 1 сент. 1998 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 36. Ст. 4466.

[2] Там же.

Другой характерной тенденцией развития отечественной системы местного самоуправления является неустойчивость его реформирования, чередование периодов расширения и сворачивания курса на самоуправляемость территорий даже в пределах одной исторической эпохи.

Базовые принципы местного самоуправления: выборность, самофинансирование, самостоятельность в пределах собственных полномочий впервые были реализованы в России после отмены крепостного права в 1861 г.

Распространение земства, как в коренных русских областях, так и в удаленных от Центральной России северных (Олонецкая), приуральских (Пермская, Вятская, Уфимская) губерниях, вплоть до земель Крыма (Таврическая губерния), Украины (Харьковская, Херсонская, Полтавская губернии) и Молдавии (Бессарабская губерния), требует академического исследования с точки зрения реализации единой модели местного самоуправления. В условиях децентрализации управления земская реформа выполняла своеобразную функцию «скрепления земель» с помощью концентрации ресурсов территорий и создания в них основ самофинансирования местной социально-экономической жизни.

Факт непрерывного расширения географии земского пространства России вплоть до позднеимперского периода, когда земские учреждения были введены в западных и юго-восточных губерниях страны, был тесно связан с необходимостью унификации фискального и административно-хозяйственного управления ее регионами. Применительно к истории дореволюционной России категория «регион» используется в специальной литературе для обозначения определенных территорий, наделенных однородными признаками, влияющими на организацию управления и суда[1]. На историчность категории «регион» указывают также его признаки, устойчивые во времени: своеобразие природных условий, этнорелигиозный состав населения, его традиции[2]. Уфимскую губернию в качестве отдельного региона Российской империи выделял ряд признаков: сложный этноконфес-

[1] См., например: Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М., 1998. С. 41–42.

[2] Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 26.

сиональный состав жителей с преобладанием нерусского населения, высокий удельный вес своеобразных сословных групп жителей (башкиры-вотчинники, мишари, тептяри), исторические особенности социально-экономического развития, замедленная интеграция края в административную структуру государства.

В Уфимской губернии, которая являлась единственной губернией Европейской России с преобладанием тюрков-мусульман, земская реформа создала принципиально новые условия для унификации управления в соответствии с общероссийскими стандартами. Это актуализирует вопрос о связи либеральных реформ с совершенствованием внутренней политики правительства по управлению многонациональной империей, которая не в последнюю очередь касалась процессов укрепления российской гражданственности. Более пристального изучения требует также вопрос о содержании деятельности земства в многонациональных российских губерниях. Исследование региональной истории земства должно прояснить также вопросы о степени и глубине системного кризиса, общественно-политической ситуации в провинции накануне Русской революции 1917 г. Кроме того, познание локальной истории земства способствует более глубокому теоретическому пониманию проблемы местного самоуправления в целом по стране.

Осмысление регионального опыта земского самоуправления имеет практическую значимость. Специфические условия России в виде доминирующей роли государства во многих, в том числе и общественной, сферах жизни, необходимость учета территориальных и этнокультурных особенностей регионов при реализации общегосударственной политики по модернизации страны настоятельно диктуют соблюдение исторической преемственности в управлении.

В этом плане политически актуальными остаются проблемы организации местного самоуправления в том или ином регионе Российской Федерации, эффективного распределения полномочий между органами государственного управления и местного самоуправления, гармонизации отношений в триаде «центр – регионы – муниципальные образования», в том числе в вопросах налогообложения. В настоящее время проблемы комплексного развития территорий, участия граждан в местном самоуправлении обсуждаются на всех уровнях власти, что де-

лает поиски оптимальной модели местного самоуправления особенно актуальными.

Объектом исследования является земское самоуправление в Уфимской губернии, игравшее роль постоянного фактора социально-экономического и общественно-политического развития многонационального региона в последней четверти XIX – начале XX в.

Предмет исследования – становление, практическая организация и финансовые основы земского самоуправления в Уфимской губернии, его основные субъекты – земские собрания и управы, земский электорат, земские гласные и служащие, взаимодействие земства с системой административного управления и местным населением.

Хронология исследования охватывает период с 1874 по 1917 год, то есть все время существования уфимских земств. В исследовании освещаются также мероприятия по упразднению земств в начале 1918 г. В соответствии с установившейся в историографии периодизацией истории земства в настоящей диссертационной работе сделаны акценты на трех временных отрезках: а) период действия Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г.; б) время действия нового Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. до 1914 г.; в) период Первой мировой войны и Русской революции 1917 г.[1]

Территориальные рамки исследования охватывают Уфимскую губернию, которая располагалась на Южном Урале и выделялась среди других административных единиц Российской империи целым комплексом исторически сложившихся особенностей. В историко-географическом плане именно эта губерния занимала основную территорию проживания башкирского этноса, известную в литературе также как Башкирия или Башкирский край.

Выделение Уфимской губернии из Оренбургской в 1865 г., отнесение ее к территории гражданского управления Европейской России предопределили включение губернии в систему земского самоуправления. Сосредоточение иссле-

[1] В диссертации приняты предложенные в современной историографии термины «Русская революция 1917 г.» и «Революция 1917 г.», подразумевающие единство событий Февраля и Октября 1917 г., как этапов одной социальной революции.

довательского внимания на материалах отдельной губернии обосновывается погубернской и поуездной организацией российских земств. Земские учреждения, соответствующие административно-территориальному делению губернии, представляли собой законченные системы земского самоуправления в провинции. Уфимская губерния, по величине занимающая шестое место среди 34 земских губерний, состояла из шести уездов, в каждом из которых функционировал отдельный, уездный институт земского самоуправления. Территории уездов, в свою очередь, отличались в плане тяготения к разным природно-географическим и экономическим зонам. С губерниями Средней России были более схожи занимающие центральное положение Уфимский и западный Мензелинский уезды со сравнительно высокими плотностью населения и долей дворянского землевладения. Крестьянский по составу жителей Златоустовский уезд, расположенный на северо-востоке, приближался к условиям уральских губерний и даже Сибири. В связи с этим в нем действовали особые дополнения к земскому избирательному закону, принятые в отношении Вятской, Олонецкой и Пермской губерний, в органах земского самоуправления которых наблюдался дефицит дворянского представительства. Белебеевский и Стерлитамакский уезды сочетали разные по степени социально-экономического развития районы. В них, наряду с активно колонизуемыми зонами, сохранялись островки башкирского вотчинного землевладения с традиционным хозяйственно-бытовым укладом жизни местного населения. Таким образом, территория Уфимской губернии демонстрировала широкое разнообразие условий формирования и практической деятельности земского самоуправления.

Степень изученности темы. Академическое исследование земского самоуправления в многонациональном регионе Российской империи получило частичное отражение в трудах, посвященных истории Урало-Поволжья. Большую теоретическую ценность для раскрытия темы исследования имеют также специальные работы, посвященные изучению общих закономерностей развития не только российских земств, но и всей российской истории. Подробная характеристика историографии приводится в первой главе диссертации. При этом следует отметить,

что до настоящего времени в литературе освещались лишь отдельные аспекты темы диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования – определение основных принципов и результатов деятельности земских учреждений в многоэтничной Уфимской губернии, установление влияния земства на интеграцию края в общероссийское социально-экономическое и культурно-образовательное пространство в последней четверти XIX – начале XX в.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских **задач:**

– охарактеризовать конкретно-исторические условия становления и развития земского самоуправления в Уфимской губернии;

– определить принципы формирования и состав земского электората из земельных собственников, раскрыть механизмы влияния губернской администрации и земских органов на выборный процесс;

– выявить принципы практической работы субъектов земского самоуправления – управ и собраний, показать важнейшие изменения во взаимодействии исполнительных и распорядительных органов земского самоуправления;

– проследить формирование институциональной основы налоговой системы земского самоуправления и модернизации местного налогообложения;

– раскрыть основные проблемы функционирования органов земского самоуправления в условиях этноконфессионального разнообразия населения;

– определить формы и степень участия земских учреждений в формировании сети государственных школ для башкир и татар;

– показать изменение функций и методов работы земства в годы Первой мировой войны;

– определить роль земских учреждений в продовольственном снабжении армии и населения, их значение в системе местного управления в 1917 г. в условиях социальной революции

Источниковая база исследования сформирована из законодательных актов, делопроизводственной документации, статистики, периодической печати и

источников личного происхождения. Наиболее многочисленным видом источников являются материалы делопроизводственной документации земских учреждений, сохранившиеся преимущественно в опубликованном варианте. Подробный источниковедческий анализ документальной основы диссертации представлен в ее первой главе.

Методологические основы исследования базируются на принципах научной объективности, историзма и системности. Принцип научной объективности предполагает всестороннее освещение исторических процессов и учет их взаимосвязей. Поэтому при исследовании истории земских учреждений на окраинной территории Европейской России нами учитывались как предпосылки, так и возможности для реализации правительственного проекта по расширению местного самоуправления в Башкирском крае с особо сложным составом населения, а также специфические конкретно-исторические условия для его развития.

Принцип историзма предполагает изучение земского самоуправления в Уфимской губернии в связи с объективно достигнутым в крае к отмене крепостного права уровнем развития народного хозяйства и в контексте исторических событий второй половины XIX – начала XX в. Это требует, в свою очередь, рассмотрения земской деятельности как хозяйственно-управленческой модели, развивающейся под влиянием новых социально-экономических и общественно-политических условий. Учет конкретно-исторических условий позволяет установить преемственность между различными эпохами, выделить связующие звенья в истории края в дореформенный и пореформенный периоды, а также раскрыть особенности в деятельности земских учреждений как в мирный период осуществления либеральных реформ, так и в годы Первой мировой войны и революции 1917 г.

Принцип системности является базовым при анализе земских учреждений как самостоятельного звена местного самоуправления и подсистемы в общей иерархии государственного управления. С этой точки зрения в диссертационном исследовании показано взаимодействие системы земского самоуправления с

местной средой, выявлены горизонтальные и иерархические связи между субъектами управления в провинциальной России.

Для концептуальной основы построения диссертационного исследования были важны теоретико-методологические разработки отечественных и зарубежных ученых по теме модернизации в имперской России. Правомерным в связи с этим представляется обращение к разработкам екатеринбургских историков, которые всесторонне проследили региональную динамику модернизационного процесса в стране за длительный период[1]. При этом ими традиционно и обоснованно выделяется промышленный потенциал уральского региона, оказавший серьезное влияние на национально-историческую специфику российской модернизации в целом.

Важно и указание представителей екатеринбургской научной школы на значительное внутреннее разнообразие экономической модернизации и социальной эволюции на рубеже XIX–XX вв. в границах Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний по причине растянутости колонизационных процессов там во времени, мозаичности хозяйственных укладов и сословно-конфессиональной принадлежности местного населения[2].

С этой точки зрения продуктивным может быть исследование места земских учреждений в процессе модернизации. При изучении взаимодействия уральских земств с властью и обществом исследователи уже отводили органам местного самоуправления роль основного агента модернизации в удаленных от центра губерниях Российской империи[3].

Необходимым представляется также выявить влияние уфимских земств на формирование «институционально-политического, социально-экономического и

---

[1] См., например: Опыт российских модернизаций : XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000 ; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу : теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006 ; и др.

[2] Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург, 2016. С. 6.

[3] См., например: Женина Л.В. Земства Урала: взаимодействие с властными структурами и обществом (1890–1907 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2004. С. 11–12.

культурно-символического дизайна модернизации»[1]. В общих чертах становление работающей модели местного самоуправления отражало процесс превращения традиционного общества в индустриальное (современное/модерное), что отвечало качественно новым целям развития страны. Во многом в результате деятельности земств регионы постепенно реципировали такие черты европейской модернизации, как расширение прав населения на участие в политике, развитие городских форм жизни, всеобщее школьное образование, заметная секуляризация духовных ценностей и норм поведения[2].

При незрелости многих экономических и культурных предпосылок к переходу российского общества в индустриальный период своего развития многофункциональность земского самоуправления позволяла стране в какой-то мере адекватно реагировать на новые вызовы времени. Образно говоря, деятельность земских учреждений прокладывала дорогу для последующих модернизационных процессов в России. В пространственном значении новые модели управления/самоуправления выступали в роли моста между регионами и центром, выравнивая в пределах возможного уровень их «современности».

Немаловажно также иметь в виду многолинейный характер модернизации. Например, на Урале далеко неодинаковыми были последствия земского финансового управления для промышленного и земледельческого секторов местной экономики. Неравномерным было также экономическое развитие земледельческих волостей. В результате наблюдался прогресс одних и регресс других областей жизни населения.

Плодотворным является рассмотрение деятельности многих видных земских деятелей через схему «человек в контексте модернизации»[3]. Мотивация к переменам у различных участников общественного самоуправления (крупные собственники, выборные служащие, профессионалы-специалисты) не в послед-

---

[1] См.: Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. С. 6.

[2] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.М. Беляева, К.В. Костина, Е.Л. Петренко, И.В. Розанова, Г.М. Северской. М., 2003. С. 8.

[3] Побережников И.В. Конкретно-проблемная методология изучения модернизаций // Актуализация потенциала исторической науки. Екатеринбург, 2013. С. 228–235.

нюю очередь обуславливалась обостряющимся кризисом их идентичности, порожденным заметными изменениями экономических и социальных условий существования различных общественных страт, крутыми изменениями политического характера. Для объяснения ментальных трансформаций в общественной среде в исследовании применялся также поколенческий подход[1].

Изучение истории земского самоуправления настоятельно требует междисциплинарного исследовательского подхода. Методологические подходы, понятийный аппарат социологии, этнологии, политологии и других гуманитарных наук качественно расширили аналитический инструментарий диссертации.

Взаимодействие учреждений земского самоуправления с тюрко-мусульманским населением Уфимской губернии в области культуры анализируется с учетом теории диффузионизма. В качестве его главной идеи исследователи указывают «распространение в принимающем обществе проникающих извне идей, практик, вещей»[2]. Для многонационального региона важнейшим фактором общественного развития было культурное взаимодействие различных этносов, углубляемое в том числе деятельностью земских учреждений.

Информационно-просветительская составляющая земского самоуправления соприкасается с феноменом публичной сферы, обстоятельно исследованной Ю. Хабермасом[3]. Хотя его авторская концепция основана на европейском опыте формирования публичности – когда информация о фактах и событиях становится доступной для всех, предложенное им понятие применимо с учетом эпохи и национального контекста и для России. С этой точки зрения целесообразно поставить вопрос о влиянии земского самоуправления на развитие публичной сферы в российском обществе. Земства впервые способствовали «обнародованию» многих

---

[1] Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 10 ; Побережников И.В. Поколенческая динамика в социокультурном контексте // Уральский исторический вестн. 2017. № 1 (54). С. 6–11.

[2] Алексеева Е.В. Диффузионные модели в историческом исследовании // Актуализация потенциала исторической науки. С. 198.

[3] Хабермас Ю. Социоструктурная трансформация публичной сферы / реферат. пер. с нем. Т. Тягуновой // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., 2013. С. 226–265 ; Его же. Трансформация политической функции публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии. С. 266–308.

сторон процесса управления, его публичности и подконтрольности как со стороны государства, так и «общества». Кроме того, постепенно формировалась и собственно земская публичная сфера с общественным форумом для рационального обсуждения проблем местного и государственного значения. Во многом посредством публичной сферы проблемы земского самоуправления приобретали политическое звучание во всероссийском масштабе.

Место земства в системе государственно-общественных отношений позволяет раскрыть концепция гражданского общества. Исследователи интерпретируют гражданское общество неоднозначно – как тип государства с определенными условиями для реализации и защиты прав и свободы личности, и как сферу социума с собственным и отличным от государственного содержанием[1]. Отдельные историки ограничивают область исследования гражданского общества объединениями частного, общественного характера[2], другие же включают в их число также органы местного самоуправления[3].

Мы рассматриваем общественные учреждения, в том числе и земские, как отдельный сегмент общества, именуемого гражданским. Он формировался и развивался в России в результате эволюции эволюции системы политического управления, видоизменения отношений между обществом и государством. По мнению Л.С. Мамута, гражданское общество – это ипостась любого цивилизованного общества, базирующегося на общественном разделении труда. Государство определяет публично-властную организованность социально-стратифицированного общества и в том числе негосударственную сферу[4].

Реформы 1860-х гг. открыли путь для расширения общественного участия в управлении и создали правовые основы для формирования гражданского обще-

---

[1] Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 3. С. 26–36.

[2] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд. испр. СПб., 2000. Т. 2. С. 263 ; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011 ; и др.

[3] Черных А.И. Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 173–181 ; Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в. : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011 ; и др.

[4] Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 96–103.

ства в стране. Применительно к позднеимперской России, конечно, речь не идет о развитии о развитии таких современных параметров демократии, как равенство граждан перед законом, политическое участие (всеобщие выборы) и социальное государство[1]. Тем не менее, отдельные элементы государственной организации общества в виде практики всесословного самоуправления и избирательного процесса, общественной самоорганизации и развития публичной сферы закладывали основы гражданского общества уже во второй половине XIX – начале XX в. Неравномерная траектория его развития, а со временем и ограничение соответствующих процессов нижним общественным этажом развития, привели к противопоставлению двух взаимосвязанных субъектов – государства (в виде бюрократических структур) и общества (в виде общественных учреждений).

Нарастание общественно-политических противоречий в пореформенной России не может анализироваться в рамках одной концепции гражданского общества. Руководство только этой концепцией ведет к тупиковому пути, поскольку, во-первых, заставляет абсолютизировать многогранное в целом понятие – гражданское общество, а во-вторых, ограничивает объяснение кризисных явлений в стране на рубеже XIX – XX вв. границами идеологических и социально-нравственных проблем.

В этой связи продуктивный социокультурный подход сформулирован А.С. Ахиезером в работе «Россия как большое общество»[2]. Способность общества преодолевать энтропийные процессы, противостоять дезорганизации и социальным опасностям характеризует, по его мнению, модель «большого общества». Присущая ему сложная система военного, финансового и бюрократического управления подразумевает включенность в данную систему связей всего населения, а также противоположных по внутреннему содержанию локальных сообществ. Как отметил ученый, судьба большого общества в России осложнялась проблемой воспроизводства его «не как старого, а именно как нового», а также социокультурным расколом – сосуществованием противоположных систем цен-

[1] Медушевский А.Н. Самоорганизация российской общественности // Полис. 2013. № 1. С. 164–169.
[2] Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопр. философии. 1993. № 1. С. 3–19.

ностей и действий. Складывание и кризис «большого общества» хорошо прослеживается и на уровне земского самоуправления. Показателен и набор проблем, связанных с постоянным скатыванием страны в колею прежних схем социальных отношений и административно-управленческих решений, увеличением разрыва между разными слоями российского общества.

Исследование земства в границах определенной территории Российской империи тесно связано с регионоведческими подходами. Региональная история как способ преодоления историописания с упором на политическую историю централизованного государства делает объектом внимания проблемы развития отдельных частей государственной территории[1]. Специалисты предлагают рассматривать историю региона не формально, в рамках территориальных границ, а в содержательном единстве, формирующемся за счет структурных взаимосвязей[2]. Влияние таких взаимосвязей непосредственным образом отражалось на территориальных особенностях того или иного земства. Хотя все земства повторяли общее поступательное движение в рамках закона, каждое из них представляло не просто территориальный вариант общей модели. В каждом случае земское самоуправление отличалось вариативностью содержания (в зависимости от географического положения региона, кадровых ресурсов, уровня развития местной экономики и этнодемографической характеристики определенной территории) и оказывало в свою очередь влияние на развитие земского самоуправления как такового (феномен крестьянских земств, складывание «национальных», «оппозиционных», «консервативных» земств и пр.).

Место земства в территориальном развитии неразрывно связано с его участием в региональной интеграции. Интеграция как «процесс объединения в целое разнородных частей и элементов определенной системы»[3] была неизменной со-

---

[1] См., например: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания : сб. статей. Ижевск, 2012. С. 7–8.

[2] Зубков К.И. Региональная история: проблемное поле и методологические перспективы // Региональные модели исторического общего и профессионального образования. Восьмые Всерос. историко-пед. чтения. Екатеринбург, 2004. С. 41.

[3] Амбарцумов Е.А. Интеграция // Философский словарь. М., 1983. С. 210.

ставляющей процесса складывания и развития многонациональной и обширной Российской империи.

Используемый в диссертационном исследовании методологический подход трактует региональную интеграцию как процесс развития новых типов экономической, административно-политической и социокультурной систем на определенной территории. Под ее воздействием усиливались связи региона с общероссийскими процессами, повышалась его самостоятельность как административно-территориальной единицы за счет преодоления государственной монополии в сфере управления, налогообложения и образования.

Интеграция рассматривается как оптимальный вариант приспособления традиционного общества к условиям современности, при котором сохраняется баланс интересов между группами-участниками преобразований и преобладает положительный социокультурный эффект от «исторического созидания».

Проблемы региональной интеграции взаимосвязаны с вопросами адаптации традиционных институтов Башкирского края (вотчинное землевладение башкир, примечетская система образования местных мусульман) к требованиям времени, влиянием на этноконфессиональную среду противоположных по сути процессов ассимиляции и аккультурации. В диссертационном исследовании важно было выяснить соотношение воздействия на перечисленные процессы правительственных и земских учреждений, эволюцию региональной интеграции на разных исторических этапах земского самоуправления.

В работе использованы такие популярные методы исторического анализа, как проблемно-хронологический, конкретно-исторический, сравнительный, микроисторический[1].

Научная новизна. В диссертации впервые осуществлено многоплановое исследование истории земства в Уфимской губернии, включая специфику организации и деятельности уездных земств, за весь период его существования с 1874 по

[1] Термин «микроистория» может употребляться в разных значениях. См.: Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. С. 287–290 ; Карначук Н.В. Микроистория // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 283–284.

1917 год. На основе большого количества первоисточников раскрыта роль земских учреждений в преодолении за относительно короткий отрезок времени изолированности Башкирского края как региона, которому была присуща замедленная и неравномерная интеграция в социально-экономическую и административную систему государства.

Земская реформа в Уфимской губернии впервые рассматривается как политика российского правительства по унификации регионального управления в области финансов, земельных отношений, культуры.

Автором анализируется практически неизученная проблема формирования земского электората Уфимской губернии на основе малоизученного источника – списков избирателей уездных земских собраний. В результате им была определена численность цензового земского электората в период почти всех выборных кампаний, показана динамика экономического потенциала избирателей-землевладельцев и доказано существенное влияние органов бюрократической власти на формирование уездных собраний.

В диссертационном исследовании всесторонне проанализированы также становление и эволюция земского налогообложения в уездах Уфимской губернии с учетом государственно-земских отношений и фискальной политики государства, показаны особенности вовлечения в систему земских сборов основных групп собственников, в том числе башкир-вотчинников.

Диссертантом выявлено влияние земских учреждений на интеграцию мусульманского населения края в общероссийское социально-экономическое пространство. Использование земством традиционных школ башкир и татар в качестве организационной и культурной основы всеобщего обучения представляется в качестве редкого и эффективного примера реализации принципов местного самоуправления снизу.

В исследовании впервые охарактеризовано место уфимских земств в системе продовольственных поставок для армии в 1914–1917 гг. В нем детально показаны предпосылки и последствия складывания на базе земских учреждений Уфимской губернии авторитарной модели хлебозаготовок, а также влияние реги-

онального опыта на выработку дальнейшей продовольственной политики большевиков.

Автор вводит в научный оборот уникальный комплекс первоисточников по теме, в том числе арабографичных, которые не всегда доступны для большинства исследователей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Своеобразие земской реформы в Уфимской губернии заключалось не только в организационных особенностях ее проведения, но и в конечных целях правительства по ускорению интеграции региона в социально-экономическое пространство России. Земство способствовало нивелированию исторически сложившихся особенностей в территориально-административном управлении башкирами и другими местными тюрко-мусульманскими народами. Данная проблема не имела аналогов решения, и поэтому основные принципы участия населения бывшего Башкирского войска в земских учреждениях были выработаны с привлечением местной администрации.

2. При формировании земского электората губернская администрация и земские учреждения корректировали состав участников выборов в органы местного самоуправления в пользу цензовых землевладельцев. В уездах со значительной долей мелких землевладельцев модель сословного земства, изначально формировалась местной администрацией и дворянской элитой и нашла применение задолго до земской контрреформы 1890 г. Практика земских выборов показала, что земские собрания и управы широко использовали предоставленное им право определять ход и результаты выборов, что подтверждало их самостоятельность в системе местного управления.

3. В пореформенный период работу отдельных земских управ осложняла проблема служебных правонарушений со стороны их членов. Включение членов земских управ в круг государственных служащих по Положению 1890 г. привело к повышению их правовой культуры, а присвоение квалифицированным земским специалистам гражданских чинов и обеспечение наемного персонала пен-

сиями повысили роль исполнительного звена земского самоуправления и привели к снижению активности и распорядительной роли земских собраний.

4. В процессе формирования земской налоговой системы уездные земские учреждения выступали в роли фискальных органов и вырабатывали соответствующие методы капиталистического налогообложения. Автономность земского налогообложения гарантировала относительно безболезненное вовлечение собственников имущества в новые податные обязательства, однако она не обеспечивала неуклонный рост приходной части земского бюджета. Государственное реформирование земских сборов привело к созданию при земских управах профессиональной статистической службы, что существенно повысило управленческий потенциал земских органов в различных отраслях хозяйства. Увеличение налогов с земель и неравномерное распределение сборов среди разных групп местного населения актуализировали вопрос о дальнейшем совершенствовании земской налоговой системы.

5. Основная проблема деятельности местного самоуправления в многонациональном регионе заключалась в том, что цензовая избирательная система непропорционально представляла нерусские народы в земствах. Однако в целом демократический характер земского самоуправления оказался одним из главных факторов, способствующим углублению интеграции башкир, татар и других в российское социокультурное и общественно-политическое пространство.

6. Участие земских учреждений в распространении государственных учебных заведений среди местного нерусского населения выразилось в разработке новых принципов организации правительственных начальных школ с учетом этнокультурных условий и существующей системы традиционного конфессионального обучения мусульман.

7. В годы Первой мировой войны произошло огосударствление земского исполнительного аппарата, который играл приоритетную роль в организации продовольственных поставок. В итоге на местах сложилась разветвленная система продовольственных органов с чрезвычайными полномочиями, которые в ходе ре-

волюции 1917 г. перешли под контроль представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Значимость полученных результатов для теории и практики. Значительный новый фактический материал, наблюдения и выводы диссертанта могут способствовать дальнейшему углубленному академическому изучению проблем местного самоуправления в России в связи с важными аспектами государственного управления ключевыми ее регионами. Полученные в исследовании результаты отражают историческую закономерность формирования отечественных институтов гражданского общества. В связи с этим некоторые положения и обобщения автора вносят важный вклад в понимание механизмов взаимодействия власти и общества, центра и регионов страны.

Практическая значимость работы состоит в том, что познание истории земства позволяет учесть сильные и слабые стороны апробированной отечественной модели местного самоуправления, сформировать цельное представление о региональном опыте земств. Полученные результаты исследования могут быть использованы для составления рекомендаций по повышению эффективности деятельности местного самоуправления в современной России. Положения и выводы диссертации могут использоваться при написании коллективных трудов, учебных пособий по истории местного самоуправления, создании общих и специальных лекционных курсов по истории России, истории и культуры Башкортостана.

Степень достоверности и апробация исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается широкой источниковой базой, содержащей значительный фактический материал и методами исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам.

Положения и выводы диссертационного исследования были апробированы на 18 научно-практических конференциях международного, всероссийского и республиканского уровней, проходивших в 2002–2017 гг. в г. Уфе, Казани, Москве. Содержание исследования получило отражение в 43 научных публикациях автора общим объемом 40 п. л., в том числе двух монографиях, двух разделах коллективных монографий и 16 статьях в журналах, включенных в

Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по соответствующей специальности.

Структура диссертации построена в соответствии с поставленной целью и задачами. Материал излагается по проблемному принципу с учетом хронологической последовательности событий. В работе земство рассматривается как один из системообразующих факторов ускорения интеграции многонационального региона в социальную жизнь Российской империи. В связи с этим оно изучается в разных плоскостях – освещаются организационно-бюрократические, финансовые, общественно-политические и социокультурные аспекты земского самоуправления. Имеющиеся специальная литература и источниковые ресурсы, о чем речь идет в первой главе диссертации, позволяют раскрыть тему в предложенной системной связи.

Во второй главе работы показано, как через земские учреждения и земский электорат разрозненные прежде субъекты консолидировались в рамках единой системы земского самоуправления. Земские управы и собрания формировали принципиально новые типы общественно-государственных связей и систему местного самоуправления в Башкирском крае.

Процесс развития земского самоуправления рассматривается в третьей главе исследования. Он характеризуется как противоречивый из-за сочетания инновационных подходов и решений при становлении земского самоуправления с сохранением и воспроизведением старого опыта социальной организации общества. При освещении практической земской деятельности в центре внимания находилась проблема организации и развития сфер социального значения, что позволяет более отчетливо проследить интеграцию земских органов в местную систему общегосударственного управления.

В четвертой главе диссертации освещается проблема земского налогообложения. Фискальная деятельность органов местного самоуправления анализирует-

ся, с одной стороны, как инструмент модернизации государственной системы налогообложения, а с другой – как механизм, способствующий сглаживанию региональных диспропорций культурного развития.

Пятая глава исследования посвящена проблеме адаптации модели земского самоуправления к специфическим региональным условиям Уфимской губернии. В ней, кроме вопроса формирования в крае полиэтничного земского представительства, выявлены глубинные последствия введения земского самоуправления для трансформации вотчинного землепользования башкир. В качестве самостоятельного вопроса получило освещение земское участие в интеграции нерусского населения в общероссийское образовательное пространство.

Качественно новым этапом углубления связей региона с Центром, в котором земство сыграло одну из ключевых ролей, стал период Первой мировой войны и Революции 1917 г. Он проанализирован в шестой главе диссертации. Система продовольственных поставок, созданная на базе земских учреждений, способствовала втягиванию Уфимской губернии в общероссийский политический кризис и укреплению в ней позиций леворадикального лагеря. Также заметно возросло значение губернии в общероссийской системе продовольственного обеспечения.

Кроме шести глав, разбитых на 16 параграфов, диссертационное исследование включает также введение, заключение, список использованных источников и литературы, четыре приложения

.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Историография темы

Земское самоуправление в Уфимской губернии формально и содержательно было частью общероссийской модели земства в пореформенной Российской империи. Вместе с тем региональный вариант местного самоуправления неизбежно имел уникальный код, связанный с местными социально-экономическими и культурными особенностями Башкирского края. В связи с этим анализ историографии темы настоящего диссертационного исследования может быть достаточно полным лишь при охвате специальных работ, посвященных как узловым вопросам истории земства в России в целом, так и истории земств многоэтничного Урало-Поволжского региона.

Качественные этапы развития историографии земства, которая насчитывает более 150 лет, хронологически связаны с дореволюционным, советским и постсоветским периодами развития отечественной исторической науки. Каждый из них способствовал формированию особых оценок и концепций развития в России после реформ 60–70-х гг. XIX в. местного самоуправления, теоретическому осмыслению его содержания и места в истории страны.

В дореволюционной историографии ключевым было изучение организационных вопросов местного самоуправления в России. Изменение социально-экономической модели развития страны и все возрастающая популярность идей о расширении участия народных представителей в управлении и реформировании государственного строя способствовали складыванию в интеллектуальных кругах теории либерального компромисса между «обществом» и «властью». По мнению ее адептов, земство могло и должно было внести коренные изменения в природу существующей самодержавной власти. Не случайно, что известные правоведы В.П. Безобразов, Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, Н.И. Лазаревский земские учреждения рассматривали как одно из звеньев госу-

дарственного управления[1]. Их концепции, как правило, не выходили за рамки теоретических построений и нередко базировались на сопоставительном анализе местного самоуправления в Европе и России. При таком подходе специфические условия страны в виде огромной территории и различий местных условий функционирования органов местного самоуправления практически не затрагивались академическими учеными.

На взаимосвязь становления земского самоуправления в стране и ее территориального разнообразия впервые обратил внимание известный общественный и государственный деятель А.И. Васильчиков[2]. Согласно обоснованной им концепции общественно-хозяйственной теории местного самоуправления, в огромных пространствах Российской империи земское самоуправление должно было отличаться в зависимости от естественно исторических условий регионов, в частности, особенностей землепользования и образа жизни местного населения. В центральных и юго-восточных губерниях с преобладанием крупных селений и поместий, указывал он, практичнее развитие сельского общественного управления, а в северных и северо-восточных губерниях с малой плотностью населения и разбросанностью селений самоуправление должно сосредотачиваться в волостных и земских учреждениях[3].

Другой автор – А.В. Лохвицкий – земское самоуправление рассматривал сквозь призму вопроса о «провинциальной автономии» или управления провинцией[4]. Он считал, что земская реформа способствовала сохранению «областного значения» дворянства, а хозяйственная децентрализация повлечет изменения во всей системе управления[5]. На примере Казанской и Вятской губерний им было показано, что крестьянская реформа стала последним шагом к стиранию юриди-

---

[1] Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление. СПб., 1874 ; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899 ; Градовский А.Д. История местного управления в России // Собр. соч. : в 9 т. СПб., 1899. Т. 2 ; Лазаревский Н.И. Самоуправление // Мелкая земская единица. СПб., 1902. Вып. 1 ; Коркунов Н.М. Русское государственное право : в 2 т. 6-е изд. СПб., 1909. Т. 2.

[2] Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений : в 2 т. СПб., 1872.

[3] Там же. Т. 1. С. 62–63.

[4] Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864.

[5] Там же. С. 126–127, 203.

ческих и бытовых различий в положении местных русских и татар, так как произошло их объединение в рамках единого волостного самоуправления.

Согласно точке зрения общественного деятеля и публициста А.И. Кошелева, необходимость расширения местного самоуправления в «нашей пространной империи» диктовалась усложнением ее социально-экономического и общественного развития. Он утверждал, что по сравнению с другими государствами Россия «со своими многоразличными климатами, почвами, народными способностями и обычаями, со своими богатствами и нуждами, с крайне разнообразными степенями развития своих граждан» больше всех нуждалась в местном самоуправлении[1].

Противоположных взглядов по вопросу расширения круга неправительственных органов управления придерживались сторонники так называемой охранительной политики – судебный деятель А.Д. Пазухин, писатель и общественный деятель М.Н. Катков, публицист и писатель К.Ф. Головин и др. По их мнению, становление земского самоуправления в стране никак не согласовывалось с основами российской государственности, которая представлялась им в качестве главного ресурса общественного процесса. Поэтому результаты земской реформы они оценивали в целом критически[2].

Отдельную страницу в дискуссии сторонников и противников земства составила служебная переписка министров финансов С.Ю. Витте и внутренних дел И.Л. Горемыкина в конце 1898 и 1899 гг., ставшая достоянием общественности.

В конфиденциальной записке министра финансов, составленной в ответ на проект введения земств в западных губерниях, говорилось о принципиальной

---

[1] Кошелев А.И. Голос из земства : вып. 1. М., 1869. С. 3.

[2] Головин К. Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884. С. 75–99 ; Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886 ; Катков М.Н. Истинные задачи комиссии для пересмотра учреждений губернского и уездного управления. Самоуправление в Англии и в России // Земская идея в истории социально-политической мысли России : антология : в 2 т. М., 2014. Т. 2 : Земская идея: от проектов к первым результатам (1864–1890). С. 53–62.

несовместимости представительных начал с самодержавной формой правления[1]. Не отрицая пользу уже действующих местных земских учреждений, С.Ю. Витте считал, что «территориальное расширение земства не соответствует государственной пользе». Реформа регионального управления им связывалась в первую очередь «с созданием на местах деятельной и живой правительственной власти»[2]. Как выяснили в результате анализа первоисточников Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, основной причиной выступления главы финансового ведомства стало его стремление направить деятельность земств в русле государственной финансовой политики[3].

Оппонент С.Ю. Витте министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, отстаивая государственное значение земского самоуправления для страны, высказал небезынтересные суждения относительно его роли для Западного края империи Романовых. Земство, как он был уверен, будет способствовать укреплению русского влияния и сплочению «этого края через посредство земских учреждений с коренными местностями России»[4]. Как видим, столичный сановник четко выделял гражданскую функцию земства по национальному объединению страны и его политическое значение на западе России. Оно заключалось в том, чтобы «оживить» русское начало и ослабить польское влияние в Западном крае. Ближе к Европе русская культура, по мнению чиновника, явно нуждалась в укреплении и покровительстве, в том числе через земские учреждения.

В дореволюционной специальной литературе одним из приоритетных направлений стало изучение истории земского общественного и либерального движения. Авторы достаточно многочисленных публикаций по этой проблеме исходили из идеи о принципиальной несовместимости земского самоуправления с самодержавной формой государственного правления, что порождало перманентное противостояние их между собой. Авторами первых таких работ стали сами

---

[1] Витте С.Ю. Самодержавие и земство : конфиденциальная записка министра финансов С.Ю. Витте (1899 г.) / предисл. П. Струве. Stuttgart, 1901. См. также: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 100–108.

[2] См.: Витте С.Ю. Самодержавие и земство. С. 4.

[3] Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С. 100–108.

[4] Там же. С. 107.

активные деятели земского самоуправления. В.Ю. Скалон написал содержательную книгу о земских проектах 1880-х гг., Н.А. Карышев – о земских ходатайствах, С.И. Шидловский – о работе местных комитетов Особого совещания о нуждах сельского хозяйства, И.П. Белоконский – о земском либеральном движении[1]. Наряду с разными сведениями в них содержится богатый фактический материал, в том числе об общественно-политической деятельности уфимских земств.

В начале XX в. возникла марксистская историография земства, создателем которой выступил В.И. Ленин. В фокусе его внимания оказался политический аспект взаимоотношений органов местного самоуправления и правительства, в связи с чем появилась широко цитируемая впоследствии метафора будущего большевистского лидера о земстве как о «пятом колесе в телеге Российской империи»[2]. Рассматривая Положение о земских учреждениях от 1 января 1864 г. как совмещение «несогласимых вещей», а его пересмотр в 1890 г. как «новую полумеру», пролетарский вождь отмечал также и неразвитость в стране либерального общества. В 1901 г. он считал, что «нет серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться» и сблизить власти с обществом[3].

В.И. Ленин, исходя из марксистской теории о классах и неизбежности пролетарской революции, отвергал эволюционный путь развития страны. Поэтому самым неудачным для России и самым выгодным для правительства политическим исходом он считал лозунг «Правá и властное всероссийское земство», который, по его мнению, позволит властям отделаться лишь «громкими обещаниями»[4]. Наряду с бескомпромиссной критикой земства им признавалась значительная польза созданных земством врачебных и статистических учреждений. В со-

---

[1] Скалон В.Ю. Земские взгляды на реформу местного управления : обзор земских отзывов и проектов. М., 1884 ; Карышев Н.А. Земские ходатайства по материалам Кахановской комиссии. М., 1890 ; Шидловский С.И. Земство. СПб., 1904 ; Белоконский И.П. Земство и конституция. М., 1910 ; Его же. Земское движение. СПб., 1914.

[2] Ленин В.И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 5. С. 66.

[3] Там же. С. 45–46.

[4] Там же. С. 67.

ветский период это его замечание о положительных достижениях земства на долгое время оказалось вне поля зрения ученых.

Отдельное направление в дореволюционной историографии составили достаточно многочисленные исследования по истории отдельных земств. Впервые актуальность изучения конкретно-исторического опыта того или иного земства обосновал правовед В.В. Ивановский. Он предложил исследовать каждое уездное земство в тесной связи с историей местных учреждений, притом с обязательным учетом территориальных, экономических и этнографических условий каждого региона[1].

Крупным вкладом в изучение истории российских земств стал капитальный труд Б.Б. Веселовского[2]. Благодаря уникальным фактическим данным и высокому уровню обобщения огромного объема документального материала он сохраняет актуальность по настоящее время.

Исследовательская схема «общего очерка истории земских учреждений» Б.Б. Веселовского построена на принципе от общего к частному, от постановки узловых вопросов земского самоуправления во всероссийском масштабе к освещению их на примере земств разных губерний, а иногда и уездов. В его монографии специально выделены такие исследовательские приемы, как анализ отдельных социально-экономических показателей по уездам, раздельное исследование политической и хозяйственно-культурной деятельности земских учреждений, тщательное изучение делопроизводственной документации самих земств[3]. Автор выражал уверенность в дальнейшем развитии земского самоуправления. Более того, «реформированное местное самоуправление будет принуждено обратиться к опыту действовавших земских учреждений и продолжить начатую им работу», – писал он[4].

Земствам Уфимской губернии посвящен отдельный раздел монографического исследования Б.Б. Веселовского. В нем автор акцентировал внимание на

---

[1] Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России : уезды – Слободской, Вятской губернии и Лаишевский, Казанской губернии. Казань, 1881.
[2] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909–1911.
[3] Там же. СПб., 1909. Т. 1. С. VI.
[4] Там же. С. V.

политических моментах земской жизни в Уфимской губернии: «партийном» составе органов местного самоуправления, их отношениях с администрацией, либеральных требованиях и оппозиционных выступлениях земцев и т. п. Специфика отдельных уфимских земств им передана достаточно точно[1].

В основу первых работ по истории земского самоуправления в Уфимской губернии легли научно-прикладные исследования местных земских специалистов. Сначала в центре их внимания оказались проблемы налогообложения[2]. Специальное исследование о платежах и недоимках населения Уфимской губернии в 1901 г. провел земский статистик М.П. Красильников[3]. Его материалы были использованы нами при сравнительном анализе роста задолженности местного населения. Одной из работ М.П. Красильникова был труд о развитии земского оценочного дела. В нем подчеркивается значение Правил 1893 г. «об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами», которые, по мнению автора, внесли «громадные существенные улучшения» в сферу земского налогообложения[4].

В дальнейшем тематика работ по истории местного земства расширилась. Например, положение начального образования в Уфимской губернии специально изучил помощник секретаря Уфимской губернской земской управы С.Н. Салтыков. Он пришел к выводу, что необходима большая планомерность земской деятельности в сфере образования[5]. В трудах известного просветителя российских мусульман Р. Фахретдинова была поднята тема земских пособий начальным мусульманским школам (мектебам). По его мнению, не государственные, а земские средства, наряду с налогом с богатых прихожан (по шариату –

---

[1] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 4. С. 404–417.

[2] См., например: Осипов Н.О. Краткий очерк земских статистических исследований. Казань, 1885 ; Сборник статистических сведений по Уфимскому уезду. Отдел хозяйственной статистики. 1884 г. / сост. П.Г. Резанцов. Уфа, 1885 ; Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. Уфа, 1889 ; и др.

[3] Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. Уфа, 1902.

[4] Его же. Земские оценки имуществ в Уфимской губернии : исторический очерк. Уфа, 1913. Вып. 1. С. 78–79.

[5] Доклад Уфимской губернской земской управы Губернскому земскому собранию XXVI очередной сессии 1900 г. о положении начального образования в Уфимской губернии. Уфа, 1900.

«закят»), должны были служить источником финансирования традиционного образования башкир и татар[1].

Научный характер имели отчеты и доклады санитарных врачей В.А. Арнольдова, В. Забалуева, М.Г. Рафеса, Б.М. Эльцина о состоянии земской медицины в Уфимской губернии[2]. Они основаны на подходах популярного в то время направления «общественной гигиены». Проблемы заболеваемости населения в них рассматриваются сквозь призму социально-экономических, этнодемографических и других условий. В работах врачей И.М. Кутлубаева, Н.Н. Михайлова, А.А. Гуляева, Н.М. Швайцара и Э.И. Гиккеля о кумысолечении зафиксирована разнообразная и полезная деятельность земства по улучшению и развитию данной отрасли в крае[3].

В честь юбилейных дат уфимских земств были написаны первые обобщающие исследования. Обзорный и аналитический характер имело сочинение председателя Уфимской уездной земской управы П.Ф. Гиневского[4]. В нем освещены основные направления деятельности уездного земства, принципы формирования его бюджета, социальный состав гласных собрания и управы.

К 50-летию учреждений земств в России, что совпало с 40-летием введения земства в Уфимской губернии, были опубликованы очерки по истории Злато-

---

[1] Ризаэддин бин Фахреддин. Мектеб и закят [Помощь казны и земства]. Оренбург, [Б. г.]. (на тюрки).

[2] Арнольдов В.А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Дневник общества врачей при Казанском университете. Казань, 1894. Вып. 4. С. 227–244 ; Забалуев В. Годовой медико-санитарный отчет по Стерлитамакскому уезду с 1-го июля 1909 г. по 1-е июля 1910 г. Стерлитамак, 1910 ; Рафес М.Г. Краткий обзор земской медицинской помощи населению Златоустовского уезда и желательные в ней улучшения. Златоуст, 1911 ; Эльцин Б.М. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии. Уфа, 1916.

[3] Кутлубаев И.М. Отчет студента-медика И. Кутлубаева, командированного Уфимскою Губернскою Земскою Управою для надзора за исполнением обязательных постановлений на кумысных и кумысно-лечебных заведениях в Уфимском уезде летом 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и врачебно-санитарной деятельности в Уфимской губернии. 1902. № 9. С. 9–37 ; Михайлов Н.Н. Кумыс и современное положение кумысолечебного дела в России. СПб., 1907 ; Гуляев А.А. Очерки кумысолечебных заведений Уфимской губернии : в 2 вып. Уфа, 1913–1914 ; Швайцар Н.М. О кумысном промысле в Уфимской губернии. Уфа, 1915 ; Гиккель Э.И. Краткий справочник для едущих на кумыс в Уфимскую губернию. Уфа, 1916.

[4] Гиневский П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования : 1875–1900 гг. Уфа, 1900.

устовского и Стерлитамакского уездных, а также Уфимского губернского земств[1]. Появилась также специальная работа о деятельности Уфимского губернского земства в области народного образования[2].

В официальных юбилейных публикациях нашли отражение и общественные стремления к реформированию и демократизации земского самоуправления. Так, анонимный автор очерка об истории Златоустовского уездного земства подчеркнул заслуги земства в развитии просвещения. Им особо выделялась роль «третьего элемента» в развитии местного самоуправления: «очень многое в земской жизни обязано своим успехом и развитием именно энергии, усердию и специальным познаниям вольнонаемных работников»[3]. Делом времени он считал замену старых земских учреждений новыми, «более совершенными и необходимыми для правильного развития земской жизни»[4].

В очерке по истории Стерлитамакского земства служащего уездной управы В.А. Невского отмечены особенности становления земского самоуправления в удаленном от Центра самобытном крае. Примечательны представленные в нем рассуждения автора об эффективности земской работы в уезде, где первоначально «крупной силой сопротивления нормальному развитию земского самоуправления» являлись оторванность от крупных очагов промышленной и культурной жизни, ведение экстенсивного земледелия переселенцами-новоселами, преобладание нерусского населения с «очень примитивным строем жизни и застойным миросозерцанием»[5].

Служащий Уфимской губернской земской управы В.Ф. Герасимов в представленном им обзоре деятельности губернского земства показал возрастание ро-

---

[1] Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. Златоуст, 1914 ; Невский В.А. Исторический очерк первого сорокалетия деятельности Стерлитамакского уездного земства (1875–1914). Стерлитамак, 1914 ; Герасимов В.Ф. Очерк деятельности Уфимского губернского земства : к 50-летию введения земских учреждений. Уфа, 1914.

[2] Григорьев П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию : 1875–1910 гг. Уфа, 1910.

[3] Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства… С. 61.

[4] Там же. С. 80.

[5] Невский В.А. Исторический очерк первого сорокалетия деятельности Стерлитамакского уездного земства (1875–1914). С. 5–6.

ли исполнительной власти в мероприятиях местного самоуправления и выделил значение коллегиальных органов при губернской земской управе. К «одной из лучших жемчужин» в деятельности уфимских земцев он отнес их приверженность к принципам гуманности, что, по мнению автора, позволило занять Уфимскому земству «почетное место в политической жизни страны»[1].

Особую ценность дореволюционным трудам по истории уфимских земств придает то обстоятельство, что в них использованы многие не дошедшие до современных исследователей документальные материалы.

Подводя итог обзору дореволюционной литературы по теме, следует сказать, что она не только ввела в научный оборот богатый фактический и статистический материал, но и положила начало проблемно-тематическому подходу при изучении истории земских учреждений. Кроме того, сочинения современников земских учреждений передают нюансы исторической эпохи, «дух» событий тех лет.

В советской гуманитарной науке трактовка исторического процесса с позиций лишь с марксистско-ленинских позиций привела к тому, что земские учреждения стали рассматриваться только в свете «заката» капиталистической общественно-экономической формации при освещении «революционных ситуаций» во второй половине XIX – начале XX в. Полноценная советская историография по теме диссертационной работы начала складываться с конца 1950-х гг., в период так называемой оттепели. Первыми новые концептуальные подходы при изучении истории земских учреждений продемонстрировали В.В. Гармиза и Л.Г. Захарова.

В монографии В.В. Гармизы под названием «Подготовка земской реформы 1864 г.» центральное место занял вопрос о реформаторском потенциале царского правительства, способности самодержавной власти ответить на вызовы времени и учредить всесословное местное самоуправление. В конечном итоге автор прихо-

[1] Герасимов В.Ф. Очерк деятельности Уфимского губернского земства : к 50-летию введения земских учреждений. С. 39.

дит к выводу, что земство разрушало прежние основы бюрократического управления и двигало страну к буржуазной монархии[1].

В.В. Гармиза тщательно проанализировал проекты высокопоставленных чиновников и известных общественных деятелей о необходимости предоставления земствам самостоятельности в круге вверенных им дел. Он привел доводы М.А. Корфа о невозможности координировать работу земств со стороны административной власти из-за обширности территории страны и различий местных условий «как природных, так и в языке, религии, обычаях»[2]. По его мнению, отделение хозяйственной области от общей администрации привело к раздроблению местного управления между различными «коронными» и земскими учреждениями, что сдерживало местную деятельность[3].

В работе Л.Г. Захаровой, посвященной истории «земской контрреформы» 1890 г., наряду с политическими причинами, впервые были выделены также социально-экономические предпосылки изменения правительственного курса по отношению к органам местного самоуправления[4]. Проведенный ею анализ сословной составляющей уездных земских собраний выявил характерные тенденции. Так, если в центрально-промышленных и южно-степных губерниях численность дворян-гласных сокращалась, то в центрально-черноземном и средне-волжском регионах наблюдалась противоположная картина. Получалось, что контрреформа 1890 г. оказала значительное влияние на нивелировку региональных отличий, обнаружившихся уже внутри самих земских учреждений.

Из советских историков региональную историю земств впервые осветил М.И. Черныш. В его труде на примере истории Пермского земства достаточно убедительно были показаны позитивные результаты деятельности органов местного самоуправления в области народного образования и медицины. Но, по мне-

---

[1] Гармиза В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. С. 252.
[2] Там же. С. 209.
[3] Там же. С. 249–250.
[4] Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

нию исследователя, они значительно уступали по масштабности достижениям советской власти в этих сферах[1].

Уральский историк ввел в научный оборот широкий пласт источников по истории местного земства, но обошел вниманием целый блок информации относительно земского самоуправления среди нерусского населения Красноуфимского, Осинского и других уездов. В частности в его книге отсутствуют данные о распространении земских школ среди башкир, татар, марийцев и других нерусских народов региона. В ней имеется лишь краткое упоминание об участии земства в области школьного просвещения коми-пермяцкого населения Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии[2].

В дальнейшем появился целый ряд диссертационных исследований по истории земств отдельных губерний, которые дополнили вывод М.И. Черныша о значительном вкладе земских учреждений в хозяйственное и культурное развитие российских регионов[3]. Они подробно проанализированы в историографическом исследовании В.А. Горнова.

Рязанский исследователь сделал обоснованный вывод, что выработанная в региональных исследованиях методика делает возможным комплексное исследование любого земства[4]. Вместе с тем проведенный автором анализ диссертационных работ показывает, что не только их тематика, а во многом и методика связаны с состоянием и качеством сохранившихся источников по истории того или иного земства. Так, «блестящий очерк» А.А. Марьяновского по истории земской статистики в Воронежском крае во многом был обеспечен материалами земского статистика Ф.А. Щербины[5]. В связи с этим следует выделить другую проблему – огульное применение общей методики исследования может скрыть региональную

---

[1] Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959.
[2] Там же. С. 178.
[3] См., например: Хайкина Н.Л. Земские учреждения в Самарской губернии в 1864–1881 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Куйбышев, 1961 ; Львова Т.Н. Московское земство (социальный состав и практическая деятельность) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968 ; Стефанова И.И. Вятское земство в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974 ; и др.
[4] Горнов В.А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 1940-х – начала 1990-х годов. Рязань, 1997.
[5] Там же. С. 96.

специфику земства. Поэтому исследовательские подходы и методы изучения разных земств должны, по нашему мнению, вырабатываться каждым исследователем индивидуально.

Одним из ведущих направлений в советской исторической науке стала история либерализма. Ее поддержка со стороны организаторов науки объяснялась в первую очередь давлением на них идеологии КПСС, бывшей тогда не только господствовавшей, но и единственной официальной в стране. В соответствии с ней, ученые-историки изучали земский либерализм в тесной привязке к революционному движению и как заведомо ограниченное в политическом плане движение. Например, в солидных трудах Е.Д. Черменского, Ю.Б. Соловьева, К.Ф. Шацилло, В.В. Шелохаева, Н.Г. Думовой и других тщательно исследована деятельность либеральных партий, программы которых были популярны также среди земцев[1].

Региональная составляющая земского либерального движения была исследована Н.М. Пирумовой. Она изучила состав земских гласных и выделила костяк либеральной оппозиции в земских губерниях, в том числе в Уфимской губернии[2]. В другой ее монографии на основе широкого круга источников детально показано участие земской интеллигенции в общественно-политическом движении[3]. Приведенные автором факты и данные о численности и социальном составе профессиональных групп земских служащих, биографии отдельных персоналий, в том числе служащих Уфимского земства, до сих пор сохраняют свою научную ценность.

Большой самостоятельной темой советских историков стало изучение продовольственного снабжения армии в период Первой мировой войны и участия в нем земств. К примеру: значительный объем информации о продовольственных

---

[1] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970 ; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981 ; Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983 ; Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. : организация, программа, тактика. М., 1985 ; Шелохаев В.В. Партия октябристов в период Первой российской революции. М., 1987 ; Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988 ; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914. М., 1991 ; и др.

[2] Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.

[3] Ее же. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986.

поставках на фронт и управляемом рынке хлебов содержит книга Н.Д. Кондратьева, написанная в первые годы советской власти[1]. В фундаментальных монографиях А.М. Анфимова и Т.М. Китаниной в контексте исследования хлебного рынка и государственной организации продовольственного снабжения систематизированы ценные документальные и статистические сведения об объемах заготовок мяса и хлеба во всех земских губерниях[2].

Советский период можно назвать провальным для историографии Уфимского земства. Только в работах по истории революционного движения некоторое освещение получили биографии отдельных земских служащих, разделявших идеологию большевиков[3]. Помогают прояснить условия хозяйственной деятельности земских учреждений в Уфимской губернии труды Х.Ф. Усманова и Б.С. Давлетбаева по истории Башкирии пореформенного периода[4].

С началом «перестройки» историки пересмотрели сложившиеся в отечественной исторической науке парадигмы, в том числе по истории земского самоуправления. Например, новую концепцию преобразований 1860-х гг. изложил Б.Г. Литвак в книге «Переворот 1861 года в России», отдельный раздел которой посвящен земской реформе[5]. Главным промахом власти при модернизации страны автор назвал неспособность царской монархии и высших властей завершить политические реформы. В его работе на первый план выдвинута «политтехнологическая» сторона государственных преобразований и впервые отодвинут на второй план краеугольный камень советской историографии: постулат о неизбежности революции 1917 г. и земельном вопросе как о ее главной первопричине.

Новизной отличались также исследовательские подходы Г.А. Герасименко, который рассмотрел земства как передовые учреждения буржуазии и либераль-

---

[1] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. [1-е изд. М., 1922].

[2] Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962 ; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985.

[3] Скачилов В.А. Люди подвига и долга. Уфа, 1973 ; Усманов А.Н. Сквозь вихри враждебные. Уфа, 1976.

[4] Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981 ; Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983.

[5] Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 228–243.

ных помещиков, противопоставленные царской бюрократии[1]. Введенный в оборот новый региональный материал, в том числе и по Уфимской губернии, автор использовал для дополнения сводной картины развития российского земства. Он отметил неодинаковую продуктивность деятельности земских учреждений по регионам, связав это с неравномерностью процессов обновления общества и приспособления его к капиталистическим отношениям. Земства центрально-промышленных и южных губерний Г.А. Герасименко охарактеризовал как более активные за счет мощного экономического и культурного потенциала, а земства земледельческих губерний – как более отсталые[2]. К сожалению, за пределами его монографии осталась динамика развития земских губерний в 1907–1914 гг., когда за счет существенных государственных пособий прежде отсталые земства развернули широкую социальную деятельность среди местного населения.

В целом, советская историческая наука достигла больших успехов в академическом изучении многих социально-экономических и политических аспектов земского самоуправления. Благодаря широкой источниковой базе большинство работ 60–80-х гг. XX в. сохраняют свою научную ценность. К числу основополагающих недостатков советской гуманитарной мысли относятся, прежде всего, заданность исследований в русле марксистско-ленинской идеологии, отсутствие дискуссий по проблематике, игнорирование исследовательских оценок и источников, не укладывавшихся в официальную точку зрения.

Современная отечественная историография земского самоуправления представлена достаточно большим количеством исследований разного уровня и тематической направленности. В последнее время появились специальные историографические исследования[3], в том числе с применением методов компьютерных

---

[1] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

[2] Там же. С. 44.

[3] См., например: Горнов В.А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 1940-х – начала 1990-х годов ; Ярцев А.А. Земства в политической системе царизма: историографические вопросы // Земский феномен политологический подход. Саппоро, 2001. С. 12–37 ; Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917) : аналитический обзор. М., 2003 ; Чернышева Е.В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии. Челябинск, 2010 ; и др.

технологий[1]. Как новое направление российской исторической науки можно выделить работы по анализу источников по истории земства[2].

Признание многовариативности развития российской истории и установившийся в стране либеральный политический курс повысили интерес к истории отечественного либерализма. Основательное исследование о земском либеральном движении периода Первой русской революции провела Н.Г. Королева[3]. В ее работе на основе богатого фактического материала показаны позиции землевладельческого дворянства в земских собраниях, его постепенный, но неуклонный дрейф вправо и лояльное отношение к власти в обстановке постепенного спада революции. В конечном итоге автор разделяет устоявшуюся в исторической литературе точку зрения о несовместимости царского самодержавия с идеей местного самоуправления[4].

На наш взгляд, требует уточнения распространенное, в том числе в труде Н.Г. Королевой, утверждение об исчерпанности проблемы земского либерализма после 1907 г., когда на арену вышли разные политические партии. Земский фактор, может быть, и отошел на второй план под влиянием деятельности либеральных партий в центре, но в провинции земцы продолжали оставаться главными и едва ли не единственными участниками либерального общественно-политического движения.

В последние годы широкую известность получили труды по либерализму В.В. Шелохаева. В них особо подчеркивается тема отечественного либерализма, которая имеет не только академический, но и практический интерес, «ибо нереализованное в одних исторических условиях, вполне может быть востребовано в других»[5].

---

[1] Пьянков А.С. История земского самоуправления: опыт компьютеризированного историографического исследования // Вестн. Пермского ун-та. 2015. Сер. : История. Вып. 3 (30). С. 52–60.

[2] См., например: Угрюмова М.В. Документальное наследие российских земств. Нижневартовск, 2014 ; Корниенко С.И., Гагарина Д.А. Отечественная история: новые методы изучения источников // Власть. 2015. № 9. С. 46–53 ; и др.

[3] Королева Н.Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995.

[4] Там же. С. 7–8.

[5] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 4.

Для объяснения взаимодействия земств многонациональных губерний с населением В.В Шелохаев провел анализ постановки и решения русскими либералами национального вопроса. Среди прочих интересна сформулированная П.Н. Милюковым идея космонационализма – равноправия народностей в составе единого полиэтничного «государства национальностей», она соответствовала политике уфимских земств[1]. В одной из последних работ ученого главной причиной противостояния земства и правительства назван конфликт между самодержавием и гражданским обществом[2]. По его мнению, основная цель русского либерализма – построение правового государства и гражданского общества – остается до настоящего времени актуальной для нашей страны.

В настоящее время активно исследуется проблема «земство и власть». Интерес к ней диктуется ростом популярности институциональной истории, потребностью в получении новых знаний об историческом опыте земских учреждений и поиском неконфликтных трактовок развития истории. В современной историографии чаще всего местные и центральные власти рассматриваются как существенный элемент регулирования процесса земского самоуправления, а земство вводится «в контекст» процесса административного управления.

Не последнее значение имеет при этом прагматический интерес. Известный писатель и мыслитель А.И. Солженицын писал о государственно-земском строе как о действенной модели «сочетанной системы управления» в дореволюционной России, которая актуальна и для современности[3]. По его мнению, создание «земской вертикали» из самоуправляющихся органов местного, районного, областного и всероссийского значения способствовало бы согласованию народных и государственных интересов[4].

Одним из первых обстоятельных исследований о взаимодействии земств с местной администрацией и центральной правительственной властью стала моно-

---

[1] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. С. 71–113.
[2] Его же. Местное самоуправлении: бюрократическая и либеральная модели в пореформенной России // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. М., 2015. С. 88–92.
[3] Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. СПб., 2015. С. 306.
[4] Его же. Россия в обвале. М., 1998.

графия Л.А. Жуковой[1]. Новизной отличается ее вывод о том, что, несмотря на самые разнообразные формы, губернаторский контроль над земствами оказался на деле малоэффективным и формальным[2]. Она обосновала: конфликты администрации и земства были вызваны, в первую очередь, несовершенством земского законодательства[3]. Ее концепция о преимущественно противоречивом взаимодействии земства и бюрократии в целом схожа с предшествующими трактовками этой проблемы дореволюционными либеральными и советскими авторами.

Распространенное в историографии мнение о постоянном притеснении земств со стороны администрации, заложенные представителями земского либерализма, пересмотрел А.А. Ярцев. В его публикациях отражено взаимодействие земских учреждений с органами правительства на примере северо-западных губерний[4]. В результате сплошного исследования сенатских решений по земским вопросам за период 1864–1890 гг. автор пришел к правомерному выводу, что практическая деятельность верховного судебного учреждения империи «не позволила местной и центральной администрации подмять под себя земские органы самоуправления дореволюционной России»[5].

Органы земского самоуправления представлены как принципиально новый институт в системе российской государственности в работах Л.Ф. Писарьковой, А.Ю. Шутова, Н.И. Горской и Л.Е. Лаптевой.

Комплексное исследование российских традиций местного самоуправления позволило Л.Ф. Писарьковой обосновать сословный характер земств и их ориентированность на совместную деятельность с коронными властями. В своих пуб-

---

[1] Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество. 1864–1917. М., 1998 ; Ее же. Административный контроль и земское самоуправление 1864–1881 // Земское самоуправление в России : 1864–1918 : в 2 кн. М., 2005. Кн. 1 : 1864–1904. С. 176–280.

[2] Ее же. Земское самоуправление и бюрократия в России. С. 102–103.

[3] Ее же. Административный контроль и земское самоуправление 1864–1881. С. 230.

[4] См., например: Ярцев А.А. Земство и государственная власть в 1864–1904 гг. (на материалах северо-западных губерний) // Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001.

[5] Ярцев А.А. Правоприменительная практика Сената как верховного административного суда. 1864–1890 гг. (по материалам споров губернаторов с земскими органами самоуправления) // Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 243–256.

ликациях она подчеркивает, что инициаторы реформ 1860–1870-х гг. в целом проигнорировали национальные особенности российской государственности[1].

А.Ю. Шутов, напротив, считает, что становление местного самоуправления в России происходило по тем же закономерностям, как и в Европе, где оно, правда, заняло более длительное время[2]. По его мнению, использование западного опыта не противоречило и не препятствовало складыванию национальной модели местного самоуправления[3]. Ученый рассматривает преобладание в земствах дворянской поземельной аристократии как своеобразную российскую модель власти элит. Этот вывод он подтверждает анализом земской избирательной системы, которая после 1890 г. ставила целью «установление законодательных гарантий» участия дворянства в земских собраниях[4].

Всесторонний историко-правовой анализ земского самоуправления был проведен Л.Е. Лаптевой. Рассматривая земство в контексте регионального и местного управления в России, она характеризует его как «классический образец территориального самоуправления»[5]. По ее мнению, «земское общественное управление не было чуждо российской традиции», хотя оно и реализовывало новые принципы, не свойственные ранее институтам публичной власти в России[6]. Идея соединения государственного и общественного элементов в местном управлении оценивается автором как весьма плодотворная.

---

[1] Писарькова Л.Ф. Развитие системы местного самоуправления в России до Великих реформ // Земское самоуправление в России. Кн. 1 : 1864–1904. С. 20–48 ; Ее же. Исторические корни самоуправления в России // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. М., 2015. С. 14.

[2] Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX – начала XX века). М., 2011.

[3] Там же. С. 404–405.

[4] Там же. С. 6, 298.

[5] Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993 ; Ее же. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М., 1998. С. 72.

[6] Ее же. Земская реформа 1864 г.: дань традиции или модернизация европейского типа? К вопросу о роли местного самоуправления в развитии правовой культуры пореформенной России // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. С. 87–89.

Малоизученная проблема участия земства в становлении и развитии мирового суда в России освещается в монографии Н.И. Горской[1]. В ней на широкой документальной основе показан немалый общественный потенциал земских учреждений, который в условиях ограниченности кадровых и финансовых ресурсов центральной власти способствовал быстрому проведению судебной реформы. Автором обоснован общественно-государственный характер органов земского самоуправления[2]. В целом в ее исследовании проводится мысль, что огосударствление органов местного самоуправления, при всей обусловленности данного процесса, придало земствам совершенно другое направление развития.

Взаимодействие власти и земства прослежено в исследовании М.С. Чиркова по материалам Самарской губернии. В нем подчеркивается, что правительственная политика сдерживания и ограничения земских инициатив была с течением времени пересмотрена. Как пишет автор, в 1904–1914 гг. произошло определенное расширение прав и полномочий земств, а во время думской монархии «власть и земство получили исторический шанс вывести Россию на качественно новый этап развития», который, однако, не был использован[3]. По его мнению, земско-государственное сотрудничество могло стать определенным фундаментом для решения острейших социально-экономических и политических проблем.

В историко-юридическом исследовании В.В. Куликова рассматриваются механизмы и результат административного надзора за земским самоуправлением. В нем положительно оценено изменение земского законодательства после 1890 г. и указано на содержательное несоответствие термина «земская контрреформа»[4]. По концепции автора, только государственная теория самоуправления могла способствовать приспособлению самодержавия к свершившимся в Российской империи в пореформенный период социально-экономическим переменам. На наш

---

[1] Горская Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика 60–80-х гг. XIX в. М. ; Смоленск, 2009. С. 97–99.

[2] Там же. С. 100–115.

[3] Чирков М.С. Земство и власть в России, 1890 – февраль 1917 гг. : дис. … канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 168–170 ; Его же. Земство и власть в Российской империи : 1890–1916 (по материалам Самарской губернии). Самара, 2006.

[4] Куликов В.В. Становление земского самоуправления : законодательство и практика. Киров, 2009. С. 160–165.

взгляд, в монографии не принята во внимание роль общественной инициативы в земских учреждениях, которая оставалась важным двигателем многих начинаний.

Проблеме взаимодействия местного самоуправления и государственной власти посвящена монография П.В. Галкина[1]. На примере Московской губернии автор подробно проследил практически неизученные вопросы проведения земских выборов и показал закономерность учреждения органа административного надзора за земским избирательным процессом. Проведенный им анализ протестов губернаторов на постановления земских собраний показал эффективность административного контроля и вместе с тем снижение активной роли губернатора в результате контрреформы 1890 г.[2] Вывод исследователя о возможности трансформации органов местного самоуправления после 1917 г. указывает на универсализм созданной российской модели общественного самоуправления.

Отношения между государственными и общественными учреждениями складывались под влиянием региональных условий, что показано в работе О.Н. Богатыревой на примере земств Вятской и Пермской губерний. Она заметила, что отсутствие традиций дворянского самоуправления на Урале привело к партнерскому взаимодействию правительственных и общественных органов, определенному патернализму со стороны губернской администрации. Опираясь на результаты контент-анализа содержания всех протестов губернаторов на постановления земских собраний Вятской и Пермской губерний за 1867–1916 гг., автор опровергает тезис об усилении после 1890 г. административного контроля за земскими органами[3].

Несколько иную картину взаимодействия земств Урала с властными структурами и обществом после 1890 г. представила в своем исследовании Л.В. Женина[4]. Конкретно-исторические формы сотрудничества государственных

---

[1] Галкин П.В. Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть : 1864–1917 гг. М., 2012.
[2] Там же. С. 312–415, 409.
[3] Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург, 2004.
[4] Женина Л.В. Земства Урала : взаимодействие с властными структурами и обществом (1890–1907 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2004.

и земских учреждений она охарактеризовала как иерархичные и показала зависимое положение земств от правительственных органов на уровне организационного строения и реализации властных полномочий. Ею указано на схожесть и различия земских и правительственных подходов к управлению краем: земства подавляли предпринимательскую активность и ослабляли личную инициативу граждан, но политику экономической поддержки населения органы местного самоуправления проводили активнее, чем государственные структуры[1].

Проблема взаимодействия земства и власти раскрывается также в трудах, посвященных отдельным аспектам и хронологическим периодам деятельности земств. Так, участию земств в реализации аграрной реформы П.А. Столыпина посвящены труды А.В. Ефременко. В них показано, что мероприятия земства в области агрономии, с одной стороны, и правительственная политика по землеустройству и модернизации сельского хозяйства страны, с другой – имели принципиально разные цели[2].

Схожая точка зрения обоснована и Н.Г. Королевой, которая показала, что большинство земств выступило против политики П.А. Столыпина по исключительной поддержке единоличных хозяйств. Земские учреждения противопоставляли, по мнению автора, политике премьер-министра альтернативу агрокультурного преобразования деревни в целом[3].

В качестве основного потенциала земского самоуправления А.В. Ефременко и Н.Г. Королева рассматривают общественное начало и реализуемые с его помощью проекты в интересах населения и местности.

Положительно оценила земско-государственное сотрудничество в годы столыпинской реформы Е.М. Петровичева. Она показала особое значение правительственных субсидий для совместного развития органами местного самоуправления

---

[1] Женина Л.В. Земства Урала: взаимодействие с властными структурами и обществом (1890–1907 гг.) : автореф. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004. С. 17–21.

[2] Ефременко А.В. Земская альтернатива столыпинской приватизации. Ярославль, 1999; Его же. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002.

[3] Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914). М., 2011. С. 212 ; Ее же. Социальная направленность земской хозяйственно-экономической деятельности // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. С. 108–116.

и государственным аппаратом агрономической помощи населению[1]. Значительные результаты, достигнутые в итоге совместной деятельности земских и государственных органов, позволили ей сделать вывод, что земства заняли новое место в системе государственного управления. В другой ее монографии о земствах Центральной России периода Первой мировой войны сделан вывод о губительных последствиях земской оппозиционности для жизнеспособности монархии[2]. Он вытекает из историко-политологического подхода к проблеме, когда земство рассматривается как элемент политической системы, которым оно к тому времени уже действительно являлось.

Деятельность земских учреждений в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. в общероссийском масштабе исследовал Н.Д. Судавцов[3]. Он ввел в научный оборот солидный документальный материал об участии местных органов самоуправления в организации снабжения армии. Проблема обострения противоречий между государственной властью и земством рассмотрена ученым как закономерный итог системного кризиса в России, разразившегося так остро под влиянием войны. Подробно проследив судьбу земских учреждений после Февраля 1917 г., автор монографии выявил ограниченность возможностей их демократизации и реформирования в условиях резкой смены общественно-политического строя в стране.

Сложным и недостаточно изученным аспектом темы является финансовая сфера земского самоуправления. Рассматривая формирование земских доходов в своей работе Л.Е. Лаптева обратила внимание на то, что правительство не проявляло заинтересованности в увеличении земских доходов по политическим соображениям[4]. В монографии В.Ф. Абрамова комплексно освещаются вопросы зем-

---

[1] Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период Думской монархии (1906 – первая половина 1914 гг.). М., 2001.
[2] Ее же. Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001.
[3] Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М. ; Ставрополь, 2001.
[4] Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. С. 61.

ского налогообложения, принципы формирования земских бюджетов, а также их динамика в общероссийском масштабе[1].

В обобщающем труде по истории земского самоуправления, подготовленном Институтом российской истории Российской академии наук, представлены результаты исследований Е.Н. Морозовой о значении податного вопроса в истории земской реформы, а также Н.Г. Королевой о развитии земских смет в 1907–1914 гг. на фоне правительственного участия в реализации ряда крупных земских программ[2].

В монографии Т.И. Волковой на примере Центральной России детально изучены вопросы разработки критериев оценки недвижимости для земского налогообложения и формирования основ земского бюджетирования. Автор приходит к заключению, что после принятия закона 8 июня 1893 г. земские методы оценки земель были узаконены правительством в качестве единых стандартов[3]. Влияние социального фактора на выработку налоговых ставок показали самарские историки, установившие, что оценочно-статистические работы «позволили оптимизировать земские сборы и платежи»[4]. Проблема земского налогообложения рассматривается также в исследовании С.В. Лёвина о развитии земской статистики в Поволжье. Автор проследил развитие земских оценочных работ и показал, что их развитие первоначально замедлялось недостатком специалистов и финансирования[5]. По его мнению, проведенные в начале XX в. работы по оценке земель позволили земствам «значительно пополнить за счет этого свои бюджеты»[6].

---

[1] Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы, культура. М., 1996. С. 14–40.

[2] Морозова Е.Н. Податный вопрос в истории земской реформы // Земское самоуправление в России. Кн. 1. С. 103–116 ; Королева Н.Г. Финансовое обеспечение земских программ в 1907–1914 годах // Земское самоуправление в России. Кн. 2. С. 131.

[3] Волкова Т.И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губерний Центральной России). Ярославль, 2012. С. 34.

[4] Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.) / под ред. проф. П.С. Кабытова. Самара, 2009. С. 143–148, 365.

[5] Лёвин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье. Тамбов, 2014. С. 252–257.

[6] Его же. Становление и развитие земской статистики в Поволжье (1882–1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Саратов, 2015. С. 10.

Одним из бурно развивающихся направлений постсоветской историографии является региональный уровень земского самоуправления[1]. По мнению В.А. Горнова, детальное раскрытие «тех или иных сторон организации и деятельности» земств в разных частях страны, выгодно отличает отечественную историографию земства от зарубежной[2]. Н.Г. Королева правомерно считает, что такой подход способствует расширению научно-информационной базы для понимания научной проблемы и «позволяет по-новому взглянуть на роль и место земских учреждений в реформированном государственном управлении»[3]. Некоторые слабые стороны работ по провинциальным материалам обозначил А.А. Ярцев. Он отметил схожесть методик и планов исследований большинства региональных исследований, что приводит их авторов к однотипным выводам[4].

Анализируя историографию по истории земств Урало-Поволжья, необходимо выделить три группы работ. К первой из них относятся труды, в которых выделены особенности земской деятельности среди многонационального населения; ко второй – комплексные исследования, в которых Уфимское земство исследуется в составе обширного региона из нескольких земских губерний; и, наконец, к третьей – сочинения, посвященные непосредственно истории земства в Уфимской губернии.

Среди первой группы работ отметим в первую очередь новейшие работы по истории Казанского, Самарского, Вятского земств. В обстоятельном труде Ю.Е. Железняковой земская школа Казанской губернии характеризуется как эт-

---

[1] См., например: Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX в.) : дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996 ; Кривонос М.А. Мятежное земство. Тверь, 2001 ; Адаменко О.В. Организация системы земского самоуправления на Юго-Востоке России (Астраханская, Оренбургская и Ставропольская губернии) : дис. … канд. ист. наук. М., 2003 ; Гаврилова О.А. Земство и революция. 1917 год в Петроградской губернии. СПб., 2010 ; Кобзева Т.А. Земские органы самоуправления Симбирской губернии. 1905–1918 гг. Ульяновск, 2012 ; Курошева М.С. Становление Смоленского земства (1864–1889 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2015 ; и др.

[2] Горнов В.А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 1940-х – начала 1990-х годов. Рязань, 1997. С. 13.

[3] Королева Н.Г. Введение // Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. М., 2005. Кн. 1 : 1864–1904. С. 13.

[4] Ярцев А.А. Земства в политической системе царизма: историографические вопросы // Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001. С. 26.

нотолерантная по признаку смешанного состава ее учащихся из разных народностей[1]. Автор обоснованно считает, что земские русско-татарские школы внесли значимый вклад в формирование татарской светской интеллигенции[2].

К проблеме участия мусульман в органах местного самоуправления обратилась Г.Р. Зигангирова. В ее диссертационном исследовании приводятся ценные сведения о том, что мусульманское население Казанской губернии проявляло в земских учреждениях и выборном процессе гораздо меньше активности, чем башкиры и татары Уфимской и Оренбургской губерний[3].

В работе О.В. Тургановой о культурно-просветительской деятельности земств Самарской губернии сделаны интересные наблюдения о росте популярности земских школ среди местного нерусского населения и раскольников благодаря реализации органами самоуправления принципа бесплатного обучения. В ней приведены также сведения о финансировании отдельными земствами конфессиональных школ мусульман в ходе реализации планов всеобщего обучения[4].

Исследование о взаимодействии Самарского земства с крестьянским мусульманским населением провела Л.М. Владимирова. Она проанализировала представительство башкир и татар в земских собраниях, а также хозяйственно-культурные мероприятия земства среди местного населения. Это дало ей возможность утверждать, что до начала XX в. приобщению мусульман к земским нововведениям препятствовала их заметная изолированность от русского социокультурного пространства[5]. В ее работе показано также, что по количеству гласных из мусульман земства Поволжского региона уступали земствам Уфимской губернии. Автор не объяснила причины данного явления, и неясно, было ли это связано с пассивностью избирателей от башкирских и татарских обществ или с их неконку-

---

[1] Железнякова Ю.Е. Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. Казань, 2005. С. 29–34.
[2] Там же. С. 38.
[3] Зигангирова Г.Р. Система органов местного самоуправления Казанской губернии в середине XIX – начале XX века (организация и место в общественно-политической жизни) : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2003. С. 121.
[4] Турганова О.В. Культурно-просветительская деятельность земств Самарской губернии (1864–1917 гг.). Уфа, 2004. С. 19, 32.
[5] Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.). Казань, 2016.

рентоспособностью на объединенных волостных сходах и съездах сельских избирателей.

Во второй группе работ история Уфимского земства освещается в контексте развития земств определенного региона. Удачный опыт такого подхода осуществлен в исследованиях О.А. Курсеевой о земском либеральном движении в Поволжье и Приуралье[1]. В них на материалах девяти земских губерний прослеживается формирование реформаторской программы земских либералов с середины 1890-х до 1907 г. В многонациональных губерниях, как отмечает автор, она включала также требования по решению национального вопроса, уравнению в правах «инородцев», расширению веротерпимости[2].

На наш взгляд, О.А Курсеева, указывая на значительное влияние земского либерализма на общественно-политическую жизнь в провинции только до периода думской монархии, необоснованно ограничила поле своего исследования[3]. Первоисточники показывают, что оживление либерального движения в год юбилея земских учреждений в 1914 г., а затем в период Первой мировой войны является яркой страницей общероссийского земского либерального движения, региональный уровень которого остается пока недостаточно изученным.

Исследуя Уфимское земство в рамках отдельных регионов, авторы по-разному очерчивают их географические рамки, а также по-разному расставляют акценты. Например, в диссертации М.С. Нагорной, защищенной в 1999 г., история земского самоуправления на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны изучается на материалах Уфимского и Оренбургского земства[4]. Автор рассмотрел два важных аспекта темы: участие земских учреждений в работе Всероссийского земского союза помощи больным и раненым и основы организации бюджетно-финансовой сферы земского самоуправления[5].

---

[1] Курсеева О.А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX веков (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Уфа ; Стерлитамак, 2003 ; Ее же. Земский либерализм в конце XIX – начале XX века: региональный аспект. Уфа ; Стерлитамак, 2008.
[2] Там же. С. 159, 244.
[3] Там же. С. 467.
[4] Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 – февраль 1917) : дис. … канд. ист. наук. Курган, 1999.
[5] Там же. С. 65.

Ряд важных проблем, затронутых в работе М.С. Нагорной, остались, однако, недостаточно раскрытыми. Так, после анализа многонационального состава населения Южного Урала, который по утверждению автора предопределил особенности политики земств, в исследовании приведен всего один пример о существовании «инородческих отделов» при земских управах Уфимской губернии[1]. Информация о деятельности аналогичных отделов в земских управах Оренбургской губернии и их мероприятиях в научной работе не представлена. Нет сведений и относительно участия уфимских и оренбургских земств в продовольственном снабжении фронта и тыла, которое стало основным их вкладом в дело обеспечения армии в период Первой мировой войны.

В монографии А.В. Беседовской о системе местного самоуправления на Южном Урале рассматривается земское самоуправление в Уфимской и Оренбургской губерниях. Сильной стороной работы является подробное освещение вопроса реализации земской реформы среди башкир и казаков, главным образом путем анализа материалов дискуссии в центральных органах власти о целесообразности введении земских учреждений в Оренбургском крае[2]. Выводы автора об уфимских земствах более позднего периода часто основаны на материалах исследования Б.Б. Веселовского. С утверждением, что сложный сословный и национально-конфессиональный состав земств ограничивал их работу, также трудно полностью согласиться, поскольку упомянутые факторы не обязательно тормозили деятельность того или иного органа местного самоуправления[3].

История уфимских земств получила отражение в монографии И.В. Семенченко о земствах Южного Урала в 1917–1918 гг.[4] В ней объединен анализ деятельности земств Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний и введено новое понятие или же теоретический конструкт «Уральское земство», однако его значение не поясняется. Помимо всего прочего, автор впер-

---

[1] Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 – февраль 1917). С. 34.
[2] Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века). Оренбург, 2006. С. 68–71.
[3] Там же. С. 83.
[4] Семенченко И.В. Земство на Южном Урале в 1917–1918 гг. Челябинск, 2005. С. 39, 45.

вые в литературе изучил материалы земских выборов в 1917 г. и показал лидерство социалистов-революционеров в новых земствах, а также привел данные о численном составе уездных и губернского земств Уфимской губернии[1].

В другой работе И.В. Семенченко подробно рассмотрена социально-экономическая деятельность земств на Урале в 1900–1918 гг.[2] Выводы автора подтверждают социальную ориентированность и немалую эффективность деятельности земского самоуправления в регионе.

Схожей по тематике является монография М.С. Низамовой о социально-экономическом сфере деятельности земств Поволжья и Урала[3]. В регион Поволжья автор включил Казанскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую и Симбирскую губернии, а в Уральский – Вятскую, Пермскую и Уфимскую губернии. Рассматривая поволжские губернии как земледельческие, а уральские как промышленно-заводские исследователем сделаны большие обобщения о схожести условий их развития. С помощью анализа количественных показателей деятельности земств, опубликованных в дореволюционных статистических сборниках и обзорных трудах, в монографии систематизирован обширный круг сведений о разных направлениях работы органов местного самоуправления.

Чрезмерно обзорный характер и предсказуемость выводов объединяют научные труды И.В. Семенченко и М.С. Низамовой. Недостаточное внимание к конкретно-историческому анализу привело их к слишком широким обобщениям. Так, утверждение последней, что земства с «момента возникновения» не только поддерживали культурно-просветительскую работу среди нерусского населения, но и «требовали повсеместного введения преподавания на родном языке»[4], никак не применимо к начальному периоду земской деятельности. Первый автор пишет о том, что «на Урале регулярно проводились 3-годичные курсы подготовки пре-

---

[1] Семенченко И.В. Земство на Южном Урале в 1917–1918 гг. С. 43.
[2] Ее же. Социально-экономическая деятельность Уральского земства в 1900–1918 гг. Челябинск, 2006.
[3] Низамова М.С. Земства Поволжья и Урала (1864–1914 гг.): социально-экономический аспект. Казань, 2009.
[4] Там же. С. 195.

подавателей мусульман»[1], хотя такое мероприятие реализовалось исключительно в Уфимской губернии.

Перейдем к анализу историографии земств непосредственно Уфимской губернии. Первой работой об уфимских земствах стали исследования Н.И. Леонова о буржуазных реформах в Башкирии. В них кратко проанализирована земская деятельность в области народного образования, медицины и дорожного дела[2]. Автор подчеркнул положительную роль органов самоуправления в решении местных хозяйственных и культурных вопросов, развитии дорожного сообщения. В качестве особенностей проведения земской реформы Н.И. Леоновым отмечены ее запаздывающий характер и отстраненность нерусского населения от возможностей приобщения к результатам деятельности земских учреждений[3].

В свое время автор настоящего диссертационного исследования впервые осуществила изучение деятельности Уфимского земства в области народного образования, ее правовой и экономической базы, а также осветила проблему включения башкирского населения в систему земского самоуправления[4].

Уже после наших работ появились соответствующие труды Н.С. Мысляевой и С.А. Севастьянова. В монографии первого автора была сделана попытка освещения ранее мало исследованных сюжетов истории земского самоуправления в Уфимской губернии: организация аппарата земских служащих, земского страхования и мирового суда[5]. Но при этом не использованы материалы уездных земств, а основным источником были сборники губернского земского собрания, что отразилось на качестве работы. В книге второго исследователя в основном затрагиваются проблемы, уже освещенные ранее в литературе: введение в Башкирском

---

[1] Низамова М.С. Земства Поволжья и Урала (1864–1914 гг.): социально-экономический аспект. С. 113.

[2] Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Башкирии. Уфа, 1993 ; Его же. Проведение реформ 1860–1870-х гг. в Башкортостане // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века : в 2 т. Уфа, 2006. Т. 1. С. 72–83.

[3] Леонов Н.И. Проведение реформ 1860–1870-х гг. в Башкортостане. С. 77.

[4] Азаматова Г.Б. Деятельность Уфимского земства в области народного образования (1874–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000 ; Ее же. Башкиры в системе земского самоуправления : 1870–1917 гг. (на примере Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний). Уфа, 2011.

[5] Мысляева Н.С. Земские учреждения Уфимской губернии: образование, организационно-правовая основа, деятельность. Уфа, 2005.

крае земских учреждений, экономические основы земства, оппозиционное земское движение и т.д.[1] По справедливому замечанию О.А. Курсеевой, указанный автор проигнорировал работы предшественников, а его попытка реконструировать земско-либеральное движение привела его к недостаточно обоснованным умозаключениям[2].

Целый ряд научных трудов посвящен отдельным аспектам деятельности Уфимских земств. Например, в монографии Н.Л. Власовой о земской статистике на Южном Урале подробно изучено развитие статистических исследований Уфимского губернского земства[3]. Автор показал зависимость финансовой деятельности земства от государственной финансовой системы и отметил отрицательное влияние земских налогов на экономически слабые крестьянские хозяйства. По мнению Н.Л. Власовой, в начале XX в. за счет земских оценочных работ «достигалась большая равномерность и справедливость» в налогообложении[4].

Развитию земской медицины в Уфимской губернии посвящена работа А.В. Никитиной (Ахметшиной). Она сделала вывод, что медицинская помощь распространялась от Центра к периферии, и одним из заметных достижений земства стала организация оказания психиатрической помощи в крае[5]. В комплексном исследовании Е.В. Шуляк о земской медицине и ветеринарии в Уфимской губернии интерес представляют анализ социокультурного портрета земского медицинского и ветеринарного персонала, а также ее вывод о значительном влиянии деятельности врачей на социокультурное развитие региона[6]. В исследовании Т.Р. Ризвановой о работе местных органов власти и самоуправления по борьбе с эпидемиями и эпизоотиями сделан вывод о медленном характере формирования

---

[1] Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии (последняя треть XIX – начало XX века). Уфа, 2006.

[2] Курсеева О.А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX веков (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). С. 47–48.

[3] Власова Н.Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875–1918 гг.). Уфа, 2012.

[4] Там же. С. 155.

[5] Никитина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010 ; Ахметшина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв. Стерлитамак, 2013. С. 124.

[6] Шуляк Е.В. Земская медицина и ветеринария в Уфимской губернии (1875–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2014. С. 15–16.

на местах единой системы предупреждения и прекращения многих народных бедствий[1].

Деятельность земства в области агрономии изучил П.Н. Алешин. Он проследил структурное развитие земской агрономической организации и предложил учитывать исторический опыт при решении современных проблем сельского хозяйства[2].

В трудах М.Н. Фархшатова подробно раскрыта деятельность уфимских земств в области народного образования, содержатся выводы о ее большей эффективности в земствах с демократичным составом гласных (Златоустовское, Мензелинское и Бирское уездные земства), влиянии земства на эмансипацию учительского труда по ходу развития народного образования в крае[3].

Согласно исследовательскому подходу, разработанному Л.М. Артамоновой, качественные сдвиги в народном образовании пореформенного периода брали начало в предреформенных процессах модернизации сферы обучения[4]. В более широком концептуальном плане исследовательница рассматривает развитие образования через призму позитивного взаимодействия государства и общества, в которое вовлекались непосредственно российские провинции[5].

Историю местной системы педагогического образования и развития профессиональных учебных заведений, в том числе земской фельдшерско-

---

[1] Ризванова Т.Р. Губернские власти и органы местного самоуправления Южного Урала в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011.

[2] Алешин П.Н. Деятельность Уфимского губернского земства в развитии агрономии края (1875–1917) : дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2010 ; Его же. Роль института земства в развитии региона: Историко-правовой анализ модели земской агрономии Уфимской губернии. М., 2016. С. 97–99.

[3] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М., 1994 ; Его же. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000.

[4] См.: Артамонова Л.М. Сельская школа середины XIX века и модернизация традиционного гендерного воспитания в России // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2017. Ч. 1. С. 282–291 ; Ее же. Обучение башкирских мальчиков в городских приходских училищах (модернизационный проект 1850 – 60-х гг.) // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1(45). С. 20–27.

[5] Ее же. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001.

акушерской школы и трехгодичных педагогических курсов Уфимского губернского земства исследовал Т.М. Аминов[1]. В научной работе Н.А. Вагапова представлены итоги скрупулезного анализа материалов арабографичной национальной прессы начала XX в. по истории просвещения мусульман, в том числе выявлена роль земств в области школьного образования татар и башкир[2].

В исследованиях О.А. Поляниной, Г.Э. Емалетдиновой и Л.Р. Габдрафиковой о городском самоуправлении в Уфимской губернии отмечены конфликты интересов городских и земских органов самоуправления в области налогообложения[3]. Первая из авторов подробно изучила формирование системы пенсионного обеспечения служащих органов местного самоуправления, в частности отметила низкую социальную эффективность пенсионной кассы Уфимского земства[4].

Для понимания экономических условий земской деятельности и формирования земской статистики важны труды А.З. Асфандиярова по истории кантонной системы управления Башкирским краем[5], М.И. Роднова о развитии уфимской земской статистики[6]. В монографии Д.П. Самородова о крестьянском переселении в Башкирию в пореформенный период охарактеризованы политика Уфимского губернского земства и отдельных гласных землевладельцев по земельному вопро-

---

[1] Аминов Т.М. Система педагогического образования в Башкирии : конец XVIII – начало XX века. Уфа, 1999 ; Его же. История профессионального образования в Башкирии : начало XVII века – до 1917 года. М., 2006. С. 114, 153–163.

[2] Вагапов Н.А. Проблемы образования и воспитания в татарской периодической печати : 1907–1916 гг. : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2006.

[3] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С. 93–95 ; Емалетдинова Г.Э., Кантимирова Р.И. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2010. С. 204 ; Габдрафикова Л.Р. Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местного самоуправления. Казань, 2013. С. 58.

[4] Полянина О.А. Становление российской системы пенсионного обеспечения муниципальных служащих (на материалах Уфимской губернии). Уфа, 2014. С. 72.

[5] Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии. Уфа, 2005.

[6] Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002 ; Его же. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5. С. 110–120 ; Его же. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012.

су[1]. Эволюцию местной административно-государственной системы управления на материалах Уфимской губернии исследовала Р.И. Кантимирова[2].

Проблемы земельных отношений в крае и политика правительства по их урегулированию освещены в монографии А.И. Акманова[3]. В работе М.А. Валеева об общественно-политическом движении в городе Уфе во время Первой русской революции содержится интересный вывод: «Земские служащие и либералы поддерживали друг друга в конфликте с властями»[4]. При исследовании социально-экономических процессов в 1917 г. Л.Д. Матвеева выявила, что Советы на Урале проводили политику недоверия к цензовым органам управления и с целью их демократизации планировали принять активное участие в выборах городских самоуправлений и земства[5]. Сведения об органах местного самоуправления и судьбе ряда земских деятелей в годы революций и Гражданской войны содержит исследование А.Д. Казанчиева[6].

В исследовании по истории губернской администрации на Урале оренбургского исследователя С.В. Любичанковского сделан важный вывод о влиянии проблемы деконцентрации власти в позднеимперской России на эффективность государственного управления на местах. По мнению автора, именно ограниченность полномочий губернской администрации негативно сказывалась на возможностях управления огромным краем[7]. Он доказывает, что для уфимской администрации

---

[1] Самородов Д.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период: 60–90-е гг. XIX в. Стерлитамак, 1996.

[2] Кантимирова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа ; Стерлитамак, 2000.

[3] Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007.

[4] Валеев М.А. Власть, либеральное общество и революционное движение в 1905–1907 гг. : на примере губернского города Уфы. Уфа, 2009. С. 52.

[5] Матвеева Л.Д. Социально-экономические процессы 1917 года в национальных регионах (на примере Башкирии). Уфа, 2004. С. 69.

[6] Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 года. Уфа, 2003.

[7] Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала 1892–1914 гг.). Самара ; Оренбург, 2007. С. 140–144.

была характерна более негативная оценка текущего состояния местного управления и более радикальные предложения по «исправлению» ситуации[1].

Ценные сведения о земских гласных Уфимской губернии из числа известных уральских заводовладельцев и предпринимателей содержат новаторские труды екатеринбургских историков. Вопросы социально-экономической истории горнопромышленной части уральского региона всесторонне исследовал Д.В. Гаврилов[2]. В фундаментальной монографии Е.Г. Неклюдова об уральских горнозаводчиках изучены биографии известных общественных деятелей А.Д. и Д.Д. Дашковых и их деятельность в земстве, воссоздана история складывания собственности и биографии заводовладельцев из числа крупнейших земских налогоплательщиков (И.П. и Н.П. Балашевых, В.С. Пашкова, А.И. Сухозанета и К.Э. Белосельского-Белозерского)[3]. Историю рода Злоказовых глубоко исследовал В.П. Микитюк. Он осветил биографии, предпринимательскую и общественную работу деятелей Златоустовского земства Ф.А. и Н.Ф. Злоказовых[4].

Вопросы изучения истории продовольственного обеспечения, возлагавшегося в отдельные периоды на земские учреждения, поднимаются в исследованиях Г.Е. Корнилова[5]. Выделяя периодичность голодовок как структурный элемент проблемы, автор указал на их связь с периодами модернизационных рывков в России в конце XIX – начале XX в. Это актуализирует, по его мнению, изучение

---

[1] Любичанковский С.В. Преобразование местного управления в России: столичное и региональное видение проблемы (начало XX в.) // Новый исторический вестн. 2007. № 2 (16). С. 78–90.

[2] Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (численность, состав, положение). М., 1985 ; Его же. Потерянная перспектива // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 48–93 ; и др.

[3] Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

[4] Микитюк В.П. Род Злоказовых. Екатеринбург, 2017.

[5] Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы / под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. Т. 1 ; Корнилов Г.Е. Формирование системы продовольственной безопасности России в первой половине XX века // Российская история. 2011. № 3. С. 91–104 ; Его же. Компаративный анализ истории голодовок населения Урала в конце XIX – середине XX в. : направления изучения // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX Всерос. историко-пед. чтения. Екатеринбург, 2016. Ч. 1. С. 177–185.

опыта земства в сфере продовольственного обеспечения населения страны, включенного в государственный механизм регулирования социальных проблем.

Практически неосвещенную в научной литературе проблему взаимодействия земской и горнозаводской медицины поднял в своем исследовании Э.А. Черноухов[1].

Государственную политику унификации местного самоуправления среди нерусских народов Урала и Сибири в пореформенный период обстоятельно проследила С.В. Голикова. Она особо отметила «естественный процесс сближения общин населения Урала» в результате смешения их этнического состава[2].

В разработку проблемы формирования гражданского общества в провинции, одним из элементов которого является развитие местного самоуправления, внесла вклад Е.Ю. Казакова-Апкаримова[3]. Наблюдения, сделанные ею в ходе изучения истории органов самоуправления уральских городов, применимы и к земскому самоуправлению[4]. Истории самоорганизации российской общественности в конце XVIII – начале XX в. посвящена коллективная монография ведущих исследователей в данной области[5]. Согласно ее концепции, гражданское общество в виде неполитических общественных организаций существенно дополняло деятельность органов государства и местного самоуправления.

Большое значение для методологии исследований по истории пореформенной России имеют фундаментальные труды представителей уральской исторической школы под руководством В.В. Алексеева[6]. Екатеринбургские ученые внесли

---

[1] Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 17–26.

[2] Голикова С.В. Самоуправление у народов Урала в пореформенный период // Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003. С. 326.

[3] Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление на Урале во второй половине XIX – начале XX века // Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. С. 243–312 ; Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в. : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011.

[4] Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 41–42.

[5] Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011.

[6] См., например: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков и др. Екатеринбург, 2011 ;

большой вклад в развитие современных трактовок модернизационных процессов, в том числе в регионах Российской империи во второй половине XIX – начале XX столетия.

Обобщая обзор новейшей отечественной историографии, следует отметить, что одной из главных отличительных ее черт стало значительное расширение спектра изучаемых проблем. За последние четверть века существенно выросло количество исследований, посвященных земству. В исторической науке наметилась тенденция к возрождению государственной теории земского самоуправления, которое стала изучаться как важная составляющая общей системы государственного управления в России.

При анализе вклада земских учреждений в общественный прогресс современные ученые нередко руководствуются теорией об альтернативных путях развития страны. В региональных работах получили освещение различные проблемы, связанные с особенностями земского самоуправления на территории Урало-Поволжья. Они существенно расширили нарративную и научную базу региональной истории земского самоуправления.

В целом, выявленные в рассмотренных выше работах взгляды на земское самоуправление и систему государственного управления на местах формируют новые положения о поступательном развитии российской государственности, трудностях и успехах реформаторской политики правительства в позднеимперский период.

По теме земства имеется также значительная зарубежная историография. В первую очередь ее отличает разнообразие концептуальных трактовок земского самоуправления. Другая ее особенность – большинство исследований создано американскими учеными. Обстоятельный историографический обзор сочинений

Цивилизационное своеобразие Российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011 ; Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу / ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2011 ; Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екатеринбург, 2014 ; Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX): региональное измерение / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург, 2016.

зарубежных коллег о земстве опубликовал А.А. Ярцев[1]. Американский ученый Б. Эклоф в отдельной статье также рассмотрел состояние и перспективы изучения проблемы земства. Он особо отметил, что направление внимания исследователей на губернский и уездный уровень земств необходимы для дальнейшего углубления изучения и переосмысления темы[2]. Анализ иностранной специальной литературы о русском либерализме проведен в трудах В.М. Шевырина, М.Д. Карпачева и Н.В. Макарова[3].

Из зарубежной историографии широко цитируемым является сборник «Земство в России: Эксперимент местного самоуправления», в котором с новыми выводами выступили Р.Т. Маннинг, Дж. Брукс, Т. Фэлоуз[4]. Обстоятельную статью о развитии гражданского самосознания среди российского крестьянства в период Первой мировой войны с использованием примеров из Уфимской губернии написал С. Серегни. По его мнению, война была использована общественными и земскими активистами для углубления в стране социальных реформ, результаты которых они намеревались использовать в дальнейшем в борьбе с царским «режимом»[5].

Формирование гражданского общества в России оказалось в центре внимания Дж. Брэдли[6]. В его монографии показано, что государство оказывало активную поддержку различным обществам и ассоциациям. В ней пересматривается также распространенное в литературе мнение об отсутствии гражданского обще-

---

[1] Ярцев А.А. Земства в политической системе царизма: историографические вопросы // Земский феномен: политологический подход. С. 28–36 ; Его же. Российское земство в историографии // Земское самоуправление в истории России : К 150-летию земской реформы. С. 150–166.

[2] Эклоф Б. Земство в истории России: пересмотр // Краеведение в развитии провинциальной культуры России. Киров, 2009. С. 74.

[3] Шевырин В.М. Российский либерализм (конец XIX в. – 1917 г.) в англо-американской историографии : науч.-аналитический обзор. М., 1988 ; Карпачев М.Д. Истоки русской революции: легенды и реальность. М., 1991 ; Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015.

[4] The Zemstvo in Russia: An experiment in local self-government / ed. by Terens Emmons and Wayne S. Vucinich. New York, 1982.

[5] Scott J. Seregny. Zemstvos, Peasants, and Citizenship : The Russian Adult Education Movement and World War I // Slavic Review. Vol. 59. N. 2. 2000. P. 290–329. См. также: Ярцев А.А. Земства в политической системе царизма. С. 32–33.

[6] Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / пер. с англ. М.Н. Карпец. М., 2012.

ства в империи поздних Романовых и угнетающей роли самодержавия. Наблюдения автора о росте оппозиционности гражданского общества, созданного в значительной степени при идеологическом и финансовом содействии правительственных структур, актуальны для анализа земско-государственных отношений.

Проблема земской агрономии с разных позиций изучена японским ученым К. Мацузато[1] и американским исследователем Я. Коцонисом[2]. По мнению первого, земская участковая агрономия имела важное, если не решающее, значение в подъеме агрикультуры России в 1908–1916 гг. Признавая, что технологический прогресс охватил вначале зажиточных хозяев, он выдвинул предположение, что Первая мировая война прервала процесс модернизации российской деревни коллективистским путем через организацию товариществ и кооперативов среди малоземельных крестьян. В исследовании Я. Коцониса сделан другой важный вывод: земства пытались привнести определенные блага в крестьянскую жизнь, но не учитывали действительной ситуации в деревне и поэтому потерпели неудачу.

Еще одно специальное исследование К. Мацузато посвятил анализу продовольственной проблемы в период Первой мировой войны[3]. Согласно его трактовке, вовлечение местных самоуправлений в стратегию тотальной войны нарушило оптимальную комбинацию централизма в управлении огромной страной с оперативным децентрализованным руководством, что стало одной из главных причин падения царизма в 1917 г.[4]

В монографии А. Блюма и М. Меспуле о советской статистической науке сталинского периода приводятся интересные сведения из биографий служащих Уфимского губернского земства[5].

---

[1] Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1998. № 2. С. 194–200.

[2] Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914 / пер. с англ. В. Макарова. М., 2006.

[3] Мацузато К. Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: политологический подход. С. 144–198.

[4] Там же. С. 145–197.

[5] Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / пер. с фр. В.М. Володина. М., 2006. С. 15–19.

Зарубежные ученые изучали земское самоуправление и с точки зрения многонациональности российского государства. Так, американский исследователь Ч. Стейнведел скрупулезно рассмотрел вопрос о влиянии земских реформ 1860-х гг. на гражданский статус башкир[1]. Он отметил неоднозначные последствия нового политического курса Александра II, в том числе земской реформы, для политического и экономического положения башкирского населения. В противовес точке зрения другого американского историка Г. Фриза о том, что главной целью буржуазных реформ, в том числе земской и городской, было повышение экономической эффективности народного хозяйства, «без ликвидации при этом разобщенности и изоляции отдельных групп»[2], ключевую роль в процессе модернизации Ч. Стейнведел отвел формированию нового гражданского порядка в крае и в стране в целом.

Взаимоотношения урало-поволжских мусульман с земствами в области народного образования плодотворно изучает японский исследователь Н. Наганава. В своих публикациях он обратил внимание на роль государства в формировании и консолидации мусульманского общества в Урало-Поволжье, выделив в этом процессе период после революции 1905–1907 гг. По его мнению, крестьяне-мусульмане не чуждались государственно-земских школ, тогда как национальная интеллигенция генерировала идеи сохранения через реформированную конфессиональную школу «национальной исключительности». Нельзя не отметить успешную постановку ученым из Саппоро проблемы организации мусульманской школы «как способа согласования русской гражданственности и национальности» у мусульман[3].

---

[1] Стейнведел Ч. История формирования идентичности башкир в условиях Российской империи // Ватандаш. 2010. № 11. С. 14–37 ; Его же. Как Башкирия стала частью Европейской России (1762–1881) / пер. с англ. И.В. Кучумова // Башкирия / Башкортостан: пространство, политика, механизмы выживания: по страницам зарубежной историографии. Уфа, 2010. С. 80–108 ; Steinvedel Ch. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917. Indiana University Press, 2016.

[2] Цит. по: Стейнведел Ч. Как Башкирия стала частью Европейской России. С. 98.

[3] Наганава Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию : махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. г. Казань, 27–28 сентября 2005 г. Казань, 2006. С. 101–128.

История земства в многонациональном регионе перекликается с вопросами, выдвинутыми так называемой новой имперской историей. В центре внимания имперской истории – этническое и конфессиональное разнообразие Российской империи, механизмы ее консолидации и ослабления[1].

Одной из первых работ в данном направлении стала монография А. Капеллера. В интерпретации автора форсированная интеграция нерусских народов в ассимиляционное поле российской внутренней политики после реформ 1860-х гг. имела негативные последствия. Проведение земской реформы связывается с наличием в регионах русского дворянства, как гаранта «безопасности империи»[2]. Утрата башкирами особого положения, по мнению А. Капеллера, наиболее осязаемо выразилась в привлечении башкир к всеобщей воинской повинности, а продолжение сокращения их вотчинных угодий, по мнению автора, не вызывало конфликтов прежнего накала[3].

Разные мнения были высказаны учеными относительно места Волго-Уральского региона в геополитическом пространстве Российской империи. Р. Джераси выделил этнический фактор – «стойкое разнообразие местных народов и культур» в качестве причины обособления народов региона и его пограничного характера[4]. По мнению К. Мацузато, этническая обособленность Волго-Уральских губерний не препятствовала их включению в число внутренних, где действовали общероссийские формы управления. Так, «внутренний характер» Уфимской губернии вытекал из проведенных в ней земской, судебной и крестьянской реформ[5].

Пристальное внимание зарубежных ученых вызывают процессы культурной интеграции народов Волго-Уральского региона в пореформенный период. В рабо-

---

[1] См., например: Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей. (Библиотека журнала Ab Imperio) / под ред И.В. Герасимова, С.В. Глебова и др. Казань, 2004.
[2] Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад / пер. с нем. С. Червонной. М., 2000. С. 205.
[3] Там же. С. 219.
[4] Джераси Р. Окно на восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / пер. с англ. В. Гончарова. М., 2013. С. 21.
[5] Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона : сб. статей / под ред. К. Мацузато. Sapporo, 2003. С. 8–10.

те Р. Джераси показано, что постулаты концепции Н.И. Ильминского – религиозность и отсутствие формализма были позаимствованы из исламской образовательной системы и эффективно использованы для христианизации нерусского населения. А схема просвещения мусульман через русско-башкирские и русско-татарские школы была усвоена русскими чиновниками после изучения новейших практик британской Индии и французского Алжира[1]. Как Р. Джераси, так и А. Ливен обратили внимание, что власти дифференцированно использовали возможности образовательной системы для интеграции нерусских христиан и мусульман в российскую культуру. Показательными чертами правительственной политики в этой сфере было отсутствие как четкой государственной стратегии, так и эффективных ресурсов для реализации отдельных начинаний[2].

Согласно П. Верту, религиозное разнообразие являлось ключевым фактором при формировании принципов имперского управления и даже особой «национальной политики», когда государство через конфессиональную сферу осуществляло контроль над жизнью своих подданных[3]. О том, что на бурное развитие этнического самосознания в начале XX в. русские монархи не смогли адекватно отреагировать, пишет Э. Каррер Д'Анкос [4].

В перечисленных выше работах о многонациональной Российской империи почти не затрагивается влияние земства на процессы культурной интеграции нерусских народов. Вместе с тем земства стали активными участниками решения государственных задач, направленных на сохранение Российской империи как уникального многонационального и поликонфессионального государства.

В целом, обзор литературы по теме исследования показывает, что вопрос функционирования земства в Уфимской губернии на всем протяжении его существования остается пока недостаточно изученным. Отмеченные в ряде региональ-

---

[1] Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. С. 168–191.
[2] Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней / пер. с англ. А. Козлика и А. Платонова. М., 2007. С. 445–447.
[3] Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора. М., 2012. С. 5–11.
[4] Каррер Д'Анкос Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней / пер. с фр. А.А. Пешкова. 2-е изд. М., 2010. С. 126–178.

ных исследований существенные отличия социально-экономических условий периферии от центра требуют дальнейших специальных исследований.

На сегодняшний день, кроме работ о деятельности уфимских земств в отдельных областях – образовании, статистике, агрономии, медицине и ветеринарии, а также земского либерального движения, нет работ, в которых комплексно отражается история земского самоуправления в Уфимской губернии. Практические не изучены такие важные аспекты темы, как организация земского администрирования, финансовая система уфимских земств. В опубликованных работах не содержится ответа также на вопрос о том, как через земство унифицировалось административно-хозяйственное и налоговое (податное) управление на Южном Урале. Не являлась предметом специального изучения и проблема охвата земским самоуправлением местного тюрко-мусульманского населения в целом и отдельных его слоев по уездам в отдельные хронологические периоды. Кроме того, в существующей специальной литературе практически не затронута деятельность земских органов самоуправления Уфимской губернии в кульминационный по политическому значению для страны и региона период Первой мировой войны и революции 1917 г.

§ 2. Источниковая база исследования

Исследование земского самоуправления в Уфимской губернии потребовало привлечения обширного круга источников. Значительная часть их опубликована, но далеко не все печатные материалы изучены и введены в научный оборот. Немало ценных сведений сохранилось в документах, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ, г. Уфа), Архива Златоустовского городского округа (АЗГО, г. Златоуст). Для сопоставительного анализа проблем земского самоуправления в многонациональном регионе понадобилось привлечение материалов из фондов государственных архивов Оренбургской (ГАОО, г. Оренбург) и Челябинской (ОГАЧО, г. Челябинск) областей, а также

Пермского края (ГАПК, г. Пермь). Исследование в перечисленных архивах 26 фондов позволило задействовать в диссертации 129 единиц хранения.

В Российском государственном историческом архиве документы фондов Хозяйственного департамента (Ф. 1287) и Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел – МВД (Ф. 1288) дали возможность осветить биографии земских деятелей, выявить роль губернаторского контроля, образовательный уровень и средний возраст служащих Уфимской губернской земской управы[1]. Фонд Департамента окладных сборов Министерства финансов (Ф. 573) содержит информативные документы о земских бюджетах Уфимской губернии, административные распоряжения по фискальным вопросам земского хозяйства, а фонд Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821) – переписку министров просвещения и внутренних дел относительно организации русско-инородческих школ для мусульман[2].

В Национальном архиве Республики Башкортостан в фонде Канцелярии уфимского гражданского губернатора (Ф. И-11) отложились сведения об административной политике в отношении земских органов, позиции земских гласных и служащих по тем или иным вопросам[3]. Ценными источниками оказались формулярные списки чиновников, выбиравшихся земскими гласными фонда Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия (Ф. И-10) [4]. В фонде Уфимского губернского правления (Ф. И-9) сосредоточены документы о присвоении членам земских управ гражданских чинов, формулярные списки ветеринарных врачей, записка уфимского губернатора в Департамент общих дел МВД, отражающая его позицию на проведение статистических работ уфимскими земствами[5]. При изучении вопросов участия органов местного самоуправления в развитии начального образования привлекались дела фонда Директора народных училищ Уфимской губернии (Ф. И-113), в которых сосредоточены данные о числе школ, работе инспекторов народных училищ.

---

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2691 ; Оп. 27. Д. 596, 681, 1526, 1926, 2329 ; Ф. 1288. Оп. 3. Д. 97.
[2] Там же. Ф. 573. Оп. 16. Д. 21063 ; Ф. 821. Оп. 8. Д. 817.
[3] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 137, 164, 1427, 1498.
[4] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1758, 1788, 1804.
[5] Там же. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655 ; Оп. 2. Д. 20, 26.

«Материалы ревизии сенатора Ковалевского», отложившиеся в фонде Уфимской казенной палаты (Ф. И-139) достаточно полно отражают состояние фискального аппарата и платежеспособности населения[1]. Документы фонда Уполномоченного Министерства земледелия по заготовке хлеба для армии в Уфимской губернии (Ф. И-96) позволяют раскрыть участие земств в продовольственном снабжении армии и населения в годы Первой мировой войны[2]. В фонде Уфимской губернской продовольственной управы (Ф. И-421) хранятся отчеты о поставках хлеба и мяса, результатах хлебной разверстки[3]. Документы фонда Отдела Башкирского обкома ВКП(б), или «Истпарт», (Ф. 1832) дали возможность проанализировать политику руководства Уфимской губернской земской управы в годы системного кризиса самодержавной власти[4].

В Национальном архиве Республики Башкортостан сохранилась также часть материалов самих земских учреждений. Из фондов земских управ наиболее информативным является фонд Уфимской губернской земской управы (Ф. И-132), в котором отложилось 3 004 дела, содержащих документы за 1875–1918 гг.[5] Сохранилось мизерное количество дел в фондах уездных управ – 66 единиц хранения в Белебеевской (Ф. И-135), 43 – Уфимской (Ф. И-400), 7 – Стерлитамакской (Ф. И-133)[6]. Исключением выглядит фонд Бирской управы (Ф. И-151), где сохранилось 232 дела[7]. Фрагментарный по содержанию фонд Мензелинской управы, отражающий ее деятельность в 1911–1917 гг., находится в Национальном архиве Республики Татарстан (г. Казань)[8]. Единственным относительно полноценным фондом уездного земства является фонд Златоустовской уездной управы, сохранившийся по месту его создания, в г. Златоусте (АЗГО, Ф.И-11)[9]. Информативные до-

---

[1] НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 94.
[2] Там же. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 8, 11, 14, 25.
[3] Там же. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 6, 7, 11.
[4] Там же. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 13, 56, 59, 127, 182, 261, 411 ; Оп. 4. Д. 1, 3, 4, 13, 50, 53, 54, 57, 60, 63.
[5] Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 30, 265, 654, 656, 775, 2650, 2652.
[6] Там же. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 10, 42, 44, 50, 56 ; Ф. И-400. Оп. 1. Д. 30, 35.
[7] Там же. Ф. И-151. Оп. 1. Д. 11, 100, 168.
[8] НА РТ. Ф. 573.
[9] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 158, 170, 581, 599а, 766, 805, 810 ; Д. 734, 735, 766, 777, 783, 784, 787, 806, 810, 850, 864, 918.

кументы, отражающие проблемы земского самоуправления в многонациональном регионе Российской империи, хранятся в составе государственного архива Пермского края (ГАПК) в фондах Пермской губернской земской управы (Ф. 44), Пермской (Ф. 40) и Осинской (Ф. 281) уездных земских управ[1]. В государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) использовались фонды Оренбургской губернской земской управы (Ф. 43), Оренбургского губернского по городским и земским делам присутствия (Ф. 15), Оренбургской уездной земской управы (Ф. 44), в государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) – фонд Челябинской уездной земской управы (Ф. И-9)[2].

Материалы архивов позволили ввести в научный оборот важные новые сведения из биографий известных в крае земских деятелей, о формировании правительственной политики в отношении земского самоуправления в многонациональном крае. Неопубликованные источники способствовали также воссозданию многих неизвестных страниц истории Уфимского земства периода Первой мировой войны и его участия в организации продовольственных поставок на фронт и в потребляющие губернии.

Нужно подчеркнуть, что введение в научный оборот архивных документов по истории земства требует дальнейшей целенаправленной работы по их выявлению и публикации. При всем интересе к теме местного самоуправления в период поздних Романовых заметной работы в данном направлении не ведется, что во многом объясняется доступностью большого количества массива опубликованных источников. Между тем требуют дополнительного документального освещения биографии известных гласных и служащих, внесших вклад в развитие земского самоуправления, взаимоотношения населения и неправительственных учреждений на основе изучения частных и коллективных прошений и ходатайств «во власть» и другие малоизвестные страницы истории земских учреждений. Для создания крупных документальных публикаций по истории земских учреждений России необходимо объединение усилий многих исследователей по сбору доку-

[1] ГАПК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 553 ; Ф. 281. Оп. 1. Д. 197, 299, 310, 823, 830.
[2] ГАОО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 111/1 ; Оп. 4. Д. 101, 631 ; Ф. 44. Оп. 1. Д. 192, 245 ; ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 24.

ментов, отложившихся в государственных архивах федерального и регионального уровней, и их археографической обработке.

Основной массив опубликованных источников по теме исследования представлен такими их видами, как законодательные акты, делопроизводственная документация, статистика, периодическая печать и источники личного происхождения.

Среди законодательных материалов в первую очередь следует выделить законы, определяющие порядок организации и деятельности земских учреждений. Они помещены в издании под названием «Полное собрание законов Российской империи». Свободный доступ к цифровым копиям этой публикации предоставляет Российская национальная библиотека[1]. Наиболее значимые законы публиковались официально с разъяснениями и комментариями, а также неофициально отдельными выпусками[2].

Законодательные материалы формировали правовую базу для практической деятельности органов земского самоуправления и отражали попытки правительства юридически вписать их в существующую систему государственного управления. Так, в Положении от 1 января 1864 г. о губернских и уездных земских учреждениях были четко обозначены территориальные рамки его действия и оговаривалась неотложность введения в 33 губерниях земств[3]. Это привело в дальнейшем к последовательному расширению зоны земской реформы на территорию всей Европейской России. Специальный закон «О применении Положения о земских учреждениях к Уфимской губернии» от 2 мая 1874 г.[4] особо оговаривал положение башкир в составе земских избирателей и определял число гласных земских собраний.

---

[1] URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/about.html (последняя дата обращения: 15.05.2018).

[2] См., например: Демис Л.Н. Земство : политико-эконом. сб. 2-е изд. СПб., 1864. Год 1: Земские учреждения ; Закон 6-го апреля 1916 г. о Государственном подоходном налоге. Закон 13 мая 1916 г. о налоге на прирост прибылей. Одесса, 1916 ; и др.

[3] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40457.

[4] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 49, ч. 1. № 53461.

Круг компетенций земских учреждений и многочисленные нормы, регулирующие их хозяйственную функцию, были обозначены во временных Правилах для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении[1].

Использование законодательных актов по земскому самоуправлению требует учета основных законов по управлению башкирами в пореформенное время. Так, Положение о башкирах от 14 мая 1863 г. регламентировало численность участников из башкир в волостных сходах, на которых выдвигались выборщики сельских избирательных съездов земских гласных[2].

Изменения численности и социального состава земских гласных Уфимской губернии после земской контрреформы отражены в особом расписании гласных по Положению о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г.[3] Этот закон позволяет проследить характерную тенденцию для земств полиэтничных губерний: после 1890 г. увеличение дворян в земских собраниях, состоящих главным образом из русских представителей, привело к моноконфессиональному и мононациональному характеру земских собраний. Для освещения земского самоуправления после Февраля 1917 г. в диссертационной работе использовались указы и постановления Временного правительства, которые послужили юридическим основанием для реорганизации земств и реформы земской избирательной системы на местах[4].

Принципы государственного регулирования земского налогообложения отражали в первую очередь закон «О предельности земского обложения и об освобождении земств от некоторых расходов» от 12 июня 1900 г. и «Правила об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» от 8 июня 1893 г.[5], которые позже были уточнены инструкцией Министерства финансов для земских

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40457, 40458.
[2] Там же. Т. 38, ч. 1. 1863. № 39622.
[3] Там же. Собрание 3-е. Т. 10, ч. 1. № 6927.
[4] Сборник указов и постановлений Временного правительства : в 2 вып. Пг., 1917–1918.
[5] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 4. № 1962 ; Т. 13, ч. 2. № 9744. См. также: Т. 20, ч. 1. № 18862.

статистиков и местных учреждений с целью выработки ими собственных оценочных методов[1].

Силу закона имели также отдельные постановления Правительствующего Сената, касающиеся порядка регламентации земских выборов, службы членов земских управ и наемного персонала, работы земских коллегиальных органов, взаимоотношений органов местного самоуправления с учебным и другими ведомствами. Многие из них, появившиеся после вступления в силу Положения о земских учреждениях 1890 г., были систематизированы и опубликованы М.И. Мышем[2].

Отдельный вид нормативно-правовых актов – обязательные постановления земств, имеющие силу закона на территории их действия. Согласно временным Правилам от 9 марта 1879 г., уездным земским собраниям предоставлялось право принятия обязательных постановлений для предупреждения эпидемий и эпизоотий[3]. В Положении 1890 г. отдельно оговаривалось право губернских земских собраний на издание обязательных постановлений. При изучении земских мероприятий по развитию кумысного промысла в Уфимской губернии нами использовались земские постановления, направленные на предотвращение распространения туберкулеза в районах кумысолечебниц в Башкирском крае[4].

Законодательные источники служат незаменимой основой для изучения условий деятельности земских учреждений, их положения в системе местного управления и взаимоотношений с государственными учреждениями. Некоторые законы в той или иной степени отражали региональные аспекты проблемы земского самоуправления. Ограниченность законодательных источников в том, что

---

[1] Закон об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами и инструкция об оценке недвижимых имуществ, подлежащих обложению земскими сборами (14 сен. 1905 г.). Уфа, 1905.

[2] Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями : в 2 т. / сост. М.И. Мыш. 6-е изд. СПб., 1914.

[3] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 54, ч. 1. № 59399.

[4] См., например: Обязательное постановление по надзору за кумысными и кумысолечебными заведениями в Уфимской губернии // Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. : в 3 т. / сост. П.Н. Григорьев. Уфа, 1915. Т. 2. С. 773–775 ; Обязательное санитарное постановление для уездных жителей Уфимской губернии всех сословий. [Б. м. и г.] ; и др.

они очерчивали только общие контуры земской системы самоуправления, оставляя открытыми вопросы правовой организации многих сторон деятельности органов местного самоуправления.

Основным видом источников, позволяющим детально и полно раскрыть все стороны практической деятельности земских учреждений, является делопроизводственная документация. Огромное количество доступных для исследователей материалов земского делопроизводства и их видовое разнообразие требуют подробной источниковедческой характеристики документации земских учреждений.

Специальное исследование в этом направлении провела М.В. Угрюмова. Опираясь на типологию и классификацию делопроизводственной документации (организационная, распорядительная, плановая, учетная[1]), она предложила распределить материалы земского делопроизводства на организационно-правовые, распорядительные, планово-отчетные, информационно-справочные, договорные[2]. Предпринятый ею дифференцированный анализ земской делопроизводственной документации открывает новые возможности для характеристики управленческой деятельности земских учреждений, затрагивает проблемы истории делопроизводства и архивирования документации земских учреждений.

Предложенная М.В. Угрюмовой терминология документоведения при анализе земского делопроизводства приводит, однако, к путанице в понятийном аппарате источниковедения. Например, сметы и раскладки отнесены ею к плановым документам в деятельности земств[3]. В действительности земские документы, фиксирующие обложение недвижимых имуществ налогами, так называемые раскладки земского сбора, имели и функции учетной документации, предназначенной для регистрации и учета хозяйственных объектов с целью реализации управленческих решений[4]. Кроме того, земские сметы, формирующие общую страте-

---

[1] См., например: Источниковедение истории СССР : учеб. / под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981. С. 398–403.

[2] Угрюмова М.В. Документальное наследие российских земств. Нижневартовск, 2014. С. 67–101.

[3] Там же. С. 93.

[4] См.: Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории : учеб. пособие для гуманитарных специальностей / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 408–409.

гию земской деятельности, были частью организационно-распорядительных и отчетных документов земства. Комплексное, многофункциональное предназначение земских финансовых документов полнее всего раскрывается в ходе исследовательского процесса. Поэтому, по нашему мнению, четкое определение внешних признаков отдельных документов еще не дает исчерпывающих ответов на все вопросы источниковедческой характеристики всего земского делопроизводства.

В целом, комплексный источниковедческий анализ земской делопроизводственной документации – это недостаточно разработанная в отечественной специальной литературе тема. На необходимость выработки принципов и методики изучения земского делопроизводства обращали внимание еще дореволюционные исследователи. Так, по мнению правоведа В.В. Ивановского, ежегодное существенное пополнение фондов центральных библиотек страны земскими изданиями (к 1880 г. их составило более 25 тыс. экз.) могло привести со временем к невозможности их библиографической обработки и использования исследователями[1].

В определенной степени обозначенный прогноз подтвердил в 1908 г. историк земства Б.Б. Веселовский. В предисловии к первому тому своей «Истории земства за сорок лет» он подчеркнул хаотичность информационной базы о земских материалах («докладов, журналов и т.д.»), которые остро нуждаются в упорядочении и систематизации, что требует от исследователей «много средств и сил»[2]. Им особо подчеркивалось, что именно поэтому в его работе не удалось «дать исчерпывающую оценку земской хозяйственно-культурной деятельности»[3]. При написании труда по истории земств Тверской губернии ученый указал на уникальную информативность систематизированных сводных сборников губернского земского собрания, а отсутствие таковых по уездным земствам расценил как

[1] Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Уезды – Слободской, Вятской губернии и Лаишевский, Казанской губернии. Казань, 1881. С. V.
[2] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4 т. СПб., 1909. Т. 1. С. VIII.
[3] Там же.

определенное препятствие для постижения всех сторон, масштабов и результатов их деятельности[1].

Ряд современных исследователей обозначили проблемы изучения журналов земских собраний, которые представляют собой комплексный источник, объединяющий разные виды делопроизводственной документации. В основе журнала находились стенограммы либо протоколы заседаний земских собраний. Дополнением к ним служили остальные документы, прилагавшиеся к протоколу заседаний: баллотировочные листы, особые мнения и записки земских гласных, ходатайства земских служащих и жителей уездов, постановления, доклады управ и др. В итоге объемы некоторых журналов земских собраний составили тысячу и более страниц[2].

Впервые источниковедческий анализ журналов уфимских земств провел М.Н. Фархшатов, охарактеризовавший их как ценный источник по истории народного образования на Южном Урале в последней четверти XIX в. Автор выявил большое отличие журналов земских собраний как по содержанию, так и полноте. В частности, им отмечена большая информативность протоколов губернского земского собрания по сравнению с протоколами уездных земских собраний. По мнению исследователя, если журналы собраний отражали в первую очередь общую школьную политику земств, то доклады земских управ – развитие образовательной сферы в каждом конкретном уезде[3].

Д.Л. Островкин, изучая по журналам Ирбитского уездного земского собрания развитие земской медицины, указал на трудности комплексного и систематического изучения и использования журналов земских собраний. Они заключаются, писал он, во-первых, в разбросанности журналов по разным местам хранения –

---

[1] Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 гг.). Тверь, 1914. С. IX–X.

[2] См., например: Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1909 ; Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXV очередной сессии с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1910 ; и др.

[3] Фархшатов М.Н. Материалы уфимских земств как источник по истории народного образования в Башкирии в последней четверти XIX в. // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа, 1984. С. 88–94.

центральным, областным, республиканским, ведомственным и другим библиотекам, архивам, музеям и т.д. Во-вторых, полнота информации журналов неодинакова: «Если в некоторых записях постановлений доходит до таких тонкостей, как публикация заявлений на прием на работу с полной характеристикой принимаемого врача, то в иных невозможно найти даже данных о рождаемости и смертности [населения] за отчетный период»[1].

Действительно, информационный потенциал конечных вариантов земских публикаций находился в прямой зависимости от целого ряда, иногда случайных, факторов: образовательного уровня секретарей собрания и стенографов, ответственного отноршения членов и председателей управ, готовящих материалы к изданию, к своим служебным обязанностям, содержательного качества работы самих земских собраний и др. Требование обязательных публикаций и в то же время отсутствие строгой юридической регламентации в определении форм ведения журналов и прилагаемых к ним материалов привели на практике к свободной форме письменной фиксации материалов каждым земством. Несмотря на то что со временем содержание опубликованных сборников земских собраний стало более систематизированным, в целом оно оставалось нестандартным по форме.

Стоит указать, что в последние годы журналы земских собраний начали изучаться как массовый источник. Причем критерий «массовости» определяется исследователями исходя не из содержания журналов и их определенной формы как источника, а из отраженных в них явлений массового порядка, которые как раз и анализируют ученые. Такой подход близок к предложенному известным советским ученым И.Д. Ковальченко понятию «массовый источник», когда в центре внимания историка – не характер источника, а отражение в нем сущности массовых объектов, характеризующих определенную систему[2].

Если руководствоваться определением массового источника, предложенным Б.Г. Литваком, то журналы земских собраний вряд ли могут быть отнесены к

---

[1] Островкин Д.Л. Журналы Ирбитского уездного земского собрания как источник по истории здравоохранения // Десятые Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург, 2013. С. 137.

[2] Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. С. 332–333.

этому виду источников, поскольку им не присущи такие взаимосвязанные критерии, как ординарность обстоятельств происхождения, однородность содержания, однотипность формы, тяготеющая к стандартизации, наличность установленного формуляра[1]. Напротив, данное этим авторитетным специалистом описание повествовательного источника можно применить к протокольным материалам земств: индивидуальный формуляр, многообразное содержание, отражающее небудничную ситуацию или событие.

Основная методика использования журналов как массовых источников заключается в сборе и статистической обработке определенной информации, заключенной в них, для выявления закономерностей в процессе становления и развития местного самоуправления в Российской империи. Исследовательский прием, предложенный О.Н. Богатыревой, заключается в подсчете количества протестов губернаторов на постановления губернских и уездных земских собраний по двум губерниям Урала с 1861 по 1917 год. Их было выявлено 1 152 (532 в Пермской и 620 в Вятской губерниях). Это позволило ей математически определить меру административного контроля над органами местного самоуправления[2]. Удачным обстоятельством в данном случае следует признать наличие и доступность для исследователей всех опубликованных журналов.

Историки Пермского государственного университета под руководством С.И. Корниенко путем перевода первоисточников в машиночитаемый формат и последующей их обработки с помощью специальных программ получили возможность постановки и решения новых исследовательских задач по истории земств[3]. Так, с помощью метода компьютеризированного контент-анализа они создали базу данных о приоритетных вопросах в работе губернских земских собраний Московской и Пермской губерний, что позволило им определить социокуль-

---

[1] См.: Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 7.

[2] Богатырева О.Н. Эволюция системы местного самоуправления в Вятской и Пермской губерниях (1861–1917). Екатеринбург, 2004. С. 313–337.

[3] См.: Корниенко С.И., Гагарина Д.А. Историко-ориентированные информационные системы: от сохранения источников к новым методам их изучения // Информационные технологии в гуманитарных науках: тез. докл. науч.-практ. конф. Красноярск, 2017. С. 86–87. См. также: URL: zemstvohistory.ru/istochniki/ (дата последнего обращения 12.05. 2018).

турные характеристики земских гласных, модель их поведенческой активности, ее влияния на эффективность земского самоуправления[1].

В целом, методы изучения журналов как массовых источников только формируются, и получение новых результатов с их помощью пока дело будущего.

Журналы земских собраний Уфимской губернии сохранились в фондах Национальной библиотеки и Национального архива Республики Башкортостан, Научной библиотеке Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Частично они отложились в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского при Казанском (Приволжском) федеральном университете, Челябинской областной универсальной научной библиотеке, Государственной публичной исторической библиотеке и других книго- и архивохранилищах. Наиболее полный состав опубликованных журналов и сборников постановлений земских собраний Уфимской губернии представлен в Российской государственной библиотеке (г. Москва) и Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург). В последней земские издания объединены в так называемой земской коллекции Русского книжного фонда.

За время действия земских учреждений в шести уездах Уфимской губернии прошло от 42 до 43 очередных сессий, а также 55 чрезвычайных заседаний губернского земского собрания, не менее 44 чрезвычайных сессий Стерлитамакского уездного земского собрания, 26 – Златоустовского, 24 – Бирского, 43 – Белебеевского и 37 – Уфимского уездного земских собраний[2]. В Мензелинском уездном

---

[1] Корниенко С.И., Поврозник Н.Г., Ехлакова А.Р. Социокультурные характеристики гласных первых трехлетий губернских земских собраний Москвы, Санкт-Петербурга и Перми // Власть. 2017. № 12. С. 130–136.

[2] Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 53, 54 и 55 чрезвычайных сессий (3 декабря 1916 г., 10 марта и 17 июля 1917 г.) (С приложением докладов управы). Уфа, 1917 ; Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 44 чрезвычайной сессии 1916 года : с прил. докладов. Стерлитамак, 1916 ; Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земских собраний 41 очередной сессии 22 сентября 1915 года и чрезвычайного собрания XXIV сессии на 19 августа 1915 года. Уфа, 1916 ; Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания 42 очередной, 42 и 43 чрезвычайных сессий 1916 года. Белебей, 1917 ; Постановления Уфимского уездного земского собрания 36-го и 37-го чрезвычайных созывов 1915 года (27 января и 18 июня) с приложениями. Уфа, 1915 ; Косиков Н. Златоустовское уездное земское собрание // Златоустовская энциклопедия. Режим доступа : URL : //www.zlatoust.ru/a/ze/ (дата последнего обращения 12.11. 2017).

земстве нумерация внеочередных сессий не велась, поэтому установить их точное число затруднительно[1]. В общей сложности количество только опубликованных журналов и постановлений уездных и губернского земских собраний Уфимской губернии за 1874–1917 гг. по неполным данным составляет более 540 единиц. В настоящем диссертационном исследовании приводятся сведения 130 опубликованных журналов, а также сборников постановлений и докладов земских собраний. Нами использовался принцип сплошного изучения журналов земских собраний, которые анализировались как многослойный источник информации по истории земского самоуправления.

Журналы заседаний земского собрания представляют собой наиболее информативный документ для реконструкции хода земских сессий. Они незаменимы при выяснении разброса мнений гласных по отдельным проблемам. В них фиксировался ход рассмотрения вопросов, вынесение по ним решений после коллегиального обсуждения и голосования. Прения сторон, которые являлись наиболее показательными моментами формирования отдельных решений, представлялись читателям чаще всего в сокращенном виде. Причины крылись в финансовых и технических проблемах: ощущался недостаток специальных стенографов, их содержание обходилось очень дорого, не хватало времени и финансов для составления полных протоколов и их публикации[2]. Увеличение объема материалов земских собраний вело к тому, что обычно протоколы журналов публиковались в сокращенном виде с указанием вопроса повестки и принятого по нему решения собрания. Это значительно снижает ценность журналов как первоисточников.

Часть журналов земских собраний сохранилась в неопубликованном виде в архивах. На практически полную идентичность рукописных и печатных вариан-

---

[1] См., например: Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания. Чрезвычайные собрания созывов: 7 сентября, 25 сентября и 21 декабря 1893 г. Мензелинск, 1894 ; Систематический свод постановлений Мензелинского уездного земского собрания 41-й очередной сессии с 10 по 24 октября 1915 года и чрезвычайной 30 декабря 1915 г. Мензелинск, 1916 ; и др.

[2] См.: Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Уфа, 1915. Т. 1. С. 59–60.

тов журналов указал В.Ф. Абрамов, к такому же мнению пришла М.В. Угрюмова[1]. Действительно, поиски нужной, редкой информации путем изучения архивных экземпляров журналов земских собраний вряд ли могут увенчаться большим успехом. Дело в том, что в архивных фондах управ сохранялись преимущественно беловые, окончательные, уже подготовленные к печати варианты записей в журнале земского собрания, а их черновые протоколы и/или стенограммы хранению не подлежали. Более результативным может оказаться сравнение неопубликованных журналов с печатными сборниками земских собраний, в которых содержание журналов сокращалось до минимума ввиду объединения в одном издании самих журналов, докладов и отчетов земской управы в виде приложений. К примеру, в рукописных журналах XII очередного Златоустовского земского собрания 1886 г. получил освещение вопрос о взыскании долгов с населения по земским сборам, который лишь фрагментарно отразился в опубликованном сборнике Златоустовского уездного земства на 1886 год[2].

Поднимая вопрос о полноте и достоверности журналов земских собраний как исторического источника, исследователи отвечают на него положительно, но делают оговорку о неизбежном влиянии цензуры на их содержание[3]. Гарантией достоверности выступал факт коллегиального утверждения (согласно ст. 98 Положения о земских учреждениях) журналов гласными. Причем право гласных вносить поправки в содержание своих выступлений и контроль гласных за содержанием журналов А.Р. Харисова отнесла к главным условиям обеспечения достоверности и полноты журналов. По всей видимости, исследовательница несколько идеализирует человеческие качества земских гласных исходя из изначальной демократичности самого института земства. В то же время источниковеды обратили внимание на тот факт, что право оратора делать правки в записях своего выступ-

[1] Абрамов В.Ф. Земские архивы // Вестн. архивиста. 1998. № 4 (46). С. 59–66 ; Угрюмова М.В. Документальное наследие российских земств. С. 21.

[2] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 158. Л. 104–106 об. ; Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии на 1886 год. Уфа, 1887. С. 390–398.

[3] Островкин Д.Л. Журналы Ирбитского уездного земского собрания как источник по истории здравоохранения ; Харисова А.Р. Журналы земских собраний Пермской губернии: к вопросу о происхождении исторического источника // Вестн. Пермского ун-та. Сер. : История. 2015. № 3 (30). С. 48.

ления являлось причиной снижения объективности содержания стенографических отчетов. Данное замечание, сделанное в отношении источников советского периода, безусловно применимо и к источникам земского происхождения[1]. Практика редактирования гласными текстов своих выступлений давала возможность корректировать изначальный смысл их речей исходя из этических, политических и иных мотивов. Причем наличие поэтапной цензуры (утверждение журналов гласными, составление беловых вариантов журналов и представление их губернатору, который допускал земские издания к печати) учитывалось уже на этапе создания протокольных записей. Нередко гласные прямо говорили об искажении или пропуске их заявлений в журналах[2]. Именно поэтому достоверность и полнота журналов земских собраний как первоисточника могут быть признаны относительными, впрочем, как и любого другого вида источников. Журналы были не бесстрастным документом, их составители постоянно учитывали стремление как самого органа местного самоуправления, так и правительственной администрации не преступать официальные правила подачи информации.

Следующим подвидом источников земского делопроизводства являются доклады и отчеты земских управ, подготовленные для земских собраний. Они служат главным источником фактических сведений о развитии различных направлений земской деятельности. Большим пробелом для исследователя является то, что доклады, являющиеся коллегиальным предложением членов управы по тому или иному вопросу, печатались без указания их настоящих авторов. Это затрудняет реконструкцию деятельности отдельных представителей земских управ, обезличивает работу исполнительного органа земского самоуправления.

Наряду с докладами земских управ, ценным документальным материалом являются доклады отдельных гласных, выступавших на злободневные темы и инициировавших их обсуждение в земских собраниях. Таковыми были, например, выступления стерлитамакского гласного Г.Х. Дашкина о незаконченности разме-

---

[1] Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. С. 579.

[2] См.: Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 60–61.

жевания башкирских вотчинных земель, бирского гласного Л.П. Демидова о неравномерности земского налогообложения по сословиям населения и улучшении агрономической деятельности, гласного губернского земского собрания И.Г. Жуковского об отношении земства к правительству и др.[1] Выступления гласных отражались в краткой записи в журналах, их полные тексты обычно прилагались к докладам земского собрания.

Отдельным подвидом делопроизводственной документации являются постановления земских собраний. Они публиковались в виде приложений к журналам вместе с докладами управ и другими материалами земских собраний. По этой причине вычленение их из общего массива документации и систематизация по тематическому принципу не только затруднительны, но иногда и невозможны. В связи с этим уникальным следует признать опубликованный трехтомный «Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания», составленный служащим Уфимской губернской земской управы П.Н. Григорьевым[2]. В нем были систематизированы практически все постановления губернского земского собрания за 35 лет, с 1875 по 1909 год. Группировка постановлений по тематическому и хронологическому принципам, аналитическая обработка документального материала делают это издание незаменимым при исследовании уфимского земства. Дополняют сведения сборника перечень персонального состава гласных губернского земского собрания, списки членов Уфимской губернской земской управы и ревизионных комиссий, информация о земских ходатайствах перед правительством и его жалобах в Сенат и т.д.

Среди делопроизводственных материалов выделяются документы коллегиальных органов и специальных совещаний при земских управах. Таковы протоколы и труды губернского Экономического совета при Уфимской губернской зем-

---

[1] См.: Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 78–80 ; Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXI очередной сессии 1905 г. Чистополь, 1906. С. 198–240, 572–586 ; Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года и доклады управы. Уфа, 1906 ; и др.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. : в 3 т. / сост. П.Н. Григорьев. Уфа, 1915.

ской управе, труды Школьных комиссий, губернского земского Агрономического совета, документы Совещания по вопросу о типе начальной школы для мусульман и др.[1] Они дают представление о разработке отдельных земских проектов, связанных с ними общественных дискуссиях, персональном составе участников значимых земских мероприятий.

Незаменимыми источниками для изучения деятельности органов земского самоуправления является их финансовая документация – земские сметы, ведомости о поступлении и раскладке земского сбора. По Положению 1864 г. земства применяли разные методики составления финансовой отчетности, поэтому ее формы и содержание по уездам отличались. Денежные отчеты печатались отдельно или в виде приложений к журналам земских собраний, а в годы земских выборов информация о земских доходах и расходах отдельных земств появлялась на страницах «Уфимских губернских ведомостей»[2]. В 1897 г. Министерство внутренних дел установило единую форму земских смет, что привело к общему порядку их составления и публикации. Сметы доходов и расходов отражали итоговые суммы земских поступлений с разных видов недвижимости и размеры расходов органов местного самоуправления по отдельным статьям бюджета. Иногда

---

[1] См.: Протоколы и труды Экономического совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного совещания земских агрономов Уфимской губернии при губернской земской управе, с 16 по 21-е августа с.г. Уфа, 1900 ; Протоколы и труды Экономического совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного совещания земских агрономов Уфимской губернии при губернской земской управе. Уфа, 1902. Вып. 15 ; Труды Уфимского губернского земского агрономического совета. Созыв 13. 18–22 ноября 1913 ; Журналы Совета, журнал соединенного заседания его с Уфимским отделом Московского общества сельского хозяйства и доклады. Уфа, 1914 ; Журналы совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы. 23–25 мая 1911. Уфа, 1911 ; Протоколы и доклады совещания учителей и мугаллимов, состоявшегося при Уфимской губернской земской управе от 20 до 27 июля 1915 г. для просмотра учебников, употребляемых в начальных инородческих школах. Уфа, 1916 ; и др.

[2] См., например: Смета доходов Уфимской уездной земской управы, утвержденная Уфимским уездным земским собранием на 1876 год // Журналы Уфимского уездного земского собрания первого созыва 1875 г. Уфа, 1876. С. 1–5 ; Земская роспись доходов и расходов уездного земского сбора по Мензелинскому уезду на 1881 год // Журналы VI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Вятка, 1881. С. 49–57 ; Ведомость Мензелинской уездной земской управы о поступлении уездного земского сбора с 1 сентября 1879 по 1-е января 1880 года // Там же. С. 59–61 ; Раскладка Стерлитамакского уездного земского сбора на 1881 год // Уфимские губернские ведомости. 1881. 14 марта. Прил.

сметы сопровождались объяснительными записками, в которых расписывались основания земских оценок того или иного вида объекта налогообложения.

Более информативным документом о земских налогах были так называемые раскладки земских сборов с земель, лесов и других видов недвижимости. В них описывались объекты, облагаемые земскими сборами, их ценность и размер уплачиваемого с них земского налога[1]. По раскладкам Златоустовского земства можно проследить, как производилось начисление налогов на заводские предприятия уезда. Поскольку по закону налогообложению не подлежала прибыль или доходность заводов, сметы отражали ценность заводских помещений и их внутреннего оснащения путем подробного описания здания, оборудования и основных фондов предприятий[2]. Видоизменение земских смет произошло в период Первой мировой войны. Они стали составляться более детально, в первую очередь чтобы обосновать требуемые расходы на содержание земских служащих и земских объектов социального назначения – больниц, школ, аптек и пр.[3]

Особой разновидностью внутреннего делопроизводства земских учреждений было кадровое делопроизводство. В процессе организации работы наемного персонала земских учреждений возникало значительное количество документов по личному составу: требовательные ведомости на выдачу зарплат, списки служащих отделов уездных управ, штатные расписания и т. п. Они содержат ценные сведения о существующих должностях в земстве, личном составе работников, их заработных платах[4].

Несомненный интерес для исследователей представляют прошения отдельных крестьян, мещан, сельских обществ, городских управ и т. д. в земские управы. Это почти единственный вид источников, отражающий обратную связь жите-

---

[1] См., например: Смета и раскладка губернского земского сбора Уфимской губернии на 1889 год. Уфа, 1889 ; Денежные отчеты, сметы и раскладки уездного земского сбора по Златоустовскому уезду Уфимской губернии. Златоуст, 1891 ; и др.

[2] См.: Сметы и раскладки Златоустовского уездного земства на 1896 год. [Б. м. и г.]. С. 178–187, 188–190.

[3] Проект сметы расходов и доходов Уфимского уездного земства на 1917 год. Уфа, 1916.

[4] См., например: НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 21 ; И-151. Оп. 1. Д. 110 ; РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 681 ; Список служащих канцелярии Белебеевской уездной земской управы // Сборник постановлений 39, 40 и 41 чрезвычайных и 40 очередного Белебеевского уездного земского собрания за 1914 г. Белебей, 1915. С. 268–272 ; и др.

лей с органами местного самоуправления. Как правило, в земские управы обращались единолично или коллективно по приговору сельских обществ с целью снижения или списания земского налога, с просьбой об открытии школ и предоставлении материального пособия для поддержки уже существующих учебных заведений, выдаче стипендий для обучения детей. Прошения об устройстве земских школ – наиболее распространенный вид обращения в земство от имени сельских обществ, количество которых заметно увеличилось в думский период после начала реализации земствами планов всеобщего обучения.

Отдельную группу прошений составляют обращения в земские управы от имени мусульманских приходов о выдаче денежных пособий конфессиональным школам башкир и татар, которые стали массовыми после Первой русской революции 1905–1907 гг. Если по этим прошениям выносились положительные решения, их тексты публиковались в качестве приложений к журналам земских собраний и докладам управ.

В распоряжении исследователей находятся также значительное количество прошений сельских сходов в период Первой мировой войны, составленных в ответ на земские мероприятия по сбору хлеба с населения, личные обращения крестьян в земские управы по поводу изъятия хлеба и скота сельской администрацией[1].

Среди земской делопроизводственной документации малоизученным видом источников являются списки избирателей в уездные земские собрания. Они публиковались перед очередными выборами гласных в местных «Губернских ведомостях». Отдельные исследователи уже использовали их в своих работах. Например, в научном труде Н.Л. Хайкиной по опубликованным в повременной прессе спискам избирателей был установлен социальный состав первых земских избирателей Самарской губернии[2].

---

[1] См., например: НА РБ. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 25 ; Ф. И-113. Оп. 1. Д. 463. Л. 4 ; Ф. И-135. Оп. 1. Д. 10. Л. 43, 56–57, 59 ; АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 581. Л. 30 ; и др.

[2] Хайкина Н.Л. Земские учреждения в Самарской губернии в 1864–1881 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Куйбышев, 1961 ; Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). Самара, 2009. С. 15–21.

Как исторический источник списки избирателей представляют богатейший кладезь данных по персональному составу избирателей, их классных чинах, размеру собственности и ее местоположению. Они также отражают состав и землевладение крестьянских и других частных товариществ, число женщин с избирательными правами, численность горожан, обладающих имущественным цензом, списки купцов, имеющих право участвовать в выборах на основании купеческих свидетельств, и пр. Почти единственным и существенным недостатком этого первоисточника является неравномерная репрезентативность перечисленных выше данных в пределах одного списка и комплекса списков за разные годы. Это заметно сужает для исследователей возможность выявления определенных тенденций и закономерностей в формировании земского электората. К примеру, по соответствующим спискам Уфимской губернии затруднительна систематизация данных о сословной принадлежности избирателей.

В «Уфимских губернских ведомостях» нами были выявлены списки избирателей по 12 избирательным кампаниям за 1874–1912 гг. По двум уездам из шести – Уфимскому и Стерлитамакскому – списки имеются не за все выборные периоды.

Списки избирателей позволяют реконструировать первый этап формирования электората уездных землевладельцев. В печати размещались списки цензовых избирателей, мелких землевладельцев и городских избирателей. Следующий этап, когда в состав избирателей с имущественным цензом вливались уполномоченные, выбранные на съездах мелких землевладельцев, в печати уже не отражался. Нам остались недоступными также данные о составе волостных съездов, где голосовали выдвинутые сельскими обществами крестьяне. В официальном органе губернской администрации получили размещение только ведомости о сельских обществах с указанием числа ревизских душ и дворов в них.

В ходе изучения списков голосующих на избирательных съездах нами была разработана специальная методика обработки данных списков избирателей, основанная на подсчете численности представителей землевладельческой курии и определении размера их имущественного ценза. Это позволило определить чис-

ленность избирателей по всем уездам Уфимской губернии, а также размеры собственности крупных и мелких землевладельцев. Динамика данных показателей является важной для выяснения экономического потенциала земских гласных в уездах и тенденций изменения соотношения представительства разных экономических групп в ходе избирательных кампаний. Анализ численного состава земских избирателей от разных съездов за все годы существования в Башкирском крае земств позволил выявить значительное запаздывание в Уфимской губернии процесса обезземеливания избирателей из дворян и их преобладание в составе избирателей вплоть до периода думской монархии.

В целом, огромный массив делопроизводственной документации земских учреждений является основным при изучении деятельности земского самоуправления, в том числе на Южном Урале. Достаточно высокая информативность журналов земских собраний, отчетов и докладов управ, протоколов различных совещаний и т. п. материалов, а также высокая степень достоверности их данных позволяют получить достаточно полное представление о предмете нашего исследования. Необходимо однако иметь в виду, что данный вид источников, официальный по происхождению, не позволяет раскрыть во всей полноте многие важные стороны деятельности органов земского самоуправления. В частности, в сборниках земских собраний не прослеживается внутрипартийная борьба между представителями различных экономических группировок, почти не отражаются позиции гласных, в особенности из крестьян, по отдельным вопросам.

Раскрытию многих важных проблем диссертационного исследования способствуют материалы делопроизводства государственного аппарата. Среди них прежде всего следует выделить группу опубликованных документов губернской администрации, центральных министерств, специальных межведомственных совещаний, посвященных вопросам местного самоуправления. Так, представленные уфимским и оренбургским губернаторами в Государственный совет проекты введения земской реформы на Южном Урале и материалы их обсуждения столичными чиновниками позволяют проследить процесс приспособления земского законодательства к условиям многонациональных губерний, выработку правитель-

ственных решений в отношении условий участия башкир и других нерусских народов края в работе земских собраний[1].

Участие уфимских земств в 1880 г. в обсуждении проекта административной реформы местного управления, которое было организовано по инициативе Главного комитета об устройстве сельского состояния, показано в материалах Особой комиссии для составления проектов местного управления. Представленные среди них предложения земских гласных дают ценные сведения об общественных инициативах по расширению зоны действия земских учреждений, создании мелкой земской единицы с всесословным представительством[2].

Правительство нередко привлекало земские собрания к обсуждению различных казенных проектов и в качестве экспертов по вопросам местного управления и хозяйства. Так, в 1902 г. земские гласные участвовали в работе уездных и губернского местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, организованных в рамках работы временного межведомственного органа – Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством министра финансов С.Ю. Витте. Документы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности Уфимской губернии, губернского и уездных, включали протоколы заседаний, доклады, записки и особые мнения членов комитетов[3]. Они дополняют портреты известных земских гласных как крупных хозяйственников, позволяют познакомиться с их подходами к решению насущных проблем сельского хозяйства, дают богатый материал для изучения аграрной и политической программы известных уфимских общественных деятелей. Как справедливо отметила О.А. Курсеева, материалы местных комитетов Особого совещания до сих пор продолжают оставаться ценным и недостаточно изученным

---

[1] См.: О применении Положения о земских учреждениях к Оренбургской и Уфимской губерниям : [Представления уфимского и оренбургского губернаторов в Государственный совет] : материалы. СПб., 1873.

[2] Материалы по преобразованию местного управления в губерниях : доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам : в 3 ч. СПб., 1883–1884.

[3] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. СПб., 1903. Т. 44 : Уфимская губерния.

источником по истории аграрного вопроса, формирования общественного мнения и земской либеральной программы в целом по стране, а также в ее регионах[1].

Уникальны материалы сенаторской ревизии М.Е. Ковалевского, опубликованные в виде аналитической записки и отчета[2]. В них содержится подробный анализ местной системы управления в пореформенный период, в том числе наблюдения о земских учреждениях Уфимской губернии, отмечен уникальный опыт губернской управы по созданию земельного кадастра, оцениваются взаимоотношения земства и администрации. Предлагая правительству ряд мер по улучшению местного управления, высокопоставленный чиновник указывал на необходимость «органической связи» общественных учреждений с правительственными органами, создания дополнительных управленческих структур на волостном и губернском уровнях с участием земских учреждений[3].

Немало ценного материала о подходах представителей высшей и местной власти к земскому самоуправлению в крае содержат документы официальной переписки уфимского губернатора с министрами просвещения и внутренних дел[4]. Их содержание подтверждает, что правительственный контроль являлся одной из действенных форм регулирования земской деятельности. Из протоколов и секретной переписки Уфимского губернского жандармского управления при работе над диссертационным исследованием нами были извлечены сведения об участниках земского оппозиционного движения, земских служащих – участниках леворадикального движения[5].

---

[1] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв.: региональный аспект. Уфа ; Стерлитамак, 2008. С. 65–67.

[2] Ковалевский М.Е. Записка Члена Государственного Совета, Сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности губернских административных учреждений по данным, оказавшимся при ревизии губерний Казанской и Уфимской. [Б. м. и г.] ; Его же. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. [Б. м. и г.].

[3] Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. [Б. м. и г.]. С. 9, 13, 14.

[4] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 817. Л. 56 ; Ф. 1287. Оп. 27. Д. 1926. Л. 10 ; и др.

[5] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 13, 56, 59, 127, 182, 261, 411 ; Оп. 4. Д. 1, 3, 4, 13, 50, 53, 54, 57, 60, 63 ; и др.

Для реконструкции биографий деятелей земства использовались формулярные списки чиновников, выступавших в отдельные годы земскими гласными в уфимских земствах – П.Ф. Коропачинского, Л.П. Демидова, И.М. Бунина и других, наиболее известных в земской среде гласных[1].

Среди делопроизводственных документов отдельно следует выделить финансовые документы, отложившиеся в Национальном архиве Республики Башкортостан в отдельном фонде под названием «Материалы ревизии сенатора Ковалевского»[2]. Изучение ведомостей уездных казначейств о государственных сборах с населения за 1880 г. позволило составить представление о платежеспособности крестьян отдельных волостей для анализа роста недоимок сельского населения в динамике.

Информация о практических мероприятиях земства в ходе модернизации системы налогообложения по «Правилам об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» 1893 г., отразилась в журналах заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии. Они зафиксировали, например, важный момент утверждения через оценочную комиссию льготных норм налогообложения помещичьих земель, лоббируемых членами Уфимской губернской земской управы[3]. Для составления сравнительного анализа хода оценочных работ в земских губерниях были использованы материалы журналов Совета по делам местного хозяйства, в которых нашло отражение обсуждение законопроекта о мерах к скорейшему завершению оценочных работ[4].

Особую ценность для специалистов имеет делопроизводственная документация органов продовольственного снабжения в период Первой мировой войны[5]. Она создавалась в канцелярии губернского уполномоченного Особого совещания по продовольствию и представлена протоколами заседаний, распоряжениями и перепиской уполномоченного с земскими управами и частными торговыми орга-

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1785, 1804 ; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1427.
[2] Там же. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 94.
[3] Журналы заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии с 1903 по 1910 г. и труды совещаний уездных статистиков. Уфа, 1910.
[4] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 656.
[5] Там же. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 8, 11, 14, 25.

низациями. В канцелярии сохранились также копии журналов, решений междуведомственного совещания при министре земледелия по вопросу закупки хлеба для армии, что показывает процесс организации продовольственного снабжения центральными органами.

Большую ценность представляют журналы Уфимского губернского совещания по продовольственному делу при губернском уполномоченном Особого совещания. Они отражают процесс складывания общественной модели управления продовольственными ресурсами губернии. В них показаны формирование круга участников совещания, влияние представителей земства и общественных организаций на политику хлебозаготовок в губернии. Документы делопроизводства Уфимской губернской продовольственной управы представлены отчетами о поставках хлеба и мяса, выполнении хлебной разверстки, проводимых с помощью земских учреждений[1].

Важнейшую группу источников настоящего исследования составляют материалы земской статистики. С одной стороны, статистические документы служили задачам управления и могут рассматриваться как часть делопроизводственной документации. С другой – они характеризуются отличительными признаками и могут рассматриваться как отдельный вид источников.

Объектами статистического наблюдения земских специалистов выступали землевладение, скотоводство, аренда земли, бюджет хозяйства, размеры посевов, платежи, промыслы как базовые признаки, определяющие сельскохозяйственное производство. Опубликованные материалы земской статистики, помимо цифровых данных, содержат большой объем материалов аналитического и даже научного характера. На этом основании М.И. Роднов рассматривает земскую статистику не только как исторический источник, но и в качестве «первых попыток научного анализа аграрных отношений в крае»[2]. В новейшем специальном исследовании С.В. Лёвина справедливо утверждается, что земская статистика оказалась органически связана с изучением истории пореформенной России и представляет собой

[1] См.: НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 6, 7, 11.
[2] Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 11, 22–23.

уникальный источник, не утративший по настоящее время своей информативной и научной значимости[1].

Земская статистика создавалась прежде всего для решения вопросов земского налогообложения. Так, материалы подворной переписи Мензелинского уезда 1884 г., обработанные статистиком Д.Н. Тяжельниковым, впервые позволили применить научный подход при начислении земских сборов с земель[2]. Сведения первой переписи городской недвижимости в Уфимской губернии, в ходе которой земские статистики исследовали также демографию и занятия жителей уездных городов, послужили основой для выработки принципов налогообложения городской недвижимости[3].

Установление единой методологии земских оценок объектов земского налогообложения стало возможным с проведением централизованных статистических обследований после учреждения статистического отдела при Уфимской губернской земской управе в 1895 г. Сведения, положенные в основу земского оценочного дела, получили отражение в двух тематических изданиях – «Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии» и «Обзоре Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении» (впоследствии «Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии»)[4]. В первом из них были представлены также результаты обследования торгово-промышленных заведений и частновладельческих хозяйств в уездах[5].

В исследованиях земских статистиков обращалось также внимание на влияние этноконфессионального фактора на экономическое положение населения. Так, уже упомянутый Д.Н. Тяжельников в ходе анализа данных подворной пере-

---

[1] Лёвин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье. Тамбов, 2014. С. 349–352.

[2] Материалы подворного исследования, собранные и обработанные Д.Н. Тяжельниковым. Самара, 1900.

[3] См.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Казань, 1887. Т. 1, вып. 1 : Города.

[4] См.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии: в 10 т. Уфа, 1898–1911 ; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 год (лето-осень). Материалы по текущей статистике за 1900–1901 хозяйственный год. Год 6. Уфа, 1902. Вып. 2.

[5] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. 7 : Свод экономических данных по губернии, ч. 2 ; Список земельных владений губернии. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1911. Т. 10 : Фабрики, заводы и промышленные заведения Уфимской губернии, ч. 2.

писи Мензелинского уезда 1884 г. подчеркнул большую задолженность и меньшую обеспеченность скотом башкир и татар по сравнению с русским населением и указал на неприспособленность местных мусульман к новым условиям хозяйствования.

С 1898 г. в основу методологии уфимской земской статистики было положено изучение крестьянских хозяйств по посевным группам[1]. Распространенная в большинстве земств группировка крестьянских хозяйств по величине надела в Уфимской губернии была затруднительна из-за большого массива вотчинных земель у башкир и широкого распространения арендных отношений между ними и пришлым населением. Другой популярный метод изучения доходности крестьянских хозяйств по наличию рабочего скота также использовался уфимскими статистиками. Он получил отражение в материалах подворной переписи крестьянских хозяйств 1912–1913 гг.[2]

Другой подход изучения экономики крестьянского хозяйства был использован в 1915 г., когда земские статистики с целью получения сведений о продовольственной обеспеченности Уфимской губернии провели еще одну подворную перепись. Статистик А.М. Брагин наряду с анализом посевных площадей и количества скота рассмотрел распределение хозяйств по производительным силам или числу работников в хозяйстве[3].

Незаменимым источником при исследовании истории земств Уфимской губернии стали «Историко-статистические таблицы», изданные под редакцией М.П. Красильникова[4]. В них земская хозяйственно-культурная деятельность за период 1875–1914 гг. была представлена в виде цифровых данных. Несомненное достоинство данной публикации – в ней сведения о земских доходах и расходах

---

[1] См.: Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. С. 42–57.

[2] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии : подворная перепись 1912–1913 гг. Уфа, 1914. Ч. 2 : таблицы.

[3] Брагин А.М. Сельское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 г.). Уфа, 1916.

[4] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств в Уфимской губернии, 1875–1914. Уфа, 1915.

уфимских земств систематизированы по единой схеме, что делает их пригодными для аналитических заключений.

Среди значимых статистических обследований земских учреждений Уфимской губернии следует назвать переписи местных мектебов – традиционных начальных школ башкир и татар, проведенные в 1912 г. Их результаты обработали и опубликовали заведующий «инородческим образованием» Мензелинской управы Г.Н. Кильдибеков и школьный статистик Уфимского губернского земства М.И. Обухов[1]. При группировке материала они использовали методы школьной статистики, которая велась при Уфимской губернской управе с 1908 г.

Введенные земскими специалистами в оборот, в том числе научный, цифровые данные о мусульманских школах не безупречны в отношении точности. Например, при сравнении численности учащихся (шакирдов) по работе Г.Н. Кильдибекова и по архивным спискам становых приставов наблюдается разница в количестве учеников отдельных школ[2].

На точность цифрового материала влияли исследовательские подходы. Например, в Мензелинском уезде Г.Н. Кильдибеков зафиксировал 364 мектеба и медресе, исходя из существования у них специальных помещений. А вот по данным М.И. Обухова, в том же уезде указано уже 409 школ, так как в их число включены и домашние пункты обучения.

При работе с земскими статистическими материалами о просветительских институтах ислама следует учесть также трудности применения категориального аппарата школьной статистики к параметрам конфессионального образования. Респонденты на ряд вопросов переписного бланка дали слишком обобщенные ответы, в том числе в виде округленных цифр. Некоторые же вопросы, касающиеся учебной части мусульманских начальных школ (содержание учебного курса, продолжительность учебного года, методы преподавания и т.д.), вообще остались без ответа. Несмотря на указанные особенности, приведенные в работах Г.Н. Кильди-

[1] Кильдибеков Г.Н. Магометанские школы (мектебы и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Мензелинск, 1913 ; Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы 1912–13 года. Уфа, 1915.
[2] См.: НА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 523. Л. 295–319.

бекова и М.И. Обухова статистические сведения имеют высокую научную ценность и незаменимы при исследовании проблем образования башкир и татар в начале XX в.

Земские статистические материалы, если характеризовать в целом, служат надежной фактической основой для изучения многих проблем социально-экономического развития Башкирского края в пореформенный период. Тем не менее, при использовании такого материала следует учитывать некоторые особенности их получения и обработки, что нашло отражение в надежности собранных цифровых данных. Проблему достоверности сведений текущей статистики, собираемых через сельских писарей и добровольных корреспондентов, не раз поднимали сами земцы. В современный период специалист по аграрной истории М.И. Роднов указал, например, на расхождения от 44 до 75 % между данными волостных управ, на которых базировалась текущая земская статистика, и специальной земской переписью размеров посевов и скота[1]. Со своей стороны подчеркнем, что неизбежным недостатком статистического подхода при оценке отдельных хозяйств было использование многими земскими статистиками средних показателей урожайности по целой волости, что исключает возможность учета разного уровня благосостояния отдельных селений.

В диссертационной работе в основном использованы обработанные и опубликованные данные земской статистики. Выявление и изучение первичного, необработанного материала – бланков переписей, хозяйственных обследований, школьных анкет и др. – требуют отдельной большой исследовательской работы. При этом встает также проблема репрезентативности данного вида источников. Например, в местных архивах отрывочно представлены первичные бланки школьной статистики (личные карточки учителей, в которых содержится информация об образовании, стаже, семейном положении и другие сведения)[2]. Из анкет

---

[1] Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения С. 15–17 ; Его же. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5. С. 113.

[2] См.: АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 555. Л. 28–28 об.

земского обследования частновладельческих хозяйств за 1895–1897 гг. привлечены сведения о хозяйственном потенциале мелких землевладельцев[1].

Из материалов правительственной статистики в исследовании были использованы данные официальной статистики землевладения, помещенные в «Обзоре Уфимской губернии» – опубликованных версиях всеподданнейших отчетов губернаторов[2]. Сведения о распределении земель между отдельными группами собственников дают возможность раскрыть степень участия каждой из них в формировании земского бюджета. Для сравнительного анализа роста земских расходов в Уфимской губернии с остальными земскими губерниями использовались сборники доходов и расходов земств 34 губерний, разработанные в статистическом отделении Департамента окладных сборов Министерства финансов[3].

В 1888 г. статистическая информация о земском представительстве в 34 губерниях за 1883–1886 гг. была укомплектована в Центральном статистическом комитете МВД и опубликована в виде специального издания[4]. Приводимые в нем сведения о сословном составе земских избирательных съездов важны для изучения земского электората Уфимской губернии, поскольку другие источники, например, списки избирателей, содержат неполные данные.

В исследовании использованы издания Губернского статистического комитета: «Памятная книжка Уфимской губернии» и «Адрес-календарь Уфимской губернии». Они включают в себя в числе прочих также статистические и справочные сведения[5].

---

[1] См.: НА РБ. И-132. Оп. 1. Д. 1315.

[2] См., например: Обзор Уфимской губернии за 1883 год. Уфа, 1884. С. 2–3 ; Обзор … за 1886 год. Уфа, 1887. С. 1 ; Обзор … за 1903 год. Уфа, 1904. С. 5 ; Обзор … за 1904 год. Уфа, 1905. С. 5 ; и др.

[3] Расходы земств 34-х губерний, по сметам на 1895 год. СПб., 1896 ; Доходы и расходы земств 34 губерний, по сметам на 1900 год. Разработано в Статистическом отделении Департамента окладных сборов год. СПб., 1901 ; Доходы и расходы земств 40 губерний, по сметам на 1912 г. СПб., 1914.

[4] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. / разработ. А. Сырневым. СПб., 1888.

[5] См., например: Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1914 год. Уфа, 1914 ; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1915 год. Уфа, 1915 ; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1916 год. Уфа, 1916 ; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа, 1917.

Перечисленные издания правительственной статистики обладают достаточной степенью достоверности. Например, систематизация и разработка сведений о земских выборах, земских доходах и расходах базировались на первоисточниках, поступивших непосредственно из земских учреждений. Признавая значение этих источников, все же следует отметить их вспомогательную роль для изучения поставленных в диссертационном исследовании проблем.

В работе широко использовались материалы периодической печати. Источником фактических сведений служили прежде всего земские издания. В первые годы своей деятельности Уфимское губернское земство реализовало издательский проект с целью объединения сведений о деятельности уездных земств и преодоления их информационной изолированности. Единым органом стал журнал «Вестник Уфимского земства», который выходил с 1879 по 1883 год пять или шесть раз в год. Сначала его редактором был А.Д. Дашков, а с 1882 г. – Н.А. Гурвич[1].

Тематически журнал делился на три отдела: 1) общий, информирующий о правительственных распоряжениях по земскому самоуправлению; 2) хроника земских собраний и 3) статистический, где печатались отдельные исследования губернского статистического комитета. В «Вестнике» отсутствуют данные по Мензелинскому земству, которое отказалось от участия в издательском проекте губернского земства и раскритиковало печатный орган за «серость» и сухой протокольный характер. Многие материалы журнала благодаря умелому редакторскому отбору и систематизации данных земской делопроизводственной документации содержат информацию, не отраженную в опубликованных сборниках материалов уездных земских собраний.

Следующий опыт собственного издания был реализован Уфимским губернским земством в годы Первой русской революции. Либеральные земцы приняли решение о создании беспартийной земской газеты, приближенной к интересам народа, в противовес тенденциозным «Уфимским губернским ведомостям», критикующим земских «оппозиционеров». В марте 1906 г. в Уфе начала издаваться

[1] Зарипов А.Я. Вестник Уфимского земства // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2006. Т. 2. С. 65.

еженедельная «Уфимская земская газета», редактором которой был председатель Уфимской губернской земской управы П.Ф. Коропачинский, один из самых ярких либеральных деятелей. В октябре 1906 г., после выхода 29 номеров, газета была закрыта по решению губернатора.

Из материалов «Уфимской земской газеты» отдельный интерес представляет статья «По земельному вопросу», в которой излагалась аграрная программа уфимских кадетов. Автор за подписью «К» (вероятнее всего, статистик М.П. Красильников) описал схемы наделения малоземельных крестьян до нормы в 5 дес. за счет покупки казенных, удельных, частновладельческих и башкирских вотчинных земель[1]. В пятом номере земской газеты была перепечатана работа П. Голубева «Правда о казенных и земских сборах», остро критикующая фискальную политику государства. В качестве приложения к газете печатались также стенографические отчеты о заседаниях Государственной думы, что усиливало ее пропагандистский характер.

Значительный объем информации был извлечен из газеты «Сельскохозяйственный листок» (с 1912 г. «Уфимский сельскохозяйственный листок»), которая издавалась Уфимской губернской земской управой с 1908 по 1917 год ежемесячно. Редакторами состояли в разные годы члены губернской земской управы (А. Г. Георгиевский, А. Д. Гачечиладзе, Г. М. Курковский и др.) и председатель губернской земской управы (П.Ф. Коропачинский). С 1914 г. газета выпускалась и на языке тюрки под редакцией известного поэта и общественного деятеля Сагита Рамеева.

«Сельскохозяйственный листок» широко освещал деятельность земской агрономической организации в Уфимской губернии и аналогичных учреждений в других губерниях, популяризировал сельскохозяйственные знания. В годы Первой мировой войны газета публиковала сообщения о текущей деятельности земств по организации помощи беженцам и раненым, а также размещению военнопленных. Отдельной темой корреспонденций и статей были вопросы организации хлебозаготовок и продовольственного снабжения населения.

[1] К. По земельному вопросу // Уфимская земская газета. 1906. 9, 22, 29 марта, 15 апр.

Аналогичное периодическое издание Белебеевского уездного земства – «Белебеевский сельскохозяйственный листок» – выходило в первой половине 1914 г. в качестве приложения к «Справочному листку Белебеевского уездного земства». Последний издавался в 1914–1916 гг. и печатал сведения об уездном земстве, рыночных ценах на хлеб, объявления и т. п.

Сведения о работе земской либерально-демократической общественности по просвещению населения в годы Первой мировой войны размещал печатный орган отдела народного образования Уфимской губернской земской управы «Бюллетень народного образования». Он выходил в 1915–1917 гг.[1] Наряду с информацией о земской деятельности, издание отражало повседневную жизнь переломного исторического периода. На его страницах запечатлены имена, высказывания, статьи и факты биографий многих малоизвестных деятелей края, сведения о которых в других источниках не сохранились.

Деятельность Уфимского земства нашла отражение в общероссийском журнале «Земское дело», который издавался в Санкт-Петербурге в 1910–1917 гг. На его страницах опубликовали свои работы уфимские статистики А. Груздев, М.П. Красильников. Немалую ценность представляют публикации столичного журнала, посвященные вопросам земских выборов в волостные и уездные земства Уфимской губернии[2].

Незаменимым источником для исследователей истории земств периода Революции 1917 г. являются газеты «Известия Уфимского губернского комиссариата», «Вперед!», «Известия Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Известия Мензелинского Совета крестьянских депутатов», по которым была воссоздана хроника событий жизни уфимских земств переломного времени, не получивших отражение в других источниках.

---

[1] Бюллетень народного образования Уфимской губернской земской управы. 1915. № 1–3 ; 1916. № 1–6 ; 1917. № 1–4.

[2] См., например: Груздев А. Вопросы современности на Уфимских уездных земских собраниях // Земское дело. 1914. № 22. С. 1357–1365 ; Красильников М.П. Война и земские сметы Уфимской губернии // Там же. 1915. № 4. С. 254–255 ; О выборах уездных земских гласных // Там же. 1917. № 9–10. С. 382 ; и др.

В исследовании был широко использован практически неизученный с точки зрения земской проблематики источник – арабографичная периодическая печать Урало-Поволжья на языке тюрки за 1906–1917 гг. Единственным автором, который в ходе исследования земства обратился к данному источнику, стала Л.М. Владимирова. В своей монографии она использовала порядка десяти статей из газет «Тормыш» («Жизнь», г. Уфа), «Вакыт» («Время», г. Оренбург), «Ал-Ислах» («Реформа», г. Казань)[1].

Наиболее полное освещение деятельность земских учреждений Уфимской губернии получила в газетах «Вакыт» и «Тормыш». Статьи об уфимских земствах печатали также казанские издания «Йолдыз» («Звезда»), «Кояш» («Солнце») и др. До настоящего времени материалы национальной печати не привлекались комплексно для изучения истории уфимских земств. Поэтому несколько шире охарактеризуем содержательную сторону этого источника.

Перечисленные выше газеты являлись органами либерально-демократической татаро-башкирской общественности, лояльно настроенной к земским учреждениям и возлагавшей надежды на демократическое переустройство страны. Среди авторов статей и корреспонденций о просветительских мероприятиях уфимских земств были религиозный деятель Хасан-Гата Габяши, земский библиотекарь Мубаракьян Амиров, учитель Г. Халиков, служащий Мензелинской управы Габдельхади Кильдибеков, а также учителя Х. Кучумов и Г. Касимов.

Первоначально в центре внимания прессы оказалась проблема популяризации земских органов и их работы среди башкир и татар. Для этого освещались события общероссийского, а также местного значений: работа земских съездов, выставок, собраний, давались анонсы предстоящих мероприятий и т.д. Газета «Тормыш» имела постоянную рубрику «Земство хәбәрләре» («Вести земства»), где размещались материалы о текущей деятельности уфимских земств в области агрономии, медицины, просвещения. Отдельно следует выделить статьи о земстве,

[1] Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.). С. 223.

написанные известным башкирским и татарским поэтом и писателем Мажитом Гафури. В декабре 1911 г. в газете «Йолдыз» была напечатана его заметка «Уфимское земство», а в двух номерах 1912 г. – обширная работа «Что такое земство?»[1].

В 1913–1914 гг. газеты перешли к постоянному освещению событий внутри отдельных земств, помещая в центр внимания вопросы распределения земского бюджета и представительства мусульман в земских собраниях. В ряде печатных изданий сложилась отдельная колонка «Земство и мусульмане». В годы войны на содержании газетного материала сказался спад в стране либеральных настроений, в результате чего чрезмерные надежды мусульманской общественности на демократические свободы уступили место более критичному освещению событий. В 1914 г. в связи с 50-летием земства уфимская газета «Тормыш» опубликовала статью аналитического характера, где отмечались также объективные причины ограниченности земской деятельности – административные препятствия со стороны правительства и устаревшее законодательство. В ней отмечалось также, что сближению мусульман с земством мешали «темнота народа» и «невежество» мулл[2].

Отдельная тема газетных корреспонденций была посвящена взаимодействию земств с традиционными мусульманскими школами. Публикация Уфимской губернской управой «Списка учебных пособий по вероучению и родному языку» послужила поводом к написанию Фатихом Сайфи (Казанлы) заметки[3]. Подробное освещение в газете «Вакыт» получило обследование мектебов Уфимским губернским и Мензелинским уездным земствами[4]. Отдельные публикации в газете посвящались открытию земских библиотек в мусульманских селениях[5].

---

[1] Гафури М. Уфимское земство // Йолдыз. 1911. 29 дек. (на тюрки) ; См. также: Гафури М. Собрание сочинений: в 6 т. Уфа, 1957. Т. 6. С. 52–89 (на башк. яз.).

[2] В связи с пятидесятилетним юбилеем земства // Тормыш. 1914. 15 июня (на тюрки).

[3] Сайфи Ф. Об учебных пособиях // Йолдыз. 1913. 19 сент. (на тюрки).

[4] О мектебах // Вакыт. 1913. 29 янв. ; Мектебы Уфимской губернии // Вакыт. 1913. 8, 10 нояб. ; 8 дек. ; 1914. 14 янв. (на тюрки).

[5] Проблема открытия земских читален в мусульманских деревнях // Вакыт. 1915. 1 марта (на тюрки) ; Важная работа Уфимского земства // Тормыш. 1915. 1 дек. (на тюрки).

Характерно, что в 1913–1915 гг. на страницах газет развернулась общественная дискуссия на тему «Мектеб или школа?». Ее участники сосредоточились на проблеме выбора башкирским и татарским населением между государственными и конфессиональными школами. В то время решением аналогичного вопроса занимались и уфимские земства. Сторонники школы – представители мусульманского духовенства, учителя и земские служащие из башкир и татар выступали за придание традиционным мектебам государственного характера и реформирование их учебной части по европейскому образцу[1]. Приверженцы мектебов в лице земских гласных, депутатов Государственной думы, поэтов и других представителей национальной интеллигенции отстаивали необходимость их сохранения для воспитания подрастающего поколения в духе национальных ценностей[2]. Для многих деятелей будущее образования представлялось как сосуществование светского и религиозного обучения[3].

Изучение урало-поволжской прессы, опубликованной на тюрки, позволило оценить эффективность деятельности уфимских земств с точки зрения соответствия их мероприятий запросам местного населения, а также раскрыть проблему обратной связи со стороны башкир и татар с органами местного самоуправления, что невозможно сделать, используя документы делопроизводства и другие официальные источники. Вместе с тем следует внимательно относиться к достоверности и интерпретации фактов, представленных в прессе. Нередко авторы, относящиеся к либеральному и особенно революционному лагерю, игнорировали другие точки зрения, в частности, не освещали позиции консервативных представителей мусульманской общественности (традиционалистов).

В целом материалы периодической печати отражают отношение общественности к земствам и их мероприятиям, дополняют летопись истории земства

---

[1] См., например: Мектеб или школа? // Вакыт.1914. 4 авг. ; Магди З. Земство и дела обучения // Вакыт. 1915. 4 июня ; Бикчентаев И. Мектеб и школа // Вакыт. 1916. 8 апр. (на тюрки).

[2] Джантюрин С. Мектеб, школа? // Тормыш. 1914. 23 авг. Мектеб – школа? // Вакыт. 1914. 14 сент. ; Еникеев Г. Мектеб или школа // Тормыш. 1915. 17 марта ; Гафури М. Мектебы и школы в деревнях // Вакыт. 1915. 9 июля (на тюрки) ; и др.

[3] Максуди А.-Х. Открытие школ // Йолдыз. 1914. 25 фев. ; Биккулов И. Мектеб или школа? // Кояш. 1915. 25 марта (на тюрки) ; и др.

сведениями об отдельных персоналиях и событиях. Недостатком данного вида источника является субъективность подачи информации, а также неточность некоторых данных, передаваемых в репортажном стиле.

История уфимских земств получила некоторое освещение и в источниках личного происхождения. Большинство из них написано в жанре мемуаров – «современных историй» с целью запечатления и осмысления событий, свидетелями которых стали авторы.

Наиболее богатыми по насыщенности фактами из истории земского самоуправления являются воспоминания земского врача А.И. Веретенниковой. Основываясь на своем опыте работы в Белебеевском уезде Уфимской губернии в 1882–1884 гг., она очень красочно, а главное – достоверно описала бытовые и профессиональные условия деятельности земских врачей, уровень организации уездной земской медицины, проблему оказания медицинской помощи сельским жителям уезда. Отдельный интерес представляет ее оценка личных качеств руководителей, стоящих во главе земского самоуправления[1].

В воспоминаниях ссыльного врача С.Я. Елпатьевского приведены биографические сведения и характеристики известных земских деятелей Уфимской губернии А.Д. и Д.Д. Дашковых, писателя и земского гласного П.И. Добротворского[2]. Упоминания о Д.Д. Дашкове и его вкладе в развитие земского школьного дела содержат дневники А.В. Никитенко[3]. Некоторая информация о земских деятелях и Стерлитамакском уездном земстве разбросана в дневниках писателя С.Р. Минцлова, служившего в 1910–1911 гг. в Уфимской губернии земским начальником[4].

Несомненную ценность имеют мемуары бывшего уфимского губернатора Б.П. Цехановецкого, посвященные событиям Первой русской революции. Рукопись их перевода с французского языка на русский хранится в Национальном ар-

---

[1] Веретенникова А.И. Записки земского врача / предисл. В.А. Скачилова. Уфа, 1984.
[2] Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 104–110.
[3] Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877 гг.) : в 2 т. СПб., 1905. Т. 2. С. 461–462.
[4] Минцлов С.Р. Дебри жизни: дневник. 1910–15 гг. Уфа, 1992. С. 19–20, 27, 97–98.

хиве Республики Башкортостан[1]. Служба автора в Уфимской губернии после объявления Манифеста 17 октября 1905 г. протекала в условиях крайней дестабилизации общественно-политической обстановки. Данная им характеристика земцев как «партии порядка», противостоящей бюрократическому управлению, но не правительству, дает возможность сопоставить оценки земства различными представителями власти.

Об уфимском губернаторе Б.П. Цехановецком как о гуманной личности, проявлявшей несвойственную губернаторской должности мягкость в отношении примкнувшей к политическому движению молодежи, рассказал в воспоминаниях Л.М. Кибардин, служивший участковым земским врачом в Уфимском уезде[2]. В его мемуарах, воспроизведенных в форме литературной записи Т.Н. Лешуковым, фамилия губернатора не указана. По описанию автором поведения губернатора и датированию событий можно идентифицировать личность Б.П. Цехановецкого. Интересны замечания мемуариста о материально-бытовых условиях врачебной работы, а также его описания подпольной революционной деятельности земских служащих.

Упоминания об Уфимском земстве встречаются также в неопубликованных воспоминаниях участников событий 1917 г. Б.М. Эльцина и С.Ф. Гарденина, бывших служащих Уфимского губернского земства. Выдвинувшись на поприще земской работы, они в советское время как большевики участвовали в формировании нового коллективного сознания, в котором земству как «учреждению царского самодержавия» не нашлось места[3]. На специальных «вечерах воспоминаний», собраниях «башкирского землячества» участники свержения династии Романовых составляли свою историю предоктябрьских событий, в которой большевикам отводилась ведущая роль в важнейших мероприятиях земства.

---

[1] См.: Цехановецкий Б.П. Воспоминания. Эпизоды революционного движения в России и в Уфе в 1905 году / пер. с фр. Рыбченко // НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Сведения из этих мемуаров частично введены в научный оборот (см. : Полянина О.А. Органы городского самоуправления в Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С. 98–100 ; Валеев М.А. Власть, либеральное общество и революционное движение в 1905–1907 гг. на примере губернского города Уфы. Уфа, 2008. С. 56–74.

[2] Кибардин Л. Полвека (воспоминания старого врача). Ярославль, 1967. С. 16–26.

[3] См.: НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 127, 261, 411.

В целом, источники личного происхождения, основанные на непосредственном опыте отдельных участников исторического процесса, способствуют, несмотря на свою очевидную субъективность, более полному осмыслению истории земских учреждений в Уфимской губернии.

***

Материалы историографии и источников позволяют выделить основные особенности земского самоуправления в многонациональном регионе. Признавая важность вклада, внесенного в изучение земского самоуправления многими авторами, следует отметить, что интегрирующая роль земства в окраинных губерниях до сих пор остается недостаточно исследованным аспектом. Современные ученые все чаще рассматривают земства как местные органы общественного характера с функциями государственного администрирования. Это может служить отправной точкой изучения модели земского самоуправления многонациональной империей, с помощью которой достигалась социально-экономическая и культурная унификация различных уездов и губерний страны. Документальная база исследования, представленная большим количеством и видовым разнообразием источников, позволяет обеспечить достижение поставленных в диссертации целей и задач.

.

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

§ 1. Реализация земской реформы: ход, проблемы и их решение

В ходе отмены крепостного права в губерниях Европейской России система местного государственного управления была дополнена новыми органами самоуправления – губернскими и уездными земскими учреждениями. Они сформировались по Положению 1 января 1864 г. и в обществе получили название земств. Согласно закону, земские учреждения – органы для «ближайшего участия» в заведовании хозяйственными делами каждой губернии и уезда из лиц, выбранных местным населением[1].

В пореформенный период действовали разного уровня организации местного самоуправления. Среди крестьян это был сельский сход (мир) – исторически сложившаяся форма традиционного самоуправления, которая в ходе Великих реформ была организована по единому типу общинной организации и получила статус юридического лица[2]. Сохранялось сословное самоуправление дворянского общества в виде дворянских собраний во главе с предводителем дворянства – ключевой фигурой местной системы государственного и общественного, в том числе земского, управления[3]. В городах по Положению 16 июня 1870 г. вводилось общественное самоуправление, схожее с земским. Всем перечисленным формам были присущи основные признаки самоуправления: выборный характер, собственная финансовая база, самостоятельность деятельности[4].

---

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40457.

[2] См., например: Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С. Самоуправление крестьян в России (XIX – начало XXI в.). М., 2004 ; Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003. С. 79.

[3] См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 133–143.

[4] Миронов Б.Н. Социальная история России : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 429 ; Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ // Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. М., 2005. Кн. 1 : 1864–1904. С. 25.

Принципиальное отличие земских учреждений от прежних и существующих общинных форм местного самоуправления заключалось в буржуазном формате их организации и широком территориальном охвате. Всесословное представительство формировалось путем избирательного права из владельцев, отвечающих определенному имущественному цензу, земства действовали автономно от работы местных правительственных органов за счет распределения и сбора местных налогов с населения всего уезда и губернии. При этом, по замечанию исследователя А.Ю. Шутова, в Положении 1 января 1864 г. были обозначены «контуры первой российской избирательной системы», что стало радикальным шагом в реформировании государственного управления[1].

Новые принципы организации местного самоуправления должны были способствовать в первую очередь формированию инициативного ядра из местных собственников для преодоления экономической и культурной отсталости страны. Земское законодательство – конечный вариант реформ, рождавшееся в долгих дискуссиях сторонников государственной и общественной теорий, бюрократов и либералов, наделяло местных представителей – гласных (депутатов) большими полномочиями по заведованию «хозяйственными нуждами и пользами». Они получали право «раскладки, взимания и расходования» земских сборов, а также самостоятельность в рамках собственной компетенции. Наряду с предоставлением земствам финансовой самостоятельности, закон связывал их с отправлением прежнего тягла – земских повинностей, в том числе государственных и натуральных. Они были подробно расписаны в специальных «временных Правилах для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении» от 1 января 1864 г., причем количество связанных с земством повинностей было невероятно большим[2].

---

[1] Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX – начала XX века). М., 2011. С. 204.

[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40458.

Множество противоречий в положении новых учреждений – обособленность от государственной системы управления и отсутствие принудительных властных полномочий, туманность формулировок, определяющих обязанности и круг их действия, вызывали критику ученых-специалистов и государственных деятелей. Вместе с тем это предоставляло также возможность вариативного развития местного самоуправления. Недосказанность как определяющая черта преобразовательных законов 1860-х гг. позволила специалисту в области Великих реформ Л.Г. Захаровой сравнить их с русской матрешкой, ведь реформаторы «не могли ясно и открыто заявить в законодательстве о своих конечных целях»[1]. Таким образом, осуществление идеи земства на практике представлялось задачей большой сложности.

Трудность представляло также территориальное разнообразие страны, уезды и губернии которой отличались выраженными природно-географическими, экономическими и этническими особенностями. Как и остальные реформы, закон о земстве правительство рассчитывало провести в жизнь без промедления. Крайне важной была скорейшая модернизация хозяйственного управления на местах для преодоления экономической и культурной отсталости страны. По Положению 1 января 1864 г. география распространения земских учреждений охватила 33 губернии[2]. Одновременно было опубликовано высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О некоторых мерах по введению в действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях», где очерчивались задачи введения земств в ряде северных и южных губерний и областей, Западном крае, и в «частях Империи, управляемых по особым учреждениям»[3]. Местным администрациям предлагалось выработать схемы применения Положения о земских учреждениях с учетом основных сфер, где осуществление земских повинностей было необходимо: почтовая связь, объекты судебного и военного ведомства, то есть направлений, связанных с реализацией комплекса либеральных реформ. Та-

[1] Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 154.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40457.
[3] Там же. № 40459.

ким образом, хотя существование земства связывалось с дворянским сословием и землевладельцами, широкий и равномерный охват местностей новыми формами хозяйствования был желательным условием развития самоуправления.

Проблема территориального распространения земской модели управления тесно связана с совершенствованием государственной политики по управлению Российской империей. С этой точки зрения земская реформа играла главную роль в унификации местного управления и интеграции отдельных регионов в единое социально-экономическое пространство на новом, земском уровне. Так, податная политика Министерства финансов в неземских губерниях перестраивалась по правилам деления повинностей согласно «временным Правилам для земских учреждений… » от 1 января 1864 г.[1]

Непосредственные мероприятия по введению земских учреждений показали разнообразие условий, определяющих формирование избирательных съездов дворян и горожан, выполнение полного объема земских повинностей, отличительные особенности в системах местного управления в разных губерниях. Даже в «классической» по условиям Смоленской губернии с преобладанием гласных дворян земская реформа потребовала мобилизации новых финансовых и бюрократических ресурсов[2]. В 1865 г. Положение начало действовать в 19 губерниях, в 1866 г. – еще в девяти губерниях, к 1870 г. – всего в 33 губерниях Европейской России. В Уфимской губернии земские учреждения начали действовать в 1875 г.

Уфимская губерния была образована по Положению от 5 мая 1865 г. путем выделения из Оренбургской губернии двух губерний – Уфимской и Оренбургской, разделенных «по хребту Уральских гор»[3]. На западной стороне расположилась во главе с губернским городом Уфой Уфимская губерния, куда вошли шесть уездов: Уфимский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский и вновь образованный из части Троицкого уезда Златоустовский (см. Приложение А). Площадь губернии составила 107 тыс. квадратных верст, или

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40459.
[2] Курошева М.С. Становление Смоленского земства (1864–1889 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2015. С. 65.
[3] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 40, ч. 1. № 42058.

121,8 тыс. квадратных километров[1]. В 1865 г. в ней проживало 1 291 018 человек обоего пола. Из них коренные жители края – башкиры и их припущенники составляли 50,1 %, русские – 32,6, татары – 8,4, марийцы – 4,1, чуваши – 2,6, мордва и удмурты по 1,1, немцы, евреи и пр. – 1,1 %[2]. По подсчетам Х.Ф. Усманова, в Уфимской губернии ко времени реформы проживало около 52 % всех башкир, в Оренбургской – 35 %, остальные – в Пермской, Вятской и Самарской губерниях[3].

Особенностью Уфимской губернии было не только многонациональный состав ее населения, но и существование разнообразных сословных категорий населения. Наряду с общероссийскими разрядами крестьян (крепостные, государственные и удельные), здесь имелись своеобразные сословия сельских жителей, в частности башкиры-вотчинники, сохранившие право собственности на свои земельные владения. Землями башкир пользовались и их припущенники – тептяри, мишари и часть русских крестьян.

В составе России башкиры прошли сложную социальную эволюцию[4]. Ко времени реформ 1860-х гг. они представляли собой военно-казачье сословие. В составе Оренбургского казачьего войска в 1869 г. числилось 244 261 человек[5] (в 1859 г. на службе в нем состояло 3073 башкир), в поселениях Башкирского войска на 1 января 1862 г. проживало 1 008 876 человек обоего пола, или треть всего казачьего населения страны[6]. Территориально основная часть поселений Башкирского войска концентрировалась в Оренбургской губернии, отдельные

---

[1] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиков, Н.А. Гурвич. Уфа, 1878. С. 2.

[2] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел : в 65 т. СПб., 1877. Т. 45 : Уфимская губерния. С. VI, LXXXVIII.

[3] Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 28.

[4] См.: Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005 ; Его же. Введение кантонной системы управления // История башкирского народа : в 7 т. СПб., 2011. Т. 4. С. 29–36 ; Его же. Трансформация кантонной системы управления // История башкирского народа. Т. 4. С. 36–41 ; Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2012. С. 34–88 ; Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII–XVIII вв. Уфа, 2016. С. 125–259.

[5] Кортунов А.И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII–XIX вв. : дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2004. С. 103–113.

[6] Давлетбаев Б.С. Отмена кантонной системы управления // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века : в 2 т. Уфа, 2006. Т. 1. С. 41.

башкирские кантоны располагались в уездах Пермской (Осинском, Екатеринбургском, Шадринском, Красноуфимском) и Вятской (Елабужском, Сарапульском) губерний. Башкирское иррегулярное войско имело много отличий от других, особенно славянских, казачьих войск. Почти с самого начала организации Башкиромещерякского войска (с 1798 г.) башкиры и мишари (с 1855 г. и тептяри) привлекались к выполнению разнообразных трудовых и денежных повинностей, мало схожих с казачьей службой. При этом доля трудовых повинностей, по сравнению с военной службой, неуклонно росла. К началу 60-х гг. XIX в. к службе привлекалось население всего лишь шести кантонов из 28. Остальные были обложены денежными повинностями «взамен» военной службы. В общей сложности накануне реформы башкиры, мишари и тептяри платили столько денежных повинностей, сколько и государственные и удельные крестьяне, не обремененные военной службой и экономически более сильные[1]. Таким образом, башкиры и их припущенники ко времени отмены военно-казачьей системы в 1863–1865 гг. фактически представляли податное, то есть крестьянское, сословие. По Положению о башкирах от 14 мая 1863 г. население Башкирского войска передавалось в гражданское управление[2].

Унификация гражданского положения жителей края подготовила условия для введения новых органов самоуправления в Уфимской губернии. На губернском собрании уфимского дворянства 19 декабря 1868 г. постановили просить правительство о скорейшем открытии земств в Уфимской губернии. Включение в территорию гражданского управления земель бывших башкирских кантонов требовало специального изучения вопросов, связанных с землевладением, налогообложением, административно-территориальным делением и прочими важными нюансами. Данные об участии губернской администрации в развитии идеи всесторонней реализации реформ в Башкирском крае, приведенные Н.И. Леоновым[3], свидетельствуют о достаточном потенциале местного аппарата управления, с помощью которого последовательно решались проблемы, не имеющие готовых об-

[1] Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 г. в Башкирии. М., 1983. С. 12, 24, 28.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 38, ч. 1. № 39622.
[3] Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60–70 гг. XIX в. в Башкирии. Уфа, 1993. С. 32–39.

разцов и схем для решений. Показательными в этом отношении являлись восприятие и поддержка представителями местной власти идей просвещенной бюрократии. Продвижение провинциальным чиновничеством новых моделей управления наряду со стремлением повысить эффективность деятельности перегруженного бюрократического аппарата демонстрировало их «европейские» убеждения. Однако в дальнейшем та же местная администрация будет постоянно сталкиваться с необходимостью сдерживания процесса демократизации земского самоуправления, выступать заложником противоречивого совмещения либеральных институтов с аппаратом управления самодержавия.

Еще Положением 1864 г. Оренбургская губерния указывалась в числе губерний для первоочередного введения земства. По имеющимся данным, при разработке первоначальной Ведомости о числе гласных[1] казаки и башкиры не принимались в расчет при комплектовании числа гласных в земские собрания[2]. Таким образом, правительство рассчитывало сначала провести земскую реформу только среди части исконно гражданского населения. Эта схема была пересмотрена в ходе разработки проектов «особым комитетом», в который входили чиновники администрации Оренбургской губернии во главе с генерал-губернатором Н.А. Крыжановским[3]. Причем дата распространения земства среди башкирского населения и в целом в Уфимской губернии оказалась не случайной. Если главными факторами задержки реформы были нетипичный сословный и этноконфессиональный состав населения, на что ранее уже указали исследователи[4], то хронологически введение земских учреждений было приурочено к истечению 10-летнего льготного срока для жителей Башкирского войска после передачи их в граждан-

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 3. № 40457. Прил. «Штаты и табели».
[2] Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60–70 гг. XIX в. в Башкирии. С. 5 ; Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века) : дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2004.
[3] Там же. С. 71–72.
[4] Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества. С. 70–74 ; Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60–70 гг. XIX в. в Башкирии. С. 5.

ское управление, освобождающего население от новых податей и отбывания воинской повинности[1].

Рассмотрим, как власти решали узловые проблемы, связанные с земским самоуправлением на Южном Урале. Большую роль при обсуждении проблемы в департаментах Государственного Совета играли мнения уфимского и оренбургского губернаторов. В центре внимания органов государственной власти оказался вопрос численного преобладания мусульманского населения. По сведениям оренбургского генерал-губернатора, к 1873 г. в Бирском уезде проживало 111 тыс. башкир и 32 тыс. крестьян других «наименований», в Белебеевском – соответственно 81 тыс. и 39 тыс.[2]

В других многонациональных губерниях Европейской России распространение земств не задерживалось. Например, первой губернией, где возникло земство, в феврале 1865 г., была Самарская. В ее уездах – Бугурусланском, Ставропольском и Бугульминском проживало соответственно 11 %, 13,5 и 47,5 % мусульман[3]. В том же 1865 г. земство было введено в Казанской губернии, где татары составляли около 1/3 населения. Их представители в 1883 и 1886 гг. составили 25 % гласных крестьян и 10 % общего числа земских депутатов всех сословий[4]. Нерусские жители были достаточно интегрированы в податную и административную государственную систему. Как представил ситуацию А.В. Лохвицкий, Казанский и Вятский края, прошедшие этап массированной колонизации, превратились в край русский, лишенный всяких особенностей. Крестьянская реформа стала последним шагом в унификации управления сельским татарским и русским населением, объединив жителей организацией единого для них волостного управления.

---

[1] Красноперов И.М. Самарская Башкирия // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1885. Т. 2. № 6. С. 195.

[2] О применении Положения о земских учреждениях к Оренбургской и Уфимской губерниям : [Представление в] Государственный совет : материалы. СПб., 1873. С. 21.

[3] Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.). Казань, 2016. С. 32.

[4] История татар с древнейших времен : в 7 т. Казань, 2013. Т. 6 : Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. С. 480.

Правда, оставался один барьер, или «помеха» – неравные права иноверческих исповеданий[1], по сравнению с государственной православной религией.

Таким образом, всесословное земское представительство несло в себе и другой немаловажный потенциал – объединение в одном общественном учреждении представителей разных национальностей и конфессий и тем самым способствовало дальнейшей их интеграции в общероссийское культурное и правовое пространство.

Численное преобладание в земских органах нерусского и неправославного населения оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский предлагал ограничить примечанием к ст. 35 Положения о земских учреждениях о том, что в гласные не могут быть избраны лица, не знающие русского языка, а также идолопоклонники, последние должны были избирать гласных из числа христиан. Взгляд генерал-губернатора разделило и Министерство внутренних дел, полагая, что исключение лиц, не знающих русского языка, устранит от участия в земских собраниях лиц «не только бесполезных, но иногда даже вредных для земского дела». Уфимский губернатор, напротив, выразил лояльное отношение к язычникам. По его мнению, «эта часть населения Уфимской губернии (до 35 тыс. душ мужского пола, в том числе 31 тыс. в Бирском уезде) может считаться едва ли не лучшею в отношении экономическом и гражданственно нравственном»[2].

Преобладание мусульманского населения в отдельных уездах сглаживалось за счет существующих различий в процедуре формирования волостных сходов, из среды которых выдвигали выборщиков сельских избирательных съездов земских гласных. Если крестьяне выдвигали на волостные сходы по одному выборщику на каждые 10 дворов, то среди башкир по Положению о башкирах выбирался один представитель от 25 дворов, или в 2,5 раза меньше. Предложение, высказанное членом Госсовета статс-секретарем С.Н. Урусовым о необходимости уравнения

---

[1] Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1. С. 14.

[2] О применении Положения о земских учреждениях к Оренбургской и Уфимской губерниям : [Представление в Государственный совет] : материалы. СПб., 1873. С. 16.

числа представителей в сельских избирательных съездах, где определялись гласные, большинство чиновников не поддержало.

Существенным и принципиальным отличием Уфимской губернии от других земских территорий являлось наличие у башкирских обществ вотчинного права на земельные угодья, что напрямую касалось вопроса имущественного ценза – главного принципа земского избирательного права. Поскольку представительство земских гласных являлось в первую очередь представительством собственников, Положение о земских учреждениях 1864 г. давало право участия в избирательных съездах землевладельцев уезда наряду с дворянами и другим «категориям» земельных собственников, роль которых, по мысли идеологов реформы, должна была возрастать по мере создания новых форм социального правопорядка.

По закону богоугодные, благотворительные, промышленные и другие учреждения, общества, компании, товарищества, владеющие недвижимым имуществом, дающим право на участие в земских выборах, могли назначать так называемых поверенных. Право голоса имели также отдельные крестьяне и лица, арендующие участки на сроки не менее шести лет. В качестве землевладельцев допускались к выборам также и те, кто владел землей в размере не менее 1/20 земельного ценза, или от 12,5 до 7,5 дес. в разных уездах Уфимской губернии. Их уполномоченные избирались на предварительных съездах, а число определялось количеством земель, принадлежащих присутствующим на съезде лицам, полагая одного уполномоченного на положенный размер земельного ценза (от 250 до 350 дес.).

Рассматривая вопрос о вотчинном праве башкир, члены Госсовета согласились с решением Оренбургского комитета по подготовке введения земства, отнесшего башкир-вотчинников к разряду сельских обществ. Но представители центральной власти, учитывая особенности социально-экономического уклада башкирского общества, предлагали разрешить образование отдельных избирательных съездов для башкир. Предполагалось, что башкирские съезды будут выдвигать своих представителей в земские собрания, независимо от выбора гласных другими сельскими обществами. Оренбургский комитет отверг такое решение,

ссылаясь на цели «окончательного слияния башкир с остальным сельским населением»[1].

Закон «О применении Положения о земских учреждениях к Уфимской губернии» был принят 2 мая 1874 г.[2] Им вводилось дополнение к ст. 30 закона от 1 января 1864 г. о том, что «башкиры участвуют в сельских избирательных съездах на одинаковых с крестьянами всех других наименований основаниях». Власти отнесли башкир к крестьянам, поскольку они владели землей общинно. При этом основная масса вотчинных земель была не размежевана между селениями и волостями. Как показал дальнейший опыт земских учреждений, закрепившие за собой отдельные участки вотчинники могли выступать в избирательных съездах землевладельцев, хотя такая практика не получила развития, о чем будет сказано ниже.

По закону от 2 мая 1874 г. на Златоустовский уезд, где поместное землевладение отсутствовало, распространялось дополнение, принятое в указе от 5 марта 1866 г. «О применении Положения о земских учреждениях к губерниям: Пермской, Олонецкой, Вятской и к 7 уездам Вологодской губернии»[3]. По нему разрешалось избираться от съездов землевладельцев поверенным или опекунам имений «в виде опыта» на первое трехлетие, в Вятской и Пермской губерниях от имени казны в собраниях могли участвовать чиновники горнозаводского ведомства. Такой способ дополнения дворянского представительства прижился и в дальнейшем оформился в виде отдельной статьи закона (ст. 20) земского Положения 1890 г.[4]

Следующим важным шагом в реализации реформы были изменения в количестве гласных земских собраний, указанных в специальном «Расписании гласных». По Положению от 1 января 1864 г. общее число гласных предполагаемого Оренбургского земства из девяти уездов составило 252 человек, а по закону от 2 мая 1874 г. в шести уездах Уфимской губернии выбиралось 256 гласных[5]

---

[1] О применении Положения о земских учреждениях к Оренбургской и Уфимской губерниям : [Представление в Государственный совет] : материалы. СПб., 1873. С. 15–17.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 49, ч. 1. № 53461.
[3] Там же. Т. 41, ч. 1. № 43012.
[4] Там же. Собрание 3-е. Т. 10, ч. 1. № 6927.
[5] См.: Демис Л.Н. Земство: политико-экономический сборник. 2-е изд. СПб., 1864. Год 1 : Земские учреждения. С. 36 ; ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 49, ч. 1. № 53461.

(табл. 1). В пяти уездах Уфимской губернии (образованный позже Златоустовский уезд здесь исключен из расчетов) представительство уездных гласных увеличилось с 174 до 236 человек, губернского собрания – с 28 до 39 человек, то есть почти в полтора раза. Представительство сельских гласных выросло на 58 % (с 74 до 117 человек), тогда как представительство землевладельцев всего на 42 % (с 84 до 119 человек).

Таблица 1 – Расписание гласных земских собраний Уфимской губернии по закону 2 мая 1874 г.

Уезд	Число уездных гласных				Число гласных губернского земского собрания
	от землевладельцев	от городов	от сельских обществ	итого	
Белебеевский	14	2	16	32	5
Бирский	12	2	14	28	5
Златоустовский	8	2	10	20	3
Мензелинский	18	3	21	42	7
Стерлитамакский	31	3	28	62	10
Уфимский	36	8	28	72	12
Всего	119	20	117	256	42
В %	46,5	7,8	45,7	100	

Источник: ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 49, ч. 1. № 53461.

Факт увеличения гласных указывал на то, что правительство продолжало поступательно развивать принципы всесословности земских учреждений. Мнения, защищенные в 1863 г. Государственным советом при обсуждении численности сельского представительства для защиты интересов крестьянства при распределении земских повинностей и сборов[1], реализовались в перспективе реформаторского процесса. Применительно к уездам Уфимской губернии привлечение гласных от волостей, наряду с оптимальным распределением платежей, в том числе сельских и мирских, пересекавшихся с земскими в области дорожной, под-

[1] Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления. С. 196.

водной и других повинностей, было направлено на урегулирование земельного вопроса. В этом нас убеждает сравнение количества гласных по уездам. Численность сельских гласных выросла больше в перспективных с точки зрения колонизации уездах – Стерлитамакском и Белебеевском, а также в Уфимском с высокой долей дворянского землевладения.

В целом, соотношение гласных от землевладельцев (46,5 %) и крестьян (45,7 %) в Уфимской губернии не намного отличалось от общероссийских показателей. По табели, определенной Положением о земских учреждениях от 1 января 1864 г., в 202 из 318 (64 %) земских уездов дворяне составляли половину состава собраний, в 98 (31 %) уездах – более трети, в 19 (6 %) – менее трети и четверти от общего числа гласных[1]. Размер земельного ценза в Уфимском и Мензелинском уездах составлял 250 дес., в остальных – 350 дес., по уездам России он колебался от 200 до 800 дес.[2]

Согласно ст. 33 Положения 1 января 1864 г., на определение числа гласных на местах влияли число землевладельцев и принадлежащих им удобных земель, населенность городов, число и ценность городских недвижимых имуществ, число волостей, количество сельского населения и их надельная собственность. В действительности взаимосвязь между земским представительством и численностью населения отсутствовала. Неравномерность гласных по уездам вызвала критику современников[3]. Проблема имела место и в Уфимской губернии. Так, в наиболее густонаселенном Бирском уезде, где проживало 228 445 человек, уездное земство состояло из 28 земских гласных, в то время как в Стерлитамакском уезде с числом жителей 144 825 человек в уездное собрание выбиралось 62 человек[4].

Неравномерно были представлены уезды в Уфимском губернском земском собрании, где численное преимущество имели гласные Стерлитамакского и Уфимского уездов (см. табл. 1). Данная проблема неоднократно обсуждалась земскими собраниями, причем гласные исходили из необходимости соблюдения раз-

---

[1] Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. С. 145.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 3. № 40457. Прил. «Штаты и табели».
[3] См., например: Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб., 1872. С. 210–211.
[4] Кантимирова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа ; Стерлитамак, 2000. С. 11.

ных принципов – равного уездного представительства (например, мензелинский гласный М.М. Останков), платежеспособности уездов (уфимский гласный Д.Д. Дашков), пропорциональности численности налогоплательщиков (уфимский гласный Д.С. Волков) и др. Проекты пересмотра состава губернского собрания по причине его несоответствия площади территории, численности населения и платежной способности уездов предлагались земскими управами начиная с 1880-х гг., но это не имело никакого результата[1].

Численность земского представительства не в последнюю очередь учитывала административные функции земства. Сравнительная многочисленность земских собраний в наиболее дворянских по составу населения Уфимском и Стерлитамакском уездах и наибольшая квота от них в губернском собрании гарантировали эффективность, с точки зрения правительства, губернского земского учреждения. При формировании губернского собрания учитывалась также территориальная близость упомянутых уездов к губернскому городу.

Рассмотрим теперь процесс введения земского положения в Уфимской губернии. Временный губернский комитет по введению в действие земских учреждений открылся 10 августа 1874 г. В его состав вошли члены особого о земских повинностях присутствия, губернского по крестьянским делам присутствия, местные дворяне и губернский прокурор. Уездные временные комиссии открылись летом и осенью 1874 г.: в Стерлитамаке – 15 августа, Мензелинске и Уфе – 22 августа, Бирске – 29 августа, в Златоусте – 7 и Белебее – 8 сентября. Их возглавили уездные предводители дворянства, в состав вошли следующие чиновники: мировой посредник – выборный уездного мирового съезда, уездный исправник, представитель ведомства государственных имуществ и городской голова. Комиссии не располагали всеми необходимыми данными по частному землевладению и числу населения и не смогли в определенный законом двухмесячный срок составить списки избирателей и ведомости по сельским обществам.

[1] См., например: Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. IX очередное собрание 1883 и VI чрезвычайное 1884 года. Уфа, 1884. С. 402–418.

В Уфимском уезде с высокой долей поместного землевладения развернулась настоящая борьба за право попасть в число гласных. В 1875 г. десять дворян и уполномоченные от группы мелких землевладельцев направили жалобы в губернский комитет на Н.А. Заварицкого и братьев В.А. и Н.А. Фок, которые, по их мнению, незаконно участвовали в выборах. Землевладельцы Я.П. Барсов, И.В. Кузнецов и А.П. Булгаков, не попавшие в списки, заявили о своем праве участвовать в выборах[1]. Воспользовавшись правом выдвигаться от съезда сельских обществ, места сельских гласных заняли известные в крае деятели – Н.А. Гурвич, И.Д. Миклашевский, И.С. Листовский, Д.С. Волков.

Выборы в Златоустовское земство были под угрозой срыва из-за отсутствия землевладельцев. В списке избирателей-землевладельцев числилось четверо дворян-заводовладельцев, живших в Санкт-Петербурге, – князь К.Э. Белосельский-Белозерский, братья Н.П. и И.П. Балашевы и поручик А.И. Сухозанет, а также единственный собственник неземельного ценза златоустовский купец И.П. Беляков, которому принадлежал винокуренный завод. Мелкие землевладельцы были представлены священнослужителями 11 церквей и Воскресенского единоверческого монастыря, которые могли избрать не более двух уполномоченных. Мировой посредник 3-го участка Ф.А. Коропачинский возглавил Временный уездный комитет по устройству земских учреждений. Губернский комитет рекомендовал заполнить землевладельческий съезд городскими и сельскими кандидатами, а губернатор конфиденциально предписывал использовать предусмотренные законом процедуры – привлечь к выборам опекунов имений и поверенных заводов.

При составлении избирательных участков для сельских обществ, которые, как правило, совпадали с мировыми участками, уездные комиссии брали за основание количество населения. Так, в Стерлитамакском уезде при численности населения в 75 206 душ и 28 сельских гласных по расписанию, на 2 686 душ выбирался один гласный, в Белебеевском уезде крестьян было 95 764 души и 16 сельских гласных, один гласный приходился на 5 985 душ. Подобный подход был

[1] НА РБ (Нац. арх. Республики Башкортостан). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1024. Л. 131–132.

принят и в других уездах[1]. Сельские избирательные съезды формировались из выборщиков, назначаемых волостными сходами. Руководили ими мировые посредники, а в дальнейшем – мировые судьи.

В феврале 1875 г. состоялись организационные уездные земские собрания, где определился состав управ. В уездах, где были предводители дворянства (за исключением Златоустовского), земские управы возглавили помещики, но по составу они оказались демократичными. В Бирскую управу избрали трех членов из крестьян – крупного землевладельца Е.А. Поспелова, мелкого собственника Г.М. Блинова и сельского гласного П.И. Моисеева[2]. В Мензелинскую управу вошли дворянин М.М. Останков, купец Г.С. Пивоваров и некто В.И. Резанцев. В Белебеевскую управу наряду с купцами Н.М. Чуприковым и В.Н. Полозовым, вошел крестьянин Семено-Макаровской волости старшина Е.Т. Мурзаков[3].

Членами Златоустовской земской управы стали П.П. Арефин и выборный от башкир А.Б. Басимов. Из двух предложенных собранием кандидатур на должность председателя управы – златоустовского купца А.И. Сорокина и государственного крестьянина, землевладельца А.Г. Бунакова, губернатор утвердил последнего[4]. В его речи на торжественном открытии в Златоусте земской управы 15 марта 1875 г. отражались новые общественные настроения: «…Обращаюсь к вам, г[оспода] товарищи, с просьбою: постараться оставить свои убеждения о различии между нами сословных каст; будем едины и пойдем рука об руку к одной предназначенной нам благой и полезной для общества цели, результатов от которой уже ожидают многие с напряженным вниманием»[5].

Уфимское губернское земское собрание открылось 27 февраля 1875 г. в Уфе в доме Дворянского собрания. Губернатор И.Ф. Щербатский отметил благоприятные условия, в которых начинало работать Уфимское земство: десятилетний опыт

---

[1] Журналы Уфимского губернского временного комитета по введению в действие Положения о земских учреждениях // Уфимские губернские ведомости. 1875. 4, 18 янв.
[2] Бирская уездная земская управа // Уфимские губернские ведомости. 1875. 29 марта.
[3] Мензелинская уездная земская управа // Уфимские губернские ведомости. 1875. 22 марта.
[4] Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. Златоуст, 1914. С. 7.
[5] Харин М.Ф. Письмо в редакцию // Уфимские губернские ведомости. 1875. 12 апр.

деятельности других земств и наличие источников земского обложения – богатая черноземом земля и минеральные богатства, развитие промыслов и др. В состав губернской земской управы были избраны: председателем – коллежский асессор А.Д. Дашков, членами – действительный советник Н.Э. Эверсман, поручик В.Э. Ляхов и коллежский регистратор В.А. Фок. Она начала работу 22 марта, расположившись временно во флигеле губернского правления[1]. Осенью 1875 г. состоялись первые сессии очередных земских собраний.

Губернская администрации приложила все усилия для организации управляемых земств. Губернатор активно участвовал в процессе создания местного земства, начиная с подготовки специального законопроекта и до открытия первых земских собраний.

Земская реформа стала крупным шагом по включению Уфимской губернии в единую административно-хозяйственную схему управления внутренними губерниями России. Это решило назревший вопрос об интеграции населения Башкирского войска в общероссийское гражданско-правовое поле.

Местная администрация и органы правительства «перешагнули» через многие вопросы социально-экономического порядка, оставив их открытыми – непропорциональное этноконфессиональное представительство в земских собраниях, недостаток землевладельцев в уездах и др. Их внимание было сосредоточено на создании формальных условий для проведения реформы. Одновременно со стороны уфимского дворянства и местной администрации был обозначен запрос на модернизацию управления, и форм взаимодействия власти с обществом.

§ 2. Земство как звено местного государственного управления

Проведение крестьянской, земской и судебной реформ внесло значительные изменения в систему местного управления в губерниях. Передача некоторых административно-хозяйственных полномочий общественному представительству,

[1] Сборник постановлений первого Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1875. С. 3 ; Уфимская губернская земская управа // Уфимские губернские ведомости. 1875. 29 марта.

изменение управления сельским населением вели к появлению новых и реорганизации существующих органов администрации. Идеи реформаторов отчасти впитали общественный протест против существующего порядка бюрократического и централизованного управления. Цитируя слова губернского предводителя дворянства А.М. Унковского из записки к царю Александру II о том, что «вся администрация наша представляет целую систему злоупотреблений, возведенную на степень государственного устройства», известный земский деятель Б.Б. Веселовский считал, что он нисколько не сгущал краски[1]. Высочайшим повелением от 25 марта 1869 г. о предоставлении хозяйственному управлению в уезде «большего единства, большей самостоятельности и большего доверия» определились принципы для пересмотра законодательства[2]. Задача представлялась тем более трудной, что прежде не существовало организованного по единому образцу управления хозяйственными делами уездов и губерний. Как «разногласные до бесконечности» определял ответы на вопросы об определении круга действий местных и правительственных учреждений общественный и государственный деятель А.И. Васильчиков[3]. По мнению одного из лидеров славянофилов И.С. Аксакова, «задача самоуправления, там, где оно не сложилось само собой постепенно и органически, одна из самых трудных задач не только для практического, но и для научного разрешения»[4]. В свете исходных условий закономерной представляется неопределенность земского законодательства, которое имело в итоге характер неясного до конца эксперимента, не основанного на предшествующем опыте.

---

[1] Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1863–1913 гг.). Тверь, 1914. С. 19.

[2] Материалы по земскому общественному устройству: положение о земских учреждениях. СПб., 1885. Т. 1. С. 2.

[3] Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений : в 2 т. СПб., 1872. Т. 1. С. IV.

[4] Аксаков И.С. Еще об уездном самоуправлении // Земская идея в истории социально-политической мысли России. Т. 2. С. 32.

Эти, по выражению Б.Г. Литвака, «необычные учреждения для самодержавной России»[1] государство попыталось связать со своим аппаратом. Земские учреждения, введенные на уровне уезда и губернии, подкрепляли управление уездного и губернского уровня. Территориально-административное соответствие земских и правительственных учреждений оставалось неизменным на всем протяжении их деятельности, несмотря на многочисленные проекты и дискуссии о введении мелкой земской единицы. В Положении 1 января 1864 г. особо оговаривалось «исполнение возложенных на земство потребностей воинского и гражданского управлений» (гл. 1, ст. 9). Представители земства включались в состав почти всех правительственных коллегиальных органов уездного и губернского уровня, межведомственных комитетов и комиссий. Это способствовало легитимации земских учреждений как участников системы местного административного управления. Председатель губернской земской управы, члены или гласные по выбору участвовали в работе губернских и уездных воинских и крестьянских присутствий, училищных советов, комитетов лесоохранительного, попечительного о тюрьмах, по урегулированию массовых перевозок, промысловому налогу, делам мелкого кредита, коневодству и др. Таким образом, создавались дополнительные горизонтальные связи земских учреждений с существующей системой управления.

Губернские учреждения возглавлял губернатор или начальник губернии. Аппаратом личных распоряжений губернатора являлась его канцелярия. Высшим органом административного управления в губернии являлось губернское правление – коллегиальный орган под председательством губернатора. Губернские правления и канцелярии губернаторов были реорганизованы по Правилам 8 июня 1865 г. о преобразовании губернских учреждений. Правила регламентировали состав и штаты губернского правления, канцелярии губернатора и вопросы их ведения[2]. В компетенции губернского правления большинство вопросов относилось к ведомству Министерства внутренних дел – общественная безопасность, народное благосостояние, призрение страждущих и беспомощных, сбор статистических

[1] Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 242.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 40, ч. 1. № 42180.

сведений, управление печатью, тюрьмами и др. К исполнительской деятельности губернского правления относились также предметы, находящиеся в ведении Министерств финансов и юстиции – взыскание недоимок, вопросы межевания и судебного управления.

Вместе с передачей земству исполнения различных повинностей и заведывания общественным здравием, продовольственным и другими вопросами за губернским правлением сохранялось общее административно-бюрократическое управление ими. Так, в составе губернского правления находилось врачебное отделение под руководством врачебного инспектора. На него возлагались назначение и увольнение медицинских чинов – «врачей уездных, городовых и фармацевтов», сбор сведений по медицине и наблюдение за состоянием больниц в городах и др. Строительное отделение во главе с губернским инженером вело общее управление строительной и дорожной частями. В то время как земским органам передавалась хозяйственная работа по содержанию и возведению зданий, строительству и ремонту дорог, губернское правление вело надзор в «технико-полицейском» отношении – за соответствием населенных пунктов архитектурным и практическим требованиям, заведовало гражданскими зданиями ведомства Министерства внутренних дел и Главного тюремного управления.

Важным нововведением по Правилам 8 июня 1865 г. о преобразовании губернских учреждений было привлечение представителей земских управ к обсуждению вопросов их компетенции в Общем присутствии губернского правления.

Непосредственный контроль за деятельностью земства осуществлял губернатор. Закон закреплял за ним широкий круг административных задач[1]. Децентрализация власти и возникновение общественных органов вели к уменьшению области непосредственной деятельности губернаторов, но вместе с тем расширялась их сфера надзора[2]. Как было отмечено в работе П.А. Зайончковского, с середины 1860-х гг. наблюдалось стремление правительства «к всемерному усилению

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 12, ч. 1. № 10303.
[2] Блинов И.А. Губернаторы : историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 252.

губернаторской власти»[1]. Данная тенденция была актуальна на протяжении как пореформенного, так и позднеимперского периодов.

В отношении земских учреждений губернатор не имел распорядительной власти, по аналогии с ведомственными учреждениями, состоящими в подчинении отдельных министерств. Губернатору было дано право рассматривать принятие земскими собраниями ежегодные сметы и раскладки, постановления, утверждать в должности председателей земских управ. Серьезными ограничениями власти губернатора являлись недельный срок внесения протеста и право земского собрания обжаловать его. На практике данные нормы и права соблюдались неукоснительно, что обеспечивалось гласностью земского института. Губернская администрация в лице губернатора и губернского правления демонстрировала достаточно высокую компетентность при изучении земских постановлений, регулируя земскую работу в финансовой и других областях местного хозяйства. Губернаторские протесты формировались также исходя из донесений полиции и других органов.

Спорные вопросы и земские ходатайства направлялись в Сенат. Земские управы и собрания прибегали к обращениям в Сенат почти по каждому принципиальному для них случаю. Уфимское губернское земство в период с 1875 по 1909 год возбудило 812 ходатайств и обращений в Сенат, причем в 40 % случаев результаты дальнейшего хода дела оставались невыясненными. Чаще всего губернское земство стремилось таким образом решить вопросы земских финансов (19 % обращений), народного образования (17 %), содействия экономическому благосостоянию (14 %)[2].

Обращения земств в Сенат с жалобами на действия губернаторов, как и протесты губернских властей на постановления земских собраний, были неотъемлемой частью «кухни» местного управления. Система судебной защиты земских

---

[1] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 211.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. : в 3 т. / сост. П.Н. Григорьев. Уфа, 1915. Т. 3. С. 792.

учреждений, по замечанию Л.Е. Лаптевой, формировала у российского общества «привычку пользоваться юридическими средствами»[1].

Широкую нишу в системе местного управления занимали органы полиции. Наряду с охраной безопасности и порядка, они курировали множество других вопросов, таких как наблюдение за исполнением законов, поступление налогов в местный и государственный бюджет. В уездах существовали полицейские управления во главе с уездным исправником, который назначался правительством и подчинялся губернатору. В состав полицейского управления входил также помощник исправника, непременный и сельские заседатели. Уезд делился на станы, которые возглавляли становые приставы, им в свою очередь подчинялись урядники. Низшим звеном были выбираемые населением сотские и десятские. Последние, как и сельские заседатели, исполняли свои обязанности бесплатно, в виде обязательной повинности. К 1900 г. в шести уездах Уфимской губернии работало 34 становых пристава, 140 урядников и 15 834 сотских и десятских[2].

Взаимодействие земства с полицией шло по двум направлениям. Прежде всего, полиция обеспечивала поступления в земский бюджет благодаря отведенному ей праву взыскания долгов у частных владельцев, торговцев и промышленников, при задолженности сельских обществ органы полиции «понуждали» вносить сборы. К содействию полиции земские органы обращались постоянно и также часто направляли жалобы на бездействие полиции на имя губернатора. Ее представители в свою очередь сетовали на плохой учет управами объектов обложения, что затрудняло непосредственную работу по взысканию недоимок.

Второе направление было связано с финансовым участием земства в содержании полиции, согласно обязательным расходам на правительственные учре-

---

[1] Лаптева Л.Е. Земская реформа 1864 г.: дань традиции или модернизация европейского типа? К вопросу о роли местного самоуправления в развитии правовой культуры пореформенной России // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. М., 2015. С. 41.

[2] Абдрахманов А.Ф., Хакимов С.Х. Судебные и правоохранительные органы // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2006. Т. 1. С. 140.

ждения. Казалось бы, земства могли влиять на повышение эффективности полицейского аппарата через денежные пособия уездным исправникам, их помощникам, становым приставам и полицейским надзирателям, поддерживать расходы на канцелярии. Но земские бюджеты не позволяли тратить на полицию много, а отдельные земства вообще не видели в этом смысла. В 1881 г. в Белебеевском и Бирском уездах заседатели уездного полицейского управления получали от земства «квартирные» деньги. Дополнительные средства, выделенные Уфимским (1 000 р.), Бирским (600 р.) и Белебеевским (300 р.) уездными земствами на канцелярию полицейских правлений позволили увеличить в них штат писцов. Стерлитамакское земство прекратило финансирование полицейских управлений, так как это не улучшило поступление недоимок[1]. Расходы на полицию занимали небольшую часть в статьях земских смет на правительственные учреждения. В 1895 г. уфимские земства потратили на пособия полицейским 20,9 тыс. р. (6,4 %) из 326,5 тыс. р. расходов на правительственные учреждения, в 1900 г. – 22,4 тыс. р. (10,9 %) из 205,5 тыс. р.[2]

Одна из основных функций земских учреждений – формирование земского налогообложения – подразумевала их взаимодействие с органами Министерства финансов. Главным губернским финансовым учреждением была Уфимская казенная палата[3]. Здесь рассчитывались суммы казенных сборов, составлялись окладные книги и окладные листы – документы по уплате налогов, где были указаны суммы и сроки их внесения. Согласно источникам, земские управы по Положению 1864 г. составляли и рассылали земские окладные листы самостоятельно[4].

---

[1] Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. СПб., [Б. г.]. С. 23–30.

[2] Расходы земств 34 губерний по сметам на 1895 год. СПб., 1896. С. 118 ; Доходы и расходы земств 34 губерний по сметам на 1900 год. СПб., 1901. С. 176 ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к 40-летию существования земств в Уфимской губернии, 1875–1914 гг. Уфа, 1915. С. 208–209.

[3] Дегтярев А.Н., Мухамедина Ш.М. Уфимская Казенная палата // Вестн. Финансовой академии. 2010. № 5. С. 66–71.

[4] См., например: Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии на 1886 год. XII очередной сессии. Уфа, 1887. С. 5.

При этом земство, как частное юридическое лицо, оплачивало хранение земских сумм в казначействе – по 0, 25 % с рубля[1].

Земские гласные представляли интересы налогоплательщиков в коллегиальных органах Казенной палаты – губернских и уездных податных присутствиях, ведающих налогами с торговых и промышленных предприятий (образованы в 1885 г.), присутствиях по квартирному налогу для рассмотрения вопросов обложения городской жилой недвижимости (образованы в 1893 г.). После введения в действие 1 января 1899 г. нового Положения о государственном промысловом налоге земство выбирало по одному члену и заместителю в общее присутствие Уфимской казенной палаты по делам о дополнительном промысловом налоге из плательщиков промыслового налога[2].

Возникновение и развитие окладного дела при земских управах привело к тому, что они стали играть самостоятельную роль в системе местного налогообложения. В Уфимской губернии неразмежеванность земель башкир и их припущенников, а также запутанность сведений по землевладению привели к объединению работ по регистрации земельной собственности в Уфимской губернской земской управе. С 1876 г. при ней начал работать межевой отдел, его руководителем с разрешения Министерства юстиции был назначен «прикомандированный» правительственный чиновник, землемер Межевой канцелярии А.К. Траппер[3]. Уфимский опыт земского межевания был уникальным случаем участия земства в изучении земельных владений и составлении кадастра земель задолго до «Правил об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» от 8 июня 1893 г., когда российские земства приступили к систематизации сведений о земельных объектах обложения.

---

[1] См., например: Сборник докладов Уфимской уездной земской управы и постановлений чрезвычайного Уфимского уездного земского собрания. 15–17 марта 1885 года. Уфа, 1885. С. 42.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 714–716.

[3] Уфимские помещики: типы источников, виды документации / Ю.М. Абсалямов, Г.Б. Азаматова, А.В. Гайнуллина, М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова. Уфа, 2013. С. 79–80.

Усложнение податной системы опережало формирование соответствующих государственных механизмов. Еще действовал тип бюрократических учреждений крепостнической эпохи с разрозненной работой ведомств, отсутствием единой системы регистрации земель и современного делопроизводства. Во время ревизии 1881 г. Уфимской губернии сенатор М.Е. Ковалевский (1829–1884) – видный судебный деятель, обер-прокурор и член Государственного совета[1] – отрицательно оценил работу местных учреждений и увидел в этом главную причину накопления долгов – недоимок[2]. Включение Уфимской губернии в число ревизуемых провинций было продиктовано событиями, развернувшимися вокруг расхищения «казенных башкирских земель». Сенсационные и обличительные результаты проверки впоследствии отразила книга «М.Е. Ковалевский и его борьба с расхищением башкирских земель», запрещенная в России[3].

Несмотря на отсутствие прямого обозначения в законах кадастровой функции земских учреждений, именно они сыграли главную роль в создании единой системы учета земельной собственности. Дублирующие функции земства – ведение поземельных книг, создание земских чертежных, штатов землемеров и прочее со временем приобрели самостоятельное значение. Правительство оценило мобильность и компетенцию земских учреждений. Циркуляр Министерства финансов от 11 июля 1875 г. и инструкции Казенным палатам обязывали их учитывать земские сведения об изменении частных землевладений[4]. Наконец, по закону от 17 января 1884 г. при распределении государственного поземельного налога уездные земства брали за основание собственные земские оценки.

Межевой отдел Уфимской губернской земской управы участвовал в уточнении владельческих и административных (между уездами) земельных границ, регистрации владений, создании поземельных книг, планов и карт. По аналогии с

---

[1] Ковалевский Е.П. Воспоминания о М.Е. Ковалевском. СПб., 1912 ; Василенко Н. Ковалевский Михаил Евграфович // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 15 (30). С. 504 ; Давлетбаев Б.С. Ковалевский Михаил Евграфович // Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 338.

[2] НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 94. Л. 470–474.

[3] Ковалевский Е.П. Воспоминания о М.Е. Ковалевском. С. 10.

[4] НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 94. Л. 439.

Губернской чертежной была открыта Чертежная губернской земской управы. В 1882 г. к сенаторской ревизии губернская земская управа при участии Управления государственных имуществ составила поземельную карту с нанесением на нее башкирских дач, а позже и всех землевладений. Она была скопирована для Губернской чертежной[1].

О роли земства в системе местного управления в пореформенный период позволяют судить материалы ревизии М.Е. Ковалевского. Во «Всеподданнейшем отчете» и отдельной «Записке», составленных сенатором, было указано на несогласованность работы земских учреждений и правительственных органов, а неопределенное положение земских учреждений гасило инициативу и порождало безответственность общественных органов. Отдельным пунктом высокопоставленный чиновник вынес проблему взаимоотношений земств и губернаторов. Он констатировал, что земские собрания пытались расширить круг своей компетенции и этим превышали предоставленную им законом власть, а губернская администрация не оказывала поддержки земским учреждениям[2]. В свою очередь М.Е. Ковалевский предложил модель преобразования губернских и уездных учреждений. Создание всесословной волости, «органической» связи земств с правительственными учреждениями – «как органов той же правительственной власти», объединение распыленной деятельности множества коллегиальных структур в одном органе под председательством губернатора предполагали создание единой слаженной системы управления с выделением в ней места общественному представительству. Нечеткие законодательные нормы служили источником конфликтов земства и правительства, которые проявились с самых первых лет деятельности земских учреждений Уфимской губернии.

Мы рассмотрели связь земства с существующими учреждениями местного управления. Отдельно следует выделить роль земского самоуправления в осуществлении школьной, судебной и крестьянской реформы. Оно привлекалось к

---

[1] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 626–627.

[2] Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. С. 44–75.

формированию крестьянских, судебных и школьных органов управления, которые таким образом выражали общественные интересы и потребности.

Земства являлись ключевым звеном реализации реформы начального образования на местах. В историографии часто в центр внимания ставится борьба за влияние на школу, анализируются корни идеологических столкновений государственной и общественной концепций обучения. Распространенную точку зрения на взаимодействие земских и правительственных органов, которую можно обозначить как конфронтационную, разделяли не все поборники местного самоуправления. Небезынтересно привести суждения вышеупомянутого А.И. Васильчикова, который не поддерживал убеждения многих земских деятелей о недопустимости вмешательства правительственных органов в общественную самодеятельность в области образования. По его мнению, «чисто учебный надзор» необходим для придания импульса развитию школьного образования в едином русле[1].

Рассмотрим институциональные изменения в пореформенной схеме управления народным образованием. Принципиальным моментом стало создание промежуточных органов и новых условий для участия общества в школьном деле. По «Положению о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. в каждом уезде и губернии для заведования школами учреждались коллегиальные органы – училищные советы. Они давали разрешение на открытие народных школ, наблюдали за преподаванием, утверждали списки учебных пособий. В уездных советах под председательством уездного предводителя дворянства заседали инспектор народных училищ, по одному чиновнику от министерств народного просвещения и внутренних дел, а также от епархиального ведомства, два члена от уездного земского собрания и по одному представителю ведомства, содержащего училища. В губернском совете заседали губернатор, директор училищ, епархиальный архиерей и два члена от губернского земского собрания. Земские собрания и управы использовали училищные советы для легитимации общественных инициатив по открытию училищ, улучшению в них учебного процесса и т.д.

[1] Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений. Т. 1. С. 456.

По Положению от 25 мая 1874 г. появилось новое звено управления – должность инспектора народных училищ. Согласно закону от 22 ноября 1875 г., принятому в ответ на ходатайство Елабужского уездного земского собрания, земским собраниям разрешалось учреждать дополнительные должности инспекторов народных училищ за счет земского бюджета[1]. Делегирование местному самоуправлению вопроса содержания чиновников Министерства народного просвещения позволило увеличить их число и решать через них задачи учебного характера. Инспекторы стали связующим звеном между ведомственными структурами и населением территорий, способствуя балансу государственных и общественных интересов.

В Уфимской губернии законы о начальном образовании начали претворяться после земской реформы. С 1 января 1876 г. в губернии, согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 22 ноября 1875 г., ввели Положение о начальных народных училищах от 25 мая 1874 г. и закон 29 мая 1869 г. «О некоторых мерах к развитию начального народного образования», по которому в земские губернии назначались директор и два инспектора народных училищ[2].

В начальный период своего существования земства считали своим долгом контролировать работу инспекторов, которых они содержали. Так, стерлитамакская земская управа в докладе собранию 1878 г. раскритиковала работу инспектора училищ Уфимской губернии Г.С. Рыбакова, который получал от земства 500 р. серебром на разъезды и «открытый лист» на бесплатные подводы. Автор доклада уездной земской управы выступил серьезным оппонентом инспектора, подробно описав промахи в его работе: книги, выписанные в руководство учителям, не отражали определенной системы обучения в школе, а были скорее «опытом всевозможных систем», сведения о земских народных училищах не содержали точных и определенных данных о ходе школьного дела, переписка инспектора характеризовалась как бессодержательная, изобиловавшая различными предложениями. Земская управа была обескуражена результатом затрат на обучение – из 300 уче-

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 50, ч. 2. № 55281.
[2] Там же. № 55278.

ников земских школ, некоторые из них учились третий и четвертый год, а выпускников было всего двое[1]. Стремление земств к контролю деятельности инспекторов было частым явлением, и Министерство внутренних дел выступило в 1883 г. с пояснением, что по закону земство не может проверять расходование выделенных инспекторам сумм[2].

При открытии земских учреждений в Уфимскую губернию было назначено всего два инспектора, поэтому каждое уездное земство содержало сверхштатного чиновника[3]. С целью наиболее тесного контакта инспекторов с местными школами управы ходатайствовали об обязательном проживании инспекторов в уездных городах (Бирское, Белебеевское земства)[4]. В итоге чиновники образования способствовали продвижению земских решений. Бирское уездное собрание отмечало работу земских инспекторов П.И. Марченко и М.П. Барабаш, в Стерлитамакском уезде выделялся В.Д. Дианов, «оберегавший» земскую самостоятельность[5].

Инспекторов инородческих училищ, заведовавших русско-инородческими училищами по Положению 1874 г., земство не содержало. Но и эти инспекторы поддерживали постоянную связь с земствами, ими совместно определялись пункты для открытия школ, назначение и перемещение учителей – все это способствовало адаптации училищ к местной культурной среде.

Потенциал местного самоуправления эффективно использовался в создании мировой юстиции по судебной реформе 1864 г. В Уфимской губернии судебная реформа претворялась в жизнь поэтапно. По указу Александра II от 2 мая 1878 г. вводились мировые суды – низшая ступень судебной системы, где рассматривались мелкие преступления и спорные дела с суммой иска до 500 р., с наказанием в виде

---

[1] Сборник постановлений, докладов и отчетов 3-го очередного и 3-го чрезвычайного Стерлитамакских уездных земских собраний. Уфа, 1878. С. 41–44.

[2] Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями : в 2 т. / сост. М.И. Мыш. 6-е изд. СПб., 1914. Т. 1. С. 18.

[3] НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 320. Л. 5–12 ; Д. 399. Л. 1–2 ; Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 588.

[4] НА РБ. Ф. И-223. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

[5] Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 г. С приложением докладов и отчетов уездной земской управы и заключений ревизионной комиссии. Стерлитамак, 1914. С. 314–318.

ареста до трех месяцев и заключения сроком не более одного года. В Уфимском, Бирском и Златоустовском уездах было по шесть мировых судебных участков, в Белебеевском и Мензелинском – по пять, в Стерлитамакском – четыре[1].

Наряду с бессословным судом, существовал отдельно волостной суд для крестьян. Мировые судебные участки объединялись в мировой судебный округ уезда. На этом уровне действовал съезд мировых судей. Здесь рассматривались апелляции на решения участковых судей. Следующей ступенью был окружной суд. Учреждение окружного суда последовало спустя значительное время, по закону «О введении судебной реформы в полном объеме в Уфимской и Оренбургской губерниях» от 9 марта 1892 г. Роль судебной палаты выполняла Казанская Судебная Палата. Мировые учреждения Уфимской губернии начали работу в 1879 г. и действовали до 1894 г., когда в губернии было реализовано Положение 12 июля 1889 г., по которому административно-судебная власть переходила к земским начальникам[2].

Выбор мировых судей земскими собраниями и оплата их труда из земского бюджета обусловили тесную связь земств с местным судопроизводством. Конкуренция на выборах объяснялась социальным престижем судебной должности и высоким окладом – более 2 тыс. р. в год, что превышало зарплату председателя уездной земской управы. Мировые судьи с цензом образовательным (не ниже среднего образования либо с опытом судебной деятельности не менее трех лет) и имущественным (950 дес. для Уфимского уезда и 500 дес. для остальных) часто избирались из среды земских гласных. Например, в 1886 г. из шести участковых мировых судей Стерлитамакского уезда пятеро являлись гласными земского собрания. Из трех почетных судей двое были земскими гласными и один земским врачом (Н.Н. Оглоблин, выдвинут по земельному цензу жены)[3]. В том же году в Уфимском уезде четверо из шести мировых судей и трое из шести почетных ми-

[1] Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60–70 гг. XIX в. в Башкирии. С. 38–45.
[2] Абдрахманов А.Ф., Хакимов С.Х. Судебные и правоохранительные органы. С. 128.
[3] См.: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 224–225 ; Список лицам, имеющим право быть избранными в мировые судьи по Стерлитамакскому уезду на трехлетие 1887 по 1890 год // Уфимские губернские ведомости. 1887. 4 апр.

ровых судей были земскими гласными, в Бирском уезде земскими гласными были трое из шести участковых мировых судей и трое из шести почетных судей[1].

Почетные мировые судьи работали без вознаграждения, могли замещать участкового судью в случае его болезни или отъезда. На съезде мировых судей рассматривали дела по просьбе подсудных. Среди почетных мировых судей были известные в крае личности – бывший губернатор Уфимской губернии Г.С. Аксаков, секретарь губернского статистического комитета и редактор «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвич, известные земские гласные – Д.Д. Дашков, В.П Панов, Ш.Ш. Сыртланов, М.В. Кутлубаев, А.П. Тевкелев, М.М.-Ш. Султанов и др. Некоторые почетные мировые судьи совмещали обязанности с должностью председателя земской управы: в Стерлитамакском уезде Н.В. Бухвостов (в 1881–1884 гг.), в Бирском – Ф.Е. Шестаков (в 1884–1886 гг.), в Мензелинском – И.И. Мазуревский (в 1897–1899 гг.)[2].

Земство обеспечивало жизнеспособность мировой юстиции в уездах с отсутствием дворянского землевладения. В Уфимской губернии это был Златоустовский уезд, где кадровое обеспечение мировых судов зависело от активности земских собраний. В соответствии с законом уездное собрание выбирало открытым голосованием не имеющих образовательного и материального ценза претендентов – мещан, крестьян, купцов, чему сопутствовало коллегиальное решение о соответствии кандидатов должности – опыт судопроизводства в мировом суде, личные качества и пр. В крестьянском уезде также было проблематично сформировать корпус почетных судей – участников мирового съезда. В Златоустовском земском собрании 1882 г. после отказа купцов М.Т. Герасимова и М.В. Шишкина от должностей почетных мировых судей собрание поставило задачу выдвижения возможно большего числа кандидатов для обеспечения коллегиальности и законности судебных решений.

---

[1] Сборник постановлений X-го очередного Уфимского уездного земского собрания с приложениями 1884 года. Уфа, 1885. С. V–VII ; Список лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи по Бирскому уезду на 4-е трехлетие с 1887 по 1890 г. // Уфимские губернские ведомости. 1887. 25 июля. Прил.

[2] Специальным законом разрешалось совмещение должности мирового судьи с обязанностями члена или председателя земской управы (см.: ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 45, ч. 1. № 48475).

Общественное участие способствовало изживанию негативной атмосферы в сфере правосудия, столь характерной для пореформенного времени. Улучшались условия содержания арестованных за счет земских средств[1]. На земских собраниях обсуждались назначения на должности судебных приставов, население просило честных сторожей и хорошей репутации духовных служителей, приводящих осужденных к присяге.

В период становления местного судопроизводства его отношения с земством были особенно тесные. Д.Д. Дашков в должности председателя Уфимского уездного мирового съезда подчеркивал громадное влияние населения на мировые учреждения, которые он рассматривал как часть демократического общественного устройства[2]. Оплата труда судей из земского бюджета создавала прецеденты земского контроля над местным судопроизводством. Стремление земства установить общественный надзор за мировой юстицией мировые съезды и отдельные судьи из гласных считали незаконным и подчеркивали свою подчиненность Министерству юстиции[3].

Исследователь Н.И. Горская, изучая взаимоотношения земских и мировых судебных учреждений, пришла к выводу, что в начальный период действия мировых судов земства считались частным юридическим лицом, что соответствовало общественной теории самоуправления. Права особого публичного юридического лица закреплялись постепенно с середины 1880-х гг., что отражало правительственную линию на огосударствление земства. Не подлежали судебному разбирательству важнейшие направления земской деятельности, подтверждая самостоятельность земства в пределах указанной им законом компетенции. Прежде всего это касалось финансовых вопросов: размер суммы обложения земскими сборами, оплата работы частных лиц, пользование земскими лошадьми, предоставление квартир и квартирных денег государственным чиновникам и пр.[4] Изучение деятельности мировых учреждений Уфимской губернии в структуре судебной системы позволило исследователям А.Ф. Абдрахманову и С.Х. Хакимову сделать вы-

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 1. С. 74 ; Вып. 4. С. 83.
[2] Там же. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 1.
[3] Там же. Вып. 2. С. 145–147.
[4] Горская Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика 60–80 гг. XIX в. М. ; Смоленск, 2009. С. 107.

воды о том, что управление данной сферой судопроизводства постепенно стало централизованным. Расширились полномочия министра юстиции по формированию и движению корпуса мировых судей, регулированию работы мировых съездов и увеличению доли казенного финансирования[1].

Следующими структурами, с которыми взаимодействовали земства в системе местного управления, были губернские и уездные органы крестьянского управления. Рассмотрим их состав и функции. В губернское по крестьянским делам присутствие под председательством губернатора входили в качестве постоянных членов: управляющий Казенной палатой, губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, председатель губернской земской управы, непременный член по выбору от земства. Здесь рассматривались дела, споры и жалобы по земельному устройству между помещиками и временнообязанными крестьянами, связанные с работой уездных присутствий, органов крестьянского управления. Некоторые вопросы, например, дела по распланированию селений (в целях пожарной безопасности), утверждению и выдаче владенных записей на земли крестьянских обществ, соприкасались непосредственно с деятельностью земских управ.

Уездные по крестьянским делам присутствия по Положению 27 июня 1874 г. заменяли съезды мировых посредников[2]. В Уфимской губернии в связи с продолжением межевания башкирских земельных угодий уездные крестьянские учреждения ввели позднее – специальным законом от 6 июня 1877 г.[3] Уездные присутствия по крестьянским делам под председательством предводителя дворянства состояли из председателя земской управы, уездного исправника, почетного мирового судьи и непременного члена. Последний был ключевой фигурой присутствия. По два кандидата на должность непременного члена уездных присутствий избирались гласными губернского земского собрания из дворян-землевладельцев. Непременный член пользовался правами государственной службы, утверждался в должности министром внутренних дел, его содержание от

[1] Абдрахманов А.Ф., Хакимов С.Х. Судебные и правоохранительные органы. С. 126.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 49, ч. 1. № 53678.
[3] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1879. Вып. 2. С. 12, 89.

земства составляло 2–2,3 тыс. р. в год. Земство выделяло также средства на содержание присутственных мест. С помощью местного бюджета преображалась их убогая обстановка, непригодная для исполнения служебных обязанностей[1].

Как показали материалы ревизии сенатора М.Е. Ковалевского 1881 г., большую часть работы уездных присутствий составляли дела по заведованию крестьянским управлением – определение и увольнение должностных лиц и дела по жалобам о неправильных действиях по службе (33 % всех дел). На втором месте были жалобы на решение волостных судов (32 %), далее шли случайная переписка и судебно-полицейские дела (21 %), жалобы на взыскание податей и повинностей (4 %), дела о продаже по недоимкам (3 %), споры по земельному пользованию (3 %), по удалению членов из общества (2 %) и дела по имуществу малолетних крестьян (1 %)[2].

Причастность земства к крестьянскому учреждению, участие в нем председателя земской управы и непременного члена облегчали функции земского управления. Уездные по крестьянским делам присутствия по отношению к волостной администрации имели право на такие санкции, как утверждение или отстранение волостных старшин в должности, увольнение сельских писарей, наложение взысканий на них, рассмотрение жалоб и пр.

Отдельно следует сказать о взаимодействии земства с волостными правлениями – закулисной области, мало освещенной в историографии. Волостные правления использовались в качестве низшего исполнительного звена земских органов, и связь с сельским уровнем превращала уездные земства в единицы хозяйственного значения. Делопроизводство по налогам (ведение окладных книг, сбор квитанций по платежам, учет недоимок и пр.), земскому страхованию (страхование имущества, выдача вознаграждения за пожарные убытки из губернской земской управы), общественному продовольствию и другое было трудоемкой и безвозмездной работой. Например, в ходе земского страхования староста с писарем и жителями соседней деревни («добросовестными») составляли страховую ведомость – описание

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 2. С. 224–225.
[2] Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. С. 37.

каждого строения и определение с хозяином суммы страхового взноса. Ведомости дополнялись и исправлялись на сходе, затем переписывались в двух экземплярах и отправлялись на проверку в земскую управу. На составление страховых ведомостей по волости, достигающих 600 и более листов, времени уходило до двух месяцев. В обязанности волостного правления входили дополнение страховых ведомостей, оформление страховых случаев и выдача страховых сумм[1].

На практике земство пыталось самостоятельно выработать механизм связи с органами крестьянского самоуправления. В 1876 г. председатель губернской земской управы А.Д. Дашков составил общий план и инструкцию для ревизии волостей с целью земского контроля над волостным управлением[2]. Примечательно, что М.Е. Ковалевский во время ревизии 1881 г. выразил схожие мысли о возможности подчинения и ответственности волостного управления земским органам, хозяйственные функции которых пересекались[3].

Большинство непременных членов уездных присутствий по крестьянским делам, выдвинутых земскими собраниями, не могли повысить эффективность работы данных органов. Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие отмечало отсутствие жизненного характера и неспособность уездных присутствий выполнять возложенные обязанности даже бюрократическим способом[4]. Функции непременного члена – поземельное устройство крестьян, а в уездах с башкирским населением – проверка и утверждение приговоров о продаже и отдаче в аренду вотчинных земель, по земельным спорам между башкирами и припущенниками и наблюдение за межевыми работами – были непосильны для одного чиновника. Земский гласный и мировой судья П.И. Добротворский, в прошлом мировой по-

---

[1] Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. С. 98.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земства за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 719.

[3] Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. С. 67.

[4] Материалы по преобразованию местного управления в губерниях: доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам : в 3 ч. СПб., 1883. Ч. 2. С. 226 ; СПб., 1884. Ч. 1. С. 392.

средник, считал, что для добросовестного исполнения должности непременного члена необходимо было, как минимум, два помощника[1].

Несмотря на обременительные обязанности должности непременного члена, землевладельцы стремились получить ее. В 1881 г. после исключения неподходящих кандидатур (например, по Стерлитамакскому уезду отсеяли 12 чел.) на одну должность выдвигалось в Уфимском уезде 5 претендентов, Бирском – 10, Белебеевском – 8, Златоустовском – 9, в Мензелинском – 3, в Стерлитамакском – 13 человек претендовали на 2 места[2].

За 1878–1895 гг. земские собрания избрали свыше 100 непременных членов и кандидатов в уездные по крестьянским делам присутствия, более 80 % из них были земскими гласными. Многие избирались неоднократно: 14 непременных членов – два раза, 4 – три, 3 – четыре, 2 гласных состояли на должности пять и шесть выборных сроков[3]. Правительственная служба сулила пенсию от земства, иногда и повышенную, которой удостоился, например, помещик К.Д. Угличинин, прослуживший три срока на должности непременного члена.

В Златоустовском, Бирском и Стерлитамакском земствах принимались постановления о создании дополнительных должностей непременных членов, что должно было, по мнению гласных, ускорить процесс межевания земель[4]. Однако непременный член не имел в этом отношении поля для самостоятельной деятельности. По закону 10 февраля 1869 г.[5] вопросами межевания ведало губернское по крестьянским делам присутствие, где отдельные чиновники на казенном содержании, как, например, межевой ревизор, занимались размежеванием башкирских дач.

Анализ пореформенных учреждений Уфимской губернии свидетельствует, что децентрализация стала устойчивой чертой обновленной системы управления. Главную роль в этом играли земские учреждения под руководством дворян. Ли-

---

[1] Бок В. П.И. Добротворский. Критико-биографический очерк. СПб., 1904. С. 11.
[2] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 47–48.
[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 667.
[4] См., например: Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 77–78.
[5] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 44, ч. 1. № 46750.

ния самодержавия, заложенная со времен екатерининского правления, суть которой заключалась в привитии административной системы не к бюрократии, а к существующей дворянской сословной организации[1], продолжала оставаться актуальной. С одной стороны, это обеспечило преемственность, в том числе кадровую, в структурах управления, устойчивость работы новых и реорганизованных учреждений. Вместе с тем ограниченность числа чиновников, обремененных к тому же своеобразной «коллегиальной повинностью» в разнообразных присутствиях, сказывалась на эффективности системы местного управления, в том числе и земского. При этом, по свидетельству современников, большинство провинциальных служащих землевладельцев, наряду с предводителями дворянства, основную часть времени проводили в имениях.

Земства заняли прочную нишу в системе уездного и губернского управления. Связь земских и правительственных учреждений на местах отражалась, прежде всего, в переплетении их кадрового или персонального состава. Так, М.Д. Брудинский в 1880 г. должность члена в Уфимской губернской земской управе совмещал с работой чиновника особых поручений при Управлении государственных имуществ. Член Уфимской уездной управы А.П. Алексеев занимал еще одну оплачиваемую должность – непременного члена уездного по крестьянским делам присутствия. Кадровые перестановки в земстве делал и губернатор. В 1882 г., например, он переместил члена Бирской управы М.А. Топорнина на должность непременного члена в уездное по крестьянским делам присутствие.

Труд ряда государственных и «общественных» служащих вознаграждался почти одинаково. Например, схожие размеры жалования были установлены для председателя земской управы и непременного члена уездного по крестьянским делам присутствия, члена земской управы и мирового судьи, что указывало на тождество статусов общественных и чиновных должностей в местном управлении.

---

[1] Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М., 2002. С. 928–929.

Линия охранительной политики Александра III изменила место общественных органов в системе местного управления и характер земского представительства. По новому Положению о земских учреждениях от 12 июня 1890 г. в собраниях численное преимущество получали дворяне, сельские гласные должны были утверждаться губернатором[1]. Земское положение 1890 г. предоставило право государственной службы членам управ, а не пользующиеся правом поступления на государственную службу по выслуге трех выборных сроков могли быть представлены к производству в первый классный чин.

Расширялись возможности контроля со стороны местной администрации. Если ранее постановление земского собрания приостанавливалось в случае противоречия закону и «общим государственным пользам» (ст. 9), теперь появилась формулировка о «нарушениях интересов местного населения» (ст. 87). Создавался специальный орган, курирующий земские собрания – губернское по земским делам присутствие (с 1892 г. – губернское по земским и городским делам присутствие). Губернатору предоставлялось право приостановки постановлений собраний, нарушающих интересы местного населения и ревизии земских управ и учреждений земства[2].

Современная историография отошла от однозначной трактовки закона 1890 г. как контрреформы. Исследователи выделяют прагматические цели нового закона из-за изменения политического курса, указывают влияние опыта зарубежных избирательных систем, гарантирующих представительство правящим сословиям, а также ориентацию власти на диалог с земствами[3]. Вариативность интерпретаций и отход от однозначных трактовок вытекают из признания исследовате-

---

[1] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 10, ч. 1. № 6927.

[2] Подробный анализ земского Положения 1890 г. см.: Коркунов Н.М. Самоуправление // Земская идея в истории социально-политической мысли России. Т. 1. С. 257–324 ; Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968 ; Жукова Л.А. Правовое и финансовое состояние земских органов по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года // Земское самоуправление в России. 1864–1918. Кн. 1. С. 254–264 ; и др.

[3] См., например: Жукова Л.А. Правовое и финансовое состояние земских органов по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года. С. 254–264 ; Ярцев А.А. Земства и государственная власть в 1864–1904 гг. // Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001. С. 70 ; Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления. С. 263–299.

лями достижений последующего земского этапа. Положение 1890 г., как и предшествующий закон о земстве, охватывало разные уровни местного самоуправления. Ясно проводимая цель правительства по включению земства в общий механизм государственного управления вытекала из опыта взаимодействия с местными самоуправлениями. Власть перестала смотреть на земства как на источник общественной самодеятельности, выступающий необходимым инструментом эффективного управления.

Реформирование крестьянского управления свелось к установлению опеки над крестьянами и сельским самоуправлением. По закону 12 июля 1889 г. руководство волостями вверялось земским начальникам, в компетенции которых находились административные и судебные вопросы[1]. На уездном уровне действовал уездный съезд земских начальников под председательством предводителя дворянства.

В Уфимской губернии дела по размежеванию башкирских вотчинных земель задержали реформирование крестьянского управления. Стремление правительства ускорить этот процесс отразилось в необычно лаконичном указе 21 декабря 1892 г. о закреплении за переселенцами занятых ими башкирских угодий[2]. Институт земских начальников вводился в Уфимской губернии отдельным законом 6 июня 1894 г.[3] 18 июня губерния разделилась на 69 участков[4]. В Уфимской губернии земские начальники сталкивались с необычной для других губерний проблемой противодействия башкир аграрной политике правительства по постепенному отчуждению принадлежащих им земель и лесов[5].

---

[1] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 9. № 6196.
[2] Там же. Т. 12. № 9177.
[3] Там же. Т. 14. № 10769.
[4] Кантимирова Р.И. Состав земских участковых начальников в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Актуальные проблемы исторической науки : сб. науч. тр. первых Междунар. Усмановских чтений. Уфа, 2011. С. 141.
[5] Труды съезда земских начальников Уфимской губернии. Уфа, 1901. С. 137–147 ; Баева Е.В. Земские начальники и крестьянский мир: региональные особенности (на материалах Поволжья и Южного Урала) // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. : Социально-гуманитарные науки. 2011. № 9 (226). С. 12–14 ; Мамонт Е.В. Земские начальники Самарской и Уфимской губерний в 1891–1914 гг.: направления деятельности и социальный облик : дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2017. С. 70–71.

В составе земских начальников оказались земские гласные. Среди них было немало тех, кто добросовестно исполнял свои обязанности. Как самых лучших в губернии губернатор отметил земского начальника А.И. Базилева в Стерлитамакском уезде, С.С. Джантюрина из Белебеевского уезда, который получил правительственные награды за участие в переписи 1897 г. и борьбе с неурожаем. Благотворительное питание во время голода в Белебеевском уезде организовал земский начальник Ш.Х. Еникеев. Добросовестной службой отличились земские начальники Златоустовского уезда, князь С.П. Мансырев и Д. Берг, Мензелинского уезда – Л.П. Демидов, И.И. Мазуревский, Н.П. Товарищев[1]. Нередко гласные от одного уезда назначались земскими начальниками в другие уезды – Л.П. Демидов из Бирского уезда служил в Мензелинском, Н.А. Левашев из Белебеевского – в Бирском, мензелинский земец М.М. Останков – в Уфимском уезде.

Совмещение обязанности земского гласного с должностью земского начальника[2] способствовало образованию связи земства с волостями. Как правило, через земских начальников сельские общества просили управы об открытии школ, народных библиотек, больниц, фельдшерских пунктов. Попечительская модель взаимоотношений, когда земский начальник выступал перед земством как представитель и защитник интересов местных жителей, была особенно характерна для мусульманского населения. Такой линии придерживались земские начальники И.Ш. Султанов, Ш.Х. Еникеев, С.С. Джантюрин.

Отрицательные последствия совмещения земскими начальниками обязанностей гласных заключались в подавлении активности в земских собраниях сельских старшин и писарей. Обсуждая возможность подобных прецедентов в связи с циркуляром Министерства внутренних дел от 9 июля 1897 г. «О внесении земством предложений по местному самоуправлению», земские гласные Уфимской

[1] См.: НА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1785. Л. 2–5.
[2] Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах 1903 года (исправленный по 1 Марта). СПб., 1903. С. 719–722.

губернии высказали разные суждения. Большинство сходилось во мнении о нежелательности совместных заседаний сельских гласных и земских начальников[1].

Между двумя учреждениями возникала конкуренция интересов. Право издания обязательных постановлений, широко используемое земскими начальниками без согласования с решениями земства, влекло дополнительные расходы и повинности, теснило авторитет и зону влияния земства. Предписания о проведении праздников древонасаждения с музыкой и пением, запрет держать на улицах скотину по вечерам, сажать на цепи собак и другие постановления напоминали эксперименты реформы П.Д. Киселева вековой давности. На сессию Бирского земского собрания 1906 г. Л.П. Демидовым был представлен доклад о необходимости ограничения власти земских начальников, однако губернское собрание не приняло его к рассмотрению[2].

Важным нововведением по Положению 1890 г. стало создание губернского по земским и городским делам присутствия, осуществляющего надзор за избирательным процессом и специальную проверку постановлений собраний. Оно проводило собственную экспертизу по «опротестованным» губернатором постановлениям земства[3]. Штатным сотрудником присутствия был непременный член – чиновник Министерства внутренних дел, участие в его работе председателя губернской земской управы и представителя губернского земского собрания обеспечивало защиту земских интересов. Показательно, что Уфимское земство выдвигало на эту должность исключительно известных представителей либерально-демократического лагеря: Ш.Ш. Сыртланова, В.А. Кугушева, И.Г. Жуковского (не был утвержден администрацией), А.Г. Георгиевского, П.П. Толстого, Н.П. Товарищева.

---

[1] См., например: Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXIII очередное собрание 1897 г. Самара, 1898. С. 49.

[2] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. Уфа, 1907. С. 649–650.

[3] Например, в 1911 г. оно поддержало 11 из 17 протестов губернатора, а 6 отменило. Губернская управа в свою очередь обжаловала в Сенате три протеста губернатора (см.: Доклады Уфимской губернской земской управы XXXVII очередному губернскому земскому собранию сессии 1912 г. по распорядительному отделу. Уфа, 1912. С. 58–62).

Деятельность нового органа оказывала неоднозначное влияние на работу земства. Его двоякие последствия были отмечены Л.А. Жуковой – с одной стороны усиление мелочной регламентации в деятельности земств, с другой – улучшение государственной координации земских мероприятий[1]. Вывод О.Н. Богатыревой об отсутствии давления на земство после 1890 г. согласуется и с отмеченным в труде Б.Б. Веселовского общероссийским подъемом земской деятельности в этот период[2]. Следует признать, что установление чрезвычайного контроля над земской деятельностью в условиях постоянного расширения круга задач местного самоуправления не имело смысла. Ежедневная рутинная работа административных органов, в том числе губернского по земским делам присутствия, как и самих земских учреждений, была в первую очередь направлена на обеспечение бесперебойной деятельности местного аппарата управления.

Пытаясь пересмотреть штампы либеральной историографии об исключительно противоречивых отношениях между земством и властью, некоторые современные исследователи уходят от проблемы наличия объективных целей охранительной политики государства. Так, В.В. Куликов, справедливо подчеркивая усилия правительства по совершенствованию модели взаимодействия земства с органами коронной власти, сделал широкое обобщение о том, что усиления «административного контроля за земством, по сути дела, не происходит», а губернское по земским и городским делам присутствие не являлось органом, «сильно стеснявшим деятельность земств». Исследователь получил такой вывод на основе изучения материалов Вятского по земским и городским делам присутствия [3]. Нам представляется продуктивным выделить два уровня деятельности присутствий – ежедневно-рутинную бюрократическую функцию и охранительную функцию государственного органа.

---

[1] Жукова Л.А. Земское самоуправление и самодержавие в конце XIX – начале XX века // Земское самоуправление в России. 1864–1918. Кн. 1. С. 259.

[2] Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917) : дис. … докт. ист. наук. С. 302–309 ; Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 200.

[3] Куликов В.В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика. Киров, 2009. С. 203.

В дихотомии «государственные – общественные органы управления» губернское по земским и городским делам присутствие олицетворяло власть и защиту ее интересов. В условиях роста оппозиционности земских органов, несоответствия их решений политическому курсу правительства через орган административного контроля могла жестко проводиться правительственная линия. Таковы были решения Уфимского губернского по земским и городским делам присутствия относительно выборов в Мензелинское земское собрание в 1909 г., пособий мусульманским школам в русле борьбы с «панисламизмом» в 1912 г., дел, связанных со служебной ответственностью членов земских управ. Например, независимая позиция председателя губернской управы С.П. Балахонцева на приеме у министра внутренних дел В.К. Плеве, когда он выступил в защиту служащих, которых министр считал нужным уволить, обернулась для него делом по обвинению в служебном подлоге. На мензелинских земских деятелей в 1911 г. решением губернского по земским и городским делам присутствия было открыто уголовное дело. Бывшие председатели уездной земской управы Н.П. Товарищев, Н.В. Катанский и ее члены В.В. Колесников, В.П. Юрьев обвинялись в пропаже 980 р., поступивших для рассылки по земской почте зарплаты учителям министерских школ. Однако Казанская судебная палата вынесла решение о прекращении уголовного преследования и отмене подписки о невыезде[1].

Также точечно использовались возможности ревизии губернатором земских учреждений по Положению 12 июня 1890 г. Проверки, требующие квалифицированных специалистов и значительных временных затрат, не стали привычным методом воздействия губернаторов на земство. Но даже как исключительная мера они могли не достигнуть цели.

В начале XX в. в Уфимской губернии, например, ревизии подверглась Мензелинская уездная земская управа. Предыстория ревизии была связана с конфликтом между двумя группами гласных – либеральной и правой. Представители последней – И.В. Харкевич и В.А. Татищев подняли вопрос о необходимости ревизии

[1] РГИА (Российский гос. исторический арх.). Ф. 1288. Оп. 3. Д. 31. Л. 2.

управы лицами по назначению от правительства[1]. В 1910 г. по распоряжению губернатора А.С. Ключарева проверили работу Мензелинской земской управы за трехлетие 1906–1909 гг. Формально ее выбор объяснялся традиционной финансовой задолженностью уезда, в действительности этот шаг был направлен против оппозиционного состава управы. Несмотря на выявленные секретарем Уфимского губернского по земским и городским делам присутствия нарушения счетоводства и финансовой отчетности, растраты сумм из кассы сельскохозяйственного склада, администрация не решилась на открытый конфликт с земством и ограничилась общими замечаниями[2].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что некоторые рычаги влияния губернатора на местные самоуправления по Положению 1890 г. исчезли. Это касалось замещения функций местного самоуправления местной администрацией. В частности, если по Положению о земских учреждениях 1864 г. при невыполнении местными органами обязательных повинностей губернатор с разрешения министра внутренних дел мог «приступить к непосредственным исполнительным распоряжениям насчет земства и города», то по земскому Положению 1890 г. это право ликвидировалось[3].

Невключенность земских органов в систему органов государственной власти продолжала порождать проблемы в управлении. Главной точкой напряжения были взаимоотношения с губернатором. Отсутствие у начальников губерний рычагов прямого влияния на земства воспринималось ими как серьезный недостаток. Как следовало из ответов уфимского губернатора И.Н. Соколовского о реформе губернского правления в Министерство внутренних дел, органы местного самоуправления нередко проявляли индифферентное отношение к вопросам неотложного значения и издания обязательных постановлений в области санитарии, тор-

---

[1] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXV очередной сессии с 7 по 21 ноября 1909 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1910. С. 19–31.

[2] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVI очередной сессии с 10-го по 23-е октября 1910 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1911. С. 1110.

[3] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655. Л. 56 об.–57.

говли, дорожного строительства и пр. Губернатора раздражало наличие «неподчиненных ведомств», и он добивался права увольнения не только политически неблагонадежных лиц, но и тех, чья деятельность не соответствовала пользам государственной службы[1]. На наличие сложных противоречий между местными властями и общественными учреждениями указывает и вывод оренбургского историка С.В. Любичанковского о более негативной оценке региональных властей ситуации по взаимодействию с земством, нежели столичных чиновников Министерства внутренних дел[2].

На всем протяжении истории земских учреждений правовая неурегулированность их деятельности стала ведущей причиной сбоев во взаимодействии правительственного и общественного сегментов управления. При этом децентрализация как основная цель реформы местного управления была достигнута лишь частично, поскольку возникающие противоречия между правительственными и земскими структурами приводили к постоянному участию центральных органов в разрешении возникших ситуаций. Подобные прецеденты порождали обратную централизацию, когда губернии управлялись многочисленными циркулярами из Министерства внутренних дел, Министерства просвещения и других ведомств.

Вместе с тем внутри губерний земские учреждения способствовали ослаблению властной вертикали, укреплению хозяйственного управления на местах. Либералы придали изолированности земства «крупное положительное значение», которое де-факто давало возможность сплотить общественные силы, и увидели в борьбе «основное содержание и основной смысл» развития земских учреждений[3].

---

[1] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655. Л. 4–6.

[2] Любичанковский С.В. Преобразование местного управления в России: столичное и региональное видение проблемы (начало XX в.) // Новый исторический вестн. 2007. № 2 (16). С. 78-90.

[3] Веселовский Б.Б. Децентрализация управления и задачи земства // Юбилейный земский сборник : 1864–1914 / под ред. Б.Б. Веселовского и З.Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 42.

§ 3. Формирование земского представительства: закон и практика

Принципиальная новизна земского института заключалась в его формировании через избирательный процесс. Ему предшествовало публичное формирование всесословного электората в уездах. В административно-бюрократической системе, наряду с чиновниками, право управления приобрели общественные избранники. В исследовании А.Ю. Шутова правомерно подчеркивается, что введение Положением 1 января 1864 г. земской избирательной системы стало радикальным шагом в реформировании государственного управления[1]. Несомненно, вопрос о выборах имел прямое отношение к проблеме самоуправления и государственного управления в целом. Несмотря на известную разницу между потенциальными и действительными участниками земского избирательного процесса, наличный круг земского электората являлся постоянным фактором влияния на организацию и ход выборов, а в конечном итоге также на состав собраний и управ текущего срока. Все эти вопросы заставляют сосредоточить исследовательское внимание на механизме формирования земского представительства и рассматривать его в качестве одного из ключевых моментов земского самоуправления как такового.

Избирательные права имели лица российского подданства, достигшие 25 лет, обладающие имущественным цензом – землей, другим недвижимым имуществом или предприятием установленного дохода. Их лишались лица, находящиеся под уголовным следствием или судом, подвергшиеся наказанию за преступления, либо по общественному приговору. От имени женщин, отсутствующих или не достигших возраста избирателей, допускались к участию лица по доверенности, а за малолетних и состоящих под опекой – опекуны и попечители, если они обладали правом участия в избирательных съездах.

Учреждения, владеющие в пределах уезда землей либо недвижимостью, представлялись на выборах особыми поверенными. Арендаторы земельных участков сроком не менее шести лет могли участвовать в выборах по доверенно-

[1] Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления. С. 204.

сти от собственника. На уездном избирательном съезде можно было иметь не более двух голосов – один по личному праву и другой по доверенности или уполномочию.

По Положению 1864 г. земские избиратели голосовали в трех избирательных съездах – землевладельцев, горожан и сельских обществ. Среди лиц, имеющих право участвовать в уездных земских выборах Уфимской губернии, преобладали представители сельских съездов – 56,4 %, землевладельцы составили 35,5 %, а участники городских съездов – 8,1 %[1]. Обращает на себя внимание тот факт, что в Уфимской губернии сложилось значительно большее представительство собственников земли, чем в соседних Казанской (19,3 %), Самарской (31,6 %), Пермской (7,4 %) и Вятской (10,7 %) губерниях[2]. Данное обстоятельство отражало результаты мероприятия, предпринятого властями в пореформенный период – форсированной распродажи башкирских земель, ставшей возможной после издания закона от 10 февраля 1869 г. «О размежевании башкирских дач…», по которому допускалась продажа вотчинных земель, и закона от 4 июня 1871 г. «Об отводе в Оренбургском крае земель как отставным, так и служащим чиновникам» по льготной цене[3]. По официальным данным, за 1868–1878 гг. в Уфимской губернии было заключено 106 земельных сделок, из них 23 дворянами, 50 – совместно дворянами, купцами, мещанами, 20 – крестьянами-переселенцами, 13 – башкирами[4].

Сельские избирательные съезды формировались на основании опубликованных ведомостей о сельских обществах с разделением на волости и участки для выборов. Выборы сельских гласных были многоступенчатыми. Сельские сходы посылали представителей на волостной сход, где проходили выборы кандидатов, затем из представителей волостей формировался съезд сельских избирателей. На выборах под председательством мирового посредника, впоследствии непременного члена крестьянского присутствия или мировых судей избиралось положенное

---

[1] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. / разработ. А. Сырневым. СПб., 1888. С. XVI.
[2] Там же.
[3] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 44, ч. 1. № 46750, № 49709.
[4] Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007. С. 330.

по расписанию число гласных из расчета один представитель от одной или нескольких волостей. Сельские съезды проходили в нескольких пунктах. Так, в Златоустовском уезде выборы 1878 г. прошли в селах Айлино и Дуван. В 1887 г. местом проведения сельских избирательных съездов в Бирском уезде стали с. Новотроицк, д. Асяново, Аскино, Чераул, Байгузино, в Мензелинском уезде – с. Заинск, д. Карамалы, Старое Мазино, Бетьки, Поисево[1].

Гласными от сельских съездов часто становились волостные старшины. Опора на старшин, писарей и зажиточных крестьян в качестве гласных была заложена еще проектом «Положения о земских учреждениях»[2]. В уфимских земствах проблема совмещения обязанностей гласного с должностью в сельской администрации неоднократно обсуждалась. Уфимская губернская управа рассматривала представителей сельской администрации в качестве наиболее лучших и интеллигентных представителей крестьян, но мнения гласных по этой проблеме расходились. На Уфимском губернском собрании 1876 г., например, крестьянин Е.И. Данилов подал заявление, где предлагал законодательно запретить участие в сельских выборах лиц, «имеющих влияние» на крестьян. На Белебеевском собрании 1897 г. гласный Ш.Ш. Сыртланов сказал, что крестьяне «часто выбираются не по достоинствам, а по разным происками». Ему возразил С.С. Джантюрин: «Считать волостных старшин и писарей не годными и безусловно лишать их права быть гласными нет никаких оснований»[3].

В выборах от сельских обществ по Положению 1864 г. могли участвовать представители других избирательных съездов. Показательно, что уфимский губернатор выставлял в качестве необходимого условия проведения избирательного сельского съезда выдвижение кандидатур землевладельцев и горожан. В Уфимском уезде в первый трехлетний срок дворяне заняли восемь мест сельских гласных, в последующие выборы это количество сократилось до двух-трех человек. В 1884–1886 гг. «некрестьянские» гласные от сельских съездов составили всего 5 %.

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1878. 20 мая ; 1887. 30 мая.
[2] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 10–11.
[3] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXIII очередное собрание 1897 г. Самара, 1898. С. 48.

Схожая картина наблюдалась в соседних Пермской, Самарской и Вятской губерниях, тогда как в центральных и южных губерниях эта цифра достигала 20–30 %[1].

Главным избирательным съездом являлся землевладельческий, из которого выдвигалось ядро земского самоуправления предстоящего срока. Право участия в съезде получали физические и юридические лица, имеющие ценз – земельный (250 дес. для Уфимского и Мензелинского уездов и 350 дес. для остальных уездов Уфимской губернии) или неземельный в виде недвижимости, оцененной для взимания земского сбора не ниже 15 тыс. р., либо предприятие с годовым оборотом производства не менее 6 тыс. р. В съезде участвовали также уполномоченные, выдвинутые предварительными съездами мелких земельных собственников, имеющих не менее 1/20 имущественного ценза, уполномоченные от земель церковных приходов священнослужители. Количество выдвинутых ими избирателей соответствовало числу полных цензов, образованных от общей суммы их недвижимого имущества.

Важным подготовительным этапом было составление избирательных списков, когда очерчивался круг участников выборного процесса. Согласно «Правилам о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях» от 25 мая 1864 г., сведения об избирателях формировались на основе документов присутственных мест об имущественном состоянии[2]. В дальнейшем соответствующая информация формировалась при управах на основе материалов о земских плательщиках. В «Уфимских губернских ведомостях» публиковались сначала предварительные, а за месяц до выборов окончательные списки избирателей. Лица, внесенные в избирательный список не позднее одного месяца после первоначальной его публикации, становились правомочными избирателями[3].

Кроме публикации в официальной прессе, земские управы прибегали к самостоятельному тиражированию и распространению списков среди населения. Так, в период выборов 1887 г. Стерлитамакская управа уже после опубликования списков

---

[1] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 4. С. 186.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40934.
[3] Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. С. 78.

в газете за 28 февраля отпечатала их особо: тиражом 180 экземпляров для обнародования через волостные правления и «прибивкою на видных местах» в городе 19 марта. Примечательно, что старт избирательной кампании управа начала с 19 марта, закрепив свое решение журнальным постановлением от 22 апреля. Был такой сдвиг случайным или нет, но он позволил расширить список избирателей и продемонстрировал самостоятельность управы в проведении выборной кампании[1].

Выборы начинались со съездов мелких землевладельцев, наиболее подвижных и демократичных по составу участников. Сословная принадлежность избирателей указывалась в опубликованных списках не всегда, в таких случаях определить по ним состав съездов землевладельцев не представляется возможным. Полная информация отражена в специальном исследовании Центрального статистического комитета (ЦСК) о земских выборах в губерниях за 1883–1886 гг. Оно базировалось на сведениях губернаторов и оригиналах документов избирательных съездов. Однако в дальнейшем ЦСК не публиковал подобные труды, поэтому развернутый анализ сословного состава избирателей Уфимской губернии основывается только на данных за 1884 г.

В соответствии с ними, заметную группу избирателей, выбирающих уполномоченных на съезд землевладельцев, составили крестьяне. В 1884 г. в Мензелинском уезде их было 86 человек из 225 (или 38 %), в Уфимском – 168 человек из 399 (или 42 %), в Белебеевском – 402 человек из 532 (или 76 %)[2]. В Златоустовском уезде, по данным Центрального статистического комитета, фигурировало 166 крестьян, или 91 % избирателей съезда уполномоченных[3]. Однако в избирательных списках, опубликованных в прессе, зафиксировано всего 22 крестьянина-собственника в 1878, 1881 гг. и 11 чел. в 1884 и 1887 гг.[4] Судя по такому большому расхождению цифр, опубликованные списки не всегда отражали реальную

[1] Сборник постановлений XIII очередной сессии Стерлитамакского уездного земского собрания 1887 года. Уфа, 1889. С. 6.
[2] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. С. 70–71.
[3] Там же.
[4] Список имеющим право участия в съезде чрез уполномоченных… // Уфимские губернские ведомости. 1878. 1 апр. Прил. ; 1881. 28 марта. Прил. ; 1884. 31 марта. Прил. ; 1887. 25 апр. Прил.

численность избирателей. В Стерлитамакском уезде по спискам 1881 г. крестьяне составляли 51 % избирателей съездов уполномоченных, в Бирском уезде по спискам 1887 г. – 76 %[1].

Права мелких землевладельцев при проведении выборов порождали вопросы у местной администрации. Губернские власти и сами земские органы были всерьез озабочены тем, что, согласно решению Сената № 1059 от 31 января 1873 г., владельцы неразделенных имений присылали в избирательные съезды своих уполномоченных, «выбранных прямо от себя», а не на предварительных съездах мелких землевладельцев. На выборах в первое трехлетие 1875–1878 гг. руководством служило толкование циркуляра Министра внутренних дел начальникам губерний от 1 декабря 1864 г. за № 190, по которому владельцы неразделенных имений участвовали в избирательных съездах через уполномоченных, избранных на предварительных съездах. На вторых выборах разъяснение Сената 1873 г. применительно к Уфимской губернии оказалось невыполнимо без ущерба для дворянского электората. В докладе Стерлитамакской управы собранию 1880 г. говорилось, что вторые выборы провели с «тем уклонением», что в избирательные съезды не допустили крестьян, имеющих дополнительные участки земли вне надела. Особенно это касалось башкир многоземельных волостей, где на душу каждого сверх надела приходилось 70 дес.[2] По предложению гласного Ю.А. Кавецкого собрание решило обратиться в соответствующие инстанции за разъяснениями «встречающихся недоразумений при выборах гласных легальным путем»[3].

Избирательные съезды землевладельцев с правом непосредственного голоса состояли преимущественно из помещиков. Исследователь Л.В. Женина, рассматривая электоральную практику земских самоуправлений приуральских губерний, также отметила значительный процент среди избирателей дворян в Уфимской губернии, в отличие от купеческого состава съездов в Вятской и Пермской губерни-

---

[1] Список лицам имеющим право участия в избирательном съезде уездных землевладельцев чрез уполномоченных… // Уфимские губернские ведомости. 1881. 14 марта ; Список землевладельцам Бирского уезда имеющим право участия в предварительном съезде… // Уфимские губернские ведомости. 1887. 28 марта. Прил.

[2] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 76–77.

[3] Там же.

ях[1]. Особенностью Уфимской губернии стала задержка процесса обезземеливания дворян в пореформенное время вплоть до конца XIX в. Влияла дешевизна земли, и в пореформенный период экономически сильные дворяне увеличили земельные владения, что видно из табл. 2[2].

Таблица 2 – Количество участников земских избирательных съездов землевладельцев Уфимской губернии в 1874–1887 гг. и их имущественный ценз

Год	Съезд землевладельцев			Съезд мелких землевладельцев		
	Число избирателей	Количество земли (тыс. дес.)	Оценка имущества* (тыс. р.)	Число избирателей	Количество земли (тыс. дес.)	Число цензов
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
I. Белебеевский уезд						
1874	59	155,0	–**	125	11,6	33
1884	246	370,4	55,0	775	31,3	89
1887	242	384,6	–	643	37,4	106
II. Бирский уезд						
1874	50	240	30	69	6,2	17
1878	68	320,89	–	–	–	–
1884	93	347,9	–	156	13,3	38
1887	95	326,4	–	204	17,8	53
III. Златоустовский уезд						
1874	4	183,3	55,6	16	0,9	2
1878	6	198,0	52,5	38	2,03	6
1881	19	43,8	226,2	40	2,2	6
1884	20	227,5	52,2	28	1,9	5
1887	20	244,1	69,0	32	2,2	6

[1] Женина Л.В. Избирательные процедуры и практики органов местного самоуправления : историко-политологический анализ выборного производства в Прикамье // Вестн. Пермского ун-та. Сер. : Политология. 2013. № 3 (23). С. 62–72.

[2] Согласно нашим подсчетам, погрешность в вычислениях, представленных в табл. 2–11, может колебаться от 1 до 3 %.

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
IV. Мензелинский уезд						
1874	71	121,0	–	270	17,2	57
1878	93	131,6	–	261	21	84
1884	96	149,8	–	225	16,8	67
1887	123	162,4	–	217	16	62
1887	20	244,1	69	32	2,2	6
V. Стерлитамакский уезд						
1881	157	559,2	–	540	40,7	112
1884	137	563,5	–	198	29,3	83
VI. Уфимский уезд						
1881	237	–	–	399	–	–
1884	235	956	–	399	43,8	175
1887	265	954	89,38	382	26,6	104

Составлена по спискам избирателей в уездные земские собрания, опубликованным в газете «Уфимские губернские ведомости» в виде приложений к соответствующим номерам. См.: Белебеевский уезд: Уфимские губернские ведомости. 1874. 7 дек. ; 1884. 14 февр. ; 1887. 14 марта; Бирский уезд: Уфимские губернские ведомости. 1874. 30 апр. ; 1878. 18 марта ; 1881. 25 мая ; 1884. 10 марта; 1887. 28 марта; Златоустовский уезд: Уфимские губернские ведомости. 1874. 30 нояб. ; 1878. 1 апр. ; 1881. 28 марта ; 1884. 31 марта ; 1887. 25 апр.; Мензелинский уезд: Уфимские губернские ведомости. 1874. 7 дек. ; 1878. 15 апр. ; 1884. 12 мая ; 1887. 9 мая; Стерлитамакский уезд: Уфимские губернские ведомости. 1881. 14 марта ; 1884. 17 марта; Уфимский уезд: Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта ; 1884. 24 марта ; 1887. 11 апр.

*Даны сведения о неземельном имуществе – предприятиях торговли и мелкой промышленности.

**Здесь и далее в таблице тире означает отсутствие сведений.

Купцы в Уфимской губернии шли на втором месте по количеству избирателей в съездах землевладельцев. Их представительство до конца 1880-х гг. переживало заметный период роста. В списках за 1884 г. купцов было указано в Стерли-

тамакском уезде 13 человек, в Уфимском – 41, в Бирском – 18, в Златоустовском – 3 человека[1].

Следующей группой избирателей съездов землевладельцев были чиновники. В 1884 г. непосредственное право голоса имели 66 чиновников: в Уфимском уезде – 7 человек, в Белебеевском – 25, Бирском – 13, Мензелинском – 1, Стерлитамакском – 20 человек[2].

Последними по численности были землевладельцы из крестьян. Ко времени введения земства практически во всех уездах Уфимской губернии они владели крупной коллективной и индивидуальной собственностью. В 1874 г. в Бирском уезде в землевладельческих съездах значились: крестьяне-собственники д. Емашево (551 дес.), зауряд-хорунжий д. Старо-Иликеево С.М. Казбулатов (400 дес. близ д. Чертанлыкуль, в 1884 г. было 980 дес.), крестьяне д. Урюш Мясниковы с товарищами (1 000 дес.), крестьяне с. Усы-Степановки Е. и П. Поспеловы (900 дес.), Н. Шабунин «с товарищами» близ д. Ежевки (700 дес.), башкиры д. Верхней и Нижней Тургенеевой (6 000 дес.)[3]. В Белебеевском уезде за тот же год значился крестьянин М. Васильев (4 011 дес. близ с. Каменки), в Мензелинском уезде – крестьянин д. Казанчиной Н. Киршин (250 дес.)[4]. По Стерлитамакскому уезду в 1881 г. (более ранние списки не обнаружены) в съезде землевладельцев участвовали башкиры д. Верхних Услов (1 600 дес. совместно с купцами), 18 русских крестьян-собственников при деревнях Максимовка, Бугурслановка, Григорьевка, Муллакаево, Петрово (всего 26 тыс. дес.), пять представителей рода известных религиозных деятелей Тукаевых, владеющих в общей сложности 2 622 дес.[5]

---

[1] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. С. 164.
[2] Там же.
[3] Список имеющим право непосредственного голоса в избирательном съезде уездных землевладельцев Бирского уезда // Уфимские губернские ведомости. 1874. 30 нояб. Прил.
[4] Список землевладельцам Белебеевского уезда, имеющим право непосредственного голоса… // Уфимские губернские ведомости. 1874. 7 дек. Прил. ; Список, составленный Мензелинской уездной временной комиссией… // Уфимские губернские ведомости. 1874. 7 дек. Прил.
[5] Список лицам, имеющим право участия в избирательном съезде уездных землевладельцев чрез уполномоченных // Уфимские губернские ведомости. 1881. 14 марта.

В 1884 г. по Уфимской губернии земскими избирателями значилось 48 крестьян, из них в Стерлитамакском уезде 14 человек, в Белебеевском – 13, Уфимском – 11, Бирском – 6, Мензелинском – 3, Златоустовском – 1 человек. Среди крупных собственников выделялись две категории: русские земледельцы, которые нередко владели совместно «с товарищами», и многоземельные башкиры из бывшего кантонного начальства – отставные урядники, хорунжии, сотники и др. Введение земства оказало влияние на процесс оформления их земельной собственности, в то время как раньше они довольствовались привилегией в виде свободного владения общинной землей.

Таким образом, в землевладельческих съездах – главных по значению для формирования активной части земских собраний при численном преобладании дворянства, были представлены все основные сословные группы. Численность избирателей землевладельческих съездов по уездам Уфимской губернии и размеры их земельной собственности согласно избирательным спискам показаны в табл. 2.

Данные избирательных списков показывают, что во всех уездах Уфимской губернии, кроме Златоустовского, главным и единственным видом имущественного ценза в выборах по Положению 1864 г. являлась земля. Другие виды собственности были развиты слабо и плохо учитывались. Поскольку для участия в выборах достаточно было указать один вид собственности, информация о торгово-промышленных источниках земского обложения у избирателей не выявлялась. В Златоустовском уезде собственники торгово-промышленных заведений компенсировали недостаток землевладельцев.

Наиболее многочисленный съезд землевладельцев был в Уфимском уезде, противоположный полюс представлял съезд Златоустовского уезда, где фигурировали собственники заводов и купцы, владельцы предприятий. В Златоустовском уезде увеличению цензовых собственников способствовали земские учреждения. Среди таких владельцев были П.Ф. Коропачинский, Ф.И. Новицкий. Минимальный рост цензовых избирателей наблюдался в Уфимском уезде, более заметное увеличение произошло в Белебеевском уезде. При увеличении числа владельцев

земельная собственность уменьшилась в Уфимском и Стерлитамакском уездах, что отражало процесс раздела имений.

Неоднозначную картину представляли съезды избирателей из мелких собственников. Возрастание числа уполномоченных по Белебеевскому уезду со 125 человек в 1874 г. до 775 чел. в 1884 г. – в 6,2 раза, свидетельствовало не только о росте мелкого землевладения, но и лучшем его учете. Так, дворяне и мурзы д. Новые Каргалы Белебеевского уезда, в общей собственности которых состояло более 10 тыс. дес., к выборам 1881 г. были представлены отдельным списком из 196 человек. Среди избирателей съезда уполномоченных Стерлитамакского уезда в 1881 г. было 540 собственников. Русские крестьяне-собственники составили большие группы в Резановской, Мелеузовской и Дедовской волостях, владельцы башкиры концентрировались в Уршакминской, Мелеузовской и Калкашевской волостях[1]. После того, как на выборах 1881 г. непривилегированный электорат обнаружил свою многочисленность, в Стерлитамакском уезде практика включения в списки избирателей землевладельцев коллективной собственности крестьян и башкир прекратилась. В результате численность съезда уполномоченных Стерлитамакского уезда на выборах 1884 г. сократилась по сравнению с 1881 г. в 2,7 раза. Регулирование состава съездов для выбора уполномоченных в 1884 и 1887 гг. совпадало с общероссийской тенденцией усиления консервативного курса. Указанная Н.И. Горской тенденция «огосударствления» земства через систему мирового суда хронологически соотносится с изменениями в избирательном процессе.

Интерес населения, точнее обладателей ценза, к земским выборам был довольно высок. В 1884 г. в Уфимской губернии наиболее активной частью оказались собственники из крестьян – 73 % участников, имеющих избирательное право (средний показатель по земским губерниям – 66 %) и купцов – 35 % избирателей данной сословной группы (в среднем 52 %). Явка дворян на выборы составила

[1] Список лицам, имеющим право участия в избирательном съезде уездных землевладельцев чрез уполномоченных // Уфимские губернские ведомости. 1881. 14 марта.

всего 22 % (в среднем 32 %). Подобные показатели активности дворян наблюдались в Самарской (21 %) и Казанской (23 %) губерниях[1].

Среди крестьян самые активные избиратели проживали в Бирском уезде, где на выборы явились все избиратели, в Стерлитамакском уезде пришла половина участников и в Белебеевском уезде – около четверти (23 %) участников. Купцы проявили заинтересованность в выборах в Мензелинском и Стерлитамакском уездах – по 50 % участников, в Белебеевском уезде – 33 % и в Бирском – 28 %. Среди дворян, за исключением Златоустовского уезда, где присутствие на выборах 63 % землевладельцев было инициировано администрацией, заметный удельный вес фактических избирателей показали выборы в Уфимском уезде – 32 % всех дворян, далее шли уезды Стерлитамакский – 22 %, Бирский – 20 %, Мензелинский – 18 % и Белебеевский – 14 %.

По итогам выборов 1884 г. каждая из сословных групп землевладельцев заняла в уездных земских собраниях свою нишу: 73 помещика (или 59 % избирателей дворян), 18 купцов (50 % купцов-избирателей) и 9 крестьян (26 % участников крестьян). Между дворянами не было конкуренции в Мензелинском уезде, где избрали 14 гласных из 14 участников дворян. В Стерлитамакском уезде гласными стали 16 из присутствующих 18 дворян, в Уфимском уезде – 29 помещиков из 53. Заметную группу среди гласных заняли купцы-землевладельцы Белебеевского (избрано 4 из 5 участников), Стерлитамакского (избрано 7 из 8) и Уфимского (избрано 4 из 11) уездов. Крестьяне-землевладельцы прошли в собрания Златоустовского (избрано 2 чел. из 17), Стерлитамакского (избрано 5 чел. из 7) и Белебеевского (избрано 2 чел. из 3) уездов[2].

Иначе выглядело представительство гласных землевладельцев в составе исполнительных органов. Среди членов уездных управ было больше всего крестьян – 55 %, удельный вес дворян составлял 30 %, купцов – 10 и чиновников – 5 %. В губернской управе были дворяне и чиновники – 75 % и 25 % соответственно[3].

---

[1] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. С. 94–95.
[2] Там же. С. 80–96.
[3] Там же. С. XXVIII–XXIX.

Низкая активность дворян на выборах и скудный состав фактических участников стали закономерностью с первых лет организации земства в Уфимской губернии. Даже в многочисленном дворянами Уфимском уезде вторые земские выборы 1877 г. по съезду землевладельцев фактически не состоялись, и все пришедшие были зачислены гласными[1]. Широко практикуемая на земских выборах мера зачисления в гласные всех явившихся на съезд участников указывала на то, что круг земских собраний очерчивался заблаговременно. Об «извращении, а иногда даже совершенном уничтожении» выборного начала писал сенатор И.И. Шамшин после ревизии в 1880–1881 гг. Самарской и Саратовской губерний[2].

В результате административного регулирования и слабости социальной и гражданской позиции остальных избирательных групп Уфимская губерния вошла в число губерний, где численность дворянских голосов в землевладельческих съездах превышала средние показатели по земской России более чем на 10 %[3].

Наряду с двумя основными группами избирателей – землевладельцев и крестьян, была немногочисленная прослойка представителей городских избирательных съездов. Они проходили в помещении городских управ[4]. В них участвовали лица с купеческими свидетельствами, владельцы промышленных или иных заведений с оборотом не менее 6 тыс. р. в год и собственники городской недвижимости. Ее ценность определялась в зависимости от численности населения городов: не менее 3 тыс. р., где насчитывалось более 10 тыс. жителей (Уфа и Златоуст), и не менее 1 тыс. р., имеющих от 2 до 10 тыс. человек (Стерлитамак, Мензелинск, Бирск, Белебей).

Уфимскую губернию отличала незначительная прослойка городских избирателей – 8,1 % общего числа избирателей и низкая ценность городской недвижимости – 609,5 тыс. р. По данным параметрам Уфимская губерния находилась

---

[1] Гиневский П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. Уфа, 1900. С. 3.

[2] Извлечения из записок, ревизовавших сенаторов по предмету ст. 1830 и 1858 общественных губернских учреждений // Комиссия для составления проектов местного управления. Журнал высочайше утвержденный особой комиссии для составления проектов местного управления. [Б. м. и г]. С. 81.

[3] Яковенко В. Наше земское представительство // Северный вестн. СПб., 1890. № 1. С. 23–24.

[4] Златоустовская уездная земская управа // Уфимские губернские ведомости. 1891. 6 июля.

среди земских губерний на предпоследнем месте перед Олонецкой губернией с самой низкой оценкой в 242,8 тыс. р.[1]

Неразвитость городской жизни, большая доля сельского населения в городах и бедность построек составляли специфические черты уездных городов Уфимской губернии. В окружающих губерниях Урало-Поволжья, торгово-купеческих городах Прикамья и Приуралья представительство городских избирателей и ценность городской недвижимости были заметно выше: в Пермской – 19,5 % городских избирателей и недвижимость на сумму 3,9 млн р., в Казанской – 12,9 % и 4,1 млн р. соответственно, в Самарской – 11,6 % и 2,5 млн р., в Вятской – 12 % и 1,2 млн р.[2]

Согласно расписанию гласных земских собраний Уфимской губернии, от г. Златоуст, Бирск и Белебей избиралось всего по двое гласных в уездное собрание, от г. Мензелинска и Стерлитамака – по трое гласных, от г. Уфы – восемь гласных. Расписание гласных от городов не соотносилось, за исключением губернского города, с численностью населения или количеством обладателей ценза. Так, в 1884 г. больше всего купцов и почетных граждан с цензом было в Бирске (89 чел.) и Златоусте (70 чел.). В Мензелинске было наименьшее число купцов с цензом (30 чел.)[3] и самое малочисленное избирательное собрание (от 46 до 59 чел. в разные выборные кампании), но при этом наблюдалась большая квота гласных.

Однако механизм определения числа земских гласных от города все же имел свою закономерность. В его основе лежал принцип уравновешивания групп избирателей в собрании. Как пишет В.В. Леонтович, «законом было постановлено, что число представителей одной из групп избирателей не может превышать общей суммы представителей других двух»[4]. Из определенного Положением 1864 г. «расписания гласных» земских уездов видно, что число городских гласных уравновешивало либо число гласных от крестьян, либо от землевладельцев, выступая балансирующей силой между двумя полюсами общественного представи-

[1] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. С. 158.
[2] Там же. С. XVI, 158.
[3] Там же С. 118–119.
[4] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / пер. с нем. И. Иловайской. М., 1995. С. 314.

тельства[1]. В исследовании А.Ю. Шутова указано, что первоначально такой принцип был предложен как временная мера[2].

Большинство представителей городских съездов относились к купцам по сословию или роду деятельности, следующими по численности группами были мещане и крестьяне[3]. Если говорить об имущественном цензе избирателей, то наиболее распространенным основанием для участия в выборах были купеческие свидетельства, владельцы недвижимых имуществ составляли небольшую часть и очень редко в списках избирателей фигурировали владельцы предприятий. При этом ведущим звеном избирателей были владельцы городской недвижимости благодаря опыту участия в выборах по городскому самоуправлению[4]. Более дворянский состав избирателей имели городские гласные от Уфы, где концентрировалось состоятельное чиновничество. В 1875–1900 гг. они занимали от 25 до 62 % мест среди выбранных от горожан[5].

Общая картина разделения земских избирателей Уфимской губернии по сословиям выглядела, по данным ЦСК за 1884 г., следующим образом: доля дворян составляла 12,4 % (против 11,9 % в среднем по России), чиновников – 1,8 (против 2,5), купцов и почетных граждан – 7,2 (против 9,9), мещан – 2,6 (против 4,3), духовенства – 0,2 (против 0,7), крестьян – 71,4 % (против 64,3 %). Данные цифры подтверждали сложившуюся закономерность преобладания доли дворян в Уфимской губернии по сравнению с соседними губерниями, где она варьировалась от 1 (Вятская) до 7 % (Самарская). Удельный вес купеческой избирательной аудитории был близок к Самарской губернии (7,9 %) и уступал Вятской (10 %), Казанской (10 %) и Пермской губерниям (11,2 %). Среди фактических участников земских выборов дворяне составляли 4,5 %, чиновники – 0,5, купцы и почетные граждане – 3,2, мещане – 1, духовенство – 0,8, крестьяне – 89,3 %[6].

---

[1] Демис Л.Н. Земство: политико-экономический сборник. С. 31–44.
[2] Шутов А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления. С. 197.
[3] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. С. 118–119.
[4] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С. 19–31.
[5] Гиневский П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. С. 3–4.
[6] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. С. XXVIII–XXIX.

Процесс выборов в уездные земства сложно поддается реконструкции. Результаты выборов отмечались в особом выборном листе, который по окончании процедуры выборов подписывали все наличные избиратели. Выборные листы в подлиннике представлялись губернатору, затем документы выборного производства передавались в соответствующую земскую управу и хранились там. В высшую инстанцию – Министерство внутренних дел передавались только выборный лист об избрании председателя и список членов губернской управы[1].

Выборные листы в фондах уездных управ не сохранились, это был внутренний документ, актуальный всего на один выборный срок – три года. Выборы регулировались множеством дополнений и поправок к закону, решениями Сената, циркулярами МВД, каждый случай подробно обсуждался в переписке земских и правительственных органов[2].

По установленному порядку до начала выборов на каждом съезде составлялся акт о прибывших на съезд избирателях, так как избираться могли только присутствующие члены собрания. Удостоверение личности избирателей предоставлялось на усмотрение самих съездов. Специальных удостоверений о достижении избирателями законного возраста или отсутствии препятствий к участию в выборах не требовалось, при открытии съезда зачитывалась ст. 17 земского Положения об ответственности за незаконное участие в нем[3]. Для признания выборов действительными на собрание должно было явиться не менее двух третей избирателей. Выборы продолжались не более двух дней, голосование было закрытое – подачей шаров.

Информация о спорных моментах земских выборов публиковалась в сборниках постановлений земских собраний. Она формировалась в ходе проверок, что относилось к компетенции земств и губернатора. Первой ступенью были земские управы, они проверяли списки гласных и дела по производству выборов – выбор-

---

[1] Демис Л.Н. Земство: политико-экономический сборник. С. 80–88.

[2] См., например: Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. С. 77– 95.

[3] Порядок предания суду за незаконное участие в земском собрании оговаривался в специальном законе от 23 мая 1879 г. (см.: ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 54, ч. 1. № 59682).

ные листы, журналы и соблюдение необходимых формальных процедур. Одновременно документы предоставлялись губернатору, который проводил собственную экспертизу. Окончательная проверка прав гласных и законности выборов принадлежала земским собраниям. Опубликование списка гласных в «Уфимских губернских ведомостях» было равнозначно утверждению избранных в составе гласных.

Выявление земскими управами нарушений, таких, как , например прохождение в 1881 г. гласными от г. Стерлитамака лиц с меньшим числом избирательных шаров, способствовало соблюдению прозрачности и законности избирательного процесса. В то же время земские управы получали возможность регулировать состав собраний. Так, в 1888 г. председатель Белебеевской управы опротестовал выбор сельским съездом в с. Бакалы двух землевладельцев – поручика А.М. Султанова и Еникеева[1]. Случай организации дополнительных выборов земской управой произошел в Златоустовском уезде. На трехлетие 1884–1886 гг. в Златоустовское уездное земское собрание было избрано 19 гласных и 7 кандидатов к ним. По расписанию гласных полагалось 23 человека, и с помощью дополнительных выборов в собрание прошли еще четверо гласных – В.В. Панцержинский, Ф.А. Злоказов, А.И. Коршунов и Ф.И. Новицкий. При этом ранее выбранный по уполномочию Е.М. Бунаковой и утвержденный в звании гласного от землевладельческого съезда дворянин Уфимского уезда А.А. Фок был «перебаллотирован», и голосованием на собрании его лишили права быть гласным. В протесте председателю XI очередного собрания А.А. Фок указал на незаконность организации повторных выборов, что по разъяснению Сената могло применяться только в отношении председателя и членов управ[2].

Этот яркий случай показывал заинтересованность отдельных представителей в обладании званием гласного. Наиболее прозрачными были мотивы екате-

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1498. Л. 19.
[2] Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии. На 1885 год. Одиннадцатой очередной сессии. Златоуст, 1886. С. 96–97.

ринбургского купца Ф.А. Злоказова, который поставил перед собранием вопрос о правомерности привлечения его к уплате земских сборов с 35 тыс. дес. земли в Мурзаларской волости[1]. Облегчение налоговой нагрузки, как актуальный вопрос ведения частного бизнеса, предприниматели Злоказовы решали постоянно в ряде уездов и с переменным успехом[2].

При поверке выборов губернаторы нередко составляли протесты по поводу избрания гласными лиц, не включенных в списки избирателей, состоящих под судом, избранных по незаконным доверенностям и другим нарушениям. Более подробное их рассмотрение позволит пролить свет на обозначенную проблему реконструкции выборного процесса, точнее – на неблаговидные стороны, попавшие в поле зрения губернатора.

В 1875 г. уфимский губернатор выступил против включения в губернское собрание гласных Златоустовского уезда чиновника, дворянина В.К. Мирецкого (после одной неудачной попытки его провели с помощью повторной баллотировки) и златоустовского купца А.И. Сорокина, против которого было начато уголовное дело. Губернское собрание обоих оставило в числе гласных, направленный в Сенат протест губернатора на выборы Сорокина остался без последствий[3]. Упомянутый Мирецкий проявлял заинтересованность к общественной службе и в дальнейшем, являясь гласным Златоустовского земского собрания с 1875 по 1885 год и в 1891–1893 гг. Причем в 1881 г. он избирался одновременно и от Уфимского уезда, но неудачно – губернатор выявил отсутствие его фамилии в списке избирателей. В выборах 1887 г. он прошел в гласные Уфимского уезда от съезда сельских обществ.

В 1882 г. начальник губернии Н.П. Щепкин передал замечания на «благоусмотрение» Уфимского уездного собрания по избранию в гласные губернского секретаря Н.В. Полякова, участвующего на съезде землевладельцев по доверенно-

---

[1] Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии... С. 387.
[2] См., например: Микитюк В.П. Род Злоказовых. Екатеринбург, 2017. С. 203–205.
[3] Сборник постановлений первого Уфимского губернского земского собрания 1875 г. Уфа, 1875. С. 8–11 ; Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 12.

сти от госпожи Веригиной, однако из документа не следовало, что они находились в родственных отношениях[1].

В безапелляционной форме действовал губернатор П.А. Полторацкий. В 1884 г. он опротестовал избрание трех землевладельцев и выборы от г. Уфы в Уфимское уездное собрание[2]. В 1887 г. им были признаны неправильными выборы по сельским съездам в с. Иглино, Енгалыш и Благовещенское и отстранены от участия в уездном собрании сразу 16 гласных, в том числе и два землевладельца.

Главным аргументом в спорных вопросах являлось право земских собраний определять законность состава гласных. Имелось немало примеров безрезультатных протестов губернаторов. По наблюдениям А.А. Ярцева, этому способствовала многоступенчатость формальных процедур по отмене выборов, в связи с чем возникали даже предложения об освобождении губернаторов от контроля за правильностью выборов[3].

Многочисленные примеры по Уфимской губернии свидетельствуют о широком применении земствами возможности защиты прав гласных вне зависимости от распоряжений администрации. Поверка прав отдельных гласных и решение их «судьбы» большинством голосов являлись важными механизмами закрепления земских избранников в собраниях, даже при грубых нарушениях.

В 1883 г. земское собрание Златоустовского уезда отклонило протест губернатора в связи с утратой права гласного священником М.И. Покровским[4]. Он был выдвинут в земство как настоятель церкви в с. Ярославка, в ведении которой состояло 33 дес. земли, и пользовался правом земского представительства в качестве уполномоченного притча с целью защиты интересов церкви[5]. После перевода М.И. Покровского на службу в с. Надеждино Бирского уезда его право защиты интересов церкви с. Ярославка теряло актуальность. Сам священнослужитель

---

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 164. Л. 44–44 об.
[2] Сборник постановлений X-го очередного Уфимского уездного земского собрания с приложениями 1884 года. С. 174–177.
[3] Ярцев А.А. Государственная власть и земские учреждения. 1864–1890 : дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2013. С. 417.
[4] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1883. Вып. 3. С. 3–7.
[5] Там же. С. 4.

обосновывал свое право оставаться гласным Златоустовского земского собрания выраженным ему доверием избирателей на съезде крупных землевладельцев, на которое он явился уже как уполномоченный съезда мелких землевладельцев, а не как представитель церкви. В 1884 г. Златоустовское собрание на протест губернатора по выбору уполномоченных на Дуванском съезде мелких землевладельцев вынесло единогласное решение: признать избрание на съезде крупных землевладельцев священника М.И. Петропавловского и 15 крестьян с. Тастуба, Дуван и Емаши действительным.

Стерлитамакское собрание 1881 г. рассмотрело замечания губернатора на нарушение порядка выборов по Ново-Карамалинскому сельскому съезду и, не найдя существенных противоречий закону, допустило гласных к участию в собрании. Уездное земское собрание 1887 г. также не приняло замечания губернатора о неправильном выборе М.Ш. Резяпова и А.П. Филатова, выдвинув обоснования законности их избрания[1].

После выхода Положения 12 июня 1890 г. контроль за выборным процессом перешел к Губернскому по земским делам присутствию. Контроль специального органа, а также распространение на председателей управ прав государственной службы стали главными стимулами для снижения нарушений выборного процесса.

Положение 1890 г. закрепило сословный избирательный принцип и обеспечило дворянствубольшинствов местном самоуправлении. Большое значение данные изменения имели для отдаленных от центра крестьянских уездов Урало-Поволжья, где немногочисленное дворянство надежно защищалось от поглощения в земских собраниях буржуазией и зажиточными крестьянами. Причем на примере приведенного выше анализа избирательных списков можно наблюдать, что уже с середины 1880-х гг. местная администрация совместно с земской вы-

[1] Сборник постановлений XIII очередной сессии Стерлитамакского уездного земского собрания 1887 года. Уфа, 1889. С. 5–6.

борной элитой на практике апробировала сословный принцип при формировании избирательных списков.

Рассмотрим организацию земских учреждений Уфимской губернии после реформы 1890 г. Согласно новому расписанию числа гласных в земских собраниях по новому закону, число сельских избранников по Уфимской губернии сократилось вдвое (см. табл. 3).

Таблица 3 – Численность гласных уездных и губернского земских собраний Уфимской губернии по Положению 1890 г.

Уезд	Число гласных в уездных земских собраниях				Число гласных в губернском земском собрании
	от первого избирательного собрания	от второго избирательного собрания	от сельских обществ	итого	
Белебеевский	18	3	9	30	4
Бирский	18	3	9	30	4
Златоустовский	3	3	9	15	2
Мензелинский	20	3	10	33	5
Стерлитамакский	18	4	9	31	6
Уфимский	23	5	12	40	7
Итого	100	21	58	179	28

Источник: ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 10, ч. 2. Прил. «Штаты и табели». С. 381.

Представительство дворян и чиновников в собраниях увеличивалось также за счет гласных по должности – представителей ведомств, председателей управ, предводителей дворянства. При этом особенно изменился состав губернских собраний. Так, состав гласных Уфимского губернского земского собрания 1902 г. состоял из 26 гласных по избранию и 19 по должности[1], 1913 г. – из 28 гласных и 15 соответственно по должности[2].

[1] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXVII очередное собрание 1901 года. Уфа, 1902. С. 1–2.

[2] Сборник постановлений 45 чрезвычайного Уфимского губернского земского собрания 1 июля 1913 года. С приложением докладов губернской управы. Уфа, 1913. С. VI–VII.

По новому Положению избиратели с имущественным цензом голосовали на двух собраниях: в первом голосовали дворяне потомственные и личные, во втором – все остальные, включая городских избирателей. По такому же принципу делились избирательные съезды уполномоченных. Для мелких землевладельцев нижний порог ценза, дающего право на участие в предварительных съездах, повышался с 1/20 до 1/10 полного ценза, то есть с 12,5 до 25 дес. земли в Уфимском и Мензелинском уездах и с 17,5 до 35 дес. во всех остальных.

Положение 1890 г. существенно ограничило избирательные права крестьян за счет сокращения их численности в собраниях, а также путем изменения процедуры выборов. В результате представители волостей – основных сельских единиц были представлены в собраниях еще меньше. Если по Положению 1864 г. из 182 волостей Уфимской губернии 117 (64 %) имели своих гласных в собрании, то после 1890 г. это количество сократилось до 58 (32 %)[1]. Сельские выборные подлежали утверждению губернатора, который определял также и очередность кандидатов на замену выбывающих гласных.

Сокращались также избирательные права крестьян, покупающих землю помимо своего надела. По Положению 1864 г. они могли голосовать на собраниях землевладельцев как собственники и на сельских выборах как члены сельских обществ. После 1890 г. собственники, состоящие в сельских обществах, уже не голосовали во втором избирательном съезде землевладельцев[2].

Массовые крестьянские выступления и недовольства в период Первой русской революции заставили правительство вернуть прежние права крестьянских гласных. Был принят указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», который восстановил прежний порядок выборов сельских гласных, а также право

[1] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXIX очередной сессии 1903 года. Казань, 1904. С. 993.
[2] Там же. С. 1005.

собственников – членов сельских обществ участвовать в избирательных собраниях землевладельцев[1].

Наряду с уменьшением крестьянских гласных в земских собраниях, Положение 12 июня 1890 г. закрепило большинство за сельскими гласными в крестьянских уездах. В Уфимской губернии это был Златоустовский уезд. По всей России число крестьянских по составу земских собраний возросло с 19 до 25[2]. Таким образом, главной целью правительства становились эффективная работа земства и устранение при этом формальных препятствий в виде обеспечения необходимого сословного представительства.

По земскому Положению 1890 г. проверка законности выборов гласных относилась к компетенции Губернского по земским делам присутствия, куда губернатор передавал выявленные им нарушения, а также заявления о неправильном ходе выборов от частных лиц. Обратим внимание на выделенные Л.А. Жуковой указания МВД, разъясняющие пределы полномочий губернаторов в сфере выборов, последовавшие в 1892 г. Так, начальник губернии решал вопросы разделения избирательных собраний на отделения и назначения числа гласных, подлежащих выбору в них, сроков созыва избирательных собраний и назначения председателей в них[3]. Подобное сопровождение процесса управления отдельными сегментами административной системы через циркуляры стало характерной чертой самодержавной бюрократической машины пореформенного периода, которая была вынуждена, с одной стороны, приспосабливаться к необходимым изменениям, вводимым современным законодательством, но с другой – сохранять контроль над ситуацией и ограничивать демократические процессы.

В Уфимской губернии резкого обезземеливания дворян при обилии доступных земель не было, поэтому для всех уездов сохранился прежний земель-

[1] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 26, ч. 1. № 28392.
[2] Демин И.Ю., Шутов А.Ю. Об историческом опыте и традициях русского земства // Земская идея в истории социально-политической мысли России. Т. 1. С. 23.
[3] Жукова Л.А. Земское самоуправление и самодержавие в конце XIX – начале XX века // Земское самоуправление в России. 1864–1918. Кн. 1. С. 259–260.

ный ценз. Тенденция роста земель у крестьян-собственников и сокращения помещичьего землевладения отчетливо обозначилась с начала XX в. (см. табл. 4).

Таблица 4 – Распределение земельной собственности в Уфимской губернии в 1886–1911 гг.

Группы владельцев	Количество земельной собственности (в дес.)		
	1886 г.	1905 г.	1911 г.
Башкиры-вотчинники	4 352 200	3 514 737	3 461 910
Башкиры-припущенники	1 072 146	1 608 328	1 608 535
Крестьяне из временнообязанных	778 979	889 068	941 366
Крестьяне собственники	958 024	1 672 027	2 085 090
Удельное ведомство	100 729	159 028	133 265
Казна	849 302	539 431	516 010
Церкви и монастыри	9 543	16 009	4 916
Дворяне	2 007 441	1 435 821	1 083 544
Города	16 683	16 536	19 752
Купцы и мещане	573 291	488 887	427 432
Итого	10 718 338	10 339 872	10 281 820

Составлена по: Обзор Уфимской губернии за 1883 год. Уфа, 1884. С. 2–3 ; Обзор… за 1886 год. Уфа, 1887. С. 1 ; Обзор… за 1903 год. Уфа, 1904. С. 5 ; Обзор… за 1904 год. Уфа, 1905. С. 5 ; Уфимский земский календарь на 1912 год. Уфа, 1912. С. 25.

Данные об изменении землевладения с 1886 по 1911 год свидетельствуют, что к 1905 г. участки крестьян-собственников выросли по сравнению с 1883 г. в 1,9 раза, или с 904 135 дес. до 1 672 027 дес., а помещичье землевладение сократилось в 1,4 раза, или с 2 051 444 до 1 435 821 дес. К 1911 г. земельная собственность крестьян выросла в 1,3 раза, такими же темпами уменьшалось дворянское землевладение. При этом в крупном частном землевладении у дворян не было конкурентов. По данным Х.Ф. Усманова, в Уфимской губернии из 598 крупных имений 343 принадлежали помещикам, владеющим 71 % частновладельческих

имений[1]. К началу XX в. по уездам мелкие землевладельцы распределялись следующим образом: Уфимский уезд – 4 984 человека (60,2 %), Стерлитамакский – 1 440 (17 %), Мензелинский – 365 (4 %), Златоустовский – 19 (0,2 %), Бирский – 898 (11 %), Белебеевский – 575 человек(7 %). В Уфимском уезде, по данным земства на 1903 г., число владельцев с цензом ниже установленного доходило до 8 281 с земельной собственностью в 99 554 дес., у них было 398 полных цензов[2], но в избирательные списки включалась малая толика мелких собственников.

При учете всех частных земель (купеческих, крестьянских и пр.) соотношение земельной собственности и земского представительства отражает табл. 5.

Таблица 5 – Соотношение земельной собственности и представительства сословий в земских собраниях Уфимской губернии, 1902 г.

Уезд	Количество земли (%), принадлежащее			Количество гласных (%) в уездных собраниях		
	дворянам	другим сословиям	надельным крестьянам	дворян	других сословий	крестьян
Белебеевский	10,4	19,6	70	60	10	30
Бирский	7	11	82	60	10	30
Златоустовский	15,5	0,5	84	20	20	60
Мензелинский	9,8	8,0	82,2	60	9,0	30,4
Стерлитамакский	15	24	61	58	13	29
Уфимский	36,3	21,6	42,1	57,5	12,5	30
По губернии	16	14	70	55,8	11,8	32,4

Источник: Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXIX очередной сессии 1903 года. Казань, 1904. С. 996.

Как видно, дворянам принадлежало 16 % всех земель, но при этом они занимали около 60 % мест в собраниях. Сословные ограничения и искусственно увеличенная квота для дворян нередко приводили к недобору гласных и фиктивности выборов. Исследование хозяйственного департамента Министерства внут-

[1] Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958. С. 25.
[2] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXIX очередной сессии 1903 года. С. 999–1000.

ренних дел за 1897–1898 гг. выявило, что в большинстве земских уездов из-за отсутствия участников выборы не могли состояться. По Уфимской губернии в 1897 г. во всех уездах, кроме Уфимского, был недобор гласных от первого собрания и проводились практически формальные выборы гласных второго собрания. Участие дворян в съездах уполномоченных составило в среднем по уездам всего 2 % наличного состава указанной группы избирателей (по данным ЦСК за 1884 г. эта цифра была равна 7 %), численность действительных участников второго съезда не превышала 7 % общего числа избирателей[1].

По данным земских управ, на выборы Стерлитамакского земства в 1897 и 1900 гг. являлось ровно столько участников, сколько полагалось выбрать. В Бирском земстве в выборах землевладельцев на трехлетие 1891–1893 гг. недобрали шестерых гласных, на 1893–1896 гг. пятерых гласных выбрали заочно, на 1897–1899 гг. – недобрали четырех гласных, в Стерлитамакском земстве на срок 1900–1903 гг. недобрали четырех гласных землевладельцев. По сообщению Белебеевской управы, многие крупные землевладельцы жили в Петербурге, Москве, Ялте, за границей и избирательное право ценилось ими очень мало[2].

Недостаток общественной конкуренции способствовал закреплению отдельных семейных кланов в собраниях. В Мензелинском уезде дворяне Пальчиковы и Ружевские пополнили уездное собрание пятью представителями двух поколений. Согласно списку гласных уездных земств за 1875–1914 гг., после отцов на общественную службу выдвигались сыновья (36 случаев), иногда в собрании состояли одновременно родные братья (27 случаев) или отец и сын (13 случаев), видимо, владельцы неразделенных имений[3].

Существенно изменилась ситуация вокруг земских выборов с оживлением общественно-политического климата в стране в парламентский период. После публикации земскими и городскими управами списков лиц, имеющих право избираться в Государственную думу, списки собственников стали более подробны-

---

[1] Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. С. 70–71.

[2] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями XXIX очередной сессии 1903 г. Белебей, 1904. С. 436–437.

[3] Подсчитано по: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 221–233.

ми и прозрачными, что повлекло расширение круга земских избирателей съездов уполномоченных. Одновременно в Уфимской губернии вводились новые оценки имущества, которые прямо влияли на увеличение количества избирателей за счет повышения ценности имуществ. Таким образом, на активизацию выборного процесса оказывали влияние как политические, так и рыночные факторы.

По данным земства, мелкие землевладельцы-дворяне активно участвовали в выборах 1912 г. в Мензелинском уезде, не уступая по численности цензовым избирателям, а в Бирском и Белебеевском уездах даже превысили число присутствующих землевладельцев с цензом, однако занять места в собраниях им не удалось[1]. По данным избирательных списков, количество и ценность неземельной собственности резко возросли, также среди съездов уполномоченных непривилегированных сословий резко выросла численность крестьян. Численный состав земского электората и его имущественный ценз по уездам после 1890 г. отражены в табл. 6–11.

В Уфимском уезде с максимальным представительством дворян наиболее рельефно проявились изменения в экономическом положении главного сословия. Данные табл. 6 свидетельствуют, что вплоть до выборов 1906 г. крупные дворяне-собственники сохраняли ведущие позиции численно и по размеру землевладения среди цензовых избирателей, хотя их круг неуклонно сужался. К 1912 г. избиратели дворяне по средним размерам собственности (без учета земель владельцев заводов) уступили первенство недворянскому электорату. Средний размер собственности 63 дворян-избирателей составил 924 дес., а 68 землевладельцев второго (недворянского) съезда – 1 194 дес.[2]

Среди мелкопоместных дворян Уфимского уезда шли аналогичные процессы утраты земель. В этот же период уменьшается численность избирательных собраний непривилегированных держателей ценза – с 81 человек в 1894 г. до 17 в

[1] Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1913. С. 182–183.

[2] Список лицам, имеющим право голоса в первом избирательном съезде Уфимского уезда ; Список лицам, учреждениям, обществам, товариществам и компаниям, имеющим право непосредственного голоса во втором избирательном собрании Уфимского уезда // Уфимские губернские ведомости. 1912. 30 июня. Прил.

1906 г. Сокращалась численность дворян и в избирательных съездах уполномоченных – с 58 в 1894 г. до 16 человек в 1906 г.

Таблица 6 – Численность и имущественный ценз земских избирателей Уфимского уезда в 1894–1912 гг.

Год и собрание избирателей[1]		Избиратели					
		с цензом			уполномоченные		
		число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (р.)	число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (тыс. р.)
1894	I	150	914	1,2 млн	58	8,5	44.
	II	81	128	481,6 тыс.	132	4,4	371
1897	I	143	640	–*	55	3,8	48
	II	78	115	387,5 тыс.	134	5,5	282
1903	I	111	602	–	23	1,7	27
	II	63	84	70,7 тыс.	117	1,7	346
1906	I	101	542	1,6 млн	16	1,1	15
	II	17	–	–	178	4,7	445
1912	I	78	452	–	118	4,9	425
	II	155	82	7,2 млн	866	24,6	2000

Составлена по спискам избирателей в Уфимское уездное земское собрание. См.: Уфимские губернские ведомости. 1884. 30 апр. Прил. ; 1897. 12 февр. Прил. ; 1903. 1, 2, 4, 5 марта ; 1906. 12 янв., 12, 16 марта ; 1912. 17 марта, 30 июня. Прил.

* Здесь и далее в табл. 7–22 тире означает отсутствие сведений.

В 1912 г. земский электорат отразил складывание новой экономической ситуации. Собственность избирателей непривилегированных слоев выражалась зна-

[1] В Табл. 6–11 приняты обозначения собраний избирателей: I – земские избиратели-дворяне, II – земские избиратели непривилегированных сословий.

чительными цифрами ценности облагаемых имуществ – 7,2 млн р. у представителей второго съезда (цензовиков) и 2 млн р. у избирателей-уполномоченных.

В 1912 г. впервые в истории земских выборов съезды уполномоченных избирателей с неполным земельным цензом состояли в большинстве из крестьян. По нашим подсчетам, в Уфимском уезде их было соотвественно 370 из 472 человека. Здесь проявилось влияние сразу ряда факторов – активизации купли-продажи земель после аграрной реформы Столыпина, применения новых оценок объектов земского налогообложения, повысивших доходность земель, городской недвижимости и в меньшей мере торгово-промышленных объектов, а также роста торговли и предпринимательства среди простых сословий.

В то же время произошла резкая убыль избирателей среди дворян с цензом и заметно выросла численность дворян в собрании уполномоченных (более чем в семь раз), еще больше (в 28 раз) выросла ценность их собственности, преимущественно неземельной. В собрании уполномоченных фигурировали многие представители известных фамилий, некогда представлявших цензовый электорат: В.Э. Ляхов, А.А. Зеленцов, М.С. Биглов, В.И. Базилевский, Е.К. Топорнин. Теперь они выступали как собственники неземельной недвижимости (вид собственности в опубликованных списках не был указан), предприниматели.

Схожая тенденция переориентации дворян с земель на «мелкий бизнес» (небольшие предприятия), только в меньших масштабах проявилась в других уездах (см. табл. 7, 8, 9, 10).

В Мензелинском уезде отличительной особенностью дворянского избирательного съезда было медленное сокращение его численности по сравнению со всеми остальными уездами Уфимской губернии (см. табл. 7). С 1894 по 1912 год представительство цензовых помещиков уменьшилось всего в 1,2 раза – с 74 до 63 человек. Вместе с тем убыль их земельной собственности происходила быстрее – в 6,5 раза.

Среди мензелинских дворян также росло предпринимательство: с 1903 по 1906 год ценность объектов их бизнеса возросла более чем в 12 раз. Круг непри-

велигированного электората из предпринимателей был неустойчивым, тенденция его количественного и качественного роста обозначилась только в период 1906–1912 гг. В съезде уполномоченных от непривилегированных сословий из 232 избирателей собственников земли было 207 человек, из них подавляющее большинство – 161 человек составили крестьяне[1].

Таблица 7 – Численность и имущественный ценз земских избирателей Мензелинского уезда в 1894–1912 гг.

Год и собрание избирателей		Избиратели					
		с цензом			уполномоченные		
		число избира-телей	у них земли (тыс. дес.)	оценка не-движимого имущества (в тыс. р.)	число избира-телей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (тыс.р.)
1894	I	74	96,8	–	20	1,7	–
	II	15	28,4	–	31	1,8	25,7
1897	I	65	82,8	16,7	14	1	–
	II	17	46,9	314,9	40	2,4	9,3
1900	I	53	64,1	–	18	1,8	–
	II	17	45,7	–	39	2,4	6,9
1903	I	57	68,8	19,8	15	1,7	–
	II	27	48,5	–	36	1,8	11,0
1906	I	58	6,9	248,0	19	2,8	10,0
	II	20	36,7	82,4	62	8,4	43,3
1912	I	63	14,8	–	25	1,7	41,6
	II	40	40,7	336,3	232	18,4	127,8

Составлена по спискам избирателей в Мензелинское уездное земское собрание. См.: Уфимские губернские ведомости. 1894. 26 марта. Прил. ; 1897. 19, 21, 28 февр., 2 марта ; 1900. 16, 17 марта; 1903. 16, 18, 21, 25 марта, 31 мая, 1 июня ; 1906. 18, 20, 25, 26, 27 янв. ; 1912. 4 апр., 27 июня. Прил.

[1] Список лиц, имеющих право участия на основании 24 и 31 ст. … во втором земском избирательном съезде // Уфимские губернские ведомости. 1912. 4 апр. Прил.

В Белебеевском уезде численность дворян с цензом сократилась за 1894–1912 г. в 2,6 раза, их земельная собственность уменьшилась в 3,5 раза (табл. 8).

Таблица 8 – Численность и имущественный ценз земских избирателей Белебеевского уезда в 1894–1912 гг.

Год и собрание избирателей		Избиратели					
		с цензом			уполномоченные		
		число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (тыс. р.)	число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (тыс. р.)
1894	I	162	225,1	9,8	36	6,3	6,1
	II	45	60,1	–	49	7,5	–
1897	I	159	218,8	–	34	6,1	–
	II	47	48,5	453,0	80	9,8	–
1900	I	123	–	–	43	8,3	–
	II	45	–	–	107	16,1	9,8
1906	I	Нет сведений					
	II	69	85,3	359,7	616	28,6	
1912	I	63	64,9	209,9	147	1,0	45,4
	II	63	98,7	–	534	64,2	

Составлена по спискам избирателей в Белебеевское уездное земское собрание. См.: Уфимские губернские ведомости. 1894. 7 мая. Прил. ; 1897. 28, 31 янв. ; 1900. 22 янв., 12, 23, 26 февр. ; 1906. 20, 24 июля ; 1912. 21 июля. Прил.

В 1906–1912 гг. непривелигированный электорат по ценности земельной и торгово-промышленной собственности обогнал дворян. Съезды уполномоченых увеличили свою численность всего за одно трехлетие – с 1906 по 1912 г. почти в

три раза – со 107 до 616 человек. Причем среди тех, кто владел землей, большинство составили крестьяне – 398 из 534 человек.

В Стерлитамакском уезде численность цензовых дворян за то же время сократилась в 1,7 раза, их земельная собственность – в два раза (табл. 9).

Таблица 9 – Численность и имущественный ценз земских избирателей Стерлитамакского уезда в 1894–1912 гг.

Год и собрание избирателей		Избиратели					
		с цензом			уполномоченные		
		число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (р.)	число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (р.)
1894	I	97	349,8	–	17	3,5	11,1 тыс.
	II	42	104,7	–	45	7,4	–
1897	I	93	158,5	–	22	5,9	–
	II	56	101,7	–	92	13,6	–
1900	I	79	281,3	–	22	3,3	–
	II	41	111,2	–	99	9,1	83,1 тыс.
1903	I	62	450,3	–	22	2,9	2,2 тыс.
	II	50	157,3	–	25	2,3	–
1912	I	57	173,6	1,2 млн	23	2,8	54,8 тыс.
	II	101	166,5	1,3 млн	1065	63,9	1,4 млн

Составлена по спискам избирателей в Стерлитамакское уездное земское собрание. См.: Уфимские губернские ведомости. 1894. 11 июня. Прил. ; 1897. 14, 15, 17, 22 янв. ; 1900. 18, 19, 23 марта, 4 апр. ; 1903. 25, 30 апр., 3, 17 мая, 27, 29, 31 июля, 6 авг. ; 1912. 14 июля. Прил.

До 1912 г. первое (дворянское) собрание (без учета 109,5 тыс. дес. земли наследников заводовладельцев Пашковых) было представлено 44 землевладельцами со средним размером собственности по 1 230 дес. В то же время 77 земле-

владельцев второго избирательного собрания имели в среднем по 2 108 дес.[1] Представительство дворян-уполномоченных с выборов 1900 г. оставалось почти неизменным при уменьшении их земельной собственности и росте других видов имущества. Ценность последних в 1903 г. составила 2,2 тыс. р., а в 1912 г. – уже 54,8 тыс. р. В 1912 г. дворянское собрание цензовых избирателей впервые уступило по численности второму собранию, но по размерам собственности оно оставалось ведущим. Собрание уполномоченных второго избирательного съезда в 1912 г. оказалось максимально многочисленным по губернии – более 1 тыс. человек, причем среди 704 землевладельцев было 644 крестьянина.

В 1894–1912 гг. в Бирском уезде собрание цензовых дворян уменьшилось в 1,7 раза, их земельная собственность – в 3 раза (см. табл. 10). С 1906 по 1912 год в 1,5 раза уменьшился средний размер их земельной собственности – с 2,6 тыс. до 1,8 тыс. дес.

Среди уполномоченных, как и в остальных уездах, дворяне составляли меньшинство. В 1912 г. их численность увеличилась за счет владельцев неземельных имуществ. Наиболее состоятельные собственники неземельных имуществ были представлены в 1912 г. собранием цензовых избирателей недворянского происхождения. Ценность их предприятий составляла почти 3 млн р., уступая только показателям собственников Уфимского и Златоустовского уездов. Среди уполномоченных землевладельцев было максимальное число крестьян – 251 из 261 чел.

В Златоустовском уезде съезд цензовых избирателей вплоть до 1912 г. был очень малочислен, что делало практически невозможными полноценные выборы. Собрания уполномоченных состояли почти сплошь из владельцев торгово-промышленных заведений. Итог повышения земских налогов, согласно новым оценкам после 1910 г., можно наблюдать по стремительному росту числа избира-

[1] Список имеющих право участия в первом земском избирательном собрании ; Список лиц, имеющих право участия во втором земском избирательном собрании // Уфимские губернские ведомости. 1912. 14 июля. Прил.

телей уполномоченных Златоустовского уезда. Из 551 избирателя 346 человек, или 63 %, составили владельцы жилых домов[1].

Таблица 10 – Численность и имущественный ценз земских избирателей Бирского уезда в 1894–1912 гг.

Год и собрание избирателей		Избиратели					
		с цензом			уполномоченные		
		число избирателей	количество земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (р.)	число избирателей	количество земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (р.)
1894	I	61	201,7	1,5 тыс.	11	1,2	–
	II	19	58,1	6,6 тыс.	23	2	3,8 т.
1897	I	63	188,6	–	16	2	–
	II	26	56,7	6,6 тыс.	29	10,4	92,4 тыс.
1900	I	66	178	–	15	1,5	3,4 тыс.
	II	32	44,7	–	52	3,9	90 тыс.
1903	I	49	118,9	18 тыс.	11	1,5	–
	II	40	106,8	63,4 тыс.	66	5,7	57,6 тыс.
1906	I	42	107,8	–	14	2,5	–
	II	39	105,4	–	94	8,6	3 тыс.
1912	I	36	63,1	207,5 тыс.	23	1,7	60,9 тыс.
	II	96	11,2	2,9 млн	547	19,2	1,3 млн

Составлена по спискам избирателей в Бирское уездное земское собрание. См.: Уфимские губернские ведомости. 1894. 15 апр. Прил. ; 1897. 13, 15, 18, 20 февр. ; 1900. 27, 29 февр., 1, 2 марта ; 1903. 6–9 марта ; 1912. 4 авг. Прил.

[1] Список имеющих право участвовать во втором избирательном съезде для выбора уполномоченных во 2-е избирательное собрание по Златоустовскому уезду… // Уфимские губернские ведомости. 1912. 5 сент. Прил.

Тенденция заключалась в том, что земельный ценз перестал быть основным видом собственности, дающей доступ к земским выборам для избирателей второго собрания и особенно для участников предварительных съездов после появления оценочного закона 1893 г. и перехода к планомерному учету неземельных объектов обложения.

Таблица 11 – Численность и имущественный ценз земских избирателей Златоустовского уезда в 1894–1912 гг.

Год и собрание избирателей		Избиратели					
		с цензом			уполномоченные		
		число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (тыс. р.)	число избирателей	у них земли (тыс. дес.)	сумма оценки недвижимого имущества (тыс. р.)
1894	I	10	177,8	–	–	–	–
	II	4	13 т.	–	13	–	33,4
1897	I	9	176	–	–	–	–
	II	7	13,5	64,6	13	–	44
1900	I	14	166,2	–	–	–	–
	II	6	1,6	49,5	9	–	22,9
1903	I	5	175,9	778,8	–	–	–
	II	2	–	85,6	17	–	55,1
1906	I	Нет сведений					
	II	–	–	–	16	–	42,7
1912	I	5	139,5	45,8	18	212,3	69,1
	II	46	13,4	5,3 000	551	655	2 000

Составлена по спискам избирателей в Златоустовское уездное земское собрание. См.: Уфимские губернские ведомости. 1894. 26 февр. Прил. ; 1897. 7, 12, 14 февр. ; 1900. 14–17 марта; 1903. 8 февр., 20, 21 мая ; 1906. 20 марта, 20 июня ; 1912. 20 июня, 5 сент. Прил.

Собственники торгово-промышленных предприятий преобладали во втором избирательном собрании Уфимского, Бирского и Златоустовского уездов, а также в собраниях уполномоченных Бирского и Златоустовского уездов.

Несмотря на существенные перемены в составе избирательных съездов и рост активности мелких собственников, контроль над выборным процессом сохраняли дворяне с цензом. По свидетельству современника, «земские выборы делала группа помещиков средней руки», которые в свою очередь выдвигались при поддержке крупных землевладельцев, заинтересованных в выборе в Государственную думу и Государственный совет[1].

Обеспечение соответствующего правящему курсу земского представительства требовало постоянного внимания местных и центральных властей. Со стороны общественности, земских органов и правительственных структур признавалась необходимость расширения круга участников земского самоуправления. В начале XX в. земский избирательный закон воспринимался как безусловный архаизм, требующий скорейшей модернизации. Это подтверждал и кардинально новый расклад земских избирателей Уфимской губернии на выборах трехлетия 1912–1915 гг.

***

Распространение земской реформы на территории Уфимской губернии, до отмены крепостного права имевшей статус национальной окраины с военной системой управления, стало крупным шагом на пути дальнейшей интеграции края в социально-экономическое пространство России.

Правительство придерживалось тактики постепенного распространения общероссийских порядков на башкир, мишарей и тептярей. Оно ввело 10-летний «льготный срок», сохраняющий прежние размеры податей, к окончанию которого было приурочено введение земской реформы в Уфимской губернии. Определение контуров земского самоуправления в губернии со специфическими исторически сложившимися особенностями – преобладанием нерусского населения, наличием вотчинного землевладения и традициями военного управления шло при активном

[1] Л.Г. Заметки о земских учреждениях // Уфимский вестник. 1914. 16 дек.

участии губернаторов. Переход от прежнего кантонного управления к новым гражданским и земским учреждениям был совершен при помощи башкирского чиновничества, сформированного в первой половине XIX в.

Земские учреждения Уфимской губернии способствовали реализации в уездах либеральных реформ – судебной и народного образования. Посредством земских собраний был сформирован слой служащих новых учреждений – непременные члены крестьянских присутствий, мировые судьи, инспекторы народных училищ и выборные представители коллегиальных учреждений. Это способствовало расширению функций местного и государственного управления в целом. Институционально власть стала больше связана с обществом.

Изучение состава земского электората показало, что среди цензовых участников выборов вплоть до начала XX в. представители дворянства оставались вне конкуренции. Мелкие землевладельцы составили большую долю среди земских избирателей уже ко времени введения земства в Уфимской губернии. В колонизируемых земледельческих волостях Белебеевского и Стерлитамакского уездов Уфимской губернии обозначилась выявленная Л.Г. Захаровой в отношении большинства центрально-промышленных, южных степных и юго-восточных губерний тенденция увеличения крестьян-собственников[1].

Местная администрация и представители земских исполнительных органов регулировали численность мелких собственников в составе земского электората. В ходе избирательного процесса практика ограничения их выборных прав наблюдалась в ходе вторых земских выборов в 1878 г. и оформилась в 1884 и 1887 гг. Этот показало, что введению сословного принципа комплектования земских собраний Положением 1890 г. предшествовала его апробация на местах губернскими и земскими учреждениями. Но, несмотря на все сдерживающие преграды, создаваемые властными органами, закрепленные при поддержке Государственного совета принципы избирательного права, направленные на либерализацию общественного представительства, имели свои результаты.

[1] Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. С. 13–27, 166–171.

Административное воздействие на результаты выборов нивелировалось закрепленными земским Положением правами собраний и управ определять ход и результаты выборов, что обеспечивало им защиту собственных интересов как самостоятельных органов управления.

Земские учреждения способствовали распространению в Уфимской губернии модернизационных процессов по общеземской модели Европейской России. Так, состав земских избирателей определяли не только социально-экономическая ситуация, но и рост налоговых ставок земских учреждений, расширяющих круг обладателей избирательного ценза. Изменение соотношения собственников в избирательных собраниях в пользу непривилегированных избирателей во время последних предвоенных выборов в земство в 1912 г. явилось результатом переоценки недвижимости в ходе повышения земских налогов и было схоже с процессами, протекающими в других губерниях[1]. План двуединой реформы, когда вместе с формированием земских учреждений шла унификация административно-государственного управления окраинными губерниями, в Уфимской губернии решил также назревший вопрос включения башкир с их вотчинным землевладением в общероссийское экономическое пространство и общеправовой порядок.

[1] См.: Кобзева Т.А. Земская избирательная система и выборы в местные органы самоуправления в 1907–1916 гг. (на материалах Симбирской губернии) // Власть. 2011. № 1. С. 113–117.

ГЛАВА III. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УФИМСКИХ ЗЕМСТВ

§ 1. Земские собрания и управы как субъекты местного самоуправления

Учреждения земского самоуправления были представлены распорядительными органами – земскими собраниями и исполнительными органами – управами с их выборными и наемными служащими. От состава и внутреннего взаимодействия указанных субъектов зависела эффективность земского самоуправления в том или ином уезде и в конкретной губернии. Выше было указано на связь земства с административной системой местного управления через участие в работе правительственных учреждений, переплетение кадрового состава государственного и земского ярусов управления. Для исследования внутренних факторов жизнеспособности земского института требуется анализ работы собраний, управ и персонального состава местного самоуправления. Они, в свою очередь, были связаны с территориально-климатическими, экономическими и этнографическими условиями уездов.

Земская реформа повысила значение уезда как субъекта местной системы управления. Вместо «пассивной податной единицы»[1] возникли самостоятельные в хозяйственно-финансовом отношении административно-территориальные единицы управления. Уезды Уфимской губернии значительно превышали среднюю площадь российских уездов – 17 868 кв. верст против 8 328 кв. верст[2]. По величине Бирский уезд занимал 19,8 %, Белебеевский – 18,8 Стерлитамакский – 17,5, Златоустовский 17,2 и Мензелинский – 10,6 % территории губернии. Площадь Уфимской губернии была обширнее ряда европейских государств – Дании, Бельгии, Греции, Нидерландов, Португалии, Швейцарии[3].

Главную роль земская реформа отводила местным дворянам, которые встали во главе управления обширным местным хозяйством всего уезда и губернии.

---

[1] Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1. С. 159–179.

[2] Кантимирова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа ; Стерлитамак, 2000. С. 26.

[3] Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел : в 65 т. СПб., 1877. Т. 45 : Уфимская губерния. С. II.

После отмены крепостного права их главным богатством, с которым связывался хозяйственный потенциал, была земля.

По данным на 1873 г., в Уфимском уезде помещичьи земли занимали 43 % частного землевладения, в Стерлитамакском – 18, Мензелинском – 12, Белебеевском – 9 и Бирском уезде – 5 %[1]. В многоземельном Башкирском крае самая многочисленная, по российским меркам, мелкопоместная часть русского дворянства была представлена редко. По сведениям В.В. Морозан, в 1853 г. в Оренбургской губернии проживало 0,5 % данного слоя помещиков в 36 губерниях, или 277 из 57 854 семей[2].

При учете установленного для губернии земельного ценза от 250 до 350 дес. и предложенными в научной литературе градациями собственность до 500 дес. можно рассматривать как среднепоместную, от 500 до 1 тыс. дес. – как крупную, свыше 1 тыс. дес. – как крупнейшую[3]. По сведениям, приводимым А.И. Васильчиковым, в начале 1870-х гг. в Уфимской губернии насчитывалось 231 человек (почти 20 % всех собственников), владеющих более 1 тыс. дес., им принадлежало 89 % частновладельческого земельного фонда. 477 человек (около 40 % собственников) имели до 100 дес. земли, 341 человек (29 %) – от 100 до 500 дес., 128 человек (около 11 %) – от 500 до 1000 дес. земли. Эти данные сильно отличались от средних показателей по стране, где владельцы мелких участков до 100 дес. составляли 77 %, а собственники участков свыше 1 тыс. дес. – всего 5 % общего числа землевладельцев[4].

---

[1] Памятная книжка Уфимской губернии : с статистической картой губернии : в 2 ч. / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа, 1873. Ч. 1 : Статистическая. С. 7.

[2] Морозан В.В. Мелкопоместное дворянство центрально-земледельческого района России в XIX веке // Труды исторического факультета СПбГУ. 2012. № 9. С. 24–25.

[3] См., например: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 86.

[4] Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1881. Т. 1. С. 500–501 ; см. также сведения о землевладении отдельных фамилий уфимских помещиков: Роднов М.И. Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012 : мир южноуральской усадьбы / отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 111–120 ; Его же. Судьба помещичьего хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) // Река времени. 2011 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2011. С. 55–72, 125–144 ; Уфимские помещики: типы источников, виды документации / Ю.М. Абсалямов, Г.Б. Азаматова, А.В. Гайнуллина, М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова. Уфа, 2013. С. 27–58.

Наряду с собственниками латифундий, в земских управах и собраниях состояли помещики, имеющие опыт административной деятельности в губернских и уездных учреждениях, судах и полиции. Это позволило земским органам быстро занять собственную нишу в местном управлении.

Активную часть земских гласных составили крупнопоместные землевладельцы, роль которых была особенно важна в период деятельности земств по Положению 1864 г. В Уфимском уезде к ним относились А.Д. и Д.Д. Дашковы, в Стерлитамакском – Д.Н. Дурасов, Н.А. Заварицкий, Белебеевском – И.М. Бунин, Мензелинском – И.И. Мазуревский, М.М. Останков, Бирском уезде – И.Г. Жуковский и др.

На особенности каждого уездного земства накладывали отпечаток такие факторы, как численность помещиков и уровень развития землевладельческих хозяйств, плотность и этноконфессиональный состав населения, хозяйственная освоенность территории, культурно-бытовые традиции и др.

Важным моментом в становлении процесса самоуправления было достижение определенного паритета деятельности распорядительных и исполнительных органов земства. Стремление гласных регулировать и контролировать работу управ, а последних использовать свои полномочия шире допустимых законом условий было особенно характерно для периода становления земских учреждений.

В уездах с развитым опытом дворянского самоуправления земские собрания и управы действовали более согласованно, и гласные стремились достичь широкого общественного контроля над исполнительными органами. Такие тенденции отчетливо проявились в Уфимском и Мензелинском уездах.

Уфимское уездное земское собрание уже на первом очередном собрании в октябре 1875 г. расформировало первый состав управы, выбранный в феврале 1875 г. На втором земском собрании 1876 г. управа вызвала критику со стороны ревизионной комиссии, которая указала ее членам на нежелательность нарушения коллегиального принципа управления, председателю рекомендовалось не ограничиваться бюрократической работой, а совершать выезды и объединять «земское

дело в уезде»[1]. Особенностью Уфимского уездного земства был преимущественно дворянский состав управ, редко в них избирались чиновники. Как следствие, уездное земство отличалось умеренно консервативным курсом и экономным отношением к расходам на народные школы, которые здесь распространялись медленнее, чем в других уездах. Заметную роль в земском самоуправлении сыграл П.Ф. Гиневский, член (1879–1884 гг.), а затем председатель (1884–1906 гг.) управы. Главной задачей земства он считал согласование его деятельности с правительственными задачами. Под его руководством были организованы мероприятия по обнародованию облагаемых земель помещиков на специальных съездах, что расширило земскую налоговую базу. Именно выполнение дворянами задачи самообложения П.Ф. Гиневский считал важной заслугой уездного земства, которое, как он считал, способствовало облегчению податных тягот крестьянского сословия[2].

В Мензелинском уезде активную роль играли дворяне «шестидесятники», из них избирались председателями управы М.М. Останков (в 1877–1878 и 1883–1894 гг.), И.И. Мазуревский (1897–1904 гг.), Н.П. Товарищев (1904–1907 гг.). Благодаря их деятельности управа и собрание добились успехов в урегулировании налогового бремени населения. Это был редкий пример в истории налогообложения, когда с помощью земских органов удалось последовательно снизить величину губернского земского сбора в уезде. Уездное земство отличилось рядом других перспективных начинаний – открыло и содержало собственную сельскохозяйственную школу, впервые начало поддерживать примечетские школы. Мензелинское земство подчеркнуто проводило самостоятельную и независимую от губернского земства линию, под ее влиянием крепли демократические земские традиции в губернии в целом.

В Стерлитамакском уезде земское собрание отличалось и активным представительством от всех избирательных курий. Заметное влияние имел блок глас-

---

[1] Постановления второго очередного земского собрания, доклады и отчет земской управы Уфимского уезда за 1876 год. Уфа, 1877. С. 131.

[2] Гиневский П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. Уфа, 1900. С. 135–136.

ных землевладельцев, среди которых были Д.В. Эннатский, А.Н. Левашев, А.А. Биркель, Д.Н. Дурасов, Г.Х. Дашкин, отдельными группами выступали гласные от башкирских волостей и купцы[1]. Стерлитамакское земство поднимало актуальные вопросы для местного края об ускорении межевания земель, развитии земледелия среди башкирского населения, включении в состав земского представительства интеллигенции и земских служащих.

Показательно, что эффективность работы земских исполнительных органов в первые десятилетия деятельности в немалой степени обеспечивалась административно-бюрократическими методами управления. Противовесом окончательной бюрократизации земского управления служила контролирующая и распорядительная функция земских собраний. Как показывают материалы уездных земств, гласные пытались претворить в жизнь принципы коллегиального управления и ограничить превышение полномочий исполнительными органами земства.

В Стерлитамакском земстве, например, острый конфликт возник между группой гласных и управой первого состава. Председатель П.В. Эннатский и члены В.А. Карпов, Н.В. Орлов и Ф.Е. Попов обвинялись в единоличных решениях, ограждении от налогов обладателей ценза, удельных и казенных земель. В знак протеста член управы Г.Х. Дашкин покинул должность и перешел в собрание. Гласные Д.А. Кудрявцев, В.Н. и А.Н. Левашевы, Н.Б. Бухвостов, Д.Н. Дурасов, Н.М. Резяпов составили обращение в губернское собрание с просьбой «оградить наши земские интересы от бесцеремонной эксплуатации их стерлитамакской земской управой», направили жалобы губернатору и в Сенат[2]. Жесткой критике подверглась Стерлитамакская управа и в 1882 г. «Мы… имели в продолжении нескольких лет не земскую управу, а только ее обширную канцелярию, разделенную

[1] Сборник постановлений, докладов и отчетов 3-го очередного и 3-го чрезвычайного Стерлитамакских уездных земских собраний. Уфа, 1878. С. 5–56.
[2] Сборник постановлений 1-го очередного Уфимского губернского земского собрания. С 16-го января по 6-е февраля 1876 года. Уфа, 1876. С. 138.

на четыре департамента. Мы перещеголяли их [органы полиции], разводя бумажное царство», – указала ревизионная комиссия собранию[1].

Почти противоположная картина складывалась в Бирском уезде. В земском собрании не было сплоченного ядра поместных собственников. Изучение состава цензовых землевладельцев уезда показало, что в 1870-е гг. из 35 человек только 11 (30 %) приобрели землю до отмены крепостного права[2]. Отсутствие заинтересованного в улучшении местного хозяйства землевладельческого корпуса серьезно тормозило налаживание земской работы.

Бирская земская управа под председательством отставного гвардии поручика Н.Е. Ермолова (1875–1878 гг.) и предводителя дворянства статского советника Ф.Е. Шестакова (1879–1894 гг.) придерживалась кабинетного стиля работы. Единство мнений собрания и управы обеспечивала система подбора сельских гласных через волостные правления. О слабом развитии общественного самоуправления свидетельствовал произвол, царивший в ходе выборов непременных членов уездных крестьянских присутствий и мировых судей в земском собрании. Так, был зафиксирован случай, когда «для единогласного избрания лица левое отверстие баллотировочного ящика было заткнуто пробкой, в другом случае ненадежному гласному был вручен шар с ясно вырезанной ножом меткой»[3].

В Белебеевском земстве оформились два направления – консервативно-монархическое и мусульманско-либеральное, представители которых попеременно возглавляли уездную земскую управу. Монархическое крыло олицетворяла фамилия потомственных дворян Уфимской губернии Буниных. Председателями управы по несколько выборных сроков работали Иван Михайлович, бывший уездный исправник (1876–1883, 1885–1888 гг.), и его сын Василий Иванович (1901–1904; 1910–1912 гг.).

Штабс-ротмистр И.М. Бунин окончил Оренбургское Неплюевское военное училище. Воевал на Кавказе в составе кавказского линейного казачьего войска,

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 5. С. 111–112.
[2] Ведомость о землях свыше 360 десятин состоящих во владении разных лиц в Бирском уезде. [Б. м. и г.]. С. 1–5.
[3] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXVI очередной сессии 1910 года. Уфа, 1911. С. 704–705.

2 -го Лабинского полка (1845–1854 гг.), после возвращения на малую родину занимал посты предводителя дворянства Белебеевского уезда (с 1859 г.), директора Белебеевского тюремного отделения (с 1860 г.), Стерлитамакского, затем Белебеевского земского исправника (с 1864 г.)[1]. Как человек военный по духу в должности председателя земской управы И.М. Бунин придерживался стиля единоличного управления. Его авторитарные методы руководства подкреплялись тем, что он являлся одновременно предводителем дворянства и возглавлял многие уездные учреждения, в том числе уездные по воинской повинности и по крестьянским делам присутствия. В уездном собрании 1877 г. комиссия гласных поставила вопрос об «искажении действительного назначения» земской управы во главе с И.М. Буниным, указав на отсутствие коллегиальных обсуждений и чиновничий стиль работы[2].

В.И. Бунин учился в Уфимской мужской гимназии и Уфимском землемерном училище, но курса в них не окончил. Службу начал в канцелярии предводителя дворянства Белебеевского уезда канцелярским служителем[3]. В качестве председателя уездной земской управы и гласного губернского собрания проявил себя как ярко выраженный «уездник», выступая постоянным оппонентом губернской земской управы. Он разработал проект переустройства школы на началах «воспитательно-трудового образования» и в 1912 г. предпринял попытку по его реализации[4].

Особенностью Белебеевского земства являлось наличие активного и работоспособного представительства мусульман в собраниях и управах. Среди них были крупные земельные собственники. Согласно избирательным спискам 1897 г., средний размер земельной собственности у мусульман составил 2 874 дес., а у русских дворян – 1 188 дес., при этом земли последних занимали

[1] НА РБ (Нац. арх. Республики Башкортостан). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1427. Л. 1–30.
[2] Сборник Белебеевского уездного земства Уфимской губернии на 1877 год. Уфа, 1877. С. 115.
[3] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 20. Л. 68–69.
[4] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. XXXIX очередное и XXXVIII чрезвычайное собрание 1913 года. Белебей, 1914. С. 144–219, 314–315.

77 % помещичьих угодий в уезде[1]. В отдельные сроки мусульмане занимали в уездном собрании до 50 % мест землевладельцев.

Среди мелких собственников практический интерес к земству проявили дворяне-мурзы д. Новые Каргалы. Давние социокультурные связи с русским обществом позволили им выработать прагматичный подход к институту земства. Активно участвуя в выборах и занимая места гласных (представители фамилий Еникеевых, Терегуловых в собрании), новокаргалинцы организовали с помощью земства школу, а позже высшее начальное городское училище, библиотеку.

Чиновники из мусульман, служившие в губернских, судебных и крестьянских органах местной администрации, заняли посты председателей земской управы – А.А. Ахтямов (1883–1885 гг.), Ш.Ш. Сыртланов (1888–1892 гг.), М.М. Биглов (1907–1909 гг.), в 1913–1917 гг. должность председателя исполнял Ф.Г. Музафаров. Во главе уездного дворянства в 1905–1910, 1914–1917 гг. находился представитель татарского дворянства К.Б. Тевкелев.

Учебное начальство и миссионеры считали неправильным нахождение на важных постах неправославных деятелей. Главный идеолог христианизации нерусских народов Российского Востока Н.И. Ильминский в письме к ревизующему Уфимскую губернию сенатору М.Е. Ковалевскому указывал, что занятие мусульманами поста председателя уездной земской управы «может быть опасно и, по меньшей мере, неудобно», а их выбор предводителями дворянства, которые по закону становились и председателями училищных советов и земских собраний, противоречил «русским интересам»[2]. Правительство в свою очередь реализовало модель местного самоуправления с опорой на инициативных участников независимо от конфессиональной принадлежности.

Сильно отличалось от остальных Златоустовское земство. Дворянскую прослойку в нем заменяли чиновники от горного ведомства, управления государ-

---

[1] Подсчитано по данным списка избирателей дворян в земское собрание, см.: Список, составленный на основании 16 и 28 ст. положения о земских учреждениях… // Уфимские губернские ведомости. 1897. 28, 31 янв.

[2] Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского : сб. документов и материалов / авт.-сост. Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань, 2015. С. 183–184.

ственных имуществ и купцы – арендаторы земель. Там официальная сторона организации собрания – своевременное открытие сессий, работа по выборам должностных лиц и другие процедуры находилась под бдительным контролем правительства. При отсутствии дворянского предводителя в уезде председатель собрания назначался Министерством внутренних дел. Недостаток интеллигентных сил в земском представительстве компенсировался работой наемных служащих, чиновников учебного ведомства и других, которые способствовали налаживанию земской деятельности.

Аморфный социальный состав гласных землевладельческого съезда, представленный главным образом чиновниками, священниками, купцами, поначалу привел к отсутствию живой связи между Златоустовским земским собранием и его исполнительным органом. Так, с самого начала управа не получила от гласных определенных инструкций[1].

Руководство Златоустовской земской управой оказалось первоначально в руках зажиточных крестьян и предпринимателей – скупщика башкирских земель крестьянина А.Г. Бунакова (1875–1879 гг.), затем купца Ф.А. Злоказова (1879–1882 гг.). Следующий выбранный собранием председатель уездной земской управы титулярный советник М.А. Конопасевич оказался замешан в земельных махинациях[2]. Это заставило губернатора вмешаться в формирование земской управы. Он назначил председателем выборного от башкир Тырнаклинской волости уроженца мишарской деревни Душембеково Ахметьяна Басимовича Басимова, который проживал в Златоусте и имел за плечами опыт работы волостным старшиной. Несмотря на изначальное отсутствие поддержки среди гласных собрания, деятельный труд в управе позволил А.Б. Басимову надолго закрепиться в должности председателя управы (1882–1897 гг.). По долговременности руководства управой он уступил только председателю Уфимской уездной земской управы П.Ф. Гиневскому. Впоследствии его сын – Сабирьян Ахметьянович также служил в местном самоуправлении. Работал земским ветеринаром, состоял членом Уфим-

[1] Харин М.Ф. Письмо в редакцию // Уфимские губернские ведомости. 1875. 12 апр.
[2] См.: Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889. С. 38.

ской городской думы и гласным Уфимского уездного земства в 1912–1915 гг. от первого (дворянского) собрания землевладельцев [1].

В 1897 г. губернское по земским и городским делам присутствие не утвердило избрание А.Б. Басимова земским гласным из-за жалобы о том, что он явился на избирательный съезд в мундире председателя управы и осуществлял фактическое руководство выборами. Примечательно, что сами выборщики высоко ценили его деловые качества и в особенности то, что он был человеком «одного с ними языка и понятий»[2]. Скорее всего, скандал был связан с поддержкой администрацией нового претендента.

Должность председателя занял член Златоустовской земской управы, дворянин П.Ф. Коропачинский (1864 г. р.), имеющий чин губернского секретаря. В недалеком будущем, богатом бурными событиями, Петр Флегонтович Коропачинский стал одной из наиболее влиятельных фигур в губернии. Это дает повод рассмотреть подробнее факты его биографии.

Новый председатель происходил из среднепоместных дворян. Его отец – надворный советник Ф.А. Коропачинский (1831 г. р.), окончил отделение восточных языков Казанского университета, был мировым посредником и стоял у истоков организации Златоустовского уездного земства. Его имение располагалось в Златоустовском уезде (469 дес.), а в Уфимском уезде им было приобретено 274 дес. земли. В 1884–1886 гг. он служил участковым мировым судьей Бирского уезда[3].

Послужной список П.Ф. Коропачинского, как у многих небогатых дворян, живущих на заработную плату, отражал целенаправленное движение по чиновничьей лестнице. После окончания Екатеринбургского Алексеевского реального училища, он с 1891 г. начал служить в местном управлении Самаро-Златоустовской железной дорогой – сначала коммерческим служителем первого разряда, через четыре месяца – счетным чиновником контроля с окладом 500 р. в

[1] Сборник постановлений Уфимского уездного земского собрания с приложениями. XXXVIII очередное уездное земское собрание 1912 года. Уфа, 1913. С. 138.
[2] РГИА (Российский гос. исторический арх.). Ф. 1287. Оп. 27. Д. 596. Л. 5 об.
[3] Список лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи по Бирскому уезду на 4-е трехлетие // Уфимские губернские ведомости. 1887. 25 июля. Прил.

год. В январе 1892 г. Коропачинский был произведен в коллежские регистраторы (XIV гражданский чин) со старшинством, а через год уволился по домашним обстоятельствам. Вскоре, в марте 1893 г., у него появилась земельная собственность – 150 дес. в Златоустовском уезде, которая, судя по образу жизни владельца, стала «источником служебных устремлений». Он состоял в должностях депутата от дворянства Бирского и Златоустовского уездов (1893–1894 гг.), непременным членом Златоустовского уездного по крестьянским делам присутствия (с февраля по октябрь 1894 г.). После упразднения в Уфимской губернии уездных по крестьянским делам присутствий П.Ф. Коропачинский был избран почетным мировым судьей Златоустовского мирового округа, а затем – членом Златоустовской уездной управы на 1895–1897 гг. С 1897 г. он стал председателем управы с окладом 1 800 р. в год, в 1900 г. был избран на следующий срок.

За время нахождения на земской службе П.Ф. Коропачинский избирался членом Златоустовского уездного училищного совета, заступающим место председателя Златоустовского уездного попечительного о народной трезвости комитета (в 1898 г.), за выслугу лет с 1896 г. произведен в губернские секретари (XII гражданский чин). В этот же период он за усердие и общеполезную деятельность получил по именному указу императора серебряную медаль на Александровской ленте в память о кончине Александра III.

В 1901 г. П.Ф. Коропачинский приказом губернатора с поста председателя Златоустовской уездной земской управы был перемещен непременным членом в отдел по сельской продовольственной части Уфимского губернского присутствия. В том же году он был пожалован орденом Станислава II степени, а в начале 1903 г. за работу по борьбе с голодом удостоился высочайшего благоволения за усиленные труды по продовольственной части. В конце того же года за выслугу лет был произведен в чин титулярного советника (IX чин), а в январе 1904 г. – в коллежские асессоры (VIII чин)[1].

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1804. Л. 2–11 об. ; РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. Д. 97. Л. 2–17.

С 1901 г. Златоустовское земство вновь управлялось сельскими гласными – горнозаводскими крестьянами А.А. Сычевым (1901–1904 гг.) и И.С. Аистовым (1904–1917 гг.).

Изучение земства Златоустовского уезда позволяет прояснить дискуссионный вопрос отечественной историографии – чьи интересы, крестьян или буржуазии, отражали земства уральских губерний, с которыми было схоже златоустовское.

Одним из первых неоднозначную характеристику крестьянским земствам дал Б.Б. Веселовский, указав, что понятие «крестьянское земство» в действительности объединяло сложный комплекс характерных черт того или иного земства[1]. В работе М.И. Черныша сделан вывод о буржуазном характере «мужицких» по составу земств Пермской губернии. Исследователь выделил и положительное влияние земских мероприятий на подъем сельского хозяйства в губернии. Ориентированность земских учреждений Пермской губернии на крестьянские интересы, по его мнению, резко отличала их от остальных российских земств[2]. С критикой утверждений о крестьянском характере Вятского земства выступила также И.И. Стефанова, расценивая состав гласных из крестьян-собственников, купцов и мещан как буржуазный[3].

В отдельных трудах земства с преобладанием сельских гласных из-за доминирования среди них зажиточных представителей, или наличия групп влиятельных помещиков рассматриваются как условно крестьянские[4]. Как разночинно-крестьянские предложила рассматривать уральские земства О.Н. Богатырева. Она аргументирует свой вывод тем, что сельские гласные являлись представителями крестьянских надельных земель, а многие их зажиточные представители оставались в крестьянском сословии[5].

---

[1] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 197.
[2] Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С. 107–164.
[3] См. подробнее: Горнов В.А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 1940-х – начала 1990-х годов. Рязань, 1997. С. 86.
[4] Королева Н.Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995. С. 49 ; Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.) / под ред. проф. П.С. Кабытова. Самара, 2009. С. 57.
[5] Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917) : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 175–176.

Мы также не дифференцируем сельских гласных по имущественному либо сословному принципу, поскольку главным фактором деятельности Златоустовского уездного земского собрания был общий демократический тон, который задавало крестьянское большинство. Немногочисленные представители купечества, чиновничества и дворянства не подавляли продвижение интересов сельских гласных. Златоустовскому земству, например, была присуща, выражаясь современным языком, социально ориентированная деятельность. Земскому собранию удалось решить многие проблемы: последовательно переводить натуральные повинности сельских обществ в разряд земских, учредить стипендии для обучения крестьян, открыть в 1907 г. первую и единственную в губернии сельскую прогимназию в с. Месягутово с земским интернатом, бесплатным обучением и питанием детей земских плательщиков[1]. Во многих других мероприятиях Златоустовского земства отражалась ориентация на интересы населения – при оценке крестьянских земель, открытии народных школ и других мер.

Уфимское губернское земство отличалось от уездных земств своим почти исключительно дворянским составом, что являлось общероссийской тенденцией. Выбранные уездными земствами в губернское собрание гласные представляли собой наиболее известных и значимых в уездной общественной жизни землевладельцев, так называемые сливки провинциального привилегированного класса. Их состав накладывал отпечаток на стиль работы губернского земства и его подходы к решению поставленных задач. В первую очередь следует указать, что губернское собрание не стремилось к экономии финансовых средств, что нередко становилось предметом критики гласных[2]. Будучи дворянским по составу, губернское земство охраняло устоявшийся социальный порядок и консервировало привилегированное положение дворянства в налоговой сфере и в области существующих повинностей, о чем будет сказано позже.

---

[1] См., например: Сборник постановлений Златоустовского уездного земского собрания XVIII и XIX чрезвычайных и XXXIX очередной сессий 1913 года. С приложениями. Златоуст, 1914. С. 719.

[2] См., например: Материалы по преобразованию местного управления в губерниях: доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам : в 3 ч. СПб., 1883. Ч. 2. С. 207.

Становление Уфимского губернского земства было связано с деятельностью представителей известной фамилии русских дворян Дашковых. После отмены крепостного права Андрей (1833–1904) и Дмитрий (1831–1901) Дмитриевичи Дашковы, сыновья известного государственного и литературного деятеля николаевской эпохи Дмитрия Васильевича Дашкова, предпочли поприщу служебной карьеры земскую работу в провинции. По описанию ссыльного С.Я. Елпатьевского, работавшего врачом в имении Дашковых Благовещенский завод (наследство матери, Елизаветы Васильевны), братья держались особняком, «не бывали у мундирных и фрачных людей – оба брата ходили в поддевках – и не принимали их к себе: не принимали участия в дворянских делах, не посещали дворянских собраний и вели знакомство только с людьми, принимавшими деятельное участие в земской работе»[1].

Благовещенский металлургический завод и огромная земельная дача при нем служили опытным полем для претворения многих планов братьев Дашковых[2]. В их имении реализовался ряд земских начинаний – открылись учительская семинария Министерства народного просвещения с начальным училищем, судебно-мировой участок с камерой мирового судьи. После отмены крепостного права Андрей и Дмитрий Дмитриевичи попытались по-новому организовать работу мастеровых. Так, в 1868 г. на заводе было учреждено Товарищество мастеровых со сберегательной и вспомогательной кассой «с целью делать сбережения и получать безвозвратные и заимообразные пособия»[3]. Позже через товарищество было организовано кустарное производство веялок, которые сбывались не только в губернии, но и за ее пределами.

А.Д. Дашков состоял председателем Уфимской губернской земской управы три выборных срока (1875–1884 гг.), и впоследствии продолжал оказывать по-

---

[1] Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 106.

[2] Отдельный очерк Дашковым посвятил в своих воспоминаниях врач и писатель С.Я. Елпатьевский (Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. С. 104–109). См. также: Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве и его доклады губернскому земскому собранию за 1869–1875 / под ред. и с предисл. Н.С. Волконского. Рязань, 1903.

[3] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 686.

мощь в решении многих земских вопросов. Д.Д. Дашков был гласным Уфимского уездного земства (1878–1883 гг.), председателем судебно-мирового округа. А.Д. Дашков как председатель Уфимской губернской земской управы по многим вопросам обращался непосредственно в министерства юстиции, внутренних дел и др. ведомства. В губернском собрании он настаивал на максимальном сокращении земских расходов на правительственные учреждения[1]. Такие действия на практике подкрепляли отдельные решения Сената. Так, по одному из его указов, губернатор не мог называть сумму обязательной повинности, не определенной законом[2].

Деятельность Дашковых переворачивала привычное взаимодействие дворянства с органами правительственной власти. Их независимая позиция раздражала влиятельных местных помещиков. По словам современника, землемера Н.В. Ремезова, старое дворянство во главе с губернским предводителем А.В. Новиковым составило оппозицию влиятельному А.Д. Дашкову[3]. На собрании против «превышения полномочий» губернской управой выступали гласные: стерлитамакский Д.А. Кудрявцев, мензелинский М.М. Останков. А уфимский депутат священник Я.П. Барсов считал, что губернская управа была слишком «широкой и подавляющей единицей» и предложил заменить ее комиссией присутственного характера[4].

В земских управах по Положению 1864 г. исполнительный аппарат был недостаточно развит, о чем говорит факт выполнения основных работ преимущественно выборными членами управы. Для примера рассмотрим работу Мензелинской земской управы, считавшейся организованной лучше других. В 1880 г. все распоряжения по земскому хозяйству исходили от председателя управы М.М. Пасмурова. Обязанности между членами распределялись неравномерно. И.П. Семенов, наряду с исполнением поручений председателя, заведовал кассой. А. Степанов исполнял «сподручно самые ничтожные поручения», поскольку по-

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 137. Л. 120.
[2] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 241.
[3] Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. С. 103.
[4] Материалы по преобразованию местного управления в губерниях. Доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам. Ч. 2. С. 207.

стоянно пребывал в своем имении. В 1886 г. управа докладывала собранию, что перешла к территориальному принципу управления. В 12 западных волостях уезда все отрасли земского хозяйства наблюдал А.И. Милюков, контроль за управлением в 12 южных волостях вел М.Н. Подъячев, И.П. Семенов заведовал кассой, представлял земство в воинском присутствии и контролировал семь центральных волостей вокруг Мензелинска. Председатель М.М. Останков заведовал делопроизводством и бухгалтерией, вел надзор за больницей, земской почтой, подводной повинностью, арестными помещениями. Главными предметами внимания управы были народное образование – переписка по нему за год велась 43 раза, продовольствие – 38 переписок и медицина – 12, всего состоялось 109 переписок[1].

Обычным явлением была перегруженность членов управы. По словам работника Бирской управы И.В. Громова, прослужившего в ней 30 лет (1878–1908 гг.), на протяжении 18 лет, когда управа состояла только из председателя и двух членов, он по восемь месяцев в году бывал в служебных разъездах[2]. Один из делопроизводителей Белебеевской управы, описывая свою 30-летнюю службу, отметил, как 13 лет совмещал ее с обязанностями секретаря – готовил доклады к каждой сессии собрания, во время неурожайных годов занимался выдачей хлебных и семенных ссуд населению, борьбой с эпизоотиями и эпидемиями (в 1888, 1892 гг.), делами по прекращению чумы рогатого скота[3].

Исполнительный аппарат земских управ занял привилегированное положение по образу и подобию правительственной бюрократии, имеющей право на льготы и особое положение. Ежегодные выплаты за «усиленные труды», надбавки и благодарности, приуроченные к юбилейным срокам службы, стали довольно быстро традицией. Заслуживает внимания факт ее критики на земском собрании Стерлитамакского уезда в 1880 г. гласным Г.Х. Дашкиным. В поданном им «Особом мнении» была отмечена противоречивость постановления о выдаче наградных на фоне выявления ревизией существенных упущений в работе управы по

[1] Журналы XI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 года. Казань, 1886. С. 37–38.
[2] НА РБ. Ф. И-151. Оп. 1. Д. 11. Л. 215 об.
[3] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXXI очередное собрание 1905 года. Белебей, 1906. С. 31–34.

разным отраслям земского хозяйства и несогласование суммы премий с состоянием земского бюджета[1].

Земские исполнительные органы, отчасти копируя властные структуры, заимствовали зачастую и их негативные стороны. Важнее то, что в новых условиях гласности и реформированного суда многое становилось достоянием общественности. Так, стало известно, что в 1882 г. председатель Бирской земской управы Ф.Е. Шестаков, совмещающий пост с должностью мирового судьи, в д. Толбазы торговал вином на основании фальшивых документов и без патента[2]. Другой судья, гласный Стерлитамакского уезда П.А. Падейский отличился упорством в неуплате земских сборов. Земская управа для удержания из зарплаты судьи его недоимки по земскому сбору в размере 671 р. 33 к. обратилась в мировой съезд судей, который поддержал решение управы[3].

Некоторые земские деятели были привлечены к судебной ответственности как чиновники[4]. В 1890 г. председатель Белебеевского уездного по крестьянским делам присутствия отставной штабс-ротмистр И.М. Бунин, предводитель дворянства и в недавнем прошлом председатель Белебеевской земской управы, был обвинен в служебном подлоге. Указом Сената от 9 ноября 1892 г. он был лишен всех «особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ», а также орденов, которых у него было немало: Св. Анны 2-й, 3-й и 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени и других знаков отличия – медали в память Крымской войны 1853–1856 гг. на Андреевской ленте и креста в память Кавказской войны. По прошению осужденного, где перечислялись боевые заслуги семейства – его служба в Казачьем полку на Кавказе, смерть брата на «севастопольских твердынях» в 1855 г., а также претворение в жизнь указа 19 февраля 1861 г. в должности уездного исправника «без всяких потрясений», указом Сената 16 мая 1893 г. он

---

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 86.
[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 54. Л. 6–7.
[3] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 2. С. 150–152.
[4] О случаях привлечения к суду чиновников свидетельствуют данные отчета Уфимского губернатора за 1872 г., когда было подано 220 жалоб на действия уездных присутственных мест, 71 из них признана уважительной и 16 чиновников преданы суду (см.: НА РБ. Ф. И-6. Оп. 6. Д. 14369/25. Л. 11).

был освобожден от ссылки в Тобольскую губернию, но без восстановления утраченных по суду прав[1].

Проблема служебных нарушений в земских управах приобрела реальную значимость, как для земских собраний, так и для местной администрации. По Положению 1864 г. вынесение постановлений о нарушениях и предание суду членов земских управ зависели от решения губернского земского собрания (ст. 116). Удаление от должности членов земских управ было возможно только по решению Сената (ст. 117). Не подлежали судебному разбирательству важнейшие стороны земской деятельности, что подтверждало самостоятельность земств в пределах указанной им законом компетенции.

Изучение вопроса о привлечении земских служащих к уголовной и административной ответственности в Уфимской губернии приводит к выводу, что земства по Положению 1864 г., допускавшие нарушения, в том числе и грубые, были ограждены от воздействия властей. Частота нарушений в области финансов заставила экс-министра финансов Н.Х. Бунге признать необходимость «широкого права» правительства по привлечению к ответственности выборных для заведования местным хозяйством[2].

Исключительным и нашумевшим случаем стал суд над председателем Златоустовской управы А.Г. Бунаковым, который совершил незаконные действия в подконтрольной правительству сфере башкирского вотчинного землевладения. В 1877 г. Бунаков, воспользовавшись доступом к окладным (налоговым) документам земства, оформил в свою собственность 50 тыс. дес. земли башкир Мурзаларской волости путем фиктивной покупки их за неуплату земских сборов. Показательной в связи с этим была позиция губернского земского собрания, от решения которого (согласно ст. 116 Положения о земских учреждениях 1864 г.) зависел вопрос о передаче дела в суд. Земское собрание 1879 г. не нашло «достаточных оснований для применения к поступку Бунакова ст. 116»[3]. Несмотря на расследование оренбургского генерал-губернатора и требование уфимского губернатора

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1427. Л. 1.
[2] Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998. С. 265.
[3] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 1. С. 53–58.

пересмотреть решение собрания, губернская управа, а вслед за ней и собрание всячески уклонялись от дальнейшего рассмотрения дела Бунакова. Это показало, что многие земские гласные были причастны к незаконным земельным сделкам. И только после включения в расследование губернской администрации дело стал контролировать Сенат и председатель земской управы понес наказание.

Под пристальным вниманием властей оказался редкий случай обращения в Министерство внутренних дел сельского гласного Стерлитамакского уезда Ф.С. Любишева в 1888 г. Крестьянин писал о злоупотреблениях и «вредном вообще отправлении деятельности» уездной управы. Член управы А. Кутлуюлов, секретарь, надворный советник П. Сухачев, вольнонаемные писцы Белюнов и Щербаков обвинялись в вымогательстве взяток с сельского населения по самым разным поводам: за выдачу прогонных ямщикам, документов об исправлении дорог, решения об открытии базаров, аренду земских станций и злоупотребления при выдаче продовольственных ссуд[1]. Видимо, инициатива Любишева диктовалась групповым конфликтом интересов, сам правдоискатель затем отказался сотрудничать с судом, опасаясь осложнений. В результате по постановлению губернского собрания 1890 г. дело о противозаконных действиях членов управы было передано в суд.

На уровне местной администрации устранение беспорядков в земских управах было практически недостижимой задачей. В 1885 г. губернатор П.А. Полторацкий внес в губернское собрание вопрос о привлечении к ответственности председателя Уфимской уездной земской управы Н.В. Полякова, выбранного от городского съезда, и ее членов Д.В. Нагаткина и В.Г. Кроткова, которые обвинялись в покровительстве «дорожного бизнеса». Заключение подрядов с сельскими обществами через фиктивных лиц монополизировал отставной унтер-офицер Риванец. Дороги не ремонтировались или «исправлялись настолько дурно, что с весны до зимы находились в не проездном состоянии». «Эта была целая система эксплуатации крестьян, так ловко обставленная, что самое энергичное преследование уезд-

[1] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XVI очередное собрание 1890 г. Уфа, 1891. С. 448–495.

ным по крестьянским делам присутствием» и контроль уездной полиции не давали результата, сообщалось на собрании[1]. Казалось бы, вопиющий случай, тем не менее губернское земство игнорировало нарекания администрации даже после указания Сената о необходимости обоснования ответа губернатору по этому вопросу[2]. Между тем срок выборного состава управы завершался.

Немаловажным моментом в щекотливых ситуациях было стремление земских лидеров сохранить неприкосновенность и репутацию земского самоуправления. На это прямо указал бирский гласный И.Г. Жуковский при обсуждении губернским земским собранием преступления одного из гласных из крестьян, который за взятку в 9 р. 30 к. согласился ходатайствовать в уездном земском собрании о выдаче хлебной ссуды жителям д. Масляного Мыса[3].

Были и случаи пресечения нарушений: губернское собрание 1880 г. вынесло решение предать суду весь состав Стерлитамакской земской управы из-за нарушений при постройке больницы. Спустя четыре года собрание после замечания уездного исправника привлекло к ответственности бывших членов Белебеевской управы М.К. Канзафарова и А.Л. Напалкова за выдачу ложных квитанций об исправлении дорог[4].

Создатели земской реформы, безусловно, всерьез рассчитывали на самоконтроль местного самоуправления, предусмотрев для этого создание специальных учреждений – ревизионных комиссий. В их составе должно было быть как минимум три члена из гласных, определялся десятидневный срок работы с возможностью продлить проверку и после сессии собрания. На основании выводов ревизионной комиссии формировалось положительное либо отрицательное решение собрания о работе земской управы. В целом, наличие контролирующего органа спо-

---

[1] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XII очередное собрание 1886 и XI чрезвычайное 1887 года. Уфа, 1887. С. 453–586.
[2] Там же. С. 359–364.
[3] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XIII-е очередное губернское земское собрание 1887 года, XII-е чрезвычайное собрание 1–3 марта 1888 г., XIII-е чрезвычайное собрание 7–9 июня 1888 г. Уфа, 1888. С. 359 ; Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. : в 3 т. / сост. П.Н. Григорьев. Уфа, 1915. Т. 1. С. 206.
[4] Там же. С. 208, 219.

собствовало повышению качества работы управ. Ревизионные комиссии были особо востребованы в период отсутствия разветвленного исполнительного аппарата управ из специалистов.

Главным недостатком общественного контроля являлся надзорный, а не специальный его характер. Отсутствие у гласных необходимых знаний в проверяемых отраслях и нехватка времени оборачивались поверхностными результатами, а иногда и срывами ревизий[1]. Данную проблему нередко поднимали на собраниях сами гласные[2]. Другими рычагами контроля были гласность и публичная отчетность, когда журналы и документы собраний, а также финансовые документы управ публиковались. Однако на практике денежная отчетность сложно поддавалась контролю из-за отсутствия единых форм и обобщенного характера приводимых цифр.

Существенные изменения в организации деятельности управ, а вместе с тем и механизмах земского самоуправления последовали после введения Положения о земских учреждениях 1890 г.[3] Отныне председатели и члены управ считались состоящими на государственной службе. Согласно штатному расписанию должностей и разрядов председателей и членов земских управ, в соответствии с Положением 1890 г. должность члена уездной управы соответствовала VII классу и разряду по чинопроизводству (надворный советник), дающему право на ношение мундира, члена губернской и председателя уездной управ – VI классу (коллежский советник), председателя губернской земской управы – V классу (статский советник)[4].

---

[1] Сборник постановлений Златоустовского уездного земского собрания XV чрезвычайно и XXVI очередной сессий 1910 года с приложениями. Златоуст, 1911. С. 116.

[2] См.: Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 75–76 ; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. СПб., 1903. Т. 44 : Уфимская губерния. С. 87.

[3] Подробный анализ изменений положения членов управ и председателей, последовавших согласно Положению, провела Л.А. Жукова (см.: Жукова Л.А. Правовое и финансовое состояние земских органов по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года // Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. М., 2005, кн. 1. С. 254–260).

[4] Жукова Л.А. Правовое и финансовое состояние земских органов по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года. С. 258.

Приравнивание земской выборной службы к государственной включало членов земских управ в круг чиновников, подчиненных губернатору. Члены управ, не имеющие права вступления в государственную службу, в чины не производились, но пользовались всеми правами и преимуществами тех чинов, которые соответствовали классам их должностей. При их службе в должности члена управы не менее трех трехлетий, губернатор мог представить их к производству в первый классный чин[1]. Перспективы государственной службы и повышения чина в определенной мере способствовали поддержанию активности образованных избирателей в земских выборах.

Главным проводником Положения 1890 г. стали губернаторы. Их право утверждать не только председателей, но и членов управ значительно ослабило общественную инициативу. Местные власти использовали все возможности для формирования управляемых земств, гася и без того слабую гражданскую активность немногочисленных собраний. Исследователь Л.В. Женина в ходе изучения взаимоотношений земских учреждений с властными структурами в уральских губерниях пришла к заключению, что вмешательство губернаторов в формирование управ привело к пассивной модели поведения большинства гласных и что «подобная практика стала свидетельством победы административного начала над выборным в земствах Урала»[2]. Соглашаясь с данной мыслью, отметим как следствие ослабление связи между земскими управами и собраниями гласных. Зато губернское начальство иногда буквально комплектовало состав земских управ без всякого участия гласных. В 1892 г. после увольнения двух членов Стерлитамакской управы выборы не состоялись. С разрешения императора Александра III к занятию должностей допустили лиц без имущественного ценза, из чиновников местной администрации. В 1893 г. губернатор Л.Е. Норд докладывал в земский отдел Министерства внутренних дел о намерении заменить члена Стерлитамакской управы, коллежского асессора Комова, на сверхштатного чиновника особых по-

[1] Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями : в 2 т. / сост. М.И. Мыш. 6-е изд. СПб., 1914. Т. 1. С. 246.

[2] Женина Л.В. Земства Урала : взаимодействие с властными структурами и обществом (1890–1907 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Пермь, 2004. С. 16.

ручений Д.А. Левшина по причине перевода первого на другую должность[1]. Административное регулирование состава управ не обязательно подразумевало борьбу с земской демократией. Например, замена члена Белебеевской управы виноторговца П.Ф. Бокова на запасного сельского гласного – учителя земского училища Н. Кинзикеева, была направлена против ростовщической скупки хлеба в питейных заведениях первого[2].

Правительственный контроль над деятельностью управ в определенной степени материализовался – теперь в формулярном списке чиновников отражались все нюансы их службы. На понимание целей и значения земской службы как таковой влияло продвижение членов земских управ по служебной лестнице. Усилилась связь с губернской администрацией. В 1892 г. губернское правление представило в Сенат документы председателей Уфимской губернской земской управы коллежского асессора М.Д. Брудинского, Уфимской уездной управы – коллежского регистратора П.Ф. Гиневского, члена той же управы коллежского регистратора М.В. Курковского, члена Уфимской губернской земской управы кандидата естественных наук лекаря Л.С. Бонье, Белебеевской уездной управы – губернского секретаря С.Н. Левашева для производства их за выслугу лет в соответствующие чины. Председатель Белебеевской уездной земской управы И.В. Кротков, имеющий степень «действительный студент» (ее присваивали после окончания университета или духовной академии), был представлен к утверждению в чине XII класса «по приобретенному воспитанием» праву[3].

После 1890 г. председатели и члены земских управ, как государственные служащие, подлежали дисциплинарной ответственности по постановлениям земских собраний или распоряжениям губернатора. Дела подобного рода рассматривались в губернском по земским делам присутствии. Это способствовало повышению правовой культуры земских руководителей и предотвращало грубые нарушения закона, столь частые в первые десятилетия земской реформы. Положение 1890 г. (ст. 17) предусмотрело совершенствование финансового контроля,

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 2242. Л. 1–28 об.
[2] РГИА. Д. 2306. Л. 4–5.
[3] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 20. Л. 182–202 об.

рекомендовав Министерству внутренних дел выработать основания «для подчинения денежных отчетов земских управ ревизии местных контрольных установлений»[1]. Финансовые документы уфимских земств стали более прозрачными и стандартными. С середины 1890-х гг. по примеру других губерний в собраниях для проверки смет начали создаваться отдельные ревизионные комиссии[2].

Либеральная общественность не без оснований считала, что Положение 1890 г. не стушевало демократической сути земского самоуправления[3]. Схожее мнение высказал Б.Б. Веселовский о преемственности земского дела после 1890 г. – «состав собраний, их руководящие элементы по существу остались те же»[4]. Однако оно противоречило другому его утверждению о новом явлении – союзе цензовой интеллигенции и «третьего элемента», вызвавшем общероссийский подъем 1890-х гг.[5] Эта новая расстановка сил в земском самоуправлении определила его дальнейшее развитие.

Она может быть проанализирована с точки зрения поколенческих изменений, роль которых резко увеличивается в периоды кризиса[6]. Объективно Положение 1890 г. действовало в условиях социальных изменений в обществе, в том числе накладывалось на динамику поколенческих сдвигов. Так, присвоение выборным членам чинов гражданской службы трансформировало помещичий авангард земских управ и место дворян-хозяйственников заняли дворяне-чиновники. В отличие от собственников латифундий и старого дворянства, привязанного к имениям, новые земцы целенаправленно строили карьеру в управах и на обществен-

---

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 3-е. Т. 10, ч. 1. № 6927.

[2] Сборник постановлений XXI очередного Златоустовского уездного земского собрания 1895 года. Златоуст, 1896. С. 342.

[3] Авинов Н.Н. Главные черты в истории законодательства о земских учреждениях // Юбилейный земский сборник : 1864–1914 / под ред. Б.Б. Веселовского и З.Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 26–27 ; Веселовский Б.Б. Децентрализация управления и задачи земства // Юбилейный земский сборник. С. 45–46.

[4] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909. Т. 1. С. VII.

[5] Там же. СПб., 1911. Т. 4. С. 200.

[6] Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 10 ; см. также: Побережников И.В. Поколенческая динамика в социокультурном контексте // Уральский исторический вестн. 2017. № 1 (54). С. 6–11.

ном поприще. Они олицетворяли молодежь посткрепостнической России, которая получала образование в реформированных учебных заведениях.

Приведенные в табл. 12 данные свидетельствуют о преобладании среди землевладельцев лиц с высшим (39,4 %) и средним (45,7 %) образованием, городские избиратели имели преимущественно низшее образование (81,2 %).

Таблица 12 – Состав уездных земских гласных Уфимской губернии по образовательному уровню в 1898 г.

Уезд	Уровень образования											
	землевладельцы				горожане			крестьяне	все гласные			
	высшее образование	среднее	начальное	всего	среднее	начальное	всего	начальное	высшее	среднее	начальное	итого
Белебеевский	10	7	1	18	–	3	3	9	10	7	13	20
Бирский	8	4	6	18	–	3	3	9	8	4	18	30
Златоустовский	2	1	–	3	–	–	–	9	2	1	9	12
Мензелинский	3	11	2	16	1	2	3	10	3	12	14	29
Стерлитамакский	5	9	4	18	–	3	3	9	5	9	16	30
Уфимский	9	11	1	21	2	2	4	12	9	13	15	37
Всего (абс.)	37	43	4	94	3	13	16	58	37	6	85	168
Всего (%)	39,4	45,7	14,9	100	18,8	81,2	100	100	22	4	50,6	100

Источник: Статистический очерк о составе земских избирателей и гласных, по данным за 1898 г. // Свод сведений : 1. О земских доходах и расходах за 1899 г., 2. О земских капиталах, недоимках и долгах к 1 января 1901 г. … СПб., 1902. С. 14–99.

Многие известные в уфимском обществе гласные имели университетское образование – С.П. Балахонцев (1857 г. р.) окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, С.С. Джантюрин (1864 г. р.) – физико-математический факультет Московского университета, Л.П. Демидов (1870 г. р.) – физико-математический факультет Московского университета, А.П. Толстой (1863 г. р.) получил высшее образование в Санкт-Петербурге, а затем в Казанском университете на физико-математическом факультете,

П.П. Толстой (1870 г. р.) учился в Московском университете на физико-математическом и юридическом факультетах[1].

Омоложение председательского состава и «второго элемента» (выборные члены) управ, постоянный рост штата наемных служащих – выпускников реформированных средних и специальных учебных заведений, повысили эффективность и профессионализм земского исполнительного аппарата. Председатели управ – губернской (С.П. Балахонцев, а вслед за ним назначенный в 1903 г. губернатором П.Ф. Коропачинский), Стерлитамакской (А.Г. Георгиевский) проводили политику поддержки наемных служащих.

В Бирском земстве к таким деятелям принадлежал В.Г. Кощеев – председатель управы (1894–1909 гг.), личный дворянин, владелец 350 дес. земли в Канлинской даче[2]. С его руководством началась новая полоса в работе земства: проводились коллегиальные обсуждения важных вопросов, использовались материальные поощрения наемного персонала и служащих управы и т. д.[3] Показательной была реакция председателя земской управы на стремление собрания сессии 1908 г. установить контроль за работой служащих. Он пресек попытку ревизионной комиссии заменить управляющего аптекой и предупредил о своей возможной отставке[4]. Еще один пример: попытка старейшего гласного М.В. Кутлубаева привлечь на собрании 1913 г. внимание управы к небрежному исполнению обязанностей дюртюлинским агрономом П.И. Поповым окончилась полной неудачей[5]. Можно сказать, что земские собрания потеряли нити управления работой наемного персонала.

---

[1] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1785. Л. 16–48 ; ГАОО (Гос. арх. Оренбургской области). Ф. 43. Оп. 4. Д. 101 ; Курсеева О.А. С.П. Балахонцев – земский и общественный деятель Уфимской губернии // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект. Уфа, 2013. С. 117–118 ; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912. С. 368 ; 3-й созыв Государственной думы. Портреты, биографии, автографы. СПб., 1910. Прим. к табл. 39.

[2] Список лицам, имеющим право участия в первом избирательном собрании Бирского уезда… // Уфимские губернские ведомости. 1900. 29 февр.

[3] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXVII очередной сессии 1911 г. Бирск, 1912. С. 778.

[4] НА РБ. Ф. И-151. Оп. 1. Д. 11. Л. 176.

[5] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений уездного земского собрания XXXIX очередной сессии 30 сентября 1913 г. Уфа, 1914. С. 764–766.

Усиление положения «третьего элемента» – наемных работников земства в управах было обусловлено не только веяниями времени, но и целенаправленными мерами правительства. Необходимо выделить их в качестве продолжения реформаторской политики Александра III. Правительство при сокращении всесословного компонента земского представительства приступило к наращиванию количества служащих и расширению рабочего состава земского самоуправления, что компенсировало недостаток соответствующих правительственных структур и чиновников.

Были предприняты меры по укреплению правового положения наемных работников. В Положении 1890 г. (ст. 107) отдельно оговаривались условия найма и увольнения наемного персонала с правами государственной службы согласно «Уставу о службе по определению от Правительства». Среди них были земские врачи, в том числе ветеринарные, фельдшеры, провизоры, которые и раньше по особым ходатайствам могли получать права государственной службы. Государственная служба заведующих городскими и земскими лечебными учреждениями закреплялась Лечебным уставом от 10 июня 1893 г. Женщины-врачи пользовались правами государственной службы, но им не присваивались соответствующие чины, разряд по шитью на мундире и ордена[1].

24 февраля 1894 г. циркуляром министра внутренних дел земским и городским управам предлагалось сообщить предложения о присвоении отдельным должностям в муниципальных органах прав государственной службы (штат должностей Уфимского губернского земства см. в Приложении В). Хотя органы местного самоуправления и признали возможность таким образом привлечь квалифицированные и постоянные кадры, в большинстве земские собрания были не готовы к усилению третьего элемента. Белебеевское и Златоустовское собрания решили не распространять на земских служащих прав государственной службы, остальные ограничили круг служащими канцелярии и бухгалтерии, такого же мнения придерживался губернатор. Мензелинское земство отличилось демокра-

[1] Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. С. 836.

тичным подходом. В его список должностей с правом государственной службы, наряду с работниками управы, вошли заведующий земской почтой, учителя и их помощники, врачи, фельдшеры, аптечные работники, смотрители больниц, арестных помещений, землемер[1]. В дальнейшем, судя по источникам, закрепление за отдельными должностями прав государственной службы решалось в личном порядке, исходя из звания и послужного списка кандидатов.

Примечательно, что запрос уфимского губернатора о существующих должностях в земстве, показал, что понятие «земский служащий» на практике не имело точных критериев определения. Одни земские управы включили в перечень чиновников – мировых судей и приставов, непременных членов крестьянских присутствий, другие – только служащих управ и медицинский персонал, третьи добавили учителей и их помощников, попечителей училищ, больниц и пр. В итоге Бирское уездное земство указало 18 должностей, Златоустовское – 10, Мензелинское – 20, Стерлитамакское – 34, Уфимское – 11, губернское земство – 21[2].

Вместе с предоставлением прав гражданской службы отдельным категориям земских служащих правительство распространило на земских работников пенсионное обеспечение. С 1892 г. началась разработка закона о всероссийской земской пенсионной кассе. Положение 12 июня 1900 г. «О пенсионных кассах служащих в земских учреждениях» подчиняло земские пенсионные кассы контролю центральных государственных органов.

Исследователь О.А. Полянина, впервые подробно изучившая проблему формирования системы пенсионного обеспечения земских и городских служащих Уфимской губернии, трактует оформление их прав, исходя из возрастающей роли новой социальной группы[3].

Мы рассматриваем данную проблему как целенаправленный процесс включения работников местного самоуправления в круг лиц, обеспеченных социаль-

---

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1283. Л. 40–46.

[2] Там же ; Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XX очередное собрание за 1894 года, XXIII и XXIV чрезвычайные собрания 1894/5 г. Уфа, 1895. С. 877–879.

[3] Полянина О.А. Становление российской системы пенсионного обеспечения муниципальных служащих (на материалах Уфимской губернии). Уфа, 2014. С. 24–25.

ными гарантиями государства. Наряду с заработной платой и отпуском (обеспечивались в соответствии с Уставом службы правительственной[1]), им стала гарантироваться и пенсия.

Хотя формально пенсионный фонд формировался из вычетов участников кассы, он базировался на земском бюджете. Земства для обеспечения пенсией «старослужащих» ежегодно отчисляли в уфимскую земскую пенсионную кассу (открылась 1 июля 1907 г.) вклады в размере 7,25 % их жалования, сами участники вносили 6 % зарплаты. По смете 1916 г. на формирование пенсионной кассы губернское земство потратило 67,5 тыс. р., сумма сложилась из разных источников – земских капиталов (страхового, мелкого кредита, сельскохозяйственного склада) и губернского земского сбора[2].

В 1908 г. в уфимской земской пенсионной кассе числилось 1 728 человек, в 1912 г. – 2 500 человек. В 1911–1912 гг. средний размер годовой земской пенсии составлял 98 р. для мужчин и 29 р. для женщин[3]. Величина пенсии сильно варьировалась в зависимости от профессиональных категорий служащих. Так, бывшему фельдшеру Курбангулову выделили пенсию в 24 р. 54 к. в год. Учительница Сусловской земской школы Бирского уезда А.К. Чернова, прослужившая 30 лет, по разъяснению управы могла претендовать на пенсию от 150 до 250 р. в год в зависимости от срока отчислений[4]. К 1917 г. пенсии Уфимского губернского земства получали 27 служащих (от 7,8 р. до 446,18 р. в год), 15 вдовых участников пенсионной кассы (от 2,58 до 218,57 р.) и 40 сирот (от 15,6 р. до 310,5 р.)[5].

Работа наемных служащих иллюстрировала процесс формирования в России современного государства и во многом выходила за рамки земской деятель-

---

[1] Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. С. 249.

[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 41-й очередной сессии. Уфа, 1916. С. 394–396.

[3] Полянина О.А. Становление российской системы пенсионного обеспечения муниципальных служащих (на материалах Уфимской губернии). С. 48, 135–161.

[4] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXV очередной сессии 1909 года. Уфа, 1910. С. 736.

[5] Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 53, 54 и 55 чрезвычайных сессий (3 декабря 1916 г., 10 марта и 17 июля 1917 г.) (С приложением докладов управы). Уфа, 1917. С. 65.

ности. Земство в виде «необязательной повинности» получило полномочия по созданию системы социального обслуживания населения на средства налогоплательщиков. Земские органы самостоятельно устанавливали штаты должностей, нанимали и увольняли служащих по согласованию с губернатором. Численность штатов и наименований должностей наемных служащих в земских управах были различны. Наибольший штат наемных служащих имела губернская земская управа. В 1902 г. в ней работало 80 человек. Среди них специалистов с высшим образованием было семь человек, средним – 34, начальным – 24, неоконченным средним – 12 человека. Средний возраст работников составил 32 года. При управе работали отделы: распорядительный, бухгалтерский, межевой, санитарный, ветеринарный, агрономический, дорожный, технически-строительный, медицинский, продовольственный, статистический, страховой[1]. Показательно, что отдел по народному образованию был создан только после начала революции в 1905 г.[2]

К 1910 г. в Уфимской губернской управе было 16 отделов, в уездных земских управах насчитывалось примерно по 10 отделов[3]. Важную роль в земских исполнительных органах начали играть заведующие отделами. Уровень их вознаграждения, а также обязанности подготовки тематических докладов от имени управы к собраниям приближали их по значению к членам управы, они определяли стратегию и экспертизу в области специальных вопросов.

Согласно гипотезе Б.Б. Веселовского, на одного губернского земского гласного приходилось 50 наемных работников. Опираясь на нее, ранее мы высказали предположение, что в Уфимской губернии к 1914 г. трудились не менее 1 400 че-

---

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 681. Л. 3–133.

[2] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 г. Уфа, 1905. С. 453–457. Запоздалое оформление отделов управления народным образованием при губернских управах было общей тенденцией. Например, Пермское губернское земское собрание приняло решение об организации отдела народного образования только в 1914 г. (см.: Елисафенко М.К. Народное образование как приоритетное направление в деятельности пермских земств в годы Первой мировой войны // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. С. 22).

[3] Штаты служащих в канцелярии Мензелинской уездной земской управы. Уфа, 1911. С. 5–13 ; Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений уездного земского собрания XXXIX очередной сессии 30 сентября 1913 г. Уфа, 1914. С. 37–46.

ловек[1]. Отдельные исследователи не совсем обоснованно посчитали это произвольной попыткой определения численности земских служащих[2]. При уточнении данного вопроса оказалось, что в 1912–1913 гг. в земских учреждениях губернии состояло около тысячи человек наемных работников, не считая земских учителей[3]. Количество последних к 1910 г. определялось Б.Б. Веселовским в 957 человек[4]. Следовательно, общая численность «третьего элемента» в Уфимской губернии составляла действительно не менее 1 400 человек, а точнее, приближалась к 2 тыс. человек.

Земские учреждения стремились обеспечить и привлечь специалистов удовлетворительным материальным содержанием. Их уровень в богатых средствами столичных регионах служил ориентиром для провинций, в частности уфимских земств. Земства широко практиковали «периодические прибавки» к жалованию[5].

В Мензелинском уездном земстве применялась широкая градация прибавок в зависимости от должностей. Для врачей были две прибавки через каждые три года по 10 %, фельдшеров – первая прибавка – 25 % оклада, остальные две – по 15 %, акушерок – первая – 20 %, остальные две – по 12 %[6]. Система прибавок со временем распространилась на помощников учителей, сестер милосердия, экономок и других служащих. Через земские собрания утверждались «нормальные оклады жалования». Так, в Златоустовском земстве для четкой градации заработных плат в соответствии с квалификацией и стажем работника служащие распределялись по 15 категориям. К самой низшей, 15-й категории, относились получающие до 200 р. в год неквалифицированные работники – рассыльные, писарские

---

[1] Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917): социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005. С. 134.

[2] Чернышева Е.В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии. Челябинск, 2010. С. 267.

[3] Подсчитано по: Уфимский земский календарь на 1912 год. Уфа, 1912 ; Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1913 ; Проект сети ветеринарно-врачебных участков в Уфимской губернии. Уфа, 1912. С. 20.

[4] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 4. С. 233.

[5] См., например: Акшиков А.Г. Складывание системы оплаты труда земских учителей Уржумского уезда Вятской губернии во второй половине XIX века // Вестн. Чувашского ун-та. 2011. № 4. С. 8–11 ; Волкова Т.И. Ярославское земство и развитие народного здравоохранения и образования в губернии (1865–1918 гг.). Ярославль, 1998. С. 70–71.

[6] Штаты служащих в канцелярии Мензелинской уездной земской управы. Уфа, 1911. С. 6–7.

ученики и др. К категориям от 4-й до 2-й относились специалисты на уровне заведующих отделами, управляющие аптекой, санитарные врачи, ординаторы, уездные агрономы и остальные высококвалифицированные служащие с зарплатой от 700 до 900 р. в год. К 1-й категории с зарплатой свыше 900 р. относились специалисты, приглашенные по особому соглашению[1].

Служащие аппарата земского управления – работники канцелярии, бухгалтерии, заведующие отделами решений сессий очередных собраний получали единовременные пособия «за усиленные труды»[2]. Поощрения выделялись к юбилейным датам земской службы. Так, губернское земское собрание 1906 г. в связи с юбилеем кассира управы Н.Ф. Несмелова постановило выделить ему на пособие 400 р., на подарок – 100 р. и на установку его портрета в управе – 25 р.[3] Уфимское губернское земское собрание 1914 г. к 25-летнему юбилею службы А.Г. Георгиевского постановило 17 голосами против двух выдать ему единовременно 1 тыс. р. и учредить в Стерлитамакском реальном училище стипендию его имени в ежегодном размере 180 р. с правом указывать кандидатов самому Георгиевскому[4]. Право земских собраний назначать председателям и членам управ вознаграждения из земских сумм как исключение по особым случаям было подтверждено специальным указом Сената от 8 ноября 1907 г.[5]

Отдельной формой льгот для земских служащих были стипендии на обучение их детей и пенсии. Бирское собрание 1909 г., например, постановило о выдаче жене бывшего секретаря Бирской земской управы Л.П. Рапидова на воспитание и обучение детей 240 р., вдове сторожа земской управы 36 р., вдове фельдшера

---

[1] АЗГО (Арх. Златоустовского городского округа). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 766. Л. 3–6.
[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 184–186.
[3] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. Уфа, 1907. С. 126.
[4] Журналы Уфимского губернского земского собрания XL очередной сессии 1914 года. (1–18 декабря 1914 года). Уфа, 1915. С. 77.
[5] Там же.

96 р., вдове смотрителя бирского арестного дома 60 р., вдове управляющего земской аптекой 120 р.[1]

Существовали персональные пенсии, по примеру государственных чиновников. Так, в 1909 г. Бирское уездное земство получило разрешение императора «вносить в смету обязательным ежегодным расходом для выдачи пенсии бывшему члену Бирской управы И.В. Громову (он был парализован) 600 р., а по его смерти жене его, в размере 300 р.»[2]. Губернское собрание 1909 г. признало за бывшим служащим межевого отдела Вейнбергом право на «лично присвоенное ему за долголетнюю службу вознаграждение» в 300 р. в год взамен пенсии[3]. Неординарным случаем выглядело назначение Белебеевским земским собранием пожизненного пособия в 300 р. бывшему делопроизводителю управы мещанину Н.Я. Белову из-за невозможности по состоянию здоровья продолжать службу. Председатель управы и гласные, отметив его 30-летнюю полезную работу с самого основания земства и «особую болезнь», по оценке врача Я.Н. Соколова – неизлечимую и связанную с «ослаблением воли», поставили условием его увольнение из управы[4].

Земские управы со временем были дополнены специализированными органами управления из земских служащих. Сначала отраслевое управление при помощи профессионалов оформилось в земской медицине. Необходимость существования разветвленной и эффективной системы оказания медицинской помощи остро ощущалась в период опасных эпидемий. После голода 1879–1881 гг. и разразившихся в связи с этим эпидемий были созданы врачебные съезды в Бирском, Уфимском и Мензелинском земствах, при управах образовались врачебные советы. В 1882 г. в Уфе открылось общество врачей, по инициативе которого и при поддержке губернского собрания в 1883 г. состоялся первый губернский съезд

---

[1] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXV очередной сессии 1909 года. Уфа, 1910. С. 736–738.
[2] Там же. С. 40.
[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 252.
[4] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXXI очередное собрание 1905 года. С. 31–34.

врачей, где на основе предложений 5-го московского съезда врачей была принята инструкция для участковых врачей и выдвинуто предложение организовать губернский санитарный совет.

В Уфимской губернии земство, в отличие от большинства остальных земств[1], оказывало поддержку всем начинаниям врачебной интеллигенции. У истоков врачебного общества стояли известный в крае деятель Н.А. Гурвич, врач по профессии, ссыльный народоволец С.Я. Елпатьевский – ординатор Уфимской губернской земской больницы, врач в Благовещенском заводе[2] и другие известные в земской среде личности.

Знаковым событием стала организация в 1886 г. при Уфимской губернской земской управе специального санитарно-статистического отдела. В его функции входил сбор сведений о заболеваниях, санитарное изучение местности и руководство противоэпидемическими мероприятиями[3]. Должность санитарного врача занял лекарь и кандидат естественных прав Л.С. Бонье, запасный чиновник военно-медицинского ведомства[4]. По составленному им проекту для Второго губернского съезда врачей, основная прерогатива по управлению медициной должна была принадлежать специалистам[5].

Формирование местного управления медициной – это наглядный пример развития самоуправления снизу. В общероссийском масштабе истоками отечественной медицины стали, как указал Дж. Брэдли, подъем национального духа и патриотизм среди медиков[6]. Родился новый тип русского врача, снискавший уважение и доверие далеко за пределами России[7].

---

[1] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1. С. 302–303.

[2] Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. С. 112 ; Якубова Р.Х. Елпатьевский Сергей Яковлевич // Башкирская энциклопедия : в 7 т. Уфа, 2006. Т. 2. С. 552.

[3] Ахметшина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX века. Стерлитамак, 2013. С. 88 ; Труды 2-го съезда земских врачей Уфимской губернии. Уфа, 1889. Вып. 1. С. 14.

[4] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 20. Л. 185, 217 об.

[5] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 424–425.

[6] Брэдли Дж. Общественные организации в царской России : наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 386–387.

[7] Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. С. 227–228.

Для уфимских земств руководством к действию служили мероприятия и опыт других, главным образом центральных, губерний. В 1892 г. мензелинский гласный М.М. Останков предложил уфимским врачам провести съезд по итогам съезда врачей в Санкт-Петербурге для обсуждения вопросов борьбы с холерой[1].

Правительству оставалось только поддерживать начинания медицинских специалистов и земских органов. Чиновники считали нужным направлять их в строго официальное русло. Губернатор П.А. Полторацкий, уведомляя 10 ноября 1888 г. губернскую управу об удовлетворении МВД ее ходатайства о созыве местного съезда врачей, извещал о ряде требований министра внутренних дел, в числе которых было назначение председателем съезда губернского врачебного инспектора вместо председателя губернской земской управы[2].

Власти узаконивали общественные органы управления с опозданием. Так, только в 1901 г. Министерство внутренних дел утвердило «Нормальный Устав губернских съездов членов и представителей земских учреждений по врачебной части»[3]. На земском уровне гласные собраний тормозили передачу отраслевого управления специалистам. Противостояние между сторонниками демократического управления и охранителями государственно-административных начал в земстве обозначилось на губернском собрании 1906 г. Гласный П.Ф. Гиневский участие служащих в земских делах рассматривал, исходя из принципа земского представительства: «Хозяевами дела являемся мы, деньги платим мы и допускать влияние третьего элемента мы не должны»[4]. Он выступал также против ввода учителей в училищные советы, его поддержали правые А.А. Зеленцов, П.В. Россинский[5].

Более десятилетия понадобилось на закрепление коллегиальной системы в медико-санитарной отрасли. Губернское собрание только в 1908 г. утвердило со-

---

[1] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 426.

[2] Труды 2-го съезда земских врачей Уфимской губернии. С. 15.

[3] Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. С. 765.

[4] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. Уфа, 1907. С. 77.

[5] Там же. С. 92–93.

ответствующие проекты губернской управы, врачебного съезда 1895 г. о руководстве санитарного совета всеми вопросами земской медицины[1].

Со временем оформились специализированные коллегиальные органы в других земских отраслях – ветеринарные советы, школьные, зоотехнические комиссии и др. При их участии формировались проекты соответствующих расходов, которые ежегодно увеличивались, готовились доклады земским собраниям. Распространилась практика приглашения наемных служащих в собрания в качестве экспертов при решении отдельных вопросов.

Возможности земских учреждений самостоятельно осуществлять свои функции были достаточно широкими. На первом этапе с 1864 по 1890 год актуальной была общественная модель управления через земские собрания. Собрания земских гласных стали главным гарантом осуществления принципов местного самоуправления – гласности, коллегиальности управления, общественного контроля исполнительного аппарата. Ограничение административного, финансового и судебного государственного контроля над деятельностью земства не всегда имело положительные последствия. Но, наряду с минусами ограничений внешнего воздействия на земства, их автономность способствовала налаживанию механизмов самоуправления.

После 1890 г. рост численности исполнительного аппарата и усиление его влияния привели к сужению компетенции собраний, работа которых чаще сводилась к общему планированию и утверждению бюджетов. Главные направления деятельности определяли специализированные структуры – коллегиальные объединения в области школьной, медицинской, санитарной, ветеринарной, агрономической и прочих отраслей.

§ 2. Развитие практической земской деятельности

Сфера деятельности земских учреждений распространялась на обширный круг «местных польз и нужд». В Положении 1864 г. упоминались разные направления, подлежащие их ведению, начиная от земского хозяйства, торговли и про-

[1] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 434–435.

мышленности, обеспечения народного продовольствия до способов прекращения нищенства. Приоритеты земских расходов определялись их делением на обязательные и необязательные.

К первым относились содержание квартир для воинских команд, подводная повинность (предоставление подвод для разъездов чиновников), содержание богоугодных заведений (богаделен, приютов и т. д.), дорог и др. В уездных земствах Уфимской губернии с 1882 г., а в губернском земстве еще раньше обязательные расходы перестали занимать основную часть земского бюджета. В 1903–1905 гг. уездные земства тратили 15 % расходной сметы на содержание полиции, судебных учреждений, жандрамского управления и пр.[1] Вопрос об освобождении местного бюджета от расходов общегосударственного характера оставался одним из самых актуальных в ряду финансовых проблем земства. С конца 1890-х гг. земские гласные настойчиво поднимали соответствующие ходатайства перед правительством, наиболее активно выступали имевшие задолженность Белебеевское и Мензелинское земства.

Расходы необязательного характера имели преимущественно местное значение и формировались по усмотрению земских собраний, например: содержание земских управ и канцелярий, попечение о народном образовании, медицине, статистические исследования и т. п. Наряду с полномочиями по организации местного хозяйственного управления, государство делегировало земствам подробный регламентированный законами порядок отправления так называемых земских повинностей – денежных и натуральных податей населения. Они были записаны в «Уставе о земских повинностях» 1851 г., а в 1899 г. – во «Временных правилах для земских учреждений». Подробная роспись обязательных расходов земства содержалась в различных уставных документах: Уставах народного продовольствия, Общественного призрения, Строительном, Путей сообщения, Положении о

[1] Подсчитано по: Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 590 ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств Уфимской губернии, 1875–1914 гг. Уфа, 1915.

взаимном земском страховании селений[1]. Из них видно, что все шаги земства по ведению хозяйства и формированию расходов были очень подробно расписаны, что в определенной мере упрощало деятельность земских собраний и управ.

Темпы развития и направления земской деятельности определялись прежде всего возможностями бюджета. Необходимость вложения в социальные отрасли, приглашение специалистов и складывание идейно-практического взаимообмена внутри земских губерний диктовали постоянное повышение уровня расходов, появление элементов соревнования между земскими уездами. Через земскую модель самоуправления Уфимская губерния оказалась включенной в процессы ускоренной модернизации страны. Усилия земских учреждений были сосредоточены на преодолении отсталости края от развитых в экономическом и культурном отношении губерний.

По размерам местного бюджета уфимские земства имели невысокие показатели. Согласно исследованию Департамента окладных сборов земских расходов МВД за 1895 г. Уфимская губерния с бюджетом в 1,4 млн р. находилась на пятом месте в числе 10 губерний, расходующих от 1 до 1,5 млн р. К ним относились Симбирская (1,4 млн р.), Вологодская (1,4 млн р.), Смоленская (1,4 млн р.), Костромская (1,4 млн р.), Санкт-Петербургская (1,4 млн р.), Ярославская (1,2 млн р.), Тульская (1,2 млн р.), Псковская (1,1 млн р.), Пензенская (1 млн р.) губернии. Лидировали по расходам только две губернии с бюджетом свыше 3 млн р. – Пермская (3,6 млн р.) и Полтавская (более 3 млн р.)[2].

Абсолютные цифры бюджета не всегда отражали полной картины. Необходимо учитывать такие факторы, как площадь территории губернии, плотность населения, личный состав учреждений местного самоуправления и пр. Например, в Олонецком земстве с наименьшим бюджетом расходы на одного жителя были максимальными по стране: в 1900 г. при земском бюджете 1 млн р. там на одного жителя тратилось 3 р., в 1912 г. при бюджете 2,3 млн р. – 5 р. Для сравнения: в

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40934 ; Демис Л.Н. Земство: политико-экономический сборник. 2-е изд. СПб., 1864. Год 1: Земские учреждения. С. 49–69.
[2] Расходы земств 34-х губерний, по сметам на 1895 год. СПб., 1896. С. IV–V.

том же 1900 г. в Уфимской губернии на 1 жителя тратилось менее 1 р. при бюджете 1,9 млн р., в 1912 г. – 1,91 р. при бюджете 5,7 млн р.[1]

Как показывают земские сметы Уфимской губернии, достижение равномерности земской работы достигалось за счет скачков расходов (см. табл. 13).

Таблица 13 – Темпы роста земских расходных смет в Уфимской губернии в 1895–1912 гг.

Год	Земские доходы в Уфимской губернии (р.)	Среднее годовое увеличение или уменьшение (в %)	
		в Уфимской губернии	по стране
1895	1 444 864	–	–
1900	1 892 349	+6,2	+6,7
1901	2 014 079	+6,4	+0,4
1902	2 175 580	+8,0	+7,0
1903	2 206 154	+1,4	+4,7
1906	2 760 887	+8,3	+8,3
1907	2 731 763	–1	– 0,8
1910	4 604 756	+22,7	+12,1
1911	5 110 557	+11	+12,1
1912	5 734 983	+12,2	+14,5

Составлена по: Доходы и расходы земств 40 губерний по сметам на 1912 г. СПб., 1914. С. XXVII ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств Уфимской губернии, 1875–1914 гг. Уфа, 1915. С. 190–191.

Если в Пермской губернии с наибольшим по стране бюджетом с 1895 по 1912 год он увеличился с 3,6 до 11,4 млн р., или в 3,2 раза[2], то в Уфимской губернии за тот же период бюджет возрос с 1,4 до 5,7 млн р., или в 4 раза. С 1900 по 1906 годы уфимские земства увеличивали свои доходы в среднем ежегодно на 6 %, в то время как средний показатель по стране составил 5,4 %.

[1] Доходы и расходы земств 34-х губерний по сметам на 1900 год. СПб., 1901. С. XII–XIII ; Доходы и расходы земств 40 губерний по сметам на 1912 г. С. XLVI.

[2] Расходы земств 34-х губерний, по сметам на 1895 год. С. IV ; Доходы и расходы земств 40 губерний по сметам на 1912 г. С. XLV.

Таблица 14 – Расходы на управление, народное образование и медицину в земских сметах в 1880–1914 гг. (доли в смете каждого земства, %)

Земство	Расходы земств Уфимской губернии							
	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1895 г.	1900 г.	1905 г.	1910 г.	1914 г.
Земское управление								
Белебеевское	10,2	11,2	9,1	8,7	6,8	7,3	12,2	8,0
Бирское	7,9	9,0	8,3	7,3	8,3	7,2	6,5	18,0
Златоустовское	11,4	11,3	10,0	9,2	8,7	8,3	9,6	6,6
Мензелинское	7,6	8,1	7,6	6,6	5,9	8,1	7,8	7,0
Стерлитамакское	11,9	8,6	9,7	7,6	7,6	7,3	8,7	6,9
Уфимское	9,9	10,4	11,4	9,8	9,7	9,0	11,5	8,1
Губернское	20,6	17,6	11,6	17,1	11,2	11,0	7,9	8,3
Народное образование								
Белебеевское	9,6	13,2	13,9	15,9	21,5	26,9	34,4	45,0
Бирское	12,4	15,7	12,3	9,9	20,7	25,0	41,0	35,4
Златоустовское	21,8	22,7	22,6	23,1	26,9	29,3	45,2	39,3
Мензелинское	23,4	20,9	18,9	15,9	24,2	28,1	27,0	40,0
Стерлитамакское	12,0	12,9	14,8	11,1	13,1	21,7	27,9	50,7
Уфимское	11,6	9,5	12,7	11,8	18,1	23,9	27,4	48,0
Губернское	5,6	7,6	4,4	9,6	5,4	9,2	8,0	12,7
Медицина								
Белебеевское	18,9	18,3	21,1	24,7	28,5	36,0	23,6	23,5
Бирское	22,4	28,5	28,7	37,6	34,0	38,4	30,6	28,6
Златоустовское	21,5	24,3	27,3	28,8	32,5	35,9	27,0	22,5
Мензелинское	25,2	21,2	27,7	21,6	25,9	35,8	27,0	21,0
Стерлитамакское	27,3	24,2	26,3	16,5	26,9	32,0	29,9	17,0
Уфимское	14,7	20,3	22,7	18,3	31,4	31,4	24,4	18,3
Губернское	29,6	29,3	23,4	21,1	17,2	21,5	27,7	27,4

Составлена по: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 192–207.

Резкий рост земских доходов в 1910 г. был обусловлен двумя факторами – получением государственных пособий на отдельные проекты и повышением

налоговых ставок в соответствии с итогами оценочных работ. После 1910 г. Уфимская губерния входила в число губерний со средним уровнем ежегодного возрастания расходов.

При изучении земских расходных смет в первую очередь представляют интерес затраты на медицину, народное образование и земское управление как показатели эффективности местного самоуправления. Их удельный вес в земском бюджете по Уфимской губернии показан в табл. 14. Из нее видно, что удельный вес финансовых затрат, а значит, и главных направлений оставался примерно одинаковым – вплоть до 1910 г. на первом месте шли расходы на медицину, на втором – на развитие народного образования и на третьем – на земское управление. Сравнительно большие затраты на земское управление наблюдались в Уфимском уездном и губернском земствах. В Уфимском уездном земстве расходы повышались за счет пенсий чиновникам и земским служащим, а губернская управа выделялась широким исполнительным аппаратом из наемных служащих. В остальных уездных земствах на управление тратилось примерно одинаково, независимо от площади уездов.

Система финансирования местных потребностей из земского бюджета была многоярусной и достаточно гибкой. Объемы обязательных и необязательных расходов, государственного кредитования неотложных нужд (продовольственная помощь, казенные займы на текущие расходы) могли видоизменяться, корректируя земскую деятельность.

Изменение динамики необязательных расходов соответствует периодизации истории земства. в период действия Положения 1864 г. расходы были неустойчивы, что объяснялось скудостью бюджетов.Второй период начался после введения в действие Положения о земских учреждениях 1890 г. и продолжался до 1906–1907 гг. Для него характерна четкая тенденция повышения расходов на народное образование и медицину. Укрепление земских смет явилось следствием общегосударственной налоговой политики, заложенной Министерством финансов во главе с С.Ю. Витте.

С конца 1890-х гг. повышение сборов с населения, в первую очередь в целях поддержки промышленности, оказала влияние и на земскую налоговую сферу. Можно констатировать изменение парадигмы земской налоговой политики, которая стала формироваться исходя из поставленных целей, а не из финансового положения плательщиков.

Третий период охватывал 1907–1914 гг. Под влиянием работы Государственной думы правительство стало выделять пособия земствам на реализацию крупных проектов по всеобщему обучению, развитию медицины и сельского хозяйства, которые стали источником роста земских бюджетов. Преобладающими стали пособия Министерства народного просвещения, за счет чего снизилась доля расходов на медицину и управление, хотя в абсолютных цифрах она также быстро увеличивалась.

В табл. 15 показаны темпы развития направлений земских расходов с помощью расчета показателей прироста необязательных расходов каждого земства по пятилетиям. Эти данные рельефно отражают ограниченность земских бюджетов до 1890 г. и отсутствие планомерной деятельности по развитию образования и медицинской помощи. Так, с 1885 г. вслед за увеличением расходов в 1876–1880 гг., все земства, за исключением Златоустовского, резко уменьшили смету на образование. В Мензелинском, Бирском уездных и губернском земствах эта линия продолжилась до 1890 г. С 1895 г. произошло увеличение расходов на народные школы, когда в каждом последующем пятилетии средств выделялось значительно больше. Наибольшие приросты расходов с 1910 г. наблюдались в Уфимском, Стерлитамакском и Белебеевском уездах, что отражало практические усилия по реализации проектов всеобщего обучения.

Расходы на медицину, несмотря на наибольшую долю и стабильное ее увеличение в бюджете, по абсолютным цифрам представляли значительное разнообразие по уездам и пятилетиям. В сравнении с государственными пособиями на школу, казенное финансирование медицины было намного скромнее.

Таблица 15 – Прирост или убыль основных необязательных расходов в бюджетах земств Уфимской губернии в 1876–1914 гг., %

Годы / Земства	1876–1880	1880–1885	1885–1890	1890–1895	1895–1900	1900–1905	1905–1910	1910–1914
1	2	3	4	5	6	7	8	9
На земское управление								
Белебеевское	+19*	+7	+6	+21	+9	+55	+222	+75
Бирское	–23	+13	–46	+26	+26	+25	+100	+266
Златоустовское	+7	+7	–8	+36	+13	+31	+108	+24
Мензелинское	–4	+24	–8	+35	–10	+52	+78	+88
Стерлитамакское	+20	–25	+5	+27	+23	+11	+122	+106
Уфимское	+1	+14	+10	+23	–4	+17	+171	+75
Губернское	+5	+9	+4	+101	+22	+23	+28	+80
На народное образование								
Белебеевское	+283	+35	+37	+45	+88	+82	+147	+253
Бирское	+46	+23	–18	+14	+133	+74	+264	+14
Златоустовское	–20	+13	+4	+50	+40	+48	+179	+58
Мензелинское	+26	+4	–11	+29	+55	+29	+76	+213
Стерлитамакское	–37	+46	+6	+23	+46	+90	+142	+371
Уфимское	+113	–11	+36	+32	+48	+67	+144	+333
Губернское	–57	–10	–9	+196	+6	+111	+55	+171
На медицину								
Белебеевское	+126	–6	+51	+48	+99	+83	+26	+167
Бирское	+20	+25	+5	+88	+1	+63	+77	+23
Златоустовское	+38	+22	+17	+55	+36	+50	+36	+52
Мензелинское	+38	–2	+28,3	+20	+22	+53	+39	+66
Стерлитамакское	+74	–8	+1	+3	+101	+36	+76	+47
Уфимское	+58	+50	+13	+15	+66	+26	+65	+86
Губернское	+57	+26	+25	+23	+52	+56	+128	+70

Окончание таблицы 15

1	2	3	4	5	6	7	8	9
На содействие экономическому благосостоянию								
Белебеевское	–**	–	–	+247	+35	+39	+220	+193
Бирское	–	0	–10	+336	+177	+40	+281	–50
Златоустовское	–	–	–	–	+2181	–39	+137	+62
Мензелинское	+20	–39	–27	+69	0	+155	+597	+6
Стерлитамакское	–	–83	0	0	+812	+374	+193	+72
Уфимское	–	–20	–53	+9300	–67,5	+23	+22,3	+176
Губернское	–	–	–	+225***	+952	+68	–6	+173

Составлена по: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 192–207.

*Расчет прироста либо убыли дан в сравнении с начальным и конечным годом пятилетия, например, в 1880 г. на земское управление в Уфимском губернском земстве было израсходовано больше, чем в 1876 г., и т.д.

** прочерк указывает на отсутствие динамики расходов.

***Подсчет выполнен с 1893 г., когда начали выделяться расходы по данной статье.

Удорожание земского управления после 1890 г. отражало развитие земской статистической службы, увеличение штатов специалистов-практиков – агрономов, ветеринаров, врачей, инструкторов, техников и государственные пособия на их содержание. Земские расходы по статье «содействие экономическому благосостоянию» отразили бессистемность самостоятельной земской деятельности по подъему народного хозяйства. Только государственная поддержка позволила наладить работу в области улучшения сельского хозяйства и развития частного земледелия.

Обозначенная периодизация земских расходов может служить основанием для анализа фактической деятельности местного самоуправления. Специфика каждого хронологического этапа отразила концептуальные особенности организации земства и его работы.

Первый этап охватывает деятельность уфимских земств по Положению 1864 г. Для него были характерны, с одной стороны, недостаточная планомер-

ность мероприятий из-за неустойчивой финансовой базы, с другой – большая роль собраний в определении направлений деятельности.

Стимулы, которые побуждали к активности земских депутатов от каждого избирательного собрания, были связаны в первую очередь с защитой их собственных экономических интересов. Для помещиков актуальным было юридическое закрепление земельной собственности – главной основы их благосостояния после утраты крепостных душ. Данное требование в качестве основной экономической задачи было сформулировано дворянами еще в ходе подготовки крестьянской реформы. В записке дворянскому собранию от 21 мая 1857 г. белебеевский помещик И.М. Бунин предлагал прежде устройства крестьянского быта просить императора назначить особые комиссии для решения земельных проблем дворян[1]. Уже на первом губернском земском собрании 1875 г. обсуждался вопрос о регистрации приобретенных у башкир участков и передаче земству права размежевания башкирских земель[2].

Покупатели башкирских земель не имели возможности опереться в этом деле ни на губернское по крестьянским делам присутствие, ни на межевую канцелярию, которые пресекали обострение земельного вопроса. По закону 10 февраля 1869 г. частновладельческие участки могли межеваться только при обоюдном согласии сторон[3]. И хотя правительство стремилось не допускать влияния частных интересов в решение земельного вопроса, заинтересованные земцы создали при губернской управе специальный Межевой отдел. Наряду с составлением земельного кадастра, он служил и для размежевания частных владений. Многие гласные считали недопустимым использование земства в частных интересах. На собрании 1883 г. ревизионная комиссия в составе М.М. Останкова, В.В. Авдеева, П.Ф. Гиневского, Ш.Ш. Сыртланова и М.А. Конопасевича предложила отстранить

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1528. Л. 78–81.
[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 611.
[3] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 44, ч. 1. № 46750.

земского землемера от составления «полюбовных сказок» (оформления соглашений по общей договоренности) и сократить расход на межевой отдел[1].

Церковь также проявила интерес к земскому институту. После открытия земских собраний епископ Уфимский Петр выступил с просьбой о содержании земством православного духовенства. По данным Бирской управы, по причтам церквей уезда ежегодно собиралось ружного хлеба на сумму 13 772 р. 87 к., во многих местах были сборы льном, куделью, продуктами. Земство, хотя и признало, что «подобные унизительные сборы роняют достоинство духовенства и служат одною из причин упадка нравственности среди народонаселения», тем не менее не сочло невозможным включить просимые расходы в раскладку земских сборов[2]. По заключению Белебеевской управы, обеспечение православных причтов постоянным жалованием относилось скорее к компетенции правительства, нежели земства, «состоящего из лиц разных народностей и исповеданий». Эти соображения учло и губернское собрание 1876 г. при отклонении вопроса о материальном обеспечении духовенства[3].

Сельские депутаты через земство стремились облегчить тяготы натуральных повинностей – ремонта дорог, предоставления лошадей для проезда должностных лиц, содержания помещений для арестантов, отвода квартир на постой и т. п., отнесенных к земским повинностям. Отстаивание собственных интересов крестьянами в первых земских собраниях было общероссийской тенденцией[4]. Ожидания облегчения податей, решения хозяйственно-бытовых нужд, проигнорированных в ходе крестьянской реформы, стимулировали активность крестьянских гласных в собраниях.

Подводную повинность, отнесенную первым губернским собранием к разряду уездных повинностей, в 1876 г. заменили земским сбором Стерлитамакское

---

[1] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. IX очередное собрание 1883 и VI чрезвычайное 1884 года. Уфа, 1884. С. 447–454.
[2] Доклады Бирской уездной земской управы 1876 г. по разным предметам. Уфа, 1877. С. 15–16.
[3] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 137. Л. 76.
[4] См., например: Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). С. 33 ; Курошева М.С. Становление Смоленского земства (1864–1889 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2015. С. 89.

и Златоустовское, в 1877 г. Мензелинское, в 1879 г. Бирское земства. Уфимское уездное земство в 1876 г. ограничилось отменой натурального содержания земской станции при уездном полицейском управлении и 17 помещений в уезде и только в 1880 г. перевело ее на земский сбор[1]. О расходах на подводную повинность по губернии можно судить по тому факту, что в 1882 г. земства потратили на нее 130,4 тыс. р., или 1/5 расходов уездных земств Уфимской губернии[2]. До перевода ее на денежный сбор в Бирском уезде на «ямскую гоньбу» уходило от 25 до 60 к. с души. Для сравнения, в 1872 г. государственные крестьяне платили в среднем 6,7 р., бывшие удельные – 6,3 р., помещичьи – 10,2 р. с души всех сборов в год[3].

Если до открытия земских учреждений специальных станций с ямскими лошадями в крае были единицы, то к 1914 г. в Уфимской губернии содержалось около 158 земских станций. В 1900 г. на их содержание уездные земства тратили 158,5 тыс. р.[4] За счет земского бюджета начали выполняться квартирная и этапная повинности.

Реализация крестьянских интересов в земских собраниях напрямую зависела от численности дворянского представительства[5]. Это было хорошо видно на примере крестьянского Златоустовского уезда, где сельское население последовательно освобождалось от натуральных повинностей[6].

Полностью ликвидировать натуральные повинности не позволяла ограниченность земского бюджета. Несмотря на ходатайства сельских сходов, земство не бралось компенсировать полицейскую службу выборных крестьян: расходы по сопровождению арестантов, дежурству при полицейских управлениях и в стано-

---

[1] Гиневский П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. Уфа, 1900. С. 25.
[2] Обзор Уфимской губернии за 1882 год. Уфа, 1884. С. 22–23.
[3] Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 20–23, 42–43.
[4] Доходы и расходы земств 34-х губерний по сметам на 1900 год. С. 176.
[5] Гиневский П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. С. 26.
[6] Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. Златоуст, 1914. С. 69.

вых квартирах[1]. В 1900 г. по всей Уфимской губернии выборных лиц по поддержке общественного порядка насчитывалось 15 834 человек[2].

Многовековым бременем для российского крестьянина была дорожная повинность, которую он выполнял круглогодично. По данным Уфимского губернского земства на 1880 г., эту повинность отбывали 548 110 человек, протяженность почтовых дорог по губернии составляла 1 166 верст[3]. Отмена натуральной дорожной повинности стала центральным требованием сельских гласных на протяжении первого земского десятилетия. Крестьяне знали закон о привлечении к земским повинностям всех собственников и настаивали на его немедленном исполнении. Волостные правления оказались в затруднительном положении[4]. Положительное решение вопроса не продвигалось в губернском собрании, к компетенции которого относилась дорожная повинность. На пятом губернском собрании заявление сельского гласного В. Якина о противоречии натуральной повинности смыслу земского положения о привлечении всех сословий к «земским тягостям» поддержал лишь мензелинский дворянин М.М. Останков[5]. Дворяне уклонялись и от поставок леса для ремонта дорог. Губернское собрание 1879 г., обсуждая замечания губернатора о необходимости соблюдения «уравнительности» в дорожной повинности, откровенно признало, что ее «исполнение... законным образом для съездов невозможно»[6].

Земство выделяло средства преимущественно на дорогостоящие и технически сложные работы – ремонт мостов, переправ и пр. В 1878 г. затраты из губернского земского сбора на дорожную повинность составили 32,3 тыс. р., в 1879 г. –

---

[1] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 650–651.

[2] Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 105.

[3] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 6. С. 48.

[4] Постановления второго очередного земского собрания, доклады и отчет земской управы Уфимского уезда за 1876 год. Уфа, 1877. С. 155 ; Журналы XI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 года. Казань, 1886. С. 6–8.

[5] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1879. Вып. 4. С. 131–144.

[6] Там же. С. 153–154.

40,7 тыс. р.[1] Для сравнения: в конце 1870-х гг. натуральная повинность, по расчетам сельского гласного Уфимского уезда Е.И. Данилова, обходилась жителям губернии более чем в 500 тыс. р. Поскольку переложение ее на деньги «убьет все земское хозяйство», он указал на обязанность землевладельцев участвовать в дорожной повинности[2].

В 1899 г. Уфимском уезде 6 волостей ремонтировали дороги сами, а 22 заплатили земской управе за ремонт. К 1902 г. 15 волостей оплачивали земству дорожные работы по 15 к. с души. В 1902 г. в Бирском уезде за содержание 319 верст сельские общества платили управе 15,8 тыс. р., или по 12 к. с души[3].

Губернское земское собрание приняло постановление об отмене натуральной дорожной повинности только под натиском событий Первой русской революции, на заседании 24 января 1905 г.[4] При этом земство не смогло превысить расходы, затрачиваемые ранее населением, а уфимский губернатор в обращении к земскому собранию 1910 г. отметил ухудшение дорог после отмены натуральной повинности[5].

В период действия Положения 1864 г. сельские гласные за счет значительного числа голосов могли влиять на земский бюджет. Крестьяне голосовали обычно против повышения зарплат наемным работникам, чиновникам, мировым судьям и врачам. На Белебеевском собрании они предложили вычитать налоги из содержания земских служащих, на Мензелинском собрании 1878 г. крестьяне ходатайствовали о сокращении числа мировых посредников и судей, а в 1888 г. сельские гласные в связи с неурожаем предложили сократить жалование мировым судьям и большинством голосов понизили жалование фельдшерам[6].

---

[1] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 244.
[2] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1879. Вып. 1. С. 106–107.
[3] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 года. Уфа, 1905. С. 214.
[4] Там же. С. 52–53.
[5] Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXV очередной сессии с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1910. С. 6.
[6] Журналы XIV очередного Мензелинского уездного земского собрания с 11 по 18 октября 1888 г. и доклады управы с приложениями к ним. Казань, 1889. С. 6–15.

Со временем активность сельских депутатов угасла. Земская управленческая практика копировала государственную, строилась на сословных принципах. Социально-психологическая задавленность крестьян, их экономические проблемы отвели им скромную роль в собраниях[1]. Известными причинами, сдерживающими активность крестьян, были неграмотность, чуждость публичной деятельности. Например, на Стерлитамакском собрании 1876 г. сельские гласные были настолько утомлены многочасовыми «софистическими рассуждениями», что не явились на вечернее продолжение заседания. В том же году на Уфимском уездном собрании крестьянские депутаты выбрали доверенных для записи их мнений – во избежание «эксплуатации в пользу личного мнения»[2].

Первостепенное внимание земства уделяли народному образованию и медицине, на которые предназначались статьи земского бюджета необязательного характера. Обращение русской общественности к вопросам школьного обучения диктовалось почти поголовной неграмотностью основной массы населения России. Вопрос медицинской помощи населению также напрямую был связан с проблемами в области гуманитарных и национальных интересов страны.

Князь А.И. Васильчиков, рассуждая о предпочтениях земского хозяйственного управления и указывая на опыт далекой Америки, где остановились на необходимости всеобщего обучения, отмечал, что «народное образование есть интерес повсеместный, всенародный и непреложный»[3]. Действительно, школьный вопрос являлся актуальным для каждого земства на протяжении всего периода деятельности. Не будет преувеличением сказать, что многие гласные рассматривали просвещение в качестве главного средства, способного привести общество к нравственному перерождению и экономическому благоденствию.

К 1 января 1877 г. в ведении училищных советов Уфимской губернии состояло 115 сельских начальных училищ. С учетом восьми городских приходских,

---

[1] См., например: Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. С. 110–111.

[2] Постановления второго очередного земского собрания, доклады и отчет земской управы Уфимского уезда за 1876 год. Уфа, 1876. С. 8.

[3] Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений : в 2 т. 3-е изд. СПб., 1872. Т. 1. С. 440.

трех «инородческих», девяти образцовых Министерства народного просвещения было 135 училищ. В них обучалось 4 444 мальчика и 915 девочек, всего 5 359 учеников. Большинство училищ располагалось в непригодных зданиях, не хватало подготовленных учителей, законоучителей и учебных пособий[1]. Начальные учебные заведения, по словам представителя учебного ведомства А. Тарнавского, впервые увидевшего их во время экзаменов учеников на льготу по воинской повинности в 1875 г., «производили впечатление учреждений, не выросших из жизни, а посаженных на нее сверху, а учителя – людей, чуждых и самим училищам, и крестьянской жизни»[2].

Первыми представителями губернского земского собрания в губернском училищном совете были избраны председатель земской управы А.Д. Дашков и Н.А. Заварицкий, известные как школьные благотворители. В рядах земских гласных были директор Уфимской мужской гимназии В.П. Панов, а также Д.Д. Дашков, имевший опыт деятельности в рязанском губернском училищном совете[3]. Последний, по воспоминаниям А.В. Никитенко, был «прекрасно образованным молодым человеком» и устроил школу для крестьянских детей в своем имении неподалеку от усадьбы графа Льва Толстого, у которого бывал с визитами[4]. После переезда в Уфимскую губернию, Дмитрий Дмитриевич приложил немало стараний для комплектации училищ педагогами, по его предложению земство ввело доплаты за долговременную службу учителям.

Земство обозначило две основные цели – увеличение числа школ и подготовку учителей. Уфимское губернское земство выступило инициатором учреждения Благовещенской учительской семинарии в имении Дашковых. По планам правительства предполагалось открыть педагогическое учебное заведение в с. Елизаветино Белебеевского уезда, в казенном помещении с землей в 433 дес. для практических занятий по земледелию, огородничеству и садоводству. Губерн-

---

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1879. Вып. 1. С. 56–71.
[2] Из жизни Благовещенской учительской семинарии. Уфа, 1900. Кн. 1. С. 34.
[3] Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве и его доклады губернскому земскому собранию за 1869–1875. Рязань, 1903.
[4] Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877 гг.) : в 2 т. СПб., 1905. Т. 2. С. 461–462.

ское земство провело собственный проект, и по решению гласных губернского земского собрания семинария открылась в с. Благовещенский завод 2 октября 1876 г.[1] Земство купило у Дашковых новый выстроенный дом, усадебная земля была предоставлена ими во временное бесплатное пользование[2]. Братья-меценаты передали семинарии фундаментальную библиотеку из 4 087 книг, в ученической библиотеке хранилась 1 601 книга. При семинарии работало начальное училище для практических занятий воспитанников, которое в 1902 г. было преобразовано в двухклассное[3]. Позже Д.Д. Дашков пожертвовал на нужды народного образования 50 тыс. р., которые в виде специального капитала передал уездному земству. По решению Уфимского уездного земского собрания 1902 г. ежегодные проценты из «Фонда Дмитрия Дмитриевича Дашкова» предназначались на постройку школьных зданий и пособия учителям[4].

Начинания губернского земства по устройству годичных учительских курсов при двухклассных училищах в с. Благовещенском и Мысовых Челнах заглохли из-за малочисленности слушателей. Наиболее дешевым и простым способом подготовки учителей в земские школы стали земские стипендии в гимназиях, прогимназиях и городских училищах.

Главной задачей в уездных земствах было открытие сельских училищ. Вплоть до начала XX в. земские школы частично содержали сельские общества, обеспечивая их зданиями и отоплением – последнее условие было обязательным. Общественная теория местного самоуправления подразумевала в первую очередь наличие запроса со стороны общества, и при всей желательности обучение рассматривалось как добровольное мероприятие. На начальном этапе содержание земских школ крестьянами сдерживало распространение учебных заведений и

---

[1] Аминов Т.М. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века – до 1917 года. М., 2006. С. 91–94.

[2] НА РБ. Ф. И-124. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–10.

[3] Благовещенская учительская семинария // Уфимские губернские ведомости. 1903. 22 июля ; см. также: Ксенофонтова И.А. Книжные памятники из коллекции Дашковых // Археография Южного Урала : актуальные проблемы архивного дела в современном мире. Материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2016. С. 139–144.

[4] Сборник постановлений Уфимского уездного и губернского земских собраний, не утративших своего значения к 1906 году. Уфа, 1906. С. 25.

сказывалось на преждевременном выбытии учеников, родители которых не могли материально поддерживать их обучение.

Обширные доклады управ, посвященные народному образованию, признание гласными важности народных школ не всегда сопровождались соответствующими вложениями в сметы. Так, постановление первого Стерлитамакского собрания 1875 г. об открытии через год 32 начальных училищ осталось на бумаге, в то время как ходатайство об открытии классической прогимназии перед попечителем Оренбургского учебного округа получило поддержку[1]. В протесте гласного Д.А. Кудрявцева по этому поводу говорилось: «В настоящее время нам нужна школа народная, вот в чем наша насущная потребность, а не прогимназия латинская… куда может быть не попадет еще ни один крестьянский и башкирский мальчик». Но и гимназию из-за хронического безденежья земство не смогло постоянно поддерживать[2].

Ограниченность местного бюджета порождала разные проекты. Так, в Стерлитамакском земстве возникли планы устройства передвижных сельских школ, введения платного обучения, на сельские общества возлагались изготовление и ремонт школьной мебели, а позже и предоставление квартиры для учителя[3]. Были и такие предложения: увеличить число частных школ, а земству при прежнем бюджете пригласить недорогих учителей, найти тех, кто хотел бы просто учить грамоте. Златоустовское собрание 1897 г. просило оказать содействие в отоплении школ земских начальников, чем немедленно вызвало порицание в печати за «добровольное» привлечение администрации к внутреннему земскому вопросу[4].

---

[1] Невский В.А. Исторический очерк первого сорокалетия деятельности Стерлитамакского уездного земства (1875–1914 гг.). Стерлитамак, 1914. С. 9.

[2] Там же. С. 9–10.

[3] Сборник постановлений, докладов и отчетов 3-го очередного и 3-го чрезвычайного Стерлитамакских уездных земских собраний. Уфа, 1878. С. 46–49 ; Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 40-й чрезвычайной сессии 1914 года. С приложением докладов и отчетов уездной земской управы и заключений ревизионной комиссии. Стерлитамак, 1915. С. 27–28.

[4] Оленич Н. Неразрешенный школьный вопрос // Уфимские губернские ведомости. 1897. 14 нояб.

Нехватка земских средств и нежелание крестьян нести дополнительные расходы по «училищной» повинности вели к медленному расширению сети школ и очень часто – к прекращению обучения крестьянских детей. С 1876 по 1890 год земские школы Уфимской губернии увеличились с 59 до 100 – то есть в среднем земство открывало за год по губернии две или три школы. Число всех субсидируемых земством начальных школ (Министерства народного просвещения, Св. Синода и пр.) выросло со 110 до 330[1].

В сфере медицины, в отличие от образования, не было приближенной к земству структуры управления. При открытии земства в его ведение перешли 7 больниц, в том числе губернская больница с 51 койкой, дом умалишенных на 36 коек, уездные больницы в Бирске на 15 коек, Белебее и Стерлитамаке по 12 коек, башкирские больницы в д. Салихово Уфимского уезда и д. Селясово Бирского уезда по 5 коек каждая. В губернии функционировали 53 фельдшерских и 8 акушерских пунктов. Медицинский персонал был представлен девятью врачами, 75 фельдшерами, 10 повивальными бабками[2].

Показательно, что Уфимское губернское земство просило губернское правление курировать земских врачей, но не получило поддержки[3]. Как показано в исследовании В.Ю. Кузьмина, центральное руководство земско-медицинской службой осуществлял Медицинский департамент Министерства внутренних дел (с 1811 г.), в 1904 г. его функции перешли к Управлению Главного врачебного инспектора и Главному управлению по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. Ими формировалась законодательная база медицины, координировалась лечебно-санитарное и медико-продовольственное дело в периоды чрезвычайных ситуаций[4].

---

[1] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 290–307.

[2] Киньябулатов А.У., Роднов М.И. Здравоохранение // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века : в 2 т. Уфа, 2007. Т. 2. С. 301–302.

[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 422.

[4] Кузьмин В.Ю. Роль власти и земства в становлении отечественной медицины XVII – начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2003. Т. 3. № 5. С. 244 ; Его же. История земской медицины России и влияние

Административное управление возлагалось на врачебное отделение губернского правления. Его чиновник – губернский врачебный инспектор, а в уездах – уездные врачи отвечали непосредственно за медико-полицейский надзор. Существовала еще медицинская система в заводских округах, имеющая отдельное финансирование и управление. Со времени организации земства хорошо оснащенные и укомплектованные врачами заводские больницы за счет привлечения земского бюджета были использованы для обслуживания всего населения прилегающих территорий.

В результате практики в уездных земствах вырабатывались разные типы медицинской помощи – стационарный, разъездной и смешанный. Врачебный персонал не в последнюю очередь зависел от руководства управ, выступающего работодателем и контролером наемного персонала. Условия жизни провинциального врача хорошо обрисованы в записках А.И. Веретенниковой (1855–1888). Эта талантливая и работоспособная женщина оставила яркий след в истории Белебеевского земства.

Анна Ивановна происходила из семьи самарского учителя И.Д. Веретенникова. Ее мать – Анна Александровна, была родной сестрой Марии Александровны Бланк – матери Владимира Ульянова, будущего пролетарского вождя. После окончания гимназии в Самаре и работы учителем А.И. Веретенникова в 1877 г. поступила на женские врачебные курсы при военном Николаевском госпитале в Санкт-Петербурге. Врачебная стезя была выбрана не случайно. Ее дед Израиль Мойшевич Бланк (после крещения в 1820 г. Александр Дмитриевич, 1799–1870) окончил Медико-хирургическую академию и в 1840-х гг. служил врачом Златоустовского оружейного завода. Недолгое время он был также инспектором по врачебной части Златоустовского округа[1].

Весной 1882 г. А.И. Веретенникова окончила медицинские курсы, не согласившись на должность ассистента, стала ожидать вакансии земского врача. В

на нее государства и общественности (1864 – февраль 1917 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Оренбург, 2005. С. 20–23.

[1] Черноухов Э.А. Врачи Златоустовского казенного горного округа // Науч. чтения памяти профессора А.З. Асфандиярова «Социально-экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI–XXI вв.)» : материалы Всерос. конф. Уфа, 2017. С. 123.

конце 1882 г. она приступила к работе в с. Буздяк, центре четвертого медицинского участка, куда входило население восьми больших волостей Белебеевского уезда. За неимением больничного помещения больных принимала в одной половине своего жилого дома, где также проводила операции и выхаживала пациентов, расходуя более половины жалования на медицинскую помощь. Отсутствие необходимых лекарств и лечебных материалов, длительные разъезды по больным не ослабляли ее энергии и стремления служить народу. Поставив себе цель за два месяца изучить язык башкир и татар, между делом заучивая слова и обороты речи, Анна Ивановна вскоре могла сама вести речь с местным населением о болезнях и способах их лечения.

Больше, чем тяжелые условия, деятельность земского врача отягощали другие обстоятельства – скудное финансирование участка, отсутствие слаженной системы медико-санитарной помощи, а главное – бюрократизм земского управления. В автобиографичном произведении «Записки земского врача» А.И. Веретенникова дала хлесткие характеристики выборным членам управы, председателям управы А.А. Ахтямову (Краснобаев) и И.М. Бунину (Самодуров)[1]. Как многие образованные молодые люди Анна Ивановна находилась под влиянием народнических идей, которые привели сначала к конфликту с управой, а затем к увольнению. Память о ней и еще одной женщине – земском враче Воробьевой как усердных труженицах, погибших от чахотки, гласные Белебеевского собрания хранили долго[2].

В 1888 г. в Уфимской губернии, по подсчетам А.В. Ахметшиной, было 34 земских врача, 98 фельдшеров[3]. По данным трудов второго съезда врачей, в конце 1880-х гг. в губернии работали 38 врачей, 69 фельдшеров, 9 акушерок, 8 акушерок-фельдшериц, 5 провизоров, было 15 больниц и в них 438 коек[4].

---

[1] Веретенникова А.И. Записки земского врача / предисл. В.А. Скачилова. Уфа, 1984. С. 68–78.
[2] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXII-е очередное собрание 1896 г. Самара, 1898. С. 66.
[3] Ахметшина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX века. С. 58.
[4] Там же ; Труды 2-го съезда земских врачей Уфимской губернии. С. 59.

К 1890 г. в губернии насчитывалось 37 врачебных и 27 фельдшерских пунктов[1]. Охват населения врачебной помощью по сравнению со средними показателями в земских губерниях – 1 врач на 21 тыс. человек, был существенно ниже – 1 врач на 57,4 тыс. человек[2].

Рассматривая деятельность земских учреждений Уфимской губернии по Положению 1864 г., необходимо отметить, что она была сопряжена со многими трудностями. Основным их источником, как это ни странно покажется на первый взгляд, служила самостоятельность, а точнее – самодеятельность местного самоуправления. Доверив общественному представительству сферу местного управления, государство переложило на плечи земских гласных множество задач. Численная ограниченность земских собраний и недостаток профессиональных подходов нередко приводили к разрозненной, спонтанной работе специалистов. В конце 1880-х гг. современник, критикуя местное самоуправление, писал, что земство «в большей части уездов если и занималось развитием числа школ и больниц, то преимущественно потому, что это было дело легкое, для ведения его все формулы были готовы…»[3]. На отсутствие планомерности в открытии школ указывал член Златоустовского училищного совета, священник М. Покровский: «Идя вперед без плана, хотя и сто лет проживем, на достижение цели рассчитывать будет весьма трудно»[4]. Ревизионная комиссия Стерлитамакского собрания 1890 г. итоги 15-летней работы показала в безрадостных тонах и признала, что приобретенные выгоды не соответствовали затратам «почти в полтора миллиона рублей»: «Наше хозяйство встало уже давно на неправильный путь и пошло небрежно»[5].

Отсутствие четких практических концепций развития и нехватка необходимых средств были сложной проблемой. Земское самоуправление могло быть об-

---

[1] Ахметшина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX века. С. 64.

[2] Там же. С. 156.

[3] Милютин И.А. Пора нам разобраться: голос из провинции по поводу проекта реформы местного управления. СПб., 1888. Ч. 1. С. 11.

[4] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 5–6. С. 70–71.

[5] Невский В.А. Исторический очерк первого сорокалетия деятельности Стерлитамакского уездного земства (1875–1914 гг.). С. 12 ; Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 40-й чрезвычайной сессии 1914 года. С. 29.

речено на стагнацию со скромными результатами. Поэтому пересмотр земского Положения с целью согласования работы земских и правительственных учреждений имел практическую актуальность.

Следующий хронологический отрезок – 1890–1905 гг., выделенный как второй этап земской деятельности, характеризовался качественным расширением «необязательных» направлений. За счет увеличения финансовых смет углубилась специализация отдельных земских отраслей. С 1890-х гг. отчеты управ начали издаваться по отдельным направлениям деятельности – школьному, медицинскому, санитарному, ветеринарному, страховому.

В рассматриваемый период выделилось агрономическое направление земской деятельности. Правительственные и земские мероприятия активизировались после голода 1891–1892 гг. По мнению исследователей, в 1890-е гг. произошел «психологический перелом» в оценке практического значения агрономической науки, возросло значение общественных организаций в систематизации и объединении земских мероприятий[1].

Экономические проблемы представляли для земств неосвоенную и сложную тему. Безусловно, проблема развития аграрного сектора производства была значительно шире компетенции земских учреждений. С другой стороны, именно на местах могли указать на насущные нужды и вопросы, ждущие своего разрешения. Однако главный вопрос – вопрос об экономическом благосостоянии населения земские учреждения почти не затрагивали по собственной инициативе. Отдельные выступления гласных или труды статистиков, указывающие на бедность, малоземелье, задолженность населения, как правило, не получали дальнейшей разработки. Именно в этом проявилась отдаленность земства от практических проблем, выявилась его суть как специального полуправительственного учреждения, а не как органа местных жителей. Писатель, врач С.Я. Елпатьевский, сосланный в 1880-е гг. в Уфимскую губернию, упоминая о неумении дворян приспособиться к условиям жизни и «освободиться от традиции и психологии крепостных

[1] См., например: Королева Н.Г. Основные направления хозяйственно-экономической деятельности земств в XIX – начале XX века // Земское самоуправление в России. 1864–1918. Кн. 1. С. 331–337.

времен», заключал: «Но нет ли здесь, в этой бесхозяйственности… в какой-то невыработанности должной техники жизни общенациональных черт, присущих и купечеству, и культурным, интеллигентным людям, и всему народу?»[1].

В 1894 г. правительство предложило земствам обсудить проект о создании местных органов сельскохозяйственного управления и способах улучшения сельского хозяйства. Это послужило толчком к появлению Экономических советов при земских управах[2].

В Уфимском губернском земстве обсуждение проекта Министерства сельского хозяйства и государственных имуществ совпало с организацией при управе агрономической службы. В 1893 г. эту работу начал агроном Ф.Ф. Штумпф. По его проекту через год были учреждены губернский Экономический совет и склад сельскохозяйственных орудий.

Уфимский губернатор стремился не допустить образования отдельной земской структуры с самостоятельными полномочиями. Административную линию поддержал Сенат, издав специальный указ от 2 сентября 1906 г., по которому право голоса в Экономическом совете Уфимского губернского земства могли иметь только члены из земских гласных[3]. Обоснованность опасений правительства подтвердил тот факт, что земцы использовали новую структуру в качестве дополнительной площадки для обсуждения политических проблем. Так, в 1896 г. в Уфимском отделении Московского общества сельского хозяйства, примкнувшем к Экономическому совету, обсуждался доклад Д.Н. Тяжельникова «Значение народного образования в разрешении нашего экономического кризиса». Начальник Уфимской губернской жандармской управы полковник М.М. Громыко считал, что мысли автора тождественны с «пропагандою уфимского кружка народовольцев» и запросил из Московского комитета характеристику на статью Тяжельникова[4]. В 1901 г. секретарь Уфимской губернской управы С.Н. Салтыков представил губернскому Экономическому совету доклад о мелкой земской единице,

[1] Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. С. 44.
[2] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 2. С. 154.
[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 34.
[4] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 57. Л. 1.

составленный вслед за обсуждением проблемы всесословной единицы местного самоуправления на Всероссийском съезде деятелей по агрономической помощи местному хозяйству в 1901 г. в Москве[1]. В целом Экономический совет либеральные земцы использовали как независимую от собрания структуру для обсуждения широкого спектра вопросов – от хозяйственно-экономических до политических. На заседаниях обсуждались вопросы организации выставок орудий и породистого скота, издания популярных брошюр по агрономии и пчеловодству, сохранения породы башкирской лошади и др.

Агроном А.И. Книзе и гласный И.Г. Жуковский разработали проект земской агрономической организации в губернии[2]. Центральным пунктом их программ являлось создание общегубернской агрономической организации под руководством агрономического отдела губернской земской управы. Исходя из опыта общероссийских профессиональных съездов, А.И. Книзе ведущую роль отводил специалистам и их совещательным органам при губернской земской управе: «Совещания и съезд агрономов должны представляться центральным ядром всей организации»[3].

Разработка концепции земской агрономической организации продолжалась в 1893–1901 гг., но в сравнении с широким теоретизированием практические результаты оказались незначительны. В уездах открывались филиальные отделения склада, в Мензелинском уезде их было три, при уездных управах были учреждены должности агрономов[4]. Еще в 1891 г. приглашенный в губернию для борьбы с вредными насекомыми профессор Петровской сельскохозяйственной академии К.Э. Линдеман указывал на необходимость коренной перемены существующих систем полеводства. По мысли земцев, рационализация сельского хозяйства

---

[1] Протоколы и труды Экономического совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного совещания земских агрономов Уфимской губернии при губернской земской управе. Уфа, 1902. Вып. 15. С. 125–148.

[2] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания XXII очередной сессии. Уфа, 1897. С. 32–33, 299–303 ; Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 4–15.

[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 10.

[4] В уездах должность агронома учреждалась и ранее: в 1891 г. в Белебеевском уезде работал агрономический смотритель, в Мензелинском уезде агрономом работал Д.Н. Тяжельников.

должна была произойти с помощью нового, агрономически грамотного поколения сельских хозяев. Земство вновь использовало просветительское направление, как более понятное и дешевое для реализации. Исключительным случаем выглядела подготовка Уфимским уездным земством мастеров по сельскохозяйственному машиностроению в Ново-Троицкой и Булгаковской ремесленной мастерских[1].

С 1891 г. работала сельскохозяйственная школа Мензелинского уездного земства, в 1896 г. открылась Белебеевская сельскохозяйственная школа губернского земства[2]. При них действовали опытные поля и фермы, что позволило добиться в некоторых отраслях сельского хозяйства высоких результатов. Как показало время, выпускники школ пополняли в первую очередь ряды служащих в земствах и частных хозяйствах специалистов и упомянутые школы в 1911 и 1912 гг. были перепрофилированы в сельскохозяйственные училища с некоторым изменением учебной программы. Уездные земства выделяли стипендии в сельскохозяйственные учебные заведения, средства на устройство пришкольных садов и огородов, распространение специальной литературы, в том числе и с переводом на тюрки[3].

Уфимское губернское земство принимало участие в содержании казенной школы огородничества, пчеловодства и плодоводства им. М.Э. Ляховой. Она была открыта в 1904 г. на земле и на средства землевладелицы М.Э. Ляховой, по инициативе и при значительной финансовой поддержке (100 тыс. р.) А.Д. Дашкова[4].

---

[1] Протоколы и труды Экономического совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного совещания земских агрономов Уфимской губернии при губернской земской управе, с 16 по 21-е августа с. г. Уфа, 1900. Вып. 12.

[2] Аминов Т.М. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века – до 1917 года. М., 2006. С. 248–254 ; Устав Мензелинской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда с однолетним приготовительным классом. СПб., 1891 ; Отчет по Белебеевской Уфимского губернского земства сельскохозяйственной школе 1-го разряда за 1911 год (С 1-го января 1911 по 1-е января 1912 года). Уфа, 1913. С. 36.

[3] См. также: Женина Л.В. Трансформация аграрной культуры уральского крестьянства под влиянием деятельности земств конца XIX – начала XX в. // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сб. науч. статей / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2015. С. 142.

[4] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 206.

Были и новаторские проекты гласных помещиков. Дворянин И.Г. Жуковский, которому принадлежало 22,7 тыс. дес. в имении Тюинский завод Аскинской волости Бирского уезда, подробно разработал концепцию выхода аграрного хозяйства из экономического кризиса. Его частная экономия была построена главным образом на арендных доходах. Жуковский предлагал отказаться от строгой зерновой специализации частного крестьянского и помещичьего хозяйства, перейти к комплексному развитию разных отраслей производства – скотоводства, травосеяния и ремесел. Он сочинил проект опытного хозяйства, учитывая его выгодное местоположение в окружении развитых частновладельческих хозяйств. В 1896 г. с этой целью И.Г. Жуковский в своем имении учредил Екатерининскую сельскохозяйственную школу с обязательством содержания в течение первых 12 лет ее помещения и служащих, живого и мертвого инвентаря, выделением распаханного участка до 10 дес. Предусматривались пособия от Департамента земледелия и государственных имуществ и земства. Автор проекта считал, что не только начальные, но и сельскохозяйственные школы страдают теоретическим стилем обучения и никак не содействуют улучшению сельскохозяйственной практики[1].

Другой видный уже неоднократно упомянутый земец Д.Д. Дашков изложил свое видение организации сельского хозяйства в записке под названием «Дворянство и народ (Идиллия)». В его проекте также содержалась критика существующего образования в сельскохозяйственных школах, а главное – ставилась проблема воспитания «прочно оседлых дворян», которые должны были стать основным ресурсом для подъема сельскохозяйственного производства. Причем и дворянство, и народ, по его мнению, представляли собой стороны единой цельной системы русского земледельческого хозяйства[2].

То, что среди гласных землевладельцев не сформировалась цельная экономическая программа, хорошо продемонстрировали труды местных комитетов, образованных в 1902 г. Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной про-

[1] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXII очередной сессии за 1896 год. Казань, 1897. С. 608–633.

[2] Дашков Д.Д. Дворянство и народ (Идиллия) // Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве и его доклады губернскому земскому собранию за 1869–1875. С. 1–17.

мышленности. Участники из чиновников, земских представителей и сельских хозяев обсудили широкий спектр вопросов. Помимо отдельных докладов земцев, посвященных вопросам улучшения сельскохозяйственного производства, например, доклад бирского гласного В.Г. Кощеева о государственном страховании посевов и некоторых других, земские представители сочли нужным использовать местные комитеты как площадки для либеральных требований.

Предложенные Совещанием вопросы относительно выкупных платежей и натуральных повинностей крестьян уездные комитеты решали по-разному. Бирский комитет наряду с широкой либеральной программой выступил против их отмены. Демократичные решения предложили Мензелинское и Стерлитамакское земства. Первое предлагало увеличить крестьянские наделы до 7–9 дес. «выселением ли избытка населения, прирезкой ли свободных государственных земель», второе – с помощью земских или казенных ссуд[1]. Они выступили также за отмену, либо облегчение выкупных платежей и против натуральных повинностей. За списание недоимок и выкупных платежей высказался также Белебеевский сельскохозяйственный комитет. Окончательное решение губернского сельскохозяйственного комитета о сохранении выкупных платежей было принято большинством 15 голосов против трех.

Главное значение деятельности уфимских земств в хозяйственно-экономической области заключалось в создании основ агрономической организации. В уездах появились Экономические советы (в 1895 г. в пяти уездах, в 1897 г. в Златоустовском), открылись филиалы губернского склада сельскохозяйственных орудий, в Мензелинском уезде к 1900 г. работали три филиала, торгующих орудиями в рассрочку, агрономы вырабатывали схему культурно-просветительской работы[2]. К 1904 г. во всех шести уездах губернии работали агрономы, с 1899 г. в Уфимском уезде и с 1903 г. в Бирском уезде появились долж-

[1] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 44 : Уфимская губерния. С. 212–213.

[2] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С. 130–149 ; Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1909. Т. 2. С. 153.

ности помощников агрономов[1]. Уфимская губерния вошла в число губерний, где практиковались агрономические съезды. Они прошли в ней в 1900, 1901, 1902, 1904 и 1906 гг.[2]

В развитии специализированных направлений земской деятельности большую роль играли всероссийские научные общества – Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Общество русских врачей им. Н.И. Пирогова и др.[3] Возникновению и развитию общественных организаций способствовали государственный патронат, покровительство членов императорской семьи[4]. Показательно, что членам и специалистам благотворительных учреждений Императорского человеколюбивого общества, учреждений Красного Креста присваивались права государственной службы[5].

Научные организации оказали немалое влияние на культурное развитие провинции. В 1896 г. по предложению метеорологической обсерватории Казанского университета Уфимское губернское земство организовало метеорологическую сеть, вошедшую в состав общей Восточной метеорологической сети[6]. Всего в уездах было открыто около 30 земских станций, которые до 1912 г. находились в ведении Казанской университетской обсерватории. С 1913 г. в Уфимской губернской управе учредили метеорологическое бюро со специалистами и изучение климата перешло под руководство земства. Количество метеорологических станций к 1914 г. было увеличено до 59[7].

---

[1] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С. 136, 150.

[2] Там же. С. 162.

[3] См.: Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 53 ; Лаптева Л.Е. Об истории земских учреждений России // Государство и право. 1993. № 8. С. 131 ; Абрамов В.Ф. Земская статистика : организация и практика // Вопр. статистики. 1996. № 3. С. 68–70 ; Чернышева Е.В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии. Челябинск, 2010. С. 340–341.

[4] См.: Брэдли Дж. Общественные организации в царской России. С. 345–360.

[5] Например, по закону 12 июня 1900 г. в учреждениях Российского общества Красного Креста должности соответствовали классам по чинопроизводству (см.: ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 20, ч. 1. № 18861).

[6] Протоколы и труды Экономического совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного совещания земских агрономов Уфимской губернии при губернской земской управе. Уфа, 1900. Вып. 12. С. 50.

[7] Труды метеорологической сети Уфимского губернского земства. Уфа, 1914. Вып. 1. С. 86.

Основание Стерлитамакской земской глазной лечебницы в 1900 г. было связано с работой «летучего отряда» Попечительства о слепых. По докладу командированного в уезд доктора С. Лобанова Стерлитамакское собрание пригласило в уезд первого окулиста – доктора Епинатьева[1]. В 1899 г. по инициативе председателя Общества борьбы с заразными болезнями принца Ольденбургского открылись первые в губернии летние ясли-приюты[2]. Их поддержали земства и общественные организации, в том числе уфимские общества врачей и народных университетов, санитарно-благотворительные попечительства в уездах. Развитию медицинской статистики при управах, системы карточной регистрации больных врачами способствовала программа санитарно-статистических исследований, присланная Обществом русских врачей.

Конец XIX – начало XX в. стали периодом расцвета творческой деятельности земских специалистов. Представители разных профессий – учителя, врачи, статистики и агрономы в ходе повседневной работы вели творческие эксперименты, научные исследования, писали литературные и специальные труды. В земских больницах изучались способы излечения отдельных болезней, проводились лечебные эксперименты[3].

В 1905 г. по инициативе гласного графа П.П. Толстого был основан Бактериологический институт губернского земства. Петр Петрович Толстой (1870 г. р.) девять лет избирался гласным Тетюшского уездного земства Казанской губернии, с 1903 г. был гласным Уфимского губернского земства от одноименного уездного собрания, а позже был избран депутатом IV Государственной думы на срок 1912–1917 гг.[4]

Уфимский Бактериологический институт, третий среди земских бактериологических институтов после самарского и пермского, способствовал развитию

---

[1] Фиш М.М. Очерк деятельности Стерлитамакской земской глазной лечебницы и очерк распространения трахомы в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Стерлитамак, 1904.

[2] Доклад управы XXVI очередному губернскому земскому собранию. Об устройстве деревенских «Яслей-приютов» в Уфимской губернии на время летних полевых работ». Уфа, [Б. г.]. С. 2.

[3] См.: Ручинский Б.П. К терапии крупозного воспаления легких. Уфа, 1913 ; Рождественский И.И. По вопросу о борьбе с алкоголизмом. Уфа, 1911 ; и др.

[4] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. С. 372 ; 3-й созыв Государственной Думы. Портреты, биографии, автографы. Прим. к таблице 39.

микробиологических исследований. При нем готовились противоэпидемические вакцины, лечебные сыворотки и диагностические препараты для многих распространенных тогда заболеваний – оспы, дифтерии, холеры, скарлатины, разрабатывались методы диагностики болезней, бактериологические исследования питьевой воды.

Росту профессионализма способствовали научные командировки, где врачи пополняли свои знания, учились новым практическим приемам лечения. В Златоустовском земстве с 1883 г. действовало постановление о предоставлении врачам после пятилетней земской практики права на шестимесячный отпуск в один из университетских городов с сохранением жалования и оплатой дорожных расходов[1]. В 1888 г. одну из таких поездок в Клинический институт великой княгини Елены Павловны в Санкт-Петербурге совершил земский врач Н. Болдырев. В его отчете земскому собранию перечислялись занятия, которые он брал у светил медицинской науки – хирургов Н.Д. Монастырского, Е.В. Павлова, окулиста Д.А. Донберга, акушера-гинеколога Д.О. Отта, бактериолога М.И. Афанасьева, дерматолога С.А. Сирского, практические уроки у зубного врача А.К. Лимберга и хирурга Э.Г. Салищева, некоторое время служившего земским врачом в Златоустовском уезде. Кроме этого, провинциальный врач воспользовался возможностью ознакомиться по пути следования с больницами в Екатеринбурге, Самаре, детской больницей Св. Владимира и Св. Ольги, а также Мясницкой больницей в Москве, присутствовал на заседаниях 9-го губернского съезда врачей Московского земства. По словам самого доктора, благодаря новым впечатлениям, он получил возможность «обновить свои силы и стремление работать на пользу дела, которому посвящена жизнь…»[2].

В 1899 г. заведующий санитарным отделом Уфимской губернской земской управы врач В.Я. Полферов был направлен для «бактериологических исследований и командировок в столицы для знакомства с новейшими методами борьбы с чумой и санитарной работой»[3]. Бирское земство ежегодно отправляло в Санкт-

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 158. Л. 60–62.
[2] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 170. Л. 81–83 об.
[3] Ахметшина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX века. С. 90.

Петербург по одному врачу. Стерлитамакское земское собрание 1900 г. признало право на командировки для врачей с пятилетним стажем[1]. В 1908 г. врачебно-санитарный совет при управе вынес решение о необходимости ежегодных командировок врачей, прослуживших более года, в целях улучшения уездной медицины[2]. При Стерлитамакской уездной земской больнице хирург М.В. Вакуленко наладил обмен практическим опытом с участковыми врачами, которые могли присутствовать на его операциях, принимать участие в организованных им врачебных съездах и заседаниях санитарного совета. Сам М.В. Вакуленко неоднократно участвовал в Пироговских съездах врачей в Москве и Санкт-Петербурге[3].

После революции 1905–1907 гг. начался следующий этап деятельности местного самоуправления. Участие Государственной думы в формировании бюджета способствовало финансовому союзу государства и земства и развитию школьного, медицинского и агрономического дела. С помощью государственных пособий земства воплощали в жизнь крупные проекты, суть которых можно обозначить как инфраструктурную модернизацию сельской местности.

В начале XX в. проблема приближения земства к нуждам населения оставалась злободневной, ее подчеркивали сами гласные и общественность. В речи стерлитамакского земца А. Гачечиладзе, произнесенной на юбилейной сессии уездного собрания 1914 г., говорилось о необходимости создания всесословной мелкой земской ячейки. Гласный констатировал, что уездные земства «превратились почти в бюрократические учреждения» Далее он утверждал: «Громадность территории хотя бы нашего уезда, почти полная недоступность непосредственного сношения с населением вследствие сильно расширившейся работы, когда составу управы не представляется возможным посетить все земские учреждения хотя бы по одному разу в год, создают оторванность земства от населения. Приближение земства к населению – одна из первенствующих задач, и это чувствуется

[1] Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 40-й чрезвычайной сессии 1914 года. С. 26, 34.
[2] Сборник протоколов заседаний Врачебно-санитарного совета при Стерлитамакской уездной земской управе. За 1908–1909 гг. Уфа, 1909. С. 10–11.
[3] Скачилов В. Люди подвига и долга. Уфа, 1973. С. 171–172 ; Шуляк Е.В. «Мы вечно будем называть его нашим…». О враче М.В. Вакуленко (1874–1944) // Земский врач. 2016. № 1–2 (29–30). С. 9–15.

всеми: и Правительством, и Земством в лице его представителей, и широкой массой населения»[1].

И хотя правительство оттягивало преобразование земского самоуправления, приближение земства к населению шло через создание районных и волостных пунктов земского обслуживания. Проблема территориального охвата земских плательщиков была не нова и возникла сначала в отношении санитарных участков для оказания помощи в период эпидемий. Необходимость числа желательных врачебных участков обсуждалась на втором съезде врачей Уфимской губернии в 1889 г., на пятом съезде в 1901 г. был поставлен вопрос о составлении сети медицинских участков в каждом уезде[2]. В уездах эту задачу выполняли санитарные врачи. Белебеевское собрание 1910 г. утвердило проект медицинской сети из 22 участков с радиусом в 15 верст[3]. Санитарный врач Уфимского губернского земства К. Станкевич разработал и опубликовал в 1911 г. проект «Сеть медицинских участков Уфимского уезда», который планировалось осуществить в течение 8–10 лет[4]. В Златоустовском уезде в 1911 г. проект «нормальной сети» врачебных участков составил врач М.Г. Рафес[5]. К 1913 г. в земских губерниях медицинский участок составлял в среднем 10–15 верст, в Уфимской губернии был зафиксирован наибольший радиус – 26,3 версты, что отчасти объяснялось небольшой плотностью населения[6].

По подсчетам А.В. Никитиной (Ахметшиной), с 1900 по 1915 год число врачебных участков в Уфимской губернии выросло с 39 до 70, для улучшения качества обслуживания постепенно сокращались фельдшерские пункты – с 54 в 1910 г. до 41 в 1915 г.[7] Согласно «Земскому календарю» на 1913 г. в каждом ме-

---

[1] Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 40-й чрезвычайной сессии 1914 года. С. 4–5.

[2] Никитина А.В. Роль съездов врачей в развитии земской медицины Уфимской губернии // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 117. С. 75.

[3] Материалы к совещанию врачей и представителей общественных учреждений Уфимской губернии, предполагавшемуся в 1914 г. Уфа, 1915. Ч. 1 : доклады уездных делегатов. С. 112.

[4] Сеть медицинских участков Уфимского уезда / сост. санит. врач Уфимского губернского земства К. Станкевич. Уфа, 1911.

[5] См. о нем: ГАОО. Ф. 43. Оп. 4. Д. 631.

[6] Кузьмин В.Ю. История земской медицины России и влияние на нее государства и общественности (1864 – февраль 1917 гг.). С. 29.

[7] Никитина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX веков : дис. … канд. ист. наук. Уфа, 2010. С. 97.

дицинском участке существовала больница или врачебно-амбулаторный пункт, дополнительно работали фельдшерские пункты[1].

Один медицинский участок, по сведениям 1912 г., обслуживал в среднем: в Белебеевском – 48,2 тыс. человек, Бирском – 50,3 и 1 776 кв. верст, Златоустовском – 26,6 и 1 174, Мензелинском – 47 и 1 204, Стерлитамакском – 33,2 и 1 657, Уфимском уезде – 36,3 и 1 612 соответственно. Радиусы участков были примерно от 19 до 24 верст[2]. В среднем по губернии с 1910 по 1915 год радиус медицинского участка уменьшился с 25 до 22 верст, количество населения на один участок – с 50 до 44 тыс. человек[3]. Расширение медицинской сети земства велось за счет специальных казенных займов. Например, в 1913 г. Белебеевское земство взяло крупный заем на открытие сразу восьми новых врачебных участков[4].

Школьные сети начали составляться после внесения в 1907 г. на рассмотрение Государственной думы законопроекта «О введении всеобщего обучения в Российской империи» и выделения пособий Министерства народного просвещения – 54,9 млн р. на нужды народного образования и 64,4 млн р. на строительство школьных зданий[5].

В 1908–1914 гг. уездные земства Уфимской губернии за получили казенные субсидии на постройку школ в размере 1,7 млн р.[6] Пособия Министерства народного просвещения земству составляли около половины расходов земства на образование. Например, по смете Белебеевского уездного земства 1914 г., на народное образование выделялось 590 446 р., из них 289 642 р. составляли пособие казны[7].

За рассматриваемый период в Уфимской губернии число земских и субсидируемых земством школ увеличилось почти в два раза – с 818 до 1 523[8].

Сделав шаг навстречу всеобщему обучению, государство обозначило свои приоритеты в этой важной идеологической области. Оно стремилось отвести зем-

---

[1] Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1913. С. 163–165.
[2] Там же. С. 160–162.
[3] Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. 1875–1917. Уфа, 1917. С. 2.
[4] Эльцин Б.М. Краткий обзор состояния земской медицины в Бирском уезде за 1913 год. Уфа, 1914. С. 2.
[5] Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / сост. К. Денисов. СПб., 1916. Вып. 3. С. 49.
[6] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 268-283.
[7] Смета доходов и расходов Белебеевского уездного земства на 1914 год. Белебей, 1914. С. 5.
[8] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 290– 307.

ству действительно хозяйственную роль, возложив на него содержание и строительство школьных зданий, в том числе и министерских училищ. К бюджету Министерства народного просвещения относилось обеспечение учителей (зарплаты и пенсии), которые выходили из подчинения управ. Усиление государственного влияния проявилось в бюрократизации школьного дела, росте числа разнообразных циркуляров Министерства народного просвещения[1]. На деле ограничить зоны действия земства было намного сложнее. При земских управах сложилась структура управления школами, ведающая обеспечением их учебниками, школьной статистикой, внешкольным просвещением, совещаниями специалистов и пр.

По участковому принципу шло также открытие библиотек. В 1908 г. при Уфимской губернской управе были выработаны правила о библиотечной сети, а в 1912 г. губернское собрание утвердило план библиотечной сети для губернии. Он составлялся с учетом рекомендаций 1-го Всероссийского съезда по библиотечному делу 1911 г. и получил высокую оценку педагога и просветителя Е.Н. Медынского[2].

Развитие земской участковой агрономии началось с 1909 г. в связи реализацией реформы П.А. Столыпина[3]. До этого подобные шаги земства вызывали опасения властей. Так, они не одобрили решения 4-го Совещания уездных земских агрономов 1904 г. о создании порайонных отделений уездных экономических советов как мелких сельскохозяйственных ячеек.

Правительственная аграрная реформа, направленная на выделение хуторских и отрубных хозяйств и поддержку частного сектора землевладения, не вызвала поддержки среди гласных. Они отрицательно отнеслись к идее разрушения крестьянской общины, отвергли девиз «помогать сильным» и поставили задачу

---

[1] Обухов М.И. На разные темы. Статьи по вопросам народного образования и учительского быта. Уфа, 1915. С. 145–153 ; Звягинцев Е.А. Земство и учебное ведомство // Юбилейный земский сборник. С. 368–369 ; Веселовский Б.Б. Всеобщее обучение и земство // Там же. С. 393–396.

[2] Доклад Уфимской уездной земской управы об организации внешкольного образования. Уфа, 1911 ; Гильмиянова Р.А. Подвижник книги и просвещения: вклад М.В. Амирова в развитие духовного потенциала Башкирии. Уфа, 2008. С. 22–24.

[3] Земская участково-агрономическая организация Уфимской губернии в 1913 году. Уфа, 1915. С. 208 ; Алешин П.Н. Роль института земства в развитии региона: историко-правовой анализ модели земской агрономии Уфимской губернии. Уфа, 2010. С. 71–72.

поддержки всего населения[1]. Примечательно, что еще в докладе Уфимской губернской земской управы по аграрному вопросу собранию 1906 г. вариант эволюции землевладения по пути развития крупного хуторского хозяйства рассматривался как неприемлемый из-за резкого отрыва от земли обедневшего сельского населения. Понимая промышленный подъем и урбанизацию как дело будущего, уфимские земцы ориентировались на улучшение жизненных условий крестьянского населения в традиционных условиях аграрной России. Это выразилось в развитии общественной агрономии. Как свидетельствуют документы уфимских земств, их мероприятия были направлены на развитие общинных крестьянских хозяйств и были схожи с общероссийской земской практикой, суть которой всесторонне раскрыта в работах А.В. Ефременко[2].

Материальной основой таких мероприятий служили государственные кредиты, выдаваемые на оказание агрономической помощи. В 1910 г. Уфимская губерния на эти цели получила 35 602 р., из них 17 652 р. предназначались на правительственную организацию, а 17 950 р. выделялись в форме безвозвратного пособия губернскому и уездным земствам[3]. Судя по Ведомости расходов на мероприятия по улучшению животноводства от 1911 г., у земства не было связей с единоличными крестьянскими хозяйствами. Из 15 пособий 6 получили помещики, 1 – сельскохозяйственная школа, 3 – купцы-скотовладельцы, проживающие в Уфе, и только 1 – башкир д. Сарт-Хасяново Караякуповской волости Уфимского уезда[4].

Распространению мер практической агрономии препятствовала бедность основной массы сельских хозяев, отсутствие элементарной экспериментальной базы для апробации всевозможных новшеств – улучшенных сортов семян, сель-

---

[1] Сборник докладов и журналов по агрономическому отделу 39 очередной – 1913 и 46 чрезвычайной 1914 г. сессий Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1914. С. 240–241.

[2] Ефременко А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002 ; Его же. Земство и реформы П.А. Столыпина // Земское самоуправление в России. 1864–1918. Кн. 2. С. 47–116.

[3] Отчет по организации персоналом землеустроительных комиссий агрономических мероприятий в хозяйствах единоличного владения в Уфимской губернии к 1 января 1912 г. Уфа, 1912. С. 1–4.

[4] Там же. С. 138.

скохозяйственной техники и орудий и пр. В докладе мензелинского агронома первому совещанию агрономов в августе 1900 г. говорилось, что три четверти всех домохозяев в уезде находятся без необходимой рабочей силы для «сколько-нибудь культурного ведения своего хозяйства»[1]. В итоге преобладало просветительская агрономическая деятельность, во многом теоретического значения. Земства признавали, что работа агрономов сводилась скорее «к роли чиновников по сельскохозяйственной части»[2].

В это время в деревне возникали ссудо-сберегательные, кредитные кооперативы и сельскохозяйственные общества. Ощутимый рост учреждений мелкого кредита начался с 1906 г., крестьяне сообща приобретали семена, сельскохозяйственные орудия, обзаводились породистым скотом, заводили собственные опытные поля. Это было самостоятельное стихийное и в некоторой степени неожиданное для земств движение[3]. Мензелинский помещик М.П. Харкевич на заседании Московского общества сельского хозяйства делился своим «открытием»: в различные общества входило до 80 % домохозяев района, их представители бывали на всероссийских съездах в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве[4]. Нельзя не согласиться с выводом А.В. Ефременко о том, что земства, как учреждения поместного дворянства, не могли не видеть в сельских кооперативах конкурентов на сельскохозяйственном рынке, чем объяснялось недостаточное субсидирование ими крестьянской кооперации[5].

За 1902–1912 гг. по стране в целом число кооперативных учреждений возросло с 837 до 8 084. В Уфимской губернии с 1905 по 1912 год их количество

---

[1] Протоколы и труды Экономического совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного совещания земских агрономов Уфимской губернии при губернской земской управе. Уфа, 1900. Вып. 12. С. 143.

[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXV очередной сессии с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1910. С. 288–289.

[3] Труды Уфимского губернского земского агрономического совета. Созыв 13. 18–22 ноября 1913. Журналы Совета, журнал соединенного заседания его с Уфимским отделом Московского общества сельского хозяйства и доклады. Уфа, 1914. С. 76–79.

[4] Труды Уфимского отдела Московского общества сельского хозяйства. 1913 год. Уфа, 1915. С. 153.

[5] Ефременко А.В. Земство и реформы П.А. Столыпина. С. 87.

увеличилось с 23 до 178. Другой формой хозяйственных объединений были сельскохозяйственные общества, в 1913 г. по губернии их было 76[1]. Источниками существования всех этих организаций, кроме членских взносов, были субсидируемые правительством земские кассы мелкого кредита: губернская (открыта в 1907 г.), Бирская (с 1907 г.), Уфимская, Белебеевская (обе с 1909 г.), Стерлитамакская (с 1910 г.), Мензелинская (с 1911 г.)[2].

Предложенный крестьянами вариант кооперативного развития деревни был подхвачен земскими управами для развития общественной агрономии. По инициативе заведующего статистическим отделом Уфимской губернской земской управы М.П. Красильникова был учрежден штат инструкторов мелкого кредита, при участии земского агрономического совета прошел съезд сельских хозяев губернии. При кредитных товариществах, в которых объединялись наиболее «сознательные элементы» деревни, открывались филиалы сельскохозяйственного склада Уфимского губернского земства, открывались зерноочистительные станции и пункты проката земледельческих орудий, устраивались показательные огороды. Один из современников писал: «кооперативное движение, так сильно охватившее за последнее время деревенскую Россию, в свою очередь, стало тоже живительным источником для развития земской агрономии. Стало чувствоваться, что в недрах деревни создается и крепнет такая ячейка, на которую легко может опереться земский агроном в своей работе…»[3].

Среди учреждений сельской кооперации Уфимской губернии были разные виды крестьянских объединений – маслодельные артели, общества птицеводства и пчеловодства, сельскохозяйственные общества, товарищества по улучшению скота и др. (см. Приложение Г). Вслед за учреждениями кредитной кооперации, развитию которых содействовали государственные кредиты, начался рост сельскохозяйственной кооперации мелкого районного масштаба с участием земских агрономов. На IX Уфимском губернском агрономическом совещании 1911 г. было

---

[1] Труды Уфимского губернского земского агрономического совета. С. 53–55.
[2] Отчет Уфимской губернской кассы мелкого кредита за 1911 г. Уфа, 1912. С. 19–32.
[3] Камкин П.В. В чем проявилось содействие земств кооперативным учреждениям мелкого кредита Уфимской губернии. СПб., 1911. С. 15.

вынесено особое постановление о поддержке кредитных товариществ[1]. Позиция Уфимского земства, проигнорировавшего значение деревенских союзов – сельскохозяйственных обществ, отличалась от подходов соседних Пермского и Вятского земств, проводивших среди них серьезную работу и ориентированных на интересы крестьянского населения[2]. Развитие земской участковой агрономии показало, что именно сельскохозяйственные общества могут служить ее целям. XII губернское агрономическое совещание 1913 г. склонилось в пользу поддержки сельскохозяйственных обществ, уездные земства поднимали вопрос об их финансировании[3].

Сложившаяся в уездах комплексная сеть учреждений земства показана в табл. 16. Наибольший охват населения земскими услугами наблюдался в компактном в территориальном отношении Златоустовском уезде, наименьший – в Бирском и Белебеевском уездах. Земские сети были неодинаковы по масштабам. В основе школьной сети лежал 3-верстный радиус[4].

По библиотечной сети одна бесплатная районная публичная библиотека-читальня открывалась на 15 тыс. человек[5]. Проект сети ветеринарных участков, разработанный губернской управой в 1911 г., предусматривал 15–20-верстный радиус – согласно указаниям Второго Всероссийского съезда ветеринарных врачей. К имеющимся 26 старым земским ветеринарным участкам (по 5 участков в Белебеевском и Стерлитамакском уездах и по 4 во всех остальных) планировалось открыть 44 новых (4 в Златоустовском, 5 в Мензелинском, по 8 в Стерлитамакском и Уфимском, 9 в Белебеевском и 10 участков в Бирском уездах)[6].

Таблица 16 – Организованные уфимскими земствами учреждения, 1913–1914 гг.

---

[1] Труды Уфимского губернского земского агрономического совета. С. 56–57.
[2] Там же. С. 58.
[3] Там же. С. 60–61.
[4] Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / сост. К. Денисов. СПб., 1913. Вып. 1. С. 3–11.
[5] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 296.
[6] Проект сети ветеринарно-врачебных участков в Уфимской губернии. Уфа, 1912. С. 1–18.

Отрасль, ее учреждения и специалисты / Уезд		Белебеевский	Бирский	Златоустовский	Мензелинский	Стерлитамакский	Уфимский	Итого
Просвещение школьное	Школы с земским пособием	436	204	179	229	194	266	1508
Просвещение внешкольное	Библиотеки пришкольные	15	30	21	15	15	15	111
	Библиотеки районные	11	14	12	13	12	12	74
	Библиотеки повышенные	2	4	7	4	1	11	29
Медицина	Число участков	14	13	11	9	11	12	70
	Больниц*	14	14	11	12	18	12	81
	Врачей	16	18	13	12	15	13	87
	Фельдшеров, акушерок	40	12	64	48	40	68	272
Агрономия	Число участков	11	8	4	6	6	5	40
	Агрономов	14	11	3	6	7	5	46
	Помощников агрономов	1	9	3	4	4	2	23
	Библиотеки агронома	8	7	3	4	4	4	30
	Пункты проката (число орудий)	8 (140)	7 (163)	3 (31)	4 (66)	4 (72)	5 (89)	31 (561)
	Показательные участки и др.	46	7	1	10	1	1	66
Ветеринария	Число участков	7	5	4	5	7	5	33
	Ветврачей	7	5	4	4	6	7	33
	Ветфельдшеров	7	5	6	4	6	5	33
Площадь (кв. верста)		19 793	21 415	15 779	11 209	18 513	17 429	104 138
Число волостей		41	40	30	31	34	38	214
Сельских обществ		676	601	159	504	574	662	3176

Источник: Календарь-справочник земского деятеля на 1915 год / сост. Б.Б. Веселовский. [Б.м. и г.]. С. 239–243 ; Обухов М.И. Народные и центральные библиотеки Уфимского губернского земства. 1914 год. Статистический очерк.

Уфа, 1915. С. 44–51 ; Земская участково-агрономическая организация в Уфимской губернии в 1913 году. С. 10–11, 26–27, 34–36, 50–51, 216–229 ; Отчет Уфимской губернской земской управы по ветеринарному отделу за 1913 год. Уфа, 1914. С. 140–145 ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 3, 290–327, 340–351 ; Очерк двадцатипятилетия земской ветеринарной организации в Уфимской губернии: 1888–1913 гг. / сост. А. М. Ксенжопольский. Уфа, 1913. С. 7–22 ; Труды Белебеевского уездного отдела внешкольного образования : Бюллетень № 1. Белебей, 1918. Вып. 1. С. 134.

*Указаны стационарные больницы и амбулатории в селениях и уездном городе.

Таким образом, в позднеимперский период оформились волостной и районный уровни земской инфраструктуры. Составление земских смет, рассчитанных на поддержку волостных и районных учреждений, концентрация в них профессиональных кадров и материальных ресурсов свидетельствуют о своеобразной реализации модели мелкой земской единицы.

В наиболее крупных торгово-промышленных центрах волости были сконцентрированы все виды земских услуг одновременно – школа, библиотека, почта, больница или фельдшерско-акушерский пункт, сельскохозяйственный склад, ветеринарный и агрономический пункты. Позже, в советский период именно они явились базой для создания районных центров: Буздяк, Бакалы, Бураево, Аскино, Мелеуз, Месягутово, Усть-Икинское и др.

Культурную среду волости формировала земская интеллигенция. Место народников, разночинцев заняли специалисты крестьянского происхождения. Формирование земских волостных единиц порождало своеобразные культурные центры сельского уровня, заменяя прежнюю модель административно-полицейского управления деревней. Усиление роли специалистов в системе земских учреждений размыло сословный характер самоуправления. Впервые были созданы параллельные административным корпоративно-профессиональные структуры руководства отдельными отраслями – медициной, народным образованием, ветеринарией и другими на низшем территориальном уровне.

Территориально и качественно земская деятельность расширилась по мере увеличения бюджетов. Первоначальная тенденция использования земства для ре-

шения экономических интересов помещиков (юридическое закрепление земель, использование «земского ресурса» для развития частных экономий) и крестьян (облегчение податного бремени) была актуальна в первое десятилетие после открытия земских учреждений. В конечном итоге земская деятельность оказалась направлена на создание инфраструктуры социально-культурных объектов – больниц, школ, библиотек, агрономических и ветеринарных станций. Земства стали играть роль органов территориального планирования и финансирования мероприятий, направленных на развитие участковой системы обслуживания населения того или иного уезда.

§ 3. Либеральные и революционно-демократические течения в земствах

Обширная компетенция земских учреждений и весьма зыбкая грань между хозяйственно-экономическими задачами местной жизни и общегосударственными проблемами способствовали постоянному стремлению земств к расширению рамок своей деятельности. Важным следствием развития местного самоуправления в губерниях стало земское либеральное движение. В широком смысле земский либерализм подразумевает общественное течение в земских органах за расширение самоуправления, гражданских прав населения, развитие конституционного строя в стране. В начале XX в. из земского либерального движения выделились политические организации, на базе которых в 1905 г. возникли партии октябристов и кадетов.

На примере исследования О.А. Курсеевой, в котором земский либерализм рассматривается в широком региональном аспекте – от губерний Центральной России до Поволжья и Урала, можно видеть исключительную схожесть идеологической атмосферы земских собраний, идентичность их требований и решений[1]. Именно земство стало источником распространения либерализма в провинции. При этом отдельный интерес представляют персональный аспект и особенности либеральных тенденций в отдельных уездах.

[1] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв. : региональный аспект. Уфа ; Стерлитамак, 2008.

В основательной монографии Н.М. Пирумовой о земском либеральном движении выявление участников оппозиционного движения сопровождается оговоркой автора о неточности списка земских либералов. Действительно, обобщенный анализ деятельности гласных может привести к схематичным построениям. Хотя основной состав либерального ядра автор обозначил совершенно верно, в него не попал председатель П.Ф. Коропачинский, возглавлявший «левую» управу. В то же время среди участников земского либерального движения Уфимской губернии были названы М.В. Кутлубаев и А.В. Новиков на основании привлечения их к следствию по делу об учительских библиотеках в 1903 г.[1] Они принадлежали к демократично настроенным гласным, но все же не относились к представителям земской оппозиции. Несколько односторонним и недостаточно обоснованным представляется утверждение О.А. Курсеевой о консервативно-охранительной направленности Златоустовского уездного комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности[2]. Поводом к подобной оценке стало то, что в ходе работы упомянутого комитета не была сформулирована либеральная программа. Хотя либеральная группировка гласных в уездном собрании действительно отсутствовала, но именно Златоустовское земство отличалось демократическим составом и социально ориентированной деятельностью.

Достаточно растяжимым и условным является и само понятие «либеральный земец». Сложность реконструкции персонально-биографических портретов заключается также и в том, что эволюция взглядов земских деятелей остается обычно «за кадром». При очерчивании круга либеральных земских деятелей нами была систематизирована разнообразная информация, почерпнутая из их выступлений на собраниях, материалов их докладов, сообщений прессы, исторической литературы и воспоминаний современников.

---

[1] Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. С. 274, 283.

[2] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв. : региональный аспект. С. 109 ; Ее же. С.П. Балахонцев – земский и общественный деятель Уфимской губернии. С. 119.

Земский либерализм генерировался небольшой прослойкой гласных и выборных членов управ. Либерализм неизбежно становился «символом веры» земцев также в силу западноевропейских истоков интеллектуального развития образованной элиты русского общества.

Наиболее яркими представителями земского либерализма, заложившими основы независимой земской деятельности в Уфимской губернии, стали упомянутые братья Дашковы. В отличие от поздних земских либералов, сконцентрированных на политической борьбе с правительством, Дашковы продвигали комплексную либеральную схему, направленную на защиту частных и общественных экономических интересов, обеспечение правового порядка, ограждающего местное самоуправление от вмешательства государства, модернизацию сельского хозяйства.

Ссыльный С.Я. Елпатьевский, врач в Благовещенском заводе, характеризовал их как противоположных чиновному кругу деятелей[1]. Определенное переосмысление либеральных идей произошло у Д.Д. Дашкова на склоне лет. В статье «Дворянство и народ» (1893) он выразил близкие к славянофильским суждениям взгляды. Согласие автора напечатать в «Трудах Рязанской Архивной Комиссии» тексты его отчетов и докладов по народному образованию Рязанскому губернскому собранию сопровождалось условием непременной публикации при этом и указанной статьи. Переосмысление Дмитрием Дмитриевичем роли земства произошло под влиянием собственного опыта работы в местном самоуправлении, результатов земского Положения 1890 г., помогла и «жизнь в медвежьем углу, среди народа»[2].

Отход от первоначальной реформаторской парадигмы и замена шестидесятников выборными чиновниками от земства заставили Д.Д. Дашкова переместить внимание с прежних просветительских задач на экономические проблемы. По существу его сочинение представляло реформаторский проект, в котором задолго

[1] Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. С. 91–93.
[2] Дашков Д.Д. Дворянство и народ (Идиллия). С. 17.

до П.А. Столыпина была предложена реформа русского земледелия с опорой на частного землевладельца.

Коренное отличие дашковского проекта от столыпинского было в том, что костяк среднего класса земледельцев должны были составить мелкопоместные дворяне. Выбор дворянского сословия Д. Дашков объяснял не сословными симпатиями (он не делал в данном случае различия между потомственными и личными – «нам нет дела до исторического происхождения дворянства»), а привязанностью их к земле и связью с местностью. С культурно-экологической точки зрения, землю должны были обрабатывать те, кто ее любил и готов был «лелеять», а не «новое полчище чиновников, ученых» – агрономических смотрителей или «ищущих сиюминутную выгоду» кулаков. По его мнению, исчезновение помещика-хозяина – главного хозяйственного условия успешности реформы, «принижение неслужащего помещика перед лицом чиновника» привели к дальнейшему упадку земледелия.

Крупной ошибкой реформы русского сельского хозяйства явилось, считал Д.Д. Дашков, игнорирование небогатого поместного дворянства, в котором видели только служилый элемент. Развитие «мелкопоместий» могло быть мощным рычагом для поднятия общественного благосостояния: «Если правда, что дворянство может иметь значение как охранительный элемент, то только при условии, чтоб опираться на широкий фундамент живущего по деревням поместного сословия, лично ведущего свое хозяйство, образованного, бережливого и близкого к народу»[1]. За ними должна была подняться и деревня, поскольку связь дворянского и крестьянского сословий представляла «внутреннюю жизнь русской земли». Из пореформенного школьного опыта Д.Д. Дашков переосмысливал и общие цели народного просвещения. Он писал: «У нас уже очень много было – не скажу сделано, но – говорено об образовании народа. При этом несколько упускалось из виду, какие громадные средства нужны для достижения самого скромного результата; просмотрен был, во всяком случае, исторический закон, что ни природа, ни общество не развиваются скачками и что образованность распространяется лишь

[1] Дашков Д.Д. Дворянство и народ (Идиллия). С. 16.

постепенно, как разлив реки потопляет одну низину за другой, что через посредствующее общественное звено ей перескочить нельзя и что до крестьянской массы она дойдет не иначе, как охватив сперва все то, что лежит между ним и образованным в настоящее время кругом. […] Больше было бы уже сделано и прочнее бы дело стояло, если б, рядом с усилиями и пожертвованиями на развитие образования среди крестьян, позаботились о поголовном образовании привязанного к своим деревням мелкопоместного дворянства»[1].

Для предотвращения в России разлада, «гнетущего общественную жизнь на западе», реформа сельского хозяйства должна была опираться, писал Д.Д. Дашков, на главные сословия – помещиков и крестьян, и главным условием – «по крайне мере в центральных великорусских губерниях» становилось вкрапление мелкого помещичьего землевладения среди крестьянского землевладения. Как видим, либерализм земцев Дашковых был ориентирован на обновление через сохранение исторической преемственности.

Противоположные взгляды оппозиционного либерального течения олицетворял отставной коллежский асессор И.Г. Жуковский, гласный Бирского уезда. После окончания юридического факультета Московского университета он служил в системе судебных учреждений Санкт-Петербурга[2]. Поселившись в имении Тюинский завод Бирского уезда (земельная собственность составляла 13 661 дес.), начал активную деятельность в земстве и выступал как ярко выраженный сторонник идей конституционализма. Верным путем преобразования российского общества он считал развитие правовой системы государства и гражданского правосознания, к чему он и апеллировал в своих выступлениях.

Местная администрация ни разу не допустила И.Г. Жуковского на какие-либо должности по общественному выбору. В 1890 и 1892 гг. он дважды не был утвержден губернским предводителем дворянства. В 1903 г. губернское земское собрание выбрало его на должность председателя управы. Уфимский губернатор И.Н. Соколовский в секретной записке министру внутренних дел изложил свои

[1] Дашков Д.Д. Дворянство и народ (Идиллия). С. 11.
[2] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв.: региональный аспект. С. 110–111.

доводы против утверждения неугодного кандидата. Наряду с сомнительной политической благонадежностью, администрация обвиняла его в корыстолюбии – черте, не совместимой с задачей руководства местным хозяйством. Так, в 1889 г. губернское по крестьянским делам присутствие признало незаконным полученный земцем приговор башкир соседнего с его имением Казанчинского общества на продажу вотчинного леса. Вследствие предложения Министерства внутренних дел от 29 ноября 1889 г. И.Г. Жуковскому пришлось отказаться от ведения предусматривавшего выплату неустойки в 25 тыс. р. дела по доверенности башкир с целью возврата их земель, незаконно отошедших к купцу Уткину. Губернатор упомянул также о «крайне печальном положении» переселенческих поселков арендаторов на землях помещика и в итоге сделал вывод, что его пребывание во главе земского хозяйства не может сулить ничего хорошего[1].

Как лидер местного оппозиционного движения, И.Г. Жуковский внес свою лепту в политизацию земства Уфимской губернии и распространение в нем радикальных течений, что будет показано ниже. Его последователями стали гласные Бирского уезда С.П. Балахонцев (председатель губернской управы), Л.П. Демидов (земский начальник), выступавшие открытыми противниками правительственного курса.

К представителям умеренного либерального течения относилась многочисленная группа местного дворянства. Используя интерпретационную модель В.В. Шелохаева[2], их можно назвать либералами славянофильского лагеря, поскольку они ждали перемен от самодержавной власти. Представители этого типа либерализма составляли в уфимских земствах безусловное большинство и внесли большой вклад в решение практических задач на местах.

В формирование в Уфимской губернии демократических земских традиций внесли вклад гласные Мензелинского земства М.М. Останков, Г.Г. Мазуревский, Н.П. Товарищев, Н.В. Катанский. В 1892 г. уфимский губернатор характеризовал

---

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2691. Л. 11–14.

[2] Шелохаев В.В. Местное самоуправление: бюрократическая и либеральная модели в пореформенной России // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы. М., 2015. С. 68–69.

М.М. Останкова как опытного и усердного в службе деятеля[1]. Гласный М.М. Мазуревский 25 лет избирался членом уездного училищного совета, как участковый мировой судья был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

В Белебеевском уезде отдельное крыло сформировали гласные из башкир и татар, примыкавшие к либеральному лагерю. Среди них были землевладельцы, в том числе такие крупные, как Ш.Ш. Сыртланов, А.А. Ахтямов, С.С. Джантюрин, К.Б. Тевкелев, К.С. Алкин. Они выступали за расширение гражданских прав мусульман (право преподавать в гимназиях, состоять председателями училищных советов), решение вопросов национального просвещения (открытие татарской учительской школы в Уфе, обучение на родном языке воспитанников приюта бедных мальчиков из мусульман)[2]. В Стерлитамакском земстве выделялись Н.Д. Дурасов и Ю.Ю. Блюменталь, одним из активных либеральных земцев был также отставной поручик Г.Х. Дашкин.

В чиновничье-консервативном Уфимском уездном земстве из отдельных либерально и демократически настроенных гласных следует выделить писателя П.И. Добротворского, башкирского просветителя М.-С. Уметбаева. Корреспонденции первого, разоблачающие земельные махинации местных властей, критикующие формальное отношение Уфимской губернской земской управы к голодающему населению, доходили до самых высших инстанций правительства[3]. М.-С. Уметбаевым была сформулирована концепция образования нерусских народов на родных языках, которую он представил уездному земскому собранию 1881 г.[4] Отсутствие цельного либерального крыла способствовало быстрому распространению в Уфимском уездном земстве в начале XX в. радикальных течений и укреплению в уездной управе позиций социал-демократов.

---

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 2329. Л. 7.

[2] См.: НА РБ. Ф. И-109. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–15 ; Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 116.

[3] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1160. Л. 48, 64 ; Роднов М.И. Свет из Петербурга. Уфа, 2010. С. 15–17, 23–25.

[4] Заявление гласного Мухаметсалима Уметбаева в Уфимское VII очередное уездное земское собрание // Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 4. С. 226–228.

Земская мысль концентрировалась вокруг проблем, поднятых правительством, и была зависима от его инициатив. Всплески либерализма в земских губерниях были связаны с обсуждениями отдельных значимых для судеб страны правительственных проектов. Так, земские собрания Уфимской губернии приняли активное участие в обсуждении проекта административной реформы местного управления в соответствии с циркуляром министра внутренних дел графа М.Т. Лорис-Меликова губернаторам от 22 декабря 1880 г.[1]

В «Материалах по преобразованию местного управления», доставленных губернаторами, земствами и присутствиями по крестьянским делам отразились мнения губернского, Уфимского и Стерлитамакского уездных земств. Проекты переустройства уездного управления были составлены земскими управами, а также специальной земской комиссией по пересмотру положения о крестьянском управлении от 27 июня 1874 г. В последнюю вошли гласные Д. Дашков, Аб. Ахтямов, М.М. Останков, М.А. Конопасевич, А.Н. Авдеев, И.Д. Миклашевский и М.Д. Брудинский. В Уфимском уездном земстве с отдельным докладом по созданию всесословной волости – низшей земской единицы, выступил гласный А. Греве.

Проекты губернского и уездных земств предполагали вместе с упразднением уездных присутствий по крестьянским делам создание окружных земских управлений с собственными административными, полицейскими, фискальными и статистическими функциями. Земство выступало за расширение состава земских гласных, тесное взаимодействие крестьянского и земского управления. По мнению вице-губернатора Уфимской губернии, это могло обернуться нарушением земельных прав различных категорий населения, которые правительственная администрация считала необходимым регулировать и дальше «сверху». Против либеральной схемы переустройства управления выступили и сельские гласные Уфимского уезда. Представитель мелких собственников, крестьянин Благовещен-

[1] Обзор трудов высочайше утвержденной, под председательством статс-секретаря Каханова, Особой комиссии / сост. непременным членом Совета по делам местного хозяйства М.В. Ислави ным : в 2 ч. СПб., 1908. Ч. 1. С. 12–25 ; см. также: Скалон В.Ю. Взгляды на реформу местного управления: обзор местных отзывов и проектов. М., 1884.

ской волости Д.П. Фролов в ответ на мнение А.Д. Дашкова об упразднении крестьянского управления заявил от имени сельских гласных о необходимости упрочения крестьянского управления, ликвидация которого ассоциировалась у них с хаосом, «разбоем и полной безотчетностью во всех отношениях»[1].

По проекту Стерлитамакской земской управы волость становилась мелкой земской единицей под руководством уездного земства. Предусматривалось участие в земском волостном собрании местных землевладельцев, торговцев и интеллигенции с земельной собственностью – учителей, священников, врачей, торговцев. Если либеральные силы видели источник развития страны в усилении децентрализации, развитии земского самоуправления, то консерваторы выступали за использование патриархальных ценностей. Предводитель дворянства Белебеевского уезда, действительный статский советник А.А. Плансон в ответах министру внутренних дел о пересмотре законодательства о крестьянах в 1894 г. обосновывал свое мнение с точки зрения «здравого смысла и совести» вместо «отвлеченных прав и внешней формы». По его мнению, вся иерархия местной администрации, начиная с сельских старост и заканчивая губернатором, должна была выступать в роли опекунов, как царь являлся «отцом» своих народов. При этом предводитель дворянства подчеркивал единство мировоззрения «коренных русских, татар, малороссов и даже белорусов, несмотря на усилия поляков и ксендзов демонализовать их». Земству он отводил место в ряду крестьянских учреждений, которое должно было развивать народ в соответствии с местными условиями – климатическими, умственными, этнографическими, религиозными и «даже с нравственным мировоззрением местного населения»[2].

Хронологический анализ эволюции земского либерализма в Уфимской губернии показывает, что к началу XX в. интеллектуальная элита переместила свою общественную активность в центр. Уфимское губернское земство приняло участие в адресной кампании, приуроченной к вступлению на престол Николая II. В

---

[1] Материалы по преобразованию местного управления в губерниях: доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам. СПб., 1883. Ч. 2. С. 200–215 ; СПб., 1884. Ч. 1. С. 210.

[2] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1275. Л. 18–31.

его адресе, также как и в посланиях Тульского, Полтавского и Саратовского земств, говорилось о единении царя с народом, были высказаны пожелания участия земских представителей в заседаниях высших правительственных сфер и мысль о необходимости соблюдения строгой законности[1].

От имени уфимских земств в общероссийском земском движении участвовали И.Г. Жуковский, С.П. Балахонцев, А.Г. Георгиевский и П.Ф. Коропачинский. Они присутствовали на общеземских съездах 1902, 1904, 1905 гг., где были выработаны главные политические требования российского либерального движения[2].

Другой особенностью эволюции провинциального либерализма стало дополнение земской либеральной оппозиции леворадикальным составом земских управ. Все сколько-нибудь значимые выступления уфимские земцы приурочивали к общероссийским общественным мероприятиям. Так, в 1896 г. вслед за Всероссийским съездом сельских хозяев Московского общества сельского хозяйства 1895 г. на заседании уфимского отделения упомянутого общества прозвучал вышеупомянутый доклад мензелинского статистика и агронома Д.Н. Тяжельникова «Значение народного образования в разрешении нашего экономического кризиса», на который немедленно отреагировало Уфимское губернское жандармское управление[3]. В ответ на съезд деятелей по агрономической помощи местному хозяйству 1901 г. на Экономическом совете Уфимского губернского земства секретарь Уфимской губернской управы С.Н. Салтыков выступил с докладом о мелкой земской единице[4]. Либеральная оппозиция Бирского, Стерлитамакского и Белебеевского земских собраний пыталась инициировать поддержку съезда 1901 г., но, судя по источникам, подготовить содержательные выступления не смогли[5].

---

[1] Мирный С. [Шаховской Д.И.] Адресы земств 1894–1895 и их политическая программа. Женева, 1896. С. 3 ; Белоконский И.П. Земское движение. С. 52–53 ; Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв.: региональный аспект. С. 78–79.

[2] Белоконский И.П. Земское движение. С. 373–380.

[3] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 57. Л. 1.

[4] Протоколы и труды Экономического совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного совещания земских агрономов Уфимской губернии при губернской земской управе. Уфа, 1902. Вып. 15. С. 125–148.

[5] Бажаев В. Развитие вопроса о мелкой земской единице в земской среде в новейшее время (1901–1902 гг.) // Мелкая земская единица : сб. статей. СПб., 1903. С. 336–350.

Решения майского земского съезда 1902 г. оказали влияние на содержание работы Бирского уездного комитета сельского хозяйства, на что указала О.А. Курсеева[1]. Политический характер требований бирских земцев становится еще более выпуклым при сравнении их с предложениями местных комитетов остальных губерний. В Уфимской губернии не звучали такие популярные в большинстве земств демократические предложения, как уменьшение земского имущественного ценза, увеличение крестьянского представительства в собраниях, бессословность земского представительства. Исключением являлись отдельные тезисы Стерлитамакского местного комитета о всесословной мелкой земской единице[2].

В 1903 г. уфимские земства приняли участие в разработке вопроса о земском представительстве, предложенного к обсуждению Министерством внутренних дел. Научным подспорьем для разработки вопроса о земском представительстве послужили статистические материалы о землепользовании и земских сборах, авторами земских демократических программ стали представители «третьего элемента». Проекты земских управ об общественном представительстве исходили из экономической роли групп собственников в «производственном процессе», особо подчеркивалось значение мелкой земельной собственности и крестьянского общинного землевладения, переход дворянских земель к непривилегированным группам и образование «нового типа земледельца». Были предложены новые размеры земельного ценза. Губернская управа, согласно «среднему размеру господствующего землевладения по уездам», определяла его в 30–60 дес. (после обсуждения собранием гласных остановились на 40 дес.). Бирская уездная управа, исходя из размера «самостоятельной хозяйственной единицы», остановилась на цифре в 40 дес. Белебеевская управа предлагала в основу ценза положить не размер земли, а сумму уплаченных с нее за последнее трехлетие сборов. Денежный ценз равнялся «действительно уплаченному» земскому сбору за 100 дес. безлесной земли 1-го разряда, или 13 р. 50 к. в год. Участие в земстве крестьян-общинников

[1] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв. : региональный аспект. С. 111.
[2] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С. 231.

должно было соответствовать представительству от каждой волости. Бирская управа считала, что избирательное право вытекало из обложения имущества земским собором: «…В избирательных съездах… участвуют все лица, обладающие имуществом ниже установленных цензов, лишь бы [их] имущество только облагалось земским сбором…»[1].

В Уфимском губернском земстве автором основного доклада по избирательной системе стал ссыльный революционер, секретарь управы И.К. Гудзь, поступивший на работу в 1901 г.[2] Согласно его проекту, общее число уездных гласных увеличивалось с 179 до 364. Из них 158 должны были быть от частных владельцев, 24 – от городов и 182 – от крестьян соответственно количеству волостей.

В основе подходов к земской избирательной системе лежали два противоположных взгляда на земское представительство – демократическое (служащих) и дворянское (гласных). В обширной статье, опубликованной в центральном журнале «Образование» за подписью «М» (по всей видимости, автором был статистик Уфимской губернской земской управы Митрофан Павлович Красильников), было показано, что служащие, поднимая вопрос о земском представительстве, вызывали выборную земскую элиту на дискуссию. Это было столкновение представителей двух главных групп, имеющих отношение к земскому самоуправлению – дворян и служащих. Последние считали, что «интеллигентный пролетариат» в «образе третьего элемента» должен увеличить свою роль: «Для нас, говоря откровенно, совершенно непонятно – чем хуже 1 500 р., получаемые скажем секретарем земской управы или земским врачом, тех 1 500 р., которых стоит дом гражданина Разуваева? […] обложите земским сбором секретаря и врача, прослуживших более года, – и всякая разница исчезнет»[3]. Основные положения «Записки» об избирательном праве были переданы Уфимской губернской управе на обсуждение Эко-

[1] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXIX очередной сессии 1903 г. Казань, 1904. С. 977–1019.

[2] Гудзь И. Об избирательной системе в земствах Уфимской губернии // Протоколы и труды Уфимского губернского земского Экономического совета. Уфа, 1903. Вып. 18. С. 57–97 ; о нем см.: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. С. 218–219.

[3] М. Письма из провинции (из г. Уфы). О земской избирательной системе // Образование. 1904. № 3. С. 67.

номического совета, который посвятил этой теме два заседания. В результате прений большинство высказалось против проводимого авторами «Записки» принципа «пропорционального классового представительства»[1].

Проект земского представительства включил и либеральные требования, общие для большинства губерний – предоставление избирательного права женщинам, снижение возрастного ценза с 25 лет до 21 года, ограждение гласных-крестьян от дисциплинарных взысканий сельской администрации и земских начальников. Предполагалось также предоставить избирательные права крестьянам-собственникам.

На Белебеевском уездном собрании гласные затронули такие вопросы, как образовательный ценз и женское избирательное право. Выразителями двух противоположных взглядов стали М.И. Бунин и Ш.Ш. Сыртланов, возражавший первому, что привязанность женщин к семье не препятствие, а желательное условие для участника земского собрания[2].

Значительные поправки в проекты управ внесли земские собрания. По проекту губернского собрания землевладельцы, торговцы и промышленники должны были в количественном отношении превысить в собраниях крестьян – 200 представителей против 164. Еще более консервативно были настроены уездные гласные. Бирское собрание отводило владельцам земли 18 мест (в соответствии с проектом губернской управы), фабрично-заводской и городской недвижимости – 8 (вместо 19 по губернскому проекту), надельным крестьянам – 18 (вместо 45 по губернскому проекту). Белебеевское собрание высказалось о необходимости существенных поправок и остановилось на 50 гласных от частных землевладельцев (вместо 28 по губернскому проекту) и 7 от торговцев, промышленников и горожан (вместо 13), число крестьян не оговаривалось, по губернскому проекту их было 36 человек.

Обсуждение земского представительства в собраниях обнажило глубокий идеологический разрыв между управами и собраниями. Члены управ и служащие

[1] Там же. С. 68.
[2] Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXIX очередное собрание 1903 года. Белебей, 1904. С. 448–451.

адекватно реагировали на изменение социального состава участников избирательных съездов в отличие от гласных, цеплявшихся за свои привилегии.

Пополнение земства разночинцами и революционерами, подобными упомянутому Гудзю, резко усилило оппозиционность земских управ. Конец XIX в. характеризуется известным деятелем, статистиком И.П. Белоконским (его народническо-революционные взгляды сменились позже либерализмом) как время «великого раскола», когда наиболее энергичная часть выборной оппозиции приходит к убеждению о необходимости тайной организации для борьбы с властями в единении с третьим элементом, а другая предпочитает «путь открытой оппозиции»[1]. Как показали дальнейшие события, в Уфимском земстве из известных гласных радикалам симпатизировали И.Г. Жуковский и С.П. Балахонцев. И хотя большая часть либералов во главе с П.Ф. Коропачинским предпочитала использовать открытые методы работы, раскол вел к постепенному ослаблению их позиции честной игры.

Готовность либералов использовать радикальные течения для раскачивания общественно-политической ситуации в стране привела к укреплению революционеров в управах. Причем значительную роль в разбавлении состава работников революционным элементом сыграла относительная легкость поступления на земскую службу. В свою очередь губернское и уездные земства были заинтересованы в наборе квалифицированных кадров, которые нередко оказывались из числа ссыльных. Ссыльные за политическую деятельность в «глухую» местность, какой считалась Уфимская губерния, или «случайные» приезжие, поступив на работу, немедленно начинали параллельную деятельность по распространению радикальных учений.

Так, служащие губернского земства В.В. Филадельфов и Н.И. Ильинский входили в группу прибывшего из Цюриха в Уфу в 1896 г. народовольца М.М. Шоура, занимавшегося распространением марксистского учения. Они проявили солидарность со ссыльным, исключенным из числа студентов Петровской

[1] Белоконский И.П. Земское движение. С. 53.

академии в Вятке, А. Бороздичем и посодействовали его устройству на работу в земство[1].

В 1901–1903 гг. в Уфе оформились кружки социал-демократов и социал-революционеров. Численность их участников составляла около 200 и 350–400 человек соответственно[2]. В созданном социал-демократами «Уфимском рабочем комитете» вели агитационную работу земские служащие С.Ф. Гарденин, П.Н. Григорьев, В.И. Дубинин[3]. Они распространяли присланные из Самары нелегальные брошюры и прокламации среди своих земских коллег, которые были изъяты полицией при обысках служащих.

Один из деятельных земских служащих, агроном и статистик А.Д. Цюрупа состоял членом тайного революционного кружка еще с 1893 г., будучи учеником Херсонского сельскохозяйственного училища. В Уфу он приехал в 1897 г. вместе с товарищами из Симбирского земства[4]. Его революционная деятельность в губернии началась с редактирования и издания в Уфимском земледельческом училище нелегального журнала «Пробуждение»[5]. Будучи агрономом А.Д. Цурюпа устроился управляющим имением известного земца, князя А.А. Кугушева. Сын помещика В.А. Кугушев, симпатизирующий марксистам, женился на родной сестре управляющего Марии Цюрупе.

Реноме А.А. Кугушева как активного земца и помещика-хозяйственника помогло его сыну сникать расположение гласных губернского собрания. Они поддержали выдвижение В.А. Кугушева на должность члена управы, что дало ему возможность устраивать на работу революционеров из уездных земств, а также и

---

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–17.

[2] Валеев М.А. Развитие революции в крае в 1905 г. // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 2. С. 51.

[3] Его же. Власть, либеральное общество и революционное движение в 1905–1907 гг. на примере губернского города Уфы. Уфа, 2009. С. 36–37.

[4] См.: Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 207–210 ; Писаренко Э.Е. Александр Дмитриевич Цюрупа // Вопр. истории. 1989. № 5. С. 130–153 ; Усманов А.Н. Сквозь вихри враждебные. Уфа, 1976. С. 63.

[5] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 3. Л. 1.

других губерний[1]. В 1898 г. им был приглашен, например, из смоленского земства на специально учрежденную должность второго ординатора земской психиатрической больницы О.В. Аптекман, начинавший подпольную деятельность еще в рядах народовольцев 1870-х гг.[2] Жалоба заведующего больницей С.П. Сухова на нарушение служебных порядков новым сотрудником – нежелание посещать конференции врачей, стремление самостоятельно решать вопросы больничной жизни и «вызывающее и подчас оскорбительное поведение» закончилась увольнением заведующего – основателя самостоятельной психиатрической лечебницы в Уфе, представителя московской научной школы психиатрии, внедрившего новые методы при лечении душевнобольных[3].

Гласные губернского собрания выступили против своей управы. На очередных сессиях 1898 и 1899 гг. ревизионная комиссия буквально разгромила ее деятельность. На собрании 1899 г., где председательствовал губернский предводитель дворянства А.А. Кугушев, заступающий место председателя С.П. Балахонцев и член управы В.А. Кугушев написали заявления о сложении полномочий. Однако либеральный лагерь спас их положение, обратившись с просьбой взять отставку назад с перевесом в два голоса. 11 гласных выразили управе «полное доверие», противники данного решения – девять человек, в том числе уфимский гласный П.Ф. Гиневский, стерлитамакские депутаты А.Н. Авдеев, А.И. Щеголихин и М.И. Ловейко, заявили о сложении своих полномочий как гласных[4].

В этой ситуации, земцы, как обычно, не захотели привлечь администрацию к внутреннему конфликту и, под влиянием либералов выбрали меньшее, как им казалось, зло – действующий состав управы, нежели назначение ставленника администрации. Из этого следует вывод о радикализации главных деятелей земско-

---

[1] Подобная схема закрепления в земствах революционеров являлась распространенной парктикой, см.: Петровичева Е.М. Земские служащие и их «хозяева» в период думской монархии : конфронтация или сотрудничество? // Интеллигенция и мир. 2004. № 1–2. С. 57.

[2] Аптекман О.В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг.: по личным воспоминаниям. Пг., 1924.

[3] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 601. Л. 81 ; Ахметшина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX века. С. 46–48.

[4] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 4. С. 405 ; Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXV очередное собрание 1899 года. Уфа, 1900. С. 88–92.

го либерального движения. Они еще не подозревали о последствиях, к которым приведет их решение к объединению оппозиционных сил для создания единого антиправительственного фронта. Безусловно, стремление провинциального либерализма укрепиться за счет левых радикалов подогревалось в первую очередь их участием в общероссийском либеральном движении.

В следующем выборном сроке, в 1901 г. С.П. Балахонцева вновь избрали председателем управы, при нем остался работать В.А. Кугушев. Губернская управа продолжала пополняться активными деятелями подполья. В 1901 г., например, из Мензелинска в Уфу переехал профессиональный революционер, помощник страхового агента губернского земства Г.М. Мишенев. В губернской земской управе его повысили до должности страхового агента[1]. Листовки с программой «Уральского союза социал-демократов и социал-революционеров» В.А. Кугушев печатал прямо на рабочем месте в управе, ему помогала коллега и подруга М.К. Гинзбург. Эти листовки нашли при обыске и аресте у активного участника организации, в будущем убийцы министра внутренних дел В.К. Плеве – Е.С. Сазонова. Одновременно В.А. Кугушев вел активную пропаганду идеи свержения власти среди рабочих Уфимских железнодорожных мастерских. Незадолго до своего ареста вместе с М.К. Гинзбург в Москве в 1902 г. он ушел со службы в земстве.

Уход В.А. Кугушева оказал сильное впечатление на Иб. Ахтямова (сына известного общественного деятеля, бывшего председателя Белебеевской земской управы А.А. Ахтямова), исключенного из Санкт-Петербургского университета за участие в студенческих беспорядках. В своем письме от 25 января 1902 г. будущий комиссар Временного правительства в Уфимской губернии в 1917 г., писал о «глубокой сердечной грусти уфимской общественности» от потери соратника. Он назвал В.А. Кугушева «могучим борцом за лучшие традиции земства и безжалостным противником его врагов»[2]. Позже В.А. Кугушев вернулся на общественную арену губернского земства.

---

[1] Усманов А.Н. Сквозь вихри враждебные. С. 40–41, 64.
[2] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 3. Л. 1.

Упомянутое выше самое крупное промышленное предприятие города – Уфимские железнодорожные мастерские, стало объектом внимания и других деятелей земства. В частности, в политическом просвещении рабочих участвовал канцелярист страхового отдела губернской земской управы В.И. Дубинин[1]. По некоторым данным, в ночь с 18 на 19 февраля 1903 г. он руководил расклейкой и разбрасыванием листовки «19 февраля» в Уфе, изданной от имени Уфимского и Самарского комитетов РСДРП и посвященной годовщине отмены крепостного права в России, которая призывала к изменению существующего строя. Некоторые свидетели показали, что этот земский служащий был известен среди пролетариев под именем Иван Иванович, пользовался большим авторитетом в рабочих кружках. Впоследствии его заключили под стражу и содержали вначале в Уфимской, затем Самарской тюрьме[2].

С 1900 г. обострились отношения губернской управы с губернатором Н.М. Богдановичем. Его администрация напряженно следила за постоянным увеличением неблагонадежных служащих при управе, а учреждение библиотек при управах расценивала как незаконное действие. Но только беспрецедентный случай – убийство самого начальника губернии 6 мая 1903 г.[3] подтолкнул местные власти к активным действиям. 28 августа 1903 г. на основе рассмотрения дел в Особом совещании министр внутренних дел постановил выслать из Уфимской губернии 19 человек, обвиненных в политической неблагонадежности. В Архангельскую и Вятскую губернии были высланы на 5 лет следующие руководители и сотрудники Уфимской губернской управы: заведующий отделом статистики А.Р. Бриллинг, заведующий текущей статистикой Е.В. Пашковский, заведующий страховым отделом Н.И. Ильинский, секретарь И.К. Гудзь, статистики А.А. Шубяковский и А.Е. Морозов. В Уфимской губернии было запрещено жить в течение двух лет врачу Уфимской глазной лечебницы А.А. Бельскому, помощнику присяжного поверенного С.С. Синицину, фельдшеру Златоустовской зем-

[1] Там же. Л. 42–51, 67–72.
[2] Там же. Д. 4. Л. 49–52.
[3] Роднов М.И. Социально-экономическое развитие Башкортостана в 1861 – начале 1900-х гг. // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 1. С. 237–238.

ской больницы М.М. Шоуру, секретарю Мензелинской уездной земской управы Э.Р. Торгуту. Все они обвинялись в хранении и распространении нелегальной литературы, участии в тайных собраниях. Все подлежащие высылке из Уфимской губернии земские служащие подверглись обыску. В частности, в г. Белебее у служащего уездной земской управы П.И. Обоенкова были найдены революционные брошюры[1].

В отличие от народовольцев, ориентированных на просвещение крестьян, уфимские земцы целиком сосредоточились на политическом просвещении рабочих. В 1904 г. за принадлежность к Уфимскому рабочему антиправительственному кружку под подозрение полиции попала большая партия сотрудников Уфимской губернской земской управы – П.Н. Григорьев (в качестве руководителя), писарь В.А. Клюев, статистики С.Д. Стержнев и С.Ф. Гарденин, которые своей просветительской работой в железнодорожных мастерских поспособствовали радикализации рабочих[2].

Кроме пропаганды 8-часового дня, необходимости улучшения условий труда, повышения заработной платы, служащие земства прививали рабочим идеи о необходимости свержения самодержавия и принятии конституции, популяризировали среди них газету «Искра». Именно подопечные земских служащих – рабочие мастерских, в частности Иван Якутов, станут в 1905 г. изготавливать оружие и вооружать рабочих, призывать к массовым беспорядкам.

Политический потенциал местных органов самоуправления ярко проявился в годы Первой русской революции. Оппозиционное движение возглавило Уфимское губернское земство, которое для натиска на правительство использовало как легальные, так и нелегальные пути. 30-е очередное губернское земское собрание, состоявшееся по случаю рождения наследника цесаревича Алексея 11 января 1905 г., составило поздравительный адрес, в котором представило свою либеральную программу. Опираясь на Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усо-

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 50. Л. 22–27.
[2] Там же. Оп. 3. Д. 13. Л. 110 ; Оп. 4. Д. 4. Л. 36–38.

вершенствованию государственного порядка»[1], земцы подняли вопрос о народном представительстве и указали на необходимость присутствия в государственной жизни таких принципов, как «законность, расширение пределов ведомств общественных учреждений и их самостоятельность, суд независимый, правый и равный для всех, равенство всех перед законом, действительная ответственность должностных лиц, веротерпимость, свобода слова и печати, уравнение в правах с коренным населением России инородцев, отмена положения об усиленной охране и пр.».

Земцы не ограничились одним адресом и в ту же сессию еще дважды выдвинули конституционные требования и указали на необходимость расширения прав местного самоуправления – в докладах «Об общих нуждах народного образования» и «По вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах» И.Г. Жуковского[2]. Поводом к последнему стал соответствующий проект Министерства внутренних дел. Его автор обозначил свое принципиальное видение эволюции государственного строя исключительно законодательным путем. Уфимский земец резко отрицательно оценил идею мелкой бессословной единицы во главе с сельской интеллигенцией, которая, по его мнению, привела бы к смуте, «от которой погибнет сперва мужик, а потом и государство». Он призвал не сворачивать с пути, «нами же намеченного», и ходатайствовать перед властями об участии народных представителей в законодательной области[3]. Специально для осенних сессий уездных собраний им был составлен отдельный доклад, в котором еще раз обозначалась форма желательного политического устройства – конституционная монархия[4].

12 января Уфимское губернское собрание отметило 150-летие учреждения Московского университета поздравительной телеграммой на имя ректора. Татья-

---

[1] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 24, ч 1. № 25495.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 8–11 ; Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 года. Уфа, 1905. С. 182–186, 457–473.

[3] Там же. С. 957–970.

[4] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXI очередной сессии 1905 года. Чистополь, 1906. С. 759.

нин день был отмечен вечерним митингом в честь событий 9 января в Сибирской гостинице, где собралось около 200 человек уфимской интеллигенции[1]. В знак солидарности с вспыхнувшим забастовочным движением в стране и Уфимских железнодорожных мастерских земцы внесли свою лепту в организацию антиправительственных выступлений и поддержали забастовку учеников Уфимской мужской гимназии зимой 1905 г.[2] Примечательно, что в дни революции совместно с земством выступали и органы городских самоуправлений[3].

Если для земства революционные события означали возможность долгожданных уступок со стороны самодержавия, то провинциальные власти впервые должны были четко обозначить свою тактику по отношению к оппозиции местного самоуправления. «Трепетавшие доселе перед губернатором представители выборных учреждений, в чиновничьих сюртуках, открывшие свое направление господа Коропачинские, граф Толстой, Никольский, Маллеев и Компания отныне выступают в первых рядах вожаков антиправительственного движения», – писал губернатор в очерке «Настроение Уфы и Уфимской губернии в связи с событиями внутренней части России»[4].

Власти искали поддержку в традиционных кругах. «Уфимские губернские ведомости» в номере от 19 января 1905 г. опубликовали письмо пастыря с. Новое Круш Бирского уезда. Он писал: «Если же […] наши лже-либералы будут сеять смуты в русском народе, то весь православный русский народ, как один человек, в минуту опасности восстанет на врагов внешних и внутренних и будет защищать до последней капли крови единую нераздельную власть Самодержавного Государя нашего, составляющую самое дорогое наследие России»[5]. Монархическое русское общество в «Воззвании к народу» среди «изменников» называло В.А. Кугушева, А.А. Малеева, Г.В. Гутопа и других «крамольников и самозванцев

---

[1] 25 лет первой русской революции : сб. Истпарта Башобкома ВКП(б), посвященный 25-летнему юбилею революции 1905 года. Уфа, 1930. С. 19.
[2] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 13. Л. 62.
[3] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С. 97–101.
[4] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 13. Л. 32–43.
[5] Цит. по: Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 года. С. 117.

земских, городских произвольных расточителей народных денег...»[1]. В Уфимской губернии были образованы отделения общероссийских монархическо-патриотических организаций – Царского народного общества, Союза русского народа и др. Крупным правомонархическим объединением стало Патриотическое общество мастеровых и служащих Уфимских железнодорожных мастерских[2].

В летнюю чрезвычайную сессию губернское собрание, опираясь на указ 18 февраля 1905 г. об обсуждении «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»[3], выступило с требованиями немедленного созыва народного представительства на основании прямых выборов путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов. Вместе с тем неявка большинства гласных на собрание показала в целом проправительственный состав собрания и нежелание депутатов губернского земства участвовать в публичных выступлениях[4].

Свое отношение к позиции земства в революционных событиях обозначила местная организация РСДРП и рабочая организация г. Уфы. По их мнению, выступление либеральной буржуазии с открытыми требованиями стало вехой в политической борьбе против самодержавия. Однако боязнь земства «рассердить правительство», о чем свидетельствовали прошедшее 6–9 января частное совещание и неопределенность выработанных на нем решений из 11 пунктов, среди которых не было требования всеобщего избирательного права, а только слабые намеки на него, говорила о его надеждах получить Конституцию из рук царя, «вместо того, чтобы взять ее на народном восстании»[5]. Рабочие, прежде чем объединится с буржуазией, выставили перед ней ряд условий: открытая борьба с самодержавием, выдвижение лозунгов народного парламента, Учредительного собрания, прекращение войны[6].

---

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 13. Л. 76–77.
[2] Подробнее см.: Максимов К.В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905–1917 гг.). Уфа, 2003.
[3] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 25, ч. 1. № 25853.
[4] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв.: региональный аспект. С. 280.
[5] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 13. Л. 111.
[6] 25 лет первой революции. Уфа, 1930. С. 34–35.

В осенние сессии собраний 1905 г. земские либералы продолжили обсуждение острых социальных вопросов, требуя действительного осуществления широких реформ. В Бирском уездном собрании инициатором их обсуждения выступил гласный Л.П. Демидов. Этот яркий представитель либерально-демократического крыла в 1902 г. был выдвинут губернским земским собранием на должность члена управы, но не получил утверждения губернатора[1]. Он родился 10 марта 1870 г. в Санкт-Петербурге в семье титулярного советника П.А. Демидова. После окончания физико-математического факультета Московского университета в 1895 г. работал старшим штатным контролером при Оренбургско-Тургайском, а затем при Варшавском акцизном управлении. Уволившись по собственному прошению, в 1898 г. поступил на службу земским начальником одного из участков Мензелинского уезда[2].

Под влиянием революционных событий Л.П. Демидов, как и остальные свободомыслящие земцы, считал необходимым обсудить земцами наболевшие проблемы. Он подготовил к собранию сразу три доклада – о необходимости освобождения земских смет от повинностей правительственного значения, о введении подоходного налога и о правильной постановке агрономической помощи крестьянским хозяйствам. Он выступил за реализацию местным самоуправлением принципов равных возможностей для всех народов, критикуя использование земского бюджета в поддержку церковно-приходских школ, которыми не могли пользоваться мусульмане и язычники. Требования передачи всех школ, в том числе и церковно-приходских, в ведение земства выразила ревизионная комиссия. В ответ на обращение имама 5-й соборной мечети д. Бураево ахуна М. Амирова о введении в земских русско-башкирских школах преподавания родной грамоты собрание решило ходатайствовать о его удовлетворении через губернское собрание[3].

---

[1] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 357.
[2] НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1785. Л. 16–48.
[3] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXI очередной сессии 1905 года. С. 198–365.

Белебеевское собрание поддержало все вопросы, предложенные для обсуждения управой под председательством Ю.Ю. Блюменталя – почтило память ректора Московского университета С.Н. Трубецкого, трагически погибшего в борьбе за свободу, и приняло решение учредить стипендию в главном университете страны для уроженца Белебеевского уезда. Гласные поддержали резолюцию совещания городских и земских деятелей 12–15 сентября 1905 г., которая сводилась к трем пунктам: обеспечение прав личности, свобода слова, печати, собраний и союзов; всеобщее избирательное право; решающий голос Государственной думы в законодательстве и ее право действительного контроля за бюджетом и администрацией. На заседании 20 октября из телеграфного ответа губернской управы гласные узнали текст Манифеста 17 октября, встреченный криками «Ура!» и восторженными речами о гражданской свободе[1].

На земских собраниях 1905–1907 гг. звучали также требования демократизации народного образования: расширения курса начальных народных училищ по Положению 25 мая 1874 г., участие учителей в работе училищных советов (Златоустовское уездное, губернское земское собрания), изменение правового и экономического положения народных учителей, открытие школ явочным порядком (губернское собрание), участие земства в образовании мусульманского населения (Мензелинское земство) и др.[2]

Объявление Манифеста 17 октября активизировало общественные выступления. В г. Белебее по случаю «дарования» Манифеста была устроена манифестация. На ней с речью выступил инспектор народных училищ уезда С.А. Дворжецкий, который ратовал за увеличение учебных заведений, развитие женского образования, выбор достойных депутатов от Белебеевского уезда в Государственную думу. Земские служащие на предложение оргкомитета Всероссийского съезда служащих создали собственную ассоциацию. В ноябре 1905 г. при

---

[1] Там же. С. 6–29.

[2] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года (и) доклады управы. Уфа, 1906. С. 92–96 ; Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIII очередной сессии 1907 года с приложением докладов Губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1908. С. 121–123 ; и др.

уездной управе были выбраны делегаты и составлен проект организации союза служащих Белебеевского уездного земства. В декабре 1905 г. уездный съезд учителей избрал делегатов во Всероссийское учительское бюро. Участники съезда высказались за отмену обязательного изучения Закона Божьего, объявили бойкот учебному начальству в лице упомянутого выше С.А. Дворжецкого[1].

Похожие мероприятия среди учителей прошли и в Стерлитамакском уезде. В одном из городских училищ состоялся съезд деятелей по школьному и внешкольному образованию с участием земских служащих и учащейся молодежи. Его участники потребовали от уездного инспектора народных училищ восстановить в правах учителя Иванова, уволенного за распространение среди учеников прокламаций с призывом к аграрным выступлениям, а затем объявили ему бойкот за неисполнение требований[2]. В Стерлитамаке земские служащие также устроили забастовку, которая окончилась только 19 декабря[3].

Низшее звено земства активно творило революцию. По позднему свидетельству одного из служащих управы, либералы «никогда не имели недостатка в квартирах для собраний, кружков». «Для больших собраний, – писал он, – у нас были квартиры богатых лиц как Умова, Заварицкого. […] Отъезд на месяц и разъезды по заводам я совершал, находясь на постоянной службе в губернской земской управе. Это также факт, свидетельствующий о тогдашнем сочувствии либералов»[4]. Образование объединенной оппозиции в составе земских выборных и служащих в Уфимской губернии являлось частью общероссийского процесса, аналогично выглядела ситуация в Центральной России[5].

В октябре 1905 г. в Уфе служащие земского и городского самоуправления присоединились к общегородской стачке, в которой участвовали рабочие железнодорожных мастерских, окрестных фабрик и заводов, приказчики магазинов, ряд мужских и женских учебных заведений. П.Н. Григорьев, посещая сходки гимна-

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 53. Л. 29–29 об. ; Д. 54. Л. 10–16.
[2] Там же. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 105. Л. 55 об.
[3] 25 лет первой революции. С. 32.
[4] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 127. Л. 1–4.
[5] Петровичева Е.М. Земские служащие и их «хозяева» в период думской монархии : конфронтация или сотрудничество? С. 55–61.

зистов, инициировал забастовку учеников двух городских училищ. В 1907 г. он уехал в Санкт-Петербург, так как решил поступить в университет, но, прожив там несколько месяцев и не найдя заработка, вернулся в Уфу[1].

Полицейские архивы свидетельствовали о бурной деятельности социал-демократической партии в Бирске после провозглашения Манифеста 17 октября. Писарь Бирской управы, мариец М. Зибаиров заявлял, что «государя не будет, довольно он деспотничал»[2]. На квартире у бухгалтера земской управы П. Перышина проходили собрания, в которых участвовали агент земского страхования М.П. Федотов, К.Д. Галанов, учитель Бирской инородческой школы К. Хасанов, земский врач Плотников, «главный руководитель партии» инспектор городского училища Г.К. Панов и др. На другой квартире у торговцев Саломасовых собирались сторонники террористов. Там гимназисты и учителя из Уфы и Бирска практиковались в стрельбе из револьвера, после чего в каретнике была найдена мишень – простреляннный портрет государя императора[3].

В Мензелинском уезде во главе социал-демократов стоял делопроизводитель Мензелинской управы, административный ссыльный П.А. Бурмистров. К этому кругу революционеров принадлежали служащий Мензелинского земства, бывший землемер В.И. Щербаков, страховой агент губернского земства А.М. Шулятиков, уездный статистик Н. Мухачев, которых жандармы подозревали в ведении антиправительственной пропаганды среди служащих и населения[4].

Земская почта использовалась для рассылки запрещенных изданий[5]. Антиправительственные прокламации составлял и земский статистик Д.Н. Тяжельников, которые распространял его сын в Мензелинском городском училище. Этот деятель не состоял в партиях («ненавидел даже кадетов и попов»), по взглядам был народным социалистом – все свои помыслы и стремления он связывал с улучшением крестьянской доли. Примером его трудовой жизни были не только деятельность в земстве и научные труды по статистике, почвоведению и

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 182. Л. 4–6.
[2] Там же. Д. 56. Л. 87.
[3] Там же. Д. 51. Л. 10 ; Д. 56. Л. 69.
[4] Там же. Д. 59. Л. 19–136.
[5] Там же. Ф. И-11. Оп. 3. Д. 5. Л. 241.

агрономии, но и возделанный «грандиозный фруктовый сад» – «гордость всего Мензелинского уезда», завещанный им для учительской санатории. В годы революции Тяжельников организовал Мензелинский Крестьянский союз. К его собранию 25 сентября 1905 г. им был составлен обширный доклад. Позже его издали в виде отдельной книги, но власти ее конфисковали, а автора по приговору судебной палаты арестовали[1].

В 1905 г. за подстрекательство башкир к беспорядкам и переделу земли обвинялся врач Шилинской земской больницы Н.А. Корчагин, находящийся уже под надзором полиции. Обвинения не были подтверждены, хотя врач вел «опасные» разговоры, «что дворян скоро не будет, землю разделят между крестьянами»[2]. Оспопрививательница Мензелинского земства М.В. Хмельницкая, она же заведующая столовой в д. Красная Кадка Сухаревской волости, обвинялась в подстрекательстве крестьян к бунтам – «так как иначе невозможно получить земли»[3].

После провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. радикальные либералы продолжили давление на правительство, требуя скорейшего осуществления конституционных реформ. У земцев сложились хорошие отношения с губернатором Б.П. Цехановецким, пробывшим на посту с июля по декабрь 1905 г.[4] Для уравновешивания сложной ситуации этот начальник губернии стремился использовать поддержку земских либералов и всячески избегал крайних мер, способных ожесточить поборников революции. После многочисленных обращений в Санкт-Петербург консервативных кругов, в том числе и непосредственного своего подчиненного, управляющего его канцелярией А.П. Лобунченко, губернатор за свой либерализм был удален с должности[5]. Покинувший свой пост начальник губернии удостоился демонстративной поддержки руководителей Уфимского земства, направивших ему приветственный адрес с теплыми словами за его работу в Уфе[6]. Сам Б.П. Цехановецкий не видел в действиях земства ничего антиправитель-

---

[1] Тяжельников Д.Н. Где нашей стране искать свое спасение. Мензелинск, 1917.
[2] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 63. Л. 12.
[3] Там же. Д. 60. Л. 9.
[4] Валеев М.А. Развитие революции в крае в 1905 г. С. 59–61.
[5] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 13. Л. 21.
[6] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв.: региональный аспект. С. 314.

ственного и относил его к партии порядка. По его мнению, «умеренные элементы оппозиции были только против бюрократического правления, и реформы, дарованные Государем, их совершенно удовлетворяли»[1].

В декабре 1905 г. был назначен новый губернатор, бывший начальник Пермской губернии А.С. Ключарев[2]. Он считал, что «забастовки, стачки, предъявление земству ультиматумов и т. п. представляют опасность, прежде всего для самого земства»[3]. Для ликвидации «очага пожара» в Белебеевском уезде он запретил земское собрание. По его инициативе за антиправительственную агитацию были уволены два учителя земского училища и земский страховой агент[4]. В 1906 г. в Бирском уезде за распространение антигосударственных идей содержался в тюрьме земский страховой агент А. Талапин, а другой земский страховой агент М.Л. Федотов также подозревался в подобных деяниях и находился под надзором полиции.

Революционеры настойчиво продолжали борьбу с властями. В 1906 г. при содействии А.Д. Цюрупы и П.Н. Григорьева было налажено издание газеты «Уфимский рабочий» тиражом более двух тыс. экземпляров. Подпольная типография располагалась во флигеле усадьбы городского и земского гласного И.А. Ахтямова, номера газеты складировались напротив земской больницы, в квартире техника дорожного отдела губернской земской управы Чернявского. Через «сочувствующего» заведующего книжным складом губернского земства А.П. Малеева подпольные издания снабжались бумагой[5].

В январе 1907 г. под влиянием земского учителя К.К. Каршова 180 человек Афанасьевской волости Мензелинского уезда в январе 1907 г. подписали приговор в Государственную думу, в котором просили отменить смертную казнь, амнистировать политзаключенных, ввести подушевой налог и раздать землю крестья-

---

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 385. Л. 2–6.
[2] Валеев М.А. Власть, либеральное общество и революционное движение в 1905–1907 гг. на примере губернского города Уфы. С. 74–75.
[3] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 54. Л. 10.
[4] Там же. Л. 78, 84.
[5] Там же. Оп. 3. Д. 182. Л. 4–6.

нам[1]. У другого учителя земской школы д. Мартыш той же волости И.П. Кузнецова были найдены две нелегальные брошюры. А у земского страхового агента И.Г. Шадрина обнаружились листовки РСДРП, за что он был препровожден в Мензелинский тюремный замок[2].

В земских собраниях и управах разрабатывались новые проекты по переустройству жизни в центре и на местах. Уфимская губернская управа в докладе собранию 1906 г. «О желательном изменении земского положения» высказалась за сосредоточение в земстве всех полномочий местной власти – «распорядительной, предупредительной, полицейской и т.д.», создание мелких самоуправляющихся единиц и высших самоуправляющихся союзов на основе всеобщего избирательного права.

Революция заставила земских гласных публично обозначить свое видение аграрного вопроса. В феврале 1906 г. с инициативой его обсуждения в губернском собрании выступила группа общественных деятелей во главе с председателем управы П.Ф. Коропачинским и ее членами, хотя единства в земской среде по этому вопросу не было. Как показано в исследовании О.А. Курсеевой, решение большинства о возможности отчуждения земель с вознаграждением демонстрировало понимание и готовность земских представителей «к разумным жертвам»[3].

Остается вопросом, насколько серьезно рассматривалось данное, в общем, ни к чему не обязывающее постановление самими участниками собрания. Замечание члена управы, прогрессиста П.П. Толстого о начавшейся уже «междоусобной войне» и продавливание группой либералов собственной линии без особых дискуссий позволяют оценить постановление собрания как тактический ход на пути формирования общеполитической платформы земской оппозиции[4]. Для либералов было крайне важно присоединиться к заключениям совещания конституционной группы земских деятелей в Москве, где говорилось о необходимости

---

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 54. Л. 11.
[2] Там же. Л. 56–58.
[3] Курсеева О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв. : региональный аспект. С. 299–301.
[4] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года (и) доклады управы. С. 117–137 ; 305–344.

обеспечения малоземельных групп крестьян путем обязательного выкупа частновладельческих земель[1]. Похоже, что провинциальные либералы хотели таким образом инициировать единство кадетской группы, хотя бы формально. Они добились того, что собрание из 23 гласных, за исключением шести, поддержало рассматриваемое постановление.

Среди противников обобщенного мнения оказались А.И. Базилев и Л.П. Демидов, которые выразили свою позицию письменно. В заявлении первого говорилось о недопустимости нарушения права собственности и предлагались предоставление в аренду безземельным казенных земель и покупка государством частновладельческих имений по рыночной цене. «Если бы земство признало принцип собственности подлежащим нарушению путем насилия, а государство приняло бы такое признание к исполнению, мы вступили бы в новую эру на пути к государственности», – писал А.И. Базилев.

В свою очередь и Л.П. Демидов, совсем недавний сторонник социал-либерализма, не согласился ни с одним пунктом предложений управы и указал на их несоответствие политической ситуации. Он признал, что заявления апрельского съезда об обязательном отчуждении части земель частных владельцев являлись лишь «теоретической разработкой», когда аграрное движение предполагалось лишь в будущем – теперь же оно началось. По его мнению, доклад управы не был ориентирован на реальную ситуацию: в нем говорилось об обязательном отчуждении земель на фоне аграрных беспорядков, государственных преобразований после издания Манифеста 17 октября и не учитывалось нетипичное положение Уфимской губернии с башкирскими вотчинными землями[2].

Последующая разработка проблемы, к которой был привлечен статистический отдел Уфимской губернской управы во главе с заведующим М.П. Красильниковым, была основана на тезисах земской аграрной программы. В четырех номерах «Уфимской земской газеты» были представлены пути решения земельного вопроса с подробными расчетами по уездам, схемы наделения мало-

[1] Белоконский И.П. Земское движение. С. 272–273.
[2] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии.... С. 785–790.

земельных до нормы в 5 дес. за счет покупки казенных, удельных, частновладельческих и башкирских вотчинных земель. Автор статьи за подписью К. (вероятнее всего статью написал «под заказ» М.П. Красильников) недвусмысленно призывал голосовать за партию народной свободы, «которая теперь всюду одерживает верх на выборах», что позволит решить крестьянский вопрос через Государственную думу[1].

Уфимские земцы-либералы двигались в едином направлении с установками июльского общеземского съезда 1905 г., провозгласившего необходимость объединения с народом в политической борьбе[2]. На зимней сессии губернского земского собрания гласный И.Г. Жуковский считал необходимым преодолеть в этот ответственный момент отчуждение земства от народа. «Время созерцания безвозвратно прошло», – говорил он и довольно обтекаемо призвал земство стать интерпретатором Манифеста в крестьянской массе, которая, по его видению, «не понимает перехода к новому строю и полагает, что, получив землицу, она решит все проблемы»[3].

Практическим шагом губернской управы стало издание начиная с марта 1906 г. «Уфимской земской газеты». Примечательно, что она набиралась добытым в результате налета на частную типографию шрифтом для выпуска подпольных изданий, в частности газеты «Уфимский рабочий»[4]. Новое издание земства, судя по оригинальным статьям и перепечаткам из других газет, было нацелено на пропаганду борьбы против существующего строя. Попечительству о народной трезвости предлагалось распространять газету бесплатно во всех народных библиотеках, однако администрация не допустила ее рассылку. Всего вышло 29 номеров земской газеты. Остро оппозиционный характер издания заставил губернатора добиться его закрытия в октябре 1906 г.[5]

---

[1] К. По земельному вопросу // Уфимская земская газета. 1906. 9, 22, 29 марта, 15 апр.
[2] Королева Н.Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.). С. 137–143.
[3] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии.... С. 62–64, 758–764.
[4] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 182. Л. 3–4.
[5] Подробнее об этом см.: Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий и доклады губернской управы. Уфа, 1907. С. 775–801.

Местная администрация использовала земские выборы 1906 г. для усиления собраний гласными правого толка. В Белебеевском земстве было уменьшено тяготевшее к левым силам национальное представительство, председателем управы власти назначили земского начальника В.И. Бунина. Уфимский губернатор в срочном порядке возложил на него обязанности исполняющего должность уездного предводителя дворянства, что дало креатуре власти право участия на сессии губернского собрания в декабре 1906 г. Против этого открыто выступил гласный губернского собрания И.Г. Жуковский, который предложил провести поверку прав нового председателя Белебеевской земской управы на участие в собрании[1].

Местные власти пытались насколько возможно изменить демократический состав и Мензелинского земства. Его уездное земское собрание на трехлетие 1909–1912 гг. пополнилось новыми гласными правого толка – В.А. Татищевым, И.В. Харкевичем, Н.М. Вороновым. Поручика запаса Татищева, члена окружного суда, включили в избирательные списки без документов на право земельной собственности, на основании факта уплаты земских сборов по окладным листам, что допускалось законом. Земцы попытались сорвать выборы, прибегнув к их бойкоту. Другой избиратель, Харкевич, фактически не проходил процедуру выборов, но «был записан в гласные». Земцы направили жалобу на незаконные действия председателя съезда в губернское по земским и городским делам присутствие. Последнее вынесло заключение о правильности выборов и привлекло земских гласных М.М. Останкова и Н.В. Катанского к ответственности за оскорбление предводителя дворянства при исполнении им служебных обязанностей[2].

Отметим, что в это время городскими головами Уфы и Мензелинска стали также благонадежные руководители – П.Ф. Гиневский, за плечами которого был долговременный опыт деятельности в должности председателя Уфимской уездной земской управы и монархист А.И. Захаров[3].

---

[1] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий и доклады губернской управы. С. 45.

[2] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXV-й очередной сессии с 7 по 21 ноября 1909 года. Уфа, 1910. С. 19–23.

[3] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). С. 71–104.

Губернская земская управа – главный очаг земской оппозиционности миновала административного вмешательства. Ее председатель П.Ф. Коропачинский зарекомендовал себя опытным и успешным руководителем, которого местные власти не решались лишить должности, рассматривая его кандидатуру как меньшее зло. Все это говорило о достаточно осложненной к тому времени общественно-политической ситуации в крае, которую прекрасно осознавали руководящие чиновники.

Учреждение Государственной думы в 1906 г. привело к перемещению политической активности земцев на трибуны и в кулуары российского парламента. В депутаты Государственной думы I–IV созывов от Уфимской губернии избирались многие земские деятели, подавляющее большинство которых по своим взглядам относились к конституционным демократам. Среди них были Ю.Ю. Блюменталь, С.П. Балахонцев, А.П. и П.П. Толстые, К.П. Харитонов, Н.В. Катанский, К.Б. Тевкелев, Ш.Ш. Сыртланов, С.С. Джантюрин, А.А. и И.А. Ахтямовы, Г.В. Гутоп, С.Д. Максютов, М.М. Биглов, М.М. Тукаев. В Думу избирались также А.П. Мельгунов, крестьяне А.А. Сычев, Г.К. Байтеряков, Ш.А. Кульбаков[1]. После роспуска Первой Думы Выборгское воззвание 10 июля 1906 г. подписали П.П. Толстой, С.П. Балахонцев, А.А. Ахтямов и С.С. Джантюрин, что лишило их дальнейшей карьеры.

Чрезвычайная активность мусульман на выборах в Государственную думу первого созыва, отмеченная современниками, а затем исследователями национального либерализма[2], возникла не внезапно. Она вызревала на протяжении многолетнего, часто неудачного опыта участия в земских выборах представителей башкирской и татарской общественности, которые оттеснялись сильными конкурентами из числа русского православного дворянства и купечества.

В период парламентской монархии отдельные ходатайства и обращения от имени земских гласных теряли актуальность и блекли в сравнении с обсуждае-

[1] Государственная Дума. Наши депутаты. 1-й созыв. М., 1906 ; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. С. 364–373 ; Члены Государственной думы 4-го созыва // Россия. 1914. 1 нояб. Прил. С. 22.

[2] См., например: Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа, 2002. С. 154–156.

мыми в Думе программами реформ местного самоуправления. Из этого вытекало повышенное внимание к деловым, практическим задачам земства на местах. С другой стороны, земства отнюдь не прекратили наращивать свои социально-политические требования. Прекрасным поводом к их выражению стал полувековой юбилей местного самоуправления в 1914 г.

Уфимские земства встретили это событие, как и остальные российские земства, с надеждами на расширение прав местных учреждений и скорейший пересмотр земского законодательства. К юбилейной дате губернское и уездные земства Уфимской губернии приурочили издание обобщающих трудов, посвященных земской деятельности[1]. В уездных земствах юбилейные сессии прошли в феврале 1914 г. В Бирском земстве, в частности, было выдвинуто требование земской реформы на условиях Манифеста 17 октября 1905 г., расширения земской деятельности[2].

В Стерлитамакском собрании гласные приняли резолюцию о введении всеобщего избирательного права в земство и создании «волостного, всесословного, независимого с расширенной компетенцией земства»[3]. Белебеевская управа под председательством монархиста В.И. Бунина ограничилась подготовкой доклада об официальных торжествах в Санкт-Петербурге и обзорной деятельности Белебеевского уездного земства[4].

15–17 июня 1914 г на 46-й чрезвычайной сессии губернского собрания, посвященной празднованию сорокалетия земских учреждений Уфимской губернии,

---

[1] См.: Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств ; Невский В.А. Исторический очерк первого сорокалетия деятельности Стерлитамакского уездного земства (1875–1914 гг.) ; Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии ; Сборник постановлений 39, 40 и 41 чрезвычайных и 40 очередного Белебеевского уездного земского собрания за 1914 г. Белебей, 1915. С. 313–337 ; и др.

[2] Перечень докладов управы и постановлений Бирского уездного земского собрания XXXX очередной сессии 20–29 сентября 1914 г. и чрезвычайных сессий 19–20 февраля и 2-го августа 1914 года. Бирск, 1914. С. 5–7.

[3] Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 40-й чрезвычайной сессии 1914 года. С. 2.

[4] Сборник постановлений 39, 40 и 41 чрезвычайного и 40 очередного Белебеевского уездного земского собрания. С. 313–337.

гласные утвердили текст телеграммы царю, в которой призвали его реализовать указ 12 декабря 1904 г. Собрание приняло также постановление о расширении избирательного права и круга земской компетенции, реформировании земских финансов. С поддержкой тезиса Уфимского земства о необходимости реформы местного управления выступили представители городского самоуправления Уфы под руководством А.И. Верниковского.

Отдельный адрес губернскому собранию составили крестьянские представители Уфимского уездного земского собрания. Они выражали надежду на разрешение земством проблем сельского населения – безграмотности, налогов и др.[1].

С неординарной речью выступил епископ Уфимский и Мензелинский Андрей. Он обрисовал идеал русского земства как единую организацию «верующих, молящихся и трудящихся», объединенную под сенью церкви. Духовный пастырь предостерег земцев от самодовлеющей экономической деятельности и разложения общества на борющиеся партии.

Выступление представителей Уфимского еврейского общества заострило внимание на гражданских правах российских евреев, лишенных возможности избираться в земские органы по Положению 1890 г., и трагическое положение еврейской интеллигенции в частности. Выступавшие М.О. Аптекарь, С.С. Меклер и А.Д. Бомштейн отметили отсутствие в Уфимском земстве шовинизма.

Обращало внимание, что в Уфимской губернии накануне Первой мировой войны и революционных потрясений роль политического земского авангарда окончательно закрепилась за деятелями губернской управы левого уклона. Основными ораторами на собрании выступили ее члены. В своих выступлениях председатель управы П.Ф. Коропачинский, члены А.Д. Гачечиладзе и А.Г. Георгиевский, член Государственной думы Г.В. Гутоп призывали к расширению прав органов местного самоуправления, развитию гражданских и политических прав населения. С большой речью выступил радикал В.А. Кугушев[2].

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 46-й чрезвычайной сессии 1914 г. (15–17 июня 1914 года). Уфа, 1914. С. 1–100.

[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 46-й чрезвычайной сессии 1914 г. (15–17 июня 1914 года). С. 112–114.

Таким образом, реформы 1860–1870-х гг. заложили основы либерализма – гражданского, экономического и политического, который на всем протяжении истории земства выступал в качестве базового принципа построения земской идеологии. Земские учреждения представляли независимое и свободное от вмешательства гражданское поле, где формировалось общественное мнение, вырабатывались предложения не только относительно местного самоуправления, а также и политические требования конституционных прав и свобод. Ряд гласных уездных и губернского земского собраний пополнили ряды общеземского либерального движения. Это привело к политизации Уфимского губернского земского собрания, использованию структур местного самоуправления – земских собраний и управ, Экономического совета Уфимского губернского земства и местных сельскохозяйственных комитетов Особого совещания 1902 г. и других для усиления общественного движения. Отсутствие диалога с властью и ожидаемых перемен приводило к радикализации земской фронды. С начала XX в. революционеры активно использовали земские учреждения для распространения своей деятельности.

***

В земских учреждениях Уфимской губернии был мобилизован элитарный круг дворянства и состоятельных собственников, которым были делегированы функции управления местным хозяйством. Значительной была роль личного фактора в претворении принципов местного самоуправления в жизнь. В отдельных уездных земствах недостаток кадровых и общественных ресурсов компенсировался бюрократическим стилем работы, что также обеспечивало жизнеспособность новых учреждений. В пореформенный период в земских исполнительных органах имели место служебные правонарушения, их пресечение осложнялось отсутствием административных рычагов воздействия на земские учреждения, а контроль земских учреждений не обладал должным уровнем эффективности.

Результаты земской реформы 1890 г. оказались неоднозначными. С одной стороны, был поставлен заслон расширению социальной базы земства за счет разночинных слоев собственников. С другой – реформа способствовала повышению

эффективности земского самоуправления за счет наделения правами государственной службы членов управ и квалифицированных специалистов, распространения среди наемных служащих пенсионного обеспечения. Создание специализированных коллегиальных органов управления отдельными отраслями земской деятельности расширило самостоятельность земских органов, способствовало росту самоуправления снизу.

Проведение земских мероприятий долгое время сдерживала скудость местных бюджетов. Только с выделением государственных пособий на всеобщее обучение, развитие медицины и агрономии деятельность уфимских земств достигла заметных результатов, и начал претворяться принцип участкового обслуживания населения.

Произошла демократизация земских учреждений, в этот процесс оказалась вовлечена активная часть земских гласных – выборных членов управ. Наделение их правами государственной службы привело к появлению в системе местного самоуправления круга чиновников с автономным полем деятельности. Политизация их мировоззрения шла под влиянием общеземского движения, причем роль оппозиционного авангарда играло губернское земство. Серьезное влияние земства на общественно-политическую ситуацию в Уфимской губернии показали события Первой русской революции.

ГЛАВА IV. ЗЕМСКИЕ ФИНАНСЫ

§ 1. Проблема модернизации земских сборов

В ходе децентрализации местного управления земским учреждениям были делегированы полномочия по формированию местного бюджета. По Положению 1864 г. они заключались в распоряжении денежными сборами земства, назначении местных сборов на основании Устава о земских повинностях (ст. 2), а главное – в «установлении новых сборов на губернские земские потребности» (ст. 68)[1]. То же право дополнительных сборов закрепляли за земскими собраниями «временные Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении» (ст. 7, 8)[2].

Принцип самофинансирования был заложен также в основу других уровней самоуправления – городского, крестьянского (волостного и мирского). Отличие земских налогов было в том, что они распространялись на все население губернии независимо от его сословной и территориальной принадлежности и приобретали тем самым вид обязательных государственных сборов. Так, Городовое положение отдельно оговаривало налагаемые на обывателей подати земских учреждений (ст. 7)[3].

Земские собрания и управы были поставлены перед финансово-экономическими проблемами местного управления, которые необходимо было решить, что позволяет рассматривать их как институциональную систему местного налогообложения. Ее модернизация носила во многом экспериментальный характер, и исследовательская задача заключается в изучении развития местного налогообложения. При этом экономическая самостоятельность муниципальных субъектов насаждалась сверху, а не диктовалась, например, возможностями состоятельной частью местных собственников. Первичным стало создание институ-

---

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 40457.
[2] Там же. № 40458.
[3] Там же. Т. 45, ч. 1. № 48498.

циональной основы местного налогообложения, что должно было вызвать интерес и активность участников земского самоуправления.

Упорядочение земских сборов с целью повышения эффективности местного хозяйства и управления было актуальной задачей для правительства, и ее решение началось задолго до отмены крепостного права. По замечанию Л.Ф. Писарьковой, учрежденные в годы правления Николая I различные комиссии, комитеты и присутствия готовили почву для введения земских учреждений, в них оформлялось понятие «местных польз и нужд»[1]. Один из первых теоретиков земского самоуправления – А.И. Васильчиков, отсчитывал начало земской реформы с принятия Устава о земских повинностях 13 июня 1851 г.[2] Данный Устав являлся главным руководством для выполнения так называемых обязательных земских повинностей и при формировании земского бюджета вплоть до начала XX в. Поэтому нельзя не признать, что земства по Положению 1864 г. были тесно связаны с предшествующими шагами финансовой организации административного управления губерниями и уездами.

По Уставу о земских повинностях от 13 июня 1851 г. Комитеты о земских повинностях под председательством губернатора состояли из правительственных чиновников с участием депутатов от дворянства и городов. В них составлялись сметы расходов на трехлетие. Особое о земских повинностях присутствие являлось постоянным исполнительным органом. Наряду с надзором за исполнением земских повинностей, оно ведало сбором сведений о количестве и производительности земли и другими вопросами. В Комитете о земских повинностях и Особом о земских повинностях присутствии можно увидеть прототипы земских собраний и управ. Рассматривая гражданское управление Оренбургской губернии середины XIX в., историк И.М. Гвоздикова перечислила следующие существующие органы по управлению земским хозяйством в уездах: Дорожные комиссии,

[1] Писарькова Л.Ф. Исторические корни самоуправления в России // Земское самоуправление в истории России : К 150-летию земской реформы. М., 2015. С. 13.
[2] Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений : в 2 т. СПб., 1872. Т. 1. С. 140.

Уездные комиссии для установления цен на предметы продовольствия, Мануфактурные и временные Строительные комитеты.

Существование Комитетов по уравнению земских повинностей говорило о том, что проблема равномерного распределения налогов назрела до введения земств[1].

Судя по журналам земских присутствий Оренбургской губернии за 1850–1860 гг., инфраструктура местного хозяйства была аморфной и не представляла отдельной отрасли. В отчетах губернаторов сведения о земском хозяйстве сливались с данными об остальных ветвях местного управления[2]. На заседаниях Особых о земским повинностям присутствий чаще всего обсуждались две земские повинности – дорожная и подводная. О «большом расстройстве» дел в строительной и дорожной комиссиях писал губернатор Я.В. Ханыков в отчете за 1852 г.[3]

При таких известных недостатках, как бюрократическое управление и «всеобщее земское хищение», работа губернских и уездных органов стала первым опытом по планомерному управлению земскими повинностями. Более радикальные изменения, намеченные еще М.М. Сперанским в «Плане финансов» 1810 г., – гласное утверждение бюджета, ежегодно утверждаемая смета доходов и расходов[4] осуществились только после отмены крепостного права.

До учреждения земства система земских сборов была громоздкой и подчинялась разным ведомствам. Земские сборы делились на государственные, губернские, частные или сословные. Подавляющее их большинство имело подушный характер. В исторической литературе отмечалась их неуравнительность и перекладывание на податные сословия[5]. В то же время необходимо отметить, что государство предпринимало отдельные, очень осторожные шаги по приданию зем-

---

[1] Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010. С. 329, 331–332.

[2] См.: НА РБ (Нац. арх. Республики Башкортостан). Ф. И-6. Оп. 6. Д. 14369/25. Л. 60–64.

[3] Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). С. 326.

[4] Сперанский М.М. План финансов // Сперанский М.М., Тургенев Н.И., Орлов М.Ф. У истоков финансового права / под ред. А.Н. Козырина, сост. А.А. Ялбуганов. М., 1998. С. 25–33, 46–49, 52.

[5] См.: Морозова Е.Н. Податный вопрос в истории земской реформы // Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. М., 2005. Кн. 1 : 1864–1904. С. 104.

ским сборам всесословного характера. Началось с того, что небольшая часть земского государственного сбора стала взиматься с имуществ – земель и капиталов. С 1817 г. подушный земский сбор с купцов заменялся процентным сбором с объявленного ими капитала. К его уплате привлекались дворяне и чиновники, владеющие торговыми лавками, которые по закону 14 ноября 1838 г. должны были записаться в третью купеческую гильдию, в противном случае лавки конфисковались в пользу города[1]. С 1825 г. гильдейская подать стала базироваться на фиксированных окладах, которыми облагались свидетельства на право торговли[2].

Население Башкирско-мещерякского войска несло денежные земские повинности с начала XIX в. По данным Верхнеуральского уездного казначейства за 1838 г., башкиры уплачивали земские повинности, с них взыскивались также сборы на вспомогательный капитал и содержание земской полиции. В то же время их припущенники – мишари, уплачивали сборы на вспомогательный капитал, а тептяри и бобыли платили земские повинности и на содержание земской полиции[3].

Денежный земский сбор с дворянских имений раскладывался по душам с крепостных крестьян. Например, в 1849–1852 гг. крестьяне Оренбургской губернии платили по 31 к. с души в год на пенсии и жалование чиновникам дворянского собрания, попечителям хлебозапасных магазинов, содержание дома дворянского собрания и его канцелярии[4]. Отдельная статья закона (ст. 62) предусматривала добровольные взносы дворянства на учреждение учебных и благотворительных заведений в губернии[5]. Например, дворянство Уфимской губернии вносило до учреждения земства пособие Уфимской Мариинской гимназии по 1 к. с 20 дес. земли, что составляло 774 р. 46 к. в год[6]. После отмены крепостного права земские сборы на «частные» повинности продолжали взиматься с временнообязан-

---

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 13, ч. 2. № 11743.

[2] Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978. С. 230 ; Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии. Стерлитамак, 1999. С. 238.

[3] НА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1138а. Л. 225 об.

[4] Там же. Д. 1252. Л. 430–499 ; Ф. И-6. Оп. 2. Д. 52. Л. 28–32 об.

[5] Свод законов Российской империи, издания 1857 года. СПб., 1857. Т. 4 : Уставы о повинностях. Кн. 2 : Устав о земских повинностях. С. 27.

[6] Сборник постановлений первого Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1875. С. 14.

ных крестьян. В 1864 г. уфимский губернатор Г.С. Аксаков указал, что их следовало «взыскать с самих владельцев по числу душ, бывших у них в крепостной зависимости»[1].

В дореформенное время земские сборы собирались главным образом в качестве подушного налога (86,9 %), небольшая часть покрывалась за счет обложения земель (8,2 %), торговли и промышленности (4,1 %)[2]. На всем протяжении XIX в. стояла проблема повышения расходов на земские потребности, с 1830 по 1865 г. в губерниях Европейской России земские сметы увеличились в 4,6 раза[3]. Не прекращались поиски новых источников обложения. Так, в 1858 г. циркуляром Министерства внутренних дел Оренбургскому губернатору предлагалось рассмотреть возможность введения по примеру Московской губернии губернского земского сбора с расположенных в уездах фабричных заведений[4].

После отмены крепостного права началась унификация различных категорий плательщиков в социально-правовом и податном положении. Постепенно расширялся круг плательщиков путем включения в него военно-служилых сословий, поощрения вхождения в сельские (податные) общества бывших крепостных и лиц, «избирающих род жизни», и других мер. Был издан ряд специальных законов для уравнения налоговых обязательств разных по правовому положению и образу жизни сословных групп[5].

Как только в 1863–1865 гг. служилые башкиры включились в общую налоговую систему, на них распространились льготы нижних чинов регулярных войск. От денежных сборов были освобождены те, кто имел военные ордена или были «уволенными за ранами» и их несовершеннолетние дети. С 1870 г. башкиры и припущенники, служившие межевщиками, мерщиками и топографами при мировых учреждениях, получали льготы по уплате налогов и освобождались от нату-

---

[1] НА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1370. Л. 333–335.
[2] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909. Т. 1. С. 33 ; см. также: Львов Г.Е., Полнер Т.И. Наше земство и 50 лет его работы. М., 1914. С. 5.
[3] Де-Ливрон В.Ф. Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874. С. 266.
[4] НА РБ. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 33.
[5] См., например: ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 36, ч. 2. № 37599 ; Т. 38, ч. 1. № 39782, Т. 39, ч. 2. № 41446.

ральных повинностей, в том числе рекрутской. Шестилетний период усердной «при хорошем поведении» службы навсегда исключал их с детьми из податного состояния[1].

Унификация земских сборов проводилась и в отношении объектов обложения, которые находились прежде на особом положении. Так, указом Сената от 6 марта 1867 г. казенные и удельные земли облагались наравне с прочими независимо от приносимого дохода. Облагались налогом также церковные земли, за исключением высочайше дарованных церквям и монастырям по указу Сената от 22 ноября 1872 г. Из земского оклада исключались земли благотворительных учреждений, документально оформленные вакуфы – земли, пожертвованные мусульманами на богоугодные цели, неудобные или не приносящие дохода земли духовных учреждений, площадь защитных лесов, сельских построек, казенных зданий правительственных учреждений, земли железных дорог и сооружения на них[2].

По Положению 1 января 1864 г. земские учреждения выступали органами обложения уездного и губернского уровня. Каждый из них являлся самостоятельной и закрытой структурой управления земскими налогами. По их усмотрению устанавливалась раскладка сборов, определялся их размер по «ценности и доходности облагаемых имуществ» (ст. 11). Широкие полномочия земства в области податного права, по мнению князя А.И. Васильчикова, приравнивали его к представительной и даже верховной власти, причем, возможно, «без умысла законодателя»[3]. По его мнению, столь широкие права приводили к столкновениям земства с администрацией, которые должны были закончиться в итоге поражением «общественных установлений» перед централизованной властью[4]. Данный прогноз сторонника общественного земского самоуправления, сделанный в первое десятилетие учреждения земств в России, оказался в общем точным. Но если изучать

---

[1] Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 2, ч. 2 : Сборник извлечений из узаконений и правительственных распоряжений, изданных с 19 февраля 1861 г. по 1 июля 1879 г., относительно прямых податей, выкупных платежей и поземельных сборов / сост. В. Турбин. СПб., 1879. С. 87.

[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 43, ч. 1. № 46031, ч. 2. № 46102 ; и др.

[3] Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений. Т. 1. С. 11.

[4] Там же. С. 12.

реформу как процесс, на что обратила внимание Л.Г. Захарова, либеральные установки закона 1 января 1864 г. позволили реализоваться неапробированным доселе моделям местного самоуправления, в том числе в области финансов.

Организационная деятельность земств по исполнению налоговой реформы – создание кадастра облагаемой недвижимости, определение размеров земских сборов, была сложной и не имеющей образцов решения задачей. Процесс формирования земских сборов как отдельная проблема подробно рассматривается ниже. Здесь необходимо обратить внимание, что общественный характер земских органов налогообложения позволил государству провести модернизацию земских сборов без привлечения специальных финансово-организационных ресурсов, которыми государство на тот момент не располагало.

В Уфимской губернии первое обложение всех земель земскими сборами было предпринято еще до введения в ней земства в 1869 г. Земские специалисты упоминали об отсутствии в то время даже приблизительных данных учета земель «при полной безвестности» частновладельческих земель и особенно земель башкирских припущенников[1]. Данное утверждение выглядело странным, если учесть, что с 1797 г. до середины XIX в. в крае прошли организованные правительством мероприятия по Генеральному межеванию[2]. Принимая во внимание, что главной его целью была фиксация земельных дач – условных территориальных единиц, принадлежащих сразу нескольким владельцам, то систематизированных данных появиться не могло по причине многофункциональности созданных в ходе мероприятия документов. Так, межевание сопровождалось длительным разбором спорных дел и составлением в качестве приложений к Генеральным планам и атласам огромного количества документации.

Земский кадастр создавал предпосылки к расширению экстенсивного земледелия, поскольку любая пригодная земля теперь облагалась налогом по доход-

---

[1] Красильников М.П. Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. Исторический очерк. Уфа, 1913. Вып. 1. С. 1.

[2] См.: Абсалямов Ю.М. Помещики Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (По описаниям хозяйств Уфимского уезда) // Река времени. 2004 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2005. С. 10–17 ; Акманов А.И. Земельное законодательство. Генеральное межевание и его последствия // История башкирского народа : в 7 т. СПб., 2011. Т. 4. С. 112–116.

ности. Многие земли земство перечисляло в разряд так называемых удобных – земледельческих, если по официальным планам или другим документам они не были показаны неудобными. Например, по Белебеевскому уезду за 1875–1880 гг. удвоилось количество земель и лесов высшего качества, увеличилась и площадь всех учтенных земель с 1 496 073 дес. в 1870-х гг. до 1 942 763 дес. в 1883 г.[1]

Первоначально отдельные земства, например Мензелинское, установили для башкирских угодий пониженные оценки земель. Они действовали с 1876 по 1881 год, после чего земли стали облагаться на общих основаниях с крестьянскими и частновладельческими угодьями – по качеству земель и близости пристаней[2].

В 1875 г. в ведение земства перешло взаимное обязательное страхование от огня крестьянских построек на основании закона 25 июня 1867 г. Учет и оценка сельских строений, создание сети страховых агентов и руководство их работой составили целую отдельную отрасль земского страхования. По закону страховой оклад, наряду с мирскими (на содержание сельского самоуправления) сборами и продовольственными долгами, взимался прежде остальных сборов. С 1876 по 1898 год в Уфимской губернии число застрахованных дворов возросло в 1,5 раза, а страховые суммы с 220,4 тыс. до 337,7 тыс. р. За этот период с крестьян было взыскано в страховую кассу более 3 млн р., а выдано страховых убытков на 2,2 млн р.[3] И это в условиях, когда крестьяне массами выступали против обязательного страхования, всячески стремились занизить ценность построек. Так, в 1879 г. в Белебеевскую земскую управу поступили прошения сразу от шести деревень о понижении либо полной отмене страховых сборов[4].

---

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 3. С. VII ; Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. IX очередное собрание 1883 г. и VI чрезвычайное 1884 года. Уфа, 1884. С. 407.

[2] Журналы VI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями с 22-го по 30-е октября 1880 года. Вятка, 1881. С. 53.

[3] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии : в 10 т. Уфа, 1900. Т. 7 : Свод экономических данных по губернии, ч. 3 : Историко-статистические таблицы / сост. П.А. Голубев. С. 60–61.

[4] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1879. Вып. 5. С. 3 ; Вып. 2. С. 126–127.

Страховые суммы служили дополнительным источником займов для местного бюджета. В 1904 г., по подсчетам Уфимской губернской земской управы, чистая прибыль от операций обязательного страхования составила 95 тыс. р.[1] В 1890 и 1903 гг. земские займы из страхового фонда составили по губернии 15 % всей земской сметы. В 1906 г. долг губернского земства страховому капиталу достиг 578,4 тыс. р., что составляло 59 % всех его расходов[2].

Пытаясь расширить круг плательщиков, земство ходатайствовало о распространении обязательного страхования на мещан, в том числе и переселенцев и татарских дворян-мурз. Замечание Министерства внутренних дел о затруднительности взыскания страховых платежей с указанных категорий населения продемонстрировало исключительную роль общины как податной единицы при формировании бюджета[3].

В целом, земские учреждения широко пользовались предоставленными им полномочиями. Обращения представителей полиции об устранении ошибок в начислении сборов обычно не имели результата. Условия земского Положения 1864 г., по которому в прессе должны были публиковаться сметы, раскладки и годовые отчеты земских управ, выполнялись неаккуратно. Как правило, подробные сметы земских расходов размещались в «Уфимских губернских ведомостях» только в связи с предстоящими выборами. К тому же финансовые документы – сметы, раскладки земских сборов публиковались довольно обобщенно. Затрудняло контроль земской бюджетной сферы различие форм и методик составления финансовой отчетности отдельными уездными земствами.

Изолированность земской финансовой системы от казенной серьезно препятствовала ее изучению на уровне Министерства внутренних дел и Министерства финансов. Первый опыт обобщения и анализа финансовой деятельности

---

[1] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 г. Уфа, 1905. С. 606–607.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. : в 3 т. / сост. П.Н. Григорьев. Уфа, 1915. Т. 1. С. 477 ; подсчитано по: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств Уфимской губернии, 1875–1914 гг. Уфа, 1915. С. 206–207.

[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 458.

земств удалось предпринять только на основе смет за 1883 г.[1] По мнению чиновников, земские «налоги и повинности составляли довольно крупную затрату экономических и физических сил народа», которые не являлись неистощимыми и служили одновременно источником для государственной казны[2]. Изучение земских расходных смет комиссией о Земском обложении, учрежденной при Министерстве финансов в конце 1880-х гг., привело к основному выводу об ограниченности местных ресурсов для развития земской деятельности. Более развернуто сформулированные положения звучали так: при неизбежном росте местных потребностей сокращение земских расходов было невозможным, в большинстве земств однообразные оценки объектов приводили к одинаковой величине расходов, отличия наблюдались лишь в губерниях с развитой торговлей и промышленностью[3].

Таким образом, к концу 1880-х гг. необходимость урегулирования земских финансов с учетом их перспективного развития проявилась довольно отчетливо. При этом обозначенный Б.Б. Веселовским один из мотивов «необходимости земской реформы» – произвольность земского обложения и неуравнительность земских раскладок[4], был связан с главной проблемой растущей налоговой задолженности или, по терминологии того времени, недоимочности населения.

Вечная проблема недоимок плательщиков, которую правительство надеялось минимизировать через децентрализацию налогообложения, решена не была. Постоянное повышение размеров недоимок крестьян, которые и раньше были их спутником, стало характерной чертой пореформенного периода[5]. Согласно отдельным данным, за период с 1871 по 1895 год в Российской империи недоимка

---

[1] Статистический временник Российской империи / под ред. А. Сырнева. СПб., 1886. Сер. 3, вып. 16 : Доходы и расходы губернских и уездных земств за 1883 год.

[2] Там же. С. V.

[3] Скалон В.Ю. Земские финансы // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 12а. С. 523.

[4] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1. С. 74.

[5] Современники много писали об этом в контексте проблем экономического кризиса деревни (См., например: Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877 ; Бржеский Н. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. СПб., 1897 ; Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899 ; Слонимский Л.З. Крестьянские нужды и их исследователи // Вестн. Европы. СПб., 1893. Т. 2. Кн. 3/4. Март-апрель. С. 296–318 ; и др.).

по отдельным губерниям возросла с 22 % оклада до 90 %. Самыми неплатежеспособными были губернии Центрального Черноземья, за ними следовали восточные, в том числе Уфимская губерния[1].

Сравнение динамики платежеспособности крестьян Уфимской губернии позволяют провести материалы ревизии М.Е. Ковалевского за 1881 г. и данные исследования земского статистика М.П. Красильникова о платежах, недоимках за 1901 г. В период ревизии 1881 г. в казну не поступило и половины казенных сборов – 900 779 из 1 987 272 р., или 45,3 % за 1880 г.[2] Основной причиной долгов сенатор М.Е. Ковалевский считал плохую работу органов податной системы и местного крестьянского управления по сбору налогов.

Спустя почти 20 лет, в 1899–1900 гг., проблема платежей и задолженности населения Уфимской губернии была всесторонне исследована земским статистиком М.П. Красильниковым. Сравнение задолженности отдельных волостей по документам сенаторской ревизии 1880 г. и местного исследования в 1901 г. показало, что недоимки казенных сборов по волостям увеличились от четырех до 20 раз. По данным М.П. Красильникова, «громадный рост недоимочности» наблюдался в последнее десятилетие с 1891 по 1901 год – на 76 %, причем сильнее всего росла недоимка по земским сборам – на 140,75 %[3]. Исследователь также выяснил, что задолженность не обязательно являлась показателем экономического состояния плательщиков. Он указал, что она была характерна для двух групп – очень бедных и зажиточных. Согласно данным земского статистика, легко справлялись со всеми сборами 25 % исследованных им общин, большинство из них располагалось в Златоустовском и Бирском уездах[4].

Нами было проведено сравнение экономического положения некоторых исправно платящих волостей за 1881–1901 гг. К ним относились компактные волости крестьян-собственников Златоустовского уезда, которые совершенно не имели долгов: Айлинская 1-я, Емашинская, Леузинская, Устьикинская, горнозавод-

[1] Ромер Ф. Упорядочение деревни // Русский вестн. Т. 259. № 2. С. 763.
[2] НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 94. Л. 495.
[3] Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. Уфа, 1902. С. 63–64.
[4] Там же. С. 53.

ская Минская, мусульманская Нижне-Кигинская. В Бирском уезде без долгов жили Киебаковская, Норкинская и некоторые другие волости. При сравнении экономического положения аккуратных плательщиков за указанные годы выясняется его ухудшение в большинстве волостей. Например, заводские крестьяне-собственники Татьяновской волости Стерлитамакского уезда, из казенных сборов имевшие только государственный поземельный налог, хорошо уплачивали сборы, но количество безлошадных хозяйств среди них увеличилось. Такая же убыль рабочих лошадей при правильном внесении платежей наблюдалась по Покровской и Верхоторской волостям этого же уезда[1]. Увеличились безлошадные хозяйства в башкирских волостях того же уезда – Азнаевской, Архангельской и других, которые за рассматриваемый период заметно уменьшили долги. Таким образом, обратной стороной увеличения земских сборов была растущая недоимочность отдельных хозяйств.

Согласно упомянутому исследованию М.П. Красильникова, в начале XX в. в Уфимской губернии большинство бывших удельных крестьян (75 %), помещичьих (60 %) и государственных (68 %) крестьян платили более 10 р. с души в год. Сборы тех, кто имел землю в собственности, были в основном менее 10 р. в год. Таковых среди припущенников было 98 %, коренных собственников – 94 %, свободных хлебопашцев – 86 %, переселенцев-собственников – 89 %, горнозаводских крестьян – 86 % и башкир – 75 %[2].

По видам сборы распределялись в среднем следующим образом: мирской (на административно-хозяйственные нужды сельских обществ) – 1 011 208 р. (34 % всех платежей), земский – 839 649 (29 %), страховые сборы – 227 469 (8 %), казенные платежи – 798 280 р. (27 %)[3]. Страховые налоги входили в состав земских, поэтому в составе платежей сумма земского сбора доходила до 37 %. Земские сборы были основными по величине для многоземельных башкир и кресть-

[1] Крестьянское скотоводство в Уфимской губернии в 1899 году. Материалы по текущей статистике за 1898–99 хозяйственный год / сост. М.П. Красильников. Самара, 1899. С. 102–103.
[2] Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. С. 7.
[3] Там же. С. 2.

ян-собственников, а казенные – для помещичьих, удельных и государственных крестьян. Существующие виды налогов и их размеры представлены в табл. 17.

Таблица 17 – Размеры основных видов налогов с населения в Уфимской губернии в 1880–1913 гг. (в р. и удельный вес в %)

Вид налога	1880 г.	1901 г.	1906 г.	1913 г.
Подушная подать	1 239 640 (42,4 %)	Отменена с 1887 г.		
Лесной подесятинный налог	10 396 (0,4 %)	28 836 (1,1 %)	25 742 (0,8 %)	19 491 (0,3 %)
Частный сбор за межевание башкирских дач	9 947 (0,3 %)	4 489 (0,2 %)	13 280 (0,4 %)	29 758 (0,5 %)
Выкупные платежи и оброчная подать	654 858 (22,4 %)	563 148 (19,8 %)	299 249 (9,6 %)	175 492 (2,9 %)
Сельские и волостные	193 455* (6,6 %)	635 034 (23,4 %)	554 454** (17,7 %)	738 881** (12 %)
Поземельный налог	92 188 (3,2 %)	-	187 503 (6 %)	189 768 (3,1 %)
С городской недвижимости	-	31 000 (1,1 %)	41 000 (1,3 %)	144 541 (2,4 %)
Земские сборы	723 165 (24,7 %)	1 474 548 (54,4 %)	2 004 556 (64,1 %)	4 738 928 (78,5 %)
Итого	2 923 649 (100 %)	2 710 055 (100 %)	3 125 784 (100 %)	6 036 859 (100 %)

Источник: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств Уфимской губернии, 1875–1914 гг. С. 82–87, 190–191 ; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 год (зима-весна). Уфа, 1901. Год 6. Вып. 1. С. 471 ; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1906 год. Уфа, 1907. Год 11. С. 659 ; Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. С. 767 ; Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. С. 26–27.

*Данные за 1881 г.

**Даны только волостные платежи (с недоимкой) без сельских налогов.

Приведенные в табл. 17 суммы сборов приблизительные в силу особенностей первоисточников (документы казенных палат, губернаторские отчеты, издания земских управ). В них, как правило, не отражались такие подати, как квартирный налог городских жителей, отдельные сословные сборы и пр. Из приведен-

ных данных видно, что до 1887 г. главным налогом для податных сословий была подушная подать. От ее уплаты освобождались купцы, лица, состоящие на государственной службе, воспитанники учительских семинарий, учителя сельских училищ, фельдшеры, присяжные писари, православное и мусульманское духовенство, почетные граждане. Выкупные платежи и оброчную подать уплачивали соответственно помещичьи и государственные крестьяне. К 1906 г. их удельный вес значительно снизился, а во время Первой русской революции выкупные платежи были отменены полностью.

Отдельную группу налогов, основанных на имущественном принципе или на оценочной стоимости, занимали сборы местных самоуправлений. Графа по сельским и волостным сборам показывает расходы на крестьянское самоуправление, которые с 1901 г. по размерам и удельному весу шли на втором месте после земских.

Налог с городской недвижимости начал взиматься в 1863 г. с небольшой прослойки населения – мещан. Его уплачивали с жилых домов, построек, промышленных предприятий, земельных угодий, в том числе пустошей, расположенных на городской земле. Согласно первой ведомости о налоге с городской недвижимости на 1864 г., Оренбургская губерния «по значительности» налога находилась на 30-м месте среди 48 губерний[1]. В 1867 г. численность городского сословия по Европейской России составляла 5,7 млн человек, или 9 % населения, в Уфимской губернии – 26 935 человек, или 2 % жителей[2]. Вначале налог имел раскладочный характер – определенная сумма раскладывалась или распределялась на имущества. Позже сбор формировали по оценкам городских и земских управ стоимости недвижимости.

Государственный поземельный налог, заменивший в 1875 г. государственный земский сбор, уплачивали владельцы земельной собственности. Он формировался на основании земских данных о доходности земель. Функции земства по раскладке денежных государственных сборов предусматривались Положением

[1] Демис Л.Н. Земство : политико-экономический сборник. 2-е изд. СПб., 1864. Год 1 : Земские учреждения. С. 165–166.
[2] Де-Ливрон В.Ф. Статистическое обозрение Российской империи. С. 20–21.

1864 г. (гл. 1, ст. 2). В пореформенный период наиболее динамично росли земские сборы. Как показывают данные табл. 17, общая тенденция заключалась в резком их повышении, которые к началу XX в. стали основным видом платежей для большинства жителей.

Вернемся к обозначенным выше причинам необходимости реформирования системы земского налогообложения. К 1890-м гг. проблема отправления земских повинностей как формы ведения местного хозяйства трансформировалась в проблему финансовой самостоятельности территорий. Государству предстояло решить две задачи – сделать прозрачным процесс формирования земских сборов для равномерного их распределения и обеспечить увеличение местных бюджетов, явно недостаточных для возросших объемов земского хозяйства.

С этой целью 8 июня 1893 г. были приняты «Правила об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами»[1]. Они положили начало мероприятиям, обозначенным в официальных документах как «оценочная реформа».

Исключительное право земских учреждений по производству оценок для земского налогообложения ограничивалось. В положениях Правил 8 июня 1893 г. правительство обозначило главные моменты определения оценок имущества. Прежде всего, формировалась многоступенчатая система определения экономических оснований земского налогообложения. Были созданы специальные оценочные органы – губернская и уездная Оценочные комиссии под председательством местного предводителя дворянства, куда входили также чиновники местной администрации, Казенной палаты, представители земских и городских самоуправлений и ведомственные чиновники. Наряду с широким составом участников оценочного дела, в уездной Оценочной комиссии особая роль отводилась податному инспектору, чиновнику Министерства финансов. Он являлся непременным членом Оценочной комиссии и как специалист по вопросам обложения выступал в качестве правительственного эксперта в сфере земской оценки. Он имел доступ к делопроизводству уездной управы и мог участвовать в формировании земских оценок (ст. 7).

[1] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 13, ч. 2. № 9744.

По новому закону общее управление оценочными работами в уездах возлагалось на губернскую Оценочную комиссию. Но при этом закон оговаривал, что ее делопроизводство сосредоточивалось в губернской земской управе (ст. 4). То есть полноценными исполнительными органами Оценочные комиссии в силу своего коллегиального состава стать не могли, и это являлось главной предпосылкой к сохранению за земствами всего оценочного дела. Уездные Оценочные комиссии проектировали общие основания оценок, которые затем утверждались четырьмя инстанциями: уездными земскими собраниями, губернской Оценочной комиссией, губернским земским собранием и губернатором. Споры между тремя последними инстанциями решались центральными ведомствами – министерствами финансов, внутренних дел и другими ведомствами по принадлежности.

Ряд положений закона 8 июня 1893 г. касался вопросов оценки частновладельческих угодий, что указывало на чрезвычайную актуальность данного аспекта реформы. Особо оговаривалась необходимость предоставления частными владельцами в земские управы сведений об их собственности и ее доходности, а публикация свода оценок в официальной прессе для «обозрения» всеми владельцами в уезде впервые вводила практику обязательной декларации каждого объекта налогообложения и равенства всех собственников перед законом. Правила также закрепляли за владельцами возможность обжалования принятых оценок в определенный срок[1]. Еще две существенные детали закона оставляли для земств некоторую свободу его практического осуществления. Во-первых, не обозначались сроки производства оценочных работ, а во-вторых, расходы по ним несло само земство.

Хронологически земская Россия не намного отставала от общеевропейского процесса модернизации налогообложения. В странах Европы соответствующими мероприятиями руководила администрация при участии местных коммун и самоуправлений. В больших по территории странах – Франции, Пруссии, Австрии ра-

[1] Подробнее см.: Роднов М.И. Закон 8 июня 1893 г. и начало нового учета частновладельческих земель в Уфимской губернии // Уфимские помещики : типы источников, виды документации / Ю.М. Абсалямов, Г.Б. Азаматова, А.В. Гайнуллина, М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова. Уфа, 2013. С. 99–115.

боты длились десятилетиями и проходили в несколько этапов. Во Франции, например, кадастр (оценивалось 46,7 млн дес.) составлялся в 1808–1850 гг.; в Австрии (27,4 млн дес.) – в 1817–1869 и 1869–1883 гг.; королевстве Вюртемберг (1,7 млн дес.) – в 1818–1850 и 1873–1884 гг.; Италии (26,2 млн дес.) – с 1886 г.; Пруссии (25,1 млн дес.) – в 1861–1867 гг.; землях г. Бадена (801,6 тыс. дес.) – в 1858–1875 гг.; Саксонии (889 тыс. дес.) – в 1835–1840 гг.[1]

Организация земствами оценочных работ обозначила спрос на соответствующих специалистов. В Уфимской губернской земской управе отдел статистики был учрежден в начале 1895 г. Численный и качественный состав работников статистической службы в уфимских земствах в 1898 г. показан в табл. 18. Среди них всего три специалиста имели опыт работы более 10 лет – заведующий статистическим отделом Уфимской губернской земской управы, оценщик фабрик того же отдела и один уездный статистик. Среди уездных статистиков со средним образованием было трое – два учителя со стажем семь и 12 лет и один землемер со стажем четыре года, подавляющее большинство – семь человек были представлены учителями с домашним образованием.

Как видно, слабым звеном оценочной отрасли были уездные земства, поэтому главным центром статистических оценочных работ являлась Уфимская губернская земская управа. Пятилетний опыт претворения на местах Правил 1893 г. показал ограниченность финансовых и кадровых ресурсов уездных земств для проведения столь масштабных работ[2].

18 января 1899 г. последовала новая редакция закона, согласно которому работы проводились централизованно под руководством губернской Оценочной комиссии, председателем которой становился губернатор. Государственное пособие на их выполнение составляло ежегодно 1 млн р.[3] Как выяснила исследователь Н.Л. Власова, Уфимское губернское земство содержало канцелярию губернской

[1] Материалы по законопроекту о мерах к скорейшему окончанию оценочных работ (Печатные) // НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 656. С. 103–109.
[2] См., например: Журналы заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии с 1894 по 1903 год. Уфа, 1903. С. 131.
[3] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 19, ч. 1. № 16364.

Оценочной комиссии, а статистический отдел Уфимского губернского земства содержался на государственные средства[1].

Таблица 18 – Количественный и профессиональный состав земских статистиков Уфимской губернии в 1898 г.

Должность	Число	Образование, специальность по диплому	Получена подготовка в оценочном бюро	Стаж службы по оценочному делу	Продолжительность службы в данном бюро в качестве оценщика
Заведующий работами	1	высшее неоконченное	Пермском	18 лет	14 л. 3 мес.
Специалист по оценке фабрик	1	среднее, техник	Уфимском	16 лет	13 л. 8 мес.
Постоянный статистик	1	среднее, агроном	Уфимском	4 года и 11 мес.	4 года и 11 мес.
А) уездный статистик	1	среднее, техник	Уфимском	16 лет	14 лет
	1	среднее, землемер	Уфимском	4 года и 2 мес.	4 года и 2 мес.
	6	низшее домашнее, учитель	Уфимском	5 лет и 10 мес.	5 лет и 10 мес.
	1	среднее, учитель	Вятском	7 лет и 2 мес.	3 мес.
	1	среднее, учитель	Вятском	12 лет и 3 мес.	5 лет и 11 мес.
Б) статистик отдела Уфимской губернской земской управы	3	низшее домашнее, учителя	Уфимском	1 год; 4 года; 9 лет и 3 мес.	1 год; 4 года; 9 лет и 3 мес.
Постоянные регистраторы и счетчики	3	2 среднее, 1 низшее домашнее	Уфимском	8 лет и 7 мес. 6 лет и 7 мес. 7 лет и 1 мес.	8 лет и 7 мес. 6 лет и 7 мес. 7 лет и 1 мес.

Составлена по: Положение оценочных работ Уфимской губернии (по запросу Министерства финансов). Уфа, 1912. С. 9 ; Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXIII очередное собрание 1897 года. Уфа, 1898. С. 607.

[1] Власова Н.Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875–1918 гг.). Уфа, 2012. С. 40.

Привлечение к оценочным работам губернаторов и их финансирование из казны не дали видимых результатов. К 1911 г. из 34 земских губерний только две – Орловская и Уфимская (их уезды составили 5 % всех земских уездов) начисляли налоги по новым оценочным ставкам. Близки к окончанию были работы в большинстве уездов Санкт-Петербургской и Нижегородской губерний, закончили разработку оценочных норм всех видов недвижимости в Воронежской, Пермской, Саратовской, Симбирской, Херсонской губерниях. Остальные 25 земских губерний не завершили разработку оценочных норм[1]. Проблема «дефектов» в действиях земских учреждений признавалась и либеральными авторами, которые связали ее с земским представительством[2].

Правительство видело решение вопроса в строгом контроле за земскими оценочными работами и правительственном руководстве ими. Задержка этих работ сказывалась на размерах ряда государственных сборов – поземельного налога, пошлин при оформлении земельных сделок и прочих, рассчитываемых по земским оценкам. В 1913 г. началось обсуждение законопроекта «О мерах к скорейшему завершению оценочных работ». Чиновники предлагали в исключительных случаях передавать дела в Казенные палаты, так как не видели реальных рычагов воздействия на земство. Они писали: «…Нет средств сделать земство доброжелательно настроенным к оценочным работам, когда доброжелательности не имеется налицо или сделать земскую управу умелой в ведении работ, когда этого умения у нее не хватает»[3]. Власти были уверены в наличии достаточного штата квалифицированных специалистов для проведения работ во всех 34 земских губерниях и в 9 новоземских губерниях на западе, юго-западе и востоке. Согласно данным о работниках статистических отделов 34 губерний за 1911 г. среди 818 человек персонала этих учреждений были: 461временный счетчик и регистратор, 320 сотрудников управ, 37 заведующих отделами (из них 16 с высшим образованием, 12 – со средним).

---

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 656. Л. 44 об.–45.

[2] От редакции // Юбилейный земский сборник : 1864–1914 / под ред. Б.Б. Веселовского и З.Г. Френкеля. СПб., 1914. С. XV.

[3] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 656. Л. 23 об.–43.

Примечательно, что председатель Уфимской губернской земской управы П.Ф. Коропачинский в качестве заметки на полях копии законопроекта указал на «отсутствие кадров подготовленных работников»[1].

Растущее напряжение между земскими самоуправлениями и правительством объяснялось тем, что затягивание работ большинством земств сопровождалось увеличением в них числа представителей независимой статистики. Государственное финансирование оценочно-статистической службы земств по закону 1899 г. привело к формированию при земских управах нового отряда служащих, хорошо понимающих значение своей деятельности и обладающих «сознанием ответственности»[2]. В 1902 г. для выяснения их социально-образовательного уровня Министерство внутренних дел предприняло даже специальный сбор сведений[3].

Власти предлагали со своей стороны ускоренное бюрократическое решение вопроса. Так, по примеру Пруссии, планировалось завершить оценки в течение шести лет, хотя особенностью прусского кадастра было «поспешное установление оценочных норм» с множеством поверок и исправлений. При этом прусский кадастр регистрировал 25,1 млн дес., а в России площадь облагаемой в 1901 г. земли была больше в 9,1 раза и равнялась 227 млн дес.

Еще в 1903 г. уфимский губернатор предлагал изъять из ведения земства все работы по переоценке и текущей статистике, передав их в государственные органы – Казенную палату, уездным статистикам при полицейских управлениях, организовать губернское Статистическое бюро взамен Статистического комитета. Канцелярия начальника губернии подробно разработала программу деятельности губернского Статистического бюро и смету на его содержание. Главным аргументом местной администрации против земской статистики являлось то, что в ее недрах сформировалась сильная поддержка подпольных агитаторов, оклады которых увеличивались «прямо пропорционально их неблагонадежности»[4].

---

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 656. Л. 24, 48–52.
[2] Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 136.
[3] Там же. С. 132–135.
[4] НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 655. Л. 11–14.

Реформирование земских налогов шло на фоне увеличения дефицита местных бюджетов. Земства постепенно увеличивали заимствования казенных займов на элементарные текущие расходы. Они особенно увеличивались в неурожайные годы. Например, в 1892 г. для выполнения сметы Мензелинское земство планировало занять у казны 80 тыс. р. (41 % предполагаемых доходов за 1892 г.), Уфимское – 20 тыс. (13 %), Белебеевское – 20 тыс. (15 %), Стерлитамакское – 46 тыс. р. (33 % доходов)[1]. Возрастание значения займов в земских сметах Уфимской губернии выглядело таким образом: в 1876 г. их доля в земском бюджете составляла 4 %, в 1900 г. – 10, а в 1914 г. – уже 36 %[2]. В 1914 г. расходная смета Стерлитамакского земства была равна 1 025 358 р., в то же время на 1 июля 1914 г. все его долги составили 930 628 р. Из них на долгосрочные займы приходилось 297,4 тыс. р., а на краткосрочные – 633,2 тыс. р. Уездная управа ходатайствовала перед правительством о разрешении кредитоваться у частных лиц на 300 тыс. р. под 10 % годовых[3].

Проблема местной задолженности поднималась губернаторами перед земскими собраниями. Так, в 1902 г. Н.М. Богданович указал на бесполезность «малосбыточных» земских ходатайств при «настоящем экономическом положении населения», в 1908 г. А.С. Ключарев дефициты земского бюджета связал с неправильным составлением смет и нерасчетливым их исполнением. Он подчеркнул, что даже спустя 33 года ни одно из уфимских земств не имело собственного оборотного капитала[4]. В Уфимской губернии низкий уровень неокладных доходов или специальных средств, покрывающих бюджетные расходы, был зафиксирован в общероссийском исследовании земских смет 1900 г. В некоторых губерниях их доля в приходной части бюджета была заметной – в Вологодской (25 %), Псков-

[1] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 497 ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 182–185.
[2] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 190–191.
[3] Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 41 чрезвычайной сессии 1914 г. Стерлитамак, 1914. С. 36–39.
[4] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 39–47.

ской (24 %), Орловской (21 %). В Уфимской губернии специальными средствами восполнялось не более 5 % бюджетных расходов земств[1].

В 1895 г. Уфимская губерния по расходам на уплату долгов занимала среднее место среди земских губерний. Общей тенденцией являлась задолженность таких земледельческих губерний, как Рязанская, Бессарабская, Самарская, Таврическая, Симбирская, Екатеринославская и Калужская[2]. В 1914 г. на уплату долгов земства Уфимской губернии тратили от 8 (Уфимское уездное земство) до 17 % (Златоустовское, Мензелинское земства) годовой сметы расходов[3].

Правительство пыталось урегулировать рост земских бюджетов с помощью принятия закона «О предельности земского обложения и об освобождении земств от некоторых расходов» от 12 июня 1900 г., согласно которому земские сметы не могли повышаться более чем на 3 % в год[4]. Широко распространенная в историографии либеральная трактовка государственных мер по отношению к земствам рассматривает этот закон как ограничение самостоятельности земств и посягательство на их финансовую самостоятельность. И в самом деле, реакция земских собраний, выступивших с критикой закона, подтверждала прочность общественных убеждений о независимости сферы земского самоуправления. Не случайно, Белебеевское собрание ходатайствовало о нераспространении указанного закона на Белебеевский уезд, аналогичное решение в отношении всей Уфимской губернии приняло 33 чрезвычайное Уфимское губернское земское собрание 1903 г.[5]

Комплексный анализ проблемы ограничения роста земских сборов показывает стремление правительства согласовать центральную и местную налоговую политику с целью улучшения платежеспособности крестьян, на что указывается в исследовании О.Н. Богатыревой[6]. Главные меры были направлены на уменьшение

---

[1] Доходы и расходы земств 34 губерний по сметам на 1900 год. СПб., 1901. С. XIII.
[2] Расходы земств 34-х губерний, по сметам на 1895 год. СПб., 1896. С. VIII.
[3] Подсчитано по: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 192–205.
[4] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 20, ч. 1. № 18862.
[5] Сборник докладов и постановлений XXXIII чрезвычайного Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1903. С. 36.
[6] Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917) : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 286.

бремени выкупных платежей. Их понижение обеспечивалось успешным течением выкупной операции и скоплением в казне до 14 млн р. «излишков» по платежам[1].

По закону 28 декабря 1881 г. выкупные платежи были понижены на 1 р. с ревизской души, дополнительное сокращение предусматривалось для обедневших селений. Для этого в 1884 г. Уфимское губернское правление возложило на уездные земские управы выяснение экономического положения селений с высокой задолженностью. В 1899 г. вышла целая серия законов (от 3 апреля, 18, 31 мая, 23 июня, 10 декабря) о понижении, льготах и отсрочках казенных платежей, регулировании сборов согласно земледельческому циклу, освобождении отдельных сельских обществ от круговой поруки при уплате налогов и пр.[2] Земства также привлекались к освобождению плательщиков от долгов. Циркуляр Министерства внутренних дел от 9 марта 1900 г. предписывал земским собраниям «безотлагательно обсудить и разрешить вопрос» о предоставлении льгот и отсрочек по земским сборам с надельных крестьянских земель[3]. Что касается закона «О предельности земского обложения», то в нем содержалась оговорка о его действии «до [окончательного] установления предельности земского обложения». Таким образом, правительство ориентировалось в перспективе на точное и обоснованное определение в законодательном порядке размера местных налогов, что оказалось, однако, на практике недостижимым.

Закон 12 июня 1900 г. не остановил увеличение земских смет. Случаи его применения на практике наблюдались крайне редко, так как власти были заинтересованы в бесперебойной работе земств. За 1901–1910 гг. земские сметы в разных уездах Уфимской губернии увеличивались ежегодно в среднем от 10 до 21 %[4].

С конца XIX в. правительство неуклонно придерживается курса по законодательному регулированию формирования земских бюджетов. Так, по закону 22 марта 1899 г. устанавливалась твердая процентная норма отчисления позе-

[1] Корнилов А. Курс истории России XIX в. : в 3 ч. М., 1914, ч. 3. С. 279.
[2] См.: ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 19, ч. 1. № 17286, № 17851.
[3] РГИА. Ф. 573. Оп. 16. Д. 21063. Л. 17.
[4] Подсчитано по: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 182–191.

мельных платежей в доход земства[1]. Затем была изменена приоритетность поступления местных сборов – вначале погашались земские платежи, а недоимки земского сбора стали возмещаться казной[2]. В период думской монархии появилось еще два важных закона. Первый из них – «Об улучшении земских и городских финансов» от 5 декабря 1912 г. освобождал земства от расходов на полицию, содержание правительственных учреждений и хранение земских сумм. По второму закону от 26 июня 1912 г. была образована касса городского и земского кредита[3]. После этого только за первое полугодие 1914 г. из земских губерний поступило 503 земских ходатайства о выделении ссуд на сумму 75,5 млн р. и было выдано ссуд в размере 48,7 млн р.[4] Согласно правилам о выдаче кредита от 1 марта 1913 г. общий размер единовременных краткосрочных ссуд не должен был превышать 300 тыс. р. для каждого города и земства[5].

На базе земских учреждений сформировалась впервые в стране модернизированная система налогообложения по имущественному принципу. На этапе действия Положения 1 января 1864 г. земские органы самостоятельно вырабатывали и регулировали ставки налогов. Быстрое развитие местных потребностей усиливало со временем зависимость земских бюджетов от казенных субсидий. Принятые правительством Правила 8 июня 1893 г. способствовали главным образом формированию специальных оценочно-статистических служб при земствах. В Уфимской губернии было проведено сплошное экспедиционное обследование губернии, получила развитие текущая статистика сельского хозяйства. Новые оценочные нормы стали действовать в губернии только в 1910 г. Это обусловило преобладание местных тенденций при претворении в жизнь земского налогообложения.

---

[1] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 19, ч. 1. № 16655.
[2] Там же. Т. 23, ч. 1. № 22629 ; Т. 24, ч. 1. № 24471.
[3] Там же. Т. 32, ч. 1. № 38452 ; см. также: Смета расходов и доходов Белебеевского уездного земства на 1914 год. Белебей, 1914. С. 4.
[4] Статистические сведения о деятельности Кассы городского и земского кредита в 1914 г. // Земское дело. 1914. № 13–14. С. 985–986.
[5] Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями : в 2 т. / сост. М.И. Мыш. 6-е изд. СПб., 1914. Т. 1. С. 958–959.

§ 2. Формирование уфимскими земствами системы налогообложения

Согласно Положению о земских учреждениях 1864 г., источниками земских доходов были сборы с земель, жилых домов, фабричных и торговых помещений, документов на право торговли и промыслов, билетов на торговые и промышленные заведения. В земских сметах фиксировалось широкое разнообразие источников обложения – ярмарочные площади, балаганы, рыночные весы, пристани, переправы, бойницы, рыбные ловли, известковые каменоломни, проценты с капиталов[1]. Неопределенная формулировка в законе принципа оценки недвижимых имуществ по «доходности и ценности» предоставила земствам возможность выбора наиболее удобного способа начисления сборов.

Основным источником земских доходов стали земельные угодья. Распределение земельной собственности в Уфимской губернии между категориями населения и учреждениями за 1883–1911 гг. показано в табл. 19. Обращает внимание, что данные о количестве земель губернии подвергались значительным колебаниям. Самая крупная группа земельных угодий была представлена башкирами вотчинниками, хотя их владения неуклонно сокращались. Заметную группу собственников представляли дворяне, но уже к 1903 г. размеры их владений уступали площади земель крестьян-собственников, которая увеличилась за рассматриваемый период в 2,3 раза. Ненамного выросла собственность временнообязанных крестьян и башкир-припущенников. Тенденция заключалась в большем привлечении к земским налогам крестьян и сокращении налогоплательщиков из дворян, купцов и мещан.

В 1868–1901 гг. в земских губерниях сборы с земель составляли в среднем 74 %, с городской и прочей недвижимости 16, с торговли и промыслов 10 % земских поступлений[2]. В 1885 г. в Уфимской губернии сборы с земель составили в среднем 73,9 % поступлений, с городских имуществ 2,7, торгово-промышленных

---

[1] См., например: Земские доходные сметы и раскладки на 1885 год / сост. В.Ю. Скалон. СПб., 1888. С. 100–111 ; Сметы и раскладки уездного земского сбора по Златоустовскому уезду, Уфимской губернии, утвержденные XI очередным уездным земским собранием на 1886 год. С. 173–214 ; и др.

[2] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1. С. 38.

объектов – 5,6, торговых свидетельств – 2,5 %[1]. Основной доход поступал с земель сельских обществ и частных владельцев. В 1885 г. доля сборов с крестьянских земель в Уфимском уезде составила 39 % всех земских доходов по уезду, в Белебеевском – 60, Бирском – 73, Златоустовском – 56, Мензелинском – 60, Стерлитамакском – 51 %. Частновладельческие земли больше всего дохода приносили в Уфимском уезде (38 % всех доходов), Белебеевском (20 %) и Стерлитамакском (21 %), а также Бирском и Мензелинском (14 %) уездах[2].

Таблица 19 – Земли Уфимской губернии по группам собственников или владельцев в 1883–1911 гг. (в дес.)

Год / Группа собственников или владельцев	1883	1886	1903	1905	1911
Башкиры-вотчинники	4 359 180	4 352 200	3 624 486	3 514 737	3 461 910
Башкиры-припущенники	1 062 924	1 072 146	1 157 766	1 608 328	1 608 535
Дворяне	2 051 444	2 007 441	1 517 735	1 435 821	1 083 544
Временнообязанные крестьяне	774 976	778 979	878 658	889 068	941 366
Крестьяне-собственники	904 135	958 024	1 542 760	1 672 027	2 085 090
Купцы и мещане	582 159	573 291	514 367	488 887	427 432
Удельное ведомство	99 365	100 729	140 233	159 028	133 265
Казна	858 644	849 302	543 399	539 431	516 010
Церкви и монастыри	9 835	9 543	15 363	16 009	4 916
Города	16 687	16 683	16 474	16 536	19 752
Общее количество земель	10 719 349	10 718 338	10 842 390	10 829 124	10 862 705

Составлена по: Обзор Уфимской губернии за 1883 год. Уфа, 1884. С. 2–3 ; Обзор… за 1886 год. Уфа, 1887. С. 1 ; Обзор… за 1903 год. Уфа, 1904. С. 5 ; Обзор… за 1904 год. Уфа, 1905. С. 5 ; Уфимский земский календарь на 1912 год. Уфа, 1912. С. 25.

[1] Земские доходные сметы и раскладки на 1885 год. С. 110–111.
[2] Подсчитано по: Земские доходные сметы и раскладки на 1885 год. С. XII–XIII.

Становление земской фискальной системы Уфимской губернии шло поэтапно. Данный процесс хронологически соотносится с выделенными нами выше периодами земской деятельности. Первый из них был связан с реализацией «Положения о земских учреждениях» от 1 января 1864 г., второй – с изданием 8 июня 1893 г. «Правил об оценке недвижимых имуществ», а третий обозначился после 1908 г., когда начали действовать новые оценки, и возникла проблема пересмотра земского обложения. Последний этап не получил своего логического завершения в связи с Революцией 1917 г.

В первый период действия земского налогообложения наблюдалась широкая самодеятельность земских учреждений. В Уфимских земствах некоторое время использовался способ так называемой самооценки. Принцип самообложения был известен, например, в средневековой Англии, где налоговые ставки определялись привилегированными собственниками, а не бюрократией[1]. В Уфимском земстве его применение предложил Д.Д. Дашков. На съездах землевладельцев с участием представителей сельских обществ хозяева угодий сами должны были заявить об их доходности. Однако столь демократичная мера оказалась почти безрезультатной. В кулуарах Уфимского уездного собрания 1879 г. один «весьма почтенный гласный» признался: «Я был на окружном съезде и прислушался, как мои соседи понижают ценность своих земель до неприличия, да что же делать было мне – я сделал то же»[2]. Критика гласного Я.П. Барсова на экстренном собрании 1880 г. приема самооценки поставила точку в сомнениях – Уфимское уездное собрание отказалось от этого способа.

В Бирском уезде сведения порайонных съездов владельцев о ценности земель 1880–1881 гг. также не соответствовали действительности и управа отмечала, что «землевладельцы и крестьяне оказались не на высоте положения»[3]. В Стерлитамакском уезде землевладельцы решительно выступили против земских сборов. Неудачно закончился также сбор сведений через рассылку анкет. В первый год местное земство распространило сборы только на крестьянские и казен-

[1] Пайпс Р. Собственность и свобода / пер. с англ. Д. Васильева. М., 2001. С. 178.
[2] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 2. С. 41.
[3] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 122.

ные земли. Уездное земское собрание отвергло предложения управы о приглашении землемера и организации комиссии гласных для сбора сведений о землях[1].

Метод самооценки долгое время использовался только в Златоустовском уезде. Уже в 1876 г. съезды землевладельцев и уполномоченных сельских обществ определили основания оценки, которые больше не изменялись. По данным раскладки земского сбора на 1891 г., в уезде было всего шесть землевладельцев – Ф.А. и В.Ф. Коропачинские (владели 503 дес.), М.А. Конопасевич (700), А.И. Коршунов (555), И.И. и Ф.И. Новицкие (3 629 дес.). Крупные дачи принадлежали заводовладельцам К.Э. Белосельскому-Белозерскому, Н.П. и И.П. Балашевым, А.И. Сухозанету[2].

Среди демократических шагов первого десятилетия деятельности отметим решения земских собраний о дифференцированном подходе к плательщикам. Так, Уфимское уездное собрание 1877 г. решило облагать земли крестьян на 1 % дешевле земель частных владельцев. Стерлитамакское собрание 1875 г. перевело в низший оценочный разряд наделы бывших крепостных и неразмежеванные угодья башкир. В Мензелинском уезде до размежевания башкирских вотчинных дач в 1881 г. они оценивались по низшему разряду. В Златоустовском уезде в 1876 г. земли, леса и другая недвижимость частных владельцев, свободных от натуральной повинности, были обложены на 1 % выше, чем крестьянских обществ, башкир и казны, а угодья последних на 1 % выше, чем заводских мастеровых, имеющих недостаточный надел. Однако принцип оценки, основанный на социально-экономических различиях, администрация признала неправильным, и решения Уфимского и Златоустовского уездных собраний были аннулированы губернатором.

Уравнительные принципы действовали недолго. Ощутимость земских сборов заставила многоземельных помещиков, заводчиков и других собственников заинтересоваться их снижением. Земские управы и собрания, как правило, удо-

---

[1] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 130.

[2] Денежные отчеты, сметы и раскладки уездного земского сбора по Златоустовскому уезду Уфимской губернии на 1891 год, утвержденный XVI очередным уездным земским собранием. Златоуст, 1891. С. 178–180.

влетворяли просьбы частных владельцев о переводе их угодий в разряд менее доходных. Такие вопросы могли решаться на собраниях большинством голосов. Например, в 1881 г. Бирское земское собрание приняло решение о понижении в шесть раз сборов с земель А.Я. Вышенского. В том же году Мензелинское собрание перевело в низший разряд земли П.Н. и В.Н. Катанских[1].

Дворяне плохо уплачивали налоги. На собраниях этот вопрос многократно, но безрезультатно поднимался крестьянами[2]. Правительство рассматривало землевладельцев в качестве гарантов фискальной функции земства, поэтому при взыскании земских недоимок губернаторам указывалось, что та же мера «по отношению к частновладельческим землям могла затруднить выполнение возложенной на земства задачи»[3].

Средняя величина земского налога с десятины частновладельческой земли была ниже крестьянской, что объяснялось преобладанием пашенной земли у крестьян и лесной у помещиков. Единственным исключением выглядел Мензелинский уезд, где налоговая нагрузка на крестьянские и частные земли была примерно одинаковой, а в 1885 и 1895–1900 гг. земство оценивало земли крестьян дешевле[4].

Привлечение специалистов с целью определения земствами своей налоговой базы было актуальной задачей. Проект создания статистического отдела при губернской управе был предложен секретарем Уфимского губернского статистического комитета Н.А. Гурвичем уже на первом губернском земском собрании[5]. В своей обширной статье «Земство и статистика» он призвал к объединению правительственных и земских статистических исследований «к услугам Общества и администрации»[6]. Как гласный Уфимской городской думы и председатель специальной комиссии в ней, Гурвич имел опыт создания системы оценки городских

---

[1] Журналы VI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями с 22-го по 30-е октября 1880 года. С. 48.
[2] См., например: Вестник Уфимского земства. Уфа, 1879. Вып. 2. С. 68–69.
[3] РГИА (Российский гос. исторический арх.). Ф. 573. Оп. 16. Д. 21063. Л. 1.
[4] См.: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 153.
[5] Сборник постановлений первого Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1875. С. 21.
[6] Гурвич Н.А. Земство и статистика // Уфимские губернские ведомости. 1875. 22 февр., 8 марта.

недвижимых имуществ. Исследовательский ум и административный опыт позволили ему обозначить актуальные для местного самоуправления проблемы задолго до того, как их через десятилетия начали решать земство и губернская администрация. В частности, он говорил о неэффективности сбора соответствующих данных через полицию и волостные правления, необходимости достаточного финансирования работы Статистического комитета, развития сети добровольных корреспондентов, создания земской экономической статистики[1].

В период кратковременного сотрудничества земства и губернского Статистического комитета в «Вестнике Уфимского земства» велась рубрика «Статистические очерки Уфимской губернии» (1879–1880 гг.). В ней публиковались материалы Статкомитета (о количестве земель и размерах посевов, скотоводстве, статистике населения) и исследования земских управ. Описания волостей Уфимского уезда составили, например, члены Уфимской уездной управы К.Ф. Комар и П.Ф. Гиневский, которые являлись одновременно и членами Статистического комитета, а также М.А. Топорнин и В.А. Фок. Член Стерлитамакской земской управы А.Т. Кутлуюлов в 1883 г. опубликовал результаты своего исследования по Макаровской волости. Судя по этим работам, земство ориентировалось на поволостное изучение уездов. Однако ревизии волостей путем объездов не прижились, поскольку требовали много времени и труда.

Начинания в земской статистике показали нежелание гласных землевладельцев допускать в сферу земских сборов представителей независимой экспертизы. Например, в Белебеевском собрании гласные проголосовали против предложения управы принять на земскую службу действительного члена Уфимского, Оренбургского, Пермского, Вятского и Тобольского статистических комитетов, известного исследователя местного края Р.Г. Игнатьева[2]. В 1883 г. председатель губернской земской управы А.Д. Дашков после командировки в Московское земство с целью изучения оценочного дела серьезно раскритиковал вариант подвор-

[1] См.: Красильников М.П. Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. С. 32.
[2] Сборник Белебеевского уездного земства Уфимской губернии на 1877 год. Уфа, 1877. С. 95.

ной переписи[1]. Наряду с его аргументами о сомнительности крестьянских данных и быстрой утрате информативности материалов подворного исследования, немаловажными были и опасения по поводу обострения земельного вопроса и обнажения острых социально-экономических проблем крестьянского населения.

При земских управах статистические работы велись эпизодически и без конкретных программ. В Уфимской губернской земской управе должность статистика была учреждена в 1883 г. Статистик Ольховский самостоятельно обозначил направления экономического исследования. В трех волостях были определены численность ревизских душ, грамотных, дворов, наделов, количество скота, промышленных заведений, размеры окладных платежей и недоимок, площади посевов, произведена группировка населения по числу работников и половозрастному составу. Волости были подробно описаны в топографическом, этнографическом и хозяйственном отношениях. Однако специальная комиссия гласных земского собрания посчитала собранные сведения «мелочными» для решения «существенных вопросов земского хозяйства»[2].

В 1884 г. в Уфимском уездном земстве поступивший в 1883 г. на должность статистика П. Резанцев исследовал имения землевладельцев Новоселовской волости[3]. В результате было составлено подробное экономико-статистическое описание волости, в том числе с приложением сведений о формировании частновладельческой собственности. Это был первый случай, когда земство детализировало данные о собственности помещиков. Такой подход не понравился землевладельцам, и решением уездного собрания деятельность уездного статистика ограничили изучением ценности и доходности промышленных заведений, а через четыре года эту должность вовсе упразднили.

---

[1] Красильников М.П. Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. С. 31.
[2] Там же. С. 33.
[3] Сборник статистических сведений по Уфимскому уезду. Отдел хозяйственной статистики. 1884 г. / сост. П.Г. Резанцов. Уфа, 1885 ; см. также: Роднов М.И. Переходный период регистрации частновладельческих земель в Уфимской губернии (1870-е – начало 1890-х гг.) // Уфимские помещики : типы источников, виды документации / Ю.М. Абсалямов, Г.Б. Азаматова, А.В. Гайнуллина, М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова. Уфа, 2013. С. 88–99.

Ситуация, когда земской статистике приходилось сталкиваться с «узкоклассовыми эгоистическими стремлениями преобладавшей в земстве группы населения» наблюдалась во многих земствах[1]. Как показала Н.Л. Власова, и позже, во время централизованной правительственной оценки частных владений в конце 1890-х гг. дворяне продолжали уклоняться от публикации сведений о своем земельном капитале[2].

Мензелинское земство стало единственным в губернии, где систематические статистические исследования были направлены на всестороннее изучение крестьянского хозяйства. В 1881 г. на должность статистика уездного земства поступил выпускник Петровской земледельческой академии Д.Н. Тяжельников. Начало его работы совпало с голодом 1881–1882 гг. В своем первом докладе уездному собранию статистик призвал «серьезнее отнестись к настоящему положению дел в крестьянской среде и принять соответствующие меры к поднятию благосостояния народа»[3].

Первое критическое исследование экономического положения населения Д.Н. Тяжельников построил на основании данных 14 деревень с примерно 1 тыс. хозяйств. На примере с. Николаевка Матвеевской волости, где 62 % крестьян жили «плоховато или совсем плохо», статистик сделал вывод о причинах их экономических проблем – неравномерность распределения надела, которого у слабых хозяйств был в полтора раза меньше[4]. Собранию 1883 г. были представлены данные военно-конской переписи 1882 г., по которой 20 % хозяйств уезда не имели рабочих лошадей, а 35 % имели всего одну лошадь. Наконец, в 1884 г. Д.Н. Тяжельников провел подворное исследование уезда по подробной программе[5]. В докладе управы собранию 1885 г. говорилось, что объектом обложения могут быть только имущества, приносящие доход, и предлагалось исключить из об-

---

[1] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1. С. 82.
[2] Власова Н.Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875–1918 гг.). С. 89.
[3] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 6. С. 76.
[4] Там же. С. 79.
[5] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому III. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования, собранные и обработанные Д.Н. Тяжельниковым. Самара, 1900.

ложения часть земель, обслуживающих необходимые потребности населения. Подходы социальной статистики к налогам пытались также применить специалисты в соседних земствах. В частности, в Пермской губернии Е.И. Красноперов и Н.Л. Скалозубов предлагали идею дифференцированного подхода в формировании сборов для разных категорий плательщиков[1].

Данные мензелинской подворной переписи 1884 г. легли в основу уездной земской раскладки на 1886 г. В Уфимской губернии это был первый случай базирования налогов на достоверных статистических сведениях. В основе оценки находился учет доходов и затрат. Пашни разделили по шести градациям, исходя из урожайности. К затратам были отнесены волостные сборы, отчисления на оборотный мирской капитал, а также расходы по производству, в том числе цена провоза до места сбыта товара. В итоге определились 16 разрядов чистой доходности. Доходность 1 дес. земли по новой оценке возросла с 1 р. 6 к. до 1 р. 93 к., частных владельцев – с 1 р. 9 к. до 1 р. 87 к. Данная оценка действовала с 1887 по 1894 год[2]. Гласные собрания периодически выступали против статистических работ, с помощью которых управа обосновывала повышение сборов. Собрание добилось упразднения должности статистика, в 1890 г. она была заменена штатной единицей агронома.

К организации профессиональной статистики подталкивали жалобы плательщиков, среди которых были такие влиятельные, как города и казенное ведомство, а также плохое поступление сборов. Так, в 1885 г. недоимки по земским сборам в Уфимской губернии достигли 500 тыс. р., или 56 % дохода, равного 886,6 тыс. р.[3]

---

[1] См.: Красноперов Е.И. Енапаевская волость. Экономическое исследование // Сборник Пермского земства. Пермь, 1883. № 1. С. 1–189 ; Его же. Разбор проекта Осинской уездной земской раскладки, составленного священником Н.Н. Блиновым // Сборник Пермского земства. Пермь, 1883. № 5. С. 1–37 ; Скалозубов Н.Л. Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1893.

[2] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 111–113.

[3] Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XII очередное собрание 1886 и XI чрезвычайное 1887 года. Уфа, 1887. С. 151 ; Земские доходные сметы и раскладки на 1885 год. С. 111.

В 1885 г. статистик губернской управы Н.О. Осипов, приглашенный из Казанского земства, представил собранию подробный труд о значении оценочно-статистического исследования губернии, опубликованный отдельной брошюрой[1]. В 1886 г. статистический отдел возглавлял О.Э. Шмидт, при котором земство провело оценочное исследование городов[2]. В 1887 г. прошло статистическое описание Мензелинского уезда, его материал о земельных, торгово-промышленных и фабричных объектах уезда позже был опубликован[3]. Но начатая работа была приостановлена по решению губернского собрания 1887 г. Помимо критики, обрушившейся на исполнителей переписи за «некомпетентность», «незнание местных условий и крестьянского хозяйства» и прочее, решающую роль сыграл финансовый вопрос. На губернском собрании за сворачивание статистических исследований выступил гласный М.М. Останков, председатель земской управы Мензелинского уезда, где статистические работы получили значительное развитие по сравнению с другими уездами. Столь противоречивое совпадение содержало, видимо, и объяснение – аргументы гласного о существенных финансовых затратах при неизвестном конечном результате основывались на уездном опыте. Этот пример показывает сильное влияние в земских собраниях Уфимской губернии консервативного дворянского лобби, которое длительное время стремилось удержать под контролем главный экономический вопрос – налогообложение. В этом вопросе уфимские земства выглядели довольно отсталыми, ведь в 1880-х гг. статистические работы в поволжских и уральских губерниях: Саратовской, Самарской, Казанской и Пермской земских управах продвинулись далеко вперед[4].

Система земской оценки базировалась на разной информации, зависела от заинтересованности земских собраний и управ в совершенствовании системы сборов. Не было не только единой системы определения сборов, но и конкретного

---

[1] Осипов Н.О. Краткий очерк земских статистических исследований. Казань, 1885.
[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Казань, 1887. Т. 1, вып. 1 : Города.
[3] Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. Уфа, 1889.
[4] См.: Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С. 134 ; Самарское земство : опыт практической деятельности (1865–1918 гг.) / под ред. проф. П.С. Кабытова. Самара, 2009. С. 167–175 ; Киселева Е.С. Становление и развитие земской статистики в Саратовской губернии (1882–1914 гг.). Саратов, 2012. С. 19–21 ; Лёвин С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье (1882–1917 гг.). Саратов, 2015. С. 28–29.

круга облагаемых объектов. Так, Златоустовское земство с 1882 г. по примеру соседнего Красноуфимского уездного земства Пермской губернии начало облагать налогом дома переселенцев – «пришлого элемента», не входящих в состав сельских обществ. В 1885 г. сбор с таких домохозяев составил 753 р., в то время как с торговых площадей и лавок поступило всего 392 р.[1] В 1901 г. сборы с домов лиц, не принадлежащих к сельскому состоянию, практиковали Златоустовское (они составили 0,9 % уездного земского сбора), Бирское (0,3 %) и Уфимское (0,1 %) земства[2].

Рост земской сметы обеспечивался зачастую «кабинетной» оценкой. Так, Златоустовская управа в объяснительной записке собранию 1896 г. указала, что недостающая «на покрытие расходов» сумма была разложена «на имущества»[3]. Впрочем, земства, имея рычаги воздействия на ситуацию, могли и облегчить положение плательщиков. Так поступало земство Мензелинского уезда, где была особо заметна задолженность налогоплательщиков. Оно целеустремленно добивалось снижения доли уездных налогов в сумме губернского сбора. Если в 1876–1879 гг. Мензелинский уезд вносил 25,34 % всего губернского сбора, то в 1903–1909 гг. только 16 %[4]. Земский сбор по г. Мензелинску с 1875 до 1887 г. уменьшился с 8,9 тыс. до 4,5 тыс. р.[5]

Первичными источниками для оценки объектов земского налогообложения служили документы волостной администрации и земельных сделок – купчие и арендные цены, сведения об урожае волостных правлений. Хотя в отношении достоверности последних представители земства были настроены довольно критично. Так, статистик Д.Н. Тяжельников назвал сведения волостных писарей «колоссальной нелепостью»[6]. Златоустовская управа также полагала неуместным использовать сведения волостных правлений об урожаях для Статистического ко-

---

[1] АЗГО (Арх. Златоустовского городского округа). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 581. Л. 30.
[2] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1. С. 666.
[3] Сборник постановлений XXII очередного и IX чрезвычайного Златоустовского уездного земского собрания 1896 г. Златоуст, 1897. С. 3.
[4] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 101.
[5] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 654. Л. 26–26 об.
[6] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 6. С. 76.

митета, которые «вследствие недостаточной развитости большей части волостных писарей и многих других причин всегда весьма далеки от истины»[1].

Наиболее точным основанием для оценки земель, по мнению современников, были арендные цены, а также нормы, выработанные на крестьянских сходах. Немецкий исследователь аграрной России А. Гакстгаузен в середине XIX в. писал: «Оценка, произведенная сельскими межевщиками, отступает от научной оценки только на 3–4 %, и кто знает еще, на чьей стороне точность»[2]. Московские земские статистики также отмечали, что прекрасное знание крестьянами качеств своей почвы не только в каждом поле в отдельности, но и на каждой полосе объяснялось не только тем, что они выросли на ней, но и тем, что это нужно было для переделов общинных земель[3].

Как было показано выше, в земствах по Положению 1864 г. применялись разнообразные методы оценки недвижимого имущества для начисления налогов, определенных и точных правил не существовало. В связи с этим возникает вопрос: насколько земские налоги соответствовали доходности объектов обложения, а точнее земель. Главным критерием обоснованности налоговых сборов был учет местных природно-климатических условий и рыночных факторов, а также привлечение соответствующей информации волостных правлений. Земли делились на разряды в соответствии с плодородностью или чаще всего на основании наличия благоприятных экономических условий – близости сплавных рек, уездного города, торговых центров. Лесные угодья делились на разряды в соответствии с качеством (строевой, дровяной, кустарник), удобством сбыта, рыночной стоимостью отдельных пород леса.

В некоторых уездах волость рассматривалась как отдельная податная величина. В Уфимском уезде земские ревизии волостей, проведенные ранее, позволили практиковать внутриволостное деление по экономическим условиям.

---

[1] Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии. На 1885 год. Одиннадцатой очередной сессии. Златоуст, 1886. С. 366–368.
[2] Цит. по: Осипов Н.О. Краткий очерк земских статистических исследований. С. 87.
[3] Там же.

В Белебеевском уезде земли для оценки были разделены по торгово-экономическим признакам или близости к пунктам сбыта, а в Златоустовском уезде разряды были присвоены отдельным крупным районам, выделенным по географическо-климатическому признаку. Позднее Златоустовское земство от крупного деления земель по районам перешло к точному распределению по угодьям отдельных владений. В Стерлитамакском уезде все крупные торговые селения оценивались по высшему разряду. Стерлитамакское собрание сбору детализированных сведений уездной управой предпочло усредненные сборы как более приемлемый способ оценки.

При определении размеров губернского земского сбора статистики губернской управы руководствовались действительной доходностью или «средневозможной» для всех хозяйств конкретной местности и устанавливали относительно одинаковые величины для больших районов. Например, при оценке земель Мензелинского уезда в 1887 г. земские специалисты учли «средневозможную» доходность хозяйства, которое велось большей частью крестьянского населения данной местности[1].

При раскладке губернского сбора разница в экономическом развитии уездов затрудняла применение единых налоговых ставок. Поэтому была создана специальная разъездная комиссия гласных губернского земского собрания с целью установления средней доходности десятины безлесных и лесных земель для отдельных «оценочных» районов[2]. Ценность десятины земли в уездах отличалась в десятки раз. Самые высокие цены были в Мензелинском и самые низкие – в Стерлитамакском и Златоустовском уездах[3]. К зонам с менее развитым земледелием, например Стерлитамакскому уезду, применялись усредненные налоги более развитых, таким образом сверху насаждалась экономическая унификация разных уголков губернии. Сложность определения принципов земских налоговых сборов

[1] Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. С. 4.
[2] Красильников М.П. Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. С. 29.
[3] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 158. Л. 197 ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 110–113.

объясняет факт постоянного изменения величин самого налога: за 1875–1909 гг. раскладка губернских земских сборов поменялась семь раз.

В сфере земских оценок сложились и отличительные черты по уездам. В дворянском Уфимском уезде, например, установился коллегиальный характер работы управ и собраний. Там, согласно Инструкции для оценки земельных владений от 1880 г., члены земской управы для сбора сведений объезжали волости, привлекали данные о ценах на землю и урожай волостных правлений, проводили опросы «сведущих лиц». Председатель управы П.Ф. Гиневский выступил инициатором мер по «обнародованию» данных о дворянских имениях. С 1882 г. помещики стали декларировать свои угодья при волостных правлениях в присутствии соседей-землевладельцев. В итоге выявилось 2 тыс. дес. ранее неучтенных безлесных земель, а общая ценность частновладельческих земель возросла на 22 700 р.[1]

Бирское земство при оценке земель опиралось в основном на сведения казенных учреждений. За основу были взяты сведения доземского периода Бирского уездного казначейства, крепостные и межевые акты, уставные грамоты. Канцелярский метод работы отражали списки плательщиков. Даже в начале XX в. управа опиралась на сведения уездных исправников и распределяла земли и промышленные заведения по станам, то есть использовала «полицейский» метод административного деления территории[2]. Печатные материалы Бирского земства не отражали распределение земель по разрядам. В них категории земель подвергались большим обобщениям, «граничащим с произвольными решениями»[3].

В Стерлитамакском уезде проявилось ярко выраженное сопротивление землевладельцев справедливому начислению налогов. На первой сессии уездного земского собрания было принято решение о распространении земских сборов не только на крестьянские земли, но и на постройки, которое, однако, запретил губернатор. Препятствие гласных выяснению земельного фонда уезда привело к то-

---

[1] Гиневский П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. Уфа, 1900. С. 120–121, 131.

[2] Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXV очередной сессии 1899 года. Казань, 1900. С. 340.

[3] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 121.

му, что в 1876–1880 гг. площади, с которых взимались сборы, оказались завышены на 300 тыс. десятин[1].

Белебеевская управа от классификации земель по угодьям (сенокос, пашня, выгон, степь), актуальной для натурального хозяйства, перешла к учету рыночных факторов[2]. В поисках экономически обоснованных методов начисления сборов уездное земство с 1875 по 1893 год поменяло три способа оценки. Так, одна из переоценок 1889 г. учла проведение Самаро-Златоустовской железной дороги и приток переселенцев.

В Златоустовском уезде доходность земель определили в 1876 г. на пяти окружных съездах хозяев по показаниям уполномоченных от каждого владения и сельского общества. Доходность лесов также была определена в зависимости от эксплуатации их заводами, частными владельцами и населением. Такая оценка действовала стабильно в течение 35 лет. Златоустовское земство имело самые подробные раскладки земских сборов, которые регулярно публиковались с указанием разряда доходности угодий конкретных владельцев. Тем не менее земская управа в докладе собранию 1900 г. указывала на несовершенство учета доходности земель, проведенного «совершенно некомпетентными лицами». Но нехватка квалифицированных земских специалистов в уезде и исправное поступление сборов с крестьян снижали актуальность проведения новых оценочных мероприятий.

В Мензелинском уезде земство проводило принцип равномерного обложения. В 1882 г. для уточнения оценки крестьянских земель состоялся съезд волостных старшин, предложения которого были использованы управой. В уезде применялся редкий в земской практике подход – более высокая оценка частновладельческих земель. Так, в 1883 г. доходность 1 дес. частных земель оценивалась земством в 1,09 р., а крестьянских – в 1,06 р. По раскладке на 1895 г. эти показатели равнялись соответственно 1,78 р. и 1,74 р.[3] Противоположный подход особенно ярко проявился в Бирском и Златоустовском уездах, где частные владельцы

[1] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 130.
[2] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 1. С. 185–186.
[3] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 111–115.

платили земству налогов на 3 к. с дес. земли меньше, чем крестьяне, а в Уфимском – на 2 к.[1]

Отдельной областью земского обложения была городская недвижимость. Земские средства предназначались кроме как на содержание уездных больниц, казенных учреждений, финансирование учебных заведений, также на городское благоустройство – ремонт дорог, проведение водопровода и пр.

В губерниях с развитой городской жизнью налоги на недвижимость городов обеспечивали значительную часть земских доходов. В 1900 г., например, в Петербургской губернии их доля в земском бюджете составила 32 %, Московской – 20, Херсонской – 18, Ярославской и Харьковской – по 9 %. В Уфимской губернии эта цифра равнялась всего 2,9 %[2]. В это время московская недвижимость испытывала заметное давление земского обложения и поднимался вопрос о его избыточности[3]. Другая картина наблюдалась в Уфимской губернии, где уездные города являлись в первую очередь административными центрами и поглощали значительные средства сельских плательщиков. Так, по данным Златоустовской земской управы, в 1886 г. г. Златоуст при земском сборе 2 550 р. в год израсходовал из земских сумм более 11 716 р.[4] В 1898 г. по смете Стерлитамакского земства сборы с недвижимости уездного города составили 3 825 р., в то же время на содержание городских учебных заведений и уездной больницы в городе земство выделило 9 936 р.[5] Тенденция поддержки земской казной уездных городов проявлялась вплоть до 1909–1910 гг., о чем свидетельствует исследование О.А. Поляниной[6].

Земские налоги формировались по оценкам раскладочных комиссий городских самоуправлений. До 1875 г. оценка недвижимых имуществ г. Уфы производилась «наглядным способом по наружному виду», а после на основании решения

---

[1] РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 4471. Л. 6–10.
[2] Земские доходы 34-х губерний на 1900 год. СПб., 1901. С. XVIII.
[3] Галкин П.В. Земское налогообложение недвижимости Москвы и проблемы взаимодействий органов самоуправления // Российская история. 2011. № 6. С. 108–123.
[4] Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии. На 1885 год. Одиннадцатой очередной сессии. С. 382.
[5] Земская роспись доходам и расходам по Стерлитамакскому уезду на 1898 г. Стерлитамак, 1898. С. 30–99.
[6] Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа, 2006. С. 93.

Городской думы от 27 июня 1875 г. «посредством капитализации чистого дохода, приносимого имуществами»[1].

Собственные земские оценки городской недвижимости начали формироваться в 1880-е гг. К этому времени население г. Уфы, Стерлитамака, Бирска и Белебея увеличилось по сравнению с однодневной переписью 1865 г. в два и более раза. В 1882–1883 гг. земские оценки городского имущества сформировало Мензелинское земство, за которым через три года последовало Стерлитамакское. К усовершенствованию городских оценок земство подталкивали отдельные имперские законы, например закон от 13 мая 1883 г. об увеличении налога с городских недвижимых имуществ[2].

Губернское земство смогло приступить к специальному исследованию недвижимости городов только после организации статистического отдела в 1883 г. До этого городская недвижимость и торгово-промышленные объекты не облагались губернским земским сбором, который распространялся исключительно на земли. В 1886 г. началась земская подомовая перепись в городах Уфимской губернии. В ходе нее фиксировалась доходность городских построек, земель, огородов, промышленных заведений[3]. Поскольку это было первое специальное исследование уездных городов Уфимской губернии, статистики попутно собирали сведения о числе и занятиях жителей. В качестве критерия развитости городского хозяйства исследователи приблизительно выделили долю населения, занятого неземледельческим трудом, или «ремесленным производством» (см. табл. 20). Условная группа ремесленников была наиболее многочисленна в г. Стерлитамаке, далее шли г. Уфа, Бирск, Златоуст, Белебей. Значительную часть горожан составляли крестьяне. Их было подавляющее большинство в г. Златоусте (бывшие горнозаводские рабочие-крестьяне), в г. Мензелинске и Бирске – более 40 %. Более одной пятой жителей крестьяне составляли в г. Стерлитамаке – 22 % и немногим

[1] Шиленков Н. Оценка и обложение налогами городских недвижимых имуществ. Уфа, 1893. С. 16.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 3. № 1578.
[3] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Казань, 1887. Т. 1, вып. 1. С. 1–4.

менее одной пятой в Уфе – 18 %. Меньше всего крестьян было в Белебее – 13 % жителей.

Таблица 20 – Сословный состав горожан Уфимской губернии по переписи 1886 г.

Сословие (чел. %) / Город	Дворяне	Духовенство	Купцы	Крестьяне	Солдаты	Мещане	Прочие	Всего, чел. (%)	Доля ремесленников*
Белебей	245 (5,8 %)	41 (0,97 %)	143 (3,39 %)	528 (12,5 %)	852 (20,17 %)	2 380 (56,34 %)	35** (0,83 %)	4 224 (100 %)	8,8 %
Бирск	357 (4,24 %)	216 (2,56 %)	351 (4,17 %)	3 728 (44,23 %)	1 074 (12,74 %)	2 476 (29,38 %)	204 (2,42 %) (22) (0,26 %)	8 428 (100 %)	11,5 %
Златоуст	452 (2,38 %)	137 (0,72 %)	239 (1,26 %)	13 417 (70,57 %)	1 420 (7,46 %)	593 (3,12 %)	2 393 (12,58%) 363 (1,91 %)	19 014 (100 %)	9,6 %
Мензелинск	573 (9,38 %)	141 (2,32 %)	141 (2,32 %)	2749 (45,00 %)	719 (11,76 %)	1 707 (27,95 %)	78** (1,27 %)	6 108 (100 %)	–***
Стерлитамак	458 (5,03 %)	91 (1,00 %)	340 (3,74 %)	2032 (22,34 %)	999 (10,98 %)	5 147 (56,58 %)	30** (0,33 %)	9 097 (100 %)	28 %
Уфа	3949 (15,04 %)	315 (1,2 %)	580 (2,29 %)	4 694 (17,88 %)	5 221 (19,89 %)	9 266 (35,22 %)	2195 (8,36 %) 31 (0,12 %)	26 251 (100 %)	15,7 %
Итого	6 034 (8,2 %)	941 (1,3 %)	1 794 (2,5 %)	27 148 (37,1 %)	10 285 (14,1 %)	21 569 (29,5 %)	4 935 (6,7 %) 416 (0,6 %)	73 122 (100 %)	

Составлена по: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Казань, 1887. Т. 1, вып. 1 : Города. С. 18, 48–49.

*Показан удельный вес среди всех жителей. В число ремесленников вошли строители, специалисты по изготовлению одежды и предметов домашнего хозяйства, а также представители профессий торгово-ремесленного и промышленного характера.

**Показана только категория «прочие», иностранцев в указанных городах не было.

*** сведения не указаны.

На втором месте по численности городского населения Уфимской губернии были мещане. Больше всего их проживало в г. Стерлитамаке – 57 % и Белебее – 56 %. Далее шли г. Уфа – 35 %, Бирск – 30 и Мензелинск – 28 %. Третьей группой по численности были дворяне. Наиболее заметной их доля была в г. Уфе – 15 % и Мензелинске – 9,4 %, что объясняло дворянский характер соответствующих уездных собраний. Среди горожан Белебея и Стерлитамака дворян было 5,5 % и 5 % соответственно, в г. Бирске – 4 и меньше всего в г. Златоусте – 2,4 %.

В городах наблюдался низкий процент купеческого населения. В г. Бирске и Стерлитамаке оно составило по 4 %, в Белебее – 3 %, в ярмарочном городе Мензелинске купцы составляли всего 2 % населения, а в губернском городе Уфе и того меньше (1 %). Таким образом, сословный состав горожан объяснял слабую экономическую роль городов в земских бюджетах.

Показатели оценки недвижимости большинства городских управлений были ниже показателей земской оценки: в г. Златоусте в четыре раза, в Стерлитамаке более чем в шесть раз, а в остальных городах почти в три раза. Удельный вес городов в общей оценочной стоимости губернского земского сбора выразился так: г. Уфа – 54 %, Стерлитамак – 11,8, Златоуст – 11,1, Мензелинск – 10,9, Бирск – 8,1, Белебей – 4,1 %[1].

С размерами нового губернского земского сбора на основании переписи городского хозяйства 1886 г. не согласились уездные городские и земские органы самоуправлений. Мензелинское земство и городская дума продолжили политику целенаправленного снижения суммы городского налога, проводимой ими с начала открытия земства. Стерлитамакское и Белебеевское земские собрания не утвердили нормы, определенные Уфимской губернской земской управой по данным упомянутого статистического исследования. Златоустовское земство и городская управа не признали оценку Уфимской губернской земской управы из-за превышения действительной доходности домов. По числу каменных построек г. Златоуст занимал первое место в губернии (там каменных домов было 572, полукаменных 140 и на каменном фундаменте 2 021), опережая г. Уфу (где соответствую-

[1] Красильников М.П. Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. С. 73.

щие цифры составляли 301, 63 и 1 043). Златоустовцы указывали, что это не показатель достатка, а память о хороших временах, когда все «горнозаводские люди, имеющие надобность строить себе дома», снабжались материалами из казны в долгосрочный кредит и бесплатной рабочей силой[1].

Интересы губернского земства, городских и уездных земских самоуправлений удалось согласовать только после повторной городской переписи, которую статистики Уфимского губернского земства провели в 1890 г. Наконец, в 1892 г. впервые были определены размеры губернского земского сбора с городской недвижимости, в том числе со зданий торгово-промышленного предназначения. При формировании уездных сборов с городов уездные земства, за исключением Мензелинского, продолжили применение оценок городских управ, не заинтересованных в росте налогов.

В целом земские сборы с городов отличались неустойчивым ростом. Каждое повышение налогов действовало, как правило, один или два года, а затем, под давлением городского лобби, сборы снижались. По данным податных инспекторов, земские и городские оценки понижали действительную стоимость городской недвижимости в 3–10 раз, что было, впрочем, общероссийской тенденцией[2]. Независимая оценка могла использоваться и в политических целях – для устранения либо поддержки владельцев, претендующих на места в органах городского самоуправления. Обоснованно считалось, что заниженные оценки домов закрывали доступ представителям неторгового класса – интеллигенции и небогатым чиновникам в избиратели городского самоуправления. Завышение горожанами ценности своего имущества с целью участия в земских выборах и выборах мировых судей было отмечено Л.Р. Габдрафиковой[3].

---

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 654. Л. 56. О конфликтах Стерлитамакской думы с губернским земством по поводу сборов см.: Емалетдинова Г.Э., Кантимирова Р.И. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2010. С. 204.

[2] Шиленков Н. Оценка и обложение налогами городских недвижимых имуществ. С. 29–43.

[3] Габдрафикова Л.Р. Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местного самоуправления. Казань, 2013. С. 56.

При осуществлении земского налогообложения льготное положение имели торгово-промышленные заведения. Земские сборы с них были ограничены законом от 1 ноября 1866 г., закрепленном в Уставе о земских повинностях 1899 г. По нему земским сбором облагались только помещения и оборудование, а не доход заведений. Налогу на доходность предприятий равнялась уплата их собственниками сборов с торговых и промысловых свидетельств, а также других соответствующих документов. Местной особенностью был невысокий уровень мануфактурной промышленности в Уфимской губернии. По однодневной переписи 1865 г. в Уфимской губернии насчитывалось 171 фабрика и завод, не включая акцизных винно-водочных заводов. По данным Центрального статистического комитета МВД, число промышленных предприятий в Уфимской губернии было меньше в 2 раза, чем в Оренбургской, в 1,6 раза, чем в Казанской и Самарской, в 2,8 раза, чем в Вятской, и в 9 раз, чем в Пермской губерниях[1].

Ощутимые потери в доходной части земского бюджета вызвал закон 14 мая 1885 г., по которому прекращались земские сборы с патентов винокуренных предприятий. В частности, в Златоустовском уезде, где винокуренные предприятия уплачивали до 35 тыс. р. в год, или треть доходной сметы по уезду. Правда, казна возмещала городам и земствам сборы за патенты из расчета 7,64 к. за ведро водки. В 1899 г. губернское земство получило по этой статье 11 218 р. (что соответствовало 2 % его расходной сметы), а в 1913 г. – 11 419 р. (0,5 % сметы). В доход уездных земств также поступали соответствующие государственные отчисления[2]. Упомянутый закон повлек убыток и для земских плательщиков, поскольку запретил им взимать с торговцев плату за разрешение торговли на владельческих землях.

Для обложения налогами торгово-промышленных заведений уездные земства использовали главным образом сведения городских органов и волостных правлений. Некоторые уездные управы практиковали собственные способы оценки предприятий. Так, в 1885 г. члены Мензелинской управы А.И. Милюков и

[1] Де-Ливрон В.Ф. Статистическое обозрение Российской империи. С. 37.
[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 7 : Свод экономических данных по губернии, ч. 3 : Историко-статистические таблицы / сост. П.А. Голубев. С. 145.

М.Н. Подъячев провели описи и оценки промышленных заведений уезда. Стерлитамакская управа провела схожую работу в 1888 г.

В области налогообложения частных предприятий, как и в отношении городской недвижимости, ощущалось влияние владельцев, заинтересованных в понижении доходности своих предприятий. В 1884–1889 гг. в Бирском уезде обследования статистика уездной земской управы полковника Бородина увеличили доход с 660 объектов в три раза. Но решением гласных выработанные управой нормы оценки отменили. Схожая ситуация сложилась в Уфимском уезде, где рост сборов с промышленных заведений после статистического исследования 1885–1887 гг. привел к упразднению должности статистика и прекращению дальнейших исследований. В Златоустовском уезде согласно земской смете на 1896 г. число облагаемых земством заведений равнялось 1 071, а доход с них составлял около 8 тыс. р.[1] Только после издания Правил 8 июня 1893 г. в уезде провели проверку неземельных имуществ через особых уполномоченных – земских учителей, что выявило 845 неучтенных объектов[2].

Отдельную статью дохода земского бюджета составляли сборы с документов на право торговли и промысловых свидетельств. Например, в 1881 г. в Мензелинском уезде с развитой ярмарочной торговлей сборы с патентов и торговых документов в смете доходов составили 3,5 %[3]. Несмотря на то, что в пореформенное время источники торгового налогообложения были заметно расширены и дифференцированы, а численность торговцев росла, на земской казне это почти не отразилось. По данным исследователя Д.П. Самородова, в Уфимской губернии за 1870–1894 гг. численность торговых предпринимателей выросла в полтора раза. В то же время было много неучтенных предпринимателей, для которых торговля являлась неофициальным занятием[4]. Число выданных свидетельств на торговлю со времени введения земских учреждений и до 1894 г. выросло в 3 раза. Размеры

---

[1] Сметы и раскладки Златоустовского уездного земства на 1896 год. С. 242.
[2] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 139–142.
[3] Журналы VI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями с 22-го по 30-е октября 1880 года. С. 49.
[4] Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии. С. 248–251.

же земских сборов с соответствующих документов за тот период выросли всего в 1,1 раза[1]. На запутанность торговой статистики, которая способствовала ускользанию доходных объектов от налогов, указывал плодотворный земский исследователь П.А. Голубев[2].

Как отмечают исследователи системы пореформенного налогообложения, низкая ставка сборов способствовала развитию торгово-промыслового направления, что позволило с начала XX в. перенести акцент в поступлении в земский бюджет с крестьянского хозяйства на торгово-промышленный сектор и объекты недвижимого имущества[3]. Включению в поле земских налогов торгово-промышленных объектов в полной мере способствовали «Правила об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» от 8 июня 1893 г.

Отдельную часть земских доходов в Уфимской губернии формировали сборы с металлургических заводов Уфимской губернии. Наиболее прибыльной статьей было обложение земельных дач заводов. В Уфимском уезде облагались налогами дачи Н.П. и И.П. Балашовых при Симских заводах (они занимали 257 тыс. дес.) и дачи при Катавских заводах князя К.Э. Белосельского-Белозерского (164,8 тыс. дес.)[4]. В 1896 г. в Златоустовском уезде заводы одноименного горного округа – Златоустовский, Кусинский и Саткинский с 432,3 тыс. дес. внесли в уездное земство налог в размере 22,1 тыс. р., что составило 1/5 всех земских сборов с земель. В Юрюзанской и Минской волостях того же уезда располагались земли частных заводовладельцев: 149,3 тыс. дес. княгини Н.Д. Белосельской-Белозерской облагались земским налогом в 8 тыс. р., 3,7 тыс. дес. князя Белосельского-Белозерского – 238 р.[5] В 1894 г. в Стерлитамакском уезде земским сбором облагались дачи Богоявленского и Верхоторского заводов

---

[1] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 191.
[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 7, ч. 3. С. 158–161.
[3] Марискин О.И., Марискин С.О. Земские сборы с торгово-промышленного предпринимательства России во второй половине XIX – начале XX века (По материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2013. № 1 (20). С. 22–27.
[4] Список лицам, имеющим право непосредственного голоса в избирательном съезде // Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Прил. ; 1884. 24 марта. Прил.
[5] Сборник постановлений XXI очередного Златоустовского уездного земского собрания. 1895. Златоуст, 1896. С. 61, 94.

полковника В.А. Пашкова в размере 144,8 тыс. дес.[1] Земельная собственность владельцев Благовещенского завода Дашковых в 1881 г. была обозначена в размере 46,4 тыс. дес., а в 1894 г. – 42,2 тыс. дес.[2]

Заводчики стремились получить реальную отдачу от земских сборов. В Златоустовском уездном собрании, где управляющие, либо опекуны и попечители имений заводовладельцев занимали места фактически по квоте, они добивались выделения земских средств на развитие горнозаводских волостей – открытие земских школ, фельдшерских пунктов, строительство и ремонт дорог.

В Уфимском уездном и губернском собраниях, кроме владельцев Благовещенского завода А.Д. и Д.Д. Дашковых, других представителей крупной промышленности не было. Они не были лишены интереса к земской экономической политике. В 1886 г. владелец Катав-Ивановского завода, хозяин крупного рельсопрокатного производства К.Э. Белосельский-Белозерский и владелец Симского, Миньярского и Николаевского заводов Н.П. Балашов подняли перед губернатором вопрос об урегулировании конфликта интересов Уфимского уездного земства и заводов. Их не устраивало формирование земского представительства исключительно из собственников земледельческой части уезда, по решению которых заводские земли облагались «в два раза дороже» остальных земель аналогичного качества. Распределение налоговых поступлений, считали они, было также неравномерно: земские расходы на медицину и школы почти не распространялись на горнозаводские волости. Заводовладельцы предлагали пересмотреть административное деление и причислить их собственность, находившуюся в волостях Уфимского уезда – Катавской, Усть-Катавской, Симской и Илекской с Симским и Катавским заводами, к Златоустовскому уезду, где их интересы в земском собрании могли представлять их управляющие и поверенные[3].

---

[1] Список лицам из дворян потомственных и личных, имеющих на основании… // Уфимские губернские ведомости. 1894. 11 июня. Прил.

[2] Список лицам, имеющим право непосредственного голоса в избирательном съезде… // Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Прил. ; Список лицам, имеющим право голоса в первом избирательном собрании… // Уфимские губернские ведомости. 1894. 30 апр. Прил.

[3] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 158. Л. 84–87 об.

Крупный доход земству могло принести обложение заводского оборудования. В 1880–1890 гг. металлургические заводы Уфимской губернии производили в среднем: штыковой меди 21,4 % всего объема уральских заводов, чугуна – 14, стали – 29 %[1]. В документах земства, в частности доходных сметах Уфимского уездного земства, сведений об обложении заводского оборудования нами не обнаружено. Златоустовское земство впервые включило в доходную смету собственность казенных заводов Златоустовского уезда в 1891 г., руководствуясь законом «О порядке обложения земским сбором казенных зданий» от 14 декабря 1889 г.[2] В свою очередь Горное ведомство уклонялось от налогов, мотивируя это «бездоходностью» предприятий, занятых исполнением государственных военных заказов. Причем Сенат в 1891, 1892 и 1893 гг. признал доводы Управления златоустовских заводов, а в 1894 г. оставил их жалобу без последствий[3]. В 1896 г. земские сборы с Златоустовского, Саткинского и Кусинского казенных заводов составили 23,4 тыс. р., промышленных заведений и оброчных статей Горного ведомства – 481 р., с Юрюзанского и Минского заводов княгини Белосельской-Белозерской – 5,2 тыс. р., с винокуренного завода Торгового дома Злоказовых – 1 тыс. р., а всего с данных предприятий – 30,1 тыс. р.[4]

Таким образом, в пореформенный период на базе земских учреждений была сформирована система земского или местного налогообложения. В ее основе лежала финансовая деятельность уездных земств, при которых велись учет и оценка объектов обложения. Земские налогоплательщики участвовали в определении размеров сборов через земские собрания, сельские сходы и особые собрания собственников. Это позволяло регулировать налоговую нагрузку с учетом интересов населения. В то же время отдельные объекты обложения, в частности торгово-промышленные заведения, были охвачены налогами далеко не в полной мере, что

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1911. Т. 10 : Фабрики, заводы и промышленные заведения Уфимской губернии, ч. 2 : Описание и учет доходности фабрик, заводов, промышленных заведений и рудников Уфимской губернии. С. 36–37 ; Т. 7, ч. 3. С. 147–150.

[2] ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. 9. № 6442.

[3] Сборник постановлений Златоустовского уездного земского собрания XXIV очередной сессии 1898 г. с приложениями. Златоуст, 1899. С. 675–681.

[4] Сметы и раскладки Златоустовского уездного земства на 1896 год. С. 178–191.

говорило об ограниченности компетенции земств как органов налогообложения. Недостаток квалифицированных кадров и финансовых ресурсов земского управления приводил к главной проблеме – к отсутствию проверенных и полных данных об объектах обложения и их доходности.

§ 3. Ход и результаты реформы муниципального налогообложения по Правилам 1893 г. в Уфимской губернии

После выхода в свет «Правил об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» от 8 июня 1893 г. уфимские земства были поставлены перед необходимостью коренной перестройки прежней системы налогообложения. Закон ставил две главные задачи – максимально широкий охват земскими сборами всех существующих объектов обложения и достоверный учет доходности каждого из них.

Основные положения способов предполагаемой оценки содержались в самих Правилах. Четко определялся круг недвижимости, освобожденной от налогов – земли дворцовые, церковные и монастырские, принадлежащие благотворительным, учебным заведениям, защитные леса, искусственные лесонасаждения, земли военного ведомства, железных дорог и другие особые виды недвижимости (ст. 8). В основу оценки должна была быть положена «средняя чистая доходность» единицы обложения (ст. 9). Для максимальной конкретизации прибыльности земель предусматривалась их подробная классификация. Сначала соответствующие службы определяли хозяйственные районы внутри уездов в соответствии с почвенными и другими условиями (ст. 12). Затем территориальные единицы ими подразделялись на хозяйственные угодья: усадебные, пахотные, сенокосные, пастбищные, садовые и другие, каждое из которых в свою очередь делилось по признакам доходности на разряды (ст. 13). Определение доходности частного землевладения должно было также базироваться на дробной классификации угодий и статистическом учете промышленных источников земских поступлений – рыбоводные угодья, предприятия по добыче камня, извести и пр. (ст. 15). Рыночные условия доходности учитывались также при оценке лесов (ст. 17, 18) и город-

ской недвижимости (ст. 21, 22). Единственным исключением стало налоговое обложение фабрик и заводов, которые, как и прежде, оценивались по доходности их помещений и их внутреннего оснащения, а не самого производства (ст. 25).

Принципиально новым условием оценки объектов земского налогообложения стало вычисление средней доходности по данным за продолжительный промежуток времени – за девять лет для земель и за шесть лет для городской и торгово-промышленной недвижимости (ст. 11). Эти принципы оценки подразумевали организацию соответствующих земских статистических служб.

Наряду с кардинальными изменениями земской налоговой базы, сохранялись черты преемственности с прежней системой земского обложения. Во-первых, в новом законодательном акте правительство в очередной раз обозначило только общие направления оценки объектов налогообложения, и во-вторых, главными проводниками реформы по-прежнему остались сами земства во главе с дворянскими гласными. Оба эти положения были не случайными: они позволяли правительству по-прежнему использовать земский ресурс для выполнения глобальных государственных задач, теперь еще и под собственным контролем.

Земские учреждения, имеющие достаточный опыт в оценочно-окладном деле, признали, что закон 8 ноября 1893 г. и соответствующие инструкции Министерства финансов оставили открытыми целый ряд вопросов: о размерах хозяйственных районов и о признаках, которые могут быть положены в основу их деления и пр. Земские специалисты сомневались, что многообразие различных хозяйственных и территориальных факторов позволит установить однородные хозяйственные территории. Неопределенность закона в то же время трактовалась ими как преимущество, когда «широта постановлений закона и отсутствие категоричности» позволяли в каждом случае найти более приемлемый способ окладной оценки[1].

Для создания новых оценок объектов налогообложения земские управы должны были разработать методы и программы статистических обследований.

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1904. Т. 8 : Определение доходности земельных угодий, ч. 4 : Свод доходностей земель и лесов. С. 1–4.

Статистический отдел Уфимской губернской земской управы начал работу 1 января 1895 г.[1] Первым его заведующим стал Н.Г. Овчинников. При нем было начато экспедиционное обследование Уфимского и Стерлитамакского уездов по системе смешанного исследования. В ходе него заполнялись статистические формуляры по специально разработанным программам для каждого вида имущества, попутно собирались данные о почвах и растительности, велись наблюдения за естественно-историческими условиями местности. Уже при первом экспедиционном исследовании обнаружилось стремление землевладельцев не допустить оценщиков на территорию их личной земельной собственности[2]. Начатая Н.Г. Овчинниковым работа не получила завершения, он был обвинен в некомпетентности и уволен из управы[3].

В последующем губернский статистический отдел возглавляли известные и плодотворные исследователи С.Н. Велецкий (с апреля 1897 г. по апрель 1899 г.), Е.В. Пашковский (1899–1903 гг.) и М.П. Красильников (1903–1918 гг.)[4].

В 1895–1897 гг. под руководством С.Н. Велецкого, чиновника отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, прошло сплошное оценочно-статистическое исследование Уфимской губернии. За короткий срок была выполнена масштабная работа по изучению шести уездов, материалы которой были опубликованы в 1898–1899 гг.[5] Оценочное изучение лесов, фабрик, торгово-промышленных заведений и частновладельческих земель продолжалось до 1909 г., когда все оценочные работы были окончены.

Исследования уездов создали богатейший свод сведений энциклопедического характера о естественно-исторических условиях местностей, землевладении, хозяйственном укладе крестьянских и помещичьих хозяйств губернии, состоянии местной торговли и промышленности. Тем не менее ликвидировать все белые пятна по источникам земского обложения до конца не удалось. Возникли

---

[1] Роднов М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5. С. 110–120.
[2] Власова Н.Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875–1918 гг.). С. 81.
[3] Там же. С. 79–81.
[4] Роднов М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика. С. 110–120.
[5] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1898–1899. Т. 1–6.

трудности при исследовании местностей с нерусским населением, поселков переселенцев, «на которые нападали случайно». Некоторые деревни были недоступны для статистиков из-за «полного отсутствия» дорог. Мешала информационная неграмотность населения. При опросах башкиры и припущенники преувеличивали площадь своих землевладений, надеясь на больший отвод участка при воображаемом будущем межевании. Часть сведений статистики давали по документам учреждений. Так, ими упоминались «извлечения из дел уездных по воинской повинности присутствий», сведения метрических записей о нехристианском населении Уфимской губернии[1].

Главной задачей было определение критериев оценки земель. В начале оценочных работ уфимские статистики делали упор на комплексное изучение местных экономических условий. На заседании губернской Оценочной комиссии 1895 г. подчеркивалась невозможность чисто статистическим методом установить экономические факторы, влияющие на доходность земельных угодий, и поэтому предлагалось «видное место отдать объективным, естественно-историческим условиям»[2]. Данную установку отразили материалы экспедиционного исследования уездов за 1895–1897 гг. В них большое место заняли сведения об обеспеченности различных разрядов крестьян землей и скотом. Эти материалы использовались в качестве «основного источника» для разработки оценочных данных[3].

Одновременно шли поиски унифицированных способов оценки, что больше отвечало практическим целям налоговой реформы и могло обеспечить рост земских доходов в перспективе. В 1898 г. заведующий статистическим отделом Уфимской губернской земской управы С.Н. Велецкий выступил с обоснованием необходимости изучения доходности сельского хозяйства по площади посевов. Ориентиром для него служили установки Санкт-Петербургского съезда Между-

[1] Журналы заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии с 1894 по 1903 год. С. 26.
[2] Там же. С. 37–38.
[3] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года (и) доклады управы. Уфа, 1906. С. 599.

народного статистического комитета 1897 г.[1] Последующий руководитель статистического Отдела (бюро) М.П. Красильников также считал, что величина посева является главным признаком зажиточности крестьян в Уфимской губернии. Именно результаты изучения посевной площади положили в основу первой подворной переписи Уфимской губернии в 1912–1913 гг. Спустя некоторое время в земской статистике наметилась критика группировки земледельческих хозяйств по посеву, так как она игнорировала число работников в них и завышала количество зажиточных семей. Поэтому результаты подворной переписи, проведенной в 1915 г. в губернии, статистик А.М. Брагин анализировал уже исходя из группировки по производительным силам или числу работников в хозяйстве[2].

Действительно, первым важным оценочным фактором при учете доходности была посевная площадь[3]. Внимание статистиков к посевным группам объяснялось также потребностью в выяснении продовольственной обеспеченности местного населения, в связи с чем разработки данных о площадях посева еще более детализировались. На заседании оценочной комиссии 1903 г. заведующий губернским статистическим отделом Е.В. Пашковский докладывал о завершении работ по определению показателей доходности: пропорции посевов хлебов, урожайности зерна, цен на продукты и расходов по производству. Далее, по его мнению, необходимо на основании этих величин исчислить доходность и сравнить ее с арендными и рыночными ценами на землю[4].

Для определения доходности использовались также данные текущей сельскохозяйственной статистики. Они позволяли уточнять результаты экспедиционного исследования уездов. Наряду с законом 8 июня 1893 г. необходимость сбора сведений за возможно продолжительный срок предписывала и инструкция Мини-

---

[1] Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении. Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике за 1895–6 и 1896–7-ой хозяйственные годы. Самара, 1898. Год 1-й. С. IV–XII.

[2] Брагин А.М. Сельское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 г.) Уфа, 1916.

[3] Журналы заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии с 1903 по 1910 г. и труды совещаний уездных статистиков. Уфа, 1910. С. 105.

[4] Там же. С. 6.

стерства финансов от 14 сентября 1905 г.[1] Сбор земствами данных о хозяйственно-экономической и продовольственной ситуации на местах предписывал также циркуляр Министерства внутренних дел от 22 мая 1895 г.[2]

В Уфимской губернии текущая сельскохозяйственная статистика была налажена при поддержке местной администрации. Циркуляр губернатора Н.М. Богдановича от 15 апреля 1898 г. поручал земским начальникам обеспечить сбор соответствующих материалов волостными правлениями и добровольными корреспондентами[3]. Административный ресурс помог наладить бесплатный сбор данных: первые сведения за 1895/96 сельскохозяйственный год сообщили 408 добровольных корреспондентов. К концу 1897 г. их число достигло 975, а к 1909 г. – 2 700[4]. В 1898 г. вышел первый том текущей сельскохозяйственной статистики по Уфимской губернии. Затем материалы текущей статистики выходили каждые полгода, а с 1902 г. – один раз в год.

Примеры использования данных текущей статистики для земского налогообложения выглядели следующим образом: урожаи зерновых были оценены по средним ценам за 1889–1897 гг., расходы по производству хлебов и уборке покосов – по ценам 1895–1898 гг., в основу оценки лесов были положены данные за 1897–1899 гг. Затем, в целях приведения выводов о доходности к данным одного и того же периода времени, стали использовать материалы более поздних лет[5]. Происходила постоянная фиксация изменений неземельного фонда для обложения земскими налогами. «Мелкие и средние промышленные заведения также подвергались сплошному пересмотру, а среди городских имуществ все перестройки и

---

[1] Инструкция по оценке недвижимых имуществ, подлежащих обложению земскими сборами (14 сентября 1905). Уфа, 1905.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 731.

[3] Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении. Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике за 1895–6 и 1896–7-ой хозяйственные годы. Год 1-й. С. XXII–XXIV.

[4] Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1909. С. 883.

[5] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1904. Т. 8, ч. 4. С. 1–3.

расширения существующих имуществ не уходили из наших наблюдений», докладывали статистики в 1914 г.[1]

Главной проблемой земской экономической статистики, основанной на данных волостных правлений и добровольных корреспондентов, было обеспечение достоверности собираемых сведений. Земство принимало меры по улучшению качества сбора информации. Практиковались денежные выплаты писарям, поощрение добровольных корреспондентов подписными периодическими изданиями, печатание части бланков для башкир и татар на языке тюрки, но это не решало окончательно проблему. Значение текущей статистики земские специалисты видели в выявлении общих экономических закономерностей. Статистик А.М. Брагин отмечал, что «в относительных величинах волостная статистика правильно улавливает действительность»[2]. Поэтому уфимские земства обоснованно придерживались принятого ими комбинированного метода сбора экономических сведений.

Эффективным подспорьем при осуществлении реформы земского налогообложения могла стать подворная перепись. Уфимская губернская земская управа отмечала, что отсутствие подворного исследования весьма неблагоприятно отражается на всем ходе работ по оценке земельных угодий[3]. Ее необходимость стала очевидной после сравнения волостных источников с результатами земской переписи посевов и скота, проведенной Мензелинской земской управой в 1910 г. Расхождения между их сведениями составили до 44–75 %[4]. В 1912–1913 гг. Уфимскому губернскому земству удалось организовать сплошную перепись крестьянских хозяйств[5].

---

[1] О предстоящих в 1915 г. статистических работах. [Б. м. и г.]. С. 3.

[2] Брагин А.М. Сельское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 г.). С. 16.

[3] Журналы заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии с 1894 по 1903 год. С. 215.

[4] Подробно об этом см.: Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.) : социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 15–17 ; Его же. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика. С. 113.

[5] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Уфа, 1914. Ч. 2 : Таблицы.

Статистики проводили также дополнительные исследования с целью выяснения экономического состояния плательщиков и источников их доходов. Постепенно земская статистика вышла далеко за пределы узкопрофессиональных целей оценки объектов налогообложения. Она анализировала такие проблемы, как «истинные причины богатства и бедности населения», влияние этнографического фактора на платежную способность, роль переселенческого фактора в развитии края и другие неизученные в отечественной экономической науке вопросы.

Материалы земской статистики показали, что при определении доходности большинства крестьянских хозяйств края была неприменима рыночная оценка. Например, в очередном выпуске «Хозяйственно-статистического обзора Уфимской губернии» за 1899–1900 гг. статистики проанализировали развитие местных крестьянских хозяйств и показали, что только 1/10 их часть, в которых проживало 14 % населения, «могла оправдать все свои расходы земледельческими ресурсами», а более половины (53 %) хозяйств почти не имели хлеба для сбыта[1]. Публикуя материалы для определения доходности земель, земские статистики оговаривали: не вполне правильно «допущение, что в крестьянском хозяйстве весь производимый хлеб продается, а весь затраченный труд оплачивается деньгами». Они особо выделили хозяйства натурального типа, где пахотное хозяйство обеспечивало семью лишь необходимым куском хлеба или даже играло роль подсобного промысла. В таких случаях применялось понятие «отрицательная доходность» и более низкая оценка хозяйства[2].

В 1905 г. итоги оценочной работы статистиков губернской управы были представлены вниманию членов земских собраний и оценочных комиссий. Оценки частновладельческих хозяйств и промышленных заведений публиковались в «Уфимских губернских ведомостях» и рассылались управами в волостные правления для обсуждения на сходах.

---

[1] Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1899–1900 год (зима-весна). Материалы по текущей статистике за 1899–1900 хозяйственный год. Уфа, 1900. Вып. 1. С. 63.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1900. Т. 8 : Определение доходности земельных угодий, ч. 1 : Пашня и усадьба. С. 56–57.

При рассмотрении проекта статистического отдела Уфимской губернской земской управы об оценке земель в земских собраниях и оценочных комиссиях столкнулись два подхода. Научно-статистическим методом руководствовались земские статистики, а земские гласные и податные инспекторы, хорошо знакомые с местностью, опирались на так называемые субъективные сведения. С предложением пересмотра статистических расчетов по отдельным волостям выступили оценочные комиссии в Белебеевском, Мензелинском, Златоустовском и Стерлитамакском уездах. Их доводы вызвали проведение дополнительной экспертизы статистиков с привлечением «контрольных данных» вплоть до почвенно-топографических показателей. В результате появились прецеденты пересмотра статистических расчетов. Так произошло, например, после обращения сельских обществ Аскинской волости Бирского уезда о неправильной оценке их скудных почв по сравнению с более доходными пашнями Пономаревской волости. Но в большинстве случаев местные данные опровергались статистикой и, таким образом, официальная оценка была определяющей при установлении размеров земского налога.

При этом земская статистика не отказалась и от учета специфических условий края. Так, при разделении уездов на районы урожайности ею учитывался этнографический фактор. Принятые во внимание земскими специалистами традиционно меньшие урожаи в волостях с башкирским и татарским населением подтверждались также данными текущей сельскохозяйственной статистики. Например, в 1897 г. в Дуван-Мечетлинской, Больше-Кущинской и Мурзаларской волостях Златоустовского уезда с преобладающим мусульманским населением собрали хлебов от 6 до 10 пуд. с дес., тогда как в остальных преимущественно русских волостях – урожайность составляла 20–40 пуд. с дес.[1] Поэтому, пашни Больше-Кущинской волости Златоустовского уезда были оценены ниже из-за «неработоспособного населения и бессистемности в хозяйстве»[2]. В соседних Дуванской и

[1] Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении. материалы по текущей статистике за 1897–98 хозяйственный год. М., 1899. Вып. 2. С. 51.

[2] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года (и) доклады управы. С. 617.

Дуван-Мечетлинской волостях доходность земель статистический отдел определил выше, в том числе и в мусульманских деревнях, поскольку волость была неделимой единицей исследования. Усредненные показатели подразумевали одинаковый налог для зажиточных и бедных селений. «Деля волости на мелкие части, мы лишаемся возможности вывести такие средние урожайности, которые основывались бы на значительном числе данных, то есть погрешили бы против статистического метода», – оценивали ситуацию исследователи[1].

Чисто статистический метод определения доходности земель не обеспечивал полной объективности сведений. Особенно затруднительно было обследовать каждое землевладение по угодьям, затруднения возникали при изучении отдаленных башкирских, горнозаводских волостей. В земских собраниях и оценочных комиссиях положение последних специально не обсуждалось, основное внимание уделялось отдельным торгово-промышленным центрам. Неизученной оставалась промысловая деятельность населения, которая, по мнению М.П. Красильникова, выступала самостоятельным фактором его платежеспособности[2].

Отрывочной была информация по землям частных владельцев. Бланки текущей статистики заполняли всего около трети владельцев, главным образом крестьяне и мелкие землевладельцы. Многие помещики Уфимской губернии продолжали избегать декларации своего экономического положения. Лишь некоторые из них проявляли сознательное отношение к этому делу. Так, в с. Михайловке Златоустовского уезда определенный крестьянами урожай ржи был 60 пуд. с дес., а владелец соседнего имения Ф.Н. Новицкий сообщил о средней урожайности в 87 пуд. с дес.[3]

Помещикам удалось сохранить низкие налоговые ставки на свои имения благодаря праву земских управ и собраний утверждать оценки статистиков. По решению Комиссии из землевладельцев при губернской земской управе, в которую вошли известные либералы М.В. Кутлубаев, С.П. Балахонцев и деятель рево-

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 775. Л. 22.
[2] Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. С. 57.
[3] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года (и) доклады управы. С. 613.

люционного подполья В.А. Кугушев, доходность пахотных земель губернии стала определяться по данным крестьянского хозяйства. Формальным поводом для такого решения явился факт преобладания крестьянской пашни – до 95 % в губернии в целом. Но по некоторым уездам доля частновладельческой пашни была более заметна: в Уфимском – 10 %, Мензелинском – 9 и Белебеевском – 7 %[1]. По данным за 1900–1901 гг., частновладельческая десятина дала в среднем 29 пуд. урожая с дес., а крестьянско-общинная – 21 пуд. с дес.[2] Данные по уездам показывали более существенную разницу. В Мензелинском уезде урожайность ржи на землях надельных крестьян составляла в среднем 51,4 пуд. с дес., у крупных землевладельцев – 75,5 пуд., мелких – 60,3 пуд. с дес.[3]

Интересы крупных помещиков-землевладельцев поддерживали и оценочные комиссии, хотя в них образовалась оппозиция дворянским интересам в лице чиновников Министерства финансов. В 1900 г. в губернской Оценочной комиссии против сословного подхода при определении доходности земель выступили управляющий Уфимской казенной палатой Н.П. Зарубин и непременный член губернского по земским и городским делам присутствия А.Д. Повало-Швыйковский. В уездных оценочных комиссиях против налоговых привилегий для дворян активно выступали податные инспекторы, имеющие полномочия непременных членов и близко знакомые с проблемой уплаты сборов. Так, в 1905 г. инспектор Белебеевского уезда М.Н. Демин был против понижения оценки частновладельческих земель и приводил в пример богатые хозяйства немцев Казангуловской волости. Его коллега из Мензелинского уезда А.И. Удовиченко считал усредненные цифры доходности земель неприемлемыми в период, когда «мы стоим на рубеже прогрессивного подоходного налога»[4]. Протесты местных

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 8, ч. 1. С. 14.

[2] Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 год (лето-осень). Материалы по текущей статистике за 1900–1901 хозяйственный год. Год 6. Уфа, 1902. Вып. 2. С. 48.

[3] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. СПб., 1903. Т. 44 : Уфимская губерния. С. 224.

[4] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 775. Л. 3.

чиновников не поддержало Министерство финансов, «дабы не задержать оценочных работ особыми обследованиями»[1].

Важным стал сам факт составления и уточнения кадастра частновладельческих земель[2]. В первую очередь это позволило активизировать работу податных органов по взысканию долгов с землевладельцев, которые составляли значительные суммы. Например, по данным Бирского земства, в период с 1909 по 1913 год поступление недоимок с сельских обществ составило в среднем 45 % всей годовой суммы, а с частных владельцев и других недвижимых имуществ – 76 %[3]. Стала практиковаться опись имущества с целью взыскания долгов. На Уфимском уездном земском собрании 1914 г., когда гласные отчитывались за недоимки, выяснилось, что у брата А.И. Кугушева описали трактор стоимостью 15 тыс. р. В то же время Г.М. Курковский объяснял, что недоимка его отца будет погашена после продажи земли крестьянам[4].

В результате применения новых оценок объектов налогообложения с 1910–1911 гг. земские сборы многократно повысились. Так, в Бирском уезде нормы статистического отдела уездной управы превышали существующее в 1905 г. обложение крестьянских земель в 37 местных селениях от 220 до 998 %, а частновладельческих – от 107 до 566 % [5].

Рост земских сборов вызывал недовольство плательщиков. Среди крестьян против новых налоговых расценок выступали обычно собственники и переселенцы. В июле 1911 г. сход Успенского товарищества Свято-Троицкой волости Уфимского уезда решил, что без увеличения пашни доходность земли с 1910 по 1911 год не могла вырасти в два раза, и принял постановление не платить сборов

---

[1] Журналы заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии с 1894 по 1903 год. С. 151–184.

[2] См.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. 7 : Свод экономических данных по губернии, ч. 2 : Список земельных владений губернии ; Роднов М.И. Закон 8 июня 1893 г. и начало нового учета частновладельческих земель в Уфимской губернии. С. 108–109.

[3] Сметы доходов и расходов и раскладка уездного земского сбора на 1915 год по Бирскому уезду Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 12.

[4] XL очередное Уфимское уездное земское собрание 1914 года (16–22 октября). Сборник постановлений собрания с приложениями. Уфа, 1914. С. 10–11.

[5] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года (и) доклады управы. С. 590.

до выяснения дела. В той же волости крестьяне починка Рождественское жаловались на плохое качество общинной земли, большая часть которой была под кустарником. После проверки угодий на месте земская управа понизила сборы с жителей этого населенного пункта на 170 р. Жители починка Верхне-Николаевский Надеждинской волости Уфимского уезда считали завышенным налог в 45,05 к. с дес., поскольку ежегодно затопляемые их луга не годились для выпаса скота. Они приводили в пример земли соседей, платящих по 30 к. с дес. Крестьяне-собственники Яркинского товарищества, которым принадлежало 254 дес. земли в Уфимском уезде, писали в прошении от 4 марта 1912 г.: «Земля еще не расчищена и живем только 9 лет, не строились и не обзавелись скотиною, а платим 30 к. с дес. … С каждым годом оклад все увеличивается… Расчищено не более 30 дес., у некоторых из домохозяев только полдесятины в поле, вот пей и ешь и оплачивай ее чем знаешь»[1]. Арендаторы земель д. Петрушкина и жители Петропавловского завода Златоустовского уезда жаловались на резкий рост сбора с их домов[2].

Оценочная реформа 1893 г. сохранила привилегированное положение торгово-промышленных заведений. По новому закону такие предприятия попрежнему облагались не по доходности производства, а по стоимости оснащения помещений. В качестве показателя вложенного капитала использовалась стоимость аренды или построек, а к малоценным помещениям и инвентарю мелких заведений применялось понятие «действительно нулевая, часто отрицательная доходность»[3]. Сведения о доходности фабрик и заводов поступали от владельцев или их доверенных лиц, привлекались также документальные данные и сведения добровольных корреспондентов.

Промышленные и кустарные заведения в уездах Уфимской губернии были описаны в период экспедиционного исследования 1895–1897 гг., в городах – вместе с обследованием недвижимости в 1898 г. и позднее уездными статистиками[4].

---

[1] НА РБ. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 30. Л. 41–42 ; Д. 35. Л. 86–90.
[2] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 581. Л. 30.
[3] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1898. Т. 1. С. 537–540.
[4] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1911. Т. 10 : Фабрики, заводы и промышленные заведения Уфимской губернии, ч. 2 : Описание и учет доходности фабрик, заводов, промышленных заведений и рудников Уфимской губернии.

Земские статистики попытались найти способы для повышения сборов и с торгово-промышленных заведений. Они разработали собственный метод «переводных коэффициентов», когда при оценке помещений и оснащения объектов учитывались еще их «хозяйственные удобства и выгодность местоположения»[1]. При применении этого метода сумма оценки заводов Балашовых возросла почти вдвое – с 362,6 тыс. р. в 1894 г. до 720 тыс. р. в 1906 г.[2] Земский метод предполагал разную «фискальную доходность» для городских, сельских и кустарных заведений. Разработанные земскими статистиками основания исчисления доходности фабрично-заводской недвижимости были утверждены Уфимской губернской оценочной комиссией и рекомендованы уездным оценочным комиссиям для руководства[3].

Практиковался дифференцированный подход к плательщикам из числа предпринимателей. Так, Мензелинская уездная оценочная комиссия предложила не облагать дома кумысников в деревнях наравне со сдаваемыми внаем квартирами в уезде. Несправедливым показалось уездной комиссии также обложение чайных и кухмистерских по нормам пивных лавок. Совещание уездных статистиков 1908 г. решило понизить оценку бездоходных торговых лавок в селах и жилых помещений в уездах по сравнению с аналогичными заведениями в городах.

Новые оценочные нормы, повлекшие рост налогов, породили активные протесты торговцев и промышленников. К 1912 г. их жалобы составили 47 % обращений в оценочные комиссии (26 % жалоб приходилось на оценки земель и 27 % – на городские имущества). В общей сложности с протестами выступило 10 % собственников имуществ, или 6 494 из 6 187 чеовек[4]. В Бирском уезде более четверти жалоб по поводу повышения налогов поступило от купцов, которые привыкли влиять на суммы земских сборов с них. Активно играли на понижение

[1] Сборник постановлений Златоустовского уездного земского собрания XVIII и XIX чрезвычайных и XXXIX очередной сессий 1913 года. С приложениями. Златоуст, 1914. С. 101.

[2] Список лицам, имеющим право голоса в первом избирательном собрании // Уфимские губернские ведомости. 1894. 30 апр. Прил. ; 1906. 12 марта.

[3] В губернскую оценочную комиссию. По жалобе Стерлитамакского земства на решения уездной оценочной комиссии. Уфа, [Б. г.]. С. 1.

[4] О предстоящих в 1913 г. статистических работах. Уфа, [Б. г.]. С. 28.

налогов также представители купечества Белебеевского и Мензелинского уездов. Например, жалобы торговцев составили 95 % всех прошений в Мензелинскую оценочную комиссию в 1909 г.[1] Стерлитамакская уездная оценочная комиссия находилась под влиянием крупных промышленников. В 1909 г. она удовлетворила все поступившие от них 46 жалоб, отменив метод «переводных коэффициентов», как противоречащий закону. В то же время оценка остальных объектов промышленности осталась без изменений[2].

Наиболее решительно против повышения земских сборов выступили владельцы заводов и крупные промышленники. Начальник Златоустовского горного округа, представители завода «Магнезит» и Совета съездов уральских горнопромышленников, владельцы нефтекеросинового склада торгового дома братьев Нобель в Уфе, члены акцизного ведомства и другие обратились с жалобами на земскую оценку в Министерство финансов. Они добились специального распоряжения Министерства финансов от 12 октября 1912 г. об отмене оценки губернской Оценочной комиссии, основанной на «переводных коэффициентах». В следующем году это привело к сокращению налоговых поступлений от промышленных заведений в земский бюджет на 35 %[3].

Отрицательно сказывался на земской казне кризис горнозаводской промышленности, который наблюдался в начале XX в.[4] К 1909 г. долги с заводских дач князя К.Э. Белосельского-Белозерского Уфимскому уездному земству составили 127 тыс. р., или 31 % его годовой доходной сметы[5]. В Златоустовском уезде долги закрытых в 1908 г. заводов К.Э. Белосельского-Белозерского за 1905–1908 гг. составили 161 тыс. р., что равнялось полугодовому бюджету Златоустов-

---

[1] Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXV-й очередной сессии с 7 по 21 ноября 1909 года. Уфа, 1910. С. 838.

[2] В губернскую оценочную комиссию. По жалобе Стерлитамакского земства на решения уездной оценочной комиссии. С. 2.

[3] Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года (9–20 декабря 1913 года). С приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1914. С. 963–964.

[4] Роднов М.И. Индустриальное развитие Башкортостана // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века : в 2 т. Уфа, 2007. Т. 1. С. 203–209.

[5] РГИА. Ф. 573. Оп. 16. Д. 21498. Л. 1 ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 182.

ского земства. Попытка Златоустовской земской управы наложить арест на земли Юрюзанского и Катавского заводов и провести опись их имущества была пресечена министром внутренних дел.

Мероприятия по оценке заводов столкнулись со своеобразным саботажем оценочных работ заводскими управлениями. В 1915 г. при описании горных заводов все работающие в статистическом отделе техники ушли со службы на более высокооплачиваемую работу в Златоустовские горные заводы. Та же участь постигла новый штат сотрудников, командированный на описание заводов Балашовского округа[1].

В качестве перспективного источника доходов земства рассматривали налоговые сборы с городской недвижимости[2]. В 1901 г. доходность жилых домов составляла от 25 % (в Белебее) до 45% (в Златоусте) доходности всех объектов налогообложения в городе[3]. Такой подход копировал налоговую политику государства, которое после Первой русской революции фискальное давление прямого обложения стало переносить с крестьянского хозяйства на другие источники дохода. Как отмечено в исследовании О.И. Марискина, к 1907–1913 гг. основными прямыми налогами стали государственный квартирный и государственный промысловый налоги, в отличие от господствовавших прежде подушной, оброчной подати и выкупных платежей[4].

Городские думы единодушно выступили против земской оценки городских имуществ. В 1910–1911 гг. Уфимская дума обратилась с соответствующей жалобой к уфимскому губернатору, а Бирская – в Министерство финансов и в Сенат. Несогласные с новыми налоговыми тарифами домовладельцы писали жалобы в

---

[1] Отчет о деятельности статистического отдела за время с 1-го ноября 1915 г. по 2-ое ноября 1916 г. Уфа, [Б. г.]. С. 4–5.

[2] См.: Андреев С.А. Доходные статьи бюджетов земств Поволжья в середине XIX – начале XX века (по материалам Симбирской и Саратовской губерний) // Изв. Самарского науч. центра Рос. акад. наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1020.

[3] Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 9 : Доходность городских имуществ. С. 74–139 ; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 146–178.

[4] Марискин О.И. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Саранск, 2004. С. 26.

управы и даже напрямую губернатору. Так поступила в 1911 г. крестьянка Катав-Ивановского завода А.И. Мясоедова, которая зарабатывала себе на жизнь сдачей своего дома внаем и была не согласна с «неправильным» налогом и описью полицией ее имущества за недоимки в земский бюджет[1]. Однако, несмотря на бурный резонанс в среде городских плательщиков, оценочные нормы были приведены в действие[2].

Отдельным указом Сената от 28 декабря 1910 г. за № 16478, появившимся в ответ на жалобы в связи с земскими оценками, разъяснялось, что его рассмотрению подлежали правильность и законность действий земств при производстве оценок, но не сама их цифра, «определение которой относится к хозяйственным распоряжениям, в кругу коих земство действует самостоятельно»[3]. Позднее, в 1915 г., появился еще один указ Сената, согласно которому разрешение вопросов «о правильности привлечения недвижимых имуществ к земским сборам не принадлежит к предметам ведомства губернских правлений»[4].

Новые оценки не обеспечили нужного роста земского бюджета. В связи с этим Златоустовское уездное земское собрание 1910 г. ходатайствовало перед правительством о предоставлении уездному земству средств поземельного государственного налога, возможности обложения железнодорожных зданий, отчисления земству доли от косвенного обложения и предполагаемого подоходного налога и освобождения его от обязательных повинностей[5].

Несоответствие между обоснованной раскладкой сборов и растущим налоговым прессом земств на население было слишком очевидным. На губернском собрании 1913 г. было заявлено об антинаучном характере существующих зем-

---

[1] НА РБ. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 35. Л. 31–31 об.

[2] Журналы Уфимской городской думы 1911 г. Уфа, 1914. С. 1160–1177 ; Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания XXXVII очередной сессии 1911 года. С приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1912. С. 766.

[3] ГАОО (Гос. арх. Оренбургской области). Ф. 15. Оп. 1. Д. 333. Л. 363.

[4] Календарь-справочник земского деятеля. Б. м., 1917. С. 201.

[5] Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. Златоуст, 1914. С. 77.

ских сборов и был поставлен вопрос о почвенном исследовании губернии[1]. С его помощью предполагалось пересмотреть оценки земель[2].

С конца XIX в. в правительстве и финансовых органах долго обсуждался вопрос о подоходном налоге. Он был введен законом от 6 апреля 1916 г. только под влиянием финансового кризиса в период Первой мировой войны[3]. Его действие распространялось на лица, в том числе духовные и компании с доходом более 850 р. в год, включая все виды источников – денежные капиталы, недвижимую собственность, торговлю и промыслы, вознаграждения за службу. Причем должна была учитываться совокупность всех денежных и натуральных поступлений. С 1 января 1917 г. финансовые учреждения начали сбор сведений от собственников по текущему окладному году. В Златоустовском уезде к 15 апреля 1917 г. в канцелярию податного инспектора поступило около 5 тыс. деклараций от плательщиков, что, по мнению финансовых органов, составило менее 50 % их общего числа[4].

Таким образом, в результате мероприятий так называемой оценочной реформы при земских учреждениях Уфимской губернии была создана оценочно-статистическая служба. Это позволило расширить кадастр местных землевладельческих и торгово-промышленных объектов, а также сократить частное влияние на сферу земских сборов. Новые налоги базировались на принципе доходности каждого объекта обложения, что существенно увеличило сумму оценки недвижимости и соответственно размеры налогов в земский бюджет. Вместе с тем созданная правительством схема утверждения налогов через земские собрания и оценочные комиссии позволила дворянам закрепить низкую оценку своих земель. Правительство сохранило также льготные условия налогообложения для фабрично-заводской промышленности. Применение унифицированных методов оценки, со-

---

[1] Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года (9–20 декабря 1913 года). С. 62–65, 971.
[2] О предстоящих в 1915 г. статистических работах. [Б. м. и г.]. С. 1.
[3] Закон 6-го апреля 1916 г. о Государственном подоходном налоге. Закон 13 мая 1916 г. о налоге на прирост прибылей. Одесса, 1916. С. 1–41.
[4] Подача заявлений по подоходному налогу // Изв. Златоуст. Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 апр.

вершенствование системы контроля объектов обложения и постоянной фиксации их доходности значительно повысили земские доходы.

***

Финансовые полномочия земских учреждений позволили им выступить в качестве органов местной налоговой администрации в пореформенный период. С их помощью государство создавало новый тип рыночно-капиталистического обложения, основанного на имущественном принципе в отличие от подушной системы податей крепостного времени. Первоначально в основе модели земского налогообложения находились самостоятельность каждого уездного земства и широкое участие местных собственников в формировании налогов. Это способствовало достаточно безболезненному вовлечению помещиков в новые податные обязательства.

Отличительной особенностью земской налоговой системы до реализации закона 8 июня 1893 г. стало свободное формирование налоговых ставок. Они лишь частично базировались на специальных изысканиях, большое значение имели данные крестьянских и фискальных учреждений, знание особенностей экономического развития той или иной местности. Доходы, сформированные таким образом, обеспечивали элементарные потребности земского управления – содержание земских управ и частично правительственных учреждений, организацию деятельности наемного персонала, различных сторон хозяйственного управления. Но они были недостаточны для удовлетворения растущих потребностей земского самоуправления. На это указывали существенные дефициты земских бюджетов и возрастающая роль государственных субсидий в их формировании.

В связи с этим реформирование земской налоговой системы после 1890 г. шло в общем русле подчинения деятельности земств общегосударственным задачам повышения эффективности местного самоуправления. Реализация закона 8 июня 1893 г. в Уфимской губернии привела к формированию профессиональной оценочно-статистической службы при Уфимской губернской земской управе. Квалификация ее руководителей – заведующих статистическим отделом или бю-

ро, позволила в относительно короткие сроки выполнить весь цикл необходимых мероприятий: оценочно-кадастровые работы, выработку новых налоговых ставок и введение их в действие. В Уфимских земствах не наблюдалась характерная для большинства губерний ситуация, когда земские учреждения тормозили налоговую реформу по новому закону. Это объяснялось отсутствием явной оппозиции помещиков, либеральным составом Уфимской губернской земской управы и высокой квалификацией служащих статистиков.

Модернизированная налоговая система не решила проблему равномерного распределения платежей среди различных категорий населения, а напротив, усугубила ее. Главную нагрузку продолжали нести крестьянские земли, а частное землевладение и торгово-промышленная недвижимость были защищены льготами. Формирующаяся земская налоговая система под патронатом правительства имела шаткую социально-экономическую основу.

ГЛАВА V. МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЗЕМСКОЙ СИСТЕМЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ

§ 1. Земство и этноконфессиональная среда: проблемы взаимодействия

Многоаспектность земской реформы хорошо иллюстрируется на примере ее применения среди населения бывшего Башкирского войска, наибольшая часть которого располагалась в Уфимской губернии. Через земские учреждения жители уездов, разделенные ранее между гражданской и военной системами управления, объединялись в рамках отдельных административно-территориальных единиц самоуправления. Это интегрировало анклавы башкирских кантонов в административно-территориальную систему управления губерниями Европейской России.

Земство представляло собой схему почти прямо противоположную прежней военизированной организации жизни и быта населения башкирских кантонов. В период кантонной системы управления инкорпорация социальных верхов башкирского общества в российский административно-управленческий аппарат сопровождалась попечительской политикой. Создавались специальные школы и больницы для населения Башкирского войска, формировались особые капиталы на социальные нужды[1]. Население хотя и было податным, но подушная система обложения на него не распространялась. Под началом земских учреждений жители Башкирского войска вошли в общую систему самоуправления, построенную на принципе административно-территориального деления и унифицированного налогообложения.

Уравнивание башкир и припущенников в положении с русским крестьянством вызывало у них опасения утраты сохранившихся до сих пор льгот – вотчинное землевладение, освобождение от подушной подати как признака личной

[1] См., например: Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2012.

независимости и относительная религиозная автономия. Проводимые реформы плодили среди местного населения самые разнообразные слухи[1].

Первостепенной задачей правительства было использование земского налогообложения для мобилизации природно-экономических ресурсов региона, а гражданская составляющая земского самоуправления была рассчитана на перспективу. Необходимо также отметить, что власти использовали нестандартные, специфические условия того или иного региона в качестве немаловажных ресурсов для поддержки земского самоуправления. Так, в случае с некоторыми уральскими уездами замена дворянских гласных представителями заводских предприятий и большая квота сельских гласных стали действенными рычагами функционирования земских органов. Использование вотчинных земель и кадров кантонного чиновничества и военных существенно расширило социально-кадровую базу земства в Уфимской губернии.

Преобладание тюркоязычного населения в губернии – согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г. 1 208 935 человек (55 %) из 2 196 442 человек[2] предопределило формирование ярко выраженного многонационального земства. По данным той же переписи, русскоязычное население губернии составляло 834 135 человек (38 %) жителей, финноугорское (удмурты, мордва, мари) – 140 398 (6 %)[3]. Тюрки-мусульмане Уфимской губернии были представлены также отдельными этносословными, или этносоциальными группами мишарей и тептярей[4]. Последние входили как служилые сословия в состав Башкирского войска и после его ликвидации стали постепенно размываться как самостоятельные этносословные группы. Стирание границ между ними и башкирами и татарами, повлекло колебание их численности в последующем. Если первая перепись зафиксировала в Уфимской губернии 20,96 тыс. мишарей, то, по данным земских стати-

---

[1] См., например: Давлетбаев Б.С. Отмена кантонной системы управления // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века : в 2 т. Уфа, 2006. Т. 1. С. 43–45.

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [СПб.], 1904. Т. 45: Уфимская губерния: Тетрадь 2. С. 44–45.

[3] Там же.

[4] Фархшатов М.Н. Мишари, тептяри, татары и их взаимоотношения с башкирами // История башкирского народа / гл. ред. М.М. Кульшарипов : в 7 т. СПб., 2011. Т. 4. С. 253.

стиков, за 1912–1913 гг. их стало 150,98 тыс. человек. Численность тептярей в указанные годы была 39,96 тыс. и 262,7 тыс. человек соответственно[1].

Далее в исследовании, рассматривая башкир, татар, мишарей и тептярей, мы объединили их в одно понятие «мусульмане», исходя из их конфессиональной принадлежности. В пореформенный период, когда шел неумолимый процесс ликвидации сословий, религиозная принадлежность оставалась основным социокультурным маркером для многих больших групп населения. Развитие региональной специфики земского самоуправления, обусловленной этноконфессиональной неоднородностью местного населения и вхождение его до 1863–1865 гг. в состав Башкирского войска рассматривается ниже в привязке к разным хронологическим этапам деятельности уфимских земств.

Во время деятельности земств по Положению 1864 г. был сформирован круг земских избирателей и гласных из мусульман. Кантонный период управления башкирами, действовавший в конце XVIII – первой половине XIX в., стал своеобразным подготовительным этапом для дальнейшей интеграции края в административно-управленческую систему Российской империи. Социальную основу для рекрутирования земских гласных из местных жителей составили кадры бывших кантонных начальников и других чиновников, также обладатели казачьих военных званий. Как следовало, например, из списков сельских гласных Белебеевского и Мензелинского уездных земских собраний первых двух трехлетий, в земство попали сотники, полковые сотники, урядники из башкир, волостные старшины[2]. Последние в свою очередь формировались из бывшей верхушки кантонного начальства[3].

Сельская администрация башкирских волостей и селений становилась участником земского управления нижнего уровня. Она входила в общую систему

---

[1] Фархшатов М.Н. Мишари, тептяри, татары и их взаимоотношения с башкирами. С. 254–255.

[2] Список гласным Белебеевского уездного земского собрания // Уфимские губернские ведомости. 1875. 8 февр. ; Список гласным, избранным в гласные Белебеевского уездного земского собрания на второе трехлетие… // Уфимские губернские ведомости. 1878. 3 июня ; Список лицам, избранным в гласные Мензелинского уездного собрания… // Уфимские губернские ведомости. 1878. 9 сент.

[3] Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. С. 199.

крестьянских органов. По закону для волостного старшины, его помощника и сельского старосты устанавливались особые знаки из светлой бронзы, с изображением на лицевой стороне герба губернии и указанием должности. На оборотной стороне знака были вензель «И[имени] Е[г]о В[еличества]» и дата утверждения Положения о башкирах – «14-го Мая 1863 года». Знаки полагалось носить «на особых бронзовых же цепях, волостному старшине на шее, остальным на груди»[1]. Как показала в своем исследовании А.Х. Биккузина, должность старшины среди башкир считалась почетной, на нее претендовали многие – была постоянная «очередь»[2].

С проведением административных реформ – разделением башкирских поземельных тюб[3] между крестьянскими волостями, введением земского сбора с земель начался процесс оформления земельной собственности башкирских сельских общин. Это вызвало ускоренное имущественное расслоение среди башкир. Земельная собственность и раньше находилась под контролем групп элиты, кантонных начальников[4], но под влиянием рыночных отношений социальная поляризация значительно усилилась. Данный процесс разрушения традиционной башкирской общины протекал синхронно и в остальных губерниях[5]. Попытки правительства ввести контроль над арендными отношениями между башкирским и пришлым населением, формировать отчислением арендных сумм в «мирской» капитал существенного успеха не имели.

На оформление земельной собственности среди башкир-землевладельцев оказала влияние и процедура участия в земских выборах, требующая от них до-

---

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т. 38, ч. 2. № 40416.

[2] Биккузина А.Х. Башкирская община на Южном Урале в пореформенный период (1865–1900). Уфа, 2011. С. 46–47.

[3] Земельная собственность традиционно оформлялась в территориальных границах тюбы или аймака – отдельных подразделений родовой группы, см. подробнее: Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 35, 50–53.

[4] В период действия кантонной системы управления 14 % кантонных начальников закрепили участки в собственность, см.: Тагирова Л.Ф. Башкирское поместье // Уфимские помещики: типы источников, виды документации / Ю.М. Абсалямов, Г.Б. Азаматова, А.В. Гайнуллина, М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова. Уфа, 2013. С. 161.

[5] См., например: Красноперов И.М. Самарская Башкирия // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1885. Т. 2. № 6. С. 192–205 ; № 7. С. 368–382.

кументального подтверждения своей собственности. На основании сведений списков земских избирателей 1870–1880 гг. отметим наиболее крупных землевладельцев из башкир. Гласным Бирского уездного земского собрания неоднократно избирался волостной старшина, зауряд-хорунжий Башкирского войска С.М. Казбулатов, обладатель 980 дес. земли в Кизганбашевской волости. В Белебеевском уезде крестьянин Ш.С. Байтеряков (в 1881 г. ему принадлежало 105 дес. земли) неоднократно становился гласным уездного, а также губернского (1875–1878, 1884–1887, 1891–1894 гг.) собраний. Обладатели земельного ценза избирались и от сельских обществ. Например, в Мензелинском уезде таковым был отставной сотник Ш.М. Султанов (владел 540 дес. земли)[1].

В списке мелких землевладельцев Стерлитамакского уезда значились два наследника войскового старшины Ибрагимова от двух жен Самсибаны и Зулейхи, которые владели соответственно 583 и 621 дес. земли. В Бирском уезде среди избирателей числился зауряд-хорунжий М.А. Мутин, владевший 699 дес. земли в Кизганбашевской волости. В 1887 г. в состав избирателей-землевладельцев этого уезда вошли наследники полкового сотника М. Кайбишева, которым принадлежало 1 690 дес. земли близ д. Сухоязовой Мишкинской волости. Наследники хорунжих, братьев Вильдана, Нагумана, Рсяна и урядника Калимьяна Зубаировых Кутлубаевых, собственники угодий в Канлинской даче Московской волости также числились в уездном списке избирателей от землевладельцев[2]. Активными гласными уездного земского собрания и Уфимского губернского земского собрания стали сыновья Вильдана Мигран и Мустафа Кутлубаевы.

Земское самоуправление среди башкир не имело преемственности с системой так называемого попечительства управления кантонного периода[3]. Тогда в

---

[1] Список составленный Мензелинской уездной земской управой землевладельцам Мензелинского уезда… // Уфимские губернские ведомости. 1878. 15 апр.

[2] Список лицам, имеющим право участия в избирательном съезде уездных землевладельцев чрез уполномоченных // Уфимские губернские ведомости. 1884. 17 марта. Прил. ; Список лицам, имеющим право непосредственного голоса в избирательном съезде уездных землевладельцев Бирского уезда… // Уфимские губернские ведомости. 1887. 28 марта.

[3] См.: Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа, 2012. С. 61–62 ; Артамонова Л.М. Обучение башкирских мальчиков в городских приходских училищах (модернизационный проект 1850 – 60-х гг.) //

качестве направлений социального призрения были определены обучение башкирских детей в русских учебных заведениях и оказание медицинской помощи местному населению[1]. В системе земского самоуправления, основанной на принципе всесословности, башкиры слились с остальными жителями края.

Башкирская медицинская часть по указу правительства от 4 мая 1876 г. была передана земству. От Уфимского приказа общественного призрения в распоряжение земства поступило 63 700 р., отчисленных из башкирских капиталов и предназначенных для постройки земских больниц в уездных городах Стерлитамк, Белебей и Бирск[2]. Врачебный капитал на содержание башкирских больниц в размере 11 570 р. в год поступил в распоряжение Уфимского губернского земства. Башкирская лечебница в д. Салихова вошла в 1-й санитарный участок Уфимского уезда, врач Б.П. Шереметьевский вместе с обязанностями башкирского врача принял на себя и обязанности земского врача[3].

Переходный период не обошелся без издержек. Удаленность многих земских депутатов от народа и слабое понимание ими задач самоуправления привели к тому, что земские собрания практически уничтожили существующую систему подготовки фельдшеров из местного населения. К открытию земства в Уфимской губернии работало 49 сельских и 17 башкирских фельдшеров[4]. На средства сословного врачебного капитала башкир обучали в Башкирской фельдшерской школе в Оренбурге. В 1878 г. ее окончили 7 уроженцев Уфимской губернии, которые поступили на службу в Бирское, Белебеевское, Стерлитамакское и Уфимское уездные земства. В дальнейшем такую практику пресекли уездные земские собрания, не пожелавшие нести дополнительные расходы. Это привело к тому,

---

Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 20–27.

[1] Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). С. 154–155.

[2] Сборник постановлений первого Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1875. С. 2.

[3] Постановления второго очередного земского собрания, доклады и отчет земской управы Уфимского уезда за 1876 год. Уфа, 1877. С. 83.

[4] Первое Уфимское губернское земское собрание // Уфимские губернские ведомости. 1875. 10 мая.

что специалистов, знающих язык местного населения, не хватало, башкиры реже обращались за медицинской помощью[1].

«Башкирские капиталы» – продовольственный, врачебный после передачи земству были размещены на земских банковских счетах. Мировые посредники, а затем уездные по крестьянским делам присутствия не смогли упорядочить схему распределения общественных доходов – мирских капиталов в сельских обществах и волостях, составлявших в период кантонного управления солидные суммы[2].

Продовольственный капитал так называемых кочевых башкир (не перешедших окончательно к земледелию) и тептярей, предназначенный для снабжения населения в случае голода, весьма редко использовался по прямому назначению. Например, в Оренбургской губернии он послужил источником для выдачи ссуды переселенцам[3]. В 1880 г. Уфимская губернская земская управа обратилась с просьбой к правительству об использовании башкирского продовольственного капитала в размере 812 911 р. в качестве резервного фонда для всей губернии, но не получила разрешения. К 1888 г. его сумма, пополняясь и оставаясь неприкосновенной, достигла 1 416 194 р. Эти капиталы принадлежали, по сведениям губернской управы, 134 130 ревизским душам[4]. Проблема нерационального использования переданных земствам казенных капиталов существовала и в остальных земствах[5].

Как учреждение частноправового характера, земство выражало в первую очередь интересы его депутатов. Гласные-помещики были заинтересованы в притоке наемных работников и арендаторов их земель. Они с момента открытия зем-

---

[1] Полферов В.Я. Краткий обзор главнейших заразных заболеваний в Уфимской губернии за 1896 г. Уфа, 1901. С. 9.

[2] Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета члена Государственного совета и сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской. СПб., 1881. С. 25.

[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. : в 3 т. / сост. П.Н. Григорьев. Уфа, 1915. Т. 3. С. 240 ; Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 1. С. 23–25.

[4] Сборник постановлений Уфимского собрания с приложениями. XIII-е очередное губернское земское собрание 1887 года. XII-е чрезвычайное собрание 1–3 марта 1888 г. XIII-е чрезвычайное собрание 7–9 июня 1888 г. Уфа, 1888. С. 23.

[5] Скальковский К.А. Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб., 1889. С. 193.

ства лоббировали идею содействия переселенческому движению в Уфимскую губернию[1]. Вскоре после учреждения земства с проектом учреждения земской Комиссии по покупке и продаже башкирских земель выступили гласные М.В. Авдеев, Казанцев, Д.С. Волков и др.[2] Но правительство, как и в случае с межеванием башкирских земель, не допустило земство к сфере регулирования земельных отношений в крае.

Позже вопрос о колонизации губернии поднимали через учрежденные при земских управах Экономические советы. Бирский экономический совет и Уфимская губернская земская управа предполагали участие земства в координации переселенческого движения, которое, по их мнению, способствовало бы сбыту «обширных пространств частновладельческих земель»[3].

В период действия Положения 1864 г., в связи с необходимостью согласования деятельности земства с государственной практикой управления, губернская администрация стремилась нивелировать проявления этноконфессионального разнообразия в земских учреждениях. Так, уфимский губернатор тайный советник П.А. Полторацкий похоронил идею гласных башкир и татар печатать доклады управы на двух языках – русском и тюркском, выдвинутую на Стерлитамакском уездном собрании 1886 г. по инициативе гласного А.Т. Кутлуюлова. Под давлением неоднократного протеста начальника губернии собрание отступило от уже принятого своего решения печатать доклады управы для мусульманских гласных «на татарском диалекте»[4]. Видимо, подобного рода «неудобные» решения собраний периодически повторялись, поскольку П.А. Полторацкий в 1883 и 1888 г. сигнализировал в Министерство внутренних дел о необходимости ограничения численности гласных мусульман в собраниях. По его мнению, следовало ввести в земское Положение правило, ограничивающее количество земских гласных из нехристиан по примеру Городового Положения (Ст. 35 Городового Положения ого-

[1] Дашков А.Д., Заварицкий Н.А. Записка по переселенческому вопросу // Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 4. С. 1–11.
[2] НА РБ (Нац. арх. Республики Башкортостан). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 134. Л. 21–24.
[3] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 3. С. 242.
[4] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1210.

варивала, что число гласных из нехристиан не должно превышать 1/3 общего числа гласных)[1].

Вопрос продвижения земствами правительственного курса по развитию Российской империи как преимущественно православного государства постоянно находился в центре внимания местной администрации и центральных ведомств. Решения Белебеевского уездного земского собрания о назначении пособий муллам-вероучителям в русско-башкирских школах не одобряли учебное и церковное ведомства, считающие необходимым использование земского бюджета для поддержки церковно-приходских и миссионерских школ[2]. Мысль о нежелательности допуска на земские должности мусульман неоднократно высказывал в личной переписке в том числе с сенатором М.Е. Ковалевским и обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым христианский просветитель Н.И. Ильминский. По его мнению, образованных помещиков-дворян, чиновников, выпускников гимназий, кадетских корпусов и университетов из мусульман объединяла национал-политическая идеология, своей сплоченностью они напоминали «еврейскую интеллигенцию западного и южного края. Известный миссионер видел во всем этом угрозы для миссионерской деятельности в Уфимской губернии, где было немало крещеных татар, чувашей, мордвы, мари, удмуртов, а также язычников, привлечение которых в лоно православной церкви требовало от администрации много сил и неустанного труда[3].

Совместно с церковью выступало учебное ведомство. Большую переписку инициировало в 1891 г. письмо-жалоба инспектора народных училищ М.Д. Попова о том, что Белебеевское земство действует по отношению к народному образованию «в нежелательном для православия духе». В его обсуждении участвовали директор народных училищ Уфимской губернии, К.П. Победоносцев,

---

[1] РГИА (Российский гос. исторический арх.). Ф. 1287. Оп. 27. Д. 1926. Л. 2–11.

[2] См., например: Феклина О.Б. Миссионерство в Уфимской епархии. 1865–1883 гг. Уфа, 2011. С. 118–119 ; Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского : сб. документов и материалов / авт.-сост. Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань, 2015. С. 183–185.

[3] См., например: Гурий Комиссаров – краевед и просветитель : избр. произведения / сост. А.А. Кондратьев. Уфа, 1999 ; Кондратьев А.А. Ученый-просветитель Павел Миронов. Уфа, 2012.

министр внутренних дел П.Н. Дурново. В связи с этим делом уфимский губернатор Л.Е. Норд предложил даже ввести в Положение 1890 г. статью, ограничивающую число гласных-нехристиан в земских собраниях и запрещающую лицам нехристианского исповедания избираться на должности председателей земских управ[1].

Следует отметить, что схожая проблема регулирования численности гласных-нехристиан поднималась и в Херсонской губернии в связи с обсуждением «еврейского вопроса»[2]. Случай избрания, наряду с 6 православными, 6 евреев в гласные по городскому съезду заставил Херсонское уездное земское собрание в 1880 г. ходатайствовать о введении ограничения числа гласных-нехристиан к каждому избирательному съезду отдельно. Свое обращение земцы мотивировали ссылкой на существующее законодательство, ограничивающее количество нехристиан во всех присутствиях третью общей численности членов. Правительственный Сенат, рассмотрев данный вопрос, согласился с таким подходом и закрепил порядок ограничения гласных-нехристиан по каждому земскому избирательному собранию Указом от 11 октября 1882 г.[3]

Непосредственное земское самоуправление больше всего проявлялось при сборе земских налогов с населения. Население бывшего Башкирского войска в целом спокойно восприняло новые подати. Противоположная картина наблюдалась, например, среди казаков Войска Донского, протесты которых заставили в 1882 г. правительство упразднить введенные в 1876 г. земства[4].

У многоземельных башкир-вотчинников и их припущенников основным источником уплаты сборов – земских, казенных, мирских была продажа ими и сдача своих земель в аренду. Согласно изысканиям земских статистиков, наиболее полно изучивших проблему, именно арендные земли составляли основной хозяйственный фонд, приносящий рыночную доходность от земель при общинном их владении.

---

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 1926. Л. 10.
[2] См.: Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 251–253.
[3] РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 1526. Л. 2–5.
[4] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 48.

В Уфимской губернии арендные и продажные цены на землю были невысокими, так как долгое время объем предложений опережал спрос на земельные участки. Кроме того, на понижение арендных цен влияли такие факторы, как задолженность башкирских общин государству и ростовщикам, контроль земель зажиточными общинниками и др. В начале XX в. богатая черноземом башкирская земля сдавалась в аренду от 10 до 60 к. за десятину на многолетние сроки[1]. Для сравнения: по губернии с десятины удобной крестьянской земли взималось в среднем около 50 к. всех сборов[2]. Поэтому арендный вид хозяйственной деятельности местного населения имел противоречивые результаты и не всегда экономически оправдывал себя.

Отдельную проблему в первые десятилетия после введения земства представляла уплата земских сборов арендаторами земель. Приведем некоторые примеры. В Златоустовском уезде купец П. Незабудкин владел 5 тыс. дес. земли, арендованной с 1874 г. его отцом у башкир Белокатайской волости. Из них 1 400 дес. были отданы на 12 лет крестьянам Пермской губернии, образовавшим д. Шакарлы. Еще 3 600 дес. сдавались крестьянам с. Старый Белокатай и мещанину И. Воложанинову, который на 400 дес. «допустил поселок» крестьян Пермской губернии д. Выселги. Несмотря на письменное обязательство земской управе уплатить сборы, купец добивался отнесения накопившихся за ним долгов к вотчинникам. По подсчетам управы, за 12 лет аренды он платил башкирам по 3,3 к. с десятины ежегодно, а земских налогов на эти земли приходилось по 6 к. за дес.[3]

Екатеринбургский купец Ф.А. Злоказов владел с 1872 г. 35 тыс. дес. земли в Мурзаларской волости Златоустовского уезда. К 1881 г. недоимка земских сборов с его собственности достигла 12 348 р. В 1879–1882 гг. он занимал должность председателя управы, а позже ему удалось добиться решения собрания о непра-

---

[1] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач / сост. С.Д. Рудин, С.А. Плавский, Б.Н. Хавский. СПб., 1899. С. 137.

[2] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 81 ; Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. Уфа, 1902. С. 8–9.

[3] АЗГО (Арх. Златоустовского городского округа). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 170. Л. 150.

вильном обложении его земель сборами. В итоге с 1887 г. они были возложены на самих башкир[1]. Вопрос уплаты земских сборов арендаторами был особенно не урегулирован в первые годы существования земства. Например, после возврата башкирам незаконно проданных в 1869–1878 гг. участков общей площадью 140 тыс. дес. на них была возложена и недоимка по неуплаченным сборам[2].

Размеры сборов с вотчинных земель базировались в большинстве случаев на приблизительной информации. В 1880 г. Белебеевская земская управа отмечала отсутствие сведений о качестве башкирских земель, составлявших около 1/3 всех угодий уезда. «Если земли отнести к пахотной, – говорилось в докладе управы, – то… владельцы не будут иметь никакой возможности оплатиться… если земли отнести к малоценным, то для других владельцев будет также неуравнительно и крайне обременительно»[3]. Как правило, раскладка земских и казенных по обществам сборов выполнялась формально, путем арифметики – количество земли распределялось между вотчинниками по числу душ последней ревизии. Экономические условия хозяйствования, когда одни жители пользовались плодородными угодьями, а другие из-за чересполосицы были отрезаны от них или проживали на «худых» землях, в расчет не брались[4].

Распространенной причиной необоснованно начисленных сборов на башкир являлось юридически неграмотное оформление купчих сделок в их неразмежеванных дачах – без измерения границ, на глаз, по урочищам. Отсутствие в огромных вотчинных дачах границ между земельными участками собственников приводило к тому, что администрация и земство не могли точно определить размеры землепользования каждого сельского общества. Это создавало запутанные ситуации. Так, в 1896 г. на вотчинниках Енейской дачи числилась недоимка в 3 555 р. губернского земского сбора за землю под названием «дача неразысканного владения», которой владели на равных правах восемь деревень. Одна из них располага-

[1] Там же. Ф. И-11. Д. 158. Л. 47.
[2] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 125.
[3] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 1. С. 181.
[4] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 138–139.

лась в Сарапульском уезде Вятской губернии, остальные – в Мензелинском уезде Уфимской губернии. По решению Уфимской губернской управы недоимку включили в уездный сбор.

Уже к концу первого пятилетия существования земств в Уфимской губернии за жителями башкирских волостей накопились огромные суммы долгов. К 1880 г. в Бирском уезде недоимки по земским сборам составляли: по Асяновской волости 11 082 р., Калмыковской 20 009 р., Илишевской 12 324 р.[1] Когда становые приставы начали разбираться в их причинах, выяснилась безосновательность этих сборов из-за неразберихи в землепользовании отдельных волостей. Со своей стороны Бирское земство обратилось к губернатору с жалобой на бездействие полиции по взысканию накопившихся за башкирскими обществами долгов[2].

При взыскании сборов с вотчинников к содействию властей обращалось и Златоустовское земство. В 1880 г. уездная управа констатировала, что в бюджет местного земства с некоторых башкирских волостей почти никаких налогов не поступало: за Белокатайской волостью значился долг в 6 721 р. (а было уплачено 399 р.), за Мурзаларской – 17 695 р., за Дуван-Мечетлинской – 14 724 р. (уплачено 2 815), за Большекущинской – 13 313 р. (уплачено 2 365 р.). К 1888 г. долги возросли по Белокатайской волости в 2,2 раза (до 14 844 р.), по Большекущинской – в 1,6 раза (22 004 р.). Они уменьшились только по Мурзаларской (до 11 320 р.) и Дуван-Мечетлинской (до 9 189 р.) волостям[3]. Для пополнения земского бюджета гласные решили продать угодья вотчинников Большекущинской и Белокатайской волостей, а недоимки лесной дачи Мурзаларской волости списали за счет передачи казне по символической цене 13 600 дес. леса. В 1883 г. к передаче земель в казну вынуждены были прибегнуть и башкиры Азнаевской, Араслановской и Бушман-Кипчакской волостей Стерлитамакского уезда. Они лишились 47 тыс. дес. земли, чтобы покрыть 67 тыс. р. недоимок, накопившихся за ними[4].

---

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1880. Вып. 4–5. С. 358.
[2] Там же. С. 359.
[3] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 158. Л. 144.
[4] Обзор Уфимской губернии за 1882 год. Уфа, 1884. С. 17.

Огромной проблемой для земского хозяйства являлась неразмежеванность башкирских вотчинных дач. Их межевание после отмены крепостного права с целью выделения башкирам надельных участков[1], а также определения земельных границ их припущенников и других категорий собственников растянулось на длительный срок. Работа мировых посредников, чиновников по размежеванию башкирских земель (работали в 1870–1878 гг.), непременных членов губернских по крестьянским делам присутствий и других чиновников, имевших отношение к межеванию башкирских земель, не соприкасалась с деятельностью земских управ. Последние при начислении налогов на эти земли часто были не в курсе документальных изменений. На это указывали, например, земские статистики при оценочном обследовании земель Мензелинского уезда в 1887 г.[2]

Публичное обсуждение проблемы межевых работ в Уфимской губернии впервые было предложено в 1880 г. гласным Стерлитамакского уездного земского собрания Г.Х. Дашкиным. В его специальном докладе подчеркивалось, что основной причиной обеднения края, неудовлетворительного развития местного земледелия и периодических голодовок является неразмежеванность башкирских дач. Хотя в уезде их было 17, но только одна – Юрматинская дача была размежевана полностью. Башкиры-вотчинники составляли 48 % населения Стерлитамакского уезда. В докладе были указаны десятки деревень башкир, которые владели землей только на бумаге, но уплачивали наравне с другими все земельные налоги. В качестве примера земский деятель указал на Слыминскую дачу с фиктивными сельскими обществами при д. Арасланово‌й, Тятерьбаш (Ибраева, Кайраклы), Изяк-Ишметевой и др. В Юрматинской даче 24 деревни Азнаевской волости арендовали землю у соседей, поскольку их угодья оказались захваченными жителями соседних волостей.

На основании доклада Г.Х. Дашкина уездное земское собрание приняло специальное постановление о необходимости скорейшего размежевания башкир-

[1] По закону 10 февраля 1869 г. они составляли 15 дес. в малоземельных участках и 40 дес. в многоземельных, по правилам 4 августа 1878 г. устанавливалась для всех вотчинников одна норма надела в 15 дес. земли. См.: Роднов М.И. Поземельные отношения в Башкортостане // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 1. С. 157–162.

[2] Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. Уфа, 1889. С. 6–7.

ских земель[1]. К аналогичному решению пришло и губернское земское собрание 1884 г. после выяснения вопроса о причинах накопления недоимок земских сборов[2].

Башкирский просветитель Мухеметсалим Уметбаев в ответ на письмо губернатора Н.М. Богдановича от 11 июня 1898 г. о путях улучшения экономического положения башкирского народа главной причиной обеднения народа назвал отсутствие внимания властей на порядки пользования вотчинной землей. Будучи несколько выборных сроков земским гласным, он затронул и роль земства в этом вопросе. По его мнению, содержание земства, в особенности членов управ, и правительственных чиновников, было разорительно для народа[3].

В поле зрения центральных властей оказалась проблема межевания вотчинных угодий в связи с увеличением числа жалоб, судебных дел, а главное, долгов за башкирами по казенным и земским сборам. Летом 1890 г. в Уфимскую и Оренбургскую губернии для изучения состояния межевого дела был командирован управляющий земским отделом Сената, тайный советник Н.П. Долгово-Сабуров. К тому времени в Уфимской губернии были размежеваны всего 58 из 87 башкирских дач, в Оренбургской – 14 из 27, в Пермской – 4 из 12, в Самарской – 5 из 7. Кроме того, остро стояли вопросы путаницы земельных отношений внутри самих дач, доступности угодий всем членам общин, незаконных сделок, неправильного начисления земских и казенных сборов. В результате ознакомления с ситуацией на месте и изучения документов высокопоставленный чиновник сделал вывод о том, что условия землевладения не служили увеличению «имущественных средств самих башкир», а вели к их постепенному «общему обеднению»[4].

Схожее заключение об ухудшении экономического положения мусульманского населения после отмены крепостного права сделал земский статистик

---

[1] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 78–80.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 1. С. 411.

[3] НА УФИЦ РАН (Науч. арх. Уфимского федерального исследовательского центра Рос. акад. наук). Ф. 22. Оп. 1. Д. 22. Л. 119–121.

[4] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 121–122.

Д.Н. Тяжельников. Результаты проведенного им в 1884 г. подворного исследования Мензелинского уезда показали трудность адаптации мусульман к условиям рынка. «Сиюминутная выгода» от сдачи земель в аренду и возможность продажи своего труда помещикам и арендаторам не могли воспитать рачительного хозяина, а вели в конечном итоге к обеднению местного населения[1]. Исследование положения татарского и башкирского населения проводили также земские статистики соседних губерний. Например, их труды показали, что удельный вес бедного населения среди башкир и татар Пермской губернии был выше, чем у русских. Земские статистики считали необходимым «хозяйственное устроение» волостей и приближение земства к проблемам населения[2]. Но, по мнению мусульманской общественности, после реформы 12 июня 1890 г., что привело к сокращению представительства нерусских гласных, основная масса которых набиралась из крестьян, появились новые серьезные препятствия на пути к удовлетворению народных нужд[3].

В 1890–1905 гг. специализация отраслей земской деятельности привела к исследованию специальных вопросов жизни и быта мусульманского населения. Появились изыскания в области медицины. Среди них выделялось сочинение доктора В.А. Арнольдова, трудившегося в 1888–1891 гг. в Азнаевской волости Стерлитамакского уезда[4]. В своем «Санитарно-бытовом очерке о жизни башкир…» он впервые рассмотрел проблему взаимосвязи экономических условий и здоровья башкирского населения, попытался объяснить причины его обеднения[5].

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому III. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования, собранные и обработанные Д.Н. Тяжельниковым. Самара, 1900. С. 7–8.

[2] Красноперов Е.И. Енапаевская волость. Экономическое исследование // Сборник Пермского земства. Пермь, 1883. № 1. С. 1–189 ; Его же. Разбор проекта Осинской уездной земской раскладки, составленного священником Н.Н. Блиновым // Сборник Пермского земства. Пермь, 1883. № 5. С. 19–39 ; Скалозубов Н.Л. Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1893. С. 125–130.

[3] В связи с пятидесятилетним юбилеем земства // Тормыш. 1914. 15 июня (на тюрки).

[4] Научный вклад профессора В.А. Арнольдова в развитие гигиены и санитарного дела в России (К 150-летию со дня рождения) / А.И. Завьялов, И.Н. Луцевич, С.В. Райкова, Н.И. Алексеева // Саратовский науч.-мед. журнал. 2011. Т. 7. № 3. С. 735–740.

[5] Арнольдов В.А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // Дневник общества врачей при Казанском университете. Казань, 1894. С. 227–244.

Тяжелые последствия экономического кризиса, наблюдавшиеся в первые пореформенные десятилетия, для башкир подтверждались также данными демографии. Земский врач Стерлитамакского уезда В. Забалуев сравнил соответствующие данные X ревизии 1857 г. и губернского статистического комитета середины 1890-х гг. и сделал вывод о снижении уровня естественного прироста башкирского населения. Он писал: «Прирост среди башкир вотчинников крайне ничтожен, далеко ниже нормального установленного для магометанского населения исследователями соседних Пермской и Вятской губерний, в некоторых местах [он] даже пошел на убыль: например, в Бушман-Кипчакской волости на 100 душ X ревизии наличных насчитывается 83, в Араслановской на 100 рев. душ – 99,5, Зиргановской – 96,3… Убыль замечается и там, где внешние условия жизни сохранились со времен седой старины и изменились разве только хозяйственные отношения, натуральные формы хозяйства уступили денежным»[1].

Отметим, что к концу XIX в. в Бушман-Кипчакской и Араслановской волостях Стерлитамакского уезда местное население вело земледельческое хозяйство, в отличие от жителей окружающих башкирских волостей, основным занятием которых оставались скотоводство и лесные промыслы. Следовательно, переход башкир к земледелию в условиях кризиса хозяйства не давал положительных результатов. По мнению земских статистиков, кризис переходного состояния, вызванный в том числе «растлевающими порядками» продажи и аренды вотчинных земель, был временным[2]. В то же время статистик М.П. Красильников, подробно изучивший проблему налоговой задолженности населения Уфимской губернии, считал, что для выяснения экономического состояния мусульман необходимы специальные подворные исследования хозяйств. По его данным, суммы задолженности вотчинников не уступали долгам помещичьих крестьян, выкупающим

[1] Забалуев В. Годовой медико-санитарный отчет по Стерлитамакскому уезду с 1-го июля 1909 г. по 1-е июля 1910 г. Стерлитамак, 1910. С. 13–14.
[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Самара, 1899. Т. 2. С. 47–49.

свои наделы, а по сравнению с остальными собственниками земель была выше в 4–19 раз[1].

Другую, противоположную тенденцию развития земледельческих хозяйств башкир и татар выявил М.И. Роднов в ходе исследования развития капитализма в сельском хозяйстве Уфимской губернии. На основании материалов подворных переписей крестьянских хозяйств 1912–1913 гг. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. он показал формирование среди мусульман также значительных зажиточных слоев. Им были определены волости с заметным удельным весом национальных фермеров. Уфимский историк указывает, что в военное время удельный вес сельской верхушки сократился, но, перепись 1917 г. более реально отражает этнический состав мусульманских предпринимателей.

Согласно сельскохозяйственной переписи, зажиточное башкирское фермерство с многопосевными дворами концентрировалось в южных волостях Уфимской губернии, а наибольшая его доля отмечалась вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги. В 12 волостях Белебеевского уезда доля зажиточных башкирских дворов превышала 15 % всего населения[2]. В трех южных башкирских волостях Уфимского уезда так называемые кулаки составляли от 16,5 до 18 % всех дворов. В Стерлитамакском уезде многочисленная прослойка башкирских фермеров, от 15,5 до 27,5 % населения, сложилась в трех волостях. Еще в пяти волостях уезда зажиточные дворы составляли 10–15 %. В земледельческих волостях Златоустовского уезда М.И. Роднов отметил тенденцию развития «профермерских» хозяйств среди башкир и татар.

Среди татар прослойка многопосевных хозяев была малочисленна из-за проблемы малоземелья, и удельный вес богатых крестьян был ниже, чем у башкир. Основная масса многопосевных из татар, мишарей и тептярей концентрировалась в пяти волостях Белебеевского уезда. В них зажиточными были от 15 до 31,7 % населения. В Уфимском и Бирском уездах было по одной татарской воло-

---

[1] Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. Уфа, 1902. С. 60.

[2] Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 289.

сти, где зажиточные хозяева составляли соответственно 20,6 и 25,8 % всех дворов[1]. Общая тенденция заключалась в том, что предпринимательские слои мусульманского населения формировались в зоне ускоренного развития рыночного хозяйства.

В Мензелинском уезде складывание капиталистических хозяйств среди башкирского населения было обусловлено более ранней колонизацией этого уезда. В нем, по данным подворной крестьянской переписи 1912 г., доля зажиточных башкир (засевающих свыше 10 дес.) превышала соотвествующую долю среди русских крестьян[2].

В условиях динамичных социально-экономических перемен и ломки традиционного уклада жизни в пореформенный период сохранению биосоциального статуса человека и здоровья башкирского этноса способствовал бытовой уклад, в том числе сохранение традиционных источников питания, связь с природным ландшафтом и экосистемой. В связи с этим земские статистики отмечали сохранение кочевок в Гирей-Кипчакской и Кси-Табынской волостях Стерлитамакского уезда. Исследователь Н.А. Гурвич, врач по профессии, писал: «Нельзя не признать за кочевками гигиенического влияния и на последующее зимнее жилье башкира. Уходя на кочевку, он обыкновенно раскрывает настежь свою избу, сняв окно и двери, и представляя широкий простор притоку степного свежего воздуха в течение 4 или 5 месяцев. Эта полная эвакуация, освежение и оздоровление своего жилья, приготовляет башкиру на зиму хорошо проветренную избу, воздух в которой продолжает освежаться ежедневно чувалом (камином), заменяющим угародную русскую печь»[3].

Ключевую роль в летнем оздоровительном сезоне для башкир имел, безусловно, кисломолочный напиток кумыс. Отметим, что земство приняло участие

---

[1] Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. С. 289–299.

[2] Юлдашбаев А.М. Земельный вопрос и национальные отношения в Башкортостане в начале XX века. Уфа, 2007. С. 34.

[3] Гурвич Н.А. Статистические очерки Уфимской губернии : в 2 вып. Уфа, 1882. Вып. 2 : Скотоводство. С. 7–8.

в сохранении породы башкирской лошади и упорядочении кумысного промысла как важных компонентов местной экономики.

Впервые вопрос об исчезновении уникальной породы башкирской лошади подняли в 1880-е гг. члены Уфимского отдела Московского императорского общества сельского хозяйства. В 1894 г. на заседании Экономического совета Уфимского губернского земства была поставлена задача учреждения специального рассадника этой породы. Он открылся в 1902 г. при Аксеновском сельскохозяйственном училище Уфимского губернского земства, куда из Стерлитамакского и Верхнеуральского уездов привезли 13 голов лошадей. В 1907 г. на очередной сессии губернского собрания земские гласные обсудили дальнейшую судьбу рассадника. Большинство сочло необходимым поддержать его для пользы местного населения. Особый резонанс вызвало мнение ветеринарного врача А.Ф. Ковалевского о связи данной задачи с поддержанием коневодства у башкир. В итоге пришли к выводу, что на земстве лежит обязанность сохранения башкирской лошади. «Необходимо схватить и уберечь этот тип от исчезновения», иначе «башкирка» «исчезнет, как исчез беловежский зубр», – записано в журналах собрания[1].

В 1912 г. в Аксеновском рассаднике было 43 животных. В 1913 г. шесть лошадей из него были экспонированы на Всероссийской выставке в Санкт-Петербурге, четыре из них удостоились индивидуальных наград, а всей группе была присуждена серебряная медаль.

Сохранению башкирской лошади в деревнях способствовал кумысный промысел, который поддерживался земствами в связи с борьбой против туберкулеза. Вопрос о росте заболеваемости туберкулезом среди башкир был поднят в Уфимском губернском земстве в конце 1890-х гг. Ежегодно в башкирские деревни Белебеевского и Уфимского уездов, расположенных вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги, стекалось огромное количество приезжих со всех уголков Рос-

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIII очередной сессии 1907 года с приложением докладов Губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1908. С. 388–391.

сии для лечения или профилактики кумысом[1]. Как писал доктор В.Н. Золотницкий, кумысолечение стало «национальным, чисто русским способом лечения» массовой болезни того времени[2].

В 1910 г. на один двор или на пять человек в башкирских кумысных деревнях Уфимского уезда приходился в среднем один постоялец-кумысник[*]. В 1913 г. в Белебеевском уезде в 35 дворах д. Казангулово жило 95 кумысников, а в 18 дворах с. Давлеканово – 62 кумысника[3]. Количество отдыхающих ежегодно росло: в 1909 г. в Уфимской губернии их насчитывалось около 4,7 тыс. человек, а в 1916 г. – 6–7 тыс. человек. Некоторая часть кумысников размещалась в кумысолечебных заведениях частных владельцев. Таких частных лечебниц в губернии насчитывалось около 15. В некоторых из них побывали известные по всей России люди: в Андреевском санатории М.И. Дурилина лечился, например, А.П. Чехов, в лечебнице при Усень-Ивановском заводе останавливалась Марина Цветаева.

В целях борьбы против распространения туберкулеза земство выработало обязательные санитарные правила для кумысных лечебниц, проводило их ежегодные санитарные обследования, ввело ветеринарный надзор за кобылицами. В летнее время на железнодорожных станциях Давлеканово, Чишмы, Шафраново, Аксаково действовали земские справочные бюро. Работающие в них студенты давали информацию о кумысолечебных местах, регистрировали приезжих, вели прием заявлений на проведение дезинфекций помещений.

В начале XX в. благодаря поддержке земств впервые появилась научно-популярная литература о кумысе. Монографическим исследованием традиционных приемов приготовления башкирского национального напитка можно назвать труд Искандера Кутлубаева, студента медицинского факультета Казанского уни-

---

[1] Роднов М.И. Пережитки полукочевого хозяйства у башкир Уфимской губернии в начале XX века. Уфа, 2001. С. 12–23.

[2] Золотницкий В.Н. Путеводитель по кумысолечебным местам. Подробное описание кумысолечебных санаторий, заведений и других мест Самарской, Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний, а также и некоторых других местностей. 2-е изд. Н. Новгород, 1912. С. XVII.

[*] Кумысниками называли приезжающих на кумыс. См., например: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2003. Т. 2. С. 182.

[3] Швайцар Н.М. О кумысном промысле в Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 33.

верситета, сына земского гласного Бирского уезда Мустафы Вильдановича. Летом 1902 г. он был командирован губернским земством для «приведения в известность» и описания кумысных заведений Уфимского уезда. Его отчет о командировке был составлен в виде очерка, в котором содержалось не только описание изготовления напитка, но и объяснение феномена напитка, «суть кумыса»[1].

В 1913 г. для Всероссийской гигиенической выставки в Санкт-Петербурге под руководством санитарного врача Уфимского губернского земства К.Ф. Станкевича была подготовлена коллекция экспонатов кумысодельного производства[2]. Позже в Бактериологическом институте губернского земства стали изучать химический состав кобыльего молока, флору кумыса, кумысный лактобацилл, а также проводить опыты над пастеризацией и стерилизацией кумыса. Химик И.Г. Веракса получил чистые культуры кумысной закваски, с помощью которых удалось изготовить кумысный напиток.

По приглашению Белебеевского земства доктор Н.Н. Михайлов исследовал в 1905 г. кумысный промысел и написал специальный труд. В нем были зафиксированы глобальные изменения в крае: «Наша русская хищническая система хозяйства быстро делает свое дело разрушения природы. Экономическое состояние степных башкир, бывшее когда-то очень недурным, теперь страшно пало и граничит с окончательным обнищанием… Исчезла вся дикая, своеобразная прелесть башкирских деревень с их мирной патриархальной жизнью. Исчезли добрые старые нравы, гостеприимство, идеальная честность и рыцарское отношение к женщинам»[3].

---

[1] Кутлубаев И.М. Отчет студента-медика И. Кутлубаева командированного Уфимскою Губернскою Земскою Управою для надзора за исполнением обязательных постановлений на кумысных и кумысно-лечебных заведениях в Уфимском уезде летом 1902 г. // Сведения о заразных болезнях и врачебно-санитарной деятельности в Уфимской губернии. 1902. № 9. С. 9–37.

[2] Объяснения к экспонатам Уфимского губернского земства на Всероссийской гигиенической выставке в С.-Петербурге в 1913 г. по кумысному промыслу / сост. сан. врач К. Станкевич. Уфа, 1913.

[3] Михайлов Н.Н. Кумыс и современное положение кумысолечебного дела в России. СПб., 1907. С. 137.

В поздний земский период санитарные врачи начали издавать справочную литературу о кумысолечении[1]. Уфимское губернское земство с целью профилактики распространения туберкулеза организовало в мусульманских деревнях чтение лекций и раздачу брошюр.

Период земской деятельности после Первой русской революции, условно относящийся к 1906–1914 г., характеризовался серьезными изменениями во взаимодействии Уфимского земства с мусульманским населением. Либерализация политической жизни способствовала повороту земцев к нуждам башкир и татар, в частности началась поддержка их конфессиональных школ. Меры органов земского самоуправления земства по распространению всеобщего обучения среди местных жителей способствовали выработке государственной модели национальной школы. Просветительское направление в деятельности земства подпитывалось религиозно-обновленческим движением среди мусульман – джадидизмом[2]. Его участники в лице духовенства реформаторского толка, разночинной интеллигенции и торгово-промышленной буржуазии поддерживали социокультурные меры современного формата: открытие новометодных школ и библиотек, устройство лекций, спектаклей и благотворительных вечеров и т. д. В земских просветительских мероприятиях участвовали такие известные среди мусульман деятели, как Х-Г. Габяши, А.-З. Валиди, Г.Х. Терегулов, Г.Н. Кильдибеков, З.Ш. Шакиров, Ш. и С. Сунчалеевы, Г. Мустафин и др.

Отдельно следует выделить статьи о земстве, написанные известным башкирским и татарским поэтом и писателем М. Гафури. В декабре 1911 г. в газете «Йолдыз» была напечатана заметка «Уфимское земство», а в двух номерах 1912 г. – обширная работа «Что такое земство?»[3]. Последняя в виде отдельной брошюры

---

[1] Гиккель Э.И. Краткий справочник для едущих на кумыс в Уфимскую губернию. Уфа, 1916 ; Гуляев А.А. Очерки кумысолечебных заведений Уфимской губернии : в 2 вып. Уфа, 1913–1914 ; и др.

[2] См.: Фархшатов М.Н. Джадидизм : идеология, этапы и результаты обновленческого движения в башкирском обществе на рубеже XIX–XX веков // Актуальные проблемы исторической науки. Уфа, 2011. С. 282–285.

[3] Гафури М. Уфимское земство // Йолдыз. 1911. 29 дек. (на тюрки) ; см. также: Гафури М. Что такое земство? // Произведения : в 6 т. Уфа, 1957. Т. 6. С. 52–89 (на баш. яз.).

была отпечатана Уфимским губернским земством и широко использовалась для просвещения населения. Отзывы об этой книге разместили газеты «Вакыт» и «Пермская земская неделя»[1].

Популяризацией деятельности земства активно занималась периодическая печать мусульман. На страницах оренбургской газеты «Вакыт» («Время»), уфимской «Тормыш» («Жизнь»), казанских «Йолдыз» («Звезда»), «Кояш» («Солнце») и «Казан мохбире» («Казанский вестник») широко обсуждались вопросы расширения представительства башкир и татар в земских органах, равномерного удовлетворения земствами интересов всех налогоплательщиков, реформы школьного образования. Печать формировала информационную площадку для обсуждения и согласования мероприятий земства в области образования, привлекла общественные ресурсы для участия в местном управлении.

Распространение участковой формы обслуживания населения и осуществление различных «сетей» – школьных, библиотечных, агрономических, санитарных, способствовали решению задачи равномерного охвата земских плательщиков объектами социальной инфраструктуры.

Земское самоуправление в Уфимской губернии оказывало многостороннее влияние на социально-экономическое и культурное развитие мусульманского населения. Включение в земское представительство мусульманской землевладельческой и чиновничьей элиты способствовали формированию многонационального гражданского общества на уровне отдельных уездов и губернии в целом.

Публичное обсуждение острых социально-экономических и национально-конфессиональных проблем выявило ограниченные возможности земства для их решения. В отдельных сферах, соприкасающихся с интересами гласных-помещиков или касающихся санитарной охраны местности, земству удалось организовать ряд мероприятий по сохранению элементов традиционного уклада местного населения. Объявление свободы совести и вероисповедания в ходе

[1] Печать и литература // Вакыт. 1912. 26 июня (на тюрки) ; Книга о земстве на татарском языке // Пермская земская неделя. 1912. 16 авг.

Первой русской революции создало условия для того, чтобы мусульмане более активно использовали свои права и возможности в земских учреждениях самоуправления.

§ 2. Земская модель школьного просвещения башкир и татар

Просветительское направление земской деятельности в Уфимской губернии включало в себя также задачу распространения грамотности и образования среди нерусского населения. Если распространение русских народных школ подпитывалось общественно-педагогическим движением и общероссийским земским опытом, то в отношении русско-инородческих училищ Министерства народного просвещения по Правилам 26 марта 1870 г. « О мерах к образованию населяющих Россию инородцев»[1] уфимские земства не имели каких-либо практических моделей. Но и здесь, как органы местного самоуправления, они сыграли ведущую роль в развитии нового направления начального образования.

Первые русскоязычные школы среди местных мусульман начали открываться еще в рамках кантонной системы управления башкирами, мишарями и тептярями. Согласно ведомственным отчетам, к 1862 г. в Башкирском войске было открыто 27 русско-башкирских школ, где обучалось 498 детей[2]. Учебные заведения содержались на так называемый башкирский капитал. После упразднения военно-казачьей системы управления в 1865 г. эти средства в размере 290 тыс. р. были переданы в Министерство народного просвещения с целевым назначением – для «устройства и содержания начальных училищ в местностях, населенных башкирами»[3].

В 60-е гг. XIX в. усилились поиски наиболее приемлемых форм школьного образования для мусульман и язычников. Обучение нерусских народов выдвигалось в качестве отдельной государственной задачи, реализуемой в специальных

[1] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 45, ч. 1. № 48185.
[2] НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1225. Л. 6.
[3] Там же. Л. 106.

русско-башкирских, русско-татарских, русско-марийских и других школах. Согласно концепции видного педагога и миссионера Н.И. Ильминского, школьное образование нерусских народов должно было базироваться на родном языке и способствовать их постепенной христианизации. В 1865 г. была выработана инструкция для учителей башкирских школ, в основу которой легли его идеи. «Главное назначение школ, учреждаемых для детей башкирцев, принадлежащих к Башкирскому войску, – говорилось в наставлении Н.И. Ильминского, – есть постепенное, незаметное, путем обучения грамоте ознакомление их со спасительными истинами христианской веры и подготовление их к свободному, сознательному принятию христианства»[1]. Распространение русско-башкирских школ рассматривалось как фактор, способный со временем ослабить позиции ислама в крае и религиозное влияние на башкир со стороны татар Казанской губернии.

Правила 26 марта 1870 г. оговаривали специальные условия обучения в государственных учебных заведениях детей мусульман и язычников. Татары-мусульмане и некрещеные мари, чуваши и удмурты («инородцы-нехристиане») освобождались от изучения Закона Божьего и связанных с ним уроков по изучению церковно-славянского языка в начальных и средних учебных заведениях. На усмотрение местных общин передавался вопрос о материальном содержании исламского вероучителя.

По Положению 14 июля 1864 г. о начальных народных училищах, целью школьного обучения было «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий»[2]. Поэтому изучение мусульманами своей религии в государственной школе представлялось также необходимым. Организаторы просвещения башкир и татар позаимствовали из системы Н.И. Ильминского существенные его идеи – применение родного языка на начальных этапах обучения, подготовка учителей из представителей того же народа, что и ученики, печатание учебников на русском

[1] НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1110. Л. 291.
[2] ПСЗ РИ. Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. № 41068.

шрифте. Распространение кириллицы со временем должно было отторгнуть татар, башкир и казахов от мусульманской письменности[1], а в конечном итоге от ислама.

В отношении мусульманского населения правительственная система обучения накладывалась на примечетские конфессиональные школы – мектебе и медресе во главе с мусульманским духовенством. Это создавало определенное идеологическое напряжение в крае. Тем не менее местное население выражало готовность к изучению русского языка. Одно из свидетельств – земельные пожертвования на устройство школ. Так, в 1879 г. вотчинникам шести волостей Стерлитамакского уезда – Бушман-Кипчакской, Араслановской, Азнаевской, Аллагуватовской, Табулдинской и Четырмановской от имени министра народного просвещения была объявлена благодарность за такие пожертвования[2]. Однако доход от благотворительных земельных участков в размере всего 11 826 дес. не был использован по назначению. После обращения жертвователей в 1882 г. в уездную земскую управу выяснилось, что доходы от участков (всего 13 917 р. 14 к.) шли на покрытие дефицита земского бюджета[3].

Школы по Правилам 26 марта 1870 г. воспринимались местным населением как русифицирующие учреждения. Поэтому учреждение русско-мусульманских школ потребовало отдельных от местных органов учебного ведомства и земских управ нестандартных шагов. Ими была, например, выработана практика привлечения представителей мусульманского духовенства в качестве вероучителей русско-башкирские школы, чтобы повысить авторитетность этих учебных заведений. Бездействующий вначале пункт Правил 1870 г. об изучении учениками основ исламской религии при условии оплаты труда муллы местным обществом превратился в основное средство приспособления министерских училищ к местным условиям. Земский бюджет, используемый для выплаты жалования учителям ве-

---

[1] Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 41.

[2] Биккузина А.Х. Башкирская община на Южном Урале в пореформенный период (1865–1900). С. 54–55.

[3] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1882. Вып. 5. С. 93 ; Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 40-й чрезвычайной сессии 1914 г. С приложением докладов и отчетов уездной земской управы и заключений ревизионной комиссии. Стерлитамак, 1914. С. 24–25.

роучения, оказался единственным источником материального стимулирования имамов, поскольку ни мусульманские приходы, ни Министерство народного просвещения не принимали на себя такие расходы. Это оказалось действенной мерой по поддержке органами местного самоуправления правительственных школ. Хотя министр народного просвещения И.Д. Делянов в письме министру внутренних дел от 15 декабря 1887 г. выражал опасение по поводу усиления «магометанского вероучительства» в школах[1].

Преподавание религии в русско-мусульманских школах (на этот предмет отводилось 4 часа в неделю) позволило шире применять в учебном процессе родную речь, поддерживать грамоту на арабском алфавите, воспитать учащихся в привычных традиционных рамках. Таким образом снималось главное противоречие обучения в правительственных школах, на которое указывали современники (в частности, известный просветитель российских мусульман И. Гаспринский), – отсутствие в них религиозного воспитания[2].

В Уфимской губернии устройство русско-мусульманских училищ шло более естественным путем, чем, например, в соседней Казанской губернии. В последней насильственное устройство русско-татарских школ учебным ведомством и земством на начальном этапе вызвало резкое неприятие населением этих учебных заведений, острее чувствовалось миссионерское давление и в последующем[3]. В Башкирском крае в школьной области власти действовали с меньшим напором. Они учитывали при этом неудачный опыт Поволжья, сказывался также недостаток ведомственных и финансовых ресурсов, имеющихся в их распоряжении. К тому же при медленном распространении русских народных школ на местах образование башкир и татар не воспринималось властями столь неотложной задачей.

Немаловажное влияние на выработку местной политики по отношению к правительственным школам для мусульман оказывала также позиция местных органов самоуправления. Уфимские земства подходили к вопросу народного про-

[1] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 817. Л. 56.
[2] Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014. С. 204.
[3] Его же. Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. Казань, 1992. С. 60–83.

свещения с рациональных позиций и устраивали училища только там, где общество составляло приговор об их открытии. Это правило, выработанное на первых земских собраниях по отношению ко всем начальным училищам, способствовало добровольному открытию правительственных школ среди нерусских народов, сдерживало административное давление со стороны учебного ведомства на школьное дело. Случаи отклонения уездными управами предложений попечителя Оренбургского учебного округа, директора народных училищ Уфимской губернии о принудительном открытии русско-инородческих школ свидетельствовали о формировании самостоятельной позиции земства в этом вопросе.

Заметных результатов по распространению среди башкир и татар русскоязычного образования добилось Белебеевское уездное земство. Как было показано выше, национальное представительство в уездных земских учреждениях – управе и собрании состояло из интегрированной в российское культурно-правовое поле прослойки местной мусульманской элиты. Именно она распространяла просветительскую деятельность земства на селения башкир и татар, в первую очередь в места компактного проживания татарских мурз – потомков служилых сословий, пожалованных некогда землями и дворянскими званиями. На протяжении веков представители фамилий Кудашевых, Еникеевых, Терегуловых, Сакаевых, Утяшевых и других сумели сохранить свою национально-социальную идентичность. Они прилагали все усилия для укрепления своеобразных нитей-связей с более высокой, нежели крестьянская, организацией жизни, в том числе через правительственную школу. Среди представителей башкирской вотчинной элиты пореформенного времени в Белебеевском земстве выделялся Ш.Ш. Сыртланов. Серьезным стимулом для развития русскоязычного образования в уезде стал, как было сказано выше, своеобразный экономический бум, поскольку здесь наблюдался наиболее высокий удельный вес предпринимательских хозяйств в мусульманских волостях.

В Белебеевском уезде сложились многочисленные для того времени очаги русского просвещения. В д. Буздяк мужская школа, открытая еще в 1870 г., имела большую популярность благодаря учителю Г.М. Кудашеву, назначенному в

1885 г. Помимо школьных уроков, он проводил и вечерние занятия со своими учениками. Некоторые выпускники Буздякского училища продолжали обучение в городских училищах, Казанской татарской учительской школе и даже гимназиях, более 30 из них стали учителями[1]. 3 марта 1893 г. в той же деревне открылось женское русско-башкирское училище с содержанием от земства, куда поступило 10 учениц. Преподавательницей была выпускница Елизаветинского женского института Амина Фаизханова, дочь известного татарского просветителя Хусаина Фаизханова. Кроме школьной деятельности, она организовала в соседней д. Шланлыкуль ткацкую мастерскую при местной школе[2].

В с. Новые Каргалы русско-татарская мужская школа Министерства народного просвещения с пособием от земства была открыта в 1886 г. В 1903 г. в селе начала действовать женская и в 1911 г. – первое в губернии высшее начальное училище для мусульман. Последним заведовал М.Н. Мухамедов. В 1917–1918 гг. среди преподавателей значились: З.Ш. Еникеева, П.И. Злобина (с сентября 1917 г.), К.М. Яковлева (с 1918 г.), О.Ф. Королюк (с 1918 г.), Г.Д. Плохова, Е.В. Скобелев[3].

Большое желание открыть русский класс при медресе имели жители д. Старо-Яушево. От их имени дворяне Дашкины обратились в сентябре 1891 г. с соответствующей просьбой в учебное ведомство. Их ходатайство, однако не получило поддержки директора народных училищ[4]. В том же году Белебеевское уездное земское собрание выделило 120 р. на организацию русского класса при медресе г. Белебея. В 1896 г. при этом учебном заведении был открыт также вечерний класс для подготовки мулл к сдаче экзамена по русскому языку. За 18 лет деятельности его окончили 299 претендентов на звание мулл[5]. При русском клас-

---

[1] НА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 41. Л. 41–41 об. ; Хаиров З. Сорокалетний юбилей // Тормыш. 1916. 21 окт. (на тюрки).

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. 2. С. 228.

[3] НА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 56. Л. 36–97.

[4] Там же. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 463. Л. 4.

[5] Там же. Ф. И-116. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 ; Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. XXXIX очередное и XXXVIII чрезвычайное собрание 1913 года. Белебей, 1914. С. 514–515 ; Журнал и доклады XXXVI очередного Стерлитамакского

се открылась также женское отделение, организованное Белебеевским земством. В нем преподавали М. Терегулова (русский язык), Х. Терегулова (родной язык и вероучение), Г. Еникеева, Ш. Сакаева, Кудашева[1].

Другая модель популяризации русскоязычного обучения через систему земских стипендий использовалась Златоустовским уездным земством. Выделение стипендий местными органами самоуправления было распространенной мерой поддержки правительственных школ среди нерусского населения[2]. В 1878 г. в четырех русско-башкирских школах д. Кулбакова, Дуван-Мечетлина, Верхние Киги и Мунаева насчитывалось 20 пансионеров Златоустовского уездного земства[3]. Для подготовки учителей земство выделило стипендии в русских двухклассных училищах с. Тастуба, д. Верхние Киги, Корлыханово. Количество этих стипендий постепенно увеличилось с пяти до пятнадцати[4]. Первая русско-башкирская школа по прошению самих жителей Златоустовского уезда открылась земством только в 1904 г. в д. Петрушкино.

Уфимские земства приняли активное участие в подготовке светских педагогов из мусульман. В 1906 г. Уфимское губернское земское собрание назначило шесть личных/возвратных стипендий на обучение в Казанской русско-татарской учительской школе[5]. Уездные земские собрания, в свою очередь, учредили стипендии в двухклассных и городских училищах, русско-башкирском женском училище в Уфе. С 1893 по 1898 год семь земских башкирских стипендиатов обучались в Благовещенской учительской семинарии[6]. По данным земской школьной статистики за 1910/11 учебный год, 52 % учителей русско-инородческих училищ

уездного земского собрания сессии 1910 года. Уфа, 1911. С. 193 ; Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 41-й очередной сессии 1915 г. С приложением докладов и отчетов уездной земской управы и заключений ревизионной комиссии. Стерлитамак, 1916. С. 28.

[1] НА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 56. Л. 57–78.

[2] Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. С. 214.

[3] См.: Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. Златоуст, 1914. С. 10.

[4] НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 473. Л. 11–14.

[5] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. Уфа, 1907. С. 481–482.

[6] Аминев Т.М. История профессионального образования в Башкирии. М., 2006. С. 89.

Уфимской губернии занимались преподавательской деятельностью в том же уезде, где родились сами. Это гарантировало соответствие учителя этнокультурной среде местности[1].

Табл. 21 иллюстрирует распространенность государственных школ среди мусульман в уездах Уфимской губернии. Так, за 13 лет в Стерлитамакском земстве число русско-мусульманских школ нисколько не выросло, а в Уфимском и Мензелинском уездах за 13 лет прибавилось только по одному новому учебному заведению. В трех уездах – Бирском, Златоустовском и Белебеевском заметному росту числа русско-мусульманских школ способствовали земские собрания и управы. Среди них лидировал Белебеевский уезд. Если в 1903 г. там работало 43,75 % всех русско-мусульманских школ губернии, то в 1913 г. – 51,4 %[2].

Таблица 21 – Численность русско-мусульманских школ Уфимской губернии в 1890–1903 гг.

Уезд / Год	Белебеевский	Бирский	Златоустовский	Мензелинский	Стерлитамакский	Уфимский	Итого
1890	6	4**	4	5	11	5*	35
1903	35	13	9	6	11	6	80

Источник: НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 564. Л. 46–72.

*В числе русско-мусульманских школ были не только сельские, но и городские русские классы при медресе в Белебее и Стерлитамаке, русско-башкирская женская школа в Уфе.

**Данные за 1881 г.

По данным школьной статистики за 1911/12 учебный год, 30 % (2 722 человек) всех учеников русско-инородческих школ по Уфимской губернии приходилось на Белебеевский уезд. В нем также была выше доля девочек в русско-башкирских и русско-татарских училищах – 15 % учащихся или 402 ученицы. В других уездах число учениц-мусульманок среди учащихся школ Министерства

[1] Школьная статистика за 1910–1911 г. Уфа, 1912. С. 60.

[2] Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы 1912–13 года. Уфа, 1915. С. 9.

народного просвещения выглядело так: в Бирском уезде – 120 человек, или 7 % учащихся всех башкир и татар, Златоустовском – 129 человек, или 10 % от 1 272 учащихся, Мензелинском – 87 человек, или 13 % от 669, Стерлитамакском – 44 человека, или 4 % от 1208, Уфимском – 93 человека, или 7 % от 1 318 учащихся[1]. Уроженки Белебеевского уезда преобладали также среди пансионерок женского двухклассного русско-башкирского училища в Уфе. В 1917 г. в нем обучалось 80 мусульманок, 9 из которых были из Уфимского, 10 – из Белебеевского, 8 – из Стерлитамакского уездов[2].

Вплоть до Первой русской революции в просвещении нерусского населения земство выступало в роли учреждения-исполнителя государственного заказа на развитию правительственных школ. В этой области оно сформировало определенный опыт, основанный на учете местных условий. Именно благодаря его заслугам со временем сложился смешанный по этноконфессиональному составу тип начальных народных школ, что было характерно и для соседних губерний[3]. В 1913 г. работник отдела образования Уфимской губернской управы С.Ф. Гарденин, анализируя данные текущей школьной статистики начальных училищ, отмечал: «Жизнь ушла далеко вперед от тех целей, которые ставили учредители школ при их открытии»[4]. Школьные анкеты свидетельствовали, что официальные наименования не отражали действительного предназначения школ – значительное число «инородческих» училищ имело смешанный национальный состав, в то же время учрежденные для русского населения школы посещали и нерусские ученики.

Долгое время деятельность земства в области просвещения не затрагивала традиционную систему примечетского образования, которая существовала исключительно на средства прихожан. Сразу после открытия земств в Уфимской губернии мусульманское население сделало попытки привлечь их к финансовой поддержке конфессиональных школ. Так, земское собрание Стерлитамакского

---

[1] Гарденин С.Ф. Школьная статистика за 1911–1912 учебный год. Уфа, 1913. С. 116.
[2] НА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
[3] Железнякова Ю.Е. Земская школа Казанской губернии : 1865–1917 гг. Казань, 2005. С. 34.
[4] Цит. по: Гарденин С.Ф. Школьная статистика за 1911–1912 учебный год. С. 5.

уезда 1877 г. постановило подготовить доклад о хозяйственных нуждах медресе, однако управа не решилась провести новое начинание[1]. Отличалось от других Мензелинское земство. Оно изначально признавало просветительское значение мусульманских школ и в отдельные годы оказывало им финансовую поддержку вопреки протестам губернатора. Этому способствовала активность мусульманских гласных, среди которых в 1878–1886 гг. был также М.М.-Ш. Султанов – будущий муфтий, и стремление земской управы к более справедливому распределению расходов из земского бюджета.

Ситуация изменилась с началом Первой русской революции. Объявление царского указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и подъем национально-культурного движения вызвали петиционную кампанию среди российских мусульман, главной темой которой были духовно-религиозные нужды и школьное образование[2]. Отдельный поток ходатайств башкир и татар был направлен в земства, которые впервые столкнулись с массовым наплывом их требований. Прошения как форма диалога с властью были уже достаточно апробированной практикой[3].

С 1907 г. в большинстве уездных земских смет Уфимской губернии появился новый вид расходов – пособия мектебам. Данное явление наблюдалось также в большинстве других земских уездов Урало-Поволжья, где проживали мусульмане[4].

Несмотря на символичность денежных пособий, они оживили многие мектебы. Пожилая вдова муллы д. Сафарово Мензелинского уезда Гайша Шагиахмедовна в письме муфтию М. Султанову правильно указала, что иногда доста-

---

[1] Сборник постановлений, докладов и отчетов 3-го очередного и 3-го чрезвычайного Стерлитамакских уездных земских собраний. Уфа, 1878. С. 45–46.

[2] Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. С. 400–416.

[3] Фархшатов М.Н. Мектеб или школа: прошения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870–1890-е годы // Науч. Татарстан. 2010. № 2. С. 193–212.

[4] См.: ГАОО (Гос. арх. Оренбургской области). Ф. 43. Оп. 1. Д. 111/1 ; Ф. 44. Оп. 1. Д. 192, 245 ; ГАПК (Гос. арх. Пермского края). Ф. 44. Оп. 1. Д. 553 ; Ф. 281. Оп. 1. Д. 197, 299, 310, 823, 830 ; ОГАЧО (Объединенный гос. арх. Челябинской области). Ф. И 9. Оп. 1. Д. 24 ; Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.). Казань, 2016. С. 182.

точно было 30–40 рублей, чтобы вдохнуть жизнь в сельское учебное заведение[1]. Суммы зависели от усмотрения гласных собрания и дальнейшего одобрения земских смет губернской администрацией (см. табл. 22).

Поддержка примечетских школ стала первым шагом к публичному обсуждению земствами проблемы просвещения башкир и татар, формированию сотрудничества между уездными земскими управами и мусульманскими приходами.

Таблица 22 – Размеры пособий мектебам уездных земств в 1907–1917 гг. (в тыс. р.)

Год Губерния/Уезд	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917
Уфимская губерния Белебеевский	0,2	0,2	0,3	–*	0,34	–	0,3	0,525	0,3	0,3	1535
Бирский	–	–	–	–	–	–	–	8	5	10	–
Златоустовский	–	0,144	0,838	3	–	–	–	–	–	0,42	
Мензелинский	2,88	–	10	10	10	13,7	13,9	14,7	14,7	14,7	–
Стерлитамакский	*	–	–	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,66	–	–
Самарская губерния: Бугульминский	1,4	2,74	3	3	4	4,7**	3,9	*	*	10	10
Бугурусланский	*	0,66	0,22	0,82	0,96	1,16	1	0,15	1	–	1,31
Пермская губерния Екатеринбургский	–	1,2		1,56		3,32		3,74	3,92	–	–
Осинский	1,2	1,2	1,2	1,2	1,6	1,7	1,1	1	–	–	–
Пермский	0,1	0,48	0,3	0,7	1	1	1,2	1,25	3,35	3,5	1,2
Оренбургская губерния Верхнеуральский и Троицкий	–	–	–	–	–	–	–	7,36	10	10	13,5
Оренбургский	–	–	–	–	–	–	–	1	7,1	10	–
Орский	–	–	–	–	–	–	–	15	3	–	–
Челябинский	–	–	–	–	–	–	–	–	1,7	4	4

*Выдавалось по 50 к. на один мектеб.

** С учетом пособий русско-татарским и русско-башкирским школам

[1] Ризаэддин бин Фахреддин. Знаменитые женщины / пер. и предисл. Р.М. Булгакова // Бельские просторы. 2008. № 1. С. 126–127.

Составлена по: Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии, с 1 по 13 октября 1911 года. Мензелинск, 1912. С. 108 ; Отдел народного образования по Златоустовскому уезду. Златоуст, 1910. С. 172–174 ; Краткая систематическая сводка постановлений по народному образованию уездных и губернского земских собраний Уфимской губернии очередных сессий 1912 г. Уфа, 1913. Вып. 2. С. 15 ; Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. XXXIX очередное и XXXVIII чрезвычайное собрание 1913 года. Белебей, 1914. С. 282 ; Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV-й очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 г. и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Уфа, 1909. С. 122–128 ; Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865 – 1914 гг.). Казань, 2016. С. 179–184.

Следующим шагом к решению школьного вопроса среди мусульман стала разработка планов всеобщего обучения, согласно законопроекту Министерства просвещения «О введении всеобщего обучения в Российской империи» от 1907 г. Правительство долгое время демонстрировало отсутствие четкого плана относительно всеобщего обучения нерусских народов и на региональном уровне с инициативой распространения планов всеобщего обучения среди мусульман выступили земства.

В 1909 г. в Уфимской губернии проекты школьных сетей с охватом мусульманского населения были выработаны Бирской и Златоустовской уездными земскими управами, а позже Мензелинской, Стерлитамакской, Белебеевской и Уфимской управами. И только 2 мая 1914 г. появился циркуляр «О выработке проектов школьных сетей для введения всеобщего обучения инородцев на общих основаниях»[1]. В решении проблемы всеобщего образования мусульман придерживалась передовых позиций Уфимская губернская земская управа.

Как было показано выше, ее личный состав тяготел к левому флангу общественно-политического движения. Поэтому инициативы прогрессивно настроенных представителей мусульманской интеллектуальной и религиозной элиты находили поддержку у земства. Как общественно-политический лидер, председатель управы П.Ф. Коропачинский не мог недооценивать значение этноконфессио-

[1] См.: Журналы Орского уездного земского собрания чрезвычайных сессий 10 февраля, 31 июля и 2-й очередной сессии 1914 г. с докладами управы и другими приложениями. Орск, 1915. С. 139.

нального фактора в Уфимской губернии, население которой наполовину состояло из мусульман. Уфимское губернское земство учитывало деятельность башкирских и татарских депутатов в мусульманской фракции Государственной думы по защите религиозно-культурной самобытности мусульманских народов Российской империи[1].

Мероприятия либеральной управы по теоретической и практической разработке проблем образования мусульман широко использовались в качестве удачного опыта и в соседних земских губерниях – Оренбургской, Пермской, Самарской и др. В немалой степени его распространению способствовала либеральная печать мусульман, через которую джадиды[2] активно пропагандировали модель спонсируемых земством реформированных мектебов. Как показала Л.М. Владимирова, в Бугульминском и Бузулукском уездах Самарской губернии русскоязычное образование начало быстрее распространяться с 1912 г.[3]

По оценке Н. Наганавы, после 1905 г. началось соперничество между Министерством народного просвещения и земствами в сфере образования нерусских народов[4]. Японский ученый пришел к этому выводу на основе изучения широкого фактологического материала, показывающего, что за практическими мероприятиями земства стояли активисты из числа мусульманских гласных. В школьном деле, как и в случае общественной агрономии, земства предложили более близкий к народной жизни вариант решения проблемы.

При выработке единого образовательного пространства в Уфимской губернии главным вопросом для земств было определение типа начальной обязательной школы для башкир и татар. В решении этого вопроса важную роль сыграли следующие ключевые события.

---

[1] См.: Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа, 2002. С. 137–196.

[2] Джадиды – последователи мусульманского обновленческого движения, в области школьного образования выступали за реформирование конфессиональных школ путем введения звукового метода обучения и изучения общеобразовательных предметов.

[3] Владимирова Л.М. Указ. соч. С. 175–180.

[4] Наганава Н. Мектеб или школа? Введение всеобщего обучения в среде мусульман Поволжья и Приуралья // Науч. Татарстан. 2012. № 1. С. 76.

В августе 1908 г. на заседании школьной комиссии при губернской земской управе выступил И.А. Ахтямов* с докладом «О школьной сети в отношении мусульманского населения губернии», где подчеркнул необходимость создания школы на родном языке[1]. В государственной школе, по его мнению, «оба языка должны быть равноправны», чтобы в ней не уничтожались этнические и религиозные особенности учащихся. В докладе земская школа рассматривалась как альтернатива правительственной: «Земства никогда не задавались ни миссионерскими, ни обрусительными целями и… нет… оснований для отрицательного отношения мусульманского населения к земским школам»[2].

Текст выступления И.А. Ахтямова лег в основу доклада губернской земской управы очередному собранию 1908 г., где впервые от имени земства прозвучал и лозунг о равноправии языков, новой организации школьного дела среди мусульман. Было также заявлено о раздельной деятельности в сфере просвещения органов местного самоуправления, с одной стороны, и правительственных учреждений – с другой[3].

Следующим значимым событием в культурно-образовательной жизни края стало Совещание о типе начальной мусульманской школы при Уфимской губернской управе 23–26 мая 1911 г. Оно было приурочено к празднованию 25-летней службы муфтия М. М.-Ш. Султанова. Наряду с земскими гласными и служащими, в нем приняли участие известные представители мусульман из г. Уфы, Оренбурга, Казани, Екатеринбурга, Самары, Читы. Кроме того, на мероприятие были приглашены инспектора народных училищ, которые, однако, пришли неподготовленными, и оказались в роли слушателей.

---

* Скорее всего, это был Ибрагим Абусугуддович Ахтямов. В 1911 г. в Уфе находились два брата Ибниамин и Ибрагим Ахтямовы – присяжные поверенные Уфимского окружного суда. С земством активно взаимодействовал Ибрагим Абусугуддович, участник земского совещания при управе в 1911 г. Он был одним из докладчиков на праздновании земского юбилея в 1914 г. См.: В связи с пятидесятилетним юбилеем земства // Тормыш. 1914. 15 июня (на тюрки).

[1] Постановления школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе 12–17 августа 1908 г. по вопросам народного образования. Уфа, 1908. С. 33–41.

[2] Постановления школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе 12–17 августа 1908 г. по вопросам народного образования. С. 35.

[3] Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1909. С. 511–513.

В самом начале совещания председательствующий П.Ф. Коропачинский подчеркнул, что главная задача земства заключается в организации школы, отвечающей запросам населения. На основе заявлений представителей мусульманской интеллигенции большинство участников высказалось за придание государственной школе национального облика через преподавание на родном языке в течение всего школьного курса, подготовку соответствующих учителей, программ и учебников. В дискуссиях был поднят вопрос о роли существующей системы мусульманского конфессионального образования. Поэтому совещание вынесло особое решение об исследовании мусульманских школ для сбора достоверного материала о положении образования башкир и татар[1].

На основе решений Совещания 23 мая 1911 г. Уфимская губернская земская управа подготовила «Доклад о постановке начального образования восточных инородцев» к Первому общеземскому съезду по народному образованию, который состоялся 16–30 августа того же года в Москве. Предложенные докладом проекты постановлений для съезда по-разному рассматривали школу для нерусских бесписьменных народов, а также для башкир и татар, что ясно указывало на «мусульманское авторство» доклада. Для язычников и христиан родной язык предлагался в качестве средства первоначального обучения с целью дальнейшего перехода к образованию на русском языке. Для мусульман же должны были быть учреждены школы на родном языке и отдельные учительские семинарии, в которых «прохождение языка татарского было поставлено на ту же высоту, как и преподавание русского»[2].

На съезде доклад Уфимской губернской земской управы вызвал серьезные трения между Бюро съезда, которое отказалось его печатать, и выступившими в его поддержку представителями этноконфессиональных меньшинств и либералов из Кузнецкого уездного земства Саратовской губернии, Ялтинского уездного и

[1] Журналы совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы. 23–25 мая 1911. Уфа, 1911.
[2] Доклады Уфимской губернской земской управы XXXVII очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 г. по отделу народного образования. Уфа, 1912. С. 179.

Таврического губернского земств, Чистопольского уездного земства Казанской губернии[1].

После обсуждения уфимского доклада общеземский съезд принял постановление о том, «чтобы в школьных районах с преобладающим иноязычным населением было допущено преподавание в первый период обучения на родном языке учащихся и чтобы школа черпала свой материал из быта и литературы местного населения, предоставив местным учреждениям… [самим определить] срок перехода к преподаванию на русском языке»[2]. Таким образом, по мнению земских деятелей, всеобщая школа позиционировалась в конечном счете как единая по языку преподавания – русскоязычная.

Демократическая позиция местного самоуправления в школьном вопросе не осталась без внимания учебного ведомства и органов власти. В ответ был организован съезд директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, который прошел 11–16 июня 1912 г. в Уфе[3]. На съезде «главной целью» и «предназначением» «инородческой» школы было признано усвоение учащимися русского языка. Попечитель округа В.Н. Владимиров подверг жесткой критике сторонников поддержки родного языка в сфере образования и потребовал возврата к прежней политике «механического обрусения»[4] язычников и мусульман. Инспектор народных училищ Уфимского уезда А.А. Любимов был убежден, что «только через русский язык учащиеся получают и могут получить то первоначальное развитие, которое является целью их учения в школе». Объективные социально-экономические факторы, являющиеся причиной медленного распространения русского языка среди населения, плохого владения им учителей и учени-

---

[1] Кулясов А.К. Первый общеземский съезд по народному образованию в Москве 16–30 августа (из впечатлений участника съезда). Казань, 1911. С. 6.

[2] Постановления первого общеземского съезда по народному образованию в г. Москве с 16 по 30 августа 1911 г. Уфа, 1912. С. 15 ; Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады : в 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 685–686.

[3] Журналы заседаний Съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г. Уфе : 11–16 июня 1912 г. (в извлечении) / обраб. для печати М.А. Миропиев. Уфа, 1914.

[4] См. подробнее: Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000. С. 37.

ков, рассматривались как слабость работы «русской начальной школы» и результат «пагубных послаблений» в школьной политике.

В докладах В.Н. Владимирова, окружного инспектора М.А. Миропиева, уездных инспекторов А.А. Любимова и А.Н. Коколевского сложившийся строй правительственных училищ на восточной окраине признавался неоптимальным. Программа учебных предметов, предложенная А.А. Любимовым, допускала родной язык лишь при изучении вероучения.

Решения и постановления уфимского съезда сыграли роль обязательных директив для руководства образованием в Оренбургском учебном округе. Нормальным типом русско-инородческой школы признавалась смешанная школа, где обучались русские и «туземцы».

Выше упомянутое уфимское земское совещание 1911 г. определило направления независимой от учебного ведомства деятельности земства в школьной сфере. С 1912 г. при Уфимской земской губернской управе с 1912 г. был образован отдел «инородческого» образования. Первым его заведующим стал педагог Л.Я. Мендияров, уроженец марийской д. Тумбагуш Белебеевского уезда. Он был выпускником Бирской инородческой школы, позже окончил Уфимскую духовную семинарию, а также учился на факультете восточных языков Петербургского университета и в Московском городском университете им. А.Л. Шанявского[1].

После многочисленных обращений мусульманской общественности руководство образованием нерусского населения было возложено на Г.Х. Терегулова. Он происходил из рода татарских мурз д. Новые Каргалы Белебеевского уезда, окончил Казанскую Татарскую учительскую школу. До работы в земстве преподавал русский язык в медресе «Усмания» при первой соборной мечети г. Уфы, был знаком с жизнью революционного подполья: распространял листовки уфимского кружка РСДРП, в 1907 г. участвовал в издании татарской социал-

[1] Кондратьев А.А. Эшпаи – музыканты и композиторы из Кокшамар. Уфа, 2003. С. 185–188.

демократической газеты «Урал», основанной революционером Х. Ямашевым в г. Оренбурге[1].

Под руководством Г.Х. Терегулова при земской управе было налажено внешкольное образование мусульманского населения – издавались брошюры научно-популярного содержания по медицине, сельскому хозяйству, открывались курсы по сельскому хозяйству (животноводству, пчеловодству, садоводству и пр.), учреждались библиотеки в деревнях. К 1916 г. губернское земство, например, организовало 83 библиотеки в башкирских и татарских деревнях. Был разработан каталог, которым снабжались районные библиотеки. Он насчитывал 865 книг на русском и 805 книг на татарском языках. Управа привлекла специалистов для составления библиографического указателя литературы на тюркских языках с предисловием и отзывами о книгах. Раздел истории, географии и путешествий с описанием 91 издания выполнил А.-З. Валидов, по беллетристике (423 кн.) – студент Казанского университета Кайбишев, по естествознанию, математике и прикладным наукам (117 кн.) – студент Усманов[2].

В 1912 г. Уфимская губернская земская управа приступила к обследованию местных мектебов и медресе. По выражению служащего управы М.И. Обухова, эти учебные заведения «представляли для земства полную загадку». Это не было преувеличением. Несмотря на вековое существование мечетских школ в жизни российских мусульман Урало-Поволжья, объективное представление о них в российском обществе, в том числе среди представителей государственной власти, долгое время отсутствовало.

Впервые масштабный сбор статистических сведений о конфессиональных школах российских мусульман прошел в ходе однодневной школьной переписи 1895 г., организованной Вольным экономическим обществом[3]. Опубликованные

---

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 186. Л. 1–3 ; Д. 124. Л. 5.

[2] Краткий очерк о деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию за 1916 г. Уфа, 1917. С. 18 ; Отчет Уфимского губернского земства по народному образованию. [Б. м и г.]. С. 21.

[3] Фархшатов М.Н. Статистическое обследование мусульманских школ Внутренней России Вольным экономическим обществом в 1895–1896 гг.: история проведения, основные результаты // Проблемы востоковедения. 2017. № 1 (75). С. 64–69.

материалы о мектебах и медресе Европейской России не отражали реальное положение. Оказалось, что на местах нет необходимых сведений, а мусульманское духовенство не желало предоставлять их. Тем не менее в Уфимской губернии было зафиксировано 780 мектебов и медресе с 34 177 учащимися, из которых 6 583, или 19,26 %, были девочки[1].

Ко времени обследования Уфимским губернским земством мусульманских школ определенная литература о них уже сложилась. Это было вызвано тем, что правительство было обеспокоено реформированием традиционных образовательных институтов башкир и татар и превращением их в общеобразовательные учебные заведения. Пересмотр имперского законодательства о мусульманах вызвал необходимость сбора сведений о примечетских школах. Так, в 1904–1908 гг. авторами специальных аналитических работ стали председатель Особого совещания по вопросам об образовании инородцев А.С. Будилович, инспектор Казанского учебного округа Я.Д. Коблов, попечитель Оренбургского учебного округа Н.А. Бобровников[2].

Широкий общественный интерес к традиционной системе мусульманского образования в России возник под влиянием обсуждения вопроса о всеобщем обучении. В 1908 г. типографией Таврического губернского земства был опубликован очерк статистика Таврического губернского земства Ф.Н. Андреевского «Мусульманский мектеб и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове». Работу «Крымский мектеб» опубликовал в 1915 г. учитель из Ялтинского

---

[1] Фархшатов М.Н. Статистическое обследование мусульманских школ Внутренней России Вольным экономическим обществом в 1895–1896 гг.: история проведения, основные результаты. С. 67.

[2] Будилович А.С. Отчет о командировочной поездке тайного советника А.С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные округа в октябре, ноябре и декабре 1904. СПб., 1905 ; Коблов Я.Д. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. Казань, 1908 ; Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии. Путевые заметки. СПб., 1913. См. также: Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905 ; Никифорова О. «Для лучшего усвоения русского языка». Просвещение восточных инородцев и Антон Будилович // Родина. 2011. № 1. С. 90–93 ; Исхаков Р.Р. Я.Д. Коблов о культурно-религиозной жизни поволжских мусульман в начале XX в. // Изв. Самарского науч. центра Рос. акад. наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 60–64.

уезда Н.А. Кривободров[1]. Под влиянием земских мероприятий в области просвещения мусульман в печатном органе Оренбургского учебного округа обзоры мектебов и медресе публиковали Б. Зорин и инспектор народных училищ А. Любимов[2]. Эти авторы подходили к проблеме мусульманских школ с европоцентристских позиций, а некоторые из них (А.Н. Андреевский, Я.Д. Коблов) – с точки зрения интересов православной церкви.

В 1912 г. Уфимская губернская земская управа решила исследовать мектебы по методу текущей школьной статистики, которая велась в отделе народного образования с 1908 г. Подробная опросная анкета была разработана совместно с членами Оренбургского магометанского духовного собрания. Обработка собранного материала была поручена школьному статистику Михаилу Ивановичу Обухову, который до приезда в Уфимскую губернию работал в Бюро Всероссийского учительского союза и Московском обществе грамотности[3].

Всего в губернскую управу поступили сведения от 2 615 мектебов, среди которых было 1 610 организованных и 1 005 неорганизованных (когда обучение велось в частных домах). По разным причинам не прислали сведения 297 приходов. В основу статистического анализа легли наиболее полные данные от 1 579 мектебов, в которых обучалось 90 936 детей. Изучение программ обучения показало, что чисто конфессиональный характер сохранили лишь 285 (18 %) мусульманских школ. Подавляющее же большинство их представляло собой полусветские и светские учебные заведения, в которых, наряду с вероучением, преподавались такие предметы, как родной язык (чтение и письмо), арифметика, русский язык, география, история, естествознание, гигиена.

---

[1] Андреевский Ф.Н. Мусульманский мектеб и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове. Симферополь, 1908 ; Кривободров Н.А. Крымский мектеб // Педагогический листок. 1915. № 1. С. 24–29 ; № 2. С. 114–128 ; № 3. С. 199–214.

[2] Зорин Б. Мектебы и медресе русских мусульман // Вестн. Оренбургского учебного округа. 1914. № 1. С. 41–49 ; Любимов А. Мектебы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда // Там же. № 2. С. 85–94 ; и др.

[3] Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Народное образование в Уфимской губернии в 1917 г. / сост. С.В. Вахитов, Ю.В. Ергин ; предисл. и послесл. Ю.В. Ергина. Уфа, 2006. С. 124–125.

В результате проведенного анализа анкет М.И. Обухов сделал вывод о том, что мектеб может представлять «тот тип рационально поставленного инородческого начального училища, которое может войти в общую губернскую школьную сеть на одинаковых правах с начальной русской школой и которым будет удовлетворено мусульманское население»[1]. С точки зрения создания единой школьной сети это был наиболее реалистичный план, поскольку государственные школы оставались малодоступными для мусульманского населения. В 1911 г. в Уфимской губернии 173 русско-мусульманские школы посещало всего 5,5 % детей башкир и татар, в то время как 51 % детей православных учились в 1 246 школах[2]. К 1916 г. число русско-мусульманских школ в крае увеличилось до 312[3].

В 1912 г. параллельно с обследованием мектебов Уфимской губернской земской управы аналитическую работу провела Мензелинская уездная земская управа. Ее осуществил заведующий хозяйственной частью мектебов Г.Н. Кильдибеков, который экспедиционным путем описал школы уезда на основе анкет Уфимского губернского земства и опубликовал свои результаты. Им было зафиксировано 326 мектебов и 38 медресе, а, по данным М.И. Обухова, в Мензелинском уезде функционировало 409 школ[4]. Разница в 45 школ получилась из-за того, что Мензелинское обследование выделяло только школы с собственными зданиями, в которых подробно фиксировались санитарно-технические параметры – объем комнат, световая площадь, число печей и т. д.

Все дальнейшие мероприятия Мензелинского уездного земства под руководством Г.Н. Кильдибекова были направлены на унификацию обучения в мектебах для включения их в единую школьную сеть: так, были изданы санитарные

---

[1] Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы 1912–13 года. Уфа, 1915. С. 40.

[2] Доклады Уфимской губернской земской управы XXXVII очередному губернскому земскому собранию, сессии 1911 г. по отделу народного образования. Уфа, 1912. С. 172.

[3] Подсчитано по: НА РБ. Ф. И-113. Оп. 1. Д. 564. Л. 46–72 ; Уфимский земский календарь на 1909 год. Уфа, 1908. С. 243.

[4] Кильдибеков Г.Н. Магометанские школы (мектебы и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Мензелинск, 1913 ; Обухов М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы 1912–13 года. С. 43.

нормы для помещений начальных мусульманских школ, а также классные журналы с содержанием единой программы преподавания. С 1914 г. за счет земства начался ремонт зданий мусульманских школ и изготовление для них мебели в соответствии с разработанными земскими врачами санитарными нормами.

Личность руководителя работ по включению мектебов Мензелинского уезда в единую школьную сеть, заслуживает отдельного внимания. Габдельхади (Мухаметхади) Нурмухаметович Кильдибеков (1881–1949) был известен как журналист, общественный деятель, педагог. Родился он в д. Ишлы Стерлитамакского уезда Уфимской губернии в семье муллы десятым ребенком. Мухаметхади воспитывался старшим братом муллой Бикмухаметом (1856 г. р.), первоначальное образование получил в сельском медресе[1]. В 1897–1904 гг. юноша учился в известном медресе «Усмания» в г. Уфе и одновременно зарабатывал себе на жизнь трудом учителя. После окончания учебы, по совету мударриса (заведующего) Хайруллы ахуна Усманова, стал имамом в д. Ибраева Стерлитамакского уезда (утвержден в должности 20 августа 1904 г.).

На дальнейший жизненный путь Г.Н. Кильдибекова оказали влияние бурные общественно-политические события в годы Первой русской революции. Он оставил религиозную должность и в 1908 г. переехал с семьей в Уфу. Некоторое время преподавал в «Усмание», затем работал корректором в типографии товарищества «Каримов, Хусаинов и К˚» в Оренбурге, конторщиком типографии Торгового дома «Бр. Каримовы и К˚» и «Восточная печать» в Уфе. Одновременно активно занимался журналистской деятельностью. Его статьи о просвещении мусульман, острые корреспонденции с мест публиковались в газетах «Вакыт» (Оренбург), «Йолдоз», «Кояш» (Казань), «Тормыш» (Уфа), журналах «Мектеб», «Ялт-Йолт» (Казань). Некоторые материалы печатались под псевдонимами «Нугайский» (по имени предка Нукая), «Кемтерин» (некто, простой человек)[2]. В эти годы Г.Н. Кильдибеков написал работы «Религия с точки зрения философии»,

[1] Амирханов Р.Х. Родословная Кильдибековых // Татарские мурзы и дворяне: история и современность : сб. статей. Казань, 2010. Вып. 1. С. 133–156.
[2] Там же. С. 143–144 ; Борцы за счастье народное : в 2 кн. / сост. С.С. Елизарова и др. Казань, 1983. Кн. 2. С. 181–185.

«Ислам и музыка»[1], сочинил комедию «Наши в XX веке», которая дважды ставилась на сцене. В его книге «Музыка и Ислам» рассматривалась актуальная в начале XX в. проблема допустимости использования музыкальных мелодий и инструментов в жизни мусульманского общества. Автор убедительно доказывал, что шариат не запрещает музыкальное искусство.

Земские обследования примечетских училищ активизировали школьное движение среди мусульман, вызвали проведение съездов, собраний, разного рода общественных обсуждений. Наряду с Уфимским земством, статистические обследования мектебов провели Осинское уездное земство Пермской губернии (зимой 1912–1913 гг.) и Оренбургское губернское земство (в 1915 г.)[2]. Таким образом, при земских управах были сформированы своеобразные базы данных о существующей сети традиционных мусульманских школ.

В мусульманской печати развернулась публичная дискуссия на тему «Мектеб или школа?», в ходе которой обнаружились разные подходы к проблеме реформирования традиционного образования башкир и татар. Защитники мектебов были представлены главным образом национальным дворянством и зажиточными слоями духовенства, которых исследователи относят к либеральному лагерю джадидов[3]. Интеллектуалы из их рядов выступали за реформы в рамках традиционной системы обучения ради сохранения национально-религиозной идентичности российских мусульман. В Государственной думе через мусульманскую фракцию они лоббировали сохранение конфессиональной системы обучения с передачей ее в ведение Духовного управления мусульман.

Известный в Уфимской губернии общественный деятель С. Джантюрин опубликовал в газете «Тормыш» статью в защиту мектебов как средства

---

[1] Кильдибеки Х. Музыка и Ислам // Ислам нуры. 1999 – Август (на тат. яз.).

[2] ГАПК. Ф. 281. Оп.1. Д. 823 ; Мектебы Оренбургской губернии : краткий статистический обзор татарских и башкирских низших школ (мектебов) по данным исследования народного образования при оренбургской губернской земской управе в 1915 г. // Оренбургское губернское земское собрание. 3-я очередная сессия. Доклады по народному образованию и журналы. Оренбург, 1916. С. 190–220.

[3] Фархшатов М.Н. Джадидизм: идеология, этапы и результаты обновленческого движения в башкирском обществе на рубеже XIX–XX веков. С. 283.

воспитания башкир и татар в духе национальных и семейных ценностей[1]. Бывший преподаватель русского класса при медресе г. Стерлитамака, депутат Государственной думы третьего созыва Ш.З. Махмудов в отдельной статье поднял проблему материального содержания примечетских школ. По его расчетам, для обеспечения их существования, а также подготовки учителей требовалось ежегодно более 5 млн р. Автор полагал, что решение таких материальных проблем – это прежде всего долг «развитых лиц, стоящих впереди нации»[2]. Видный исламский богослов Р. Фахретдинов с позиций шариата обосновал использование земских средств для содержания мектебов, которые он рассматривал как частные учебные заведения, поскольку «государство не обязано учить наших детей вере и намазу»[3]. В целом, дискуссия либералов о мектебах носила больше теоретический характер и обходила вопрос преодоления экономической отсталости населения с помощью образования.

Сторонники школ, или «школьники» – учителя, приходское духовенство, представители народной интеллигенции относились к вопросу школьного образования с практической точки зрения. Они ратовали за строительство мусульманских учебных заведений по европейскому образцу, которые способствовали бы социально-экономической интеграции мусульман в общероссийское пространство. В их числе были также земские служащие отделов «инородческого образования» (например, упомянутые уже Г.Х. Терегулов в Уфимской губернской управе, Г.Н. Кильдибеков в Мензелинской уездной управе). Как выпускники и преподаватели традиционных школ они изнутри знали назревшие проблемы традиционных мектебов: безденежье, слабая учебная база, часто неустойчивый учительский контингент. Социальной опорой «школьников» выступало духовенство сельских приходов, которое на практике убедилось в экономических преимуществах школ и возможностях изучения в них языка и религии. В результате му-

[1] Джантюрин С. Мектеб, школа? // Тормыш. 1914. 23 авг. (на тюрки).
[2] Махмудов Ш. Мектеб или школа? // Тормыш. 1914. 26 окт. (на тюрки).
[3] Цит. по: Наганава Н. Мектеб или школа? Введение всеобщего обучения в среде мусульман Поволжья и Приуралья. С. 81.

сульманские приходы стали все чаще просить открытия правительственных школ, отсутствие грамотных и «темнота» расценивались ими как большой недостаток.

В 1910 г., например, духовенство д. Каркалы Белебеевского уезда, где при двух соборных мечетях функционировало шесть медресе (в них обучалось около 400 шакирдов), поддержало приговор жителей об открытии начального народного училища, где дети могли бы обучиться русской грамоте[1]. В 1913 г. в Белебеевскую управу поступили ходатайства: от указного муллы д. Трунтаишева М. Абдулжамилова с просьбой открыть в дополнение к существующей в селении русско-башкирской школе «еще одну при Третьей соборной мечети», муллы д. Кугарчи-Буляково об открытии «земского мусульманского училища»[2]. Привлечение земских средств привело к своеобразному синтезу двух типов начальных училищ. Муллы ходатайствовали от имени сельских обществ об открытии русско-башкирского или русско-татарского училища, куда затем перемещался мектеб и вероучитель.

Духовенство поддерживало также внешкольные мероприятия земства. В волостях Белебеевского и Бирского уездов сельские библиотеки открылись при участии мулл на базе библиотек некоторых медресе[3]. В Златоустовском уезде духовенство привлекалось к руководству деревенскими читальнями. Своеобразная конкуренция на должность библиотекаря наблюдалась в Большекущинской волости Златоустовского уезда, где указные муллы д. Сабанакова и Сулейманова просили земство открыть библиотеку именно в их селениях[4].

В свою очередь, через земство русско-башкирские и русско-татарские школы снабжались учебными пособиями по религиозным предметам. В 1912 г. Уфимская губернская управа издала «Программу преподавания вероучения», составленную Оренбургским духовным собранием, тиражом в тысячу экземпляров. Программа пользовалась большим спросом в Уфимской, Оренбургской, Пермской, Самарской губерниях и была издана повторно. В

[1] НА РБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 10. Л. 56–57.
[2] Там же. Л. 43, 59.
[3] Проблема открытия земских читален в мусульманских деревнях // Вакыт. 1915. 1 марта (на тюрки).
[4] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 805. Л. 119–120.

1911/12 учебном году через Златоустовскую земскую управу в русско-инородческие училища в качестве учебных пособий были разосланы: Коран, учебники по вероучению, азбуки и книги для чтения на тюрки[1].

В 1915 г. для определения списка национальных учебников Уфимская земская управа организовала специальное областное совещание с участием знатоков в области языкознания и педагогики. Комиссия рассмотрела книги на русском и татарском языках 63-х авторов, заслушала 112 докладов и составила список учебников на русском и татарском языках для министерских школ и мектебов[2].

Экономический кризис во время Первой мировой войны ускорил процесс интеграции мектебов в школьную систему. Сокращение пособий Министерства просвещения на школьные сети, всеобщая мобилизация и хозяйственная разруха подтолкнули к поискам оптимальных путей организации начального обучения на местах. В 1915 г. Уфимское губернское земское собрание приняло решения: приблизить существующие в губернии мусульманские мектебы к общеобразовательной земской начальной русско-татарской школе; выработать программы преподавания родного языка и вероучения в начальной «инородческой» школе; подготовить и издать соответствующие учебники для начальных школ. Таким образом, совершенствование мектебов и министерских школ должно было привести к единому типу школы для обеспечения всеобщего обучения среди башкир и татар.

В 1916 г. Уфимская губернская управа заявила о необходимости включения мектебов в сеть всеобщего обучения. В докладе Г. Терегулова «О современном положении начального образования инородцев», составленном для областного совещания по инородческому образованию 1916 г. (совещание не состоялось, но доклад был использован в качестве руководящего документа для земств Уфимской губернии), говорилось о необходимости открытия школ,

[1] АЗГО. Д. 599а. Л. 398–402.

[2] Протоколы и доклады совещания учителей и мугаллимов, состоявшегося при Уфимской губернской земской управе от 20 до 27 июля 1915 г. для просмотра учебников, употребляемых в начальных инородческих школах. Уфа, 1916. С. 1–4.

соответствующих «жизненным и национальным интересам каждой народности»[1]. К 1916 г. из 1 930 начальных школ губернии лишь 372 предназначались для мусульман, необходимо было открыть еще 1 325 башкирских и татарских школ, подготовить более 2 900 учителей[2].

В 1916 г. Уфимское губернское земство для подготовки учителей из башкир и татар открыло трехгодичные педагогические курсы на основании закона от 1 июля 1914 г. По Уставу курсов, руководство ими принадлежало не учебному ведомству, а земству. Губернская земская управа назначала заведующего курсами и преподавателей, учебно-воспитательную часть определяло педагогическое совещание, состоящее из преподавателей, членов земской управы и двух земских гласных[3]. Утверждение Устава в такой редакции, как и самооткрытие курсов в целом, стало возможным после «длинных мытарств по преимуществу в управлении Оренбургским учебным округом»[4]. Курсы управлялись педагогическим совещанием под председательством руководителя губернской земской управы П.Ф. Коропачинского. В его состав входили члены губернской управы, заведующий курсами и преподаватели, представители от мусульман И.А. Ахтямов и Ш.Х. Еникеев, заведующий отделом управы Г.Х. Терегулов и другие «сведущие лица»[5].

1–11 ноября 1916 г. на вступительных экзаменах для поступления на учительские курсы приняли участие 34 человека, 29 из которых выдержали испытание. Почти все воспитанники получали стипендии от уездных земств. В 1916 г. ежемесячная стипендия составляла 15 р., с 1917 г. она повысилась до 20 р. В марте–апреле 1917 г. среди стипендиатов значились 16 юношей и 7 девочек[6].

---

[1] Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. Уфа, 1916. № 2. С. 79.

[2] Краткий очерк о деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию за 1916 г. С. 15.

[3] Аминов Т.М. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века до 1917 года. М., 2006. С. 315–318.

[4] Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 53, 54 и 55 чрезвычайных сессий (3 декабря 1916 г., 10 марта и 17 июля 1917 г.) (С приложением докладов управы). Уфа, 1917. С. 42.

[5] Там же. С. 46.

[6] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 30. Л. 22–23.

Заведовал учительскими курсами преподаватель Фельдшерско-акушерской школы Уфимского губернского земства В.А. Кондаков, который также давал уроки географии. Вероучителем состоял А. Асадуллин. Татарский язык преподавал известный писатель Г. Ибрагимов, а с апреля 1917 г. – выпускник Уфимского учительского института Гениятулла Терегулов. Для преподавания на курсах были приглашены многие учителя средних учебных заведений Уфы, которые имели университетское образование. Так, русский язык преподавал В.А. Словохотов, физику и естествознание – П.А. Соколов, арифметику – Т.А. Песков, историю – В.А. Ефремов, геометрию – С.М. Юрьев, рисование и чистописание – П.М. Лебедев[1]. Программа обучения включала также химию, минералогию, педагогику и методику, зоологию и ботанику, анатомию и гигиену, практические занятия в начальном училище.

После Февраля 1917 г. начался новый этап в развитии государственных школ для башкир и татар. Принятие 20 марта 1917 г. Временным правительством закона от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» способствовало организации учительских съездов. О преподавании на родном языке, создании национальных учительских семинарий, подготовке новых учебных пособий и программ приняли решение Белебеевский учительский съезд в апреле 1917 г., Стерлитамакский съезд «мугаллимов» (учителей)[2] 11 мая. 5 мая 1917 г. на губернском съезде Уфимского учительского союза, который был организован 25 марта 1917 г., попечитель Оренбургского учебного округа В.А. Гордлевский, обращаясь к представителям русско-национальных школ, заявил о необходимости создания «национальной, свободной школы на родном языке»[3]. Несколькими днями позже, 12 мая в Уфе по инициативе В.А. Гордлевского начал работу окружной съезд учителей и деятелей народного образования. В нем приняли также участие представители родительской общественности, земских и городских самоуправлений, всего 60 человек от Уфимской

[1] Ергин Ю.В. Портреты: Деятели народного образования Башкирии. Уфа, 2008. С. 153–224.

[2] Мөгәллим – учитель, мөгәллимә – учительница (на баш. и тат. яз.).

[3] Ергин Ю.В. История Оренбургского учебного округа (1875–1919) // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 2 (33). С. 155.

губернии[1]. На упомянутых съездах обсуждался вопрос преподавания в средних и высших учебных заведениях этнографии, литературы и родного языка нерусских народов, организации соответствующих кафедр[2].

Народные училища Министерства народного просвещения, в том числе русско-башкирские и русско-татарские школы, перешли в ведение земств, на которые большое влияние оказывали общественные и школьные органы. Например, в Уфе работал Комитет по распространению идей грамотности и гражданственности среди мусульман, в Белебеевском уезде активность проявило общество учащихся мусульман «Берлек» («Единство»). Работа уездных земских управ, а точнее отделов образования при них, развивалась в двух направлениях – увеличения количества школ и учителей среди башкир и татар. Летом 1917 г. по постановлению «инородческой» секции школьной управы Белебеевского земства началось преобразование русско-башкирских и русско-татарских школ в башкирские и татарские. По решению Стерлитамакского уездного земского собрания летней сессии 1917 г., с 1917/18 учебного года для мусульман открывались шестилетние национальные школы. По постановлению Бирского уездного земского собрания школы для башкир и татар открывались в зданиях мектебов и медресе.

Земство выступило с инициативой реорганизации медресе «Усмания» при Первой соборной мечети Уфы в «Уфимскую татарскую гимназию»[3]. Для подготовки учителей учреждались земские стипендии для мусульман при Белебеевской и Стерлитамакской учительских семинариях. При первой были организованы также летние подготовительные курсы для поступающих. Бирское земство организовало трехлетние «татарские» или «мусульманские» педагогические курсы.

---

[1] Селянинова Г.Д. Уральское учительство в условиях послефевральских преобразований 1917 года // Вестн. Пермского ун-та. Сер. : История. 2014. Вып. 4 (27). С. 105–108.

[2] См.: Баишев И.Н. Социальный облик учительства Урала первой трети XX века. Уфа, 2012. С. 86–87.

[3] Валеева М.Г. Медресе «Усмания» // Дорога к храму. История религиозных учреждений города Уфы. Уфа, 1993. С. 92–95 ; Ергин Ю.В. Неизвестные страницы: деятельность Уфимского земства в области народного образования (1875–1917 годы) // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. № 2 (21). С. 142–143.

Несколько позже его служащими была составлена программа для Бирской татарской учительской семинарии[1].

20 июля 1917 г. Уфимское губернское земство открыло летние курсы «мугаллимов и мугаллимэ», на которые из Белебеевского уезда было направлено 34 земских стипендиата. В сентябре того же года в д. Кандры-Кутуева Чукадытамаковской волости Белебеевского уезда педагогические курсы на средства земства организовал ахун Г. Зарифов[2].

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. и в начале 1918 г. открытие школ в сельской местности и подготовка учителей для них осуществлялось на базе земских управ. Главные постановления советской власти – «Положение о единой трудовой школе РСФСР» от 30 сентября 1918 г. и «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г., не сразу изменили ход школьного дела на местах. В 1918–1919 гг. не было даже единой терминологии в отношении начальных школ, которые назывались земскими, бывшими церковно-приходскими, мектебами, мусульманскими земскими школами и т. д. В уездах, наряду с земскими управами, действовало множество других часто временных органов по управлению народным образованием. Круг их деятельности был определен нечетко, что приводило к дублированию. В период Гражданской войны в некоторых уездах, например, Бирском, школой попеременно руководили органы советской власти и старого правительства. В местную инфраструктуру школьного образования входили уездные отделы просвещения Советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов (подчинялись губернскому Совету), отделы (в том числе национальные) и советы по народному образованию уездных земских управ, советы по народному образованию волостных земств, отдельные общественные школьные и родительские комитеты. Уездные земские управы благодаря наличию у них собственной информационно-статистической базы, а также опыта координационной работы продолжали вести деятельность по составлению

[1] НА РБ. Ф. И-151. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–17.
[2] Там же. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 42. Л. 106.

смет расходов на народное просвещение, назначению учителей, открытию новых и ремонту старых школ, ведению школьной статистики и т. п.

Таким образом, уфимские земства сумели школы Министерства народного просвещения адаптировать к местной этноконфессиональной среде. Содержание органами местного самоуправления вероучителей в русско-башкирских и русско-татарских школах, предоставление стипендий для подготовки учителей из местного населения способствовали созданию достаточно эффективной системы распространения русскоязычного образования среди мусульман Уфимской губернии.

В период реализации планов всеобщего обучения земские учреждения выработали новый тип государственной школы для башкир и татар. Пособия земств, специальные их мероприятия по унификации учебного процесса мектебов обеспечили легитимность традиционных школ мусульман, которые затем были включены в государственную систему начального образования.

***

Земская реформа в Уфимской губернии стала завершающим циклом включения тюрко-мусульманского населения в административно-правовое пространство Европейской России. Унификация фискального и административного управления вызвала среди башкир и их припущенников глубокие социально-экономические изменения. Началось быстрое социальное расслоение местного населения и вовлечение массива его вотчинных земель в производственный оборот. Сохранение правительством за башкирами вотчинного права на их земельные угодья значительно смягчило экономическое давление на вотчинников земской налоговой системы, основанной на имущественном принципе.

Органы земского самоуправления в значительной степени способствовали сближению тюрков-мусульман с русской культурой и вовлечению их в общественно-политическую жизнь страны. Через работу в земских собраниях и управах гласные и служащие из мусульман входили в местную административно-управленческую структуру. Распространение земством русско-национальных школ Министерства народного просвещения способствовало популяризации сре-

ди башкир и татар русского языка и формированию национальной интеллигенции.

В период думской монархии вместе с демократизацией земского самоуправления появились новые формы взаимодействия с местным населением. Земские управы стали базой формирования специальных кадров по управлению просвещением мусульман. В свою очередь, участники религиозно-обновленческого движения – джадидизма через земские учреждения решали экономико-организационные проблемы традиционных школ мусульман, которые были использованы в качестве институциональной и культурной основы при осуществлении планов всеобщего обучения.

ГЛАВА VI. ЗЕМСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КАТАКЛИЗМОВ (1914–1917 гг.)

§ 1. Деятельность уфимских земств в условиях Первой мировой войны

К 1914 г. земские учреждения Российской империи имели достаточно большой опыт реализации государственных задач и проектов. Претворение в жизнь таких мероприятий, как реформа земской налоговой системы по закону 8 июня 1893 г., разработка проектов школьных сетей для достижения всеобщего обучения, создание земской участковой системы социального обслуживания населения привели к формированию статистическо-информационных баз данных при земских управах и укрепили их сотрудничество с правительственными ведомствами. После того, как 1 августа 1914 г. страна оказалась втянутой в Первую мировую войну, делегирование земствам выполнения задач государственного управления стало широко распространенной практикой.

Такие факторы, как роль Уфимской губернии в обеспечении продовольственной безопасности страны, сильные левые позиции деятелей Уфимской губернской земской управы, многонациональный состав местного населения, предполагали, что земства в ситуации общенационального кризиса могли играть самостоятельную роль в экономической и политической жизни губернии, и реальные факты корректируют привычные в литературе представления о том, что провинция «получила революцию по телеграфу».

Уфимские земства встретили начало войны России с Германией и ее союзниками с патриотическим подъемом, что наблюдалось по всей стране. Вступление в нее рассматривалось русской общественностью как необходимость, исполнение вековой миссии России в отношении славянских народов. При открытии чрезвычайного губернского собрания 10 августа 1914 г. уфимский губернатор говорил о «тевтонах, поработивших Европу». Гласные Уфимского уездного земского собрания назвали войну «дерзким вызовом исконного врага славянства», а уездный предводитель дворянства К.П. Харитонов рассматривал ее как великую борьбу за

«освобождение славянства от векового ига культурных тевтонов»[1]. В докладе Стерлитамакской управы причиной мировой войны называлась милитаризация экономики ведущих держав, что к «давно ожидавшемуся всеми естественному заключению»[2]. От имени земских собраний царю был направлен поток верноподданнических телеграмм и адресов, их чтение сопровождалось криками «Ура!» и пением гимна. Телеграммы и приветствия в столицу империи сотнями поступали от городских и сельских органов самоуправления, религиозных общин, благотворительных обществ и др.[3]

На этом фоне исключением выглядела позиция социал-демократической фракции Государственной думы с осуждением войны, которую озвучил депутат от Уфимской губернии рабочий И.В. Хаустов[4].

На деятельности земских учреждений сказалась мобилизация гласных и служащих управ. Так, до конца 1914 г. в Уфимской губернии было пять призывов военнообязанных на фронт: 18 июля, 25 июля, 20 сентября, 20 ноября и 30 декабря[5].

Уфимские земства поддержали всевозможные патриотические начинания. Уфимское губернское земство присоединилось к образованному 30 июля 1914 г. Всероссийскому земскому союзу (далее ВЗС) с целью поддержки армии и фронта. На съезде уполномоченных губернских земств, созванном 30 июля 1914 г. в Московской губернской земской управе, представителем от Уфимской губернии был кадет Г.В. Гутоп[6]. Уфимское губернское земство по примеру большинства земств

---

[1] Постановления Уфимского уездного земского собрания 34-го и 35-го чрезвычайных созывов 1914 года (23-го мая и 12-го августа) с приложениями. Уфа, 1915. С. 71–72.

[2] Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 41 чрезвычайной сессии 1914 года. Стерлитамак, 1914. С. 10.

[3] Роднов М.И. Влияние войны на общественно-политическую обстановку в крае // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века : в 2 т. Уфа, 2007. Т. 2. С. 200 ; Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918 : сб. документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов [и др.]. Уфа, 2014. С. 28, 42, 49, 52, 66.

[4] Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. С. 25–26 ; Мордвинцев Г.В. Уфимский депутат IV Госдумы В.И. Хаустов (1912–1917) // Первая мировая война и исторические судьбы народов России (К 100-летию начала Первой мировой войны) : сб. науч. статей по материалам межрег. науч.-практ. конф. с междунар. участием (7 февраля 2014 г.). Уфа, 2014. С. 165–179.

[5] Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1916. С. 82.

[6] О нем см.: Полянина О.А. Григорий Владимирович Гутоп – общественный и политический деятель Уфимской губернии // Государственное управление и местное самоуправление на

внесло в фонд ВЗС 100 тыс. р., общий взнос земств по стране составил 6 млн р. Всего за первый год войны Уфимское губернское земство выделило на нужды армии и флота 216 516 р., уездные земства – 258 592 р., размер всех земских взносов по стране составил 32,1 млн р.[1] В бюджет ВЗС перешли также 1 млн р. средств общеземской организации, существовавшей в период Русско-японской войны[2]. В дальнейшем бюджеты ВЗС и Всероссийского союза городов (далее ВСГ) формировались из государственных средств. К 1 января 1916 г. размер государственных авансов в их бюджете превысил 145 млн р.[3]

На местах органами ВЗС были губернские комитеты. Уфимский губернский комитет был образован 10 августа 1914 г. с целью помощи больным и раненым воинам. В него вошли 10 гласных по избранию губернского земского собрания, члены губернской земской управы, по одному представителю от уездных комитетов, городского самоуправления и санитарного совета. На 1-е сентября 1915 г. в губернском комитете состояло 40, а через год – 44 человека[4] Председателем Уфимского губернского комитета ВЗС Губернское земское собрание избрало участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. губернского гласного от Бирского уездного земского собрания А.А. Зеленцова. Он был известной в крае личностью, служил в системе Уральских казенных заводов, с 1897 по 1909 год являлся начальником Златоустовского горного округа, избирался членом Государственного совета Российской империи (1909–1912). Заместителем председателя Уфимского комитета земские гласные избрали П.Ф. Коропачинского, уполномоченным в Главном комитете – уфимского уездного предводителя дворянства К.П. Харитонова. Таким образом, состав местных учреждений ВЗС почти в точности дублировал состав ядра земских учреждений. То же дублирование наблю-

---

Южном Урале (XVIII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект. Уфа, 1913. С. 140–148.

[1] Календарь-справочник земского деятеля. 1917. Б. м. и г. С. 43.

[2] Калитеевский И.Н. Объединение общественных сил для помощи раненым воинам и семьям запасных // Земское дело. 1914. № 15–16. С. 1049–1051.

[3] Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. Уфа, 1916. С. 222.

[4] Личный состав учреждений Всероссийского земского союза на 1-е сентября 1915 года. М., 1915. С. 42–43 ; Личный состав учреждений Всероссийского земского союза на 1-е ноября 1916 года. М., 1916. С. 42–43.

далось и в составе квалифицированных служащих местной организации ВЗС, в первую очередь медицинского персонала – врачей лазаретов[1]. Правовое положение работников ВЗС приравнивалось к служащим частных, а не земских учреждений[2].

При губернских комитетах ВЗС складывались сети собственных учреждений. Уфимский губернский комитет включал бухгалтерский, продовольственный, складской и другие отделы, в его подчинении находились лазареты, прачечная, склады, пекарня. Они существовали на средства губернского земства, ассигнования ВЗС. Уездные комитеты содержались за счет уездных земских бюджетов, средств губернского комитета ВЗС и частных пожертвований[3]. В 1914–1915 гг. в распоряжение Уфимского губернского комитета ВЗС на помощь раненым воинам, беженцам и заготовку полушубков для армии поступило в общей сложности 1 300 871 р., из них 69 % составляли средства Главного комитета ВЗС, 17,3 % – пособия Министерства внутренних дел и военного ведомства. Удельный вес местных средств был незначительным: 3,4 % – земские суммы и 3 % – пожертвования[4].

Деятельность Уфимского комитета ВЗС была направлена на помощь раненым и беженцам и протекала совместно с работой Уфимского комитета ВСГ, местного отделения Красного Креста, благотворительных организаций. В Уфе на основании «Временного положения об эвакуации раненых и больных» от 5 августа 1914 г. действовал окружной эвакуационный пункт по приему раненых из областного распределителя раненых в Самаре.

По общеимперскому плану в Уфимской губернии предполагалось развернуть 3 тыс. больничных коек для раненых, в то же время в земских лечебницах к 1914 г. значилось около 1 100 коек. На 1 ноября 1915 г. количество коек для раненых по губернии превысило 3 тыс., из них 2 250 коек состояло в ведении Уфимского губернского комитета ВЗС, в том числе 1 271 в Уфе, остальные в уездных

---

[1] Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. Уфа, 1916. № 5–6. С. 241–242.
[2] Земский союз // Земское дело. 1916. № 10. С. 507–508.
[3] Ассигнования земств на нужды, вызванные войной // Земское дело. 1916. № 8. С. 413–414.
[4] Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. С. 164.

городах – Белебее, Златоусте, Бирске, Мензелинске, крупных селах и заводских центрах[1].

Большой вместительностью отличались открытый 1 мая 1915 г. «заразный» госпиталь № 127 на 420 коек на станции Уфа, лазареты в шахматном клубе (160 коек), 4-м городском приходском училище Уфы (140), здании Благовещенского женского монастыря (110) и Крестьянского банка (100 коек).

В г. Уфе для размещения и лечения раненых предоставили дома И.А. Чижева, Г. Хакимов, М. Алкина, М.Т. Султанова, К.П. Харитонов, Н.Н. Степанов, в с. Охлебинине – И.В. Колотов, в с. Топорнино – Грибушины, в Саткинской пристани – Н.Г. Лазарев, в Мензелинске – фирма Стахеевых и др. В Уфе 18 из 26 помещений лазаретов ВЗС располагались в частных домах, квартирах, помещениях благотворительных и религиозных организаций[2]. Среди 14 зданий госпиталей Уфимского комитета ВСГ 11 с 431 койкой были переданы Комитету бесплатно, остальные три с 198 койками – за небольшую плату[3]. Общество уфимских врачей предоставило Школьную дачу на берегу р. Уфы, где был организован кумысолечебный санаторий для раненых[4].

Следующей обязанностью местных органов ВЗС и ВСГ было размещение беженцев. 28 августа 1915 г. в Уфе был образован Уфимский губернский совет по делам о беженцах и попечительство о беженцах при нем. В дальнейшем к нему присоединились отдел по устройству беженцев Уфимского комитета ВСГ, Уфимский городской совет по делам о беженцах, Епархиальный попечительный о беженцах комитет, Отдел Всероссийского общества попечения о беженцах под председательством епископа Андрея. Функции организаций помощи беженцам не были четко разграничены, дублировался их состав, куда входили также земские гласные и члены земских управ. Земство участвовало в создании местных отделений Татьянинского комитета помощи беженцам (организация под председатель-

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. С. 135, 147.
[2] Там же. С. 133–134.
[3] Юрьев А.А. Отчет Уфимского комитета Всероссийского союза городов с начала войны по 1-е ноября 1915 г. Уфа, 1916. С. 18.
[4] Там же. С. 47–48.

ством Великой княжны Татьяны Николаевны), Романовского комитета по призрению сирот, Всероссийского общества здравниц в память войны 1914–1915 гг., общества помощи жертвам войны «Народная помощь» и др.

Большую помощь в поддержке соотечественников, попавших в беду, оказали национальные организации – Уфимский еврейский комитет помощи жертвам войны, Уфимское латышское общество взаимопомощи, Отдел польского общества помощи жертвам войны. В Уфимском уезде при трех пунктах действовали территориальные отделения Уфимского латышского общества взаимопомощи – Балтийское (ст. Иглино), Балажинское (ст. Охлебинино), Ауструмское (ст. Тавтиманово). Латышские общества были также в с. Архангельском Стерлитамакского уезда и в г. Златоусте. Действовали еврейская организация в Бирске, Белебее – Отдел центрального русского комитета при Западно-Русском обществе.

По распоряжению уфимского губернатора образовались уездные комитеты помощи беженцам. Позже для них была официально принята единообразная схема организации по типу губернской в составе уездного комитета о беженцах, уездного комитета ВЗС, Татьянинского комитета, Земской управы, отделов Всероссийского общества попечения о беженцах, городских советов по делам о беженцах. В волостях делами беженцев занимались районные попечительства ВЗС, волостные и санитарно-благотворительные попечительства.

Хотя тема беженцев находилась в центре внимания земских собраний, многие их проблемы долго оставались нерешенными[1]. Одним из острейших был вопрос передвижения беженцев по железной дороге, что было совершенно неупорядоченно. Так, на телеграмму Уфимского губернского совета по делам о беженцах с просьбой о своевременном извещении о времени прибытия и составе поездов заведующий переселенческим подрайоном в Сызрани ответил, что поезда идут без определенного расписания[2].

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. (С приложениями докладов губернской управы). Уфа, 1915. С. 21–22.

[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 41-й очередной сессии. (1–21 декабря 1915 г.). Уфа, 1916. С. 464.

В середине сентября 1915 г. на губернском земском собрании рассматривался вопрос о распределении эвакуированного населения. Точное число прибывающих в Уфимскую губернию было неизвестно, в целом предполагалось распределить до 100 тыс. человек. Управа подготовила специальный доклад «Об участии общественных учреждений в оказании помощи беженцам». На его основе собрание приняло решение о привлечении существующих общественных организаций и создании новых. Постановлением собрания были определены расходы на размещение беженцев: перевозка с уездных распределительных пунктов на подводах сельского населения с оплатой 3–4 к. с версты, квартирная плата от казны составляла 5 к. на члена семьи в городах и 3 к. в деревнях за сутки, ежедневный казенный паек должен был составлять из расчета 15 к. на человека в городе и 12 к. в деревне. Снабжение бельем и теплой одеждой возлагалось на благотворительные организации[1].

В декабре 1915 г. земское собрание обсудило ситуацию после прибытия беженцев и пленных в край. Поводом послужило распространение эпидемий холеры, тифа и др. Гласный П.П. Толстой подготовил специальный доклад о положении беженцев и необходимости срочных мероприятий по их устройству. На его основе собрание выработало предложения для направления в Государственную думу.

О бедственном положении дел говорилось в срочных телеграммах из Уфы в центральные ведомства. Текст одной из них гласил: «[В] Последние дни Уфу прибывают массы беженцев: можем принять и разместить ежедневно тысячу человек. Приходит 8 000–10 000 человек. Положение ужасное, начались морозы, беженцы, плохо одетые, босые, перевозятся [в] нетопленных вагонах, продовольственные пункты не справляются [с] работой. Поезда [с] беженцами отправляются некормлеными, медицинский персонал не успевал осмотром. Просим принять меры упорядочения движения <…> Разрешите выдачу квартирных, кормовых 15 к. [за сутки в] деревнях, откуда сообщают [о] тяжелом положении беженцев, кото-

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. С. 21–22.

рые голодают, нищенствуют. Население, встретившее радушно, меняет отношение [к ним] на враждебное. При ничтожных средствах не решаемся начать выдачу. Оказываем квартирную и продовольственную помощь лишь по городам…»[1]. В результате на Уфимскую губернию было выделено 370 тыс. р., большая часть денег была передана губернскому Совету по делам о беженцах[2].

Согласно «Ведомости о количестве беженцев, расселенных по волостям Уфимской губернии», представленной Уфимскому губернскому земскому собранию декабрьской сессии 1915 г., в сельской местности находилось всего 59 542 человека. Большая часть жертв войны сконцентрировалась в Уфимском уезде – 23 955 человека, или 40 % общего их числа (7 % к численности населения уезда). Далее шли уезды, через территорию которых проходила железная дорога, – Белебеевский соотвественно 12 193 человека, или 20 % (6 % всего населения), Златоустовский – 9 208 или 15,5 % (8 % всего населения). В Мензелинском уезде осели 5 123 человека или 8 % (3 % населения), Стерлитамакском – 4 426, или 7 % (3 % населения) и Бирском – 4 637, или 7,8 % (2 % населения)[3]. К апрелю 1916 г. в губернии числилось по официальным данным 68 576 беженцев.

По количеству принятых эвакуированных Уфимская губерния заняла 14-е место среди 43-х губерний Европейской России. Основной поток вынужденных переселенцев пришелся на западные (в Лифляндской их насчитывалось 121,3 тыс. чел., Минской – 150 тыс., Харьковской – 123,5 тыс.), южные (в Екатеринославской – 242,4 тыс., Донской – 81,4 тыс.), центральные (Тамбовской – 127,3 тыс., Московской – 86,2 тыс., Петроградской – 73,3 тыс., Курской – 78 тыс., Рязанской – 69,5 тыс.) губернии. Немало беженцев было переброшено вглубь страны – в По-

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. С. 21–22.

[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 41-й очередной сессии. (1–21 декабря 1915 г.). С. 463 ; Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. С. 164.

[3] Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. С. 485–487.

волжье (в Саратовской губернии – 110,9 тыс., Самарской – 160,7 тыс.) и на Урал (в Оренбургской губернии более 77 тыс. чел.)[1].

По смете Уфимского губернского совета по делам о беженцах для обеспечения их питанием, одеждой, врачебной помощью и т. д. только на январь 1916 г. требовалось 447 тыс. р. На февраль и март правительство утвердило смету по помощи беженцам в Уфимской губернии в 1 млн р.[2]

Учебное ведомство и земство совместно решали вопросы обучения детей беженцев. По ходатайству уездного инспектора народных училищ С.А. Дворжецкого Белебеевское земское собрание 1915 г. постановило выделить учебники из земского книжного склада и вести обучение эвакуированных детей в существующих школьных зданиях. В смету Уфимского уездного земства на 1917 г. было заложено 58 152 р. на открытие дополнительных классов при 13 населенных пунктах для обучения 517 детей беженцев и на зарплату учителям[3].

Уфимское уездное собрание 42-й очередной сессии 1916 г. признало раздачу продовольственных пайков дорогим и неэффективным способом поддержки беженцев, но и сокращение пособий гласные считали опасным шагом. Они предложили Уездному совету о беженцах проводить в жизнь в первую очередь меры по трудоустройству эвакуированных. Впервые этот вопрос подняло губернское собрание в марте 1916 г. По свидетельству гласных Уфимского уезда многие беженцы просили землю и пытались устроить собственное хозяйство на новом месте. Гласный В.Н. Ляуданский, состоящий в Совете по делам о беженцах, пытался арендовать для этого крупное имение Государственного банка, поступали также предложения о выдаче льготных ссуд беженцам.

Привлечь беженцев к полевым работам в массовом порядке не удалось. Как сообщал агрономический совет Стерлитамакской уездной земской управы, эвакуированные не шли на низкооплачиваемую работу. По сведениям земства, в 1916 г.

---

[1] Список организаций, ведающих дело помощи беженцам (На 1-ое мая 1916 г.). М., 1916, Вып. 1 : Европейская Россия. С. 158.

[2] Помощь беженцам // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1916. № 1. С. 39 ; № 13. С. 33.

[3] Проект сметы расходов и доходов Уфимского уездного земства на 1917 год. Уфа, 1916. С. 116–117.

по губернии среди них было не более 10 % работающих[1]. За пределами регистрации учреждений оставались частные случаи найма в крестьянских и частновладельческих хозяйствах. Так, в Белебеевском уезде и отчасти в Стерлитамакском беженцы расселились по волостям с зажиточным населением[2]. Привлечение беженцев и военнопленных к найму было зафиксировано во время Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., по данным которой их число в крестьянских хозяйствах губернии доходило до 24,6 тыс.[3]

Большинство наемных работников, зафиксированных переписью, составили, безусловно, военнопленные, которые размещались в губернии с лета 1915 г. На особые отделы земских управ возлагалось обеспечение содержания военнопленных, сбор заявок на их труд. Например, в Стерлитамакскую управу поступило 400 ходатайств о выделении пленных на работу, Уфимская управа просила военное ведомство об привлечении 136 пленных. Весной 1915 г. на Уфимский уезд для выполнения разного вида работ было выделено 228 пленных. В марте 1916 г. уфимский губернатор информировал губернское земское собрание о нахождении 6 тыс. пленных в Уфе и Катав-Ивановском заводе, которых предполагалось оставить в губернии для использования их труда на сельскохозяйственных работах[4]. К 1917 г. на учете Уфимской уездной земской управы находилось 2 714 военнопленных, работающих в крестьянских и частных хозяйствах, оборонных и частных предприятиях Уфы[5].

В январе 1916 г. чрезвычайная сессия губернского земского собрания обсуждала вопрос о положении пленных в связи с угрозой эпидемий в губернии. Скопление в казармах Нижегородского лагеря под Уфой и около Катав-Ивановского завода более 4 тыс. человек, среди которых находилась в том числе

---

[1] Помощь беженцам // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1916. № 13. С. 33.

[2] Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. С. 302–304.

[3] Роднов М.И., Кутушев Р.Р. Экономическое положение в 1914–1917 гг. // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 2. С. 184.

[4] Журналы Уфимского губернского земского собрания 51-й чрезвычайной сессии 10 марта 1916 г. (С приложением докладов губернской управы). Уфа, 1916. С. 2.

[5] Постановления Уфимского уездного земского собрания 36-го и 37-го чрезвычайных созывов 1915 года (27 января и 18 июня) с приложениями. Уфа, 1915. С. 44 ; Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. С. 340.

тысяча австрийцев, привело к вспышке различных заболеваний. Гласные Г.М. Курковский и В.А. Кугушев подняли проблему гуманного отношения к военнопленным. Однако их коллега С.С. Алгазин счел неуместным проявлять человеколюбие «на фоне мучений русских солдат в плену», сославшись на опубликованную в газете «Русское слово» телеграмму о пытках и расстрелах русских пленных в Австрии. Его поддержал Н.В. Катанский, который также считал, что «окружать удобством пленных мы не имеем права»[1]. В годы Первой мировой войны боевые потери Русской армии пленными составили 3 343 900 человек, или 74,9 % общих потерь и 21,2 % всех мобилизованных[2]. По сведениям Главного комитета ВЗС на 1916 г., на территории Германии русские военнопленные были сконцентрированы в 1 047 пунктах, в том числе на угольных копях, рудниках, химических фабриках, при строительстве мостов, шлюзов, аэродромов[3].

Если при организации помощи раненым и размещении беженцев работа земских и общественных структур Уфимской губернии имела огромное значение, то их участие в обеспечении фронта военным снаряжением было скорее символичным. В то время лишь в некоторых земствах оказание материальной помощи действующей армии приобрело внушительные размеры[4], а в остальных отсутствие производственной базы сдерживало общественные начинания. Подобная ситуация сложилась в Уфимской губернии, и она была близка к общей картине в Поволжье[5]. На 1 февраля 1916 г. комитеты Земгора приняли от военного ведомства заказы на снабжение вооружением, техникой и предметами военного снаряжения на сумму 70,7 млн р., 68,3 млн которых приходилось на местные комите-

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. С. 38–41, 227–229 ; см. также: Жизнь наших пленных в Германии // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1915. № 32. С. 9–10 ; Из письма военнопленного // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1915. № 33. С. 24.

[2] Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 4, 39.

[3] Списки мест водворения военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. М., 1916. С. 1–50.

[4] См.: Судавцов Н.Д. Земство в годы Первой мировой войны. С. 258–260.

[5] Салова С.В. Буржуазия России в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии. Самара, 2005. С. 144.

ты[1]. На этом фоне руководство Уфимской губернской земской управы тщетно стремилось повысить свой политический рейтинг в общеземской организации.

Некоторая активность общественных учреждений Уфимской губернии при выполнении военных заказов подпитывалась их финансовыми интересами: на местах земства начали конкурировать за распределение финансовых потоков. Так, чрезвычайное губернское земское собрание 1915 г. командировало представителей в Москву, которые добились получения заказа на ежемесячное изготовление 50 парных повозок интендантского образца, 50 походных кавалерийских и пехотно-артиллерийских кухонь, 10 тыс. колес. После возвращения ходоков возник вопрос о поставках сырья. Златоустовский казенный завод и Симский горный округ, занятые заказами военного ведомства, в отпуске железа отказали. Тогда «на свой риск» земство начало изготавливать в местных мастерских сапоги, подковы. Предполагаемые расходы составляли 115 тыс. р., из них 100 тыс. р. планировалось получить в виде казенного займа с погашением в течение 10 лет.

Предусматривалось создание собственной земской промышленной базы – открытие колесной мастерской в Уфе, реконструкция Благовещенского завода, организация химического производства на бывшем поташном заводе И.Г. Жуковского. На покупку Благовещенского завода земство планировало ассигновать 100 тыс. р. и 200 тыс. просить у Земгора. Земский план по развитию местной промышленности излагался в специальном докладе управы «О снабжении армии» для 49-й чрезвычайной сессии сентябрьского земского собрания 1915 г. В противовес синдикатам и предприятиям, которым покровительствовало государство, управа предлагала открывать новые заводы, в том числе эвакуируемые, с широким участием мелких промышленников и общественных организаций. За этой в общем размытой теорией была видна мечта земства о построении доходной промышленной базы не только для военного, но и последующего мирного времени.

[1] Главный по снабжению армии комитет. Очерк деятельности. 10 июля 1915 г. – 1 февраля 1916 г. М., 1916. С. 59.

В действительности работа по снабжению фронта свелась к привлечению небольших частных предприятий к заказам и к огосударствлению данного сектора с последующим установлением жесткого контроля за движением товара. К работе на фронт привлекались кожевенные заводчики Златоустовского, Белебеевского и Стерлитамакского уездов. Были организованы также поставки полушубков и валенок (Стерлитамакский и Златоустовский уезды), мочала и лаптей (Белебеевский уезд). Это вело к огосударствлению частного промышленного сектора, распространению монополии на его сырье и продукцию, установлению фиксированных цен. Достаточно упомянуть такие меры, как получение исключительного права на сбор сырья, предоставленного ВЗС законом от 7 июля 1916 г., распространенного и на фабричные скотобойни, установление нормировочных цен на отдельные виды товаров, необходимых для военного производства, нарушение которых грозило тюремным заключением сроком до 1 года 4-х месяцев и др.[1]

Политизация деятельности ВЗС усилила оппозиционные настроения земцев Уфимской губернии. Они все активнее использовали земские собрания для декларации своих взглядов. Это была тактика, апробированная в годы Первой русской революции. Уфимские земцы присоединились к требованию Съезда представителей земств от 7–9 сентября 1915 г., в котором принял участие П.Ф. Коропачинский, об обновлении власти и поддержке демократических проектов Государственной думы. Спустя несколько дней в Уфе на частном совещании группа политических активистов во главе с гласным В.А. Кугушевым одобрила постановления указанного съезда и через собрание провела решение о присоединении к резолюции с телеграфным уведомлением председателей Земского союза Г.Е. Львова и Государственной думы М.В. Родзянко[2].

Оппозиционные земцы стремились использовать учреждения ВЗС как сеть собственных независимых структур. Отдельные примеры наглядно показывали политические амбиции земства. Так, весной 1915 г. земство сорвало устройство по правительственному плану обсервационно-концентрационного пункта для 24

[1] АЗГО (Арх. Златоустовского городского округа). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 810. Л. 12–19.
[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. С. 17–18.

тыс. пленных на границе Уфимской губернии. Как признавались земские оппозиционеры, им было неинтересно участие в устройстве «одного случайного пункта», который предполагалось оставить в ведении правительства. Они вынашивали планы создания сети подобных учреждений общественного характера[1].

В военный период земства сохранили свою финансовую самостоятельность, так как государство было заинтересовано в жизнеспособности местных органов. Такое направление внутренней политики было использовано кадетской партией и либеральным блоком Государственной думы для усиления давления на правительство с требованиями улучшения состояния местных финансов[2]. По сообщениям земской прессы, в результате в большинстве случаев последовало увеличение местных смет, местное самоуправление получало значительные финансовые уступки[3].

В экстраординарных условиях большинство уездных самоуправлений в Уфимской губернии было готово согласовать свою финансовую политику с требованиями губернатора, который призывал к экономии. В 1915 г. курс на сворачивание смет взяли Белебеевское, Мензелинское, Златоустовское, Стерлитамакское земства, которые уменьшили свои расходы соответственно на 31, 20, 16 и 12 %. Чисто символически сократились расходы Бирского уездного (на 6 %) и губернского (на 2 %) земств, а Уфимское уездное земство увеличило свою смету на 8 %[4]. В целом смета земств Уфимской губернии на 1915 г. сократилась в среднем на 5 % – с 9 095 869 р. в 1914 г. до 8 621 638 р. За первый год войны Уфимское губернское земство израсходовало на военные нужды 216,5 тыс. р. (18,6 % рас-

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 41-й очередной сессии. (1–21 декабря 1915 г.). С. 98–99.

[2] Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906–1917 гг.). М., 2005. С. 355–375.

[3] Веселовский Б. Сессия земских собраний и война // Земское дело. 1914. № 17. С. 1089–1096 ; Б-ов. О земском обложении монастырских и церковных земель // Земское дело. 1914. № 21. С. 1288–1289 ; Шингарев А. Бюджет государственный и земские бюджеты // Земское дело. 1915. № 1. С. 17.

[4] Красильников М.П. Война и земские сметы Уфимской губернии // Земское дело. 1915. № 4. С. 254–255.

ходной сметы), уездные – 258,6 тыс. р., а всего 475 108 р.[1] По общероссийским данным, основная часть земских ассигнований на нужды войны была почерпнута из сметных расходов, и только четверть расходов составили различные займы. Всего за первый год войны земства ассигновали на военные цели 32 056 099 р.[2]

В дальнейшем отсутствие у правительства единого финансового курса привело к непомерному росту земских расходов в уездах. Бывшие прежде проправительственные земства начали наращивать свои расходы. Так, смета Белебеевского уездного земства на 1916 г. выросла на 36 % по сравнению с 1915 г.[3] За военный период расходы уфимских земств на душу населения увеличились почти в 2 раза: с 2,8 р. в 1914 г. до 5,4 р. в 1917 г. С 1914 по 1917 год увеличение нагрузки на бюджет по отдельным статьям выглядело следующим образом: на содержание управления земства и правительственных учреждений с 0,42 р. на душу населения до 0,6 р., на народное образование – с 1 р. до 1,47 р., на медицину – с 0,66 р. до 1,24 р., на уплату долгов и отчисления – с 0,39 р. до 0,7 р.[4]

В годы войны земство, как никогда прежде, сделало упор на внешкольное образование – организацию библиотек, курсов для взрослых, народных чтений. Так, в 1915 г. расходы губернского земства на внешкольное образование при общем сокращении сметы возросли на 16 %[5]. В историографии, как правило, недооценивается политическая составляющая земских инициатив в этой сфере, при том, что исследователи высоко оценивают работу земства по просвещению населения[6].

---

[1] Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1914 год. Уфа, 1914. С. XX ; Ассигнования земств на нужды, вызванные войной. С. 413.

[2] Ассигнования губернских и уездных земств на нужды, вызванные войной // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1916. № 11. С. 20–21.

[3] Смета расходов и доходов Белебеевского уездного земства на 1916 год. Белебей, 1916. С. 1.

[4] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств Уфимской губернии, 1875–1914 гг. Уфа, 1915. С. 215 ; Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. Уфа, 1917. № 1–2. С. 169.

[5] Красильников М.П. Война и земские сметы Уфимской губернии. С. 254–255.

[6] См., например: Юсупов М.Р. Культурно-просветительская деятельность земств Урала (1864 – февраль 1917) : дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 1999 ; Елисафенко М.К. Народное образование как приоритетное направление в деятельности пермских земств в годы Первой мировой войны // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. С. 21–25 ; Кобзов В.С., Семенченко И.В. Земские инициативы во внешкольном образовании в Оренбургской губернии

Через библиотеки и устройство лекций земство, по выражению его деятелей, приступило к формированию «психики тыла»[1]. С января 1915 г. при личном участии председателя П.Ф. Коропачинского прошли уездные земские совещания по внешкольному образованию. На уфимском уездном совещании представитель Уфимской уездной земской управы М.И. Обухов заявил: «…Мы должны ловить этот момент и работать, не дожидаясь лучших условий. Более удобного момента мы с вами, может, и не будем больше переживать»[2]. В 1915 г. он в помощь работникам просвещения опубликовал пособие «Дневник внешкольника», а отдел народного образования Уфимской губернской земской управы начал выпускать собственное периодическое издание, широко освещающее просветительские мероприятия земства[3].

В военный период увеличились расходы на содержание земского управления с учетом роста инфляции[4]. Для финансового обеспечения своих служащих губернское земство постановлением 39-го очередного собрания 1914 г. учредило специальный стипендиальный фонд. В 1915 г. в него поступили 653 р. в качестве взносов от участников, 4 374 р. из стипендиального капитала губернского земства и 5 тыс. р. из бюджета губернского земства[5]. К 1916 г. ссудо-сберегательные кассы были организованы при Бирской, Белебеевской и Стерлитамакской уездных управах. Кроме того, при двух последних существовали также потребительские общества[6].

Самые большие выплаты «за дороговизну» получали работники губернского земства – от 50 % (получающим 15–20 р. в месяц) до 15 % (получающим 100–150 р. в месяц). Существенно повысило выплаты Златоустовское земство, где раз-

---

в 1917 году: К 85-летию профессора А.П. Абрамовского // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 32 (170). Сер. : История. Вып. 35. С. 59–64.

[1] Список книг о войне и о государствах, участвующих в текущей войне. [Б. м. и г.]

[2] Совещание 11–12 января 1915 года при Уфимской уездной земской управе // Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1915. № 1–3. С. 39.

[3] Обухов М.И. Дневник внешкольника. Уфа, 1916 ; Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. Уфа, 1915–1917.

[4] Журналы Уфимского губернского земского собрания 52-й чрезвычайной сессии. Уфа, 1916. С. 52–53.

[5] Среди служащих губернского земства // Уфимский вестник. 1916. 10 февр.

[6] Календарь-справочник земского деятеля. 1917. С. 299–300.

ница между прибавками высоко- и низкооплачиваемых категорий была минимальной по губернии и составляла от 20 до 45 %. В Белебеевском земстве жалования поднялись на 15–30 %, в Мензелинском и Уфимском – на 8–50 %, в Стерлитамакском – на 8–17 %[1]. Отдельные гласные выступали против безостановочного роста окладов служащих, аргументируя это ухудшением положения сельского населения. Со стороны правительства не последовало ограничительных рамок. В частности, власти не видели препятствий к сложившейся практике поощрения служащих. Указ Сената от 18 февраля 1916 г. гласил, что «выдача и невыдача наградных в полном их размере… зависят всецело от самих земских собраний»[2].

В военный период продолжали расти земские налоги с недвижимости. За 1914–1916 гг. в Бирском уезде они увеличились на 19 %, в Белебеевском – на 27 %, в Уфимском – на 30 %[3]. Главную налоговую нагрузку по-прежнему несли земельные собственники. Так, в 1917 г. в Уфимском уездном земстве они обеспечили 60 % поступлений в земский бюджет. Неземельная недвижимость в уезде принесла 14 % всех доходов, а недвижимость Уфы – 25 %. Доходы Уфимского уездного земства на 1917 г. выросли по сравнению с 1916 г. на 57 %, или в 1,6 раза. Больше всего возросли сборы с уфимской городской недвижимости и с земель – в 1,5 раза[4]. Городская дума просила земство о фиксации обложения городской недвижимости, ссылаясь на невозможность возмещения расходов подъемом квартирных цен из-за официального запрета на повышение квартирной платы[5].

Мнения о необходимости пересмотра земского обложения высказывались и в других земствах. Так, на заседании Златоустовского собрания 25 октября 1916 г. бывший председатель уездной управы А.А. Сычев обратил внимание собрания

---

[1] Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 44 чрезвычайной сессии 1916 г. С приложением докладов. Стерлитамак, 1916. С. 17.
[2] Календарь-справочник земского деятеля. 1917. С. 209.
[3] Смета расходов и доходов Белебеевского уездного земства на 1915 год. Белебей, 1915. С. 118–129 ; Смета расходов и доходов Белебеевского уездного земства на 1916 год. С. 116–117 ; Сметы доходов и расходов и раскладка уездного земского сбора на 1915 год по Бирскому уезду Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 6–39 ; Сметы доходов и расходов и раскладка уездного земского сбора на 1916 год по Бирскому уезду Уфимской губернии. Уфа, 1916. С. 6–37.
[4] Проект сметы расходов и доходов Уфимского уездного земства на 1917 год. С. 70–93.
[5] Журналы Уфимского уездного земского собрания 42 очередной сессии 1916 г. Уфа, 1917. С. 54–55.

«на вопиющую несправедливость» сверхобложения крестьянских земель и мизерную оценку лесов. Собрание подняло старый вопрос о непоступлении земских сборов с земель горнозаводских крестьян и возбудило ходатайства перед министерствами финансов и внутренних дел о принуждении их к уплате налогов[1].

По мере продолжения войны поток ходатайств о льготах по земскому сбору увеличивался. Этому способствовал также циркуляр МВД от 2 октября 1915 г., который рекомендовал земствам предоставлять льготы семействам призванных на войну[2]. Земства могли удовлетворить прошения только в исключительных случаях. Так, Златоустовское собрание 1916 г. отклонило девять ходатайств об освобождении от земского обложения, удовлетворило три, двум крестьянам п. Вознесенский земский сбор был рассрочен на год[3].

Платежеспособность семей мобилизованных обеспечивалась государственными пособиями по закону от 25 июня 1912 г. Размер месячного пайка семьям призванных рассчитывался в зависимости от местных цен на продукты. На 1 января 1915 г. взрослый паек составлял в разных уездах губернии 1,8–2,8 р., через год он вырос до 2,2–2,9 р. в месяц[4]. В 1914 г. в Уфимской губернии пособия составили около 1,5 млн р. На начало 1915 г. их получало 251 982 едока, или 8 % населения. Через год это количество возросло более чем в два раза и достигло 517 500 человек, или 16 % всех жителей. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в губернии выдавалось уже 931 100 пайков[5].

На земских собраниях много говорилось о необходимости помощи населению, но действенной помощи было мало. В связи с этим наиболее значительным

---

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 734. Л. 1–4.
[2] Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 44 чрезвычайной сессии 1916 г. С. 20–21.
[3] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 734. Л. 5.
[4] Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 41 чрезвычайной сессии 1914 года. С. 5.
[5] Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа, 1917. С. 7, 82 ; Россия в Мировой войне 1914–1918 года. С. 49.

было пособие губернского земства в 1915 г. в размере 69 тыс. р. семьям солдат на проведение полевых работ и приобретение техники[1].

С лета 1914 г. до конца ноября 1916 г. из Уфимской губернии в войска было призвано более 296 706 человек. К 1917 г. эта цифра возросла до 323,2 тыс. человек. По данным земской подворной переписи 1915 г., по отношению к мужчинам рабочего возраста мобилизованные составили 24,2 %, а по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., уже 44,6 %[2].

Таким образом, в составе местных комитетов ВЗС уфимские земства приняли активное участие в организации помощи раненым и беженцам, размещении военнопленных, численность которых в Уфимской губернии достигла нескольких десятков тысяч человек. Привлечение земских и общественных учреждений к решению проблем военного времени позволило компенсировать недостаток ведомственных и кадровых ресурсов государственного управления. Практические мероприятия земских учреждений сопровождались усилением их политических амбиций и стремлением к расширению финансовой базы своей деятельности. Власти в свою очередь использовали либерально-демократическую схему управления для решения чрезвычайных задач военного времени, что вело к усилению в системе местного управления роли земских учреждений.

§ 2. Органы земского самоуправления в системе продовольственного обеспечения армии и тыла

Необходимость продовольственного обеспечения армии и населения в годы Первой мировой войны привела к созданию в центре и на местах массу органов, исполняющих данную задачу. По решению Совета министров от 30 июля 1914 г. в стране вводились государственные закупки хлеба под руководством Главного управления земледелия и государственных имуществ (с 26 октября 1915 г. Мини-

[1] 48-ое чрезвычайное губернское земское собрание // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1915. № 15–16. С. 31–32.

[2] Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. С. 126–127 ; Россия в Мировой войне 1914–1918 года. С. 21 ; Брагин А.М. Сельское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 г.). Уфа, 1916. С. 26.

стерство земледелия). Его губернские уполномоченные назначались из представителей земства и правительственных чиновников.

Возложение на земские органы задачи снабжения армии продовольствием выглядело как некий экспромт, хотя схема их использования в этой сфере наметилась еще раньше. Еще с 1909 г. начали производиться земские закупки хлеба в Симбирской, Пензенской и Казанской губерниях. 22 июля 1911 г. уже появились «Правила для приобретения губернскими земскими управами продовольственных продуктов для военного ведомства»[1].

Согласно отдельным распоряжениям министерств и ведомств земским управам передавались новые функции. Местным уполномоченным главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина в Уфимской губернии был назначен председатель губернской земской управы П.Ф. Коропачинский.

Земские управы превращались в отдельные звенья государственной системы заготовок и снабжения армии и тыла продовольствием со специальными штатами канцелярских служащих, отделами хлебозаготовок. Постепенно укреплялась их подчиненность центру. Земские собрания утрачивали по отношению к ним распорядительные функции и превращались в совещательные учреждения по вопросам регулирования «военной» деятельности управ. Официальное согласование с собраниями важных вопросов играло скорее лишь роль общественных разрешительных санкций на новые функции земства.

Система государственного продовольственного обеспечения развивалась в направлении децентрализации. В первую хлебозаготовительную кампанию, с августа 1914 г. по июнь 1915 г., закупки регулировались еще централизованно. С Петроградом согласовывались цены, сроки отдельных закупок и даже территории таких сделок. «Инструкция по заготовке хлебов для армии» предусматривала контроль местных закупок гражданскими властями и представителями военного ведомства «с необходимым числом нижних чинов»[2].

---

[1] Снабжение армии и флота : сб. постановлений, определяющих участие гражданских властей, общественных учреждений и населения в обеспечении войск различными видами довольствия. Пг., 1916. С. 455–458.

[2] НА РБ (Нац. арх. Республики Башкортостан). Ф. И-96. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

Постоянное согласование закупочных цен между земствами и различными ведомствами задерживало снабжение армии провиантом. Затруднения создавали также ведомственные противоречия. За снабжение армии отвечало Главное управление земледелия и землеустройства, за продовольствие для населения – Министерство внутренних дел. А хлебную торговлю контролировало Министерство торговли и промышленности, перевозки – Министерство путей сообщения и т. д.

Со второго года войны началась децентрализация продовольственного снабжения, и оно было выделено в самостоятельную сферу. По закону от 17 августа 1915 г. под председательством министра земледелия стало функционировать Особое совещание по продовольствию[1]. В него вошли по семь членов Государственного совета и Государственной думы, представители ВЗС и ВСГ. На основании упомянутого закона были образованы еще три ведомственных совещания – по обороне, топливу, перевозкам[2].

Усилилась децентрализация заготовительной системы и на местах. Вместо одиночной фигуры губернского уполномоченного главноуправляющего землеустройством и земледелием возникла разветвленная структура местных органов под руководством уполномоченного председателя Особого совещания по продовольствию для обсуждения и объединения мероприятий по продовольствию[3].

В Уфимской губернии должность местного уполномоченного председателя Особого совещания занял уже упомянутый П.Ф. Коропачинский. Отметим, что эти должности в большинстве губерний были заняты губернаторами. Председатели земских управ шли на втором месте. За ними следовали градоначальники, члены Государственной думы и Государственного совета и др.[4]

Привлечению представителей местных органов земского самоуправления к продовольственным заготовкам не в последнюю очередь способствовало то, что

---

[1] Важнейшие указы, законы и распоряжения военного времени / сост. С.М. Левин : в 2 т. Пг., 1916. Т. 2. С. 266–297.
[2] Подробно см.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. М., 1985. С. 124–149.
[3] Там же. С. 273.
[4] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 172 ; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 142.

они имели доступ к материалам земской статистики. Имеющиеся сведения по урожайности, потребностям населения в продовольствии, существующим ценам на местных рынках и т. д. являлись ценным подспорьем при расчете поставок хлеба.

При губернском уполномоченном создавались своя канцелярия, а также местное совещание по продовольствию. Основная функция последнего по «Правилам о местных уполномоченных председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу» от 25 октября 1915 г. заключалась в продовольственном обеспечении населения губернии[1]. Эта задача стала актуальной со второго года войны из-за роста дороговизны и дестабилизации внутреннего рынка.

В Уфимской губернии председатель губернской земской управы П.Ф. Коропачинский получил предложение А.И. Кривошеина стать уполномоченным Особого совещания в конце октября 1915 г. и занял эту должность по постановлению губернского собрания. Его заместителем по заготовке хлеба для армии был назначен земский агроном А.Д. Цюрупа, заместителем по продовольствию – заведующий статистическим отделом управы М.П. Красильников. К 1 января 1916 г. под руководством губернского уполномоченного председателя Особого совещания трудились 11 человек, в том числе три заведующих отделами[2]. Деятельность местных органов продовольствия финансировалась из средств, отпущенных правительством на заготовку и распределение продуктов. Новый общественный орган значительно снизил роль земских собраний в продовольственном деле.

Состав уфимского губернского совещания по продовольственному делу при уполномоченном П.Ф. Коропачинском был достаточно представительным. Так, на первом его заседании 4 декабря 1915 г., кроме непременного члена губернского присутствия К.В. Александровича и уфимского полицмейстера С.А. Шамлевича, присутствовали еще 36 участников от земских и городских самоуправлений, а

[1] Важнейшие указы, законы и распоряжения военного времени. Т. 2. С. 430–433.
[2] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

также различных их организаций[1]. В нем участвовали также представители кооперативных объединений и коммерческих фирм, частные торговцы. Такой состав участников, а также оперативность в деятельности губернского совещания позволяли не только успешно вести хлебные заготовки, но и несколько смягчить напряженность общественно-политической ситуации. В частности, П.Ф. Коропачинский большое внимание уделял сотрудничеству с коммерческими кругами и удовлетворению продовольственных запросов заводских районов и г. Уфы.

Дальнейшее разветвление местной системы заготовки продовольствия было связано с мерами по борьбе с дороговизной и дефицитом продуктов питания. Специальное распоряжение губернского уполномоченного П.Ф. Коропачинского обязывало всех оптовиков и торговцев объявить запасы товаров первой необходимости: чая, соли, мыла, сахара, керосина – в срок до 20 декабря 1915 г. Неисполнение этого распоряжения либо сообщение неверных сведений грозили, согласно Положению об Особом совещании, денежным штрафом до 3 тыс. р. либо тюремным заключением до трех месяцев. В случае умышленного нарушения закона наказание могло возрасти до двух лет лишения свободы[2].

Мензелинская уездная земская управа, опираясь на Правила о местных уполномоченных, ходатайствовала о возможности проверки складов торговых и промышленных предприятий, наложения на них обязательств по приобретению или поставке определенных товаров[3]. В декабре 1915 г. и январе 1916 г. для более эффективного контроля за деятельностью частных коммерсантов по предложению служащего губернской земской управы и заместителя губернского уполномоченного А.Д. Цюрупы земские статистики провели экспедиционную перепись наличности товаров на складах. По предложению губернского уполномоченного была введена текущая регистрация получаемых грузов по железной дороге в Уфе.

В Уфе реализация продуктов через муниципальные лавки стала актуальной с весны 1915 г. Общественная система снабжения продовольствием губернского

[1] Там же. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.
[2] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 735. Л. 12.
[3] НА РБ. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–40 об.

центра оформилась быстрее всего благодаря активным действиям нелегальной оппозиции. Цензовые гласные участие в распределении продуктов восприняли как обузу и на заседании Городской думы 24 апреля 1915 г. они отказались войти в городскую Продовольственную комиссию[1]. А вот разночинные представители земских и городских учреждений, профессиональных союзов с готовностью использовали такую возможность сближения с населением.

Организация неправительственной системы продовольственного обеспечения поспособствовала повышению социальной мобильности муниципальных служащих. Примечательно, что заведующий продовольственным отделом Уфимской городской думы Н.П. Брюханов находился на своей должности неофициально и числился на сдельной работе, так как не получил утверждения губернатора. В Уфе через Общество взаимного вспоможения частному и служебному труду, или «Вспоможенку», была образована общественная Продовольственная комиссия. По воспоминаниям участников подполья, благодаря этому они стали «собираться и знакомиться», контролировать такие организации, как общественные столовые[2].

С лета 1915 г. в сельской местности начали открываться кооперативы и потребительские общества. Некоторые из них, например, Иглинское (80 членов) и Старо-Бирючевское (29 членов) Уфимского уезда, существовали на паевые взносы (2,5 тыс. и 545 р. соответственно). Иглинское общество решило выписывать товар вагонами через Московский союз потребительских обществ[3]. В Стерлитамакском уезде Федоровское, Юрковское, Алешкинское общества потребителей планировали вести закупки на средства уездной управы.

Общая тенденция продовольственных операций через кооперативы заключалась в снижении роли членских взносов и увеличении доли займов и ссуд из земских касс мелкого кредита. Так, с октября 1915 г. по апрель 1916 г. Уфимская губернская земская касса мелкого кредита выделила на закупку продовольствия

---

[1] Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны. Документы и материалы / сост., статья, предисл. и примеч. О.А. Полянина. Уфа, 2008. С. 11.

[2] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 261. Л. 9–11.

[3] Открытие новых потребительских обществ в Уфимском уезде // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1915. № 17. С. 24.

160 тыс. р. Заготовленными при помощи кассы продуктами снабжались 32 кооператива, торгующих по «умеренно рыночным ценам»[1].

Земские управы на продовольственные операции получали ссуды от правительства и земской кассы мелкого кредита, а также займы в частных банках. В 1916 г. по решению Особого совещания было выделено: Уфимскому уездному земству 100 тыс. р. на покупку соли, сахара и 250 тыс. р. на заготовку фуражных и продовольственных продуктов, Златоустовской земской управе 25 тыс. р. на оборотные средства для потребительных обществ до окончания войны. В то же время Белебеевское земство получило разрешение на заем в земской кассе мелкого кредита в сумме 200 тыс. р., а город Златоуст получил ссуду в 150 тыс. р. Всего в 1916 г. казенные ссуды земским и городским самоуправлениям составили 525 тыс. р.[2]

Вначале губернская администрация пыталась не допустить выхода продовольственного дела из-под своего контроля. Постановления очередных уездных земских собраний 1915 г. об организации продовольственных органов при управах, потребительских обществ и их союзов подверглись тщательному изучению администрации. Ею были опротестованы решения Уфимского уездного собрания об организации продовольственных комитетов в горнозаводских волостях и Бирского – об уездном и волостных комитетах. Губернское по земским и городским делам присутствие отменило постановление Уфимской городской думы от 8 марта 1916 г. о создании городских районных продовольственных комитетов для выявления запасов предметов массового потребления, как у отдельных жителей, так и у торговцев, торгово-промышленных фирм и других учреждений для их «равномерного и справедливого» распределения среди населения района[3].

---

[1] Земство в борьбе с дороговизной // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1916. № 10. С. 26.

[2] НА РБ. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 8. Л. 145 об. – 146 ; Ф. И-421. Оп. 1. Д. 7. Л. 33 об. ; АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 735. Л. 2 ; Ссуда земству на покупку сахара и соли // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1916. № 3. С. 3.

[3] Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны. Документы и материалы. С. 55–57, 70–71.

Дальнейшее углубление продовольственного кризиса заставило правительство поддержать мероприятия общественных учреждений по борьбе с дороговизной. 4 января 1916 г. на основе особого распоряжения Министерства внутренних дел уфимский губернатор предложил земскому собранию широко организовать кооперативные и другие общества для борьбы со спекуляцией на местах[1]. Существенно расширяли возможности местных уполномоченных по организации общественных органов постановления министра земледелия от 12 февраля 1916 г. и 6 апреля 1916 г. И хотя позже правительство попыталось сделать местные продовольственные органы управляемыми, в том числе контролировать состав местных совещаний, подобные меры не имели ощутимых результатов.

В 1916 г. при уездных земских управах работали уездные продовольственные совещания под руководством председателей управ. Возникли районные продовольственные совещания, главным образом в горнозаводских волостях Уфимского уезда: Благовещенской, Симской, Усть-Катавской, Кусинской и др. В их состав входили представители заводской администрации, рабочих организаций (больничных касс), кооперативов, интеллигенции, волостного и сельского управления. Усиление продовольственного кризиса в октябре 1916 г. дало им возможность участвовать в работе губернского совещания по продовольствию. В земледельческой части губернии и башкирских волостях общественные продовольственные органы не получили распространения. Впоследствии представитель Уфимской продовольственной комиссии в губернском совещании, будущий большевик Н.П. Брюханов отмечал «донельзя» слабую связь его учреждения с деревней[2]. Следует отметить, что в области снабжения населения продуктами питания местные органы самоуправления не имели согласованного плана. В результате пополнение зернового фонда для потребляющих районов шло за счет превышения нарядов поставок для армии.

Пополнению запасов уездных продовольственных органов способствовало введение так называемой разрешительной системы для внеочередных перевозок

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. С. 219.
[2] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 124. Л. 4.

партий продовольственных грузов. Она была принята постановлениями Съезда уполномоченных по продовольствию в январе 1916 г.[1] С целью облегчения доставки продуктов до потребителя земские управы начали регулировать поступление продовольствия к конкретным пунктам назначения – пристаням и железнодорожным узлам, к которым были привязаны отдельные заказчики. Среди них, например, были потребительская организация служащих, рабочих и мастеровых Самаро-Златоустовской железной дороги во главе с начальником дороги, Общество потребителей Златоустовского казенного завода, Общество потребителей Юрюзанского завода и другие.

Мелкие общественные организации занимали свою нишу в продовольственной системе благодаря наличию у них определенных запасов продуктов (соли, чая, сахара, хлеба). Иногда они могли даже диктовать условия сбыта, получать значительные прибыли и даже становились независимыми от земства. Показателен с этой точки зрения инцидент, связанный с получением в 1916 г. Обществом потребителей Златоустовского казенного завода одного вагона с 1 тыс. пуд. соли из Илецка. Его выписала Златоустовская земская управа, которая, согласно сложившейся практике, и должна была установить цену на соль. Однако члены Общества намеревались продать дефицитный товар с наценкой в 35 %. В январе 1917 г. также неожиданно для земской управы Месягутовский союз потребителей исключил служащих земства из списка получателей сахара.

Большое значение в развитии центробежных тенденций, разрушающих рыночные условия сбыта и усиливающих распределительные функции продовольственной системы, сыграли городские самоуправления. Поддержка ими продовольственного снабжения городов, живших в страхе голодного коллапса, контроль ценовой политики и развитие общественной торговли превратили их в итоге в серьезного конкурента соответствующих государственных органов. Общественная система снабжения стала настоящей альтернативой по отношению к централизованной продовольственной системе, которая дискредитировала себя неспособностью к согласованному управлению продовольственным снабжением

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 735. Л. 31–34 об.

мирного населения и армии, в первую очередь из-за загруженности железнодорожных дорог. Совсем не случайно резолюция, принятая в марте 1916 г. на IV съезде ВСГ о продовольственном комитете общественных организаций, была единогласно поддержана и Уфимской городской думой. Городской голова А.И. Верниковский выразил твердое мнение о том, что «совещания по продовольственному делу, во главе которых стоят уполномоченные… не только плохо справляются с работой, но и часто мешают уже наладившимся общественным организациям»[1]. В ближайших планах Центрального комитета общественных организаций было создание сети местных комитетов по продовольственному делу из участников учреждений Земгора, кооперативов и других организаций для улучшения продовольственного снабжения местного населения[2].

Городские органы самоуправления вносили серьезные корректировки в продовольственную стратегию на общегубернском уровне. Им было важно в первую очередь обеспечение населения городов продуктами и любое снижение цен на них. Это противоречило интересам земств, которым для выполнения поставок для армии и взаимодействия с рыночной системой необходимо было учитывать целый комплекс других условий. К примеру, они должны были принять во внимание положение мелких производителей зерна, обеспечивающих исправное поступление налогов в земскую казну.

Городским представителям удавалось оказывать серьезное давление на губернское Совещание по продовольствию и понижать через его решения хлебные цены в крупных потребительских центрах. Активное участие в Совещании принимали члены революционного подполья: представители Уфимской продовольственной комиссии Н.П. Брюханов, уфимского Военно-промышленного комитета А.И. Свидерский и Уфимского отделения Московского общества сельского хозяйства А.Н. Полидоров, служащий губернской земской управы А.Д. Цюрупа. Все они открыто призывали к кардинальной перестройке продовольственного дела на общественных началах.

---

[1] Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны. Документы и материалы. С. 60–61.
[2] НА РБ. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 31. Л. 9–12.

В условиях расстроенной государственной системы продовольственного обеспечения главными эффективно работающими исполнительными органами на местах оставались земские управы. Наличие оперативных статистических сведений об урожае и продовольственной потребности населения, практическая организация распределения продуктов питания, а также распоряжение значительными финансовыми средствами предоставляли им действенные рычаги управления продовольственной ситуацией. Должность губернского уполномоченного Особого совещания по продовольствию, дающая большие возможности вносить коррективы в механизм рыночной экономики, начала конкурировать с губернаторской. Помимо заготовки продуктов сфера компетенции уполномоченного распространялась на вопросы ценообразования, фуражного довольствия горных заводов, обеспечения населения товарами первой необходимости, контроля над железнодорожным грузопотоком продовольствия и др.

Ниже подробнее рассмотрим участие земства в организации хлебных поставок по заданиям правительства. Согласно расчетам известного экономиста Н.Д. Кондратьева на основании данных об урожаях 1909–1913 гг., в Уфимской губернии ежегодный избыток хлебных продуктов и картофеля на душу населения составлял 11,5 пуда. По сравнению с губерниями Поволжья, к которым географически примыкал местный хлебный рынок, Уфимская губерния находилась по этому показателю на третьем месте после Самарской (25,1 пуд. избытка) и Саратовской (13,5 пуд.) губерний[1]. Все они и лидировали на производительном рынке зерновых, относительно приближенном к центральной полосе России, где находились районы внутреннего потребления.

Уфимская губернская земская управа проявила достаточную заинтересованность в осуществлении заготовок продовольствия для армии. Деятели земского самоуправления путем скупки хлеба у землевладельцев, использования мощностей местных мукомольных предприятий и развития кооперативов для сбыта крестьянского хлеба рассчитывали наладить собственную экономическую базу. Од-

[1] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 95–96, 184.

нако с началом земских закупок продуктов обнаружилась несостоятельность этих надежд.

Срочное и успешное исполнение нарядов военного ведомства по поставке хлеба кондиционного качества, организация хранения и транспорта были поручены хлебным предпринимателям с «готовой, хорошо обученной дисциплинированной армией работников». В первую хлебную кампанию 1914–1915 гг. коммерсанты предоставили помещения и некоторые услуги заготовки для армии бесплатно. Официальные условия хлебной операции заключались в получении комиссионной суммы в размере 4 к. с пуда. В действительности благодаря постоянному повышению цен сделки были более выгодными для посредников, которые могли нарушать правила сделок. Так, в Мензелинском уезде маклер В.И. Сорокин при совершении купчей записи брал по 0,5 к. с пуда, хотя официально размер куртажа (вознаграждения за сделку) не мог превышать 0,25 к. с пуда[1].

Всего за первый год войны в Уфимской губернии было закуплено 10,8 млн пуд. зерновых, в том числе через посредников – 10,2 млн пуд. (95 %), землевладельцев – 360 тыс. пуд. (3 %), крестьян-предпринимателей – 122 тыс. пуд. (1 %), кредитных товариществ – 45 тыс. пуд. (0,4 %) Основной объем заготовленной продукции составляли рожь (6,8 млн пуд.) – главная экспортная культура, и овес (2,8 млн пуд.)[2]. Эти зерновые культуры играли главную роль в местных заготовках для армии.

Если рассмотреть заготовительный процесс на фоне развитого в губернии капиталистического хлебного рынка[3], видно, что Уфимское земство действовало только как посредническая структура. Оно преимущественно занималось переадресовкой потока товара государственным заказчикам. Для ведения закупок им использовались в первую очередь хлеботорговцы с Уфимской товарной биржи[4]. В результате рыночные торговые агенты сохранили в своих руках основные опера-

[1] Журнал Уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии 19 июня 1915 г. (с приложением докладов губернской управы). Уфа, 1915. С. 6.
[2] Там же. С. 39.
[3] Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012.
[4] Его же. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа, 2016. С. 110.

ции по закупкам. А движение товара шло по традиционным маршрутам. Большинство закупок в Уфимской губернии, 8,8 млн пуд., было совершено на пристанях. До г. Рыбинска, промежуточного пункта экспорта, было доставлено 7,5 млн пуд. Основные поставки обеспечили уезды, где проживало занятое в экспортной торговле купечество. В 1914 г. подавляющее большинство членов Рыбинского биржевого общества из Уфимской губернии, 53 человека из 58, проживали в уездах[1]. Они являлись главными поставщиками хлеба: в Бирском уезде ими было закуплено 4,5 млн пуд. зерна, в Уфимском – 3,4 млн пуд. и Мензелинском – 1,2 млн пуд.

Основной проблемой местного закупочного аппарата стало налаживание взаимодействия с рынком, а именно борьба со спекуляцией и утечкой товара за пределы губернии. Существенное сокращение экспорта, объемы которого в 1914 г. составили 46 % от 1913 г., а в 1915-м – 4 %[2], и остановка заграничных биржевых котировок цен на российский хлеб вели к существенным колебаниям цен на внутреннем рынке. Подорожание зерна провоцировало ажиотажный спрос со стороны военного ведомства и срочность закупок. Так, в октябре 1914 г. рожь для армии закупалась в Уфимском уезде по 70 к. за пуд, приостановка ее заготовок привела к моментальному падению цены до 53 к. С августа 1914 г. до февраля 1915 г. местные хлебные цены повысились в среднем в 1,4 раза.

17 февраля 1915 г. Совет министров с целью борьбы со спекуляцией и контроля над рынком принял Положение «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных и фуражных припасов для нужд армии и флота». Оно предусматривало государственное нормирование цен на рожь, овес и другое зерно, реквизицию припасов и запрет их вывоза из определенных районов[3]. В Уфимской губернии так называемые твердые цены впервые были введены командующим Казанского военного округа 21 февраля 1915 г. После этого официальные цены на рожь понизились на 10 %, крупу гречневую – 7, овес – 6 %. Введение административных мер привело на местах к заготовкам продуктов со значитель-

[1] Роднов М.И. Пространство хлебного рынка. С. 205–211.
[2] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 135.
[3] Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. С. 265–266.

ным превышением заданий военного ведомства. С февраля по июнь 1915 г. месячные поставки по стране превышали нормы в среднем в 2,7 раза[1].

Другой стороной государственного вмешательства в хлебный рынок стали дезорганизация внутренней торговли и нарушение снабжения городов и губерний, питавшихся привозным хлебом. По воспоминаниям бывшего министра торговли и промышленности В.Н. Шаховского, ходатайства об отмене запрещений вывоза за пределы определенных административных единиц поступали со всех концов России от биржевых обществ и городских самоуправлений, хлебных торговцев и мукомолов[2]. Ограничительные меры нарушались на всем протяжении заготовок не только торговцами, но и официальными участниками государственной системы снабжения. Из Уфимской губернии хлеб вывозился скупщиками, комиссионерами уполномоченных из других губерний, посредниками военного интендантства и др. Так, нижегородский Продовольственный комитет переманил поставщиков хлеба Уфимского губернского уполномоченного председателя Особого совещания по продовольствию, назначив более высокую цену[3]. Организационные беспорядки сопровождали закупочный процесс на всем его протяжении, несмотря на создание обширных бюрократических регламентаций[4].

Запреты вывоза продуктов питания за пределы определенных губерний привели к резкому падению местных цен на овес и ржаную муку. Нивелирование государственного регулирования продовольственного дела достигалось, с другой стороны, поддержкой высоких цен крупными торговыми игроками, которые и стали основными регуляторами цен на внутреннем рынке. Именно таким способом, например, биржевики в Рыбинске поддерживали постоянный приток товара. По свидетельству земских гласных, весной 1915 г. овес в Уфимской губернии стоил 0,9 р. за пуд, мука – 1,50 р., а в Рыбинске соответственно 3 р. и 2 р. за пуд. В сентябре 1915 г. в с. Топорнино Уфимского уезда цена гречи была 1 р. за пуд, в

---

[1] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 231.
[2] Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 71.
[3] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об.
[4] Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 213.

Набережных Челнах Мензелинского уезда – 1,4 р. за пуд, в Рыбинске она доходила до 3,5 р. за пуд[1].

Во вторую хлебозаготовительную операцию с осени 1915 г. до лета 1916 г. ценовое давление на рынок ощутимо увеличилось. При этом оно росло снизу, с уровня уполномоченных, тогда как центральные ведомства – министерства земледелия, торговли и промышленности были вначале против жесткого влияния на торгово-ценовую политику. Борьба этих двух направлений явственно проявилась на совещании уполномоченных Главного управления землеустройства и земледелия, состоявшемся в июле 1915 г. В ходе его работы министр земледелия А.В. Кривошеин подчеркнул успешные итоги первой хлебозаготовительной операции, а главный интендант, генерал от инфантерии Д.С. Шуваев выразил всем присутствующим благодарность за снабжение войск продовольствием отличного качества. Участники же совещания в свою очередь выразили оптимистичные прогнозы о способности страны не только выдержать второй год войны, но и обильно снабжать продовольственными запасами армии всех союзников[2]. Выражая мнение правительства, министр земледелия подчеркнул нежелательность падения цен ниже нормального уровня, запрещения внутреннего торгового обмена и объявил задачу приближения заготовок к производителю. Его поддержал представитель Министерства торговли и промышленности, который высказался за сохранение свободной торговли хлебом по опыту крупных заготовок. Местные уполномоченные настаивали на применении принудительных мер при регулировании рынка в военное время. Они просили также увеличения нарядов на заготовку продовольствия, исходя из благоприятных прогнозов на урожай 1915 г.[3]

---

[1] Журнал Уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии 19 июня 1915 г. С. 6 ; Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. С. 8.

[2] Съезд для закупки хлеба для армии // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1915. № 17. С. 12–16 ; см. также: Совещание уполномоченных Главного управления землеустройства и земледелия по закупке хлеба для армии, председателей губернских земских управ и представителей ведомств. 1–3 июля. Пг., 1915.

[3] В 1914–1915 гг. в стране было заготовлено 302,7 млн пуд. хлебов (131 % к заданию), в 1915–1916 гг. – 500 млн пуд. (145,8 %) и в 1916–1917 гг. – 540,8 (148,2 %), см.: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 228.

Стоит отметить, что уфимский губернский уполномоченный П.Ф. Коропачинский продемонстрировал видимость согласия с установкой центра. На специальном совещании 3 августа 1915 г. он призвал к закупкам продовольствия уездные земства и кооперативные организации, которые получили квоту на 2 млн 300 пуд. хлебов. В следующие два дня губернский уполномоченный провел совещание с купцами, занимающимися заготовкой хлеба. Как сообщал М.П. Красильников, «аппетиты купцов разыгрались». Они предложили определить величину накладных расходов для овса в 17 к. за пуд, для гречи – в 22–29 к. за пуд[1]. С Уфимским губернским земством заключили соглашения 50 хлебных фирм, закупки через уездные земства были заморожены. На 49-м чрезвычайном собрании, состоявшемся 13–15 сентября 1915 г., П.Ф. Коропачинский заявил, что квоты на хлебные заготовки сняты и что они могут быть произведены в неограниченном количестве. Видимо, при этом он опирался на решение Особого совещания по продовольствию о выделении в его распоряжение целого железнодорожного парка из 300 вагонов[2].

В интересах заготовителей местное Совещание по продовольствию установило твердые заготовительные цены. На местах оформлению авторитарной экономической политики способствовал союз чиновников и хлебных монополистов, чьи интересы были представлены в Совещании по продовольствию и губернском земском собрании. В декабре 1915 г. под давлением гласных – скупщика И.И. Новикова, мензелинского помещика Б.В. Пальчикова, городского головы Стерлитамака, комиссионера, уполномоченного П.А. Кузнецова, губернское земское собрание приняло решение о поддержке действий уполномоченного П.Ф. Коропачинского. Мелкие производители, от лица которых с критикой нормировки цен выступил председатель Белебеевского земства В.И. Бунин, остались

[1] Красильников М.П. Совещание по закупке хлеба для армии // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1915. № 20. С. 18–20.
[2] Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 222.

в меньшинстве. В январе 1916 г. постановлением земского собрания содержание губернского уполномоченного возросло с 1,5 тыс. до 6 тыс. р. в год[1].

Борьба с внутренним рынком в Уфимской губернии имела тенденцию к усилению. Осенью 1915 г. при закупке гречи по 90 к. за пуд Рыбинск держал цены в полтора раза выше, что вызвало отток туда товара и рост цен внутри губернии. В борьбе за товар на местных рынках дело доходило до «крупных столкновений и даже рукопашного боя»[2]. Низкими ценами пользовались не только комиссионеры уполномоченного, но и перекупщики, агенты уполномоченных других губерний. 13 сентября 1915 г. чрезвычайное губернское земское собрание издало обязательное постановление о запрещении скупщикам хлеба совершать на базарах сделки до 12 часов дня. Фирмы-поставщики с помощью приказчиков численностью до двух с половиной тысяч человек контролировали крупнейшие рынки губернии, в отдаленных базарах ситуацию отслеживали представители уездных управ и кооперативов.

Запретительные меры работали не везде. Так, в Бирском уезде торговых агентов уполномоченного заставляли тянуть жребий на право покупки до 12 часов дня наряду с остальными покупателями[3]. Но в целом административные меры оказались эффективными. Запрещение вывоза гречки за пределы Уфимской губернии, например, позволило вместо определенного Совещанием уполномоченных 1 июля 1915 г. наряда на губернию в 2 млн пуд. заготовить 4,85 млн пуд.[4] Это влекло за собой дальнейшее наращивание объемов хлебных заказов: в следующую заготовительную кампанию наряд на гречневую крупу составил уже 7 млн пуд.[5]

Сильный удар по внутреннему рынку нанесли реквизиции, которые были узаконены целой серией актов 1915–1917 гг. Так, в постановлении Министерства

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года. С. 224–227.

[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 41-й очередной сессии. (1–21 декабря 1915 г.). С. 65, 120.

[3] Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. С. 12–65.

[4] НА РБ. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 18. Л. 34 ; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 357.

[5] Там же. С. 358.

земледелия от 29 ноября 1916 г. о продовольственной разверстке обосновывалось принудительное отчуждение товара по ценам, установленным земскими управами и уполномоченными. П.Ф. Коропачинский нередко прибегал к реквизициям товара с понижением нормированных цен на 15 %. В первую хлебную кампанию уфимский уполномоченный таким образом изъял у торговцев дефицитные в губернии овес, пшеницу, крупу ядрицу[1].

Уфимская губерния успешно провела вторую хлебную кампанию. С 1915 г. по 1 августа 1916 г. в ней было заготовлено 24,1 млн пуд. разного хлеба[2], что составило 223 % к объему 1914–1915 гг. Для сравнения: за этот период среднегодовой рост по стране составил 164 %[3].

Третья хлебная кампания 1916–1917 гг. протекала уже в условиях истощения запасов хлеба. Продовольственный кризис царил не только в потребляющих, но и в производящих губерниях. С сентября 1916 г. в Уфимской губернии впервые резко обозначился мучной кризис. По расчетам земских управ и продовольственных органов, губерния нуждалась в ежемесячном ввозе 300 тыс. пуд. пшеничной муки. Центральное бюро по мукомолью при Особом совещании сократило эту норму до 100 тыс. и возложило поставку пшеничной муки в Уфимскую губернию на Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии. Положение усугубилось хронической задержкой железнодорожных составов в Челябинске и отказом Троицкого уезда от упомянутых поставок[4].

Ради обеспечения хлебных поставок П.Ф. Коропачинский отказался от контроля закупочных цен. Коммерсантам представлялась возможность регулировать собственный доход за счет разницы между ценой производителя и твердой ценой при сдаче зерна. Новый метод закупок земское собрание утвердило голосованием 9 августа 1916 г., несмотря на протесты отдельных гласных. Так, предводитель

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии 19 июня 1915 г. С. 40.
[2] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.
[3] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 228.
[4] ГАОО (Гос. арх. Оренбургской области). Ф. 15. Оп. 1. Д. 333. Л. 146.

дворянства Уфимского уезда К.П. Харитонов заявил об ущемлении интересов земледельцев и предоставлении простору спекуляции торговцев[1].

Кризис продовольствия заставил правительство прибегнуть к особым мерам. Постановлением Особого совещания от 9 сентября 1916 г. твердые цены были распространены и на частные сделки. Но главным новшеством стало введение хлебной повинности. 29 ноября 1916 г. министр земледелия А. Риттих подписал постановление «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». В противовес устоявшейся в отечественной историографии трактовке о чрезвычайном и жестком характере реквизиции японский исследователь К. Мацузато сделал вывод, что в конце 1916 г. правительство выбрало смягченный вариант нововведений в области заготовок продовольствия. Речь шла не о выборе между закупками и обязательной хлебной повинностью, а между сплошной реквизицией, на которой настаивало военное ведомство, и хлебной разверсткой – более привычной для крестьянских общин с распределением натуральных повинностей. Таким образом, пишет японский коллега, правительство добилось увеличения поставок без применения оружия[2]. Небольшое уточнение: на деле сельский административный аппарат нередко так осуществлял хлебную разверстку, что она мало отличалась от сплошной реквизиции хлебных запасов у крестьян.

Первоисточники показывают, что разверсточный принцип хлебных заготовок с помощью сельской администрации использовался и до этого. Его роль усилилась уже по мере осложнения ситуации с продовольствием и разрушения рыночных отношений. Сельские власти при решении болезненной проблемы вынуждены были лавировать, чтобы учесть интересы отдельных кругов и большинства сельских общин. Так, по данным, представленным волостными старшинами Златоустовской земской управе весной 1915 г., в волостях самого зажиточного уезда губернии имелись излишки хлебов для продажи. Их было, однако, немного.

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 52-й чрезвычайной сессии. С. 13–14.

[2] Мацузато К. Продразверстка А.А. Риттиха [Электронный ресурс] // Acta Slavica Iaponica. 1995. Т. 13. С. 180–181. URL: http://hdl.handle.net/2115/8082 (дата обращения: 15. 05. 2017).

Так, по спискам богатого села Устьикинское зерно на продажу имели всего 17 человек[1].

В Уфе обсуждение проблемы хлебной разверстки прошло 3 декабря 1916 г. на частном совещании при уполномоченном представителями земств, городов, кооперативов и торговцев, затем на губернском земском собрании. Противники реквизиции, среди которых были член Особого совещания по продовольственному делу, член Государственного совета А.П. Толстой, депутат Государственной думы А.П. Мельгунов, председатель Белебеевской управы В.И. Бунин, остались в меньшинстве среди заинтересованных в разверстке монополистов и чиновников. Обращает на себя внимание, что среди земских гласных только помещик В.И. Бунин олицетворял некрупного производителя, чьи доходы обеспечивал местный внутренний рынок. Отсутствие в губернском собрании гласных от мелких производителей – среднего земледельческого класса привело к тому, что Уфимское земство выделилось на фоне других как исключительно чиновничье-монополистическое. Большинство же земств в ответ на непопулярную меру просили уменьшения норм поставок, заявляли о сложении с себя ответственности и т.п.[2]

Одобрение разверстки на Уфимском губернском земском собрании прошло при поддержке левых радикалов, крайне заинтересованных в установлении контроля над хлебным фондом губернии. Еще ранее некоторые из них выступали за установление государственной монополии на хлеб на губернском Совещании по продовольствию. В марте 1916 г. во время съезда представителей ВСГ в Москве на тайном совещании революционеров с участием М.С. Урицкого и Н.И. Бухарина, а также члена Уфимского губернского комитета ВЗС, земского врача Б.М. Эльцина обсуждался вопрос о продовольственных ресурсах на местах.

---

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 766. Л. 7–35. По подворным карточкам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., в с. Устьикинское было 89 домохозяев, см.: Давлетбаев Б.С., Азаматова Г.Б. Твое шежере. Материалы государственных переписей населения Мечетлинского района Республики Башкортостан (XVIII – начало XX вв.). Уфа, 2012. С. 336–341.

[2] Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 260–263 ; Судавцов Н.Д. Земство в годы Первой мировой войны. С. 281–286.

Позже Б.М. Эльцин свидетельствовал, что «после 25 октября [1917 г.] свое обязательство о посылке хлеба в центр мы выполнили полностью»[1].

В губерниях разверстка прошла в предельно сжатые сроки. Земские учреждения и сельская администрация привлекались к ее осуществлению явочным порядком. При невыполнении уполномоченными в срок принятых обязательств предусматривались реквизиции военным ведомством, другие «необходимые меры»[2].

В соответствии с принятыми сроками губернская земская управа разверстала количество хлеба по уездам до 14 декабря, уездные по волостям – до 20 декабря, волостные сходы по селам – до 24 декабря и сельские сходы распределяли по каждому хозяйству до 31 декабря[3]. Заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на официальное включение частновладельческих хозяйств в зону разверстки, которую должны были проводить уездные земские управы, помещики хотели отгородить себя от этой обязанности.

Наряд на Уфимскую губернию, исчисленный Министерством земледелия по статистическим данным о предстоящем урожае и прежних запасах, а также по нормам потребления за июль 1916 г., составил 35 млн пуд. зерна[4]. Расчеты земских статистиков приближались к правительственным и составили около 34 млн пуд. За основание разверстки были взяты данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. и сведения добровольных корреспондентов[5]. Хлебные избытки уфимские земские статистики вычисляли по посевным группам сельских хозяев. Особенное внимание обращалось на домохозяйства с посевом от 6 до 10 дес. и выше. Дворы беспосевные и с пашней до 4 дес. исключались из разверстки. Исключался из разверстки также весь Златоустовский уезд, на территории которого было сосредоточено все оборонное производство губернии.

---

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 261. Л. 11–12.
[2] Там же. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 18. Л. 52.
[3] Там же. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.
[4] Уфимское совещание о хлебной повинности // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1916. № 32–33. С. 51–52.
[5] Хлебная повинность // Там же. 1916. № 35–36. С. 37.

Расчеты волостной администрации шли вразрез с земскими. По ним хлебные поставки должны были составить всего 13 млн пуд., а по планам земских статистиков – 17,8 млн пуд.[1] Земство обвинило сельскую администрацию в занижении данных, стремлении скрыть излишки хлеба. Некоторые земские управы через служащих и агрономов устроили проверки на местах. Но они не дали больших результатов. Отдельные волости, как, например Булекей-Кудейская, Кальтовская и Тептярская Уфимского уезда, вовсе отказались от поставок из-за недостатка продовольствия[2].

Хлебная повинность вступила в силу с 6 января 1917 г. Главными исполнительными органами при ее осуществлении стали волостные и сельские комиссии из членов волостных и сельских правлений. Уфимское уездное земство отмечало их вялую деятельность и ввело поощрительные выплаты по три четверти к. с пуда сданного хлеба волостным комиссиям, по 1 к. сельским, по четверти к. делопроизводителю волостной комиссии[3].

В результате установления жестких сроков и широкого применения административных мер (угрозы реквизиций, сбор подписок у держателей хлеба при переписях запасов и другие мероприятия) небогатое и среднее крестьянство вынужденно сдавало не только излишки, но и часть необходимого хлеба. Разверстка, в общем, держалась за счет крестьян: целенаправленная агитация помочь воюющим солдатам психологически верно действовало на сельское население. В то же время зажиточные хозяева придерживались рыночного подхода и ждали повышения цен. В Ильинской волости Белебеевского уезда бурю возмущения вызвал случай, когда часть населения сдала хлеб по низкой цене в декабре 1916 г., «сочувствуя доброму делу, жалея своих братьев и сыновей». А другая часть жителей зерно сдала только после повышения цен.

Повышение твердых цен, спешный ход разверстки, а также грубые нарушения при ее организации повышали у населения недоверие к земству. В Белебеев-

---

[1] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 20–21.
[2] Хлебная повинность в Уфимском уезде // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1917. № 3–4. С. 25–28.
[3] Там же.

ском уезде по причине отсутствия авансовых сумм доставленный хлеб не принимали, приходилось везти его обратно или сдавать по низкой цене – 1,2 р. за пуд вместо 1,4 р. Распоряжения о срочном обмолоте хлеба заменялись их отменой и пр. Многим жителям было известно также о порче хлеба при весеннем половодье 1916 г., когда по официальной версии затонуло 454 тыс. пуд. хлеба[1]. Среди крестьян усиливались сомнения в том, что собранный хлеб поступает на фронт, откуда все чаще писали о нехватке еды.

Хлебная повинность, помимо прекращения подвоза хлеба на местные рынки, дезорганизовала традиционные маршруты передвижения зерна[2]. Началась переброска заготовленного хлеба с пристаней на железнодорожные станции – Уфу, Чишмы, Давлеканово, Раевку, Шингаккуль. В период разверстки гужевым способом с пристаней и уездных складов на станции было перевезено свыше 5 млн пуд. разного хлеба. Проведение такой масштабной операции стало возможно благодаря закону «О привлечении населения к гужевым перевозкам продовольственных грузов и топлива» 3 февраля 1916 г. За доставку хлеба до пункта приема платилось по ¾ к. с пудоверсты, а если до станции или пристани, то дороже[3].

Отправка разверстанного хлеба по железной дороге представляла собой отдельную проблему. В январе 1917 г. неподача вагонов для вывоза зерна из Уфимской губернии составила 42 %. С января по март на Волго-Бугульминской дороге погрузка зерна вообще не производилась, и только угроза порчи хлеба открыла дорогу. В основном уфимский хлеб перевозился по железной дороге только до Самары и Симбирска, а оттуда снова перемещался на баржи[4].

Заготовленный в Уфимской губернии хлеб распределялся по разным потребителям. Так, наряд 16,2 млн пуд. хлеба, отправленного по водным путям с 1 августа 1916 г. по 1 августа 1917 г., выглядел следующим образом: 2 % для фронта, 83 % пересылалось уполномоченным других губерний, 14 % населению других губерний, 1 % на семена. В то же время по железной дороге было отправлено

[1] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.
[2] См., например: Недостаток хлеба на рынке // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1917. № 3–4. С. 41–42.
[3] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 17–17а.
[4] Там же. Л. 17–36.

14,3 млн пуд. зерна. Из них 69 % предназначались для нужд фронта, 18 % – для потребности самой Уфимской губернии (40 % хлебов, оставленных в крае, поступило на военные заводы, 33 % – в воинские части, 22 % – для гражданского населения, 5 % – на семена), 12 % – на продовольствие и семена другим губерниям.

Несмотря на то, что в период третьей заготовительной кампании 1916–1917 гг. страна пережила крушение монархии и вступила на путь революции, хлебная разверстка продолжалась. По отчету отдела заготовок, в Уфимской губернии третья хлебная кампания с 1 августа 1916 г. по 1 августа 1917 г. обеспечила сбор 31,5 млн пуд. хлеба. Кроме того, осталось не погруженными на пристанях и станциях свыше 2 млн пуд. зерновых запасов, неучтенных и не вывезенных примерно от 800 тыс. пуд. до 1 млн пуд. хлебов[1]. Как видно, общий объем заготовок зерна значительно превысил расчеты волостной администрации и в итоге приблизился к министерским заданиям.

Хлебная повинность не устранила роль скупщиков, на которых возлагались приемка и доставка реквизированного зерна. В продовольственных заготовках по Уфимской губернии приняли участие 128 торговых фирм и предпринимателей, с которыми были заключены договоры на приемку и переработку 22,4 млн пуд. хлеба. Разверстка позволила получить постоянно растущий приток зерна.

В 1916 г. наряду с хлебной повинностью в 35 губерниях и областях страны была введена обязательная поставка скота. В зону разверстки не входили окраины – Сибирь, Закавказье и Туркестан, а также ряд губерний из-за недостатка скота в них, Московская и Петроградская губернии как поставщики молока для столиц. Вопрос о привлечении населения к заготовкам скота с помощью земских органов Особое совещание по продовольствию рассмотрело на заседании от 6 февраля 1916 г. Общий наряд на 1916 г. по империи составил 3,5 млн голов крупного рогатого скота, или 35 млн пуд. мяса[2].

В Уфимской губернии, согласно правительственной разверстке, отчуждению подлежало 12 % всего стада, или 100 тыс. голов. В Центральном и Северо-

[1] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 18–19 об.
[2] Оськин М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопр. истории. 2010. № 3. С. 144–152.

Восточном (куда входила Уфимская губерния) районах средняя норма составляла 6 % стада, в Юго-Восточном и Доно-Кавказском – 22–24 %, в Южном – 10 %[1].

В телеграмме министра земледелия Уфимской губернской земской управе от 16 февраля 1916 г. предписывалось выработать план обязательных закупок скота, ввести твердые цены и применять реквизицию в случаях отказа населения от добровольной продажи[2]. Земские работники усомнились в возможности выполнения правительственного наряда в 100 тыс. голов. А.Д. Цюрупа приводил данные о ежегодном вывозе из губернии всего 30 тыс. пудов мяса[3], или менее 30 тыс. голов скота. Статистик М.П. Красильников по сведениям переписи 1915 г. делал вывод о возможности изъятия из местных хозяйств 70 тыс. голов скота. Эти расчеты были более реальными, ведь по данным, приведенным историком А.Н. Анфимовым, к 1916 г. количество коров в крестьянских хозяйствах Уфимской губернии уже сократилось по сравнению с довоенным временем на 13,7 %[4].

Для управления заготовками скота в продовольственной системе возникли новые параллельные структуры наподобие органов по хлебозаготовкам. Одной из них было губернское Совещание по заготовке скота для армии под руководством уполномоченного, члена губернской земской управы Г.М. Курковского. На базе земских управ ему подчинялись особые подразделения – уездные совещания и исполнительные комитеты, отделы заготовки скота и мяса, а на уровне сельской администрации – волостные и сельские реквизиционные комиссии. Все эти организации постепенно становились самостоятельными за счет штатов постоянных должностей и зарплат из сумм государственных авансов на закупку скота, прямой связи с Министерством земледелия. По решению Бирского совещания земских гласных постоянные работники уездной и волостных комиссий получали зарплату и командировочные из средств Министерства земледелия, временным сотруд-

[1] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4.
[2] Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 44 чрезвычайной сессии 1916 г. С. 12–13.
[3] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 265. Л. 23 об.
[4] Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 238.

никам оплачивались суточные[1]. Земские собрания играли роль проводников чрезвычайных акций правительства – избирали губернских и уездных уполномоченных по заготовке скота, членов исполнительных комитетов, утверждали цены на скот и пр.

В заготовительной политике Уфимского губернского земства обозначились две линии – административная и земская. Сторонники первой, в их числе губернатор, председатель губернской земской управы П.Ф. Коропачинский и левые радикалы во главе с гласным В.А. Кугушевым, выступали за чрезвычайные меры, включая контроль торговли и запрет вывоза скота и мяса. Земского подхода придерживались член управы А.Г. Георгиевский, служащий А.Д. Цюрупа, земский ветеринар Ш.Х. Еникеев и члены уездных земских управ. По их мнению, разверстка скота местными самоуправлениями должна была смягчить ее негативные последствия, сохранить частную торговлю и рыночные цены.

Большинство российских земств рассматривало передачу им права контроля над вывозом скота и мясопродуктов как необходимое условие заготовок. Правительство же, в свою очередь, было заинтересовано в сохранении свободы передвижения мяса и других продуктов животноводства предотвращения продовольственного кризиса в тылу, прежде всего в столичных городах. Не случайно, по постановлению съезда по продовольствию, которое было организовано Министерством земледелия 4–8 мая 1916 г., не допускалась монополия земств на вывоз скота и продуктов его убоя. Решение съезда обязало органы местного самоуправления разрешить передвижение скота за пределы своих губерний по отдельным требованиям отдельных официальных учреждений и лиц.

Заготовка скота в Уфимской губернии началась 5 апреля 1916 г. При этом губернская земская управа снизила цены на скот до 5,3 р. за пуд, в то время как рекомендуемая правительством цена равнялась 6,3 р. за пуд[2]. Не подлежал изъя-

---

[1] Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовке скота и мяса для действующих армий. Созыв 1. 23–25 апреля 1916 г. Уфа, 1916. С. 44 ; Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовкам скота и мяса для действующих армий. Созыв III-й 10–11 июля 1916 года. Уфа, 1916. С. 10.

[2] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2650. Л. 191–191 об.

тию породистый, а также молочный скот, обеспечивавший потребности населения г. Уфы. Реквизиция не распространялась на хозяйства, где имелось не более двух коров. Земские собрания неоднократно поднимали вопрос о равномерном распространении новой продуктовой повинности. Но крупные скотовладельцы всячески уклонялись от нее, они ссылались на льготы, распространяемые на породистый скот.

Уездные земства пытались, применяя разные подходы, стимулировать добровольную продажу населением скота под угрозой реквизиции. В Мензелинском уезде работало, например, 9 районных уполномоченных и избранные сходами волостные комиссии. Там была введена редкая и единственная в губернии практика оплаты за каждый фунт живого веса сданного скота. Наиболее щадящие методы изъятия скота и приверженность принципам местного самоуправления продемонстрировало Златоустовское земство. Специальные совещания здесь не создавались, вопросы решались открыто на самом земском собрании. Было образовано 32 волостные комиссии, которые по особой форме провели перепись местных хозяйств. Она зафиксировала сокращение голов крупного рогатого скота в уезде на 36,2 %, мелкого на 3 % по сравнению с переписью 1913 г. Представители Златоустовского уезда подчеркивали, что выполнение наряда на поставку скота возможно только на 44 %[1].

В Белебеевском уезде сначала скупался скот у хозяйств, расположенных вдоль железной дороги. Затем на добровольную продажу попытались склонить и других хозяев. И лишь после этого начали реквизицию. Сходная политика применялась в Уфимском уезде. В Стерлитамакском уезде до добровольной продажи скота дело не дошло. Там агенты и сельская администрация сразу начали вести спешную реквизицию по спискам волостных правлений. Бирский исполнительный комитет по закупкам, опасаясь спекуляции, также отказался от практики добровольных продаж и ввел реквизицию. По сведениям о заготовках в Базановской

[1] Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовке скота и мяса для действующих армий. Созыв II-й 2–3 июня 1916 года. Уфа, 1916. С. 15.

и Макаровской волостях, добровольно было продано всего 6 % скота, или 79 голов из 1242[1].

Тяжелые хозяйственные последствия принудительных заготовок скота и мяса были отмечены на чрезвычайном губернском земском собрании в январе 1917 г. У крестьян сокращалось не только поголовье животных. Они лишались буквально орудий производства и главных источников питания семьи[2]. В земские управы поступали многочисленные жалобы населения. Реквизиция сопровождалась утаиванием скота. Чтобы прибавить вес, хозяева кормили и даже купали животных перед взвешиванием, тайком доили коров на сгонных пунктах по ночам.

Организация передвижения скота от селения к селению и в районные пункты возлагалась на самих жителей. По пути к железной дороге земства арендовали выгоны и карды. Но последние не были приспособлены к проведению подобных мероприятий, земские ветеринары фиксировали на них множество больных и увечных домашних животных. Так, в Покровской карде в имении Дурасова Стерлитамакского уезда было настолько грязно, что скот приходилось вытаскивать из грязи на вожжах. При очередной проверке из 750 значившихся голов налицо оказалось 650, а годных к отправке всего 400. На Кузнецовской карде из 400 имевшихся к отправке было годно лишь 150 голов. На карде при станции Сулея Златоустовского уезда увязшую в грязи корову вытаскивали 12 поденщиков[3].

Вывоз огромного количества скота существенно осложняло и без того острую транспортную проблему. В 1916 г. на Уфимскую губернию вместо 350 было подано всего 280 поездов[4]. Поэтому с лета 1916 г. была организована перевозка крупного рогатого скота по водному пути на баржах. В августе – сентябре, например, из Мензелинского уезда был отправлен один караван (1 313 голов), а из Бирского – четыре каравана (7 тыс. голов)[5].

---

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2651. Л. 157.
[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 42-й очередной сессии. Уфа, 1917. С. 163.
[3] Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовкам скота и мяса для действующих армий. Созыв IV-й 11–12 сентября 1916 года. Уфа, 1916. С. 7.
[4] Журналы Уфимского губернского земского собрания 42-й очередной сессии. С. 165.
[5] Там же. С. 5–6.

Путем невероятного напряжения всех сил и ресурсов наряд поставок был даже перевыполнен. В итоге реквизиций в Уфимской губернии было заготовлено 104,5 тыс. вместо 100 тыс. голов скота Часть из них шла на обеспечение питанием местных гарнизонов, рабочих и служащих заводов и учреждений оборонного значения. Например, в г. Белебее на продовольствие воинского полка ежедневно отпускалось 5–10 голов скота. Таким образом, с мая по сентябрь там было израсходовано 823 головы[1].

На 1917 г. правительственные наряды на поставку мяса увеличились по всей стране и достигли 6 956 682 головы крупного рогатого скота, или 48 696 774 пуд. мяса. Планировалось расширение территории заготовок. В частности, предполагалось приобрести 5,7 млн пуд. мяса в Сибири, Монголии, Туркестане и Закавказье. Судя по записке отдела Заготовок продовольствия и фуража для армий Министерства земледелия, прогнозы чиновников были оптимистичными. Они базировались на «весьма утешительных» результатах сельскохозяйственной переписи 1916 г., хотя с начала войны страна потеряла около 10 млн голов скота[2].

Если мясная повинность на 1916 г. учитывала только потребности армии, то наряды на 1917 г. учитывали уже и потребности тыла, в том числе учреждений Земгора, Красного Креста, работников железной дороги и оборонных учреждений, жителей столиц. Поэтому количество запланированного к заготовке мяса возросло до 82,2 млн пуд. Для Москвы, Петрограда и губернских городов норма мяса составляла 0,25 фунта в день (100 гр.) на человека. Отметим, что при этом расчеты чиновников не учитывали потребности уездных городов и сельской местности. В документах упоминались их возможности самообеспечения продовольствием и непритязательность в питании. «…Мясо едва ли может считаться основным продуктом питания деревни», – говорилось в записке отдела заготовок продовольствия и фуража для армий Министерства земледелия[3].

Повышенные установки Министерства земледелия не нашли понимания у уфимских земств. В январе 1917 г. губернское земское собрание приняло поста-

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2650. Л. 397–399.
[2] Там же. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–30.
[3] Там же. Л. 13.

новление о невыполнимости наряда, спущенного на губернию в количестве 213 тыс. голов скота[1]. В собрании влиятельная группировка гласных, выступившая также против хлебной разверстки, резко высказалась против завышенных и неверно рассчитанных, по их мнению, нарядов на поставку мяса. При этом А.П. Толстой выступил и против возложенной на земства в 1917 г. обязанности реквизировать у населения 10 тыс. верховых лошадей для армии по приказу Главного штаба[2].

Из-за растущего недовольства населения в Уфимском уездном земстве обоснованно поднимался вопрос о мерах борьбы с «надвигающимся бедствием» из-за истребления скота и низких закупочных цен на хлеб. Крестьянин И.К. Горбунов, ссылаясь на убытки при сбыте хлеба, предвосхищал прекращение его производства и пророчески предупреждал, что насильственное изъятие продуктов питания вызовет невиданную бурю в деревне. «Каждая баба будет старостихой Василисой», – сказал он в своем выступлении[3].

Несмотря на все проблемы с закупками и транспортировкой скота, мясная кампания 1917 г. осуществлялась вплоть до осени. Постановлениями от 9 апреля и 21 июня 1917 г. Министерство продовольствия все же вынуждено было снизить свои планы по заготовке мяса с 76,5 млн пуд. до 64,4 млн пуд. в год[4]. Для Уфимской губернии наряд на заготовки мяса заготовки уменьшился с 2,1 до 1,8 млн пуд.[5]

По сообщениям с мест, пригодных к дальним перевозкам домашних животных было мало. Население отказывалось приводить скот из-за низких закупочных цен. В июне 1917 г. из Уфимской губернии было отправлено для армии, железнодорожных служащих и населения столиц около 8 тыс. голов скота на 22 поездах[6].

---

[1] Журналы Уфимского губернского земского собрания 42-й очередной сессии. С. 166.
[2] Там же. С. 130, 162.
[3] Там же. С. 71.
[4] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2652. Л. 325–327 ; Оськин М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. С. 144–152.
[5] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2652. Л. 327.
[6] Там же. Л. 214.

В августе того же года нормы ежемесячных поставок мяса из губернии составили 119 450 пуд., или 14 931 голова скота[1].

Крупные правительственные мероприятия поддерживали на местах руководители продовольственного дела, городские самоуправления во главе с городскими головами, заинтересованными в гарантированном притоке для горожан недорогих продуктов. Большое влияние на продовольственную политику в Уфимской губернии оказывали революционеры. Так, В.А. Кугушев, как гласный губернского земского собрания, решительно защищал все непопулярные среди населения меры по реквизиции продуктов питания. Служащий Уфимской губернской земской управы А.Д. Цюрупа и общественные представители продовольственных структур А.И. Свидерский, А.Н. Полидоров проводили аналогичную линию на Губернском совещании по продовольствию.

Через влиятельные органы продовольственного снабжения радикальные круги серьезно влияли на ведущих руководителей местного самоуправления, в частности, на председателя Уфимской губернской земской управы П.Ф. Коропачинского. Его симпатии к социал-демократам свидетельствовали о смене им своих политических взглядов. Полевение известного земского деятеля края было логическим следствием его соглашательских действий с оппозиционерами во имя борьбы за смену правительства. Реальной оценкой положения населения и выработкой обоснованных планов выхода из общенационального кризиса занималась немногочисленная группа земских гласных, в числе которых были известные либералы А.П. и П.П. Толстые, А.П. Мельгунов и К.П. Харитонов. Однако они не имели серьезного влияния на ход событий.

Создание на базе земских учреждений органов продовольственного снабжения армии и тыла существенно усилило их значение как административно-государственных органов. Разветвленная система продовольственных заготовок вызвала огосударствление земского исполнительного и торгово-закупочного аппарата, который не вписывался в экономические механизмы свободного и независимого рынка. Продовольственную политику Уфимского губернского земства от-

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2652. Л. 329.

личал крайний авторитаризм в отличие от деятельности уездных земских управ, отстаивающих интересы сельских производителей-налогоплательщиков, а не скупщиков. В итоге, в ходе продовольственных заготовок органы земского самоуправления были противопоставлены сельскому населению. Они своими прогосударственными действиями создавали дополнительные основания для недовольства граждан местной властью, включая сельское административное управление.

§ 3. Земства в Революции 1917 г.

К концу 1916 г. тяжелый продовольственный и финансовый кризис, вызванный Первой мировой войной, охватил всю страну. Власть оказалась бессильной в решении острейших проблем, связанных с нехваткой продовольствия, небывалой инфляцией, ростом налогов. Падение монархии Романовых в феврале 1917 г. было воспринято всеми слоями российского общества как закономерная развязка назревших противоречий.

Временное правительство под руководством бывшего председателя Земгора Г.Е. Львова в качестве своей главной опоры на местах рассматривало земства, при которых сложилась система снабжения жизненно необходимыми средствами армии и тыла. Поэтому ближайшими задачами Временного правительства стали реорганизация продовольственного дела и реформирование земских учреждений на основе всеобщих и равных выборов. Вокруг решения этих проблем строилась организационно-политическая деятельность земств на протяжении всей Революции 1917 г.

8 марта 1917 г. председатель Уфимской губернской управы П.Ф. Коропачинский был принят на должность комиссара Временного правительства, которая по телеграфному распоряжению Г.Е. Львова от 5 марта 1917 г. заменила должность губернатора. Еще раньше в Уфе оформились революционно-демократические органы – Комитет общественных организаций, Комитет общественной безопасности и Совет рабочих и солдатских депутатов. Их состав дублировался и включал гласных и служащих городского и земского самоуправления,

представителей городских продовольственных органов, рабочих организаций. Так, возникший 2 марта 1917 г. Комитет общественных организаций под председательством меньшевика И.А. Ахтямова, а затем городского головы И.А. Верниковского первоначально состоял из семи представителей от рабочих и интеллигенции[1]. Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов был избран в ночь с 5 на 6 марта после получения телеграммы об образовании аналогичного Совета в Петрограде[2]. Председателем Уфимского Совета избрали В.П. Гиневского[3], служебная карьера которого была связана с Уфимской уездной земской управой и губернским Комитетом по снабжению армии. Комитет и Советы взяли под свой контроль телеграфную связь, полицию, местные военные части и продовольственные органы.

В уездах наряду с уездными комиссариатами Временного правительства возникли революционные организации. В г. Златоусте, например, революционными органами стали Совет рабочих и солдатских депутатов, Комитет общественных организаций и крестьянский съезд[4]. В г. Белебее вокруг членов городского самоуправления сложился комитет «Народной воли». Его члены арестовали сначала начальника местной почтово-телеграфной конторы А.С. Николаева, а позже взяли под стражу городского голову и председателя земской управы В.И. Бунина[5]. По решению чрезвычайного Белебеевского уездного земского собрания был переизбран цензовый состав управы[6]. В Мензелинском уезде председатель земской управы Н.В. Катанский, занявший пост уездного комиссара, очень скоро был смещен[7].

10 марта 1917 г. состоялось заседание 54-го чрезвычайного Уфимского губернского земского собрания. Его открыл председатель управы П.Ф. Коро-

---

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 124. Л. 4 ; Д. 261. Л. 11.
[2] Там же. Д. 411. Л. 2.
[3] Казанчиев А.Д. Виктор Петрович Гиневский // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – начало XX вв.) : персонально-биографический аспект. Уфа, 2013. С. 63–69. Примечательно, что отец В.П. Гиневского, П.Ф. Гиневский, известный земец и городской голова, был твердым последователем официальной правительственной линии.
[4] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 787. Л. 3–6 ; Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917. 2 апр.
[5] НА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.
[6] Там же. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 39. Л. 14–45.
[7] Роднов М.И. Февральская революция 1917 г. // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. 2. С. 221.

пачинский в качестве губернского комиссара Временного правительства. В его речи старая власть обвинялась в подавлении свободы общественной инициативы, внутренней дезорганизации страны и армии. Губернский комиссар приветствовал «новую свободную Россию» и призвал к полному согласию и объединению революционных сил. Он подчеркнул: «…При разъединении нам грозит двойная опасность: со стороны внешнего врага и со стороны приспешников старой власти». Земства, по его мнению, должны были «приложить все свои силы к организации страны в интересах боевого и пищевого продовольствия армии и для устранения продовольственной катастрофы внутри страны»[1].

Уфимская губернская земская управа больше тяготела к революционным настроениям. По ее предложению ряды гласных пополнили члены президиума Губернского комитета общественных организаций. В день открытия губернского собрания служащие управы в честь жертв революции спели «Вечную память» и похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Управа также предложила проект телеграммы, в которой приветствовались «армия и флот, слившиеся с народом в преданности общему делу, исполнительный комитет Государственной думы и Совет рабочих депутатов, вырвавших власть из рук врагов народа», который был принят собранием[2].

На собрании сложившаяся модель местной коалиционной власти получила легитимность. На нем губернского комиссара приветствовал представитель Комитета общественных организаций, а посланник Военного комитета Уфимского гарнизона принял торжественную присягу власти. Собрание в свою очередь выделило средства на содержание Комитета общественных организаций и предложило скорее сформировать уездные и сельские структуры управления – волостные комиссариаты, исполкомы и органы продовольствия[3]. О необходимости формирования губернского продовольственного комитета, уездных, волостных и город-

[1] Журналы 54-го чрезвычайного Уфимского Губернского Земского Собрания // Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 53, 54 и 55 чрезвычайных сессий (3 дек. 1916 г., 10 марта и 17 июля 1917 г). (С приложением докладов управы). Уфа, 1917. С. 2.
[2] Там же. С. 3.
[3] Там же. С. 3–12.

ских комитетов на широких демократических началах телеграфировал в уезды губернский комиссар еще 7 марта 1917 г.[1]

Борьба вокруг продовольственных органов вызывала особую напряженность, как в центре, так и на местах. Сразу после крушения монархии в Феврале 1917 г. при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов возникла Продовольственная комиссия. Временное правительство и его органы на местах приступили к созданию управляемого ими продовольственного аппарата. 5 марта 1917 г. была упразднена Продовольственная комиссия Петросовета, ее функции перешли к Продовольственному комитету, созданному при министре земледелия А.И. Шингареве.

Дальнейшие мероприятия на рынке продовольствия определили постановления Временного правительства «О передаче хлеба в распоряжение государства» и «Временное положение о местных продовольственных органах» от 25 марта 1917 г. Согласно им, государственная монополия распространялась на весь хлеб, который, за исключением продовольственных и семенных запасов, изымался в пользу государства[2].

В итоге, система продовольственного снабжения армии и тыла была кардинально децентрализована. Наряду с губернскими и уездными органами заготовок зерна Временное правительство пошло на создание волостных продовольственных комитетов и управ, рассматривая их как гарантов обеспечения хлебной монополии. Как было обозначено во «Временном положении о местных продовольственных органах» от 25 марта 1917 г., эти учреждения действовали «до образования местных органов на правильных демократических основах».

Весной и летом 1917 г. Временным правительством были приняты законы по реорганизации земских учреждений. Так, 21 мая появились положения «О волостном земском управлении» и «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных». 9 июня увидели свет распоряжения, корректирующие Положе-

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 850. Л. 38.

[2] Постановление Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции : документы и материалы : в 3 ч. / под ред. А.Л. Сидорова. М. ; Л., 1957. Ч. 2. С. 327–329.

ние о земских учреждениях 1890 г. «впредь до издания нового о них Положения». И наконец, 11 и 17 июня были утверждены Наказы о выборах волостных, уездных и губернских земских гласных[1].

Новые власти отводили реформированному земству большую роль в обновленном государственном строе. С целью как-то спасти цензовые основы земств и городских дум, Особое совещание при правительстве в составе восьми комиссий при участии известных деятелей местного самоуправления, ученых и государственных деятелей (Н.Н. Авинов, Б.Б. Веселовский, С.Д. Урусов, В.М. Гессен, Н.И Лазаревский, В.И. Чарнолусский, В.Ф. Караваев и др.) спешно начало разрабатывать концепцию реформ местного самоуправления, которая была рассчитана на переходный период, до созыва Учредительного собрания[2].

Первые попытки захвата административного управления общественными организациями были предприняты еще до февральских событий. В январе 1917 г. члены Уфимской городской Продовольственной комиссии большевики Б.М. Эльцин и М. Плотников добились от Городской думы создания собственного печатного органа под названием «Известия продовольственной комиссии»[3]. Комитет общественных организаций после февраля хотел наладить собственную систему подвоза продовольствия из деревни. 6 марта 1917 г. он от имени инспекции мелкого кредита опубликовал обращение к сельскохозяйственным кооператорам с

---

[1] О волостном земском управлении от 21 мая 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 30 мая 1917. № 122. Ст. 655. С. 1041–1060 ; О производстве выборов губернских и уездных земских гласных от 21 мая 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства… Отдел I. 14 июня 1917. № 137. Ст. 730. С. 1167–1177 ; Об утверждении Наказа «О производстве выборов волостных земских гласных» от 11 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства… Отдел I. 28 июня 1917. № 148. Ст. 827. С. 1346–1353 ; Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения от 9 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства… Отдел I. 8 июля 1917. № 157. Ст. 870. С. 1455–1470 ; Об утверждении Наказа уездным земским учреждениям «О применении Временных правил о производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 17 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства… Отдел I. 2 августа 1917. № 179. Ст. 991. С. 1773–1784.

[2] Законодательная хроника // Земское дело. 1917. № 8. С. 345–346 ; Мамаев А.В. Демократизация городского самоуправления в 1917 г. : Законодательство Временного правительства в муниципальной сфере // Современная наука : Актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 3–9.

[3] В городской продовольственной комиссии // Уфимский вестник. 1917. 14 янв. ; Наваждение // Там же. 28 янв.

призывом объединиться в продовольственную организацию на новых началах[1]. В Уфимском уездном земстве, в котором левые радикалы выступали наиболее активно, были попытки создания независимого уездного органа продовольствия[2]. Однако такие разрозненные попытки революционных групп самим возглавить продовольственную систему ни к чему не привели. До осени 1917 г. руководство продовольственными поставками сохранилось за земствами. Их управы возглавили формирование нового заготовительно-распределительного аппарата продовольствия на губернском, уездном и волостном уровнях. При этом создание волостных комитетов явилось, по существу, институциональным оформлением новой власти в сельской местности, без акцента на их продовольственные функции.

7 и 8 марта Уфимское уездное земство провело в помещении губернской земской управы первый уездный съезд крестьян и кооперативов. Его участники получили инструкции – наказ об избрании временных волостных комитетов организации приемки и продажи хлебных продуктов в деревнях, выборе представителей от каждой волости для организации уездного Совета крестьянских депутатов[3]. По проекту уездного земства организационная структура волостных комитетов состояла из собраний, исполнительных комиссий, волостных управ и ее особо уполномоченных комиссаров, а также комиссаров по заготовкам для армии, которые подчинялись уездному комиссару[4]. Уездный комитет общественных организаций выбирался из представителей волостей, заводов, городов и земства в количестве 120 человек. Его возглавил заведующий отделом народного образования уездной земской управы большевик С.Д. Стержнев. Председателем собрания уездного комитета стал меньшевик И.А. Ахтямов, а секретарем – секретарь Уфимской уездной земской управы И.Р. Тарнопольский.

В Златоустовском уезде, согласно инструкции уездной земской управы от 10 марта 1917 г., были избраны волостные комиссары и волостная милиция. По разработанному ею «Положению о волостном комитете» предусматривалось так-

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 232. Л. 1–1 об.
[2] Там же. Д. 230. Л. 3–3 об.
[3] Там же. Д. 227. Л. 1–1 об.
[4] Там же. Д. 226. Л. 1–1 об.

же сохранение прежней администрации – волостных старшин, сельской полиции, земских начальников[1]. Распоряжение уездного комиссара, председателя земской управы И.С. Аистова от 12 марта предписывало формировать на сходах волостные комитеты в составе от пяти до девяти человек[2]. Он сообщал губернскому комиссару о создании комитетов в 26 волостях из 32 имевшихся в уезде, об избрании представителями в Уфимский губернский продовольственный комитет крестьянина Ф.Я. Попова, уездного агронома В.П. Селезнева и двух представителей от земства[3].

На сельских сходах царила неопределенность политических пристрастий. В некоторых районах, наряду с постановлениями об упразднении волостного управления, оставляли прежнее начальство. Так, в с. Устьикинское Ярославской волости Златоустовского уезда письмоводство по волостному исполнительному комитету возложили на бывшего писаря Скачкова[4]. Волостное собрание в с. Асанова одноименной волости Бирского уезда приветствовало новый строй, высказалось за республиканскую форму правления, решило отстранить земских начальников и поставить памятник борцу за свободу, председателю первой Государственной думы С.А. Муромцеву[5].

Схожие настроения преобладали в мусульманской деревне. Так, 13 марта 1917 г. жители Бишаул-Унгаровской волости Уфимского уезда на своем сходе потребовали введения справедливых сборов, облегчения реквизиции крупного рогатого скота, отчуждения ведомственных и частновладельческих земель, равного образования для всех национальностей, предоставления мусульманскому духовенству одинаковых прав с православным, свободу веры[6]. На посты в новой администрации привлекались муллы. К примеру, председателем Кизганбашевского волостного совета в Бирском уезде стал имам Х.Р. Мухамедов.

---

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 787. Л. 1.
[2] Там же. Д. 863. Л. 5–8.
[3] Областной отдел. Златоустовский у. // Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917. 2 апр.
[4] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 787. Л. 3–6.
[5] Областной отдел. Бирский у. // Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917. 2 апр.
[6] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 235. Л. 1–1 об.

Необходимо отметить, что в обстановке распада власти крестьянское самоуправление оставалось прочным регулятором хозяйственно-бытовой жизни населения. Приговоры сходов свидетельствовали, что полной дезорганизации в деревне не было. Так, на сходе в д. Яушева Дуван-Мечетлинской волости Златоустовского уезда жители вынесли постановление о противопожарных мерах и ремонте дорог: за курение на улице и в пожароопасных местах предусматривался штраф, запрещалась продажа табака в мусульманских селениях, исправление дорог возлагалось на жителей отдельных селений и пр. На сходе крестьяне Ярославской волости того же уезда рассматривали такие обыденные вопросы, как потрава скотом хлебов, ликвидация «частных ворот» Крючковатого выселка, противопожарные меры, составление сметы на жалование волостного комитета, снятие опеки с достигших совершеннолетия наследников Е. Петрова, отвод усадебного места И.В. Худякову и др.[1] В марте-апреле 1917 г. множество хозяйственно-бытовых вопросов выносилось и на рассмотрение крестьянских революционных съездов в с. Месягутово того же уезда.

Продовольственные органы – комитеты и управы имели демократический, но неустойчивый состав. На состоявшемся 16 апреля 1917 г. организационном собрании губернского продкомитета главные должности поделили центристы и большевики. Председателем комитета с правом решающего голоса и уполномоченным Министерства земледелия по закупкам продовольствия стал земец, экс-депутат IV Государственной думы кадет А.П. Мельгунов, товарищем председателя – большевик А.Д. Цюрупа, который возглавил также губернскую продуправу. Членами последней стали А.М. Курковский, М.П. Красильников, И.М. Дудник, В.П. Селезнев. 30 апреля в Уфе был образован городской продкомитет под руководством большевика Н.П. Брюханова.

Уездные продовольственные органы были менее проземскими. Волостные продкомитеты и управы быстрее всего оформились под влиянием эсеров и большевиков в хлебопотребляющих районах и заводских центрах[2].

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 787. Л. 3–38.
[2] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 411. Л. 2.

Особенно демократический состав членов имел Златоустовский уездный продовольственный комитет в составе девяти человек. В Продовольственную управу вошли уволенные в отпуск солдаты И. Климов, В.И. Завьялов и М.Н. Мокроусов, являвшийся также членом исполкома Совета крестьянских депутатов[1]. В уезде под давлением крестьянского движения оформился новый административный центр в с. Месягутово. Он противопоставлялся г. Златоусту, который традиционно ориентировался на нужды горнозаводских районов. В апреле 1917 г. по постановлению второго крестьянского съезда в с. Месягутово были перенесены все официальные продовольственные органы[2]. Такие действия показывали, что население взялось самостоятельно решать назревшие хозяйственные, продовольственные, а также землеустроительные проблемы, открывать ремонтные мастерские, обеспечивать посевные работы. В апреле 1917 г. в противовес крестьянскому съезду революционеры создали в г. Златоусте партию социалистов-революционеров для пропаганды среди населения социалистических идей[3].

Особые полномочия продовольственных управ в области контроля частного рынка, реквизиции и учета продуктовых запасов превратили их в чрезвычайные революционные органы. По постановлению правительства от 19 мая 1917 г. прежнее централизованное финансирование земских расходов на продовольственные закупки через Министерство земледелия заменялось субсидированием губернских продуправ из местных казначейств, которые в свою очередь финансировали уездные и городские продовольственные управы[4].

Борьба за управление продовольственным делом часто приводила к смещению ставленников Временного правительства. Согласно исследованию Г.А. Герасименко, весной 1917 г. около 60 % губернских комиссаров утратили свои посты[5]. Без сомнения, «антиземская волна» была вызвана реакцией населе-

---

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 784. Л. 6.
[2] Там же. Д. 777. Л. 26–26 об.
[3] Из жизни партий // Известия Златоустовского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 апр.
[4] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 7. Л. 46 об.
[5] Герасименко Г.А. Судьба земств в ходе революционных событий 1917 года // Земское самоуправление в России. Кн. 2. С. 320.

ния на продовольственную проблему, которое раздражали декларативные лозунги Временного правительства и органов местного самоуправления, затягивание ими решений насущных задач. После февраля Уфимское губернское земство, например, не смогло осуществить ни одной меры по улучшению ситуации. В листовке-обращении к «гражданам земледельцам» оно обвиняло «безумный старый порядок» в расточении народного достояния и давало малосбыточные обещания обеспечить своевременный посев, снабдить крестьянские хозяйства всеми необходимыми предметами и орудиями[1].

В мае 1917 г. Уфимский губернский комиссар Временного правительства П.Ф. Коропачинский был устранен от должности. На его место претендовали члены уфимского Комитета общественных организаций и исполкома уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов И.А. Ахтямов и А.И. Верниковский, помощник комиссара В.Ф. Герасимов. В июне последний и занял этот пост[2].

Новый комиссар тесно сотрудничал с уфимским Советом рабочих и солдатских депутатов. Ими совместно были намечены шаги по реформе продовольственного управления. Так, представители Совета рабочих и солдатских депутатов, крестьянского союза и интеллигенции пытались через губернскую продуправу организовать помощь крестьянским хозяйствам. Как докладывал на совещании 21–22 мая 1917 г. член А.М. Дудник, проблемы дефицита орудий сельского хозяйства и необходимости их ремонта могли быть решены на производственной базе местных заводов. Поэтому члены совещания решили создать при управе орган по контролю над производственной деятельностью металлургических заводов.

Постепенно круг участников продовольственного дела расширялся. В июне 1917 г. на третьей сессии губернского продовольственного комитета было создано губернское продовольственное совещание из представителей союза торговли и промышленности Уфимского края, губернского земства, кредитной кооперации, губернского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депу-

[1] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 230. Л. 6.
[2] Уфимская хроника // Вперед! 1917. 30 мая ; НА РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 27. Л. 30.

татов[1]. По-прежнему главной задачей местных, уже новых властей оставалось обеспечение хлебных заготовок.

В целом система продовольственных органов в крае работала достаточно эффективно, о чем свидетельствовало выполнение ими заданий по заготовке хлеба и мяса. Так, в отчете о хлебной кампании 1917 г. заведующего заготовкой хлеба В.Н. Малькова, бывшего скупщика губернской земской управы, отмечалось, что Уфимская губерния по «количеству и качеству заготовленного хлеба, а также по исполнению данных ей нарядов занимала одно из первых мест в России»[2].

Всего за третью хлебную кампанию 1916–1917 гг. в Уфимской губернии было заготовлено 30 млн пуд. зерна. Кроме того, на местных пристанях, станциях и складах размещалось около 3,5 млн пуд. хлеба. До мая 1917 г. размеры еженедельных поставок по губернии не опускались ниже 240–250 тыс. пуд. ржи, овса и др. В начале июня удалось добиться максимальных поставок в количестве 440 тыс. пуд. зерна, после чего объемы заготовок стали падать[3].

Хлебные реквизиции коснулись в первую очередь крестьян середняков, привыкших сдавать хлеб по первому требованию властей. Как правило, из-за отсутствия средств в местных казначействах за поставленный хлеб население денег не получало. Только в Бирском уезде долг по оплате поставленного крестьянами хлеба составлял более 1 млн рублей.[4]

Продолжительная война и чрезвычайные поставки хлеба для армии значительно увеличили число бедных семей. В Уфимской губернии экономический упадок зафиксировали подворные переписи 1915, 1916 и 1917 г., предпринятые с целью определения продовольственных «излишков» у крестьян[5]. В годы войны

---

[1] Новые руководящие органы по заготовке хлеба // Вперед! 1917. 17 июня.
[2] НА РБ. Ф. И-421. Оп. 1. Д. 11. Л. 20 об.
[3] Там же. Л. 17–29.
[4] Журналы Бирского уездного земского собрания. [Б. м.], 1917. С. 55.
[5] Брагин А.М. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 года). Уфа, 1916. Подворные карточки переписи 1917 г. по Мензелинскому уезду не сохранились. По остальным уездам Уфимской губернии см.: Роднов М.И., Дудина О.И. Крестьянство Уфимской губернии в 1917 году : Белебеевский уезд // Башкирский край. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 74–129 ; Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997 ; Его же. Крестьянство Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997 ;

существенно снизились показатели урожайности хлеба. В 1912 г. в Уфимской губернии валовой сбор зерна составил 100,7 тыс. пуд., в 1917 г. – всего 70,6 тыс. пуд., то есть почти на треть (29,9 %) меньше[1].

Всероссийский съезд по продовольствию, состоявшийся в мае 1917 г., констатировал наступившую в стране экономическую разруху. О неразрешимых трудностях выполнения хлебных поставок свидетельствовали доклады делегатов съезда, которые настойчиво призывали к ослаблению хлебной монополии[2]. Уездные продовольственные комитеты констатировали острую нужду населения в товарах первой необходимости: чае, табаке, соли, керосине, железе, шпагате и др. В 1917 г. продукты питания подорожали вдвое по сравнению с 1916 г., а по сравнению с началом войны – в 3–16 раз[3].

Оборотной стороной закона о хлебной монополии стало развитие так называемого мешочничества, или нелегального хлебного рынка[4]. В определенной степени движение мешочничества возникло под влиянием правительственной системы заготовок и с участием ее представителей. Уполномоченные столиц и потребляющих хлеб губерний, а позднее агенты продовольственных учреждений приобретали хлеб повсеместно и вывозили его, обходя жесткие запреты. В результате порождалось стихийное снабжение, которое не оставляло шансов правительственным заготовкам. Так, осенью 1917 г. в д. Рухтина Златоустовского уезда частные торговцы закупили 850 пуд. хлеба по расценкам вдвое дороже твердых цен[5]. Современники так описывали добычу хлеба: «В своей губернии ходоки и в одиночку и толпами, угрожая жизни работникам продовольственных организаций, раздобывают себе удостоверение на право закупки, с которым являются в производящие деревни, привозя в деревню мануфактуру, самогонку и деньги;

Роднов М.И.. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002 ; Его же. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010.

[1] Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа, 1923. С. 90.

[2] К борьбе с продовольственным кризисом // Вперед! 1918. 19 мая.

[3] Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 53, 54 и 55 чрезвычайных сессий (3 декабря 1916 г., 10 марта и 17 июля 1917 г). С. 67.

[4] См.: Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: мешочники. СПб., 2002.

[5] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 787. Л. 32.

…крупные партии ходоков подвозят его [хлеб] к станциям, захватывают порожник, приготовленный для плановых перевозок; если же… на станциях порожника не имеется, а есть вагоны груженые, их ходоки разгружают, ни с чем не считаясь, сокрушая на пути к достижению своих целей все препятствия – были случаи убийства солдат охраны, кондукторов, избиения начальников станций…»[1].

Кроме нарядов на хлеб, из Петрограда на места поступали требования срочных поставок скота. Согласно разверстке, ежемесячная норма поставок для Уфимской губернии составляла около 15 тыс. голов скота, или 119,5 тыс. пуд. мяса. Сверх того требовалось снабжение мясопродуктами местного городского населения[2]. Выполнить такие задания было крайне сложно, особенно при сохранении твердых цен на мясо. Еще в январе 1917 г. земский ветеринар А. Ксенжопольский телеграфировал в «отдел заготсель» Министерства земледелия о необходимости повышения закупочных цен и опасности проведения дальнейших реквизиций[3]. Уфимский губернский продовольственный комитет признал неприемлемым циркуляр Министерства продовольствия от 14 июня 1917 г. о новой расценке веса крупного рогатого скота по причине плохой упитанности крестьянских коров. Кроме того, местные учреждения и население требовали рассчитывать «мясную повинность» не по количественному составу скота, а распределить ее по величине налогообложения и земельных владений отдельных хозяйств, что уравняло бы обязанности различных категорий жителей по этой статье[4].

В волостях Уфимской губернии организация продовольственных органов имела неоднозначные последствия. Как и в других регионах, они оказались аппаратом, не способствующим, а задерживающим поступление хлеба[5]. В хлебопроизводящих районах крестьяне стали рассматривать новые органы как орудие города для отбирания у них хлеба. Поэтому по отношению к ним применялись даже

---

[1] Приводится по: Всероссийский продовольственный съезд // Оренбургское продовольственное дело. 1917. № 1. С. 67.
[2] НА РБ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2652. Л. 329.
[3] Там же. Л. 28.
[4] Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2652. Л. 331–332.
[5] Всероссийский продовольственный съезд в Москве 18–24 ноября 1917 года : стенографический отчет. М., 1918. С. 3.

насильственные действия. Так, в Насибашевской волости Златоустовского уезда продовольственный комитет уничтожили по постановлению схода. Враждебное отношение населения к продовольственным управам сложилось также в башкирских волостях.

Стоит также отметить, что некоторые волостные продкомитеты выступали как настоящие органы самоуправления и пытались установить справедливость в поставках хлеба и скота, бороться со спекуляцией поставщиков-контрагентов. Например, в Уфимском уезде Булгаковский волостной комитет самовольно вел реквизицию скота, в том числе в племенном рассаднике помещика Ралля, а волостная продуправа постановила изъять у земства из пользования луга и передать их обратно в аренду Крестьянскому банку. Бишаул-Унгаровский волостной комитет того же уезда реквизировал у контрагентов хлеб для армии, в Надеждинской волости члены продкомитета отобрали деньги у волостной комиссии[1].

Волостные органы имели широкие права по проверке в случае надобности и реквизиции хлебных припасов. Активность и численность членов продкомитетов подкреплялись весьма приличными зарплатами и служебными довольствиями из продовольственных кредитов. В волостях появились такие высокооплачиваемые должности, как казначей, конторщик, счетчик, рассыльный и пр. Заработные платы сельских работников стали приближаться к окладам рядовых служащих отделов уездных земских управ. Согласно «Смете на содержание волостных продовольственных комитетов Златоустовского уезда» председатели волостных комитетов имели оклады 1 800 р. в год, заместители – 1 500 р., секретари – 1 800 р., члены – 1 200 р., писцы – 600–900 р. и т.д.[2] Для сравнения: в 1917 г. учителя народных школ получали годовое содержание от 570 до 750 р., ветеринарные врачи – от 1 560 до 2 250 р.[3]

В послефевральский период земства расширили личный состав своих собраний и управ. Уфимская губернская земская управа пригласила в собрание по

[1] Самоуправства // Вперед! 1917. 1 июня.
[2] НА РБ. Ф. И-96. Оп. 1. Д. 32. Л. 8–9.
[3] Проект сметы расходов и доходов Уфимского уездного земства на 1917 год. С. 48–55 ; Смета на 1917 г. (земские повинности). Уфа, 1917. С. 240–241.

шесть представителей от губернского Комитета общественных организаций, исполкома Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, продовольственной и земельной управ. В июле 1917 г. Уфимская уездная земская управа для участия в работе чрезвычайного собрания привлекла представителей уездного Комитета общественных организаций, волостных сходов, президиум Советов рабочих и солдатских депутатов, уездного и губернского комитета крестьянских депутатов, земских служащих.

Первоначально демократизация состава земских собраний нарушила привычный ритм их деятельности. Так, на Уфимском уездном земском собрании новые представители крестьян подняли наболевшие вопросы о неравномерности земского налогообложения, недоимках земских сборов с помещиков, недоступности медицинской и агрономической помощи большинству сельского населения. Острым нападкам, не всегда обоснованным, подверглись члены управы, а также земские служащие – учителя, агрономы, как представители старого цензового земства. Несмотря на стремление демократического блока сформировать новый состав управы, политическая аморфность народного представительства в новом земстве не позволила это сделать. Собрание ограничилось избранием в состав прежней управы трех новых членов[1].

Личный состав земских собраний пополнялся явочным порядком. Например, группа народных посланцев под руководством заведующего внешкольным образованием Уфимской уездной земской управы И.И. Покровского и председателя уездного исполкома Совета крестьянских депутатов И.Ф. Колесова внезапно явилась для участия в заседании губернского земского собрания июньской сессии. Требование о включении крестьян в число участников этого собрания подали также девять представителей уфимского уездного Совета крестьянских депутатов.

На том же уфимском губернском земском собрании против земского влияния на деревню выступили большевики А.И. Свидерский, И.И. Покровский и крестьянский депутат Сапожников. Они вместо «буржуазной» агитации в деревне

[1] Чрезвычайное земское собрание // Вперед! 1917. 4 июля ; Демократизированное земское собрание // Там же.

путем распространения газеты «Русское слово» и брошюр «кадетских» авторов предложили передать проведение бесед в деревне представителям рабочих и крестьян. Ими было предложено также положить в основу земской работы постановления Всероссийского съезда крестьянских депутатов и распространить в деревне «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов».

В Златоустовском уезде демократизация земства пошла по сценарию рабоче-крестьянских органов. 20 марта 1917 г. первый уездный съезд крестьян в с. Месягутово вынес постановление о ревизии Златоустовской земской управы и необходимости обновления ее состава. Попытки новой губернской власти в лице комиссара П.Ф. Коропачинского и представителей Уфимского губернского земства перехватить инициативу по преобразованию уездного земства оказались безуспешными. 23–25 апреля из г. Златоуста второй крестьянский съезд телеграфировал в Петроград министру юстиции А.Ф. Керенскому и Совету солдатских и рабочих депутатов о неправомочных действиях комиссара Уфимской губернии. Исполкому съезда в составе 8 человек (в их числе была учительница женского училища из с. Лаклы Х. Абдулхакимова) было поручено приступить к ревизии управы[1]. В итоге был избран новый состав управы из четырех представителей крестьянского съезда и двух рабочих. Они приступили к своим обязанностям 12 мая 1917 г.[2] Функции уездного собрания взял на себя сам крестьянский съезд и начал решать текущие земские дела (обеспечение противопожарной безопасности, развитие народного просвещения и т. п.).

После февраля в земских управах начался своеобразный парад децентрализации. Они распадались на отдельные специализированные структуры, чему способствовала ликвидация местных ведомственных структур управления центральной власти (например, передача дел училищных советов Министерства народного просвещения и губернских врачебных отделений Министерства внутренних дел в ведение земских управ). Летом 1917 г. по постановлению Белебеевского земского собрания образовалась школьная управа, которой были переданы школьные кре-

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 490. Л. 280 ; Д. 777. Л. 26–27.
[2] Там же. Д. 863. Л. 9.

диты и все управление образованием в уезде. В июне 1917 г. на заседании работников внешкольного дела при Белебеевской земской управы обсуждался вопрос об организации внешкольной управы, коллегии и общего собрания для руководства всеми просветительскими мероприятиями[1].

Достаточно часто многими революция трактовалась как путь к уничтожению различий в положении земских специалистов разного ранга. Так, на втором Уфимском губернском съезде фельдшеров и акушеров, который прошел 15–17 мая 1917 г., докладчик И.В. Зуев описал «рабское» положение фельдшеров, несправедливость признания «ненаучности» их деятельности. Он обрушился на принятый порядок управления земской медициной «врачами-помещиками» и предложил реорганизовать уездные врачебные советы в медицинские советы с равным представительством от врачей, фельдшеров и земских представителей[2].

В числе прочих к автономии стремились врачебно-санитарные организации и другие общественно-профессиональные объединения при земствах. Так, образованный в мае 1917 г. уфимский профсоюз служащих фармацевтов предъявил требования к губернскому земскому собранию об установлении минимальной зарплаты, в том числе для низкооплачиваемых должностей учеников и помощников провизора, улучшении гигиенических условий труда, запрещении увольнения сотрудников без решения профсоюза и т. п. На принятие решений земствами стали влиять Союз служащих губернского земства, Уфимский учительский союз, Златоустовский союз деятелей по народному образованию, организация уфимских фельдшеров, Союз учителей-мусульман и мугаллимов и другие объединения.

Жизнеспособность земства в революционный период, точнее, его исполнительных органов – земских управ по-прежнему обеспечивала финансовая база. В 1917 г. управы продолжали получать средства из государственной кассы городского и земского кредита, бесперебойно работали Уфимская казенная палата и

---

[1] Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1917. № 3. С. 34, 35.

[2] Протокол 2-го Уфимского губернского съезда фельдшеров, фельдшериц и акушерок. Уфа, 1917. С. 30–32.

уездные казначейства, податные инспекторы. Волостным сборщикам присваивались права и обязанности милиции, на них же возлагалось взыскание недоимок[1].

Начавшиеся после Февраля 1917 г. погромы помещичьих имений, отказ крестьян платить страховые сборы, поземельный и лесной налоги негативно повлияли на приток средств в земскую казну. Несмотря на это, земские сметы на 1917 г. выросли. Смета Уфимского губернского земства на 1917 г. превысила предшествующую более чем на 2 млн р. и составила 5 млн 830 тыс. р. Смета Мезелинского земства на тот же год выросла на 21 %, Белебеевского – на 31, Златоустовского – на 50, Бирского – на 78, Стерлитамакского – на 107 %. В условиях снижения поступления налогов губернское земство для осуществления запланированных расходов предполагало взять кредит в размере 1,4 млн р. под 7,5 % годовых. Экстренные расходы военного времени, предусматривающие прибавки за дороговизну служащим, содержание семей мобилизованных работников, земство выполняло не за счет военных займов, а включало в раскладку сборов[2].

Основные земские расходы по-прежнему направлялись на народное образование и медицину. Например, по смете Бирского земства на 1917 г. на образование предусматривалось 26 % всех расходов, медицину – 20, содержание правительственных учреждений и мест заключения – 17, содержание земского управления – 4 %[3].

Избирательные кампании в земские учреждения по положениям «О волостном земском управлении» и «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 21 мая 1917 г. должны были в перспективе подготовить почву для выборов в Учредительное собрание. Закон о волостном земстве впервые давал жителям возможность участия во всеобщих и равных выборах. Он учреждал долгожданную мелкую земскую единицу, что в народе не вызвало ожидаемого энтузиазма. Согласно сообщениям с мест, в деревне главной темой оставался земельный вопрос. Так, в Златоустовском уезде крестьяне Мещегаровского и Шарыпов-

[1] К уплате квартирного налога // Известия Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 мая.
[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1917. С. 223–229 ; В земствах // Уфимский вестник. 1917. 7 марта.
[3] НА РБ. Ф. И-151. Оп. 1. Д. 100. Л. б. п.

ского сельских обществ деревень Абдуллино и Баргаджино отказались составлять списки избирателей волостных гласных. В Юрюзанской и Минской волостях того же уезда жители решили не проводить выборы волостных органов из-за боязни введения новых налогов[1]. Сообщения об игнорировании выборов поступали и из остальных уездов.

В башкирских волостях организация местного самоуправления на новых началах рассматривалась в русле требований национального движения. В июле 1917 г. в Оренбурге вопрос об учреждении собственных управленческих органов на местах подняли бывшие делегаты Всероссийского мусульманского съезда от башкирского населения. Позже ходатайство об организации отдельных районных земств на башкирских территориях для использования их ресурсов на собственные нужды местного населения было направлено министру внутренних дел Н.Д. Авксентьеву[2].

Для формирования нужного электората земства прибегли к помощи крестьянских и рабочих организаций. Так, губернское земство выделило 10 тыс. р. Уфимскому Совету крестьянских депутатов для организации им двухнедельных курсов для лекторов-пропагандистов в количестве 300–400 человек[3]. Эсеры и большевики в свою очередь стремились превратить волостные земства в органы народной власти и развернули агитацию за выборы через газеты «Вперед!» и «Социалист-революционер».

Волостные земства Уфимской губернии выбирались с августа по декабрь 1917 г., основная их часть (74 %) возникла в сентябре-октябре. Согласно исследованию Г.А. Герасименко, соответствующие выборы прошли в 162 из существующих в губернии 221 волости[4]. В заводских районах Златоустовского и Уфимского уездов волостные земства имели большевистский состав[5]. В Златоустовском уезде

---

[1] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 783 ; Выборы в волостные земства // Известия Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 21 сент.

[2] Свод законов и нормативно-правовых актов Башкортостана : [в 22 т.] Уфа, 2005. Т. 1 : 1917–1919. С. 27, 63.

[3] Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1917. № 3. С. 10.

[4] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 150–151.

[5] Семенченко И.В. Земство на Южном Урале в 1917–1918 гг. Челябинск, 2005. С. 39.

в волостных земских собраниях заметно было представительство зажиточных крестьян и только единичные места заняли гласные-интеллигенты, в основном учителя. В Мензелинском уезде голосовали «по указке», и только в редких местах выборы в волостные земства прошли «сознательно и правильно»[1]. Циркуляр МВД от 13 сентября 1917 г. предписывал после организации волостных земств принять меры к упразднению «всякого рода» волостных комитетов и принять в ведение земств продовольственное дело.

Волостные земства привлекались к решению широкого спектра вопросов, таких как избрание волостных судей, поставка подвод, ремонт дорог, аренда земель, пожарная безопасность и т. д. Из компетенции уездных земских учреждений к ведению волостных земств перешли заведование местными школами, больницами и решение других проблем местного значения. В 1917–1918 гг. особенно активно волостные земства открывали школы и избы-читальни.

Первоначальной финансовой основой деятельности волостных земств стали мирские сборы и прежние суммы разного рода капиталов. Согласно Правилам 17 июня 1917 г. о волостном земском обложении волостные земства имели право облагать налогами на недвижимые имущества, расположенные на их территории, в размере 30 % ставки уездного земского сбора[2]. Новым органам самоуправления предстояло покрыть расходы на проведение волостных выборов и обеспечить содержание волостных управ[3]. Как скоро выяснилось, последнее стало главной финансовой проблемой. Большие расходы на зарплаты членам волостных земских управ привели к сокращению числа самих волостных земств. Так, Златоустовское уездное земское собрание вынуждено было вместо 33 волостных земств оставить только 8–10[4].

Осенью 1917 г. прошли выборы и в уездные земства. В новых условиях г. Уфа был выделен в отдельную уездную земскую единицу[5]. Выборы проходили

---

[1] Санников П. Итоги // Известия Мензелинского Совета крестьянских депутатов. 1917. 8 окт.
[2] Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. Пг., 1918. С. 38.
[3] Текущая земская жизнь. Первые сметы волостных земств // Земское дело. 1917. № 19–22. С. 454–456.
[4] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 864. Л. 9.
[5] О выборах уездных земских гласных // Земское дело. 1917. № 9–10. С. 382.

в территориальных округах уездов по спискам кандидатов от партий и общественных организаций. На главную роль в демократических земствах претендовали эсеры.

В Златоустовском уезде выборы прошли 24 сентября по трем спискам – от эсеров, меньшевиков и большевиков, по семь человек в каждом[1]. Всего в Златоустовское уездное земское собрание было избрано 67 гласных от 8 территориальных округов. Среди них было 15 служащих, в том числе земских и волостных управ, 13 земледельцев, по 9 рабочих Златоустовского и Саткинского заводов и учителей, 5 священнослужителей, 2 торговца[2].

В Бирском земстве первая сессия уездного собрания состоялась 11–26 октября 1917 г. Председателем управы стал эсер В.В. Калашников. 26 октября, в то время как в Петрограде большевики захватили власть, на уездном собрании прошли выборы гласных губернского собрания по спискам от социалистов-революционеров, совета крестьянских депутатов, трудовиков, беспартийных, черемис и мусульманской фракции[3].

Земская реформа не оказала ощутимого влияния на политическую обстановку в стране. С лета 1917 г. на местах нарастало радикальное движение, но земства находились в стороне от него. По оценке большевика Б.М. Эльцина, впоследствии председателя Губсовнаркома, Уфимская губернская земская управа не имела никакого влияния на ход событий в крае[4].

Резкую реакцию Уфимского губернского земства вызвал захват власти большевиками в ходе Петроградского восстания. Оно решило организовать борьбу против местного революционного комитета, образованного 26 октября на заседании исполкома Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов и представителей губернского Совета крестьянских депутатов. Действия губернского зем-

---

[1] К выборам в уездное земство // Известия Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 24 сент.
[2] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 918. Л. 2.
[3] Журналы Бирского уездного земского собрания первой организационной сессии 11–26 октября 1917 года за №№ 1–27 и журнал на 26 октября за № 28 соединенного заседания Бирского уездного земского собрания и городской думы. С. 76.
[4] НА РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 411. Л. 16.

ства поддержали партии эсеров, меньшевиков и трудовиков, кооперативные и другие организации[1]. Против установления власти большевиков выступили также Белебеевское, Бирское, Мензелинское уездные земства[2]. 7 ноября 1917 г. Мензелинское земское собрание сформировало Военно-революционный комитет общественной безопасности с целью не допустить установление однопартийной диктатуры[3].

Другая ситуация сложилась в Уфимском уезде, где большевистская земская управа вступила в соглашение с советской властью. В декабре 1917 г. она заключила с последней так называемый контракт и передала земские суммы в ее распоряжение. Весной 1918 г. в период организованной ликвидации земских учреждений служащие уездной управы перешли в исполком Совета рабочих и солдатских депутатов.

Большевистское правительство воздерживалось от резкого наступления на органы местного самоуправления. Земские управы с разветвленной структурой учреждений компенсировали отсутствие опыта повседневной практической работы у новых властей. На политику в отношении муниципальной власти серьезно влияла борьба между большевиками и эсерами. Последние заняли ведущие позиции в реформированных земствах и использовали их в качестве оплота своего политического доминирования на местах.

18 декабря 1917 г. в период действия соглашения между большевиками и левыми эсерами был создан Комиссариат по местному самоуправлению во главе с В.Е. Трутовским. Вместе с тем в декабре Совет народных комиссаров национализировал земские средства и образовал комитет для разработки вопроса о ликвидации прежней системы местного самоуправления[4]. После разгона Учредительного

---

[1] Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. – май 1918 г.) : сб. документов и материалов / под ред. В.П. Чемериса ; сост. Л.А. Вагапова и др. Уфа, 1979. С. 32.
[2] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. С. 185.
[3] г. Мензелинск // Известия Мензелинского Совета крестьянских депутатов. 1917. 19 нояб.
[4] Горская Н.И. Местное земство и война (Из истории Смоленского земства) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 1999. № 1. С. 145.

собрания 6 января 1918 г. и созыва Третьего всероссийского съезда Советов 10–18 января началось наступление советской власти на старые учреждения.

Процесс замены органов местного самоуправления с земских на советские оказался многоступенчатым, как в отношении отдельных регионов страны, так и внутри каждой губернии. 20 января 1918 г. вышло постановление Уфимского губсовнаркома о ликвидации губернского земства. Незадолго до этого уфимская газета «Вперед!» опубликовала программную статью члена коллегии Наркомата внутренних дел М.И. Лациса «Самоуправление и Советская власть». По мнению автора, столь актуальное при царском правительстве и всесилии бюрократии самоуправление теперь теряет смысл и «говорить одновременно и о советской власти, и о самоуправлении – нелепица»[1].

31 января 1918 г. Уфимский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов получил телеграмму из Петрограда с предписанием упразднить все неликвидированные губернские и уездные учреждения с помощью Совета рабочих и крестьянских депутатов. Согласно решениям губернского съезда по финансовым вопросам с участием управляющего Уфимской казенной палатой, комиссаров Уфимского казначейства и Уфимской контрольной палаты и других, в ведение Советов переходили все налоговые поступления местных самоуправлений.

Ликвидационная комиссия Уфимского губревкома опечатала денежный сундук и помещение земской кассы, здание Уфимской губернской земской управы заняли красногвардейцы, и через неделю в нем расположился Совнархоз. В ходе переговоров земским служащим предложили остаться на своих местах и с 28 января 1918 г. в помещении реального училища начать работу в отделах бывшей губернской земской управы. При этом Уфимский Совдеп сделал даже оговорку, что политические воззрения служащих земства его не интересуют, если «они не вступят в активную борьбу с ним». Тем не менее, роспуск земства рассматривался большевиками как падение «идейного оплота саботажа»[2].

---

[1] Лацис М.И. Самоуправление и Советская власть // Вперед! 1918. 4 янв.

[2] Свидерский А.И. Упразднение губернского земства // Вперед! 1918. 21 марта ; К ликвидации губернского земства // Вперед! 1918. 24 марта ; Значение ликвидации губернского земства // Вперед! 1918. 26 марта.

В уездах организованные мероприятия по роспуску земств начались в марте 1918 г. Соответствующие решения принимали местные съезды Советов, резолюции которых закрепляли власть Советов крестьянских и рабочих депутатов на уездном, волостном и сельском уровнях, избранных на «пропорционально-национальных началах» прямым, равным и тайным голосованием. Под формулировкой несоответствия земского и городского самоуправлений «интересам трудящихся классов» функции земских учреждений передавались Советам[1].

На практике в волостях ликвидация земства выглядела зачастую как простая смена состава сельской администрации. В марте 1918 г., например, в с. Иглино Уфимского уезда волостной Совет крестьянских депутатов постановил ликвидировать волостное земство и реорганизовать волисполком[2]. В д. Идрисова бездействующая волостная земская управа передала волостному Совету крестьянских депутатов Айлинской и Идрисовской волостей имущество бывшего волостного правления – мебель и канцелярские принадлежности[3]. А Златоустовское волостное собрание выступило против роспуска земств, действующих на демократической основе[4].

Несмотря на все усилия советской власти, земские и правительственные работники отказывались трудиться на новый государственный аппарат. С декабря 1917 г. в г. Уфе казначейство, банки, телеграф, почта и земские управы начали забастовку. Медики, ветеринары и фармацевты пытались использовать профессиональные союзы в качестве самостоятельных единиц управления отдельными отраслями. В январе 1918 г. Союз ветеринарных врачей и фельдшеров, созданный на базе ветеринарного совета губернской земской управы, разработал план сотрудничества с Совнархозом с целью влияния на кадровые и финансовые вопросы[5]. Объединенный Белебеевский врачебно-санитарный совет выдвинул требования об автономии и неприкосновенности свободы политических убеждений служащих. В Стерлитамаке было создано медико-санитарно-ветеринарное управле-

[1] Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. – май 1918 г.). С. 93, 97–98.
[2] Иглинская волость // Вперед! 1918. 8 марта.
[3] АЗГО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 806. Л. 12.
[4] Златоуст // Социалист-революционер. 1918. 19 апр.
[5] Уфимское ветеринарное дело. 1918 г. Уфа, 1918.

ние, в Уфе общее собрание фельдшерско-акушерского персонала выступило за отделение медико-санитарного дела от политики и т. д.

Итак, в период с февраля по октябрь 1917 г. земства за счет организационно-управленческого аппарата земских управ и наличия собственных бюджетов сохраняли административное значение. Но их политическое влияние снизилось из-за децентрализации системы продовольственных заготовок, и на уездном и волостном уровнях укрепились Советы солдатских и рабочих депутатов.

Несмотря на демократизацию состава земских собраний и управ, создание волостных земств при поддержке большевиков и эсеров, вдохнуть новую жизнь в земские учреждения не удалось. Там, где отсутствовали сплоченные группы цензовых гласных, например, в Златоустовском уезде, земские учреждения становились выразителями крестьянских интересов. После прихода к власти большевиков земства, как органы прежней системы управления, были ликвидированы. При этом отдельные звенья исполнительных органов земского самоуправления – отделы земских управ, их научно-практическая база и кадры были использованы в качестве организационной основы органов местного хозяйства и культуры Советской власти.

После кратковременного возобновления деятельности органов местного самоуправления в период Гражданской войны 1918–1919 гг. на территории отдельных волостей Уфимского, Златоустовского, Бирского и Белебеевского уездов, земства ушли с исторической арены.

***

В период Первой мировой войны и Революции 1917 г. земства были включены в систему военного обеспечения через общественные органы Всероссийского земского союза и передачу им управления продовольственными заготовками на местах. Разветвленный исполнительный аппарат, налаженная статистическая служба дали земствам широкие возможности для влияния на экономическую ситуацию на местах. Либеральная внутренняя политика государства и расширение

функций земств вели к росту их притязаний на власть. Центром оппозиционного движения выступало Уфимское губернское земство, тогда как уездные земства первоочередное внимание уделяли хозяйственным проблемам.

Особенностью развития Уфимского губернского земства в военные годы стало его неизбежное превращение в самостоятельный торгово-чиновничий аппарат по заготовке хлеба. Именно в это время в полной мере проявились фатальные последствия реформы 1890 г., перекрывшей пути в земство среднему классу – мелкому рыночному производителю, способному выразить интересы основной массы населения. После Февраля 1917 г. земства неуклонно теряли свою популярность и влияние на политическую ситуацию. В результате создание многих волостных земств прошло по сценарию Советов рабочих и солдатских депутатов. Дальнейшая децентрализация реквизиционно-распределительного продовольственного аппарата Временным правительством позволила органам революционной власти использовать его в качестве готового инструмента для борьбы против своих противников из имущих слоев населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период форсированной модернизации Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. земская модель самоуправления, введенная в 1864 г., объединила регионы обширной страны с разными комбинациями экономических, социокультурных и демографических ресурсов. Земские учреждения действовали на уровне губернских и уездных административно-территориальных единиц, образуя общественное представительство не узкоместного, а скорее транстерриториального характера. Масштабную государственную задачу по развитию хозяйственной и широкой общественной деятельности на местах могли эффективно осуществить только относительно крупные управленческие подразделения с соответствующей финансовой базой. Не случайно Л.Е. Лаптева, исследуя институты местного самоуправления, трактует земство как эффективный орган территориального самоуправления[1].

Огромная территория страны потребовала распространения единых принципов управления народным хозяйством при помощи земства. Его история еще раз подтверждает, что в России бескрайнее по европейским масштабам пространство выступало основным фактором ускорения или задержки модернизационных процессов, инициируемых правительством[2]. Объединение значительных земских ресурсов – административно-организационных, финансовых, людских – на всем пространстве Европейской России придавало устойчивость всей системе местного самоуправления, которая, в свою очередь, способствовала выработке более сбалансированной внутренней политики государства, учитывающей особенности каждого уезда и губернии.

Включение Уфимской губернии в зону земского самоуправления позволило центральной власти решить назревший вопрос унификации фискального и административно-территориального управления башкирами и другими тюркоязычными народами. Они вплоть до отмены крепостного права сохранили относительно

---

[1] Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). М., 1998. С. 72.

[2] Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000. С. 103–128.

обособленное положение благодаря военному управлению и традиционному хозяйственно-бытовому укладу. Усилившуюся во второй половине XIX в. после крестьянской реформы колонизацию черноземной восточной окраины Европейской России, где жили башкиры Пермской, Оренбургской, Уфимской и Самарской губерний, князь А.И. Васильчиков приравнивал к освоению Закавказья[1].

Региональная история земства отражает в первую очередь формирование в уездах и губерниях базисных условий для его функционирования. В процессе претворения в жизнь законов 1864 и 1890 гг. о земских учреждениях в условиях нивелирования противоречий между свободным самоуправлением и бюрократическим администрированием формировалось земство того или иного уезда и губернии. Как цельная управленческая и хозяйственная единица со своим аппаратом, штатом, финансами, несмотря на все подводные камни, земское самоуправление неуклонно двигалось в направлении совершенствования собственных методов и форм управления важнейшими хозяйственными и социальными отраслями на местах. Однако это развитие происходило неравномерно, в форме скачков, временные границы которых в Уфимской губернии совпадают с общепринятой периодизацией истории земства.

В уфимских земствах по Положению 1864 г. основную роль играла помещичья элита, связанная в большинстве с системой правительственных учреждений. Башкирское население вовлекалось в новые органы местного самоуправления по традиционной схеме сотрудничества с этнической элитой. В земских собраниях и управах была мобилизована значительная прослойка чиновников, военных и представителей сельской администрации из башкир. Немаловажным фактором жизнеспособности земских учреждений в Уфимской губернии было сохранение правительством традиционного вотчинного права башкир на землю, что так или иначе позволило местному населению выдерживать растущий податной пресс органов местного самоуправления.

[1] Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах : в 2 т. СПб., 1876. Т. 2. С. 966–967.

Детальное изучение формирования земского электората и земских выборов показало, что правительство уделяло первостепенное внимание способности земских гласных быстро и эффективно решать задачи все усложняющегося местного управления и хозяйства. Их рекрутирование шло в первую очередь из дворянской среды. Но в Уфимской губернии она была очень узкой, поэтому наличие крупных землевладельцев из крестьян в Стерлитамакском, Бирском, Белебеевском уездах составляло реальную конкуренцию помещикам в избирательных собраниях. В уездных избирательных собраниях выделялись также группы купцов-землевладельцев и башкир-вотчинников. Местные власти совместно с уездными земскими управами дозировали их участие в выборах и в работе органов местного самоуправления. В уездах Уфимской губернии практика ограничения в избирательных правах недворянских гласных была апробирована задолго до принятия Положения 1890 г.

Угодный правительству социальный состав земских учреждений Уфимской губернии привел к игнорированию органами местного самоуправления интересов частной собственности. При невысоком экономическом потенциале поместий земцев и привязанности их к государственной службе, общественно-хозяйственная теория местного самоуправления не получила на практике должного развития. Это наблюдалось и в других земских губерниях. В связи с этим известный русский правовед А.Д. Градовский писал: «Когда на стороне земства будет все богатое, все влиятельное, образованное, титулованное, все, имеющее связи и независимое положение, тогда и эта столь ненавистная вам ”бюрократия”… будет введена в надлежащие пределы, тогда изменится сам собою и весь строй нашей администрации»[1]. Редкий пример эффективного использования земского хозяйственного ресурса показали известные дворяне братья А.Д. и Д.Д. Дашковы. Они в своем имении Благовещенский завод одноименной волости Уфимского уезда воплотили ряд крупных земских проектов, которые придали импульс социально-экономическому и культурному развитию всей местности.

[1] Градовский А.Д. Системы местного управления на Западе Европы и в России // Собр. соч. : в 9 т. СПб., 1908. Т. 9, ч. 3. С. 517–518.

На Урале хозяйственную устойчивость земствам обеспечивали налоговые поступления от зажиточных крестьян и объектов горнозаводской промышленности. В Уфимской губернии такими условиями отличался Златоустовский уезд, в котором формировался главным образом бездефицитный бюджет, обеспечивающий наибольшие по губернии расходы в расчете на душу населения. Златоустовское земство стало образцом эффективности земской реформы в Уфимской губернии за счет наличия там главных необходимых условий для функционирования органов местного самоуправления – устойчивых доходов, более весомого народного представительства в земских учреждениях.

После введения в 1890 г. нового Положения о губернских и уездных земских учреждениях особенно актуальным стал вопрос повышения экономической эффективности земства. На фоне реформаторского курса министра финансов правительства Николая II С.Ю. Витте деятельность земства оказалась под влиянием новой тенденции – «материальной эмансипации» России[1]. Если раньше основным предназначением местного бюджета являлось обеспечение институционально-управленческой деятельности земских учреждений, то теперь на первый план выдвинулась задача ускоренного социально-экономического развития местности за счет роста налогов. С целью их повышения и унификации принципов сбора была предпринята реформа земского налогообложения по «Правилам об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами» от 8 июня 1893 г. В Уфимском земстве, в отличие от большинства земств других губерний, оценочные работы были завершены в короткие сроки, что позволило решить острую для многоземельного края проблему земельного кадастра. При росте земских налогов основная нагрузка пришлась на аграрный сектор, что делало вопрос о дальнейшем совершенствовании земской налоговой системы актуальным.

Постоянное повышение земских сборов ускоряло разложение натурального крестьянского хозяйства и развитие в регионе отхожих промыслов. Земское налогообложение существенным образом оказало влияние на сокращение размеров

[1] Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб., 2009. С. 125–126.

вотчинного землевладения башкир. В условиях сохранения вотчинного права на землю коренного населения и усиления переселенческого движения власти регулировали земельные отношения в крае опосредованно, путем налогообложения.

Увеличение земских бюджетов позволило расширить штат исполнительного аппарата земства и повысить социальную защищенность его работников. Квалифицированные специалисты из числа наемного персонала стали получать права государственной службы, наряду с членами управ. Постепенное включение всех земских работников в сферу пенсионного обеспечения впервые распространило социальные гарантии государства на муниципальных служащих. Наряду с огосударствлением земских управ, перечисленные мероприятия являлись также проявлением опеки административной власти над земством.

Усиление исполнительного аппарата и дополнение его коллегиальными структурами по управлению отдельными направлениями деятельности сопровождались снижением распорядительной власти земских собраний. Социокультурной предпосылкой перемен внутри земского самоуправления стала также поколенческая динамика среди его работников[1]. Новые деятели земских исполнительных органов, в отличие от представителей прошлых поколений, понимали «служение государству» как созидание нового миропорядка, а не подчинение существующей системе местного и государственного управления. Введение членов управ в круг государственных служащих привело к тому, что со временем в Уфимской губернии сложился еще один центр политического влияния, состоящий из общественных деятелей, которые имели отличные от местной администрации взгляды на пути решения местных проблем.

Земские управы за счет высокого уровня компетенции их служащих стали незаменимыми органами в местном управлении. Приток в них специалистов из других губерний, обмен знаниями и опытом среди земств во всероссийском масштабе способствовали выравниванию культурного развития между Центром и периферией, формированию единого общественного климата в стране.

---

[1] Побережников И.В. Поколенческая динамика в социокультурном контексте // Уральский исторический вестн. 2017. № 1 (54). С. 6–11.

В период 1907–1914 гг. государство делегировало земским управам реализацию государственных программ по распространению начального образования, расширению медицинской помощи, осуществлению агрономических мероприятий. Казенные пособия на их проведение, а также перевод на полное или частичное государственное содержание учителей, врачей, агрономов способствовали расширению государственного присутствия в земском самоуправлении. Таким образом автономному земскому самоуправлению придавались формы территориально-ведомственного управления. В то же время общественное начало в земстве помогало преодолевать немалые сложности, с которыми сталкивалось правительство при реализации своих программ. В частности, в Уфимской губернии через земские управы были приняты и частично реализованы планы распространения всеобщего обучения среди местных мусульман с использованием существующей сети мектебов и медресе. Это ускорило создание единой светской школы в крае и интеграцию башкир и татар в общероссийское культурное пространство.

Исполнительный аппарат уфимских земств отличался многонациональным составом своих работников. Земские учреждения целенаправленно формировали национальную интеллигенцию, что гарантировало успешность его мероприятий среди нерусского населения. Совместная работа земских специалистов из русских (М.П. Красильников, С.П. Сухов, М.И. Обухов, Б.П. Вологдин), евреев (Я.Ф. Каплан, Б.М. Эльцин, М.Г. Рафес), башкир (М. Резяпова, И. Кутлубаев), татар (Г.Х. Терегулов, Н. Кильдибеков, Ш.Х. Еникеев), мари (Л.Я. Мендияров) содействовала культурной ассимиляции, способствовала размыванию этнической обособленности среди местного населения.

Организационно-управленческие возможности земского аппарата самоуправления по-новому проявились в условиях Первой мировой войны. Созданная на базе земских учреждений разветвленная система органов продовольственного снабжения армии и тыла обеспечивала жизнеспособность страны в экстремальных условиях. Преимущественно земский состав служащих новых структур с их широкими административными полномочиями привел к противопоставлению органов местного самоуправления массе сельских производителей – главным по-

ставщикам сельскохозяйственной продукции. После падения монархии Романовых экономические ресурсы органов продовольственного снабжения были использованы радикальными кругами для поддержки большевистского режима.

История уфимских земств показывает, что учреждение нового института местного самоуправления способствовало ускоренному развитию российских регионов. Местные административные органы, занятые выполнением поручений центрального правительства, не были в состоянии охватить весь спектр острых вопросов, требующих неотложного решения. Опора на представительное учреждение позволяла властям учитывать территориальные особенности и экономический потенциал каждой местности, осуществлять спрогнозированное управление. Органы самоуправления стали надежной точкой опоры при осуществлении новых моделей социально-экономического и культурного развития регионов страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 573: Департамент окладных сборов Министерства финансов:
Оп. 16. Д. 21063, 21498; Оп. 20. Д. 4471.
2. Ф. 821: Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел:
Оп. 8. Д. 817.
3. Ф. 1287: Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел:
Оп. 25. Д. 2691; Оп. 27. Д. 596, 681, 1926, 2329, 2242.
4. Ф. 1288: Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел:
Оп. 3. Д. 31, 97.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ)

5. Ф. И-6: Канцелярия Оренбургского гражданского губернатора:
Оп. 2. Д. 52, 68; Оп. 6. Д. 14369/25.
6. Ф. И-9: Уфимское губернское правление:
Оп. 1. Д. 601, 655, 686; Оп. 2. Д. 20.
7. Ф. И-10: Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие:
Оп. 1. Д. 54, 1785, 1804.
8. Ф. И-11: Канцелярия Уфимского гражданского губернатора:
Оп. 1. Д. 110, 134, 137, 164, 1024, 1210, 1221, 1275, 1283, 1427, 1498, 1528.
Оп. 2. Д. 105; Оп. 3. Д. 5.
9. Ф. И-96: Уполномоченный Министерства земледелия по заготовке хлеба для армии в Уфимской губернии:
Оп. 1. Д. 1, 8, 18, 31, 32.
10. Ф. И-109: Попечитель Оренбургского учебного округа:
Оп. 1. Д. 187.
11. Ф. И-110: Директор училищ Оренбургской губернии:
Оп. 1. Д. 1110.

12. Ф. И-113: Директор народных училищ Уфимской губернии:

Оп. 1. Д. 320, 399, 473, 564.

13. Ф. И-116: Инспектор народных училищ Уфимского уезда Уфимской губернии:

Оп. 1. Д. 11.

14. Ф. И-124: Благовещенская учительская семинария:

Оп. 1. Д. 23.

15. Ф. И-132: Уфимская губернская земская управа:

Оп. 1. Д. 4, 8, 25, 30, 31, 39, 44, 265, 654, 656, 775, 2650, 2651, 2652.

16. Ф. И-135: Белебеевская уездная земская управа:

Оп. 1. Д. 41, 50, 56.

17. Ф. И-136: Оренбургское губернское особое о земских повинностях присутствие:

Оп. 1. Д. 33.

18. Ф. И-138: Оренбургская казенная палата:

Оп. 1. Д. 1138а, 1252, 1370.

19. Ф. И-139: Уфимская казенная палата:

Оп. 1. Д. 94.

20. Ф. И-151: Бирская уездная земская управа:

Оп. 1. Д. 11, 23, 100, 169; Оп. 2. Д. 9, 10, 15, 16.

21. Ф. И-223: Инспектор народных училищ Бирского уезда:

Оп. 1. Д. 7.

22. Ф. И-400: Уфимская уездная земская управа:

Оп. 1. Д. 30, 35.

23. Ф. И-421: Уфимская губернская продовольственная управа:

Оп. 1. Д. 1, 6, 7, 11.

24. Ф. 1832: Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции Башкирского обкома ВКП(б) (Истпарт), г. Уфа:

Оп. 2. Д. 27; Оп. 3. Д. 13, 124, 127, 182, 186, 261, 385, 411; Оп. 4. Д. 1, 3, 4, 13, 50, 54, 56, 57, 60, 63, 226, 227, 230, 232, 235.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

25. Ф. 15: Оренбургское губернское по городским и земским делам присутствие

Оп. 1. Д. 333.

Архив Златоустовского городского округа (АЗГО)

26. Ф. И-11: Златоустовская уездная земская управа: Оренбургское губернское по городским и земским делам присутствие:

Оп. 1. Д. 158, 170, 490, 581, 599а, 734, 735, 766, 777, 783, 784, 787, 806, 810, 850, 863, 864, 918.

II. Нормативные и правовые акты

1. Важнейшие указы, законы и распоряжения военного времени: Сборник законов, манифестов, указов Правит. Сенату и министрам, Высочайших повелений, постановлений Совета Министров, Военного и Адмиралтейств-Совета, инструкций и распоряжений министров, изданных во время войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с приложением предметного указателя : в 2 т. / сост. С. М. Левин. – Пг. : Изд-во юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, комиссионера Гос. тип., 1916. Т. 2. – 512 с.

2. Ведомость о числе гласных, избираемых в земские собрания на первое трехлетие, с открытия земских учреждений. Приложение к ст. 33 и 32, Положения о земских учреждениях // Демис Л.Н. Земство: политико-экономический сборник. Год 1. Издание 2. Земские учреждения. – СПб. : Тип. Л. Демиса, 1864. С. 31–44.

3. Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / сост. К. Денисов. – СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1913. – Вып. 1 : 1907–1913. – 120 с.

4. Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений / сост. К. Денисов. – Пг. : Типо-лит. М.П. Фроловой, 1916. – Вып. 3 : 1915 год. – 51 с.

5. Высочайше утвержденное Городское положение // Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ) : Собрание 2-е. Т. 45, ч. 1. 1870. № 48498. – СПб., 1874. С. 821–839.

6. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Сенату Министром народного просвещения 6 декабря. О распространении на Уфимскую губернию высочайше утвержденных мнений Государственного Совета: а) 25 мая 1874 года, о начальных народных училищах и б) 29 мая 1869 года, о мерах к развитию начального народного образования // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 50. Ч. 2. 1877. № 55278. – СПб., 1876. – С. 363.

7. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 25 июля. О сравнении пахатных солдат Оренбургской, Томской и Казанской губерний в платеже податей и отправлении повинностей с государственными крестьянами // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 38, ч. 1. 1863. № 39782. – СПб., 1866. С. 674–675.

8. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 5 марта. О применении Положения о земских учреждениях к губерниям: Пермской, Олонецкой, Вятской и 7 уездам Вологодской губернии // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 41, ч. 1. 1866. № 43012. – СПб., 1868. – С. 129–130.

9. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 15 июля. О необложении земским сбором земель, состоящих под железными дорогами // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 43, ч. 1. 1868. № 46031. – СПб., 1873. – С. 886–887.

10. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 29 июля. По предмету освобождения от земского сбора земель, недвижимых имуществ, принадлежащих духовным ведомствам // ПСЗ РИ : Собрание 2 -е. Т. 43, ч. 2. 1868. № 46102. – СПб., 1873. С. 50–51.

11. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, распубликованное 4 марта. О размежевании Башкирских дач для наделения землею башкир-вотчинников и их припущенников, и о порядке продажи и отдачи в оброчное содержание общественных Башкирских земель // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 44, ч. 1. 1869. № 46750. – СПб., 1873. – С. 148–156.

12. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, распубликованное 16 июня. Об обращении части государственного земского сбора в трехлетие с 1872 года на удобные земли // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 45, ч. 1. 1870. № 48453. – СПб., 1874. – С. 763.

13. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. О применении Положения о земских учреждения в Уфимской губернии // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 49, ч. 1. 1874. № 53461. – СПб., 1876. – С. 737.

14. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. О установлении предельности земского обложения в губернских и уездных земских учреждениях, и об освобождении земств от некоторых расходов // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 20, ч. 1. 1900. № 18862. – СПб., 1902. – С. 790–792.

15. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Об изменении Высочайше утвержденных, 8 июня 1893 года, Правил оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами и об отпуске земским учреждениям пособия от казны за оценочные работы // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 19, ч. 1. 1899. № 16364. – СПб., 1902. – С. 33– 35.

16. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Об изменении существующего порядка распределения сумм, поступающих в уплату поземельных сборов // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 19, ч. 1. 1899. № 16655. – СПб., 1902. – С. 245–246.

17. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Об объединении числящихся на крестьянских надельных землях недоимок земских сборов в губерниях, в коих действует Положение о земских учреждениях, с казенными недоимками // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 24, ч. 1. 1904. № 24471. – СПб., 1907. – С. 412–413.

18. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях, в коих введено в действие Положение 23 июня 1899 год года о порядке взимания сих сборов с надельных земель сельских обществ // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 23, ч. 1. 1903. № 22629. – СПб., 1905. – С. 134–138.

19. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Об увеличении налога с городских недвижимых имуществ и о размере сего налога на 1884 г. // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 3. 1883. № 1578. – СПб., 1886. – С. 232–233.

20. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Об увеличении государственного поземельного налога // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 4. 1884. № 1962. – СПб., 1887. – С. 16–17.

21. Высочайше утвержденное положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния, объявленное Сенату Военным Министром 2-го Марта 1864 года. Об установлении новых знаков для должностных лиц волостного и сельского управлений башкир // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 38, ч. 2. 1863. № 40416. – СПб., 1866. С. 313–314.

22. Высочайше утвержденное Положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния, распубликованное 18 декабря. О порядке приписки лиц, избирающих род жизни, к обществам и волостям вышедших из крепостной зависимости и бывших удельных крестьян, и о льготах, предоставляемых сим лицам при записке их в сельское сословие // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 39, ч. 2. 1864. № 41446. – СПб., 1867. – С. 149–150.

23. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров. О неприменении, в течение 1900 года, понудительных мер взыскания недоимок государственного поземельного налога, выкупных платежей и земских сборов, числящихся на надельных землях сельских обществ в местностях, на которые распространяется действие высочайше утвержденного 23 июня 1899 года, Положения о порядке взымания окладных сборов // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 19, ч. 1. 1899. № 17851. – СПб., 1902. – С. 1229–1230.

24. Высочайше утвержденное Положение о башкирах // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 38, ч. 1. 1863. № 39622. – СПб., 1866. С. 442–464.

25. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. 1864. № 40457. – СПб., 1867. – С. 1–14.

26. Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 10. 1889. № 6927. – СПб., 1895. С. 493–511.

27. Высочайше утвержденное Положение о порядке взимании окладных сборов с надельных земель сельских обществ // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 19, ч. 1. 1899. № 17286. – СПб., 1902. – С. 804-805.

28. Высочайше утвержденное Положение об изменениях в устройстве местных учреждениях по крестьянским делам // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 49, ч. 1. 1874. № 53678. – СПб., 1876. – С. 929–934.

29. Высочайше утвержденное Положение об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 40, ч. 1. 1865. № 42058. – СПб., 1867. – С. 477–484.

30. Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. 1864. № 41068. – СПб., 1867. – С. 613–618.

31. Высочайше утвержденные I. Положение о Земских Участковых Начальниках, II. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение, III. Временные Правила о Волостном Суде в тех же местностях и IV. Правила о порядке проведения в действие Положения о Земских Участковых начальниках // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 9. 1889. № 6196. – СПб., 1891. – С. 508–535.

32. Высочайше утвержденные временные Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном презрении // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. 1864. № 40458. – СПб., 1867. – С. 14–21.

33. Высочайше утвержденные временные Правила о преобразовании губернских учреждений ведомства Министерства внутренних дел в тридцати семи губерниях и в Бессарабской области // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 40, ч. 1. 1865. № 42180. – СПб., 1867. – С. 633–638.

34. Высочайше утвержденные Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 37, ч. 2. 1862. № 39087. – СПб.,1865. – С. 588–593.

35. Высочайше утвержденные Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 39, ч. 1. 1864. № 40934. – СПб., 1867. – С. 469–481.

36. Высочайше утвержденные Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 13. 1893. № 9744. – СПб., 1897. – С. 414–419.

37. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон Об улучшении земских и городских финансов // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 32, ч. 1. 1912. № 38452. – СПб., 1915. – С. 1631–1634.

38. Европейская хартия местного самоуправления : официальный перевод на рус. яз.: [ратифицирована Федеральным Собранием (Федер. закон от 11 апр. 1998 г. № 55-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 15. Ст. 1695) : вступ. в силу для Российской Федерации 1 сент. 1998 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 36. – Ст. 4466.

39. Закон 6-го апреля 1916 г. о Государственном подоходном налоге. Закон 13 мая 1916 г. о налоге на прирост прибылей. – Одесса: Книгоиздательство «Практическое правоведение», 1916. – 60 с.

40. Именной Высочайший указ данный Сенату. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 24, ч. 1. 1904. № 25495. – СПб., 1907. – С. 1196– 1198.

41. Именной Высочайший указ, данный Министру Внутренних дел. Об отчуждении из владения башкир Уфимской губернии занятой поселенцами части

земель, возвращенных башкирам по Указам Правительствующего Сената // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 12. 1892. № 9178. – СПб., 1897. – С. 700.

42. Именной Высочайший Указ, данный Сенату Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 26, ч.1. 1906. № 28392. — СПб., 1909. – С. 891–893.

43. Именной Высочайший Указ, данный Сенату. О возложении на Совет Министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее Имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 25, ч. 2. 1905. № 25853. – СПб., 1908. – С. 133.

44. Именной Высочайший указ, данный Сенату. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 24, ч. 1. 1904. № 25495. – СПб., 1907. – С. 1196–1198.

45. Именной Высочайший указ, данный Сенату. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний // ПСЗ РИ : Собрание 3-е. Т. 26, ч. 1. 1906. № 28392. – СПб., 1909. – С. 891–893.

46. Именной, объявленный Сенату Министром народного Просвещения 7 апреля. О мерах к образованию населяющих Россию инородцев // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 45, ч. 1. 1870. № 48185. – СПб., 1874. – С. 314.

47. О волостном земском управлении от 21 мая 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 30 мая 1917. № 122. Ст. 655. – С. 1041–1060.

48. О лавках, коими владеют дворяне и чиновники // ПСЗ РИ : Собрание 2. Т. 13, ч. 2. 1838. № 11743. – СПб., 1839. – С. 301.

49. О производстве выборов губернских и уездных земских гласных от 21 мая 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издавае-

мое при Правительствующем сенате. Отдел I. 14 июня 1917. № 137. Ст. 730. – С. 1167–1177.

50. О соединении должности Участкового Мирового Судьи с должностями Председателя и Членов Уездных Земских управ // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 45, ч. 1. 1870. № 48475. – СПб., 1874. С. 785–786.

51. О том, каким порядком должно быть делаемо распоряжение о предании суду гласных земских собраний за сокрытие ими своей судимости и незаконное участие на заседаниях означенных собраний // ПСЗ РИ : Собрание 2-е. Т. 54, ч. 1. 1879. № 59682. – СПб., 1881. – С. 445–446.

52. Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения» от 9 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 8 июля 1917. № 157. Ст. 870. – С. 1455–1470.

53. Об утверждении Наказа «О производстве выборов волостных земских гласных» от 11 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 28 июня 1917. № 148. Ст. 827. – С. 1346–1353.

54. Об утверждении Наказа уездным земским учреждениям «О применении Временных правил о производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 17 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 2 августа 1917. № 179. Ст. 991. – С. 1773–1784.

55. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М.И. Мыш. 6-е изд. Т. 1. – СПб, типо-лит. М.П. Фроловой, 1914. – 1090 с.

56. Постановление Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической ре-

волюции : документы и материалы : в 3 ч. / под ред. А.Л. Сидорова. – М.; Л., 1957, ч. 2. – С. 327–329.

57. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. 1917–1919 гг. – Уфа: Секретариат Государственного Собрания – Курултая – Республики Башкортостан, 2005. Т. 1. – 512 с.

III. Опубликованные источники

1. 25 лет первой революции. Сборник Истпарта Башобкома ВКП(б), посвященный 25-летнему юбилею революции 1905 года. – Уфа : Истпарт Башобком ВКП(б), 1930. – 92 с.

2. 3-й созыв Государственной думы. Портреты, биографии, автографы. – СПб. : Тип. А.А. Гольдберг, 1910. – 66 с.

3. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1914 год. – Уфа : Электр. губ. тип., 1914. – 311 с. (с разд. паг.).

4. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1915 год. – Уфа : Электр. губ. тип., 1915. – 274 с. (с разд. паг.).

5. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1916 год. – Уфа : Электр. губ. тип., 1916. – 285 с. (с разд. паг.).

6. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. – Уфа : Электр. губ. тип., 1917. – 271 с.

7. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. – Уфа : Электр. губ. тип., 1912. – 283 с. (с разд. паг.).

8. Башкирия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : сб. документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов [и др.] – Уфа : Китап, 2014. – 446 с.

9. В губернскую оценочную комиссию. По жалобе Стерлитамакского земства на решения уездной оценочной комиссии. – Уфа : Элек. тип. «Печать» Н.Ф. Делинского, Б. г. – 12 с.

10. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Личный состав учреждений Всероссийского земского союза. (На 15-е сентября 1915 года). – М. : Тип. Т-ва Рябушинских, 1915. – 81 с.

11. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. Личный состав учреждений Всероссийского земского союза. (На 1-е ноября 1916 года). – М. : Тип. Т-ва Рябушинских, 1916. – 120 с.

12. Всероссийский продовольственный съезд в Москве 18–24 ноября 1917 года. Стенограф. отчет. – М. : Тип. Т-ва «Кооператив. изд-во», 1918. – 132 с.

13. Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны : документы и материалы / сост., статья, предисл. и примеч. О.А. Полянина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 154 с.

14. Государственная дума первого призыва : Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. – М. : Книгоизд-во «Возрождение», 1906. – 112 с.

15. Денежные отчеты, сметы и раскладки уездного земского сбора по Златоустовскому уезду Уфимской губернии на 1891 год, утвержденные XVI очередным уездным земским собранием. – Златоуст : Тип. М.Г. Кочергова, 1891. – 322 с.

16. Доклад управы XXVI очередному губернскому земскому собранию. Об устройстве деревенских «Яслей-приютов» в Уфимской губернии на время летних полевых работ». – Уфа : Паровая типо-лит. И.П. Зайкова, Б. г. – 12 с.

17. Доклад Уфимской губернской земской управы губернскому земскому собранию XXVI очередной сессии 1900 г. О положении начального народного образования в Уфимской губернии. – Уфа : Типо-лит. В.П. Колмацкого, 1900. – 80 с.

18. Доклад Уфимской уездной земской управы XXXVII уездному земскому собранию. Проект организации в уезде внешкольного образования. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1911. – 46 с.

19. Доклады Бирской уездной земской управы 1876 г. по разным предметам. – Уфа : Печатня Блохина, 1876. – 22 с.

20. Доклады Уфимской губернской земской управы XXXVII очередному губернскому земскому собранию, сессии 1911 г. по отделу народного образования. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1912. – 209 с.

21. Доходы и расходы земств 34 губерний, по сметам на 1900 год. Разработано в Статистическом отделении Департамента окладных сборов. – СПб. : Тип. П.П. Сойкина,1901. – 367 с. (с разд. паг.).

22. Доходы и расходы земств 40 губерний, по сметам на 1912 год. Разработано в Статистическом отделении Департамента окладных сборов. – Пг. : Тип. Т-ва «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1914. – 519 с. (с разд. паг.).

23. Журнал Уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии 19 июня 1915 г. (с приложением докладов губернской управы). – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1915. – 46 с.

24. Журналы VI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями с 22-го по 30-е октября 1880 года. – Вятка : Тип. Куклина, 1881. – 338 с.

25. Журналы XIV очередного Мензелинского уездного земского собрания с 11 по 18 октября 1888 г. и доклады управы с приложениями к ним. – Казань : Тип. и лит. А.А. Родионова, 1889. – 386 с. (с разд. паг.).

26. Журналы Бирского уездного земского собрания первой организационной сессии 11–26 октября 1917 года за №№ 1–27 и журнал на 26 октября за № 28 соединенного заседания Бирского уездного земского собрания и городской думы. – Б. м., б. и., 1917. – 84 с.

27. Журналы заседаний Съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г. Уфе : 11–16 июня 1912 г. (в извлечении) / обраб. для печати М.А. Миропиев. – Уфа : Электр. тип-лит. Т-ва «Ф.Г. Соловьев и К», 1914. – 344 с. (с разд. паг.).

28. Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905–1906 года (и) доклады управы. – Уфа : Паровая типо-лит. С.М. Гирбасова и Н-ки и К°, 1906. – 1206 с. (с разд. паг.).

29. Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. – Уфа : Паровая типо-лит. С.М. Гирбасова Н-ки и К°, 1907. – 1013 с.

30. Журналы заседаний уфимской губернской оценочной комиссии с 1894 по 1903 год. – Уфа : Паровая типо-лит. Ив. П. Зайкова, 1903. – 273 с.

31. Журналы заседаний Уфимской губернской оценочной комиссии с 1903 по 1910 г. и труды совещаний уездных статистиков. – Уфа : Электр. тип. «Печать» Н.Ф. Делинского, 1910. – 58 с.

32. Журналы и доклады XXXVI очередного Стерлитамакского уездного земского собрания сессии 1910 года. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1911. – 757 с.

33. Журналы Орского уездного земского собрания чрезвычайных сессий 10 февраля, 31 июля и 2-й очередной сессии 1914 г. с докладами управы и другими приложениями. – Орск, 1915. – 525 с.

34. Журналы совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе начальной общеобразовательной мусульманской школы. 23–25 мая 1911. – Уфа : Паровая типо-лит. Т-ва «Л.Е. Милюков и К», 1911. – 74 с.

35. Журналы Стерлитамакского уездного земского собрания 40 очередной сессии. (31 октября – 8 ноября 1914 г.). – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1914. – 107 с.

36. Журналы Уфимского губернского земского собрания 41-й очередной сессии. (1–21 декабря 1915 г.). – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. – 208 с.

37. Журналы Уфимского губернского земского собрания 42-й очередной сессии. – Б. м. и г. – 259 с.

38. Журналы Уфимского губернского земского собрания 46-й чрезвычайной сессии 1914 года (15–17 июня 1914 года). – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1914. – 40 с.

39. Журналы Уфимского губернского земского собрания 48-й чрезвычайной сессии 19 июня 1915 г. (С приложением докладов губернской управы). – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1915. – 46 с.

40. Журналы Уфимского губернского земского собрания 49-й чрезвычайной сессии 13, 14 и 15 сентября 1915 г. (С приложениями докладов губернской управы). – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. – 77 с.

41. Журналы Уфимского губернского земского собрания 50-й чрезвычайной сессии с 15 по 20 января 1916 года (С приложением докладов губернской управы). – Уфа : Электр. тип. Ф.Г. Соловьева, 1916. – 282 с.

42. Журналы Уфимского губернского земского собрания 51-й чрезвычайной сессии 10 марта 1916 г. (С приложением докладов губернской управы). – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1916. – 61 с.

43. Журналы Уфимского губернского земского собрания 52-й чрезвычайной сессии. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1916. – 70 с.

44. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. – Уфа : Паровая типо-лит. Торг. дома «Л.Е. Милюков и И.А. Медведев», 1909. – 1257 с.

45. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXV очередной сессии с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. – Уфа : Паровая типо-лит. Торг. дома «Л.Е. Милюков и И.А. Медведев», 1910. – 1199 с.

46. Журналы Уфимского губернского земского собрания XL очередной сессии 1914 года. (1–18 декабря 1914 года). – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1915. – 200 с.

47. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIII очередной сессии 1907 года с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. – Уфа : Паровая типо-лит. Торг. дома «Л.Е. Милюков и И.А. Медведев», 1908. – 1153 с.

48. Журналы Уфимской городской думы 1911 г. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1914. – 1408 с.

49. Журналы XI очередного Мензелинского уездного земского собрания и доклады управы с приложениями. С 22 по 28 октября 1885 года. – Казань : Тип. и литография А.А. Родионова, 1886. – 288 с.

50. Журналы XIII очередного Златоустовского уездного земского собрания и доклады управы с приложениями, утвержденными этими постановлениями 1887 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1888. – 458 с.

51. Закон об оценке недвижимых имуществ для обложения земскими сборами. И инструкция об оценке недвижимых имуществ, подлежащих обложению земскими сборами (14 сен. 1905 г.). – Уфа : Паровая типо-лит. С.М. Гирбасова и Н-ки и К°, 1905. – 62 с.

52. Земская роспись доходам и расходам по Стерлитамакскому уезду на 1898 год. – Стерлитамак : Тип. А. Бусыгина, 1898. – 115 с.

53. Земская участково-агрономическая организация в Уфимской губернии в 1913 году. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1915. – 266 с.

54. Земские доходные сметы и раскладки на 1885 год / сост. под рук. чиновника особых поручений В.Ю. Скалона. – СПб. : Департамент окладных сборов, 1888. – 220 с.

55. Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкир. Сов. Социалистической Республике. – Уфа : Типо-лит. Башпрома «Октябрьский натиск», 1923. – 153 с.

56. Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств Уфимской губернии, 1875–1914 гг. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1915. – 445 с.

57. Ковалевский, М.Е. Записка Члена Государственного Совета, Сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности губернских административных учреждений по данным, оказавшимся при ревизии губерний Казанской и Уфимской / М.Е. Ковалевский. – Б. м. и г. – 155 с.

58. Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета Члена Государственного совета и Сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской / М.Е. Ковалевский. – Б. м. и г. – 106 с.

59. Краткая систематическая сводка постановлений по народному образованию уездных и губернского земских собраний Уфимской губернии очередных сессий 1912 г. – Уфа : Паровая типо-лит. Н.В. Шаровкина, 1913. – Вып. 2. – 71 с.

60. Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. – Златоуст : Тип. Т-ва Лебедева и Белякова, 1914. – 80 с.

61. Краткий очерк тридцатилетия земской ветеринарной организации в Уфимской губернии. – Уфа : Электр. тип. Т-ва кн. и газ. изд-ва, 1917. – 29 с.

62. Материалы для оценки земельных угодий Мензелинского уезда. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1889. – 149 с.

63. Материалы к совещанию врачей и представителей общественных учреждений Уфимской губернии, предполагавшемуся в 1914 г. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1915. – Часть 1 : Доклады уездных делегатов. – 317 с.

64. Материалы по земскому общественному устройству: положение о земских учреждениях : в 2 т. – СПб. : Хоз. деп. М-ва внутр. дел, 1885. – Т. 1. – 409 с.

65. Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского. Сборник документов и материалов / авт.-сост.: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. – 620 с.

66. Материалы по преобразованию местного управления в губерниях : доставлены губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам : в 3 ч.– СПб., 1884. – Ч. 1. – 389 с.; СПб., 1883. – Ч. 2. – 601 с. (с разд. паг.).

67. Миграция военного времени (1914–1920) в Уфимской губернии. Сборник документов и материалов / сост. Г.В. Мордвинцев [и др.]. – Уфа : Академия ВЭГУ, 2015. – 376 с.

68. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы : в 4 т. / авт.-сост. Б.Х. Юлдашбаев. – Уфа : Китап, 2002. – Т. 2. – Ч. 1. – 680 с.

69. О предстоящих в 1915 году статистических работах: доклад № 95 Уфимской губернской земской управы XL очередной сессии губернского земского собрания. – Уфа : [Б. и. и г.]. – 9 с.

70. О применении Положения о земских учреждениях к Оренбургской и Уфимской губерниям : [Представление в] Государственный Совет. Материалы. СПб. : М-во внутр. дел. 1873. – 171 с.

71. Обзор трудов, высочайше утвержденный, под председательством статс-секретаря Каханова, Особой комиссии : в 2 ч. / сост. непрем. чл. сов. по делам местн. хоз. М. В. Ислави̇ным. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1908, ч. 1. – 217 с.

72. Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1897–98 год. Материалы по текущей статистике за 1897–98 хозяйственный год. – М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1899. – Вып. 2 (лето-осень). – 410 с.

73. Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1897–98 год. Материалы по текущей статистике за 1897–98 хозяйственный год. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1899. – Вып. 1. – 161 с.

74. Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1898–99 год. Материалы по текущей статистике за 1898–99 хозяйственный год. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1899. – Вып. 1 (зима-весна). – 115 с.

75. Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1899–1900 год (зима-весна). Материалы по текущей статистике за 1899–1900 хозяйственный год. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1900. – Вып. 1. – 289 с.

76. Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении. Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике за 1895–6 и 1896–7-ой хозяйственные годы. Год 1. – Самара : Тип. Н.К. Реутовского, 1898. – 605 с.

77. Обзор Уфимской губернии за 1882 год. – Уфа : Тип. Губ. правления, 1884. – 46 с.

78. Обзор Уфимской губернии за 1883 год. – Уфа : Тип. Губ. правления, 1884. – 52 с.

79. Обзор Уфимской губернии за 1886 год. – Уфа : Тип. Губ. правления, 1887. – 70 с.

80. Обзор Уфимской губернии за 1903 год. – Уфа : Тип. Губ. правления, 1904. – 96 с.

81. Обзор Уфимской губернии за 1904 год. – Уфа : Тип. Губ. правления, 1905. – 103 с.

82. Обзор Уфимской губернии за 1914 год. – Уфа : Губ. электр. тип., 1916. – 128 с.

83. Обзор Уфимской губернии за 1915 год. – Уфа : Электр. губ. тип., 1917. – 98 с.

84. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г. – май 1918 г.). Сборник документов и материалов / под ред. В.П. Чемериса; сост. Л.А. Вачатова. – Уфа : Башкнигоиздат, 1979. – 302 с.

85. Отдел народного образования по Златоустовскому уезду. – Златоуст : Печатня Н.К. Блохина, 1910. – 363 с.

86. Отчет о деятельности санитарного бюро, санитарных врачей и о задачах санитарно-гигиенической лаборатории. Доклады XXXVIII очередному губернскому земскому собранию. – Уфа : Паровая типо-лит. Н.В. Шаровкина, 1912. – 70 с.

87. Отчет о деятельности статистического отдела [Уфимской губернской земской управы] за время с 1-го ноября 1915 г. по 2-ое ноября 1916 г. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. – 32 с.

88. Отчет о состоянии Благовещенской семинарии за 1902 (гражданский) год. – Уфа : Б. и., 1903. – 71 с.

89. Отчет по Белебеевской Уфимского губернского земства сельскохозяйственной школе 1-го разряда за 1911 год. (С 1-го января 1911 по 1-е января 1912 года). – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1913. – 117 с.

90. Отчет по организации персоналом землеустроительных комиссий агрономических мероприятий в хозяйствах единоличного владения в Уфимской губернии к 1 января 1912 г. – Уфа : Паровая типо-лит. Н.В. Шаровкина, 1912. – 149 с.

91. Отчет Уфимской губернской земской кассы мелкого кредита за 1911 г. (5-й операционный год). – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1912. – 139 с.

92. Отчет Уфимской губернской земской управы по ветеринарному отделу за 1913 год. – Уфа : Паровая типо-лит. Н.В. Шаровкина и К, 1914. – 415 с. (с разд. паг.).

93. Памятная книжка Уфимской губернии : с статистической картой губернии : в 2 ч. / под ред. Н.А. Гурвича. – Уфа : Губ. тип., 1873. – Ч. 1 : Статистическая. – 259 с. (с разд. паг.).

94. Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиков, Н.А. Гурвич. – Уфа : Губ. тип., 1878. – 46 с.

95. Памятная книжка Уфимской губернии с статистической картой губерний / под ред. Н.А. Гурвича. – Уфа : Губ. тип., 1873. – Ч. 1. – 18 с.

96. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Тип. М.Д. Ломковского, 1904. – Т. 45 : Уфимская губерния. – Тетрадь 2. – 189 с.

97. Первый Общеземский съезд по народному образованию : в 2 т. – М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. – Т. 1. – 825 с.

98. Положение и труды Уфимской губернской земской зоотехнической комиссии. – Уфа : Электр. губ. тип., 1914. – Вып. 1. – 40 с.

99. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. – 6-е изд., испр. и значит. доп. / сост. М.И. Мыш. – СПб.. : Типо-лит. М.П. Фроловой, 1914. – Т. 1. – 24 с.

100. Положение оценочных работ Уфимской губернии. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1912. – 13 с.

101. Постановления второго очередного земского собрания, доклады и отчет земской управы Уфимского уезда за 1876 год. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1877. – 343 с.

102. Постановления первого общеземского съезда по народному образованию в г. Москве с 16 по 30 августа 1911 г. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1912. – 33 с.

103. Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 41 чрезвычайной сессии 1914 года. – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1914. – 39 с.

104. Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 43 чрезвычайной сессии 1916 г. С приложением докладов. – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1916. – 56 с.

105. Постановления Стерлитамакского уездного земского собрания 44 чрезвычайной сессии 1916 г. С приложением докладов. – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1916. – 31 с.

106. Постановления Уфимского уездного земского собрания 34-го и 35-го чрезвычайных созывов 1914 года (23-го мая и 12-го августа) с приложениями. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1915. – 93 с.

107. Постановления Уфимского уездного земского собрания 36-го и 37-го чрезвычайных созывов 1915 года (27 января и 18 июня) с приложениями. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. – 53 с.

108. Постановления школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе 12–17 августа 1908 г. по вопросам народного образования. – Уфа : Пар. типо-лит. Торг. дома «Л.Е. Милюков и И.А. Медведев», 1908 – 109 с.

109. Проект сети ветеринарно-врачебных участков в Уфимской губернии. – Уфа : Электр. типо-лит. Т-ва Ф.Г. Соловьева и К., 1912. – 500 с.

110. Проект сметы расходов и доходов Уфимского уездного земства на 1917 год. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. – 219 с.

111. Протокол 2-го Уфимского губернского съезда фельдшеров, фельдшериц и акушерок. – Уфа : Типо-лит. Р.Б. Ицкович (Шаровкина), 1917. – 36 с.

112. Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовке скота и мяса для действующих армий. Созыв 1. 23–25 апреля 1916 г. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1916. – 52 с.

113. Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовке скота и мяса для действующих армий. Созыв II-й 2–3 июня 1916 года. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1916. – 51 с.

114. Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовкам скота и мяса для действующих армий. Созыв III-й 10–11 июля 1916 года. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916 – 57 с.

115. Протоколы заседаний Уфимского Губернского Земского Исполнительного Комитета по заготовкам скота и мяса для действующих армий. Созыв IV-й 11–12 сентября 1916 года. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. – 45 с.

116. Протоколы и доклады совещания учителей и мугаллимов, состоявшегося при Уфимской губернской земской управе от 20 до 27 июля 1915 г. для просмотра учебников, употребляемых в начальных инородческих школах. – Уфа : Уфим. губ. земство, 1916. – 256 с.

117. Протоколы и труды Уфимского губернского земского экономического совета. 1903. – Уфа : Типо-лит. В.П. Колмацкого и К, 1903. – Вып. 18. – 235 с.

118. Протоколы и труды Экономического Совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного Совещания земских агрономов Уфимской Губернии при Губернской Земской Управе, с 16 по 21-е августа с. г. – Уфа : Паровая типо-лит. Ив. П. Зайкова, 1900. – Вып. 12. – 152 с.

119. Протоколы и труды Экономического Совета Уфимского губернского земства с приложениями трудов частного Совещания земских агрономов Уфимской Губернии при Губернской Земской Управе. Уфа : Паровая типо-лит. Ив. П. Зайкова, 1902. – Вып. 15. – 183 с.

120. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М. : Центр. стат. управление, 1925. – 103 с.

121. Сборник Белебеевского уездного земства Уфимской губернии на 1877 год. – Уфа : Губ. тип., 1877. – 156 с.

122. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земских собраний XXXVIII очередной сессии 1912 года, XX чрезвычайной сессии 10 декабря 1912 года и XXI чрезвычайная сессии 8 февраля 1913 г. – Бирск : Тип. «Труд», 1913. – 1149 с.

123. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXIX очередной сессии 1903 года. – Казань : Тип. Б.Л. Домбровского, 1904. – 1057 с.

124. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXVII очередной сессии 1911 года. – Бирск : Тип. «Труд», 1912. – 819 с.

125. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXVI очередной сессии 1910 года. – Уфа : Электр. типо-лит. Т-ва «Ф.Г. Соловьев и К», 1911. – 849 с.

126. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXV очередной сессии 1909 года. – Уфа : Электр. типо-лит. Т-ва «Ф.Г. Соловьев и К», 1910. – 828 с.

127. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXII очередной сессии за 1896 год. – Казань : Тип. А.А. Родионова, 1897. – 699 с.

128. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXXI очередной сессии 1905 года. – Чистополь : Тип. Н.Я. Улыбина, 1906. – 988 с.

129. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земского собрания XXV очередной сессии 1899 года. – Казань : Типо-лит. А.А. Родионова, 1900. – 740 с.

130. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений земских собраний 41-й очередной сессии 22 сентября 1915 г. и чрезвычайного собрания XXIV сессии на 19 августа 1915 г. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1916. – 536 с. (с разд. паг.).

131. Сборник докладов Бирской уездной земской управы и постановлений уездного земского собрания XXXIX очередной сессии 30 сентября 1913 года. – Уфа : Электр. типо-лит. Т-ва «Ф.Г. Соловьев и К», 1914. – 882 с. (с разд. паг.).

132. Сборник докладов и журналов по агрономическому отделу 39 очередной – 1913 и 46 чрезвычайной 1914 г. сессий Уфимского губернского земского собрания. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1914. – 268 с. (с разд. паг.).

133. Сборник докладов и постановлений XXXIII чрезвычайного Уфимского губернского земского собрания. – Уфа : Паровая типо-лит. И.П. Зайкова, 1903. – 65 с. (с разд. паг.).

134. Сборник докладов Уфимской уездной земской управы и постановлений чрезвычайного Уфимского уездного земского собрания. 15–17 марта 1885 года. – Уфа : Губ. тип., 1885. – 75 с.

135. Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 53, 54 и 55 чрезвычайных сессий (3 декабря 1916 г., 10 марта и 17 июля 1917 г). (С приложением докладов управы). – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1917. – 71 с.

136. Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года. (9–20 декабря 1913 года). С приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1914. – 1295 с.

137. Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания XXXVII очередной сессии 1911 года. С приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1912. – 809 с.

138. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 53 с.

139. Сборник законов распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач / сост. С.Д. Рудин, С.А. Плавский, Б.Н. Хавский. – СПб. : Губ. тип., 1899. – 180 с.

140. Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии на 1886 год. XII очередной сессии. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1887. – 416 с.

141. Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии. На 1885 год. Одиннадцатой очередной сессии. – Златоуст : Тип. А.И. Сорокина, 1886. – 388 с.

142. Сборник Златоустовского уездного земства, Уфимской губернии. Второй очередной сессии, бывшей в октябре 1876 года. – Златоуст : Тип. А.И. Сорокина, 1877. – 253 с.

143. Сборник постановлений 1-го очередного Уфимского губернского земского собрания. С 16-го января по 6-е февраля 1876 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1876. – 705 с.

144. Сборник постановлений 39 чрезвычайного и 40 очередного Белебеевского уездного земского собрания по агрономическому отделу, земской кассе мелкого кредита и сельскохозяйственному складу. 1914. – Белебей : Тип. В.И. Зубова, 1915. – 356 с.

145. Сборник постановлений 39, 40 и 41 чрезвычайного и 40 очередного Белебеевского уездного земского собрания. За 1914 год. – Белебей : Тип. В.И. Зубова, 1915. – 451 с.

146. Сборник постановлений 45 чрезвычайного Уфимского губернского земского собрания 1 июля 1913 года. С приложением докладов губернской управы. – Уфа : Паровая типо-лит. Н.В. Шаровкина, 1913. – 54 с.

147. Сборник постановлений XIII очередной сессии Стерлитамакского уездного земского собрания 1887 года. – Уфа : Печатня Н.К. Блохина, 1889. – 140 с.

148. Сборник постановлений XXII очередного и IX чрезвычайного Златоустовского уездного земского собрания 1896 г. – Златоуст : Тип. М.Г. Кочерова, 1897. – 480 с.

149. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания по народному образованию. XXXIX очередное и XXXVIII чрезвычайное собрание 1913 года. – Белебей : Тип. А.А. Шумиловой, 1914. – 591 с.

150. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXXI очередное собрание 1905 года. – Белебей : Тип. А.Л. Напалкова, 1906. – 135 с.

151. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXIII очередное собрание 1897 г. – Самара : Губ. тип., 1898. – 541 с.

152. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложениями. XXIX очередное собрание 1903 года. – Белебей : Тип. Ф.П. Бобкова, 1904. – 161 с.

153. Сборник постановлений Белебеевского уездного земского собрания, с приложениями. XXII-е очередное собрание 1896 года. – Самара : Губ. тип., 1897. – 353 с.

154. Сборник постановлений Бирского уездного земского собрания XXXV очередной сессии 1909 г. – Уфа : Электрическая типо-лит. Т-ва «Ф.Г. Соловьев и К», 1910. – 844 с. (с разд. паг.).

155. Сборник постановлений Златоустовского уездного земского собрания XVIII и XIX чрезвычайных и XXXIX очередной сессий 1913 года. С приложениями. – Златоуст : Тип. Т-ва Лебедева и Белякова, 1914. – 1302 с.

156. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVI очередной сессии с 10-го по 23-е октября 1910 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. – Уфа : Паровая типо-лит. Т-ва «Л.Е. Милюков и К», 1911. – 1300 с.

157. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии, с 1 по 13 октября 1911 года. – Мензелинск : Тип. Н-ков Губанова, 1912. – 1316 с.

158. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXIV-й очередной сессии с 4 по 17 октября 1908 г. и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. – Уфа : Паровая типо-лит. Торг. дома «Л.Е. Милюков и И.А. Медведев», 1909. – 864 с.

159. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXV очередной сессии, с 7 по 21 ноября 1909 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. – Уфа : Паровая типо-лит. Торг. дома «Л.Е. Милюков и И.А. Медведев», 1910. – 1015 с.

160. Сборник постановлений первого Уфимского губернского земского собрания. – Уфа : Печатня Н Блохина, 1875. – 60 с.

161. Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 41-й очередной сессии 1915 года. С приложением докладов и отчетов уездной земской управы и заключений ревизионной комиссии. – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1916. – 515 с.

162. Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года. С приложением докладов и отчетов уездной земской управы и заключений ревизионной комиссии. – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1914. – 1828 с.

163. Сборник постановлений Стерлитамакского уездного земского собрания 40-й очередной сессии 1914 года. С приложением докладов и отчетов уездной земской управы и заключений ревизионной комиссии. – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1915. – 861 с.

164. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. X очередное собрание 1884 и VII чрезвычайное 1885 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1885. – 382 с.

165. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 года. – Уфа : Паровая типо-лит. С.М. Гирбасова Н-ки и К, 1905. – 234 с.

166. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XII очередное собрание 1886 г. и XI чрезвычайное 1887 г. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1887. – 642 с.

167. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XX очередное собрание за 1894 года, XXIII и XXIV чрезвычай-

ные собрания 1894/5 г. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1895. – 1000 с. (с разд. паг.).

168. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XVI очередное собрание 1890 г. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1891. – 552 с.

169. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXV очередное собрание 1899 года. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1900. – 918 с. (с разд. паг.).

170. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное собрание и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 года. – Уфа : Паровая типо-лит. С.М. Гирбасова Н-ки и К, 1905. – 234 с.

171. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. IX очередное собрание 1883 и VI чрезвычайное 1884 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1884. – 112 с.

172. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XII очередное собрание 1886 и XI чрезвычайное 1887 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1887. – 642 с.

173. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XIII-е очередное губернское земское собрание 1887 года, XII-е чрезвычайное собрание 1–3 марта 1888 г., XIII-е чрезвычайное собрание 7–9 июня 1888 г. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1888. – 470 с.

174. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXX очередное собрание и XXXVI чрезвычайное собрание 1905 года. – Уфа : Паровая типо-лит. С.М. Гирбасова Н-ки и К, 1905. – 234 с.

175. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. IX очередное собрание 1883 и VI чрезвычайное 1884 года. – Уфа : Печатня Блохина, 1884. – 112 с.

176. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XII очередное собрание 1886 и XI чрезвычайное 1887 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1887. – 642 с.

177. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XII очередное собрание. XII чрезвычайное земское собрание. 1887. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1887. – 642 с.

178. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. X очередное собрание 1884 и VII чрезвычайное 1885 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1885. – 382 с.

179. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXVII очередное собрание 1901 года. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1902. – 231 с.

180. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XXIII очередное собрание 1897 года. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1898. – 883 с.

181. Сборник постановлений Уфимского уездного земского собрания с приложениями. XXXVIII очередное уездное земское собрание 1912 года. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1913. – 1039 с.

182. Сборник постановлений X-го очередного Уфимского уездного земского собрания с приложениями 1884 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1885. – 218 с. (с разд. паг.).

183. Сборник постановлений X-го очередного Уфимского уездного земского собрания с приложениями 1884 года. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1885. – 218 с. (с разд. паг.).

184. Сборник постановлений XXI очередного Златоустовского уездного земского собрания. 1895. – Златоуст : Тип. М.Г. Кочергова, 1896. – 716 с.

185. Сборник постановлений XXI очередного Златоустовского уездного земского собрания 1895 года. – Златоуст : Тип. М.Г. Кочергова, 1896. – 716 с.

186. Сборник постановлений, докладов и отчетов 3-го очередного и 3-го чрезвычайного Стерлитамакских уездных земских собраний. – Уфа : Губ. тип., 1878. – 143 с.

187. Сборник протоколов заседаний Врачебно-санитарного совета при Стерлитамакской уездной земской управе. За 1908–1909 гг. – Уфа : Паровая типо-лит. Торг. дома «Л.Е. Милюков и И.А. Медведев», 1909. – 191 с.

188. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Казань : Тип. Г.М. Вечеслава, 1887. – Т. 1. – Вып. 1 : Города. – 45 с.

189. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Самара : Тип. Н.К. Реутского, 1899. – Т. 2 : Стерлитамакский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895 и 97 гг. / под ред. С.Н. Велецкого. – 1268 с. (с разд. паг.).

190. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1900. – Т. 8 : Определение доходности земельных угодий. – Ч. 1 : Пашня и усадьба. – 239 с.

191. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Уфа : Паровая типо-лит. Ив. П. Зайкова, 1901. – Т. 9 : Доходность городских имуществ. – 146 с.

192. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Уфа : Паровая типо-лит. Т-ва Л.Е. Милюков и К, 1911. – Т. 10 : Фабрики, заводы и промышленные заведения Уфимской губернии. – Ч. 2 : Описание и учет доходности фабрик, заводов, промышленных заведений и рудников Уфимской губернии. – 537 с.

193. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1898. – Т. 1 : Уфимский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895–96 годов / под ред. С.Н. Велецкого. – 773 с.

194. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Уфа : Типо-лит. В.П. Колмацкого, 1900. – Т. 7 : Свод экономических данных по губернии. – Ч. 3 : Историко-статистические таблицы / сост. П.А. Голубев. – 188 с.

195. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому III. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования, собран-

ные и обработанные Д.Н. Тяжельниковым. – Самара : Паровая типо-лит. А.И. Хорош, 1900. – 353 с.

196. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Уфа : Паровая типо-лит. И.П. Зайкова, 1901. – Т. 7 : Свод экономических данных по губернии. – Ч. 2 : Список земельных владений губернии / под ред. С.Н. Велецкого. – 786 с. (с разд. паг.).

197. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. – Уфа : Паров. Типо-лит. С.М. Гирбасова Н-ки и К, 1904. Т. 8 : Определение доходности земельных угодий. – Ч. 4 : Свод доходностей земель и лесов. – 313 с. (с разд. паг.).

198. Сборник статистических сведений по Уфимскому уезду. Отдел хозяйственной статистики. 1884 г. / сост. П.Г. Резанцев. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1885. – 67 с.

199. Сводка постановлений губернского совещания по внешкольному образованию, происходившего с 10 по 18 июля 1915 г. при Уфимской губернской земской управе. – Уфа : Тип. Т-ва «Печать», 1915. – 11 с.

200. Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 г. (учредительные, 1–35 очередные и 1–42 чрезвычайные сессии) : в 3 т. – Уфа : Электр. губ. тип., 1915. – Т. 1. – 1002 с.; Т. 2. – 938 с.; Т. 3. – 814 с.

201. Смета на 1917 г. (земские повинности). – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1917. – 353 с.

202. Смета расходов и доходов Белебеевского уездного земства на 1914 год. – Белебей : Тип. В.И. Зубова, 1914. – 271 с.

203. Смета расходов и доходов Белебеевского уездного земства на 1915 год. – Белебей : Тип. В.И. Зубова, 1915. – 127 с.

204. Смета расходов и доходов Белебеевского уездного земства на 1916 год. – Белебей : Тип. В.И. Зубова, 1916. – 119 с.

205. Смета расходов и доходов Уфимского губернского земства на 1914 год. – Уфа : Типогр. «Печать», 1914. – 306 с.

206. Сметы доходов и расходов и раскладка уездного земского сбора на 1915 год по Бирскому уезду Уфимской губернии. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. – 550 с.

207. Сметы доходов и расходов и раскладка уездного земского сбора на 1916 год по Бирскому уезду, Уфимской губернии. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1916. – 530 с.

208. Сметы и раскладки уездного земского сбора по Златоустовскому уезду, Уфимской губернии, утвержденные XI очередным земским собранием на 1886 год. – Златоуст : Тип. А.И. Сорокина, 1886. – 248 с.

209. Списки мест водворения военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. – М. : Тип. Т-ва. Рябушинских, 1916. – 50 с.

210. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1877. – Вып. 45 : Уфимская губерния. – 334 с. (с разд. паг.).

211. Список книг о войне и о государствах, участвующих в текущей войне. Январь 1915 г. – Б. м. и г. – 13 с.

212. Список лиц, служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в губерниях, областях и градоначальствах. 1903 года (Исправленный по 1 Марта). – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1903. – Ч. 2.

213. Список организаций, ведающих дело помощи беженцам (На 1-ое мая 1916 г.) – М. : Отдел по устройству беженцев, 1916. – Вып. 1 : Европейская Россия. – 158 с.

214. Статистика выборов в земские учреждения за 1883–1886 гг. / разработ. А. Сырневым. – СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1888. – 172 с.

215. Статистические очерки Уфимской губернии. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1882. – Вып. 2. Скотоводство. – 41 с.

216. Труды 2-го съезда земских врачей Уфимской губернии. Протоколы заседаний и доклады секций. 1889 год. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1889. – Вып. 1. – 96 с.

217. Труды комиссии высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Сборник извлечений из узаконений и правительственных распоряжений, изданных с 19 февраля 1861 г. по 1 июля 1879 г., относительно прямых податей, выкупных платежей и поземельных сборов / сост. В. Турбиным. – СПб. : Тип. Киршбаума, 1879. – Т. 2 : Прямые налоги. – Ч. 2. – 248 с.

218. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. – СПб. : Отделение тип. П.П. Сойкина, 1903. – Т. 44. : Уфимская губерния. – 351 с. (с разд. паг.).

219. Труды метеорологической сети Уфимского губернского земства. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1914. – Вып. 1. – 116 с.

220. Труды первого съезда врачей Уфимской губернии с 23 августа по 3 сентября 1883 г. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1883. – 36 с.

221. Труды съезда земских начальников Уфимской губернии. (Отчет по съезду земских начальников, бывшему в г. Уфе 8–14 сентября 1901 г.). – Уфа : Губ. тип., 1901. – 404 с.

222. Труды третьего съезда земских врачей и представителей земств Уфимской губернии. – Уфа : Тип. В.К. Шлегер, 1893. – Вып. 1. – 41 с.

223. Труды Уфимского губернского земского агрономического совета. Созыв XIII. 18–22 ноября 1913. Журналы Совета, журнал соединенного заседания его с Уфимским отделом Московского общества сельского хозяйства и доклады. – Уфа : Электр. губ. тип., 1914. – 150 с.

224. Труды Уфимского отдела Московского общества сельского хозяйства. 1913 год. – Уфа : Электр. типо-лит. Ф.Г. Соловьева, 1915. – 217 с.

225. Труды четвертого губернского совещания врачей и представителей земств Уфимской губернии. – Уфа : Типо-лит. В.К. Шлегер, 1895. – 46 с.

226. Труды школьной комиссии Уфимского губернского земства. Заседание 31 августа, 1 и 2-го сентября 1902 года. – Уфа : Паровая типо-лит. Ив. П. Зайкова, 1902. – Вып. 1. – 133 с.

227. Устав Мензелинской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда с однолетним приготовительным классом : [утв. 9 июля 1891 г. за № 8964]. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1891. – 24 с.

228. Уфимское ветеринарное дело. 1918 г. – Уфа : Типо-лит. Р.Б. Ицкович (Шаровкина), 1918. – 87 с.

229. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 год. (зима-весна). Материалы по текущей статистике за 1900-1901 хозяйственный год. – Уфа : Паровая типо-лит. Ив. П. Зайкова, 1901. – Год 6. – Вып. 1. – 243 с.

230. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 год (лето-осень). Материалы по текущей статистике за 1900–1901 хозяйственный год. – Уфа : Паровая типо-лит. Ив. П. Зайкова, 1902. – Год 6. – Вып. 2. – 551 с. (с разд. паг.).

231. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1906 год. Материалы по текущей статистике. – Уфа : Паровая типо-лит. С.М. Гирбасова Н-ки и К, 1907. – Год 11. – 699 с.

232. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1910. – Уфа : Паровая типо-лит. Т-ва «Л.Е. Милюков и К», 1911. – 112 с.

233. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. – Уфа : Паровая типо-лит. Торг. дома Н.В. Шаровкина и К., 1915. – 860 с. (с разд. паг.).

234. Школьная статистика за 1911–1912 учебный год / сост. по поручению губ. управы С.Ф. Гарденин. – Уфа : Паровая типо-лит. Н.В. Шаровкина, 1913. – 50 с.

235. Школьная статистика. 1913–1914 учебный год. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1915. – 67 с.

236. Штаты служащих в канцелярии Мензелинской уездной земской управы. – Уфа : Б. и., 1911. – 19 с.

IV. Материалы периодической печати и продолжающихся изданий

1. Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1915–1917.
2. Вестник Уфимского земства. 1879–1882.
3. Вперед! 1917–1918.
4. Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. 1916–1917.
5. Земское дело. 1914–1917.
6. Известия Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.
7. Известия Мензелинского Совета крестьянских депутатов. 1917.
8. Известия Уфимского губернского комиссариата. 1917.
9. Календарь-справочник земского деятеля / сост. Б.Б. Веселовский. 1914–1917.
10. Оренбургское земское дело. 1915–1916.
11. Оренбургское продовольственное дело. 1916–1917.
12. Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства. 1915–1917.
13. Социалист-революционер. 1918.
14. Уфимская земская газета. 1906.
15. Уфимские губернские ведомости. 1874–1912.
16. Уфимский вестник. 1914–1917.
17. Уфимский земский календарь. 1909–1913.

Периодическая печать на тюрки

18. Вакыт. 1907–1917.
19. Йолдыз. 1908–1916.
20. Кояш. 1908–1916.
21. Тормыш. 1912–1917.

V. Специальная литература

1. Абсалямов, Ю.М. Помещики Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (по описаниям хозяйств Уфимского уезда) / Ю.М. Абсалямов // Река времени. 2004 : сб. статей – Уфа : ООО «ДизайнПолиграфСервис», 2005. – С. 10–17.

2. Азнабаев, Б.А. Башкирское общество в XVII–XVIII вв. / Б.А. Азнабаев. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. – 367 с.

3. Акманов, А.И. Земельное законодательство. Генеральное межевание и его последствия / А.И. Акманов // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. – СПб., Наука, 2011. – Т. 4. – С. 112–116.

4. Акманов, А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. / А.И. Акманов. – Уфа : Китап, 2007. – 360 с.

5. Аксаков, И.С. Еще об уездном самоуправлении / И.С. Аксаков // Земская идея в истории социально-политической мысли России : антология : в 2 т. / под ред. А.Ю. Шутова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – Т. 2 : Земская идея: от проектов к первым результатам. – С. 5–44.

6. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.

7. Актуализация потенциала исторической науки / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Л.А. Дашкевич, К.И. Зубков, Е.Ю. Казакова-Апкаримова, А.Е Курлаев, Е.А. Курлаев, С.А. Нефедов, И.В. Побережников, Г.Н. Шумкин. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2013. – 272 с.

8. Акшиков, А.Г. Складывание системы оплаты труда земских учителей Уржумского уезда Вятской губернии во второй половине XIX века / А.Г. Акшиков // Вестн. Чувашского ун-та. – 2011. – № 4. – С. 8–11.

9. Алешин, П.Н. Роль института земства в развитии региона: историко-правовой анализ модели земской агрономии Уфимской губернии / П.Н. Алешин. –

М. : Изд-во АНО «Научно-исследовательский ин-т истории, экономики и права», 2016. – 137 с.

10. Амбарцумов Е.А. Интеграция // Философский словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1983. – С. 210.

11. Аминов, Т.М. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века – до 1917 года / Т.М. Аминов. – М. : Наука, 2006. – 348 с.

12. Амирханов, Р.Х. Родословная Кильдибековых / Р.Х. Амирханов // Татарские мурзы и дворяне: история и современность : сб. статей. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – Вып. 1. – С. 133–156.

13. Андреев, С.А. Доходные статьи бюджетов земств Поволжья в середине XIX – начале XX века (по материалам Симбирской и Саратовской губерний) / С.А. Андреев // Известия Самарского научного центра Рос. акад. наук. – 2008. – Т. 10. – № 4. – С. 1018–1022.

14. Андреевский, Н.Ф. Мусульманский мектеб и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове (Исторический очерк) / Н.Ф. Андреевский. – Симферополь : Тип. Тавр. губ. земства, 1908. – 39 с.

15. Анфимов, А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. (1914 – февраль 1917 г.) / А.М. Анфимов. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 383 с.

16. Аптекман, О.В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям / О.В. Аптекман. – Пг. : Колос, 1924. – 460 с.

17. Арнольдов, В.А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии / В.А. Арнольдов // Дневник общества врачей при Казанском университете. – Казань, 1894. – Вып. 4. – С. 227–244.

18. Аронов, Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе / Д.В. Аронов. – М. : Издательская группа «Юрист», 2005. – 412 с.

19. Артамонова, Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (юго-восточные губернии Европейской России) /

Л.М. Артамонова. Самара: Самарский научный центр Рос. акад. наук , 2001. – 392 с.

20. Артамонова, Л.М. Обучение башкирских мальчиков в городских приходских училищах (модернизационный проект 1850 – 60-х гг.) / Л.М. Артамонова // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 1 (45). С. 20–27.

21. Артамонова, Л.М. Сельская школа середины XIX века и модернизация традиционного гендерного воспитания в России / Л.М. Артамонова // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту. Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2017. Ч. 1. С. 282–291.

22. Асфандияров, А.З. Введение кантонной системы управления / А.З. Асфандияров // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. – СПб. : Наука, 2011. – Т. 4. – С. 29–36.

23. Асфандияров, А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.) / А.З. Асфандияров. – Уфа : Китап, 2005. – 255 с.

24. Асфандияров, А.З. Трансформация кантонной системы управления / А.З. Асфандияров // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. – СПб. : Наука, 2011. – Т. 4. – С. 36–41.

25. Атанова, Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора / Л.П. Атанова. – Уфа : Изд-во «Думес», 1992. – 191 с.

26. Ахиезер, А.С. Россия как большое общество / А.С. Ахиезер // Вопр. философии. 1993. № 1. С. 3–19.

27. Ахметшина, А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX века / А.В. Ахметшина. – Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. – 159 с.

28. Баева, Е.Н. Земские начальники и крестьянский мир: региональные особенности (на материалах Поволжья и Южного Урала) / Е.Н. Баева // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. : Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 9 (226). – С. 12–14.

29. Бажаев, В. Развитие вопроса о мелкой земской единице в земской среде в новейшее время (1901–1902 гг.) / В. Бажаев // Мелкая земская единица : сб. статей. – 2-е изд. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1903. – С. 336–350.

30. Баишев, И.Н. Социальный облик учительства Урала первой трети XX века / И.Н. Баишев. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2012. – 196 с.

31. Белоконский, И.П. Земское движение / И.П. Белоконский. – 2-е изд. – М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. – 397 с.

32. Биккузина, А.Х. Башкирская община на Южном Урале в пореформенный период (1865–1900) / А.Х. Биккузина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – 176 с.

33. Блинов, И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк / И.А. Блинов. – СПб. : Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1905. – 366 с.

34. Блюм, А. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине / А. Блюм, М. Меспуле; пер. с фр. В.М. Володина. – М. : РОССПЭН, 2008. – 328 с.

35. Бобровников, Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии. Путевые заметки / Н.А. Бобровников. – СПб. : Сенатская тип., 1913. – 90 с.

36. Бок, В. П.И. Добротворский. Критико-биографический очерк / В. Бок. – СПб. : Типо-лит. А. Лейферта, 1904. – 34 с.

37. Брагин, А.М. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 года) / А.М. Брагин. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. – 153 с.

38. Бржеский, Н.К. Недоимочность и круговая порука сельских обществ: историко-критический обзор действующего законодательства, в связи с практикой крестьянского податного дела / Н.К. Бржеский. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. – 427 с.

39. Брэдли, Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / Дж. Брэдли; пер. с англ. М.Н. Карпец. – М. : Новый хронограф, 2012. – 448 с.

40. Будилович, А.С. Отчет о командировочной поездке тайного советника А.С. Будиловича в Казанский, Оренбургский и Западно-Сибирский учебные окру-

га в октябре, ноябре и декабре 1904 / А.С. Будилович. – СПб. : Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. – 210 с.

41. Валеев, М.А. Власть, либеральное общество и революционное движение в 1905–1907 гг. на примере губернского города Уфы / М.А. Валеев. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – 140 с.

42. Валеева, М.Г. Медресе «Усмания» / М.Г. Валеева // Дорога к храму. История религиозных учреждений города Уфы. – Уфа : Изд-во ЦГИА РБ, 1993. – С. 92–95.

43. Валеева, Н.Г. Библиотечно-просветительская деятельность Казанского и Вятского земств, 1865–1917 / Н.Г. Валеева. – Казань : Аграф, 2005. – 320 с.

44. Василенко, Н. Ковалевский Михаил Евграфович / Н. Василенко // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб. : Типо-лит. И.А. Ефрона, 1895. – Т. 15А (30). – С. 504.

45. Васильчиков, А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах : в 2 т. / А.И. Васильчиков. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1876. – Т. 1. – 502 с. (с разд. паг.); Т. 2. – 545 с.

46. Васильчиков, А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений : в 2 т. / А.И. Васильчиков. – СПб. : Тип. В.В. Пратц, 1872. – Т. 1. – 460 с.; Т. 2. – 545 с.

47. Веретенникова, А.И. Записки земского врача / А.И. Веретенникова. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1984. – 136 с.

48. Верт, П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт; пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.

49. Веселовский, Б.Б. История земства за сорок лет : в 4 т. / Б.Б. Веселовский. – СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. – Т. 1. – 724 с.; Т. 2. – 703 с.; Т. 3. – 722 с.; Т. 4. – 829 с. (с разд. паг.).

50. Витте, С.Ю. Самодержавие и земство : конфиденциальная записка министра финансов С.Ю. Витте (1899 г.) / С.Ю. Витте; предисл. П. Струве. – 2-е изд. – Stuttgart : Verlag und Druck von J. H.W. Dietz Nachf. G.m.b.H., 1901. – 224 с.

51. Владимирова, Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.) / Л.М. Владимирова. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 256 с.

52. Власова, Н.Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875–1918 гг.) / Н.Л. Власова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2012. – 183 с.

53. Волкова, Т.И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губерний Центральной России) / Т.И. Волкова. – Ярославль : ВНД, 2012. – 228 с.

54. Волкова, Т.И. Финансовое обеспечение земских органов самоуправления в России : текст лекций / Т.И. Волкова. – Ярославль : ЯрГУ, 2012. – 64 с.

55. Волкова, Т.И. Ярославское земство и развитие народного здравоохранения и образования в губерниях (1865–1918 гг.) / Т.И. Волкова. – Ярославль : ЯрГУ, 1998. – 88 с.

56. Габдрафикова, Л.Р. Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг. : по материалам органов местного самоуправления / Л.Р. Габдрафикова. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 196 с.

57. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900 (Численность, состав, положение)». М.: Наука, 1985. – 303 с.

58. Галкин, П.В. Земское налогообложение недвижимости Москвы и проблемы взаимодействий органов самоуправления / П.В. Галкин // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 108–123.

59. Галкин, П.В. Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть, 1864–1917 гг. / П.В. Галкин. – М. : Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2012. – 448 с.

60. Гармиза, В.В. Подготовка земской реформы 1864 г. / В.В. Гармиза. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 263 с.

61. Гвоздикова, И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.) / И.М. Гвоздикова. – Уфа : Китап, 2010. – 384 с.

62. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России / Г.А. Герасименко. – М. : Наука, 1990. – 262 с.

63. Герасимов, В.Ф. Очерк деятельности Уфимского губернского земства. К 50-летию введения земских учреждений / В.Ф. Герасимов. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1914. – 40 с.

64. Гиккель, Э.И. Краткий справочник для едущих на кумыс в Уфимскую губернию / Э.И. Гиккель. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1916. – 58 с.

65. Гильмиянова, Р.А. Подвижник книги и просвещения: вклад М.В. Амирова в развитие духовного потенциала Башкирии / Р.А. Гильмиянова. – Уфа : Вагант, 2008. – 167 с.

66. Гиневский, П.Ф. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. / П.Ф. Гиневский. – Уфа : Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1900. – 137 с.

67. Гинзбург, К. Мифы, эмблемы, приметы. Морфология и история / К. Гинзбург. – М. : Новое изд-во, 2004. – 348 с.

68. Главный по снабжению армии комитет. Очерк деятельности. 10 июля 1915 г. – 1 февраля 1916 г. – М. : Типо-лит. Торг. дома «И. Ефимов, Н. Желудкова и К», 1916. – 70 с.

69. Голенкова, З.Т. Гражданское общество в России / З.Т. Голенкова // Социс. 1997. № 3. С. 26–36.

70. Головачев, А.А. Десять лет реформ 1861–1871 / А.А. Головачев. – СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1872. – 398 с.

71. Головин, К. Наше местное управление и местное представительство / К. Головин. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. – 158 с.

72. Головин, К.Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898 / К.Ф. Головин. – СПб. : Тип. Д.В. Чичинадзе, 1899. – 261 с.

73. Горнов, В.А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 1940-х – начала 1990-х гг. / В.А. Горнов. – Рязань : Горизонт, 1997. – 124 с.

74. Горская, Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика 60–80 гг. XIX в. / Н.И. Горская. – М. ; Смоленск : Универсум, 2009. – 247 с.

75. Горская, Н.И. Местное земство и война (из истории Смоленского земства) / Н.И. Горская // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. – 1999. – № 1. – С. 140–160.

76. Градовский, А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский // Собр. соч. : в 9 т. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – Т. 2. – 492 с.

77. Григорьев, П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. 1875–1910 гг. / П.Н. Григорьев. – Уфа : Уфимское губ. земство, 1910. – 160 с.

78. Гуляев, А.А. Очерки кумысолечебных заведений Уфимской губернии / А.А. Гуляев. – Уфа : Электр. губ. тип., 1914. – Вып. 2. – 95 с.

79. Гурий Комиссаров – краевед и просветитель : избр. произведения / сост. А.А. Кондратьев. – Уфа : Изд-во ТГТ, 1999. – 522 с.

80. Давлетбаев, Б.С. Ковалевский Михаил Евграфович / Б.С. Давлетбаев // Башкортостан : краткая энциклопедия. – Уфа : Науч. изд-во «Башкирская энциклопедия», 1996. – С. 338.

81. Давлетбаев, Б.С. Крестьянская реформа 1861 г. в Башкирии / Б.С. Давлетбаев. – М. : Наука, 1983. – 144 с.

82. Давлетбаев, Б.С. Твое шежере. Материалы государственных переписей населения Мечетлинского района Республики Башкортостан (XVIII – начало XX вв.) / Б.С. Давлетбаев, Г.Б. Азаматова. – Уфа : Идель Пресс, 2012. – 355 с.

83. Давыдов, А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: мешочники / А.Ю. Давыдов. – СПб. : Наука, 2002. – 342 с.

84. Де-Ливрон, В.Ф. Статистическое обозрение Российской империи / В.Ф. Де-Ливрон. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1874. – 426 с. (с разд. паг.).

85. Демин, И.Ю. Об историческом опыте и традициях русского земства / И.Ю. Демин, А.Ю. Шутов // Земская идея в истории социально-политической мысли России : антология : в 2 т. / под ред. А.Ю. Шутова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – Т. 1 : Земская идея: теории, отечественный и зарубежный опыт. – С. 1–68.

86. Демис, Л.Н. Земство : политико-экономический сборник / Л.Н. Демис. – 2-е изд. – СПб. : Тип. Л. Демиса, 1864. – Год 1. Земские учреждения. – 232 с.

87. Деятельность Дмитрия Дмитриевича Дашкова по народному образованию в Рязанском земстве и его доклады губернскому земскому собранию за 1869–1875 / под ред. и с предисл. Н.С. Волконского. – Рязань : Тип. губ. правления, 1903. – 195 с. (с разд. паг.).

88. Джераси, Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России / Р. Джераси / авторизов. пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 538 с.

89. Думова, Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции / Н.Г. Думова / отв. ред. В.Я. Лаверычев. – М. : Наука, 1988. – 244 с.

90. Елисафенко, М.К. Народное образование как приоритетное направление в деятельности пермских земств в годы Первой мировой войны / М.К. Елисафенко // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 12. – С. 21–26.

91. Елпатьевский, С.Я. Воспоминания за 50 лет / С.Я. Елпатьевский. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1984. – 360 с.

92. Емалетдинова, Г.Э. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века / Г.Э. Емалетдинова, Р.И. Кантимирова. – Уфа : Гилем, 2010. – 317 с.

93. Ергин, Ю.В. Портреты: Деятели народного образования Башкирии / Ю.В. Ергин. – Уфа : Гилем, 2008. – 294 с.

94. Ефременко, А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины / А.В. Ефременко. – Ярославль : Ремдер, 2002. – 531 с.

95. Железнякова, Ю.Е. Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг. / Ю.Е. Железнякова. – Казань : Казан. гос. энерг. ун-т, 2005. – 204 с.

96. Женина, Л.В. Избирательные процедуры и практики органов местного самоуправления историко-политологический анализ выборного производства в Прикамье / Л.В. Женина // Вестн. Пермского ун-та. Сер. : Политология. – 2013. – № 3 (23). – С. 62–72.

97. Женина, Л.В. Трансформация аграрной культуры уральского крестьянства под влиянием деятельности земств конца XIX – нач. XX вв. / Л.В. Женина // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Сб. науч. статей / отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург : Изд-во «Ин-т истории и археологии УРО РАН», 2015. – С. 136–143.

98. Жукова, Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество. 1864–1917 / Л.А. Жукова. – М. : Хронограф, 1998. – 179 с.

99. Забалуев, В. Годовой медико-санитарный отчет по Стерлитамакскому уезду с 1-го июня 1909 по 1-е июля 1910 г. / В. Забалуев. – Стерлитамак : Тип. Т-ва «Нур», 1910. – 83 с.

100. Загидуллин, И. К. Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. / И.К. Загидуллин // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. – С. 60–83.

101. Загидуллин, И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. / И.К. Загидуллин. – Казань : Татарское кн. изд-во, 2014. – 423 с.

102. Загидуллин, И.К. Татары в органах самоуправления: земских, городских и крестьянских / И.К. Загидуллин // История татар с древнейших времен : в 7 т. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – Т. 6 : Формирование татарской нации XIX – начало XX в. / гл. ред. Р. Хакимов. – С. 477–482.

103. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.

104. Захарова, Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? / Л.Г. Захарова // Отечественная история. – 2005. – № 4. – С. 151–167.

105. Захарова, Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. / Л.Г. Захарова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 178 с.

106. Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 / Л.Г. Захарова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 256 с.

107. Земский феномен: политологический подход. – Саппоро : Slavic research Center Hokkaido University, 2001. – 200 с.

108. Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 мая 2014 г.). – М.; СПб. : ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 253 с.

109. Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. / [отв. ред. Н.Г. Королева]. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2005. – Кн. 1. : 1864–1904. – 428 с.; Кн. 2 : 1905–1918. – 384 с.

110. Золотницкий, В.Н. Путеводитель по кумысолечебным местам. Подробное описание кумысолечебных санаторий, заведений и других мест Самарской, Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний, а также и некоторых других местностей / В.Н. Золотницкий. – 2-е изд. – Н. Новгород : Тип. В. Ройского и Карнеева, 1912. – 268 с.

111. Зорин, Б. Мектебы и медресе русских мусульман / Б. Зорин // Вестн. Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 1. – С. 41–49.

112. Зубков, К.И. Региональная история: проблемное поле и методологические перспективы / К.И. Зубков // Региональные модели исторического общего и профессионального образования. Восьмые Всерос. историко-пед. чтения. Екатеринбург, 2004. С. 31–41.

113. Ивановский, В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Уезды – Слободской, Вятской губернии и Лаишевский,

Казанской губернии / В.В. Ивановский. – Казань : Университетская тип., 1881. – 325 с.

114. Из жизни Благовещенской учительской семинарии / собр. и ред. А. Тарнавский. – Уфа : Изд-во А.Ф. Чижова, 1900. – Кн. 1. – 103 с.

115. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века : в 2 т. – Уфа : Гилем, 2006. – Т. 1. – 240 с.; 2007. – Т. 2. – 368 с.

116. Исхаков, Р.Р. Я.Д. Коблов о культурно-религиозной жизни поволжских мусульман в начале XX в. / Р.Р. Исхаков // Известия Самарского научного центра Рос. акад. наук. – 2008. – Т. 10. – № 1. – С. 60–64.

117. Казанчиев, А.Д. Виктор Петрович Гиневский / А.Д. Казанчиев // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – начало XX в.): персонально-биографический аспект. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – С. 63–69.

118. Казанчиев, А.Д. Уфимская директория 1918 года / А.Д. Казанчиев. – Уфа : Вост. ун-т, 2003. – 115 с.

119. Камкин, П.В. В чем проявилось содействие земств кооперативным учреждениям мелкого кредита Уфимской губернии / П.В. Камкин. – СПб. : Тип. И.Г. Ватсар, 1911. – 16 с.

120. Кантимирова, Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Р.И. Кантимирова. – Уфа ; Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2000. – 173 с.

121. Кантимирова, Р.И. Состав земских участковых начальников в Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века / Р.И. Кантимирова // Актуальные проблемы исторической науки : сб. науч. тр. первых Междунар. Усмановских чтений. – Уфа : Гилем, 2011. – С. 141–147.

122. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад / А. Капеллер / пер. с нем. С. Червонная. М.: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. – 344 с.

123. Карначук, Н.В. Микроистория / Н.В. Карначук // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – С. 283–284.

124. Карпачев, М.Д. Истоки русской революции: легенды и реальность / М.Д. Карпачев. – М. : Мысль, 1990. – 269 с.

125. Каррер Д'Анкос, Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней / Э. Каррер Д'Анкос / Пер. с фр. А.А. Пешкова. 2-е изд. М.: РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Эльцина», 2010. – 431 с.

126. Карышев, Н.А. Земские ходатайства 1865–1884 гг. / Н.А. Карышев. – М. : А.А. Ланг, 1900. – 272 с.

127. Кибардин, Л. Полвека (воспоминания старого врача) /Л.М. Кибардин. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во. 1967. – 160 с.

128. Кильдибеки, Х. Музыка и Ислам / Х. Кильдибеки // Ислам нуры. 1999 – Август (на тат. яз.).

129. Кильдибеков, Г.Н. Магометанские школы (мектебы и медресе) в Мензелинском уезде Уфимской губернии / Г.Н. Кильдибеков. – Мензелинск : Мензелинское уездное земство, 1913. – 78 с.

130. Китанина, Т.М. Война, хлеб и революция / Т.М. Китанина. – Л. : Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1985. – 384 с.

131. Кобзева, Т.А. Земская избирательная система и выборы в местные органы самоуправления в 1907–1916 гг. (на материалах Симбирской губернии) / Т.А. Кобзева // Власть. – 2011. – № 1. – С. 113–117.

132. Кобзов, В.С. Земские инициативы во внешкольном образовании в Оренбургской губернии в 1917 году : к 85-летию проф. А.П. Абрамовского / В.С. Кобзов, И.В. Семенченко // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Сер. : История. – 2009. – № 32 (170). – Вып. 35. – С. 59–64.

133. Коблов, Я.Д. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе / Я.Д. Коблов. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1908. – 20 с.

134. Ковалевский, Е.П. Воспоминания о М.Е. Ковалевском / Е.П. Ковалевский. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1912. – 20 с.

135. Колышко, И.И. Великий распад: Воспоминания / И.И. Колышко; сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 464 с.

136. Кондратьев, А.А. Ученый-просветитель Павел Миронов / А.А. Кондратьев. – Уфа : Китап, 2012. – 128 с.

137. Кондратьев, А.А. Эшпаи – музыканты и композиторы из Кокшамар / А.А. Кондратьев. – Уфа : Информреклама, 2003. – 256 с.

138. Кондратьев, Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н.Д. Кондратьев. – М. : Наука, 1991. – 487 с.

139. Корелин, А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация / А.П. Корелин. – М. : Наука, 1979. – 304 с.

140. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века : в 3 ч. / А.А. Корнилов. – М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. – Ч. 3. – 331 с.

141. Корнилов, Г.Е. Компаративный анализ истории голодовок населения Урала в конце XIX – середине XX в.: направления изучения / Г.Е. Корнилов // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX Всерос. историко-пед. чтения. Екатеринбург, 2016. – Ч. 1. С. 177–185.

142. Корнилов, Г.Е. Формирование системы продовольственной безопасности России в первой половине XX века / Г.Е. Корнилов // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 91–104.

143. Королева, Н.Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.) / Н.Г. Королева. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. – 237 с.

144. Королева, Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914) / Н.Г. Королева. – М. : РОССПЭН, 2011. – 214 с.

145. Коцонис, Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. 1861–1914 / Я. Коцонис; пер. с англ. В. Макарова. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 320 с.

146. Кошелев, А.И. Голос из земства : [сб. статей] : вып. 1 / А. Кошелев. – М. : Тип. В. Готье, 1869. – 231 с. (с разд. паг.).

147. Красильников, М.П. Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. Исторический очерк / М.П. Красильников. – Уфа : Уфим. губ. земство, 1913. – Вып. 1. – 82 с.

148. Красильников, М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии / М.П. Красильников. – Уфа : Уфим. губ. зем., 1902. – 196 с. (с разд. паг.).

149. Красноперов, Е.И. Енапаевская волость. Экономическое исследование / Е.И. Красноперов // Сборник Пермского земства. – Пермь, 1883. – № 1 . – С. 1–189.

150. Красноперов, Е.И. Разбор проекта Осинской уездной земской раскладки, составленного священником Н.Н. Блиновым / Е.И. Красноперов // Сборник Пермского земства. – Пермь, 1883. – № 5. – С. 1–37.

151. Красноперов, И.М. Самарская Башкирия / И.М. Красноперов // Труды Императорского Вольного экономического общества. – СПб., 1885. – Т. 2. – № 6. – С. 192–205; № 7. – С. 368–382.

152. Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. – Златоуст : Тип. Т-ва Лебедева и Белякова, 1914. – 99 с.

153. Краткий очерк о деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию за 1916 г. – Уфа : Печать, 1917. – 24 с.

154. Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. 1875–1917. – Уфа : Печать, 1917. – 15 с.

155. Кривободров, Н.А. Крымский мектеб / Н.А. Кривободров // Педагогический листок. – 1915. – № 1. – С. 24–29; № 2. – С. 114–128; № 3. – С. 199–214.

156. Ксенофонтова, И.А. Книжные памятники из коллекции Дашковых / И.А. Ксенофонтова // Археография Южного Урала: актуальные проблемы архивного дела в современном мире. Материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. – Уфа : Мир печати, 2016. – С. 139–144.

157. Кузьмин, В.Ю. Роль власти и земства в становлении отечественной медицины XVII – начала XX века / В.Ю. Кузьмин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2003. – Т. 3. – № 5. – С. 242–252.

158. Кукушкин, Ю.С. Самоуправление крестьян в России (XIX – начало XXI в.) / Ю.С. Кукушкин, Н.С. Тимофеев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 208 с.

159. Куликов, В.В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика / В.В. Куликов. – Киров : Аверс, 2009. – 335 с.

160. Кулясов А.К. Первый Общеземский съезд по народному образованию в Москве 16–30 августа (Из впечатлений участника Съезда) / А.К. Кулясов. – Казань : Центр. тип., 1911. – 32 с.

161. Курсеева, О.А. Земский либерализм в конце XIX – начале XX вв.: региональный аспект / О.А. Курсеева. – Уфа ; Стерлитамак : Стерлитамакская гос. пед. акад. им. Зайнаб Биишевой, 2008. – 467 с.

162. Курсеева, О.А. С.П. Балахонцев – земский и общественный деятель Уфимской губернии / О.А. Курсеева // Государственное управление на Южном Урале (XVIII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – С. 117–122.

163. Кутлубаев, И.М. Отчет студента-медика И. Кутлубаева командированного Уфимскою Губернскою Земскою Управою для надзора за исполнением обязательных постановлений на кумысных и кумысно-лечебных заведениях в Уфимском уезде летом 1902 г. / И.М. Кутлубаев // Сведения о заразных болезнях и врачебно-санитарной деятельности в Уфимской губернии. – 1902. – № 9. – С. 9–37.

164. Лазаревский, П.И. Самоуправление / П.И. Лазаревский // Мелкая земская единица : сб. статей. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1902. – Вып. 1. – С. 1–61.

165. Лаптева, Л.Е. Земские учреждения в России / Л.Е. Лаптева; отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 132 с.

166. Лаптева, Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века) / Л.Е. Лаптева. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1998. – 152 с.

167. Ленин, В.И. Гонители земства и аннибалы либерализма / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1967. – Т. 5. – С. 21–72.

168. Леонов, Н.И. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Башкирии / Н.И. Леонов. – Уфа : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1993. – 84 с.

169. Леонтович, В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / В.В. Леонтович; пер. с нем. И. Иловайской. – М. : Русский путь. Полиграфресурсы, 1995. – 444 с.

170. Лёвин, С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье / С.В. Лёвин – Тамбов : ТГУ, 2014. – 353 с.

171. Ливен, Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен / пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа, 2007. – 688 с.

172. Литвак, Б.Г. Переворот 1861 года в России : почему не реализовалась реформаторская альтернатива? / Б.Г. Литвак. – М. : Политиздат, 1991. – 302 с.

173. Лохвицкий, А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения / А.В. Лохвицкий. – СПб. : Тип. И. Бочкарева, 1864. – Ч. 1. – 228 с.

174. Любимов, А. Мектебы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда / А. Любимов // Вестн. Оренбургского учебного округа. – 1914. – № 2. – С. 85–94.

175. Любичанковский, С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала 1892–1914 гг.) / С.В. Любичанковский. – Самара; Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – 750 с.

176. Любичанковский, С.В. Преобразование местного управления в России : столичное и региональное видение проблемы (начало XX в.) / С.В. Любичанковский // Новый исторический вестн. – 2007. – № 2 (16). – С. 78–90.

177. Мадариага, И. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. Мадариага; пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 976 с.

178. Макаров, Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии / Н.В. Макаров. – М. : Памятники исторической мысли, 2015. – 392 с.

179. Максимов, К.В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905–1917 гг.) / К.В. Максимов. – Уфа : Уфим. гос. ин-т сервиса, 2003. – 84 с.

180. Маловичко, С.И. Терминологические проблемы изучения истории локуса / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания : сб. статей. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 3–10.

181. Мамаев, А.В. Демократизация городского самоуправления в 1917 г.: Законодательство Временного правительства в муниципальной сфере / А.В. Мамаев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 2. – С. 3–9.

182. Мамут, Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения / Л.С. Мамут // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 96–103.

183. Марискин, О.И. Земские сборы с торгово-промышленного предпринимательства России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Среднего Поволжья) / О.И. Марискин, С.О. Марискин // Экономическая история. – 2013. – № 1 (20). – С. 22–27.

184. Матвеева, Л.Д. Социально-экономические процессы 1917 года в национальных регионах (на примере Башкирии) / Л.Д. Матвеева. – Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2004. – 110 с.

185. Мацузато, К. Продразверстка А.А. Риттиха [Электронный ресурс] / К. Мацузато // Acta Slavica Iaponica. – 1995. – Т. 13. – С. 180–181. – Режим доступа : http://hdl.handle.net/2115/8082.

186. Мацузато, К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция / К. Мацузато // Отечественная история. – 1998. – № 2. – С. 194–200.

187. Медушевский, А.Н. Самоорганизация российской общественности / А.Н. Медушевский // Полис. 2013. № 1. С. 164–169.

188. Микитюк, В.П. Благовещенский медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 76–78.

189. Микитюк, В.П. Род Злоказовых. Екатеринбург: Издательский Дом «СОКРАТ», 2017. – 352 с.

190. Милютин, И.А. Пора нам разобраться. Голос из провинции по поводу проекта реформы местного управления / И.А. Милютин. – СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1888. – Ч. 1. – 62 с.

191. Мирный, С. Адресы земств 1894–1895 и их политическая программа / С. Мирный. – Женева : Укр. тип., 1896. – 63 с.

192. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б.Н. Миронов. – 2-е изд., испр. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 547 с.; – Т. 2. – 568 с.

193. Михайлов, Н.Н. Кумыс и современное положение кумысолечебного дела в России / Н.Н. Михайлов. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1907. – 178 с.

194. Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу / Ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2011. – 176 с.

195. Мордвинцев, Г.В. Уфимский депутат IV Госдумы В.И. Хаустов (1912–1917) / Г.В. Мордвинцев // Первая мировая война и исторические судьбы народов России (к 100-летию начала Первой мировой войны) : сб. науч. статей по материалам межрег. науч. - практ. конф. с междунар. участием (7 февраля 2014 г.). – Уфа, 2014. – С. 165–179.

196. Морозан, В.В. Мелкопоместное дворянство центрально-земледельческого района России в XIX веке / В.В. Морозан // Труды исторического факультета СПбГУ. – 2012. – № 9. – С. 24–25.

197. Муллагулов, М.Г. Лесные промыслы башкир XIX – начала XX вв. / М.Г. Муллагулов. – Уфа : УНЦ РАН, 1994. – 176 с.

198. Наганава, Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского ду-

ховного собрания после 1905 г. / Н. Наганава // Татарские мусульманские приходы в Российской империи : материалы Всерос. науч.- практ. конф. г. Казань, 27–28 сентября 2005 г. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 101–128.

199. Научный вклад профессора В.А. Арнольдова в развитие гигиены и санитарного дела в России (к 150-летию со дня рождения) / А.И. Завьялов, Ю.Ю. Елисеев, И.Н. Луцевич, С.В. Райкова, Н.И. Алексеева // Саратовский науч.-мед. журнал. – 2011. – Т. 7. – № 3. – С. 735–740.

200. Невский, В.А. Исторический очерк первого сорокалетия деятельности Стерлитамакского уездного земства (1875–1914) / В.А. Невский. – Стерлитамак : Стерлитамакское уездное земство, 1914. – 21 с.

201. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. – 664 с.

202. Низамова, М.С. Земства Поволжья и Урала (1864–1914 гг.): социально-экономический аспект / М.С. Низамова. – Казань : Казанский гос. ун-т, 2009. – 268 с.

203. Низамова, М.С. Казанское земство в конце XIX – начале XX вв. Местное самоуправление и земское общественное движение / М.С. Низамова. – Казань : Казанский гос. ун-т, 2003. – 93 с.

204. Никитенко, А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877 гг.) / А.В. Никитенко. – СПб. : Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1905. – Т. 2. – 611 с.

205. Никитина, А.В. Роль съездов врачей в развитии земской медицины Уфимской губернии / А.В. Никитина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 75.

206. Никифорова, О. «Для лучшего усвоения русского языка». Просвещение восточных инородцев и Антон Будилович / О. Никифорова // Родина. – 2011. – № 1. – С. 90–93.

207. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. статей / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. – 335 с.

208. Новая имперская история постсоветского пространства : сб. документов (Библиотека журнала Ab Imperio) / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова и др. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. – 652 с.

209. Обухов, М.И. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы 1912–13 года / М.И. Обухов. – Уфа : Электр. тип. «Печать», 1915. – 92 с.

210. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. – М. : Наука, 2000. – 246 с.

211. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. – 404 с.

212. Осипов, Н.О. Краткий очерк земских статистических исследований / Н.О. Осипов. – Казань : Уфим. губ. зем. управа, 1885. – 115 с.

213. Островкин Д.Л. Журналы Ирбитского уездного земского собрания как источник по истории здравоохранения / Д.Л. Островкин // Десятые Татищевские чтения : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20-21 ноября 2013 года). — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2013. — С. 136-139.

214. Оськин, М.В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. / М.В. Оськин // Вопр. истории. – 2010. – № 3. – С. 144–152.

215. Очерк двадцатипятилетия земской ветеринарной организации в Уфимской губернии: 1888–1913 гг. / сост. А.М. Ксенжопольский. – Уфа : Электр. типолит. Т-ва Ф. Соловьева и К, 1913. – 80 с.

216. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс; пер. с англ. Д. Васильева. – М. : Московская школа политических исследований, 2001. – 415 с.

217. Петровичева, Е.М. Земства Центральной России в период думской монархии (1906 – первая половина 1914 г.) / Е.М. Петровичева. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2001. – 200 с.

218. Петровичева, Е.М. Земства Центральной России в период Первой мировой войны / Е.М. Петровичева. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2001. – 126 с.

219. Пирумова, Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н.М. Пирумова. – М. : Наука, 1986. – 268 с.

220. Пирумова, Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века / Н.М. Пирумова. – М. : Наука, 1977. – 288 с.

221. Писаренко, Э.Е. Александр Дмитриевич Цюрупа / Э.Е. Писаренко // Вопр. истории. – 1989. – № 5. – С. 130–153.

222. Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. – М. : Роспэн, 2006. – 240 с.

223. Побережников, И.В. Поколенческая динамика в социокультурном контексте / И.В. Побережников // Уральский исторический вестн. – 2017. – № 1 (54). – С. 6–11.

224. Полферов, В.Я. Краткий обзор главнейших заразных заболеваний в Уфимской губернии за 1896 г. / В.Я. Полферов. – Уфа : Уфим. губ. земство, 1901. – 82 с.

225. Полянина, О.А. Григорий Владимирович Гутоп – общественный и политический деятель Уфимской губернии / О.А. Полянина // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVIII – начало XX вв.) : персонально-биографический аспект. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 1913. – С. 140–148.

226. Полянина, О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.) / О.А. Полянина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2006. – 268 с.

227. Полянина, О.А. Становление российской системы пенсионного обеспечения муниципальных служащих (на материалах Уфимской губернии) / О.А. Полянина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. – 169 с.

228. Проект сети ветеринарно-врачебных участков в Уфимской губернии. – Уфа : Электро-типо-лит. «Т-во Ф.Г. Соловьева», 1912. – 500 с.

229. Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург: Академкнига, 2000. Т. 1. 1900–1928. – 552 с.

230. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2013. – 360 с.

231. Раимов, Р.М. 1905 год в Башкирии. (Революционное движение в 1905–1907 гг.) / Р.М. Раимов. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 220 с.

232. Рафес, М.Г. Краткий обзор земской медицинской помощи населению Златоустовского уезда в 1910 и 1911 годах и желательные в ней улучшения / М.Г. Рафес. – Златоуст : Тип. Т-ва Лебедева и Белякова, 1912. – 328 с.

233. Ремезов, Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране / Н.В. Ремезов. – М. : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1889. – 312 с.

234. Роднов, М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика / М.И. Роднов // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 110–120.

235. Роднов, М.И. Крестьянство Бирского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов. – Уфа : Гилем, 1997. – 122 с.

236. Роднов, М.И. Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов. – Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2002. – 67 с.

237. Роднов, М.И. Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов. – Уфа : Б. и., 2010. – 131 с.

238. Роднов, М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года / М.И. Роднов. – Уфа : НУР-Полиграфиздат, 1997. – 192 с.

239. Роднов, М.И. Крестьянство Уфимской губернии в 1917 году: Белебеевский уезд / М.И. Роднов, О.И. Дудина // Башкирский край. – Уфа : Башкирский государственный объединенный музей (краеведческий), 1991. – Вып. 1. – С. 74–130; 1992. – Вып. 2. – С. 54–64; 1993. – Вып. 3. – С. 132–152; 1994. – Вып. 5. – С. 121–146.

240. Роднов, М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения / М.И. Роднов. – Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2002. – 312 с.

241. Роднов, М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.) / М.И. Роднов. – Уфа : ДизайнПресс, 2012. – 224 с.

242. Роднов, М.И. Свет из Петербурга / М.И. Роднов. – Уфа : Б. и., 2010. – 157 с.

243. Роднов, М.И. Судьба помещичьего хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) / М.И. Роднов // Река времени. – Уфа : Б. и., 2011. – С. 55–72, 125–144.

244. Роднов, М.И. Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году / М.И. Роднов // Река времени. – Уфа : Б. и., 2012. – С. 111–120.

245. Роднов М.И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа: Альфа-Реклама, 2016. – 216 с.

246. Рождественский, И.И. По вопросу о борьбе с алкоголизмом / И.И. Рождественский. – Уфа : Электр. тип. Т-ва «Печать», 1911. – 48 с.

247. Ромер, Ф. Упорядочение деревни / Ф. Ромер // Русский вестн. – 1898. – Т. 256. – № 8. – С. 351–374; Т. 257. – № 10. – С. 353–376; Т. 258. – № 11. – С. 367–382; 1899. – Т. 259. – № 1. – С. 303–317; Т. 259. – № 2. – С. 759–775; Т. 260. – № 3. – С. 329–341.

248. Руденко, С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки / С.И. Руденко. – Уфа : Китап, 2006. – 376 с.

249. Рындзюнский, П.Г. Утверждение капитализма в России / П.Г. Рындзюнский. – М. : Наука, 1978. – 298 с.

250. Салова, С.В. Буржуазия России в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии / С.В. Салова; под общ. ред. М.В. Астахова. – Самара : Самарский центр аналитической истории и исторической информатики, 2005. – 243 с.

251. Самарское земство: опыт практической деятельности. 1865–1918 / под ред. проф. П.С. Кабытова. – Самара : Самарская Губернская Дума, 2009. – 367 с.

252. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. – 887 с.

253. Самородов, Д.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. / Д.П. Самородов. – Стерлитамак : Изд-во Стерлитамак. гос. пед. ун-та, 1996. – 261 с.

254. Самородов, Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии / Д.П. Самородов. – Стерлитамак : Изд-во Стерлитамак. гос. пед. ун-та, 1999. – 349 с.

255. Селянинова, Г.Д. Уральское учительство в условиях послефевральских преобразований 1917 года / Г.Д.Селянинова // Вестн. Пермского ун-та. Сер. : История. – 2014. – Вып. 4 (27). – С. 104–115.

256. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. – М. : Наука, 2003. – 381 с.

257. Семенченко, И.В. Земство на Южном Урале в 1917–1918 гг. / И.В. Семенченко. – Челябинск : Изд-во ЦНТИ, 2005. – 185 с.

258. Семенченко, И.В. Социально-экономическая деятельность Уральского земства в 1900–1918 гг. / И.В. Семенченко. – Челябинск : Изд-во ЦНТИ, 2006. – 308 с.

259. Скалозубов, Н.Л. Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Пермь : Тип. Губернской Земской Управы, 1893. – 158 с.

260. Скалон, В.Ю. Взгляды на реформу местного управления. Обзор местных отзывов и проектов / В.Ю. Скалон. – М. : Товар. «Печатня С.П. Яковлева», 1884. – 236 с.

261. Скалон, В.Ю. Земские финансы / В.Ю. Скалон // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб. : Типо-лит. И.А. Ефрона, 1894. – Т. 12а. – С. 514–531.

262. Скальковский, К.А. Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни / К.А. Скальковский. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1889. – 519 с. (с разд. паг.).

263. Скачилов, В. Люди подвига и долга / В. Скачилов. – Уфа : Башкнигоиздат, 1973. – 238 с.

264. Слонимский, Л.З. Крестьянские нужды и их исследователи / Л.З. Слонимский // Вестн. Европы. – СПб., 1893. – Т. 2. – Кн. 3/4. – Март-апрель. – С. 296–318.

265. Солженицын, А.И. Как нам обустроить Россию / А.И. Солженицын. – СПб.: Азбука, 2015. – 544 с.

266. Солженицын, А.И. Россия в обвале / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь. 1998. – 208 с.

267. Сперанский, М.М. У истоков финансового права / М.М. Сперанский, Н.И. Тургенев, М.Ф. Орлов; под ред. А.Н. Козырина, сост. А.А. Ялбуганов. – М. : Статут, 1998. – 432 с.

268. Статистические очерки Уфимской губернии. Члена секретаря Уфимского стат. комитета Н.А. Гурвича. – Уфа : Уфим. губ. стат. комитет, 1882. – Вып. 2. – 41 с.

269. Стейнведел, Ч. История формирования идентичности башкир в условиях Российской империи / Ч. Стейнведел // Ватандаш. – 2010. – № 11. – С. 14–37.

270. Стейнведел, Ч.Р. Как Башкирия стала частью Европейской России (1762–1881) / Ч.Р. Стейнведел; пер. с англ. И.В. Кучумова // Башкирия/Башкортостан: пространство, политика, механизмы выживания. – Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2010. – С. 80–108.

271. Степанов, В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора / В.Л.Степанов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 398 с.

272. Судавцов, Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны / Н.Д. Судавцов. – М.; Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. – 718 с.

273. Тагирова, Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века / Л.Ф. Тагирова. – Уфа : УНЦ ИИЯЛ, 2012. – 161 с.

274. Турганова, О.В. Культурно-просветительская деятельность земств Самарской губернии (1864–1917 гг.) / О.В. Турганова. – Уфа : Изд-во ВЭГУ, 2004. – 139 с.

275. Тяжельников, Д.Н. Где нашей стране искать свое спасение / Д.Н. Тяжельников. – Мензелинск : Тип. Н-ков Т.А. Губанова, 1917. – 166 с.

276. Угрюмова, М.В. Документальное наследие российских земств / М.В. Угрюмова. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – 207 с.

277. Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация / Е.В. Алексеева, Е.Т. Артемов, С.В. Голикова и др.; Екатеринбург: АсПУр, 2014. 172 с.

278. Урал в панораме XX века. Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 2000. – 496 с.

279. Усманов, А.Н. Сквозь вихри враждебные / А.Н. Усманов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1976. – 176 с.

280. Усманов, Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период / Х.Ф. Усманов. – М. : Наука, 1981. – 370 с.

281. Усманов, Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии / Х.Ф. Усманов. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1958. – 176 с.

282. Уфимские помещики: типы источников, виды документации / Ю.М. Абсалямов, Г.Б. Азаматова, А.В. Гайнуллина, М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова. – Уфа : ДизайнПресс, 2013. – 204 с.

283. Фархшатов, М.Н. Материалы уфимских земств как источник по истории народного образования в Башкирии в последней четверти XIX в. / М.Н. Фархшатов. // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 88–94.

284. Фархшатов, М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. / М.Н. Фархшатов. – М. : Наука, 1994. – 144 с.

285. Фархшатов, М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.) / М.Н. Фархшатов. – Уфа : Гилем, 2000. – 259 с.

286. Фархшатов, М.Н. Статистическое обследование мусульманских школ Внутренней России Вольным экономическим обществом в 1895–1896 гг.: история проведения, основные результаты / М.Н. Фархшатов // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 1 (75). – С. 65–69.

287. Фахреддин, Ризаэддин. Знаменитые женщины / Ризаэддин бин Фахреддин; пер. и предисл. Р.М. Булгакова // Бельские просторы. – 2008. – № 1. – С. 126–127.

288. Фахреддин, Ризаэддин. Мектеб и закят. Помощь казны и земства / Ризаэддин бин Фахреддин. – Оренбург : Б.и., б. г. – 64 с. (на тюрки).

289. Феклина, О.Б. Миссионерство в Уфимской епархии. 1865–1883 гг. / О.Б. Феклина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – 159 с.

290. Фиш, М.М. Очерк деятельности Стерлитамакской земской глазной лечебницы и очерк распространения трахомы в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии / М.М. Фиш. – Стерлитамак : Тип. А.В. Кузнецова, 1904. – 84 с.

291. Хабермас, Ю. Социоструктурная трансформация публичной сферы / Юрген Хабермас / реферат. пер. с нем. Т. Тягуновой // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2013. С. 226–265

292. Хабермас, Ю. Трансформация политической функции публичной сферы // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии/ под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2013. С. 266–308.

293. Харисова, А.Р. Журналы земских собраний Пермской губернии: к вопросу о происхождении исторического источника / А.Р. Харисова // Вестн. Пермского ун-та. Сер. : История. 2015. № 3 (30). С. 42–51.

294. Холмс, Лэрри. Ценность местной истории / Лэрри Ю. Холмс; пер. с англ. И.Г. Головачевой // Краеведение в развитии провинциальной культуры Рос-

сии. Материалы 2-й науч. конф. – Киров : Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена, 2009. – С. 77–85.

295. Цивилизационное своеобразие Российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2011. – 383 с.

296. Черноухов, Э.А. Врачи Златоустовского казенного горного округа / Э.А. Черноухов // Научные чтения памяти профессора А.З. Асфандиярова «Социально-экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI – XXI вв.)». – Уфа : Педкнига, 2017. – С. 120–125.

297. Черных, А.И. Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) / А.И. Черных // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 173–181.

298. Черныш, М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство / М.И. Черныш. – Пермь : Пермское кн. изд-во, 1959. – 239 с.

299. Чернышева, Е.В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии / Е.В. Чернышева. – Челябинск : Челябинский Дом печати, 2010. – 351 с.

300. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. – М. : Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1899. – 834 с. (с разд. паг.).

301. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история России / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – № 3. – С. 6–25.

302. Шаховской, В.Н. «Sic transit gloria mundi» (так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. / В.Н. Шаховской. – Париж, 1952. – 224 с.

303. Швайцар, Н.М. О кумысном промысле в Уфимской губернии / Н.М. Швайцар. – Уфа : Б. и., 1915. – 102 с.

304. Шевырин, В.М. Российский либерализм (конец XIX в. – 1917 г.) в англо-американской историографии: научно-аналитический обзор / В.М. Шевырин. – М. : ИНИОН АН СССР, 1988. – 51 с.

305. Шелохаев, В.В. Либеральная модель переустройства России / В.В. Шелохаев – М.: РОССПЭН, 1996. – 277 с.

306. Шидловский, С.И. Земство / С.И. Шидловский. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. – 126 с.

307. Шиленков, Н. Оценка и обложение налогами городских недвижимых имуществ / Н. Шиленков. – Уфа : Губ. тип., 1893. – 63 с.

308. Шуляк, Е.В. «Мы вечно будем называть его нашим…». О враче М.В. Вакуленко (1874–1944) / Е.В. Шуляк // Земский врач. – 2016. – № 1–2 (29–30). – С. 9–15.

309. Шутов, А.Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX – начала XX века) / А.Ю. Шутов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 432 с.

310. Эльцин, Б.М. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии / Б.М. Эльцин. – Уфа : Электр. тип «Печать», 1916. – 24 с.

311. Эльцин, Б.М. Краткий обзор состояния земской медицины в Бирском уезде за 1913 год / Б.М. Эльцин. – Уфа : Типо-лит. О.Г. Соловьева, 1914. – 84 с.

312. Эммонс, Т. Проблема социальной интеграции («слияния сословий») в русском земстве / Т. Эммонс // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы Междунар. конф. Москва 14–15 июня 1994 г. / отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 209–215.

313. Юбилейный земский сборник : 1864–1914 / под ред. Б.Б. Веселовского и З.Г. Френкеля. – СПб. : Изд-во Т-ва О.Н. Поповой, 1914. – 502 с. (с разд. паг.).

314. Юлдашбаев, А.М. Земельный вопрос и национальные отношения в Башкортостане в начале XX века / А.М. Юлдашбаев. – Уфа : Гилем, 2007. – 72 с.

315. Юрьев, А.А. Отчет Уфимского комитета Всероссийского союза городов с начала войны по 1-е ноября 1915 г. / А.А. Юрьев. – Уфа, 1916. – 104 с.

316. Яковенко, В. Наше земское представительство / В. Яковенко // Северный вестн. – 1890. – № 1. – С. 15–31.

317. Якубова, Р.Х. Елпатьевский С.Я. / Р.Х. Якубова // Башкирская энциклопедия : в 7 т. – Уфа : Науч. изд-во «Башкирская энциклопедия». – Т. 2. – С. 552.

318. Ямаева, Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение / Л.А. Ямаева. – Уфа : Гилем, 2002. – 300 с.

319. Янсон, Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах / Ю.Э. Янсон. – СПб. : Тип. Стасюлевич, 1877. – 26 с.

320. Ярцев, А.А. Правоприменительная практика сената как верховного административного суда. 1864–1890 гг. (по материалам споров губернаторов с земскими органами самоуправления) / А.А. Ярцев // Правоведение. – 2013. – № 5 (310). – С. 243–256.

321. Seregny, Scott. Zemstvos, Peasants, and Citizenship : The Russian Adult Education Movement and World War I / Scott J. Seregny // Slavic Review. – 2000. – V. 59. – № 2. – P. 290–329.

322. Steinvedel, Charles. Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552–1917 / Charles Steinvedel. – Indiana University Press, 2016. – 398 p.

323. The Zemstvo in Russia : an experiment in local self-government / ed. by T. Emmons and W.S. Vucinich. – Cambridge University Press, 1982. – 452 p.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Алешин, П.Н. Деятельность Уфимского губернского земства в развитии агрономии края : 1875–1917 : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Алешин Павел Николаевич. – Уфа, 2010. – 241 с.

2. Беседовская, А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX века) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Беседовская Анна Викторовна. – Оренбург, 2004. – 330 с.

3. Богатырева, О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917 г.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Богатырева Ольга Николаевна. – Екатеринбург, 2004. – 434 с.

4. Вагапов, Н.А. Проблемы образования и воспитания в татарской периодической печати: 1907–1916 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Вагапов Назип Ахатович. – Казань, 2006. – 201 с.

5. Галкин, П.В. Местное самоуправление и государственная власть во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Московской губернии) : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02 / Галкин Павел Владимирович. – М., 2013. – 647 с.

6. Гареева, М.П. Развитие просвещения среди марийцев Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Гареева Марианна Павловна. – Йошкар-Ола, 2011. – 204 с.

7. Горнов, В.А. История земства России второй половины XIX – начала XX вв. и ее отражение в отечественной исторической науке. (1946–1995) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02; 07.00.09 / Горнов Владимир Анатольевич. – М., 1996. – 20 с.

8. Елисафенко, М.К. Земство и начальное образование на Урале, вторая половина XIX – начало XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Елисафенко Марина Константиновна. – Екатеринбург, 1996. – 260 с.

9. Женина, Л.В. Земства Урала: взаимодействие с властными структурами и обществом (1890–1907 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Женина Лариса Викторовна. – Пермь, 2004. – 300 с.

10. Женина Л.В. Земства Урала: взаимодействие с властными структурами и обществом (1890–1907 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Женина Лариса Викторовна. – Пермь, 2004. – 24 с.

11. Зигангирова, Г.Р. Система органов местного самоуправления Казанской губернии в середине XIX – начале XX века (организация и место в общественно-политической жизни) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Зигангирова Гульназ Рашитовна. – Казань, 2003. – 210 с.

12. Казакова-Апкаримова, Е.Ю. Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна. – Екатеринбург, 2011. – 654 с.

13. Кортунов, А.И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII – XIX вв. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Кортунов Алексей Иванович. – Уфа, 2004. – 265 с.

14. Кузьмин, В.Ю. История земской медицины России и влияние на нее государства и общественности: 1864 – февраль 1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Кузьмин Владимир Юрьевич. – Самара, 2005. – 527 с.

15. Кузьмин, В.Ю. История земской медицины России и влияние на нее государства и общественности : 1864 – февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Кузьмин Владимир Юрьевич. – Оренбург, 2005. – 45 с.

16. Курошева, М.*С.* Становление Смоленского земства *(*1864–1889 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Курошева Мария Сергеевна. – Брянск, 2015. – 229 с.

17. Лёвин, С.В. Становление и развитие земской статистики в Поволжье: 1882–1917 гг. : автореф. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Лёвин Сергей Владимирович. – Саратов, 2015. – 44 с.

18. Львова, Т.Н. Московское земство в 1865–1890 гг. Социальный состав и практическая деятельность : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Львова Т.Н. – М., 1968. – 22 с.

19. Мамонт, Е.В. Земские начальники Самарской и Уфимской губерний в 1891–1914 гг.: направления деятельности и социальный облик : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Мамонт Екатерина Владимировна. – Челябинск, 2017. – 222 с.

20. Марискин, О.И. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Марискин Олег Иванович. – Саранск, 2004. – 514 с.

21. Марискин, О.И. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века: по материалам Среднего Поволжья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Марискин Олег Иванович. – Саранск, 2004. – 46 с.

22. Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 – февраль 1917) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Нагорная Мария Сергеевна. – Курган, 1999. – 206 с.

23. Никитина, А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Никитина Алена Вадиковна. – Уфа, 2009. – 209 с.

24. Ризванова, Т.Р. Губернские власти и органы местного самоуправления Южного Урала в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ризванова Татьяна Рафисовна. – Уфа, 2011. – 239 с.

25. Стефанова, И.И. Вятское земство в пореформенный период : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Стефанова Ирина Игоревна. – Ленинград, 1974 – 20 с.

26. Хайкина, Н.Л. Земские учреждения Самарской губернии в 1864–1881 годах : автореф. дис. … канд. ист. наук / Хайкина Нелла Львовна. – Куйбышев, 1961. – 20 с.

27. Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы : автореф. ... д-ра ист. наук / Черноухов Эдуард Анатольевич. Екатеринбург, 2017. – 40 с.

28. Чернышева, Е.В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.09 / Чернышева Елена Викторовна. – Челябинск, 2011. – 687 с.

29. Юсупов, М.Р. Культурно-просветительная деятельность земств Урала (1864 – февраль 1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Юсупов Марат Рамзисович. – Челябинск, 1999. – 241 с.

30. Ярцев, А.А. Государственная власть и земские учреждения 1864–1890 : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ярцев Андрей Анатольевич. – СПб., 2003. – 519 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Карта-схема Уфимской губернии (1865–1917 гг.)

Приложение Б

Список председателей земских управ Уфимской губернии (1875–1917 гг.)

Название управы и фамилия, имя, отчество ее председателя	Годы службы
1	2
Губернская земская управа	
Дашков Андрей Дмитриевич	1875–1884
Миклашевский Иван Дмитриевич	1884–1887
Мирославский Андрей Андреевич	1888–1892
Брудинский Михаил Дмитриевич	1892–1898
Новиков Александр Валентинович	1898–1901
Балахонцев Сергей Петрович	1901–1903
Коропачинский Петр Флегонтович	1904–1916
Уфимская уездная земская управа	
Топорнин Дмитрий Андреевич	1875–1876
Федоров Сергей Николаевич	1876–1878
Бабкин Петр Александрович	1878–1879
Поляков Николай Васильевич	1879–1887
Новиков Александр Валентинович	1887–1888
Гиневский Петр Филлипович	1888–1906
Бочков Виктор Федорович	1906–1908
Миклашевский Григорий Иванович	1908–1909
Харитонов Константин Петрович	1909–1912
Баженов Анатолий Владимирович	1912–1917
Стерлитамакская уездная земская управа	
Орлов Николай Васильевич	1878–1879
Дурасов Дмитрий Николаевич	1879–1881
Пономарев Калентий Федорович	1881–1882
Бухвостов Николай Васильевич	1882–1890
Биркель Петр Александрович	1890–1900
Депрейс Николай Петрович	1900–1903; 1914–1917
Осипов Александр Николаевич	1903–1906
Дурасов Николай Дмитриевич	1906–1914

Окончание приложения Б

1	2
Белебеевская уездная земская управа	
Бунин Иван Михайлович	1876–1883; 1885–1886
Ахтямов Абусугут Абдулхаликович	1883–1885
Сыртланов Шахъхайдар Шахъгарданович	1888–1892
Кротков Иван Викторович	1892–1901
Бунин Василий Иванович	1901–1904; 1910–1917
Блюменталь Юлий Юльевич	1904–1907
Биглов Мухаметакрам Мухаметжанович	1907–1909
Братцев Сергей Андреевич	1909–1910
Мензелинская уездная земская управа	
Катанский Петр Николаевич	1875–1877; 1882–1883
Останков Михаил Матвеевич	1877–1878; 1883–1894
Резанцев Василий Иванович	1878–1881
Молоствов Владимир Вадимович	1894–1897
Мазуревский Иосиф Иосифович	1897–1904
Товарищев Николай Павлович	1904–1907
Катанский Николай Васильевич	1907–1910; 1916–1917
Алгазин Сергей Сергеевич	1910–1915
Бирская уездная земская управа	
Ермолов Николай Александрович	1875–1878
Шестаков Федор Евграфович	1878–1894
Кощеев Владимир Григорьевич	1894–1909
Балахонцев Леонид Петрович	1909–1912
Никифоров Петр Алексеевич	1912–1917
Златоустовская уездная земская управа	
Бунаков Александр Григорьевич	1875–1879
Злоказов Федор Алексеевич	1879–1882
Басимов Ахметзян Басимович	1882–1897
Коропачинский Петр Флегонтович	1898–1901
Сычев Алексей Алексеевич	1901–1904
Аистов Иван Степанович	1904–1917

Источники: Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств : к сорокалетию существования земств в Уфимской губернии, 1875–1914. Уфа, 1915; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1914 год. Уфа, 1914. С. 90, 159; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1915 год. Уфа, 1915. С. 45, 90, 108, 127, 145, 160; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1916 год. Уфа, 1916. С. 19, 45, 108, 127, 146, 162; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа, 1917. С. 45, 87, 106, 124, 142, 158.

Приложение В

Штат должностей Уфимского губернского земства в 1894 г.

1. Список должностей, существующих по Уфимскому губернскому земству

№ п/п	Название должности	Число должностей	Примечание
1	2	3	4
1	Санитарный врач	1	Пользуется правами гос. службы по чинопроизводству, но без права на пенсию
2	Старший врач губернской больницы	1	Пользуется правами гос. службы
3	Ординатор	1	То же
4	Врач, заведующий психиатрическим отделением больницы	1	
5	Ординатор того же отделения	1	
6	Провизор губернской больницы	1	
7	Помощник провизора	1	
8	Смотритель богоугодных заведений	1	Пользуется правами гос. службы
9	Фельдшер при губернской больнице	3	Из них один пользуется правами гос. службы
10	Фельдшер психиатрического отделения больницы	4	Из них 3 фельдшера-надзирателя
11	Губернский ветеринар	1	Могут пользоваться правами гос. службы по чинопроизводству, но без права на пенсию
12	Участковый ветеринар	18	
13	Землемер, заведующий межевым отделом губернской управы	1	Причислен к межевой канцелярии с откомандированием в ведение губернского земства
14	Техник для наблюдения за земскими зданиями и дорожными сооружениями	1	Причислен к МВД по техническому комитету с откомандированием в ведение губернского земства

Окончание таблицы

1	2	3	4
15	Губернский агроном	1	
16	Секретарь губернской управы	1	
17	Бухгалтер	1	
18	Казначей	1	
19	Помощник бухгалтера	1	
20	Делопроизводитель	6	
21	Письмоводитель богоугодных заведений	1	Пользуется всеми правами гос. службы

2. Список должностей по Уфимскому губернскому земству, которым предполагается присвоить права государственной службы

№ п/п	Название должности	Штатное число	Класс должности	Размер содержания, из которого производились вычеты в пенсион. капитал, р.	Разряды пенсий (Уст. о пенс. ст. 55)	Примечание
1	2	3	4	5	6	7
1	Санитарный врач	1	VIII	1800	См. примеч. 1	Предположения управы относительно мед. персонала губернской больницы с психиатрич. отделением изложены в докладе о введении нового лечебного устава
2	Врач, заведующий психиатрич. отделением губернской больницы	–*	–			
3	Ординатор того же отделения	–	–			
4	Фельдшер губернской больницы	–	–			
5	Фельдшер психиатрич. отделения	–	–			
6	Губернский ветеринар	1	VIII	1800	См. примеч. 2	
7	Участковый ветеринар	18	VIII	1000		
8	Землемер, заведующий межевым отделом губернской управы	1	VII	1800	См. примеч. 3	Назначается из лиц, получивших образование в высших или средних межевых учебных заведениях

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
9	Техник для наблюдения за земскими зданиями и дорожными сооружениями	1	VII	2400	См. примеч. 4	Назначается из числа лиц, получивших звание гражданского инженера или инженера путей сообщения
10	Губернский агроном	1	VII	1800	См. примеч. 5	Назначается из лиц, окончивших курс в высших с.-х. учебных заведениях
11	Секретарь губернской управы	1	VIII	1200	Ст. 6	
12	Бухгалтер	1	IX	1200	Ст. 6	
13	Казначей	1	IX	1200	Ст. 6	
14	Делопроизводитель	6	X	600	Ст. 7	

Примечания: 1. Желательно, чтобы должности санитарного врача губернского земства был присвоен размер пенсии, равный со старшими по губернии уездными врачами.

2. Размер пенсии участковым ветеринарам присвоить такой же, какой присвоен сверхштатным пунктовым ветеринарам ведомства Министерства внутренних дел, а губернскому земскому ветеринару – в несколько большем размере.

3. Пенсия землемеру губернского земства должна быть сравнена с таковою губернскому землемеру, так как оклады получаемого ими содержания равны.

4. Размер пенсии технику губернского земства должен быть определен по 2-й степени 3-го разряда табели, приложенной к ст. 55 уст. пенс., так как размер получаемого им содержания значительно превышает содержание губернских инженера и архитектора.

5. Пенсия губернскому агроному может быть приурочена по размеру к пенсиям, назначаемым лесным ревизорам ведомства Государственных имуществ.

* – прочерк означает отсутствие сведений.

Источник: Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с приложениями. XX очередное собрание за 1894 года, XXIII и XXIV чрезвычайные собрания 1894/5 г. Уфа, 1895. С. 877–879.

Приложение Г

Список сельских кооперативов
в Уфимской губернии на 19 ноября 1913 г.

	Уезды, название кооператива	Год открытия
1	2	3
	Уфимский уезд	
1	Ауструмская маслодельная артель	1905
2	Ново-Троицкая маслодельная артель	1908
3	Уральская маслодельная артель	1908
4	Катав-Ивановская маслодельная артель	1908
5	Уфимский отдел общества птицеводства	1909
6	Уфимское общество пчеловодства, садоводства и огородничества	1909
7	Аксаковское общество рыбоводства	1910
8	Зуевское с.-х. общество	1911
9	Ауструмский контрольный союз	1912
10	Иглинское с.-х. общество	1913
11	Языковское с.-х. общество	1913
12	Калинниковское с.-х. общество	1913
13	Базилевское с.-х. общество в немецкой колонии № 7	1913
	Стерлитамакский уезд	
1	Бакалдинское с.-х. общество	1911
2	Ново-Кармалинское пчеловодное товарищество	1912
3	Юрковское с.-х. общество (д. Юрковка Дедовской волости)	1913
4	Покровское с.-х. общество	1913
	Белебеевский уезд	
1	Покровское с.-х. общество	1908
2	Белебеевское эстонское с.-х. общество	1908
3	Ореховское с.-х. общество	1912
4	Кандры-Кутуевское пчеловодное товарищество	1912
5	Линдовская маслодельная артель	1912
6	Шаранское с.-х. общество	1913
7	Верхне-Троицкое с.-х. общество	1913
8	Зириклинское с.-х. товарищество	1913
9	Умаровское с.-х. товарищество	1913
10	Слаковское пчеловодное товарищество	1913
11	Пчеловодное товарищество в Белебее	1913

Продолжение Приложения Г

1	2	3
	Мензелинский уезд	
1	Мензелинское общество пчеловодства (закрыто)	1900
2	Бетькинская маслодельная артель	1910
3	«Колос», с.-х. товарищество	1913
4	Беркет-Ключ, с.-х. товарищество	1912
5	Бурмистровское с.-х. общество	1913
6	Заинское с.-х. общество	1913
7	Старо-Ахмет-Абызовское пчеловодное товарищество	1913
8	Ново-Усовское пчеловодное товарищество	1913
9	Заинское пчеловодное товарищество	1913
10	Александро-Карамалинское пчеловодное товарищество	1913
	Бирский уезд	
1	Емаш-Павловское с.-х. общество	1909
2	Черауловское с.-х. общество	1912
3	Больше-Гординская маслодельная артель	1912
4	Атняшинское с.-х. общество	1912
5	Ельдякское с.-х. общество	1912
6	Черауловская маслодельная артель	1912
7	Ново-Троицкое с.-х. товарищество	1912
8	Ново-Троицкое общество пчеловодства	1913
9	Накаряковское с.-х. общество	1913
10	Ново-Петровская маслодельная артель	1913
11	Байкибашевское с.-х. товарищество	1913
12	Бураевское пчеловодное товарищество	1913
13	Черауловское пчеловодное товарищество	1913
14	Артель Андреево-Вознесенская по выработке ульев и искусственной вощины	1913
	Златоустовский уезд	
1	Тастубинское с.-х. общество	1901
2	Усть-Икинское с.-х. общество	1907
3	Сальевское с.-х. общество	1907
4	Леузинское с.-х. общество (закрыто)	1907
5	Александровская маслодельная артель (закрыта)	1910
6	Кусинская маслодельная артель	1910
7	Тюбелясовская маслодельная артель (закрыта)	1910
8	Юрюзанская маслодельная артель	1911
9	Тюлюкская маслодельная артель	1911
10	Аршинская маслодельная артель	1911
11	Незабудкинская маслодельная артель	1911

Окончание Приложения Г

1	2	3
12	Минская маслодельная артель	1911
13	Златоустовское с.-х. общество	1912
14	Вознесенское с.-х. общество	1912
15	Шикорнинское с.-х. общество	1912
16	Абдрезякская маслодельные артели	1912
17	Лаклинская	
18	Насибашевская	
19	Сосновская	
20	Нижне-Бибинское с.-х. товарищество	1912
21	Абдрезяко-эстонское с.-х. общество «Дружба»	1913
22	Ново-Петропавловская маслодельная артель	1913
23	Айлинская маслодельная артель	
24	Айлинское товарищество по улучшению скота	1913
25	Месягутовское товарищество по улучшению скота	1913

Источник: Труды Уфимского губернского земского агрономического совета. Уфа, 1914. Созыв 13 : 18–22 ноября 1913 г. С. 79–81.